РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Санкт-Петербургский институт истории

На правах рукописи

Кротова Мария Владимировна

СССР и российская эмиграция в Маньчжурии (1920-е – 1950-е гг.)

Специальность 07. 00. 02 – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук

Научный консультант: д.и.н. Рупасов Александр Иванович

Санкт-Петербург

2014

Оглавление

Введение с. 3–29

Глава 1. Формирование советской колонии в Маньчжурии в 1920-е гг. с. 30–131

1.1. Появление СССР в Маньчжурии с. 30–62

1.2. Образование советской колонии в Маньчжурии с. 62–100

1.3. Советская политика в Маньчжурии в 1924-1929 гг. с. 100–131

Глава 2. Советская и эмигрантская колонии в Маньчжурии в 1924 – 1931 гг. с. 132–242

2.1. Характеристика эмигрантской колонии в Маньчжурии в 1920-х гг. с. 132–155

2.2. Формирование культурной идентичности советской и эмигрантской колоний в Маньчжурии с. 155–194

2.3. Советские граждане и русские эмигранты в советско-китайском конфликте на КВЖД 1929 года с. 194–220

2.4. Последствия советско-китайского конфликта 1929 г. и дальнейшее размежевание советской и эмигрантской колоний с. 220–242

Глава 3. Эмигранты и советские граждане в Маньчжурии в условиях японской оккупации в 1932 – 1945 гг. с. 243–366

3.1. Изменение положения советских граждан и эмигрантов после оккупации Японией Маньчжурии в 1932 – 1935 гг. с. 243–275

3.2. Продажа КВЖД с. 275–299

3.3. Советская колония в Маньчжурии после продажи КВЖД с. 299–322

3.4. Разделение эмиграции на оборонцев и пораженцев с. 322–366

Глава 4. Русская колония в Маньчжурии в послевоенный период (1945 – начало 1960-х гг.) с. 367–452

4.1. Изменения в жизни русской колонии в Маньчжурии в 1945 – 1946 гг. с. 367–396

4.2. Русская колония в Маньчжурии в 1946 – 1954 гг. с. 396–427

4.3. Репатриация советских граждан в СССР, реэмиграция и массовый выезд из Маньчжурии в 1950-х – начале 1960-х гг. с. 427–452

Заключение с. 453–457

Список сокращений с. 458–461

Список используемой литературы и источников с. 462–481

Приложение с. 482–536

Введение

Актуальность исследования

Маньчжурия (Северо-Восток Китая) в первой половине XX века стала ареной политических конфликтов и несколько раз оказывалась в эпицентре мировой истории. В первой половине XX века здесь была значительная русская колония – одна из самых крупных за пределами страны, которая пережила несколько серьезных кризисов, изменивших ее внутреннюю структуру. К середине 1920-х гг., с переходом КВЖД в совместное советско-китайское управление, русское население разделилось на советскую и эмигрантскую колонии, которые вынуждены были до начала 1960-х гг. уживаться вместе.

Так же как в свое время власти Российской империи, руководство СССР рассматривало Маньчжурию в качестве сферы влияния советского государства вследствие того, что на севере этой территории проходила КВЖД, построенная на российские деньги и обслуживавшая преимущественно российские экономические интересы. Маньчжурское направление стало одним из основных в советской внешней политике на Дальнем Востоке. На протяжении 1920-х – 1950-х гг. влияние СССР на русскую колонию в Маньчжурии было значительным, но и российская эмиграция, в свою очередь, оказывала воздействие на советскую политику в этом регионе. Отношения между СССР и эмиграцией принимали различные формы и были важным аспектом и внешней, и внутренней политики Советской власти.

Актуальность изучения взаимоотношений СССР и российской эмиграции в Маньчжурии не исчерпывается только политическими факторами. Раскол российского общества в ходе революции и гражданской войны на сторонников новой советской власти и ее противников отразился на изменении культурных ориентиров, идеологических и ментальных установок русских людей. На примере отношений советской и эмигрантской колоний есть возможность анализа процессов не только противостояния «красных» и «белых» на территории Маньчжурии, но и, что представляется более важным, взаимодействия и взаимовлияния двух лагерей. Исследование взаимоотношений советской и эмигрантской колоний в Маньчжурии необходимо для разрушения сложившихся стереотипов о «красных» и «белых», изучения механизмов советизации, стратегий поведения людей в новых исторических условиях, взаимоотношений власти и общества. Проблема понимания и восприятия чужой культуры, сохранения идентичности, возможности компромисса и сосуществования разных социальных групп приобретает все большую актуальность в современном мире. Опыт сосуществования двух лагерей - советского и эмигрантского – в Маньч-

чжурии на протяжении четырех десятилетий приобретает особое значение в условиях поляризации современного российского общества, поиска путей объединения различных социальных слоев.

Степень разработанности темы

Специального обобщающего исследования, предметом которого явились бы взаимоотношения советской и эмигрантской колоний в Маньчжурии, до настоящего времени не проводилось. Между тем политика СССР в Маньчжурии, а также история российского присутствия в Северо-Восточном Китае в различных аспектах неоднократно затрагивались в научной литературе. Историографию проблемы можно условно разделить на советскую, зарубежную и постсоветскую.

Интерес советских исследователей к изучению русской колонии в Маньчжурии имел «волнообразный» характер и зависел от внешнеполитической ситуации и советско-китайских отношений. В 1920-е гг. Китай и Маньчжурия были в центре внимания в связи с установлением дипломатических отношений между СССР и Китаем, переходом КВЖД в совместное советско-китайское управление, открытием прямого железнодорожного сообщения через Маньчжурию. Одним из первых на сложный узел международных отношений в Маньчжурии обратил Б.А. Романов[1]. В своем небольшом очерке он поставил в историческую перспективу основные факты русской политики на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв., определил значение КВЖД как центрального пункта международной политики СССР, Китая и Японии[2].

В период 1920-х гг. в СССР появилось много публикаций, которые в большинстве своем носили описательный характер. Это статьи и небольшая работа А.Д. Киржница, книга Е. Полевого, статьи Б. Семенова, А.Е. Ходорова, Т. Драудина, А. Ивина, Н. Изгоева и др.[3]. В этих работах анализировалась работа КВЖД при совместном советско-китайском управлении, задачи советской политики в Маньчжурии. Акцент делался на

---

[1] *Романов Б.А*. Основные моменты в русской политике на Дальнем Востоке в 1892 – 1925 гг.//Сибирские огни (Новосибирск). 1926. № 4. С. 98 – 116.

[2] Вскоре вышла в свет монография Б.А. Романова, посвященная истокам «маньчжурской проблемы», приведшей к далеко идущим последствиям: *Романов Б.А*. Россия в Маньчжурии (1892 – 1906). Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л., 1928.

[3] *Драудин Т*. Харбин //Вечерняя Москва». 1927. 15 ноября; *Ивин А*. Письма из Китая. От Версальского договора до советско-китайских соглашений. М-Л: Московский рабочий, 1927; *Изгоев Н*. Белый омут // Известия. 1929. 17 июля; *Киржниц А*. В полосе отчуждения КВЖД //Сибирские огни. 1924. Кн. 3. С. 138–151; *Его же*. У порога Китая. М: изд-во «Красная новь», 1924; *Полевой Е*. По ту сторону китайской границы. Белый Харбин. М.-Л.: «Госиздат», 1930; *Святицкий В.И.* Достижения советской администрации в деле эксплуатации КВЖД за период 1925 – 1928 гг. //Транспорт и хозяйство. 1929. № 9. С. 140–161; *Семенов Б.* Китай и СССР //О Китае. Политико-экономический сборник (под ред А. Лозовского). М.-Л.: Госиздат, 1928. С. 141–160; *Ходоров А.Е*. Чжан Цзолин и Китайская Восточная железная дорога //Международная жизнь. 1926. № 10. С. 20–36.

успехах СССР в Китае, в том числе и в управлении КВЖД, хотя в статье Б. Семенова (псевдоним Б.Н. Мельникова) при анализе паритетного управления КВЖД было указано на конфликты между местными маньчжурскими властями и советской частью КВЖД.

В этот период в историографии был сформирован контрреволюционный образ эмиграции в Маньчжурии. Собственно сам термин «эмиграция» в советских работах не использовался, его заменяли словами «белогвардейцы» или «белобандиты». Полоса отчуждения КВЖД считалась «осиным гнездом контрреволюции», базой «злейших врагов Советской республики», появился устойчивый штамп «белый Харбин». Т. Драудин в своей статье противопоставил «белому», «гнилому и продажному» Харбину – «рабочий» Харбин, населенный советскими гражданами[4].

Тему противопоставления «советского» и «русского» Харбина продолжил Е. Полевой в своей книге «Белый Харбин», причем «советский» Харбин, по мнению автора, растворялся в «русском», «беженском» Харбине. Говоря о русской колонии в Маньчжурии в 1920-х гг., он указал на особенность харбинского общества – «противоестественное соединение самых разнообразных и плохо сливающихся в единое целое элементов»[5]. В своем очерке Полевой выделил несколько типов беженцев, отделив «аполитичных обывателей» от активной антисоветской эмиграции, готовой к вооруженному сопротивлению. Он также обратил внимание на близость интересов китайских властей и эмигрантов, из-за чего работа советских представителей в Маньчжурии была затруднена.

Советско-китайский конфликт на КВЖД 1929 г. вызвал новую волну интереса к советской политике в Маньчжурии [6]. Разные авторы, делая экскурс в историю КВЖД, противопоставляли «белое» и советское управление КВЖД. В работах этого периода было сформировано представление о том, что до 1924 г. КВЖД была в руках «ловких дельцов, ничего не смыслящих в деле управления многомиллионным сложным хозяйством дороги», а при совместном советско-китайском управлении КВЖД не только устранила дефицит бюджета, но и начала приносить осязаемые доходы, стала «наглядной пропагандой

---

[4] *Драудин Т.* Указ. соч.
[5] *Полевой Е.* Указ. соч. С. 5.
[6] *Аварин В.* Харбин революционный //Новый мир. 1929. Кн. 11. С. 165–171; *Алексеев И.* Что происходит на КВЖД. Хабаровск: Книжное дело, 1929; *Войтинский Г.* КВЖД и политика империалистов в Китае. М.: изд-во Комакадемии, 1930; *Воробьев В.* Тысяча девятьсот двадцать девятый… Особая Дальневосточная в борьбе за мир. Хабаровск: Дальпартиздат, 1933; *Дальневосточный Е.* Китайско-восточная железная дорога. Баку: изд-во газеты «Вышка», 1929; *Доронин М.* Захват КВЖД. Новосибирск: Сибкрайиздат, 1929; *Насыров В.М.* Китайская Восточная железная дорога. К событиям1929 г. Хабаровск: Книжное дело, 1929; *Скалов Г.* КВЖД. Империализм и китайская реакция в событиях на КВЖД. М.-Л.: Госиздат, отдел военной лит-ры, 1930; *Терентьев Н.* Советский Союз, империализм и Китай. Захват КВЖД и разрыв советско-китайских отношений. М.-Л.:Гос. изд-во, 1929.

против империалистического гнета в Китае»[7]. В качестве одной из причин советско-китайского конфликта 1929 г. указывалось, что нападки китайцев были спровоцированы белогвардейцами, а Маньчжурия стала плацдармом для подготовки войны против Советского Союза[8]. В целом работы, посвященные советско-китайскому конфликту наКВЖД, носили пропагандистский характер и интересны тем, как формировался образ эмиграции в СССР: «белобандиты, спившиеся и продающие свои заржавленные шпаги всем, кто может платить», «гадкие, трусливые, потерявшие человеческий облик бароны, генералы без солдат», «подонки притонов, убийцы и воры», «подлейшие прислужники мирового империализма»[9].

Новая волна публикаций возникла в связи с оккупацией Японией Маньчжурии в 1931 г.[10]. В этих работах содержатся характеристики русской эмиграции в Маньчжурии, называется приблизительное ее количество, правда, без ссылки на источники. Так, С. Тульский сообщал о более 70 тыс. эмигрантов из 150 тыс. русского населения Маньчжурии[11]. Он же дал характеристику активной белой эмиграции, назвал ее лидеров, заметив, что между «белыми» и их «вождями» не было единства: «Они постоянно враждуют друг с другом на почве дележа подачек, “субсидий”, получаемых ими от международной буржуазии (японской, китайской и прочей)». Отмечая антисоветский характер эмиграции, Тульский заметил, что она «оживляется» и бывает особенно активной в моменты каких-либо событий в Маньчжурии и на Дальнем Востоке, затрагивающих СССР, а именно во время советско-китайского конфликта на КВЖД и в связи с оккупацией японцами Маньчжурии.

В. Аварин[12] в своей книге привел ничем не подкрепленные цифры о количестве русских в Маньчжурии в начале 1930-х гг., которые позже часто воспроизводились в различных исследованиях: граждан СССР – 150 тыс., «белогвардейцев» – 115 тыс., из них 15 тыс. с китайским гражданством[13]. Он посвятил несколько страниц своей книги описанию советской колонии в Маньчжурии, в которую входили рабочие и служащие КВЖД, частных русских промышленных и торговых предприятий, ремесленники-кустари, лица свободных профессий, некоторое количество домовладельцев, торговцев и предпринимате-

---

[7] *Доронин М.* Указ. соч. С. 20.
[8] *Аварин В.* Указ. соч. С. 170; *Терентьев Н.* Советский Союз и КВЖД //Советская Азия. 1930. № 3–4. С. 255.
[9] *Воробьев В.* Указ. соч. С. 22, 25, 27; *Скалов Г.* Указ. соч. С. 37.
[10] *Аварин В.Я.* «Независимая» Маньчжурия. М.: Партиздат, 1932; *Горшенин И.* Маньчжурия и угроза японо-американской войны. М.: Партиздат, 1933; *Иоган Е.*Активизация японской военщины //Большевик. 1935. № 3. С. 75–86; Оккупация Маньчжурии и борьба империалистов. Сб.ст. М.: Партиздат, 1932; *Тульский С.* Маньчжурия. М.: Гос. воен. изд-во, 1932.
[11] *Тульский С.* Указ. соч. С. 19.
[12] В. Аварин - псевдоним В.Я. Аболтина, консула СССР в Харбине в 1927 – 1928 гг., сотрудника советской военной разведки.
[13] *Аварин В.* Указ. соч. С. 9.

лей из числа местных русских, принявших советское гражданство. Аварин обратил внимание на противостояние советских граждан и эмигрантов и отметил, что японцы использовали «белых» в разных областях, в том числе по антисоветской линии: шпионская диверсионная деятельность на советском Дальнем Востоке, организация провокаций против советских граждан, фабрикация антисоветских фальшивок[14].

Во второй половине 1930-х гг., особенно после продажи КВЖД, информация о русской колонии в Маньчжурии в советских изданиях и прессе практически исчезла. Однако в 1-м издании БСЭ (под редакцией О.Ю. Шмидта) вышла обширная статья о Маньчжурии, где приводились данные о численности русского населения в 1934 г. в Маньчжурии: 43 тыс. русских белогвардейцев, около 30 тыс. советских граждан, «подавляющее большинство которых вернулось в СССР после продажи КВЖД»[15].

Во время советско-японской войны 1945 г. Маньчжурия вновь появилась на страницах советской прессы в связи с репортажами военных корреспондентов, но в них не было упоминаний о русской колонии и эмигрантах. Только в книге П.И. Глушкова было сказано несколько слов об эмиграции, часть которой, по его утверждению, «активно сотрудничала с японскими оккупантами, служила в японской полиции, занималась шпионской и диверсионной деятельностью, направленной против СССР». Однако автор отмечал, что большая часть русской эмиграции «не соблазнилась на посулы японских захватчиков и вела себя лояльно в отношении Советского Союза. Эти русские радостно встретили появление советских войск в Маньчжурии летом 1945 г. Большинство из них впоследствии получило советское гражданство»[16].

В последующие десятилетия советские историки тему русской диаспоры в Маньчжурии и Китае обходили стороной. Во втором издании Большой Советской Энциклопедии Маньчжурии было посвящено только 10 строк, но о русском населении не было сказано ни слова, как и в статье о Харбине[17]. Так, в статьях 2-го издания БСЭ, посвященных певцу С.Я. Лемешеву, дирижеру А.М. Пазовскому и другим известным деятелям, работавшим в Харбине в 1920-е гг., харбинские эпизоды их биографий умалчивались.

Общее представление об эмиграции, как о врагах советской власти, сформировавшееся еще в 1920-х гг., было довольно устойчивым на протяжении всего советского периода. Так, в статье 1971 г. А. Караганова «Драма виноватых», в которой анализировался только что вышедший на экраны страны фильм А. Алова и В. Наумова «Бег», автор заме-

---

[14] Там же. С. 126.
[15] Маньчжурия //Большая советская энциклопедия. Т. 38. М.: ОГИЗ РСФИ, 1938. Ст. 68 - 86.
[16] *П.И. Глушков.* Маньчжурия. М.:ОГИЗ, 1948. С. 76.
[17] Большая советская энциклопедия. 2-е изд. М., 1954. Т. 24. С. 240. Т. 46. С. 125.

чал: «Судьба эмиграции драматична. Но это драма виноватых. Историческая виновность перед народом лишает их родины, ломает привычные представления о жизни и своем месте в ней». Караганов называл в статье эмиграцию «врагами своего народа», белую идею «преступной и несостоятельной», используя выражения «мутный поток белогвардейщины», процесс «деградации» людей, лишивших себя родины, «естественных связей с народом», «служение исторически неправому делу»[18].

В исследованиях 1970-х – середины 1980 –х гг. по истории Китая и советско-китайских отношений русская колония в Маньчжурии практически не упоминалась. М.И. Сладковский в своем обстоятельном исследовании утверждал, что после войны в Маньчжурии не осталось квалифицированных кадров, способных заменить покинувших предприятия японцев и задачи «пуска промышленных, транспортных и других объектов в Маньчжурии пришлось взять на себя Советской Армии»[19]. Он также не упомянул эмигрантов, работавших на Китайско-Чанчуньской железной дороге (КЧЖД) и других учреждениях. Один лишь раз вскользь в его книге прозвучала фраза о «местных советских гражданах», которыми укомплектовывался аппарат советских торговых организаций.

В конце 1970-х гг. появилось учебное пособие В.В. Комина «Белая эмиграция и Вторая мировая война» [20]. И хотя оно имело явно компилятивный характер (некоторые страницы были прямо переписаны из парижского сборника «Проблемы» 1936 г.), автор попытался объективно подойти к характеристике эмиграции в Маньчжурии. Так, он указал на наличие среди русской колонии в Маньчжурии советских граждан и эмигрантов и отсутствие «видимого различия» между ними, зависимость русской эмиграции в Маньчжурии от «японского милитаризма», расслоение эмиграции еще до Второй мировой войны на «оборонцев» и «пораженцев». По мнению В.В. Комина, победа СССР над империалистической Японией означала окончательную «политическую смерть» российской белой эмиграции, которая после войны «перестраивала» свою жизнь, «изживая непримиримость» [21].

Событием в отечественной историографии стал выход в 1981 г. книги Л.К. Шкаренкова «Агония белой эмиграции» и защита в 1983 г. его докторской диссертации «Белая эмиграция. Эволюция и крах. 1917 – 1945», основанной на недоступных прежде архивных документах. Шкаренкова интересовала в основном активная часть эмиграции, ас-

---

[18] *Караганов А.* Драма виноватых. //Литературная газета. 1971. № 2. 6 января. С. 8.
[19] *Сладковский М.И.* История торгово-экономических отношений СССР с Китаем (1917 – 1974). М. : Изд-во «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1977. С. 159.
[20] *Комин В.В.* Белая эмиграция и Вторая мировая война. Учебное пособие. Калинин: Калинин. Гос. ун-т, 1979.
[21] *Комин В.В.* Указ. соч. С. 54.

пекты политической конфронтации между российской эмиграцией и СССР. Важным было его замечание о том, что КВЖД была, пожалуй, единственным местом, где в 20-х гг. советским представителям приходилось работать в «непосредственном окружении белоэмигрантов, чьи харбинские группировки боролись за влияние на КВЖД, организовывали постоянные провокации против советских служащих, а из Харбина инспирировалась и направлялась кампания за срыв советско-китайских и советско-японских переговоров» [22]. Он же отметил разобщенность эмиграции в Маньчжурии, ее зависимость от китайских, а потом японских властей.

Необходимо в числе других исследований советских авторов отметить книгу Г.И. Ткаченко[23]. Несмотря на поставленную в духе времени задачу – показать «совпадение коренных интересов» советских и китайских трудящихся КВЖД в 1924 – 1935 гг., исследователь впервые после долгого перерыва поднял тему советского присутствия на КВЖД. Книга основана на различных архивных источниках и содержит массу ценного фактического материала об успехах советской администрации КВЖД в экономической и социальной областях, деятельности советских профсоюзов на КВЖД в деле воспитания масс.

Необходимо учитывать, что работы советских историков были написаны в условиях цензуры и трудностей в доступе к архивным источникам, часто носили тенденциозный характер. В эти годы сложилась общая схема истории КВЖД и оценки российской эмиграции в Маньчжурии: противопоставление царской и «белой» администрации КВЖД, с одной стороны, и советско-китайского управления, с другой; начавшегося в 1924 г. нового этапа в истории КВЖД и советско-китайских отношений; наличие в Маньчжурии большого скопления антисоветски настроенных «белогвардейцев», которым покровительствовали маньчжурские, а потом японские власти. Несмотря на влияние идеологических установок, общественных настроений, в этих работах были даны попытки оценить количество проживавших в Маньчжурии советских граждан и эмигрантов, проанализировать работу советской администрации КВЖД, дать оценку деятельности эмиграции.

Проблема взаимоотношений русской диаспоры в Маньчжурии и СССР затрагивалась в работах зарубежных авторов. Одними из первых, кто попытался осмыслить историю дальневосточной эмиграции, были русские эмигранты. П.П. Балакшин, участник гражданской войны на Дальнем Востоке, эмигрировавший в Японию, затем Шанхай, а позднее перебравшийся в США, создал в 1950-х гг. большой двухтомный труд о возник-

---

[22] *Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции. 3-е изд. М.: Мысль, 1987. С. 140.
[23] *Ткаченко Г.И.* Советские трудящиеся на КВЖД в борьбе за укрепление пролетарской солидарности с китайским народом. М.: Ин-т ДВ АН СССР, 1988.

новении и деятельности дальневосточной русской эмиграции[24]. Автор проанализировал огромный фактический материал, в том числе международные отношения на Дальнем Востоке, дал оценку деятельности эмиграции. Балакшин помимо документов иностранных архивов использовал в своей книге воспоминания эмигрантов – непосредственных участников событий, многие из которых были написаны специально для него, что делает его работу особенно ценной, но и полной неточностей. Основное внимание в книге Балакшин уделил истории военной и политической, т.н. «активной» эмиграции, а также деятельности советских спецслужб в Китае. Книга вызвала резкую критику со стороны эмигрантов[25].

Бывшие «харбинцы» (так называли всех русских эмигрантов из Маньчжурии) внесли большой вклад в изучение русской диаспоры в Китае. О.М. Бакич, профессор Торонтского университета, будучи уроженкой Харбина, посвятила немало работ русской эмиграции в Маньчжурии[26]. С 1994 г. под ее редакцией при Центре по изучению России и Восточной Европы выходит литературно-исторический ежегодник «Россияне в Азии», посвященный творческому и документальному наследию дальневосточной эмиграции. Бывшая харбинка, преподаватель университета Маквори (Сидней) Н. Райан занимается проблемами сохранения и трансформации русского языка в российской колонии в Маньчжурии и среди реэмигрантов в Австралии[27].

Из работ зарубежных авторов необходимо отметить исследование Дж. Стефана, профессора Гавайского университета, «Русские фашисты. Трагедия и фарс в эмиграции. 1925–1945»[28]. Книга была написана на основе архивов МИД Великобритании, Германии, США, Японии и других документов. Стефан помимо подробной истории и анализа дея-

---

[24] *Балакшин П.П.* Финал в Китае. Возникновение, развитие и исчезновение белой эмиграции на Дальнем Востоке. Т.1 и 2. Сан-Франциско-Париж-Нью-Йорк: «Сириус», 1958.

[25] Ю.В. Крузенштерн-Петерец после прочтения 1 тома в письме П.П. Балакшину от 30 июня 1959 г. указала на «бесконечное количество ошибок», т.к. документы, на которые он ссылался, «далеко не всегда заслуживали доверия»: «Говоря о Вашей книге в целом, я должна сказать, что Вы не показали самого главного – живых людей. Все изображено очень протокольно, хотя, как правило, почти всегда неточно. О культурной жизни людей, о работе мысли Вы не сказали ничего. Впечатление получается такое, что эмиграция жила или в канцеляриях, или в застенках, и занималась, главным образом, доносами и преступлениями». В ответном письме из Афин 4 августа 1959 г. Балакшин благодарил Ю.В. Крузенштерн-Петерец за указание ошибок: «Существенные ошибки и промахи «Финала в Китае» будут исправлены историками будущего, для которых моя книга послужит, вероятно, первоисточником». (ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 39. Кат. 1. Кадр 565-571).

[26] *Bakich O.* Russian Education in Harbin: 1898-1962.// Записки русской академической группы в США. 1994. T.XXVI. C.269-294; *Bakich O.* Harbin Russian Imprints: Bibliography as history, 1898–1961: materials for a definitive bibliography. New York ; Paris, 2002.

[27] *Райан Н.* Россия – Харбин – Австралия: Сохранение и утрата языка на примере русской диаспоры, прожившей XX век вне России. М.: Русский путь, 2005.

[28] *John J. Stephan* The Russian Fascists: Tragedy and Farce in Exile, 1925-1945. Harper & Row, 1978. Книга была переведена на русский язык: *Стефан Д.* Русские фашисты. Трагедия и фарс в эмиграции. 1925-1945 гг. /Авториз. пер. с англ. Л.Ю. Мотылева; предисл. Л.П. Делюсина. М.: СП «Слово», 1992.

тельности Российской фашистской партии дал широкую картину жизни русского населения в Маньчжурии в 1920-х – 1930-х гг., сделав массу точных замечаний. Он указал в своей книге на особую «гремучую смесь красных и белых» в Маньчжурии, но отдельно на этом сюжете не останавливался.

В последние годы интерес к теме российского присутствия в Китае возрос, современные зарубежные исследователи посвятили ряд работ политическим аспектам в Маньчжурии[29], проблемам репатриации советских граждан из Маньчжурии в СССР[30].

История различных форм русского присутствия в Китае стала объектом исследования китайских историков с конца 1980-х гг. Подробный историографический обзор исследований китайских авторов о русской эмиграции дан в книге Н.А. Василенко[31]. Китайские историки Ши Фан, Гао Лин, Лю Шуан издали в 1998 г. монографию «Хаэрбин эцяоши» («История русской эмиграции в Харбине»), в которой отметили разделение в 1920-е гг. русского населения Маньчжурии не только на «красных» и «белых», но и на «совподов», «китподов» («гуйхуачжэ»), бесподданных, «квитподов», которые в ожидании советского гражданства имели на руках квитанции о подаче заявления. Также они писали о «редисках» («хун лобу») – «красных» снаружи, «белых» внутри[32]. Опираясь на китайские источники, они указали численность русской колонии, описали миграционные процессы, отметили частые перемещения из одной «российской колонии» в другую и обратно. Причинами таких «переливов» они называли антисоветские выступления китайских милитаристов на КВЖД. В книгах китайских авторов используется понятие «советские эмигранты» для русских беженцев, принявших советское гражданство, а также «красные русские» (просоветски настроенные) и «белые русские» (эмигранты), между которыми часто возникали противоречия и споры[33].

С начала 1990-х гг. тема дальневосточной эмиграции активно разрабатывается отечественными исследователями. Пионерами здесь также стали бывшие «харбинцы» Г.В.

---

[29] *Blaine R. Chiasson.* Administering the Colonizer: Manchuria's Russians under Chinese Rule, 1918–29. Vancouver, Toronto: UBCPress, 2010; *Patrikeeff F.* Russian Politics in Exile. The Northeast Asia Balance of Power, 1924-1931. Oxford, 2002.

[30] *Манчестер Л.* Носители дореволюционных традиций становятся советскими гражданами: Возвращение русских из Китая (пер. с англ. А.И. Рупасова) // Человек и личность в истории России, конец XIX – XX век. СПб., 2013. С. 329 – 344; *Merrit S.* «Матушка Россия, прими своих детей!» : archival materials on the stalinist repression of the Soviet Kharbintsy // Россияне в Азии. 1998. № 5. С. 205– 229.

[31] *Василенко Н.А.* История российской эмиграции в освещении современной китайской историографии. Владивосток, 2003.

[32] *Василенко Н.А.* Указ. соч. С. 55.

[33] *Ван Чжичэн.* История русской эмиграции в Шанхае. М., 2008. С. 181.

Мелихов и Е.П. Таскина[34], которые поставили вопросы формирования русской колонии в Маньчжурии, о жизни русских в полосе отчуждения КВЖД в разные периоды первой половины XX века, о сохранении национальной культуры в условиях эмиграции. Эти книги вышли в то время, когда российское зарубежье стало активно изучаться в постсоветской России, и сегодня это одна из наиболее интенсивно разрабатываемых проблем. Истории российской эмиграции были посвящены многочисленные конференции, круглые столы, симпозиумы – в Москве, Санкт-Петербурге, на Дальнем Востоке. За последние 20 лет вышло огромное количество монографических исследований, научных статей, диссертаций, сформировалось новое научное направление – «эмигрантоведение»[35].

Существенный вклад в изучение истории российской эмиграции в Китае внесли дальневосточные учёные [36]. Е.Е. Аурилене в своей монографии представила концепцию истории российской диаспоры в Китае, отметив, что благоприятным фактором формирования эмигрантской общины в Маньчжурии являлся культурный уклад полосы отчуждения КВЖД – фактически русской колонии с хорошо развитой инфраструктурой[37]. В своей работе Е.Е. Аурилене провела анализ существования эмигрантской колонии в условиях японской оккупации в Маньчжурии. А.А. Хисамутдинов ввел в научный оборот большой

---

[34] *Мелихов Г.В.* Маньчжурия далекая и близкая. М., 1991; *Его же*. Российская эмиграция в Китае (1917 – 1924). М., 1997; *Таскина Е.* Неизвестный Харбин. М., 1994; *Ее же*. Русский Харбин. М., 1998.

[35] В изданном в 2009 г. Библиотекой-фондом «Русское зарубежье» библиографическом пособии «Русская эмиграция в Китае» насчитывается более 400 книг и статей о различных аспектах дальневосточной эмиграции, изданных в России после 1991 г. С учетом последних лет их значительно больше.

[36] *Аурилене Е.Е.* Российская диаспора в Китае. 1920-1950-е гг. Хабаровск: Изд. дом «Частная коллекция», 2008; *Буяков А.М.* Русская эмиграция в Маньчжурии. Люди и судьбы. //Россияне в Азии. 1998. №5. С.186-204; *Горкавенко Н.Л. Гридина Н.П.* Российская интеллигенция в изгнании: Маньчжурия 1917 –1946 гг. Очерк истории. Владивосток, 2002; *Дубинина Н.И. Ципкин Ю.Н.* Об особенностях дальневосточной ветви российской эмиграции. (На материалах Харбинского комитета помощи русским беженцам). //Отечественная история. 1996. №1. С.70-84.; *Забияко А.А. Эфендиева Г.В.* Меж двух миров: русские писатели в Маньчжурии. Благовещенск: Амур.гос.ун-т, 2009; *Капран И.К.* Повседневная жизнь русского населения Харбина (конец XIX – 50-е гг. XX в.). Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2011; *Кочубей О., Печерица В.* Исход и возвращение. Русская эмиграция в Китае в 1920—1940-е гг. Владивосток, 1998; *Крадин Н.П.* Харбин – русская Атлантида: очерки. Хабаровск: КГУП «Хабаровская краевая типография», 2010; *Лазарева С.И. Сергеев О.И.* Общественно-политическая активность российских эмигрантов в 20-е – 40-е гг. XX в. //Ойкумена (Владивосток). 2011. № 2. С. 145 – 156; *Левошко С.С.* Русская архитектура в Маньчжурии. Конец XIX- первая половина XX века: Научное издание. Хабаровск: Частная коллекция, 2003; *Печерица В.Ф.* Восточная ветвь русской эмиграции. Владивосток, 1994; Российская эмиграция на Дальнем Востоке. Сб. ст. Владивосток: Дальнаука, 2000; *Хисамутдинов А.А.* К истории создания Бюро по делам российских эмигрантов и судьба его архива //Россияне в Азии. 1996. №3. С.293-309; *Его же*. По странам рассеяния. Часть 1. Русские в Китае. Владивосток: Издво ВГУЭС, 2000.

[37] *Аурилене Е.Е.* Указ. соч. С. 19.

пласт документов и материалов из отечественных и зарубежных архивов, составил библиографический словарь представителей российской дальневосточной эмиграции[38].

Необходимо отметить общие работы по истории Китая, советско-китайских и советско-японских отношений, без которых невозможно изучение истории взаимоотношений СССР и эмиграции в Маньчжурии[39]. К сожалению, советской политике в Маньчжурии и роли эмиграции в эти работах уделяется мало места. Исключением являются исследования Н.Е. Абловой, Г.В. Мелихова, В.Э. Молодякова, Я.Л. Писаревской [40].

В начале XXI века появилось много работ, предметом которых стали отдельные аспекты истории российской диаспоры в Маньчжурии: военная эмиграция в Маньчжурии[41], эмигрантский активизм[42], деятельность советских спецслужб[43], история еврейской

---

[38] *Хисамутдинов А.А*. Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке: Библиографический словарь. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001.

[39] *Вестад О.А*. Беспокойная империя. Китай и мир с 1750 года /Пер. с англ. С.А. Белоусова. М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2014.*Галенович Ю.М*. История взаимоотношений России и Китая. В 4-х кн.М.: «СПСЛ»; «Русская панорама», 2011; *Захарова Г.Ф*. Политика Японии в Маньчжурии. 1932–1945. М.: Наука, 1990; *Каретина Г.С*. Военно-политические группировки Северного Китая: (Эволюция китайского милитаризма в 20-30-е гг. XX в. Владивосток: Дальнаука, 2001; *Кутаков Л.Н*. История советско-японских дипломатических отношений. М.: Изд-во Института международных отношений, 1962; *Мировицкая Р.А*. Советский Союз в стратегии гоминьдана (20-е – 30-е гг.). М., 1990; Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802-2002: в 3 т. Т.2. 1917-2002 гг. М.: Олма-пресс, 2002;

[40] *Аблова Н.Е*. КВЖД и российская эмиграция в Китае. Международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). М: «Русская панорама», 2005; *Мелихов Г.В*. Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке (1925-1932). М.: «Русский путь»; «Викмо-М», 2007; *Молодяков В.Э*. Россия и Япония: меч на весах. Низвестные и забытые страницы российско-японских отношений (1929 – 1948). Историческое исследование. М.:Аст: Астрель: Транзиткнига, 2005; *Его же*. Россия и Япония: рельсы гудят. Железнодорожный узел российско-японских отношений (1891-1945): историческое исследование. М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2006; *Его же*. Россия и Япония в поисках согласия. 1905 – 1945. Геополитика. Дипломатия. Люди и идеи. М.: АИРО-XXI, 2012; *Писаревская Я.Л*. Маньчжурский плацдарм //Между Россией и Сталиным: Российская эмиграция и Вторая мировая война. М.: РГГУ, 2004. С. 22 – 47;

[41] *Балмасов С.С*. Белоэмигранты на военной службе в Китае. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007; *Смирнов С.В*. Отряд Асано: русские формирования в Маньчжоу-го, 1938-1945. Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2012; *Ципкин Ю.Н*. Маньчжурская эмиграция: раскол и попытки объединения военных кругов // Российская эмиграция на Дальнем Востоке. Сб. ст. Владивосток: Дальнаука, 2000; *Яковкин Е.В*. Русские солдаты Квантунской армии. М.: Вече, 2014.

[42] *Базанов П.Н*. Братство Русской правды – самая загадочная организация Русского Зарубежья. М.: Содружество «Посев», 2013; *Егоров Н*. Дальневосточный отдел диверсионно-террористической организации «Братство Русской Правды» //Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 4. С.136–141; *Соколов М.В*. Соблазн активизма. Русская республиканско-демократическая эмиграция 20-30-х гг. XX века и ОГПУ СССР. М.: изд. Центр «Азбуковник», 2011

[43] *Алексеев М*. Советская военная разведка в Китае и хроника «китайской смуты» (1922-1929). М.: Кучково поле, 2010; *Буяков А.М., Шинин О.В*. Деятельность органов безопасности на Дальнем Востоке в 1922 – 1941 годах. М.: Кучково поле; Беркут, 2013; *Голдин В.И*. Российская военная эмиграция и советские спецслужбы в 20-е годы XX века. – Архангельск: Солти; СПб.: Полторак, 2010; *Егоров Н.А*. Деятельность иностранных спецслужб на Дальнем Востоке по использованию маньчжурской белоэмиграции в 1922–1941 гг. //Военно-исторический журнал. 2009. № 11. С. 48–53; *Лота В.И*. За гранью возможного: Военная разведка России на Дальнем Востоке 1918-1945 гг. М., 2008; *Усов В.Н*. Советская разведка в Китае. 20-е годы XX века. М.: «Олма-Пресс», 2002; *Его же*. Советская разведка в Китае: 30-е годы XX века. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2007.

колонии в Маньчжурии[44], реэмиграция и репатриация[45], культурная, научная, педагогическая деятельность эмиграции[46], церковная жизнь[47], судьбы эмигрантов в Маньчжурии[48].

В последние годы были предприняты попытки создать обобщающие исследования по истории Зарубежной России[49]. Е.И. Пивовар отметил в своей книге специфику российской эмиграции в Маньчжурии, связанной с близостью к СССР и существованием «советского анклава внутри эмигрантского мира»[50]. З.С. Бочарова определила взаимоотношения между эмиграцией и СССР как «единство и борьбу противоположностей», отметив «обоюдное увлеченное внимание к противостоявшему Русскому миру»[51].

Среди общих работ по истории русского присутствия в Китае выделяется исследование Н.Н. Аблажей, посвященное процессам эмиграции из СССР в Китай в первой половине XX века[52]. Опираясь на источники из федеральных и региональных архивов, в том числе документы НКИД (МИД) и спецорганов, автор исследовала причины эмиграции и реэмиграции, проанализировала советскую политику в отношении гражданства, въезда и выезда из страны, описала модели адаптации эмигрантов в Китае и реинтеграции репатриантов. Автор также дала характеристику российской диаспоры в Китае и, в частности, в Маньчжурии, указав, что специфической ее чертой являлось наличие в ней двух политически противопоставленных составляющих - белоэмигрантской и советской колонии, из

---

[44] *Романова В.В.* Власть и евреи на Дальнем Востоке России: история взаимоотношений (вторая половина XIX- 20-е годы XX в.). Красноярск: Кларетианум, 2001.

[45] *Поздняков И.А.* Из Китая в Америку: историко-антропологический взгляд на русскую эмиграцию (1920-1950гг.). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2007; *Таскина Е., Мухин И.* Русские из Китая. Судьбы репатриантов 40-х – 50-х гг. XX в.//Проблемы дальнего Востока. 2009. №. 2. С. 91 – 99

[46] *Говердовская Л.Ф.* Общественно-политическая и культурная деятельность русской эмиграции в Китае в 1917 – 1931 гг. М., 2000; *Курто О.И.* Русский мир в Китае: исторический и культурный опыт взаимодействия русских и китайцев. М., 2013; *Петропавловская И.А.* Россияне – выпускники Харбинского образовательного центра (1898-1956). М., 2005; Русская поэзия Китая: Антология /сост. В.П. Крейд, О.М. Бакич. М., 2001.

[47] *Баконина С.Н.* Церковная жизнь русской эмиграции на Дальнем Востоке в 1920-1931 гг. (на материалах Харбинской епархии). Автореферат … к.и.н. М., 2013; Божьей милостью архиерей русской церкви: Три жизни митрополита Нестора Камчатского /автор-составитель С. Фомин. М. , 2002

[48] *Дубаев М.Л.* Харбинская тайна Рериха. Н.К. Рерих и русская эмиграция на Востоке. М., 2001; *Макаров В.Г.* Русский философ Николай Сетницкий: от КВЖД до НКВД //Вопросы философии. 2004. №7. *Романовский В.К.* Николай Устрялов. От либерализма к консерватизму. Нижний Новгород, 2010; *Тыкоцкий Г.Б.* «Две жизни – одна судьба». Повесть о А.И. Емшанове и Ю.В. Рудом. Екатеринбург, 2000; *Хисамутдинов А.А.* Поэт и ученый Евгений Евгеньевич Яшнов //Россияне в Азии (Торонто). 1999. №6. С.219-233; *Черникова Л.* Мост в прошлое везунчика-барона (штрихи к портрету русского писателя-эмигранта Павла Северного). Уфа, 2011.

[49] *Бочарова З.С.* Российское зарубежье 1920- 1930-х гг. как феномен отечественной истории. М., 2011; *Пивовар Е.И.* Российское зарубежье: Социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М., 2008; *Сабенникова И.В.* Российская эмиграция (1917 – 1939): сравнительно-типологическое исследование. Тверь, 2002.

[50] *Пивовар Е.И.* Указ. соч. С. 259.

[51] *Бочарова З.С.* Русский мир 1930-х годов: от расцвета к увяданию зарубежной России. М., 2014. С. 186.

[52] *Аблажей Н.Н.* С востока на восток. Российская эмиграция в Китае. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007

которых в разное время доминировала то одна, то другая. Чрезвычайно ценными являются данные Н.Н. Аблажей о количестве миграционных потоков российского населения из СССР в Маньчжурию и обратно.

Новым подходом к исследованию российской диаспоры в Маньчжурии отличается работа С.В. Смирнова, посвященная исследованию процесса социальной адаптации российских эмигрантов в Северной Маньчжурии в его «личностном», «человеческом» измерении[53]. Автор поставил в центр внимания изучение социального «опыта» и «переживаний» эмигрантов, используя биографический метод. Исследователь ввел в научный оборот интересный комплекс источников – следственные дела репатриантов из Маньчжурии из архивов Свердловской области. Это позволило С.В. Смирнову создать объемный и неоднозначный образ российской эмиграции в Северной Маньчжурии, исследовать опыт приспособления российского населения в ситуации резкого изменения всех условий жизни, показать отличия социальной адаптации представителей первого и второго поколений эмиграции.

Истории советской колонии в Маньчжурии посвящены две диссертационные работы – Я.Л. Писаревской и С.Ю. Яхимовича[54]. Я.Л. Писаревская в своей работе впервые изучила советское влияние в Маньчжурии в 1920-х – середине 1930-х гг. через призму изучения дихотомии «эмигрантского – советского». На основе большого комплекса источников, в том числе мемуаров и интервью с бывшими «харбинцами», Я.Л. Писаревская проанализировала процессы сосуществования двух колоний на территории Маньчжурии и причины реэмиграции советских граждан в СССР в 1935 г. Центральное место в исследовании занимает изучение степени воздействия советской колонии и ее учреждений на русскую эмиграцию по трем векторам – идеологическому (духовному), экономическому и политическому, а также влияние русской эмиграции на ментальность и поведение советских граждан Маньчжурии. Важным представляется вывод исследовательницы о неоднородности советской колонии и характерной для большинства советских граждан двойной поведенческой психологии: для официальных властей демонстрировалась «советскость» или, по крайней мере, лояльность, а для себя, в повседневном быту – отношения, присущие обыденному сознанию дореволюционного русского общества. Новые исследовательские подходы, акцент на изучение непосредственного опыта людей и поведенческих прак-

---

[53] *Смирнов С.В*. Российские эмигранты в Северной Маньчжурии в 1920-1945 гг. (проблема социальной адаптации). Екатеринбург: Урал. гос. ед. ун-т, 2007.

[54] *Писаревская Я.Л.* Российская эмиграция Северо-Востока Китая: социально-политический состав, быт, реэмиграция (середина 1920-х - середина 1930-х гг.). Автореферат …к.и.н. М., 2002; *Яхимович С.Ю*. Колония советских граждан в Северной Маньчжурии: социально-политический аспект (1924-1935 гг.). Автореферат … к.и.н. Хабаровск, 2012.

тик выделяют работу Я.Л. Писаревской и являются важным ориентиром для настоящего исследования.

С.Ю. Яхимович проанализировал процесс формирования и социально-политической эволюции советской колонии, уточнил ее численность, выделил этапы формирования советской колонии в период советско-китайского управления КВЖД, охарактеризовал работу советских коммунистических и профсоюзных организаций, ввел в научный оборот массу интересных документов, в том числе из ГАХК и РГАСПИ о деятельности партийной, комсомольской и профсоюзной организаций в Северной Маньчжурии. Яхимович справедливо указал на то, что разделение русского населения Маньчжурии на советскую и эмигрантскую колонии произошло после перехода КВЖД в совместное советско-китайское управление, а процесс формирования советской колонии занял незначительное время в середине 1920-х гг. Вместе с тем представляется неубедительным вывод автора о том, что советская колония была «искусственным образованием с четкой организационной структурой, целенаправленно созданным по решению и под руководством партийно-советского аппарата», и представляла собой «своеобразный идеологизированный анклав в инокультурной среде»[55]. Можно оспорить утверждения Я.Л. Писаревской и С.Ю. Яхимовича, что к концу 1935 г. после реэмиграции в СССР многочисленная советская колония в Северной Маньчжурии перестала существовать.

Однако при наличии довольно обширной историографии русского присутствия в Китае, комплексного исследования, посвященного взаимоотношениям эмигрантской и советской колоний на протяжении всего их существования, не было осуществлено. В настоящей работе предпринята попытка исследования, прежде всего, советской политики по отношению к эмиграции в Маньчжурии, а также сосуществование внутри российской диаспоры двух колоний – советской и эмигрантской.

Объектом изучения является политика СССР на Северо-Востоке Китая в 1920-е – 1950-е гг. В качестве **предмета** исследования выступают, с одной стороны, политика СССР по отношению к эмиграции, с другой стороны, взаимоотношения советской и эмигрантской колоний в Маньчжурии.

Территориальные границы исследования ограничиваются Маньчжурией – Северо-Восточным Китаем, где Россия с конца XIX века имела особые интересы, а с постройкой КВЖД образовалась значительная русская колония, которая после революции и гражданской войны увеличилась в несколько раз.

---

[55] *Яхимович С.Ю.* Указ. соч. С. 15.

Хронологические рамки исследования охватывают период 1920-х – 1950-х гг. и позволяют проследить формирование, эволюцию и исчезновение как эмигрантской, так и советской колоний в Маньчжурии. В ряде случаев верхняя граница сдвигается, что связано с необходимостью проследить дальнейшие судьбы русского населения Маньчжурии после реэмиграции в СССР и другие страны.

Исходя из этого **цель** настоящего исследования — исследовать феномен русского присутствия в Маньчжурии в 1920–1950 -е гг. с точки зрения сосуществования двух колоний — эмигрантской и советской — в контексте международной ситуации в Северо-Восточном Китае.

Анализ степени научной разработанности темы, поставленная цель исследования обусловили постановку следующих **задач**:

– проанализировать политическую ситуацию в Маньчжурии в 1920-х – 1950-х гг.;

– выявить обусловленность советской политики в отношении эмиграции в Маньчжурии внешней и внутриполитической ситуацией в СССР;

– исследовать особенности формирования, состава и эволюции советской и эмигрантской колоний в Маньчжурии;

– раскрыть сущность взаимоотношений советской и эмигрантской колоний, процессы противостояния и взаимовлияния;

– изучить процессы советизации русского населения в Маньчжурии;

– установить причины и периодичность принятия русским населением гражданства других стран, переходы из одного гражданства в другое;

– проследить судьбы русского населения Маньчжурии, выявить общие моменты в биографиях.

Определяющими для диссертации стали понятия «эмиграция», «колония», «советизация». Эти понятия применительно к данному исследованию нуждаются в уточнении. Многие исследователи совершенно обоснованно избегают слова «эмиграция» по отношению к русским жителям Маньчжурии, используя термин «российское зарубежье». Благодаря тому, что эта территория на рубеже XIX – XX вв. формировалась как российская колония, которая и после революции сохраняла тесные связи с советским Дальним Востоком, местное русское население не считало себя эмигрантами, т.к. оно никуда не эмигрировало, более того, многие никогда даже не были в России. Только в середине 1920-х гг. установление дипломатических отношений СССР и Китая и переход КВЖД под советско-китайское управление заставили население определиться с гражданством, что привело к расколу и обособлению двух частей российской колонии. Поэтому термин «российская

эмиграция» используется в работе применительно к выходцам из Российской империи, как старожилам, так и беженцам, проживавшим на территории Маньчжурии и не признававшим советскую власть.

Под колонией подразумевается сообщество людей, проживающих вместе в другой (чужой) стране. Для населения Маньчжурии в середине 1920-х гг. отношение к советской власти – активное неприятие или лояльность – было чертой, разделившей российскую колонию на два лагеря: эмигрантский и советский. Отличительным признаком советской колонии в Маньчжурии было советское гражданство ее членов, эмигрантской – сознательное отсутствие гражданства (бесподданство) или принятие китайского или другого гражданства.

Под термином «советизация» в данном исследовании понимается не процесс установления советской власти и введения советских порядков на территории Маньчжурии, но принятие советского гражданства российским населением при условии контроля со стороны советских дипломатических представительств и общественных советских организаций. Особенностями советизации российского населения Маньчжурии были в первую очередь экономические и идеологические, и в меньшей степени политические причины.

Научная новизна исследования. Работа представляет собой первое комплексное исследование взаимоотношений СССР и российской эмиграции в Маньчжурии в 1920-х – 1950-х гг. Впервые была исследована политика СССР в Маньчжурии и на КВЖД в контексте международной ситуации в Северо-Восточном Китае, процессы советизации российского населения в Маньчжурии, особенности советско-китайского управления КВЖД, были выявлены периоды максимального советского влияния в Маньчжурии, показана взаимосвязь советизации русского населения и успехов и неудач СССР в Маньчжурии, состояния отношений СССР с Китаем и Японией, способы и методы влияния властей на выбор гражданства русским населением Маньчжурии и причины частой смены гражданства. В представленной диссертации на основе широкого круга источников рассмотрено участие советских граждан и эмигрантов в международных конфликтах в Маньчжурии, роль эмиграции в советско-китайских и советско-японских отношениях. В отличие от других работ, преимущественно рассматривавших историю российской эмиграции в Маньчжурии, в диссертации была предпринята попытка показать взаимовлияние и взаимозависимость советской и эмигрантской колоний в Маньчжурии на протяжении всего рассматриваемого периода. Впервые при анализе состава российской колонии широко использовались документы из личных дел служащих КВЖД и КЧЖД. Внимательное изучение биографий представителей советской и эмигрантской колоний в Маньчжурии позволили

составить более объемную картину существования русской диаспоры в Китае, избежать упрощения и односторонности.

Теоретическая значимость работы заключается в возможности использовать ее положения при исследовании стратегий поведения людей в международных конфликтах, анализа взаимодействия власти и общества, выяснения специфики существования российской диаспоры за рубежом. Биографический метод, широко используемый в работе, может рассматриваться как перспективная исследовательская стратегия для изучения механизмов социальной адаптации. В научный оборот введен массив новых архивных документов по проблемам внешней политики СССР, истории КВЖД, российской эмиграции в Маньчжурии. Выводы диссертации могут стать полезными в деле поиска фундаментальных коллективных норм и ценностей для сохранения единства нации.

Практическая значимость работы состоит в том, что представленные материалы диссертации могут быть использованы при анализе внешней политики России, урегулировании внутренних конфликтов, исследовании отношений интеллигенции и власти. Обширный биографический материал может стать частью энциклопедических изданий и пособий по истории российской эмиграции.

Методология исследования обусловлена состоянием изученности данной темы и определенной исследовательской стратегией, основана на междисциплинарном подходе. В ней использовались как общенаучные (наблюдение, описание, сравнение, анализ, обобщение, индукция) и общеисторические методы, так и специфические методы социальной психологии и культурной антропологии. Так, сравнительно-сопоставительный метод позволил синхронизировать политические события в Китае и СССР, соотнести их с изменениями в жизни русской колонии в Маньчжурии, выявить определенные тенденции. Историко-типологический метод использовался при вычленении среди российской диаспоры в Маньчжурии определенных групп с общими характеристиками, статистический метод был необходим при анализе биографических данных.

Антропологический поворот в мировой историографии, акцент на истории людей, как действующих лиц исторического процесса, заставил искать новые методологические подходы для решения поставленных исследовательских задач. Для понимания хода истории необходимо исследовать разные аспекты жизни человека, в том числе и «несущественные», для того чтобы воссоздать жизнь общества во всем многообразии и сложности, вписать «казус» в контекст эпохи. Такой подход дает исследователям возможность показать, как жили, о чем думали, как воспринимали события, с какими трудностями

сталкивались люди, «не вошедшие в историю», увидеть сквозь призму жизни «маленького человека» политические и социальные изменения, происходившие в обществе.

В настоящем исследовании предпринята попытка через персональную историю представителей русской диаспоры в Маньчжурии изучить процессы и механизмы советизации русского населения, причины и волны смены гражданства, взаимоотношения различных групп внутри диаспоры. Для этого потребовались теоретические разработки в области философии истории, исторической антропологии, теории межкультурной коммуникации, истории ментальности, социальной психологии, изучение проблем самоидентификации личности, индивидуального выбора, стратегий поведения людей в конкретных исторических обстоятельствах.

Использование биографического метода в данном исследовании помогает понять поведение людей, мотивы их поступков, проанализировать жизненные процессы, выяснить взаимоотношения, изучить механизмы приспособления личности к новым условиям. В последнее время пространство применения биографического метода существенно расширилось: появились коллективные биографии и индивидуальные жизнеописания ничем не примечательных, «простых», «рядовых» людей. При этом обнаружилось, что такие биографии могут при наличии достаточной документальной базы выявить отдельные неизученные аспекты прошлого. Применение биографического метода в исследовании позволяет приблизиться к пониманию формирования и деятельности различных групп русского населения Маньчжурии, разнообразных форм их взаимодействия, отношений с властными структурами. С помощью этих методов можно выяснить частоту и причины смены гражданства, представить через биографии отдельных людей и групп политическую, социальную и культурную ситуацию в Маньчжурии в указанный период.

Предмет настоящего исследования, изучение взаимодействий социальных групп людей в период смены мировоззренческих представлений заставил обратиться к методам изучения ментальности. Ментальность формируется внутри культуры, традиции, языка, образа жизни и религиозности. Она лежит в основе человеческих представлений о мире и о своем месте в мире, и, следовательно, определяет поступки и поведение людей, скрепляет единство культурной традиции сообщества. В настоящей работе рассматриваются изменения личности во времена коренных сдвигов в жизни людей, массового перемещения социальных слоев, полной смены иерархии ценностей, а также особенности формирования нового типа «советского человека». Выбор гражданства русским населением Маньчжурии выявил особенности ментальности русского (советского) человека, вызвал формирование культурной идентичности двух лагерей (советского и эмигрантского). Ана-

лиз отношений «Я - Другой» помогает лучше понять, как образовались два лагеря, как они поддерживали свое существование и как они зависели друг от друга. Исследуя формы коммуникаций советской и эмигрантской колоний в Маньчжурии, можно найти примеры не только противостояния, но и отказа от ментальной вражды.

Конечно, ни один из подходов не является универсальным, для решения исследовательских задач необходимо комплексное их применение, сочетание макро- и микроуровней при главенстве конкретно-исторического подхода, изучения процессов и явлений в динамике и взаимодействии. В основе исследования лежит концепция человечности в интерпретации истории, ценность равенства, принцип взаимного признания друг друга и различий.

Источниковая база исследования. Исследование основывается в значительной степени на архивных материалах, большинство из которых впервые вводится в научный оборот. Основу комплекса источников составили документы 60 фондов из 14 архивов. При проведении исследования использованы следующие группы источников: законодательные и директивно-нормативные документы, делопроизводственная документация, источники личного характера, периодическая печать.

К законодательно-распорядительным источникам относятся документы партийных инстанций, постановления президиумов ЦИК СССР и СНК СССР, указы Верховного Совета СССР, международные договоры, нормативные документы и подзаконные акты, как опубликованные, так и неопубликованные, касающиеся репатриации, восстановления гражданства, выезда за границу советских граждан. При работе над диссертацией использованы протоколы заседаний Политбюро ЦК ВКП(б) с 1924 по 1950 гг., хранящиеся в фондах РГАСПИ (Ф. 17), на которых решались вопросы о назначении отдельных коммунистов на посты на КВЖД, давались директивы, на основании которых принимались внешнеполитические решения. Обращение к материалам Политбюро ЦК ВКП(б), а также к документам из фондов АВП РФ (секретариатов Г.В. Чичерина, Л.М. Карахана, М.М. Литвинова, Г.Я. Сокольникова) позволило проследить механизм принятия решений и руководства советской политикой в Маньчжурии.

Важное место в источниковой базе исследования занимают документы делопроизводства. Среди материалов ведомственного делопроизводства исключительную значимость имеют документы НКИД СССР, хранящиеся в АВП РФ. Это не только переписка консулов, консульские ноты и ответы на них китайских представителей, но и аналитические записки об эмиграции в Маньчжурии, содержащие оценки и наблюдения, дневниковые записи консулов, списки лиц, желавших выйти из советского гражданства. В этом же

архиве отложились документы, переданные в НКИД из ОГПУ: списки активных белогвардейцев, решения о репрессиях против эмигрантов и т.п. При проведении исследования были также использованы материалы из фондов ТАСС (Р-4459) и ВОКС (Ф. Р-5283), хранящиеся в ГА РФ, и Посредрабиса (Ф. 110) в ЦГАЛИ СПб, которые содержат ведомственную переписку и отражают связи между советскими представителями в Маньчжурии и центральными организациями в СССР. На основе этих документов удалось осветить различные аспекты политики СССР по отношению к эмиграции в Маньчжурии.

Для изучения советского присутствия на КВЖД автором использовались документы, хранящиеся в РГАСПИ - материалы фонда И.В. Сталина (Ф. 558), Центральной контрольной комиссии ВКП(б), касающиеся «чистки» партийной организации в Маньчжурии в 1930- 1931 гг. (Ф. 613), документы Северо-Маньчжурского комитета комсомола, которые свидетельствуют о работе партийной и комсомольской организаций в Маньчжурии (Ф. 1м, 19м).

Значительный комплекс документов, касающийся советско-китайского управления КВЖД, жизни советской колонии в Маньчжурии, отложился в фонде 323 «Правление КВЖД» РГИА. Это протоколы заседаний Правления КВЖД, приказы по КВЖД, переписка между отделами и службами, документы профсоюза железнодорожников и железнодорожной полиции, отчеты, справки, экономические обзоры, бюллетени зарубежной и местной прессы.

В этом же фонде содержится более 6 тыс. личных дел «бывших работников КВЖД». Особый интерес в личных делах представляют послужные списки, которые содержат информацию о возрасте, месте рождения, вероисповедании, образовании, составе семьи, военной службе, гражданстве. Этот уникальный источник позволяет создать коллективную биографию служащих КВЖД при условии постановки однотипных вопросов о датах и месте рождения, путях попадания в Маньчжурию, браке и семье, социальном происхождении, образовании, роде деятельности, религии. Кроме послужного списка в делах находятся заявления о приеме на работу, предоставлении отпусков, командировок, приказы об увольнении, повышении окладов, награждении и проч., а также переписка по квартирному вопросу - предоставлении служебных квартир, их размерах в зависимости от должности. В статистический обзор вошли личные дела 453 человек. Анализ всех сведений, предоставляемых в биографиях, позволил выделить общие моменты в биографиях, проследить карьерный рост в зависимости от гражданства, образ жизни различных служащих на КВЖД (оклады, квартиры, льготы, условия работы, дачи, курорты, няни и гувернантки у детей, наличие автомобилей и проч.). Изучение этого комплекса источни-

ков помогло понять мотивы принятия советского или китайского гражданства, способы адаптации русского населения Маньчжурии к новым политическим условиям.

Информация из личных дел служащих КВЖД послужила основой биографических сведений, представленных в приложении, которые дополнили данные из личных дел эмигрантов и советских граждан, хранящихся в фонде архива БРЭМ (ГАХК. Ф. 830), а также личных дел бывших работников КЧЖД – эмигрантов, принятых на работу в 1945 – 1949 гг. (РГИА. Ф. 323. Оп. 13). Здесь помимо общей информации содержатся автобиографии служащих, на основе которых можно проследить процессы перехода из одного гражданства в другое. Привлечены также документы фонда 8002 «Правление КЧЖД», хранящегося в РГАЭ, и фонда Р-7523 (Оп. 68) из ГА РФ, где содержатся дела о лишении советского гражданства русского населения Китая.

Особую категорию источников составляют материалы зарубежных архивов, на основе которых можно реконструировать жизнедеятельность эмигрантской колонии в Маньчжурии. В ГА РФ хранится большой комплекс документов из Русского зарубежного исторического архива, вывезенного из Праги в СССР в 1945 г. В диссертации были использованы материалы фонда РОВС (Ф. Р-5826): донесения, информационные сводки, аналитические записки, письма бывших военных чинов из Маньчжурии, а также материалы фонда Управления КВЖД (Р-6081), сборника «Вольная Сибирь» (Ф. Р-5869), общества сибиряков в Чехословакии (Ф. Р-5870), фонд генерала П.Г. Межака (Ф.Р-5758).

В фондах Музея русской культуры в Сан-Франциско, переданных частично в виде микрофильмов в ГА РФ (Ф. 10143), широко представлены документы и материалы русской эмиграции в Маньчжурии, представители которой переехали в США: уставы эмигрантских организаций, корреспонденция, печатные издания эмиграции, мемуары и интервью из личных архивов бывших «харбинцев» Н.В. Борзова, братьев Воронцовых, Г.К. Гинса, Ю.Ф Крузенштерн-Петерец, А.С. Лукашкина, Е. фон-Арнольд и др.

Значительный комплекс документов, касающихся положения эмиграции в Маньчжурии, содержит архив Д.Л. Хорвата, переданный его родственниками в музей семьи Бенуа в ГМЗ «Петергоф» (Фонд «Архив музея семьи Бенуа»). Особенно интересна рукопись начальника канцелярии Д.Л. Хорвата М.Я. Домрачеева об истории эмиграции в Китае, отрывки мемуаров Д.Л. Хорвата, документы Дальневосточного объединения эмиграции, эмигрантские разведывательные сводки, переписка Д.Л. Хорвата со своими уполномоченными в Маньчжурии.

Важным источником для изучения состояния русской колонии во второй половине 1930-х гг. являются данные польской агентуры в Маньчжурии «Мандарин» (РГВА. Ф.

308к). Так как после оккупации Японией Северной Маньчжурии связи русской колонии с Европой и собственно Китаем значительно ослабли, а местная пресса находилась под строжайшей цензурой, регулярные сообщения резидентов польской разведки из Маньчжурии, проливают свет на обстановку в Маньчжурии, работу БРЭМа, на изменения настроений российской эмиграции.

В работе использованы материалы коллекций Бахметьевского архива российской и восточно-европейской истории и культуры Колумбийского университета в Нью-Йорке (США). В коллекции профессора М.П. Головачева содержатся уникальные материалы: его рукопись о сибирском областническом движении, списки активных коммунистов полосы отчуждения КВЖД, донесения эмигрантской разведки о работе советских представителей, печатные материалы, в том числе антисоветские листовки. В коллекциях С.В. Вострotина и А.П. Воробчука хранится переписка с Д.Л. Хорватом, статьи о положении русской эмиграции в Маньчжурии. Документы дают возможность значительно расширить представления об эмигрантской колонии, по-новому осветить многие стороны и повороты политики СССР в Маньчжурии и реакции эмигрантов на советское присутствие.

В связи с поставленными целями и задачами исследования значительную часть источников составляют документы личного характера – дневники, письма, мемуары, автобиографические материалы из 25 личных фондов отечественных и зарубежных архивов. Наибольший интерес представляют дневники эмигрантов И.С. Ильина (ГА РФ. Ф. Р-6599) и М.А. Языковой, хранящиеся в Бахметьевском архиве. Дневники бывшего офицера колчаковской армии И.С. Ильина охватывают большой период – с 1920 по 1938 гг. и ценны тем, что содержат уникальные неизвестные факты и сведения. И.С. Ильин на протяжении всего периода тщательно фиксировал не только важнейшие события жизни эмиграции в Китае, но также изменения, происходившие в окружающих людях и в нем самом. Таким образом, дневники отражают духовную эволюцию, происходившую в среде военной эмиграции: от надежд на скорое возвращение на Родину до концентрации на элементарном выживании и симпатий к сталинскому СССР. Дневники М. Языковой более эмоциональны, но важно, что они отражают ценности, идеалы, настроения определенной части эмиграции и позволяют узнать не только о политически событиях в Маньчжурии, но и о переживаниях, страхах и надеждах, с ними связанных.

Близким к дневникам источником является эпистолярное наследие, т.к. в письмах помимо ценной фактологической информации присутствует дух времени. В исследовании использовалась обширная корреспонденция начальника телеграфа КВЖД А.А. Затеплинского, который прожил в Маньчжурии более полувека (РГИА. Ф. 1679). Особый инте-

рес представляет переписка представителей «сменовеховских кругов» Н.В. Устрялова, Е.Е. Яшнова, Г.Н. Дикого, которая отражает перемену настроений и отношения российской интеллигенции и советской власти (РГАЛИ. Ф. 2871. ГАРФ. Ф. Р-5911). Сохранился также большой комплекс писем русских эмигрантов из Китая в СССР, США и другие страны, из которых можно узнать о проблемах эмиграции, образе жизни ее членов, чаяниях и надеждах, организации быта. К тому же список адресатов позволил определить круг знакомств, связей, поддерживавшихся авторами писем (ГА РФ. Ф. 10143. РГАЛИ. Ф. 2266, 2512. Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН. Ф. 130, 145, 153).

Одним из важных источников по истории изучения русского присутствия в Маньчжурии являются воспоминания (мемуары), которые позволяют составить представления о мировоззрении, мотивах поведения представителей российской колонии в Маньчжурии. В исследовании использованы как опубликованные, так и неопубликованные мемуары бывших «харбинцев». К последним относятся мемуары Э.Э. Анерта (РГАЭ. Ф. 732), Ю.В. Крузенштерн-Петерец, Г.К. Гинса (ГА РФ. Ф. 10143), С.Г. Скитальца-Петрова (РГАЛИ. Ф. 484), Н.И. Ильиной (РГАЛИ. Ф. 3147), И.С. Ивельского, П.Д. Малеванного (Архив библиотеки-фонда «Русское зарубежье». Ф.1), В.А. Морозова (РГАЛИ. Ф. 1337), М.П. Головачева, В.Н. Касаткина, Н.А. Мартынова, В. Салатко-Петрище, С.К. Сажина, З.А. Мелик-Оганджановой (Бахметьевский архив).

Особо ценными для настоящего исследования представляются воспоминания В.А. Морозова «Записки об эмиграции», написанные им по возвращении в СССР с 1963 по 1976 гг. (13 тетрадей), и Н.А. Мартынова «О жизни и политических событиях в Харбине, в Маньчжурии и вообще на Дальнем Востоке за период 1923 – 1948 гг.», созданных им в Бельгии в середине 1950-х гг. по просьбе П.П. Балакшина. В этих воспоминаниях нашли отражение все перипетии той эпохи – участие в гражданской войне, вынужденная эмиграция в Китай, первые тяжелые годы в эмиграции, поиск своего пути, отношения с китайскими, японскими и советскими властями, даны замечательные характеристики всем лидерам эмиграции, сообществам, организациям, общественным движениям. Мемуарные сведения были сопоставлены с документами личного происхождения, перепиской, материалами периодической печати, личных дел из архивов.

Важным комплексом источников является периодическая печать, которую можно разделить на советскую (газеты «Правда», «Известия», «Вечерняя Москва», «Красная звезда», «Амурская правда»), заграничные русскоязычные издания, издания ассоциаций бывших «харбинцев». Заграничные русскоязычные издания включают в себя как просоветскую прессу - харбинские газеты «Герольд Харбина», «Молва», «Новости Востока»,

«Новости жизни», «Трибуна», «Эхо», журнал «Вестник Маньчжурии», «Известия Юридического факультета в Харбине», так и эмигрантскую печать: газеты «Гун-бао», «Друг полиции», «Заря», «На границе», «Наш путь», «Рупор», «Русский голос», «Русское слово», «Харбинское время», журналы «Вопросы школьной жизни», «Луч Азии», «Рубеж». Изучение местной прессы помимо информации дает представление о бытующих социальных и политических мифах в среде российской колонии в Маньчжурии. Крупные коллекции эмигрантских газет и журналов, изданных в Маньчжурии, находятся в АВП РФ, БАН, ГА РФ, Институте восточных рукописей РАН, Бахметьевском архиве, РГБ, РНБ. В работе также использованы издания российских и зарубежных «харбинских» обществ и ассоциаций – «Австралиада – Русская летопись» (Сидней), Бюллетень «Иогуд Иоцей Син» (Ассоциация выходцев из Китая в Израиле, Тель-Авив), «На сопках Маньчжурии» (Новосибирск), «Русская Атлантида» (Челябинск), «Русские в Китае» (Екатеринбург), «Политехник» (Сидней), «Харбинские коммерческие училища» (Сан-Франциско).

Все перечисленные источники изучались в совокупности, подвергнуты критическому осмыслению, была выявлена их внутренняя связь. Богатый документальный материал дал возможность значительно расширить представления о российском присутствии в Маньчжурии, по-новому осветить многие стороны и повороты политики СССР в Маньчжурии и реакции эмигрантов на советское присутствие. Выявленный массив источников создал необходимые предпосылки для реализации исследовательских задач.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Эмигрантская и советская колонии в Маньчжурии формировались в результате особой исторической и внешнеполитической ситуации на Дальнем Востоке. В связи со строительством КВЖД в конце XIX в. в Маньчжурии образовалась многочисленная русская колония, в которую влилась беженская волна из России после гражданской войны. Необходимость самоопределения русского населения в Маньчжурии в связи с установлением дипломатических отношений СССР и Китая и совместного советско-китайского управления КВЖД привела к разделению всего русского населения на советских граждан и эмигрантов.
2. Успех советских представителей в Маньчжурии и массовая советизация русской колонии в середине 1920-х гг. были связаны с надеждами на защиту прав российского населения со стороны советских консульств и поднятия престижа «русского имени». Однако, непоследовательная политика СССР в Маньчжурии, связанная со сложной международной ситуацией, шла вразрез с интересами русского населения

в Маньчжурии и в конечном итоге привела к утере советского влияния в этом регионе.

3. СССР рассматривал КВЖД не только как важную стратегическую магистраль и коммерческое предприятие, но и как канал советского влияния на Северо-Востоке Китая, и это обстоятельство привело к конфликтам сначала с Мукденским и Нанкинским правительствами в Китае, затем с Японией. После «уступки Маньчжоу-Го прав СССР в отношении КВЖД (СМЖД)», а фактически продажи КВЖД Японии в 1935 г., советское присутствие в Маньчжурии резко сократилось, но в 1945 г., когда КЧЖД оказалась вновь в совместном управлении СССР и Китая, усилилось. С передачей прав КЧЖД КНР в 1952 г., ухудшением советско-китайских отношений, советское присутствие в Маньчжурии сошло на нет. Советское влияние в Маньчжурии на протяжении1920х – 1950-х гг. носило волнообразный характер и зависело от состояния советско-китайских и советско-японских отношений, а также внутриполитической ситуации в СССР. Помимо прочего, это влекло изменение численности русского населения Маньчжурии, принявшего советское гражданство.
4. Советская колония в Маньчжурии сформировалась к середине 1920-х гг. и была весьма разнородной по составу. В нее входили как советские специалисты, командированные из СССР, так и местное русское население, принявшее советское гражданство. Степень советизации, лояльность советской власти среди советской колонии носили часто условный характер. Советская администрация не имела эффективных рычагов влияния на советскую колонию, т.к. суд, полиция, армия, пресса, образование в Маньчжурии были под контролем китайских, затем японских властей. При малейших колебаниях внешнеполитического курса СССР советские граждане в Маньчжурии переходили в другое гражданство, эмигрантское состояние или уезжали в другие страны.
5. Вопрос о гражданстве русского населения стал важной составляющей борьбы за политическое влияние в Маньчжурии СССР, Китая и Японии, а также отстаивания эмигрантами и советскими гражданами своих прав. В период 1920-1950-х гг. можно было наблюдать несколько волн смены гражданства среди русского населения в Маньчжурии: в 1924 – 1925 гг. – при появлении новой советской администрации на КВЖД; в 1929 г. – во время советско-китайского конфликта; в 1932 г. – после оккупации Японией Маньчжурии; в 1935 г. – при уступке прав КВЖД Маньчжоу-Го, в 1945 – 1946 гг. – после советско-японской войны и оккупации СССР Мань-

чжурии в 1945 г., в 1953 – 1958 гг. – в связи с передачей КЧЖД Китаю и последующей реэмиграцией русского населения в другие страны.

6. Эмигрантская колония в Маньчжурии, отличавшаяся разрозненностью, не была реальной политической величиной и не представляла угрозы для СССР, хотя и имела значительные материальные, интеллектуальные и правовые ресурсы для противостояния советскому влиянию. Российская эмиграция использовалась Китаем, Японией в своих политических и пропагандистских целях, как средство давления на СССР.
7. Эмигрантская и советская колонии не были изолированы друг от друга, переплетаясь экономическими, культурными, родственными связями. Зависимость всего русского населения от местных властей и внешнеполитической ситуации вынуждала сглаживать острые углы этого противостояния, искать компромисс. На протяжении всего рассматриваемого периода наблюдались переходы из одного лагеря в другой. Сосуществование двух колоний на территории Маньчжурии отличалось достаточной терпимостью, что выражалось в отсутствии серьезных столкновений и конфликтов.
8. Русская эмиграция в Маньчжурии в 1930-е –1940-е гг. пережила сложный мировоззренческий кризис. С одной стороны, в начале 1930-х гг. произошло крушение надежд на возвращение в Россию, мощный сдвиг «вправо» – к монархизму и фашизму, ставка на японцев, как возможных союзников в борьбе с СССР. С другой стороны, в среде эмиграции наблюдались переоценка событий прошлого, русской революции и процессов, которые к ней привели. Обаяние новой «советской» империи, осознание общей «русской» культурной идентичности в азиатском контексте привели к латентной советизации, расколу эмиграции и поискам новых стратегий поведения.
9. После Второй мировой войны на волне патриотизма и массовой советизации эмигрантская колония в Маньчжурии фактически перестала существовать, начался процесс преодоления многолетнего разделения на враждебные лагеря – советский и эмигрантский. Но когда встал вопрос о репатриации, русская колония опять раскололась на выехавших в СССР и другие страны.

Апробация результатов исследования Основные результаты исследования отражены в научных трудах автора общим объемом около 60 п.л. Наиболее значимые результаты исследования были изложены в монографии «СССР и российская эмиграция в Маньчжурии в 1920-х – 1930-х гг.» и 17 публикациях в изданиях из списка, рекомендованного

Высшей аттестационной комиссией РФ, включая такие журналы как «Проблемы Дальнего Востока», «Родина», «Военно-исторический журнал», «Новый исторический вестник» и др. Основные положения и выводы работы были апробированы на международных конференциях «Нансеновские чтения» (Санкт-Петербург, 2007 - 2012 гг.), международном семинаре “Ethnic Ghettoes and Transcultural Processes in a Globalized City” (Гейдельберг, 2008), международном научном коллоквиуме «Мыслящие миры российского либерализма» (Москва, 2009), международной конференции «Мемуары в культуре русского зарубежья» (Москва, 2010), международной конференции “Between East and West: Transcultural Flows of Encyclopedic Knowledge” (Гейдельберг, 2010), биографических чтениях памяти В. Иофе «Право на имя: Биографика XX века» (Санкт-Петербург, 2011), научных конференциях «Женщины и мужчины в контексте исторических перемен» (Тверь, 2012), «Повседневная жизнь и общественное сознание в России XIX-XX вв.» (Санкт-Петербург, 2012), «Патриотизм и гражданственность в истории России» (Санкт-Петербург, 2013), «Люди и судьбы Русского Зарубежья» (Москва, 2013, 2014 гг.), всероссийской научно-теоретической конференции «Личность в политических, экономических и культурных процессах российской истории» (Москва, 2013), всероссийской научной конференции «Повседневность российской провинции XIX – XX вв.» (Пермь, 2013), исторических чтениях «Гороховая, 2» (Санкт-Петербург, 2013), международной научной конференции «Война и повседневная жизнь населения России XVII – XX вв. (к столетию начала Первой мировой войны)» (Пушкин, 2014),«Великая война и русское зарубежье» (Москва, 2014), «Слепухинские чтения – 2014. Эмигранты и репатрианты XX века: Тема Родины и возвращения» (Санкт-Петербург, 2014). Всего по теме исследования опубликовано 45 научных работ.

ГЛАВА 1. ФОРМИРОВАНИЕ СОВЕТСКОЙ КОЛОНИИ В МАНЬЧЖУРИИ В 1920-Е ГГ.

1.1. Появление СССР в Маньчжурии

1.1.1. Русское присутствие в Маньчжурии в начале 1920-х гг.

Маньчжурия, или Северо-Восточный Китай[56], стала заселяться русскими с конца XIX в., когда в 1896 г. был подписан договор о постройке и эксплуатации Китайско-восточной железной дороги (КВЖД). По этому договору территория, по которой должна была пройти железнодорожная магистраль, была арендована на 80 лет и представляла «полосу отчуждения», которая управлялась русской администрацией, а российские подданные обладали правом экстерриториальности. Полоса отчуждения КВЖД – 25 верст по обе стороны дороги – была выделена из состава Гиринской и Хэйлунцзянской провинций и находилась под управлением русских властей до 1920 г. После русско-японской войны, потери южной ветки дороги (Харбин – Дальний) и раздела Северо-Восточного Китая на сферы влияния между Россией и Японией, Северная Маньчжурия осталась сферой русского влияния в Китае, близкой к положению российской колонии[57]. В полосе отчуждения КВЖД, центром которой стал город Харбин, возникли города и поселки с русской администрацией, русским судом, русскими школами, православными церквями, охраняемые войсками Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи. КВЖД управлялась Правлением Общества КВЖД, которое находилось в Санкт-Петербурге, представителем его на месте был Управляющий КВЖД. С 1903 г. в этой должности состоял генерал-лейтенант Д.Л. Хорват[58], который являлся фактическим хозяином полосы отчуждения КВЖД до 1920 г., отчего эту территорию прозвали «счастливой Хорватией».

События 1917 г. стали началом коренных изменений в положении русского населения в Маньчжурии. Отречение Николая II, образование Временного правительства привели в волнение русское население полосы отчуждения. Уже в марте 1917 г. были организованы Советы рабочих и солдатских депутатов в Харбине и по линии КВЖД,

---

[56] Китайцы называли Маньчжурию «Три восточные провинции» (ТВП) - Хэйлунцзянская, Гиринская и Мукденская.

[57] См.: *Кротова М.В*. Харбин – центр русского влияния в Маньчжурии (1898–1917 гг.). СПб: Изд-во СПбГУЭФ, 2010.

[58] *Хорват* Дмитрий Леонидович (1859–1937) – генерал-лейтенант, Управляющий КВЖД (1903–1918). Окончил Николаевское инженерное военное училище и Николаевскую инженерную академию, участник русско-турецкой (1877–1878 гг.) и русско-японской войн.

ГЛИК – главный исполнительный комитет КВЖД, войсковые комитеты, возникли первые профессиональные союзы [59]. Как писал Д.Л. Хорват в своих воспоминаниях, в полосе отчуждения во время революции образовалось два лагеря: «один – бессмысленных разрушителей и вымогателей, другой – стремившихся сохранить порядок и вверенные ему государственные денежные средства и имущество»[60]. К тому же через КВЖД потянулись непрерывным потоком политические эмигранты из Америки, а также дезертиры из армии, которые развернули революционную пропаганду за прекращение войны. Вся полоса отчуждения была наводнена толпами солдат с оружием, бросивших фронт, наличие которых беспокоило китайские власти и иностранных консулов. В отчете управляющего Генконсульством в Харбине Г. К. Попова о событиях в округе Российского генерального консульства в Харбине за период с 1 ноября 1917 по 1 ноября 1918 гг. говорилось о «бесчинствах солдат, из которых образовались целые банды грабителей, пополнявшихся новыми пришлыми элементами из амнистированных каторжников и вообще из преступной среды», причем Д.Л. Хорват, по его словам, ничего не мог сделать, т.к. власть его de facto была аннулирована Советом при гражданском управлении КВЖД, в который были включены преимущественно представители «крайних левых течений железнодорожного союза», исполнительных комитетов социал-демократов, эсеров и др. организаций [61].

В конце 1917 г. практически прекратилась связь с Правлением Общества КВЖД в Петрограде. Попытка устранения Хорвата и замена его на «комиссара полосы отчуждения» большевика А.Н. Луцкого, военного офицера, оказалась неудачной. Хорват обратился к местным властям, и 6 (19) декабря 1917 г. китайцы объявили о вводе войск в Харбин для противостояния «самочинным организациям, незаконно провозглашающим себя высшей властью в полосе отчуждения», в результате чего пробольшевистские силы были высланы из полосы отчуждения КВЖД[62]. 14/27 апреля 1918 г. в Пекине состоялось собрание акционеров Общества КВЖД, которое избрало новый состав Правления Общества КВЖД, в котором Хорват стал Директором-распорядителем. 9 июля 1918 г. Хорват провозгласил себя Верховным правителем России до созыва Учредительного собрания, передав пост Управляющего КВЖД инженеру В. Д. Лачинову. В октябре 1918 г. Хорват сложил с себя полномочия, оставшись Верховным уполномоченным Временного сибир-

---

[59] *Андреев Г.И.* Революционное движение на КВЖД в 1917 – 1922 гг. Новосибирск: Наука, 1983. С. 106.
[60] «У меня на руках было большое русское дело…». Воспоминания из архива генерал-лейтенанта Д.Л. Хорвата (часть1). /публикация А.В. Луговой //Новейшая история России. 2012. № 2. С. 196.
[61] ГА РФ. Ф. 6081. Оп. 1. Д. 146. Л. 3.
[62] См.: *Молодяков В.* Россия и Япония: рельсы гудят. Железнодорожный узел российско-японских отношений (1891-1945): историческое исследование/Василий Молодяков. М.:АСТ:Астрель: Хранитель, 2006. С.260-261.

ского правительства на Дальнем Востоке и Главноначальствующим над русскими учреждениями в полосе отчуждения КВЖД. Но дальнейшие события гражданской войны, политическая борьба между антибольшевистскими правительствами, сменяющими друг друга, привели к потере русского управления полосой отчуждения КВЖД.

15 марта 1920 г. приказом Гиринского генерал-губернатора Бао Гуйцина Д.Л. Хорват был отстранен от должности Главноначальствующего и был вынужден выехать в Пекин, оставаясь Высоким советником Правления общества КВЖД до 1924 г. 16 марта 1920 г. китайцы заняли здание штаба охранной стражи, спустив с него русский флаг. В Харбине и по линии КВЖД была учреждена китайская полиция. 23 марта 1920 г. полковник Чжан объявил о вступлении в должность начальника Главного полицейского управления. Согласно отчету о положении на КВЖД, составленному гражданской частью КВЖД в мае 1920 г., с переходом полиции в руки китайцев преступность в Харбине выросла в 7 раз[63].

23 сентября 1920 г. декретом президента Китайской республики «О прекращении признания полномочий российских посланников и консулов в Китае» было отменено право экстерриториальности для подданных Российской империи. Принятое решение обосновывалось политической нестабильностью в России, отсутствием в полосе отчуждения единого политического руководства. Все бывшие российские подданные обязаны были подчиняться китайским законам, свобода передвижения по Китаю ограничивалась[64]. Китайским правительством был организован Особый район восточных провинций (ОРВП) – так стала называться полоса отчуждения КВЖД. ОРВП имел статус отдельной административной единицы, равной провинции. Во главе его стоял Главноначальствующий – китайский чиновник, который подчинялся маршалу Чжан Цзолиню – генерал-инспектору ТВП. Первым Главноначальствующим ОРВП стал генерал Чжу Цинлань. При Главноначальствующем ОРВП существовало управление, состоявшее из отделов: финансового, дипломатического, отдела по внутренним делам, технического, драгоманов и т.п. Главноначальствующему подчинялось Главное полицейское управление (ГПУ) ОРВП, земельное управление, управление по делам городского и поселкового хозяйства, управление железнодорожной полиции, Гиринское и Цицикарское дипломатическое бюро и т.п. ГПУ было создано в 1920 г. и состояло из 4 отделений: общественного, административного, судебного, уголовно-розыскного. Также при ГПУ находилась речная полиция, по-

[63] ГАРФ. Ф. 6081. Оп. 1. Д. 146. Л. 237.
[64] См.: *Аблажей Н.Н.* С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. С. 72–75.

жарная команда и т.п. По линии КВЖД было создано 4 отделения ГПУ, а в Харбине организованы участки. В 1923 г. в полиции ОРВП служило 2 726 чел.[65]. Все проживавшие в Маньчжурии бывшие граждане Российской империи должны были зарегистрироваться в полицейском управлении и получить вид на жительство на территории ОРВП, который выдавался сроком на один год и требовал ежегодного продления. Стоимость ежегодного вида на жительство составляла 6 местных долларов и была основной статьей дохода ГПУ.

Слабость центральной государственной власти в Китае привела к так называемому маньчжурскому сепаратизму. Маршал Чжан Цзолинь, который в 1911 г. был военным губернатором Мукденской провинции, а в 1918 г. – генерал–инспектором ТВП, стал «некоронованным королем» Маньчжурии. В 1922 г. он издал декларацию о независимости ТВП, в п.4 которой говорилось: «всякий иностранный дипломат или консул, желающий войти в переговоры с новым государством, должен обращаться к Чжан Цзолиню»; а п.5 гласил: «всякий договор, касающийся Маньчжурии, заключаемый Пекинским правительством, должен под страхом ничтожности предварительно получить санкцию Чжан Цзолиня»[66]. Столицей Трех восточных провинций стал Мукден, где находилась ставка Чжан Цзолиня. Надо заметить, что независимость Маньчжурии имела относительный характер. ТВП сохраняли флаг и герб Китая, признавали все государственно-политические акты, считались с выданными Пекином документами, сохраняли таможенное, судебное, почтово-телеграфное единство и только по административным и финансовым делам не признавали центральной власти.

«Китаизация» полосы отчуждения дороги коснулась и КВЖД. 20 октября 1920 г. между Русско-Азиатским банком и китайским правительством состоялось «дополнительное соглашение о контракте на постройку и эксплуатацию КВЖД»[67]. Кроме постановлений финансового характера, это соглашение подтверждало, что «права и обязанности Общества будут и впредь во всех отношениях носить исключительно коммерческий характер», вводило в состав Правления, кроме Председателя, еще четырех человек китайской национальности и 2 китайцев в Ревизионный комитет, а также установило принцип «справедливого разделения должностей на дороге между русскими и китайцами». На собрании акционеров общества КВЖД 6 ноября 1920 г. в Пекине были избраны в Правление 5 русских членов (В.Д. Лачинов, товарищ председателя, С.И. Данилевский, И.И. Десницкий, К.Б. Рихтер, В.В. Пушкарев) и 4 китайских (Ван Цзиньчунь, Ян Шицин, Дун Шиэнь, Хэ

[65] Особый район Восточных провинций Китайской республики. Справочные сведения об административном и судебном устройстве района. Составлен Экономическим бюро КВЖД. Харбин, 1927. С.27.
[66] Маньчжурия. Экономико-географическое описание. Ч.1. Харбин: типо-литография КВЖД, 1934. С. 308.
[67] См.: Краткий обзор работы КВЖД и края. Харбин: типография КВЖД, 1928-1929 гг. С.8.

Шоужень). Председателем правления Общества КВЖД стал генерал Сун Сяолян. В соглашении подтверждалось, что Управляющим дорогой должно быть «лицо русской национальности», а помощником его должен быть китаец. Такое же правило паритета было установлено для важнейших служб Управления дороги.

С 1 февраля 1921 г. новым Управляющим дорогой был назначен Б.В. Остроумов[68] – энергичный и способный инженер, который, по мнению исследователя Г.В. Мелихова, установил образцовый порядок на КВЖД, преобразил ее из «больного предприятия с огромным дефицитом и погрузившимися в апатию рабочими и служащими в активно работающую и высокодоходную железную дорогу» [69]. С 1921 г. началось урегулирование финансовой деятельности дороги – понижение тарифов, увеличение коммерческих перевозок, что привело к повышению доходов дороги и погашению прежней задолженности. Деятельность Остроумова уже через год оценило Правление общества КВЖД, отметив в протоколе заседания № 1509 от 3 марта 1922 г., что «благодаря его (Остроумова – *М.К.*) неутомимой энергии дорога имела возможность выплатить более 9 млн. долгов»[70].

Русское население Маньчжурии после 1917 г. представляло собой очень пеструю картину. Основу его составляли старожилы «русской» Маньчжурии – железнодорожники и предприниматели, поселившееся здесь со времен постройки КВЖД и внезапно оказавшиеся «бесподданными». Русские проживали компактно в районе полосы отчуждения КВЖД, а также в Трехречье[71] и других городах Маньчжурии – Хайларе, Цицикаре, Мукдене, Чанчуне, Дайрене. Старожилов – «кавежедеков» и коммерсантов – называли еще «коренным населением», «местными» или «старыми харбинцами». Они отличались от беженцев и от жителей собственно России. Некоторые не бывали в России с юности, детских лет, а иные и вообще никогда. Прибывший с отступавшей армией каппелевец В.А. Морозов был поражен особой атмосферой и своеобразием полосы отчуждения и КВЖД и ее населения: «Кавежедеки до революции – от мала до велика – как сыр в масле катались, жили припеваючи, беззаботно, обеспечено, крайне сытно, трудились очень мало. <…>

---

[68] *Остроумов* Борис Васильевич (1880–1944) –инженер. Окончил Институт путей сообщения в Санкт-Петербурге (1902). Начальник строительства Бухарской (1911) и Южно-Сибирской железных дорог (1916–1918), состоял при Временном Российском правительстве (с апреля 1919), управляющий КВЖД (1921–1924).

[69] О нем см.: *Мелихов Г.В*. Деятельность Б.В. Остроумова на КВЖД (1921–февраль 1922) //Культурное наследие русской эмиграции. 1917 –1940 гг. Кн. 1. М., 1994. С. 153 – 160. *Его же*. Российская эмиграция в Китае (1917 – 1924 гг.). М.: изд. Центр ИРИ РАН, 1997. С. 159–194. *Его же*. Белый Харбин: середина 20-х. М.: Русский путь, 2003. С.236-245.

[70] Личное дело бывшего работника КВЖД Б.А. Остроумова. (РГИА. Ф. 323. ОП. 9. Д. 3892. Л. 25об).

[71] Трехречье — район, расположенный к северу от КВЖД недалеко от советско-китайской границы, в долине рек Ган, Дербул и Хаул, заселенный русскими беженцами из Забайкалья и казаками.

Управленческие штаты – многочисленные, огромное количество служб, отделов, подотделов, столов, в каждом – великое множество агентов»[72].

Китайская Восточная железная дорога, бывшая центром всей «русской» Маньчжурии, представляла собой обособленный мир – государство в государстве. На КВЖД существовало множество дополнительных хозяйств – лесные и угольные концессии, опытные поля, электростанции, мастерские, школы, больницы, курорты, библиотеки, железнодорожные собрания и т.п. Дорога была главным работодателем полосы отчуждения. Служащие получали большое жалованье, прекрасные казенные квартиры с собственными садами, бесплатные дрова, проезд по железной дороге, лечение, обучение детей в железнодорожных школах, отдых на дачах и курортах и т.д. С КВЖД были связаны подрядами большинство коммерсантов и торговцев в Маньчжурии. Не случайно вопрос о КВЖД стал центральным в клубке отношений между СССР, Пекинским и Мукденским правительствами.

После революции в Харбин и полосу отчуждения стали прибывать новые массы российских людей. Харбин стал убежищем, где спасались от большевистского террора видные общественные и военные деятели, предприниматели и коммерсанты. Это была первая волна беженцев, прибывших в 1918 и 1919 гг. в составе каких-либо эвакуированных учреждений (Русско-Азиатский банк, Московский народный банк и т.д.) или самостоятельно сумевших попасть в полосу отчуждения. Для многих Харбин и полоса отчуждения стали перевалочной базой, осмотревшись, они перебирались или в другие города Китая – Тяньцзин, Дайрен, Пекин, Шанхай, и дальше – в Европу, США и Канаду.
Со второй волной после крушения белого движения в Сибири и Забайкалье прибыла основная масса беженцев. В начале 1920 г. это были остатки армии адмирала А.В. Колчака, в октябре-ноябре 1920 г. границу Маньчжурии перешли войска атамана Г.М. Семенова и «каппелевцы», в конце 1922 г. – остатки белых войск после крушения белого движения в Приморье. Вместе с белой армией в Китай прибыло гражданское население – интеллигенты, коммерсанты, крестьяне и казаки. Почти вся эта масса людей осела в Харбине и полосе отчуждения. Они абсолютно ничего не имели, часто даже денег на проезд и на первое обустройство. Это были люди, потерявшие все и вынужденные строить жизнь заново.

Именно этой группе пришлось особенно тяжело. О бедственном положении большинства беженцев свидетельствовали письма того периода. Так, А.А. Жалудский, адвокат

[72] Морозов В.А. Воспоминания (РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 5. Д. 10. Л. 38).

и журналист, эмигрировавший в Харбин из Красноярска, писал И.А. Якушеву в Прагу из Харбина в конце 1921 г.: «Здесь в Харбине борьба страшно тяжела. Безработных масса! Что-то кошмарное. Более слабые деморализуются. И кто не желает погибнуть, тот входит в сделку с совестью»[73]. Управляющий КВЖД и начальники служб осаждались просьбами об устройстве на дорогу на любую должность. В письмах 1922 г. бывших белых офицеров начальнику службы телеграфа КВЖД А.А. Затеплинскому содержались отчаянные призывы: «Умоляю Вас ради Бога помочь, сколько найдете возможным. Я не могу заплатить за угол-кушетку и второй день не обедаю и в дальнейшем пока негде взять средств»[74]. Письма с просьбами об устройстве на работу содержали угрозы: «повешусь», «отравлюсь, если не дадите работу», «я не ел три дня» и т.п.[75]. Газета «Русский голос» в январе 1923 г. сообщала, ссылаясь на данные отделения американского Красного Креста, о 32 тысячах русских беженцев в Маньчжурии, нуждающихся в благотворительной помощи, практически голодающих[76].

Поначалу старожилы встречали приезжавших с раздражением и даже враждебностью [77]. Не меньшее раздражение вызывало у беженцев «коренное» население Харбина. Полковник И.С. Ильин, прибывший в Харбин с колчаковской армией в начале 1920 г., оставил в своем дневнике впечатления о первых днях пребывания в Харбине: «Старый русский быт в своей неприкосновенности. Словно под стеклянным колпаком. <...> Все тут живут великолепно, сыто и, что называется, без хлопот и забот. <…> Мы, явившиеся “оттуда” столь неожиданно просто, какие-то диковинные звери или особой породы люди». Ильина задевало, что старожилы не понимали истинного положения вещей в России и «наивно говорили, что мы зря пришли в Харбин, т.к. места тут все равно всем не хватит, жить будет тяжело, а большевики такие же люди, как и все, и с ними, очевидно, можно было договориться! Я стал замечать, что в душе начинает пробуждаться чувство, которое, возможно, похоже на своего рода большевизм, а именно: озлобление против всех этих людей, ничего не испытавших, ничего не видевших, ничего не потерявших!»[78]. Тем не менее, с течением времени разница между старожилами и беженцами стерлась, тем более что прибывшие эмигранты были людьми более высокой культуры и образования. Они ор-

---

[73] ГАРФ. Ф. 5871. Оп. 1. Д. 232. Л. 2.
[74] РГИА. Ф.1679. Оп.1. Д.30. Л.23.
[75] Там же. ЛЛ. 63 – 80. О положении беженцев в Маньчжурии и их успешной адаптации см.: *Смирнов С.В.* Российские эмигранты в Северной Маньчжурии в 1920 – 1945 гг. (проблема социальной адаптации). Екатеринбург, 2007.
[76] Русский голос (Харбин). 1923. 27 января. № 734. С. 1.
[77] См. об этом: *Писаревская Я.Л.* Две России в Маньчжурии: социальная адаптация и реэмиграция (20-е – начало 30-х гг.) // Новый исторический вестник. 2000. №2.
[78] ГА РФ. Ф. Р-6599. Оп. 1. Д. 8. ЛЛ. 1-7.

ганизовали учебные заведения, предприятия, мастерские, рестораны и столовые, лавки и артели. В Харбине появились высшая школа, новые научные общества, газеты и журналы.

До сих пор открытым остается вопрос о численности русского населения в Маньчжурии в начале 1920-х гг. Исследователи расходятся в оценках: Н.Н. Аблажей называет цифру в 150 тыс. чел., Н.А. Аблова – 200 тыс., Г.Н. Мелихов, опираясь на данные годового отчета НКИД за 1923 г., приводит цифру 400 тыс.[79]. Эту же цифру – 400 тыс. русских в Маньчжурии – называл Л.Н. Карахан, полномочный представитель СССР в Китае, в своем письме Г.В. Чичерину от 11 сентября 1923 г.[80]. Но эта цифра ни на чем не основана. По официальным данным полицейского управления, в 1923 г. в ОРВП проживало 238 тыс. человек, из них китайцев – 133700 (56%), русских – 98994 (41%), прочих – 5384 человека[81]. Конечно, не все русские были зарегистрированы в полицейском управлении ОРВП, кроме того, несколько тыс. чел. проживало вне полосы отчуждения. По данным, опубликованным Экономическим бюро КВЖД, в 1924 г. население Трех Восточных провинций составляло 13 млн. чел., из них русских – до 250 тыс. чел.[82].

В основательном труде по описанию Маньчжурии, составленном в 1933 г. Экономическим бюро КВЖД, признавалось, что существуют «дефекты данных о количестве населения Маньчжурии», т.к. здесь не проводилось «переписей в европейском смысле этого слова», точных данных о численности населения не было, а имевшиеся данные были немногочисленны и отрывочны [83]. Согласно данным китайской полицейской регистрации, в сентябре 1931 г. в районе КВЖД проживало 102 тыс. русских. Кроме того, в Трехречье проживало до 6 тыс., в остальных пунктах Маньчжурии – до 3 тыс. русских. Общую численность русских в Маньчжурии Экономическое бюро КВЖД определяло в 130–140 тысяч чел. [84]. В любом случае, ненадежность статистических источников, а также постоянная миграция русского населения, не позволяют говорить о точном количестве русского населения в Маньчжурии в начале 1920–х гг. Приходится признать, что количество русских в Маньчжурии в этот период колебалось от 100 до 250 тыс. чел.

---

[79] См.: *Аблажей Н.Н.* Указ. соч. С. 30; *Аблова Н.А.* Указ. соч. С.126-127; *Мелихов Г.В.* Российская эмиграция в Китае (1917 – 1924 гг.). М., 1997. С. 58.

[80] Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом. Документы. 1923-1926 гг. М., 2008. С.77.

[81] Особый район Восточных провинций Китайской республики. …С.3.

[82] Налоги, пошлины и местные сборы в Особом районе Восточных провинций Китайской республики. Харбин: тип. КВЖД, 1927. С.6.

[83] Маньчжурия. Экономико-географическое описание. Ч.1. С.79.

[84] Там же. С. 93.

1.1.2. Заключение советско-китайских соглашений 1924 г., начало советизации русского населения Маньчжурии.

Крушение белого движения в Приморье в 1922 г., советизация Дальнего Востока, внутренние осложнения в Китае привели к усилению активности СССР в дальневосточной политике. СССР был заинтересован в установлении дипломатических отношений с Китаем, возвращении КВЖД и укреплении безопасности своих дальневосточных границ, а также в устранении белогвардейской опасности со стороны Маньчжурии, которая считалась «осиным гнездом» контрреволюции. Для советской внешней политики 1920-х гг. были характерны два аспекта: дипломатический – урегулирование межгосударственных отношений – и революционно-пропагандистский, нацеленный на подготовку в Китае революции[85]. Эта двойственность советской внешней политики оказала большое влияние на советскую политику в отношении КВЖД и Маньчжурии.

Советские дипломаты в Маньчжурии оказались в сложном положении. Во многом положение советских представителей зависело от отношений с правителем Маньчжурии Чжан Цзолинем. Центральным вопросом в переговорах между СССР и Китаем стал вопрос о КВЖД[86]. Контроль над КВЖД означал контроль СССР над всей Северной Маньчжурией. Переговоры о КВЖД велись еще правительством ДВР[87], потом РСФСР и Китайской республики. Вопрос о КВЖД пытались решить миссия А.К. Пайкеса в 1921 г., затем А.А. Иоффе, полпреда РСФСР в Китае с июня 1922 г. Но только с назначением Л.М. Карахана полномочным представителем СССР в Китае в августе 1923 г. переговоры сдвинулись с мертвой точки. Первоочередными задачами миссии Карахана были установление дипломатических отношений с Китаем и решение вопроса о КВЖД.

Переговоры велись в условиях непростой международной обстановки и нестабильной внутриполитической ситуации в Китае: отсутствие единого правительства, конкуренция военно-политических группировок, влияние иностранных держав на пекинское

---

[85] См.: Очерки истории Министерства иностранных дел России, 1802–2002. Т. 2. М., 2002. С. 92.
[86] О проблеме КВЖД в советско-китайских отношениях см.: *Аблова Н.Е.* Указ. соч. С.104-120.
[87] ДВР (Дальневосточная республика) была создана в апреле 1920 г. решением Учредительного съезда в Вехнеудинске (Улан-Уде) как самостоятельное независимое государство. В нее входили территории Забайкальской, Амурской и Приморской областей, Сахалин, Камчатка и, как заявлялось, полоса отчуждения КВЖД. Но полоса отчуждения КВЖД была уже в сентябре 1920 г переименована в ОРВП и подчинена китайским властям. Особоуполномоченным ДВР в полосе отчуждения КВЖД был Э.К. Озарнин. ДВР пыталась добиться признания своих прав на КВЖД (миссии И.Л. Юрина), но безрезультатно. См.: *Аблова Н.Е.* Указ. соч. С. 110*; Орнацкая Т.А. Ципкин Ю.Н.* Отношения Дальневосточной республики с Китаем (1920–1922 гг.) //Россия и АТР. 2007. № 3. С. 17–26.

правительство и региональные власти[88]. Л.М. Карахан в переговорах делал акцент на новые, равноправные отношения Китайской республики и СССР. В своей речи на рауте 18 сентября 1923 г., устроенном в Центральном парке Пекина, он противопоставил империализм царского правительства и новые подходы в политике Советского Союза: «[Полоса отчуждения КВЖД] была не китайской территорией, а территорией русской. Китайского суверенитета там не существовало. <…> На китайской земле действовала русская администрация, суды, тюрьмы и каждый китаец был там также бесправен, как в настоящее время на какой-либо иностранной концессии в Тяньцзине или Шанхае. <…> КВЖД была дорогой насилия и нарушения прав китайского народа. Она не объединила оба народа, а служила источником вражды и недоброжелательства между ними. Мы должны сделать ее проводником культуры, должны заставить ее служить развитию братских отношений между обоими народами и к процветанию области, через которую дорога пролегает»[89].

Во время переговоров Л.М. Карахана с китайскими дипломатами вопрос о КВЖД постоянно пересекался с вопросом о «белых», которые, по мнению Карахана, мешали дружбе советского и китайского народов. В своей речи 18 сентября 1923 г. он подчеркнул: «Во главе дороги стоят русские белогвардейцы, назначенные Колчаком и другими белыми правительствами. Эти люди, которые считают своей Родиной не Россию, а Америку, Англию или какое-нибудь другое иностранное государство, являются изменниками русского народа. Они разрушают, расхищают дорогу и ее финансами поддерживают белогвардейские банды и организации, как в самой Маньчжурии, так и за ее пределами, они создают настоящую угрозу нашим границам. <…> Но эти враги русского народа вредят не только русскому народу, но и китайскому народу, ибо они хозяйничают, пользуясь поддержкой иностранцев, на этой дороге, как у себя дома и на каждом шагу нарушают права и суверенитет Китая»[90]. Карахан не скрывал цели СССР в Маньчжурии – выгнать «белых» и занять их место на КВЖД.

Советско-китайские переговоры были еще в начальной стадии, но Л.М. Карахан начал заниматься составлением штатов новой администрации КВЖД. В письме Г.В. Чичерину из Пекина от 11 сентября 1923 г. он писал: «Наш кандидат в управление дорогой тов. Иванов[91] приехал вчера в Пекин. Начальники отдельных служб и кандидаты в его ближайшие помощники, подобранные им в числе 9 человек, поехали во Владивосток и

---

[88] О ходе переговоров и заключении Пекинского и Мукденского соглашений см.: *Артемьева О.С.* КВЖД и Мукденское соглашение: новые материалы //Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 1. С.124 – 145.
[89] АПВ РФ. Ф.04. Оп.22. П.164. Д. 29. ЛЛ. 86-87.
[90] Там же. Л. 88.
[91] См. прил. 32.

будут там ждать вызова. Таким образом, здесь у меня имеется необходимый состав для овладения управлением дороги. Остается Правление. На первое время, я думаю, придется включить в состав правления Погодина[92] и Ракитина[93] и еще двух местных товарищей, а также товарища Давтяна[94], которого придется назначить товарищем Председателя. <…>Дело настолько важно, особенно в первый момент, что я сам готов бы поехать в Харбин для непосредственного руководства “октябрьским переворотом” на дороге, но мое пребывание по многим политическим соображениям будет невозможно, и поэтому я буду руководить всем отсюда, из Пекина»[95].

План Л.М. Карахана по «овладению дорогой» был следующий: договориться с китайцами и в определенный день советские члены Правления КВЖД и новый советский Управляющий дорогой должны были явиться в учреждения и потребовать немедленной сдачи печати и документов; в случае отказа китайские власти должны были арестовать всю верхушку. Если же администрация дороги сдаст печати и дела, то верхушку не арестовывают, но за ними устанавливается строжайший надзор. «В первые дни все идет как по-старому, а затем постепенно начинается чистка дороги от активно белогвардейских элементов, как в самом Управлении, так и по линии, – писал Карахан Чичерину. – Для того чтобы эту чистку провести, необходимо на дорогу бросить сотню-другую коммунистов из ГПУ, чтобы на всех главных станциях иметь коммуниста и в то же время человека, прошедшего школу в ГПУ. Без этого мы не сможем держать дорогу в своих руках. В Харбине и в полосе отчуждения имеется 400 000 русских граждан. Партийная организация, так называемый Губком, имеет двести членов партии, из которых нет ни одного старше 1917 года. Между тем самая дорога и весь район по своему экономическому и политическому значению, несомненно, больше любой нашей губернии. Нужно партийную организацию усилить, подняв ее до высоты хорошего Губкома». Далее Карахан предлагал моби-

---

[92] *Погодин* Василий Львович (1870– ?) – генерал-майор, окончил Александровскую военно-юридическую академию. Служил военным следователем Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи с 1906 г. в Харбине. Перешел к большевикам, был назначен в 1922 г. главой миссии ДВР в Китае, потом с 1923 г. особоуполномоченным РСФСР в Харбине. Затем работал в Дальневосточном университете во Владивостоке.

[93] *Ракитин* Михаил Яковлевич (наст. фамилия Браун, 1889–?) — анархист-коммунист, потом коммунист, особоуполномоченный НКИД в Харбине с сентября 1923 г., с июля 1924 г. генеральный консул в Харбине.

[94] *Давтян* Яков Христофорович (псевд. Давыдов, 1888–1938) — член РСДРП с 1905 г. С 1908 по 1918 гг. в эмиграции. С 1920 г. — в органах ВЧК. В 1921 г. — зав. ИНО ВЧК. С 1921 г. работал в НКИД, с ноября 1922 по апрель 1924 гг. — советник полпредства РСФСР в Пекине в Китае. По данным М. Алексеева, совмещал дипломатическую работу с разведывательной деятельностью: главный резидент ИНО ВЧК в Китае и объединенный резидент ИНО ВЧК и внешней разведки. (См.: *Алексеев М.* Указ. соч. С. 474).

[95] Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина …. С.77.

лизовать на КВЖД необходимое количество людей, «отобрать лучших людей как на важный боевой фронт», иначе «мы с первых же дней провалимся на дороге»[96].

Еще до подписания соглашений с Китаем, начиная с лета 1923 г., когда начались переговоры Карахана с китайским правительством, под влиянием слухов о скором приходе большевиков на КВЖД и в Маньчжурию, среди рабочих и служащих КВЖД началось движение по переходу в советское гражданство. Л.М. Карахан особенно настойчиво просил НКИД в письме Г.В. Чичерину от 13 октября 1923 г. не сокращать штаты особоуполномоченного НКИД в Харбине М.Я. Ракитина, т.к. это могло привести к очередям и волоките, что вызвало бы «ропот и недовольство нашим представительством». Отмечая, что в полосе отчуждения «наметился чрезвычайно благоприятный поворот» в смысле увеличения желающих получить советское гражданство, Карахан подчеркивал: «Нам не следовало бы таким путем портить отношения с местным населением». Здесь же он указывал на значительные консульские сборы в валюте, которые «превышают заработную плату необходимых для этого служащих»[97].

В январе – марте 1924 г. советские паспорта от Особоуполномоченного НКИД СССР в Харбине получили многие старожилы Маньчжурии, служащие КВЖД и члены их семей. Так, советский паспорт, выданный 19 марта 1924 г. уполномоченным НКИД в Харбине, получил известный востоковед, старожил Маньчжурии П.В. Шкуркин[98]. Многие служащие, накануне подписания соглашений с Китаем, озаботились приобретением советского гражданства для устройства на работу. Те, кто мечтал устроиться на дорогу, поспешили воспользоваться моментом и «поставить» на СССР. Например, С.Н. Меранвиль[99] поступил на службу КВЖД временным конторщиком бухгалтерии 14 марта 1924 г., как он сам утверждал, «по хлопотам председателя Доркома и нашего советского консула, использовавших благоприятный для сего момент намечавшегося уже соглашения с Китаем о передаче *нам* (курсив мой – *М.К.*) дороги»[100].

Фактически «ползучая советизация» дороги началась задолго до заключения советско-китайских соглашений. В Маньчжурии с 1917 г. существовали различные профес-

---

[96] Там же. С.77-78.
[97] Там же. С. 86.
[98] См. прил. 96. В описи архива П.В. Шкуркина в Сан-Пабло (Калифорния, США) есть описание оригинала его советского паспорта: «Уполномоченный НКИД СССР. Харбин. На первой стр.: "РСФСР. Уполномоченный НКИД СССР в Харбине. Вид на жительство". На обороте обложки: "Настоящий вид не годен для проживания в пределах СССР, но может служить основанием для получения установленных для советских граждан удостоверений личности". Дата выдачи 19 марта 1924 г. [По-французски: Passeport.]». (www.pandia.ru/386110/)
[99] См. прил. 57.
[100] РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 3454. Л. 5а.

сиональные союзы. Самым крупным был профессиональный союз работников железнодорожного и водного транспорта КВЖД (Дорпрофсож). Кроме профсоюза железнодорожников существовали и другие профсоюзы – водников, печатников, металлистов, пищевиков, строителей, Рабис (работников театра и искусства), Медсантруд (работников медико-санитарного труда), Сорапрос (работников просвещения), Нарпит (работников народного питания и общежитий), Швейпром и т.д. С 1923 г. 14 советских профсоюзных организаций были объединены СПС (Советом профессиональных и производственных союзов) и стали подчиняться центральным советским органам. При профсоюзах существовали отделы молодежи (Отмол), отряды юных пионеров. В Маньчжурии еще в 1917 г. была организована Северо-Маньчжурская компартия во главе с Харбинским губкомом РКП(б), работали различные советские организации (Дальгосторг, Совторгфлот и др.), торгпредства СССР, отделения Дальбанка, Нефтесиндиката, Центросоюза. Здесь находились дипломатические представители сначала ДВР, затем с 1922 г. РСФСР, через которых можно было получить советское гражданство. В Харбине выходили просоветские газеты на профсоюзные деньги – «Вперед», «Трибуна». В советские праздники проводились митинги, собрания, демонстрации. Так, в 1922 и 1923 гг. советские граждане полосы отчуждения и просто сочувствующие СССР в день 7 ноября демонстративно не вышли на работу. По сведениям харбинской прессы, из 680 русских рабочих Главных механических мастерских в Харбине на работу 7 ноября 1923 г. не явилось 430 человек [101].

Идеологическое обоснование советизации русского населения Маньчжурии придавали «сменовеховцы» — кружок, сложившийся вокруг проф. Н.В. Устрялова, в который входили Г.Н. Дикий, Е.Е. Яшнов, Н.С. Зефиров и др.[102]. С 1922 г. они выпускали в Харбине альманах «Русская жизнь». На страницах альманаха и харбинской газеты «Новости жизни» они высказывали свои идеи о примирении с советской властью, предлагали забыть политические разногласия ради возрождения России, подняться над «эгоистической слепотой» и правого лагеря «непримиримых», и позицией большевиков, честно признать свои ошибки. Единственной защитницей русских национальных интересов, по мнению Устрялова, являлась советская власть, и борьба с Советским правительством являлась, таким образом, борьбой с Россией, с ее национальными интересами. Н.В. Устрялов призывал интеллигенцию к сотрудничеству с советской властью, к признанию новой России «через ворота патриотизма», а главной задачей эмиграции, по его мнению, должно было

[101] См. об этом: *Вологодский П.В*. Во власти и в изгнании: Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств эмигранта в Китае (1918–1925 гг.). Рязань, 2006. С.416.
[102] См. прил.26, 31, 90, 100.

быть примирение «цивилизованного мира с новой Россией»[103]. Хотя надо заметить, что в Харбине у Устрялова было немного сторонников. Среди эмигрантов его имя вызывало неприязненное, даже враждебное отношение, его считали «агентом Кремля», «патриотом чужого Отечества», а «смену вех» называли «сменой шкуры».

1.1.3. Попытки решения СССР вопроса о «белых» в Маньчжурии

Параллельно процессу советизации русского населения Маньчжурии шел процесс репатриации белогвардейцев в СССР. Советское правительство опасалось, что оставшиеся за границей русские военные чины могут быть вовлечены в деятельность антисоветских организаций и считало, что их необходимо «разредить». Китайцы также были недовольны скоплением большого контингента вооруженных людей на территории Маньчжурии. В 1922–1923 гг. китайская администрация ОРВП начала осуществлять плановую реэвакуацию российских беженцев из Маньчжурии на добровольных началах силами войск охранной стражи КВЖД во главе с генералом Чжу Цинланем. Согласно докладу представителя Лиги Наций в Китае, около 10 тыс. беженцев вернулись из Маньчжурии в Россию в 1923 г. на средства китайского правительства[104]. В том же докладе прозвучали выводы: «Ехать на родину сейчас желают немногие, не более 2%. <…> Вызвано это отчасти сведениями об экономических трудностях в России и принципиальных разногласиях с советской властью. Прежде всего, необходимо от московского правительства получить гарантии амнистии, хорошего обращения и выполнения условий»[105].

После установления советской власти в Приморье в конце 1922 г. вопрос о порядке амнистии и реэмиграции белогвардейцев из Китая обсуждался в отделе Дальнего Востока НКИД и Иностранном отделе ОГПУ. По информации полпредства СССР в Китае количество репатриантов только в Маньчжурии могло составить 20 тыс. чел.[106]. Репатриацией занимались дипломатические органы — аппарат особоуполномоченного представителя СССР в Харбине, уполномоченных СССР на ст. Маньчжурия, Пограничной и в г. Сахаляне — совместно с ОГПУ. Вопрос об амнистии решался согласно постановлению ВЦИК от 3 ноября 1921 г., по которому под амнистию подпадали нижние чины всех бывших белых армий (рядовые солдаты), выехавшие из пределов СССР после 7 ноября 1917 г. Они могли получить от уполномоченных СССР удостоверение об амнистии и по эваку-

---

[103] *Устрялов Н.В.* Проблема возвращения.//Новости жизни. 1921. 20 окт. С. 1.
[104] Больной вопрос //Русский голос (Харбин). 1924. 30 мая. С. 1.
[105] Там же.
[106] *Аблажей Н.Н.* Указ соч. С. 58

ационным спискам беспрепятственно въехать в СССР. В случае невозможности выехать за свой счет, их должны были отправить за счет представительств СССР в Маньчжурии, снабдив суточным довольствием[107].

Для офицеров бывших белых армий и гражданских лиц репатриация была возможна лишь после утверждения их в гражданстве СССР. Для этого необходимо было обратиться к уполномоченным СССР в Маньчжурии, получить временное удостоверение или заграничный паспорт и визу на въезд в СССР. В отношении командного состава бывших белых армий — офицеров, прапорщиков и фельдфебелей — процесс восстановления в правах гражданства СССР осложнялся. Кроме анкеты и заявления о восстановлении в правах они должны были заполнить воинскую анкету, в которой обязательно надо было подробно указать прохождение службы в белых армиях с обозначением армии, частей войск, должностей, участия в боях, времени окончательного выхода из белых организаций, а также указать, где они находились и чем занимались с этого времени до подачи заявления. К воинской анкете необходимо было приложить все имеющиеся документы о службе в белых армиях в подлинниках или копиях, оплатить консульскую пошлину за выдачу совзагранвида. Уполномоченный представитель СССР должен был сделать заключение для каждой анкеты, передать ходатайства особоуполномоченному в Харбине, а тот, в свою очередь, — Чрезвычайному полномочному представителю СССР в Китае[108]. Списки амнистированных и отправлявшихся в СССР воинских чинов согласовывались с Полномочным представительством (ПП) ОГПУ по Дальневосточному краю. В октябре – декабре 1923 г. было отправлено несколько партий амнистированных «белоармейцев», русских беженцев, в том числе из Шанхая по КВЖД через ст. Маньчжурия в Читу. По данным Н.Н. Аблажей, за первую половину 1923 г. в РСФСР было отправлено 1 185 чел., в сентябре 1923 г. количество реэмигрантов из Маньчжурии составило 1 325 чел.[109].

В начале 1924 г., когда переговоры о заключении дипломатических отношений СССР с Китайской республикой были в заключительной стадии, НКИД поставил вопрос о необходимости массовой репатриации из Китая, и в Харбине в мае 1924 г. была сформирована репатриационная комиссия, которая могла бы выдавать визы на въезд в СССР без запроса центра. Но вопреки ожиданиям процесс репатриации белогвардейцев после этого не продвинулся. Л.М. Карахан писал Г.В. Чичерину 28 июля 1924 г. из Пекина: «Вопрос о белых стоит очень серьезно. <…> Репатриационная комиссия в Харбине, несмотря на

---

[107] Объявление особоуполномоченного СССР М.Я. Ракитина о восстановлении в гражданстве СССР и условиях возвращения на родину для русского населения ОРВП //Трибуна (Харбин). 1923. 16 октября.С. 1.
[108] АВП РФ. Ф. 270. Оп. 4. П. 5.Д. 6.Л. 3.
[109] *Аблажей Н.Н.* Указ. соч. С. 58.

то, что она там находится уже около 3 месяцев, не репатриировала ни одного человека». По словам Карахана, кроме отсутствия средств, процесс репатриации тормозило Полномочное представительство ОГПУ на Дальнем Востоке, которое не знало, что делать с репатриированными [110]. Чичерин послал запрос в ОГПУ и получил письменный ответ от зам. председателя ОГПУ В.Р. Менжинского, полученный 7 октября 1924 г., о «нежелательности распределения дальневосточных белогвардейцев, как по Сибири, так и в Дальневосточной области»: «Переход КВЖД в наши руки облегчает задачу репатриации белых по КВЖД, а также и самую работу по сбору репатриантов на месте (соответственные указания нами даются нашим органам в Китае и Харбине), но полагать, что репатриацией части белых — больше 2– 3 тысяч принять в этом году мы не в состоянии — мы радикально разрешим задачу “обезврежения” (так в тексте — *М.К.*) полосы отчуждения, по меньшей мере, неосновательно. Для решения последней задачи потребуется большая сложная работа различными приемами, среди которых репатриация части белых имеет весьма предельное значение»[111]. Тем не менее, решением политбюро ЦК от 23 октября 1924 г. при обсуждении вопроса о репатриации из Манчжурии было признано необходимым увеличить смету ОГПУ на 10 тыс. руб.[112]

Советские дипломаты настаивали на полной репатриации «белых», опасаясь, что «выброшенные с дороги» белогвардейцы «сделаются бандитами и будут нападать на нас», а также сделаются «орудием для японских маневров и интриг»[113]. Но этот вопрос так и не был решен. По данным Н.Н. Аблажей, с января по сентябрь 1924 г. из Маньчжурии было эвакуировано 4 120 чел., т.о. за полтора года через восточную линию КВЖД в СССР выехало около 6 тыс. чел.[114]. В докладе вице-председателя Харбинского комитета по делам русских беженцев Д.В. Мурзаева за 1925 г. прозвучали следующие цифры о движении беженцев в Маньчжурии: в СССР репатриировалось 10 тыс. чел., в Америку и Австралию выехало 2 тыс. чел., натурализовались (приняли китайское гражданство) 2 тыс. чел.[115].

Появление советских представителей в Маньчжурии, громкие заявления и скрытые угрозы Л.М. Карахана заставили часть эмигрантов задуматься о своей дальнейшей судьбе и перебираться или в другие города Китая (Тяньцзинь, Шанхай, Дайрен), или в Европу и

---

[110] АВП РФ. Ф. 04. Оп. 22. П. 166. Д. 48. ЛЛ. 16–17.
[111] Там же. Л.19.
[112] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 470. Л. 1.
[113] Письмо Г.В. Чичерина Л.М. Карахану от 31 августа 1924 г. //Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина... С. 321.
[114] *Аблажей Н.Н.* Указ. соч. С.59.
[115] Вестник железнодорожников (Харбин). 1925. № 7-8. С. 17.

Америку. Часть «кавежединцев», убоявшись будущих перемен, начали увольняться с дороги еще с 1923 г., получив большие заштатные деньги[116]. Многие высшие чины администрации КВЖД решили пойти на сотрудничество с представителями СССР. П.В. Вологодский в своем дневнике сообщал со слов Д.Л. Хорвата, что Управляющий КВЖД Б.В. Остроумов, а также члены Правления общества КВЖД С.И. Данилевский, К.Б. Рихтер, В.В. Пушкарев незадолго до подписания Пекинского соглашения 31 мая 1924 г. «зарегистрировались гражданами Советской России, причем все они обязались поддерживать интересы Советской России по делам Китайской Восточной железной дороги» [117]. О том, что в конце февраля – марте 1924 г. действительно велись переговоры с Остроумовым и другими высшими чинами КВЖД, и специально для этого в Харбин приезжал Я.Х. Давтян, свидетельствует переписка Г.В. Чичерина и Л.М. Карахана. Чичерин прямо говорил о «перешедшем на нашу сторону» Остроумове как о «подаренном нам судьбой козыре» и волновался о «недостаточном использовании нами перехода Остроумова на нашу сторону»[118].

При обсуждении вопроса о предстоявшем соглашении по КВЖД на заседании политбюро ЦК РКП(б) от 26 февраля 1924 г. было принято решение «приказать Остроумову выполнять обязанности Управляющего дорогой и охранять дорогу от всяких захватнических действий», но все решения и действия должны были производиться Остроумовым лишь с «санкции Давтяна»[119].

В письме от 27 февраля 1924 г. Чичерин сообщал Карахану о решениях, принятых Политбюро по поводу Остроумова и замечал: «Что будет с Остроумовым потом, после рассмотрения отчета той комиссией, еще не установлено. <…>Не принимать дороги в данной обстановке было бы недопустимо. Личность Остроумова внушает опасения, однако, сразу его сменить – значило бы дать возможность Чжан Цзолиню посадить своих людей и захлопнуть дверь перед нашим носом. Поэтому Остроумов оставляется под дамокловым мечом»[120].

В ответном письме Г.В. Чичерину из Пекина 10 марта 1924 г. Л.М. Карахан подчеркивал совпадение интересов СССР и «белого» Управления КВЖД в деле противостояния «китаизации» Маньчжурии: «Расчет китайцев был построен на том, что мы против

---

[116] Заштатными деньгами называлось пособие от КВЖД, которое выплачивалось при выходе на пенсию, увольнении по болезни или по случаю упразднения штатной должности, и составляло сумму из расчета месячного оклада за каждый год непрерывной службы.
[117] *Вологодский П.В*. Указ. соч. С. 441.
[118] Переписка. С. 200.
[119] Протокол заседания Политбюро № 73 от 26 февраля 1924 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 421. Л. 1).
[120] Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина... С. 176.

Остроумова и что Остроумов вне закона и что мы не поддержим его, но …вместо Остроумова, враждебного нам и не связанного с нами, они получили Остроумова, но связанного и поддерживаемого нами, находящегося на нашей стороне. Это был очень серьезный удар, который показал китайцам, что не только русские рабочие на КВЖД, но, что и верхушка белогвардейская подчинилась нам, находится на нашей стороне, и что таким образом сверху донизу основной скелет дороги находится в нашем распоряжении. Желая ослабить влияние "русского элемента" они вместо этого укрепили его несказанно, ибо этот *русский элемент сделался советским элементом*»[121]. Таким образом, по мнению Карахана, «провал» китайцев с попыткой устранения Остроумова способствовал подписанию Пекинского соглашения и укрепил советскую позицию на КВЖД. На заседании политбюро ЦК 8 мая 1924 г. было решено А.Н. Иванова – предполагаемого советского Управляющего КВЖД – оставить представителем НКПС при Б.В. Остроумове, а А.Я. Зейбота (Грандта)[122] ввести в Правление КВЖД[123].

31 мая 1924 г. были установлены дипломатические отношения между СССР и Китайской республикой, тогда же подписано соглашение о паритетном советско-китайском управлении КВЖД. Согласно соглашению, КВЖД являлась предприятием исключительно коммерческого характера. 80-летний срок концессии, предусмотренный договором 27 августа/9 сентября 1896 г., после которого дорога и все принадлежавшее ей имущество полностью переходила бы к Китаю, сократился до 60 лет и предусматривал, что в случае обоюдного согласия этот срок может быть сокращен. Досрочный выкуп дороги мог быть произведен в любое время, но только на китайский капитал и по действительной стоимости[124].

В процессе подписания советско-китайского соглашения вопрос «о белогвардейцах в Маньчжурии» постоянно стоял на повестке дня и был предметом торга с китайским правительством. В день подписания соглашения 31 мая 1924 г. министр иностранных дел Китайской республики В.К. Веллингтон Ку отправил письмо Л.М. Карахану: «Ввиду подписания нами сегодня соглашения об общих принципах урегулирования вопросов, стоящих между Китайской республикой и СССР, Правительство Китайской республики готово, в интересах дружбы между Китайской республикой и СССР, прекратить состояние

---

[121] Там же. С. 180.

[122] *Грандт* Иван Петрович (наст. Зейбот Арвид Янович) (1894–1934) – латыш, из крестьян. С апреля 1921 г. — начальник разведывательного управления Штаба РККА. С марта 1924 года в Харбине — член особой комиссии ЦИК СССР по обследованию положения на КВЖД. С 21 ноября 1924 г. – член правления КВЖД, с 1 мая 1925 — и.д. тов. Предс. Правления, с 1 декабря 1925 — член Правления. В 1924–1926 гг. – консул, затем генеральный консул СССР в Харбине. С 1928 г. – в НКПС.

[123] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 436. Л. 2.

[124] Советско-китайские отношения, 1917 – 1957 гг.: Сб. документов. М., 1959. С. 82-89.

всех подданных бывшей Российской Империи на службе в китайской армии и полиции, ввиду того, что своим присутствием или деятельностью они создают угрозу безопасности СССР. В случае если Вы представите моему Правительству список подобных лиц, заинтересованным властям будут даны указания на предмет принятия необходимых мер»[125]. Обещание В. Ку носило формальный характер и ничего не стоило, т.к. Пекинское правительство практически не контролировало Маньчжурию.

К соглашению прилагалось несколько деклараций. Среди них была декларация «об отказе Правительства СССР от экстерриториальности и консульской юрисдикции», которая установила, что граждане СССР будут всецело подчинены китайской юрисдикции [126]. Таким образом, соглашение уравнивало в правах русских эмигрантов и советских граждан на территории Маньчжурии перед китайскими законами, что сокращало возможности защиты прав советских граждан на территории Китая и Маньчжурии. Т.н. «уступки» Карахана, которыми он, по мнению эмигрантов, «купил признание Китая», ущемляли русские интересы и ставили русское дело в Северной Маньчжурии в положение «безнадежности». В письме «Меморандум от лиц, работавших на КВЖД в течение последних 3 лет», адресованном советским представителям в Китае в июне 1924 г., указывалось, что согласно статьям заключенного соглашения о КВЖД Россия «окончательно потеряла право распоряжаться делами и реализовать хотя бы нынешнюю … ценность КВЖД»[127].

Л.М. Карахан воспринимал соглашение как несомненную победу советской дипломатии. Главным он считал то, что советская сторона будет определять бюджет дороги, а это, писал он, «основное орудие нашего давления на китайцев, на служащих, на все судьбы дороги. Мы сохранили в своих руках все те права и льготы, которые имелись, согласно устава, у русского правительства»[128]. Подписание Пекинского соглашения о КВЖД было безусловным успехом, и советские представители чувствовали себя «именинниками» в этот период, а эмигранты начали волноваться за свое будущее. Несколько высших агентов КВЖД в июне – июле 1924 г. были уволены со службы по болезни или, как генералы М.М. Плешков и М.К. Самойлов, занимавшие должности консультантов Правления общества КВЖД, по сокращению штатов[129].

Обстановку на КВЖД после подписания Пекинского соглашения описывал П.В. Вологодский в своем дневнике 4 июля 1924 г.: «Все чувствуют себя не по себе, нервни-

---

[125] АПВ РФ. Ф.04. Оп.22. П.166. Д.48. Л.1.
[126] АВП РФ. Ф. 04. Оп. 22. П. 455. Д. 62233. Л. 13
[127] Цит. по: *Артемьева О.С.* Указ. соч. С. 127
[128] Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина... С. 186.
[129] РГИА. Ф. 323. Ф. 323. Оп. 4. Д. 244а. ЛЛ. 3–4.

чают, ослабела энергия к работе, все антибольшевики заняты одной мыслью, скоро ли их погонят со службы и что им делать дальше, чем существовать. Да и высшее железнодорожное начальство стало проявлять по отношению к представителям СССР особую предупредительность и любезность. На днях Ракитин с компанией посетил курорт Чжалантунь, наиболее предпочитаемый верхами бюрократии и буржуазии Харбина, и сколько было оказано внимания этой компании. Сам главный помощник управляющего дорогой С.Ц. Оффенберг сопровождал в поездке эту компанию до курорта»[130].

Еще одной проблемой для советских дипломатов были «белые» бывшие воинские чины в составе китайских охранных войск и полиции. Г.В. Чичерин предлагал в письме Карахану от 3 июня 1924 г. включить в текст советско-китайского соглашения требование о советском гарнизоне или охране на линии КВЖД. Но Карахан считал, что «гарнизоны и собственная охрана – это есть самый худший вид империалистического внедрения в Китае», а охрану СССР будет иметь «фактически, не договариваясь об этом с китайцами». Он имел в виду тех русских эмигрантов из белого офицерства и нижних чинов, кто «покаялся и теперь готов будет служить нам». План Карахана состоял в том, чтобы постепенно заменить одиозные элементы «нашими»: «Тех, кого нельзя подчинить, мы будем выбрасывать. Те, которые подчинятся и признают нас, можно будет сохранить и, таким образом, мы будем иметь эту охрану (она вооружена) фактически в своих руках»[131]. Чичерин выразил сомнения в реализации этого плана: «Если полиция в руках Китая, а в качестве полицейских Китай нанимает белогвардейцев, то избавиться от последних чрезвычайно трудно, ибо мы знаем по опыту, что бомбардировка нотами в таких случаях мало дает. Что у нас будет в руках реального для противодействия реальной опасности белогвардейских отрядов на железной дороге?»[132]. Как показали дальнейшие события, опасения Чичерина были небезосновательны, и «белые» воинские чины в составе китайской полиции использовали свое служебное положение для антисоветских выпадов (см. об этом в гл. 2).

Фактический правитель Маньчжурии — генерал-инспектор ТВП Чжан Цзолинь не признал советско-китайского соглашения 31 мая 1924 г., и переговоры продолжились в Мукдене: с советской стороны переговоры вел Н.К. Кузнецов, с китайской — Люй Жунхуан, Чжэн Цян, Чжу Шимин[133]. Во время переговоров опять встал вопрос о «белых». Советская сторона настаивала на том, что не может терпеть положения, когда «белые являются в Маньчжурии хозяевами и издеваются…над советскими гражданами, не встречая

---

[130] *Вологодский П.В*. Указ. соч. С. 451.
[131] Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина... С. 242.
[132] Там же. С. 268.
[133] Об этом сложном и противоречивом переговорном процессе см.: *Артемьева О.С*. Указ. соч. С. 129.

никакого отпора со стороны китайских властей». Чжан Цзолинь просил Н.К. Кузнецова передать Л.М. Карахану, что дает слово, что «белым, которые будут вредить нашим отношениям, пощады от него не будет»[134]. Стороны выработали декларацию, которая вошла в Мукденское соглашение, — о запрещении службы в различных правительственных учреждениях как китайцев, так и бывших подданных России, если они «представляют своим присутствием или деятельностью угрозу интересам» ТВП и СССР.

20 сентября 1924 г. в Мукдене было подписано соглашение между правительством СССР и автономным правительством трех восточных провинций Китайской республики, которое в основном повторяло положения соглашения 31 мая 1924 г. и касалось главным образом КВЖД. Определялся коммерческий характер предприятия, право выкупа дороги Китаем, с 80 до 60 лет уменьшался срок бесплатной передачи КВЖД китайскому правительству. По этому соглашению, высшее управление делами дороги было возложено на Распорядительный комитет (потом — Правление КВЖД) в составе 10 членов, из которых 5 назначались китайским правительством и 5 — правительством СССР. Китайское правительство назначало одного из них председателем Правления КВЖД, правительство СССР — товарища председателя. Должность Управляющего дрогой замещалась гражданином СССР, должности двух его помощников — гражданами СССР и Китая. Начальники различных служб и отделов дороги назначались Правлением КВЖД, причем, если начальником службы являлся китайский гражданин, его помощником должен был быть советский гражданин и наоборот.

Служащие дороги также должны были назначаться по принципу равномерного распределения (паритета). В п. 10 соглашения было примечание: «При осуществлении этого принципа равномерности ни в коем случае не должно быть нарушено нормальное течение жизни и успешность работы на дороге, т.е. при приеме служащих граждан обоих государств надлежит руководствоваться их опытностью, поведением и образовательным цензом». Ст. 5 «Пропаганда» провозглашала, что «правительства обеих договаривающихся сторон дают обещание не вести пропаганды против существующего политического порядка и социальной системы той или другой из договаривающихся сторон». К соглашению прилагались две декларации: первая — о передаче правительству СССР всех консульских зданий, принадлежавших правительству Российской империи, и вторая — о запрещении службы в правительственных учреждениях двух стран, как китайцев, так и бывших подданных России [135].

---

[134] Там же.
[135] Советско-китайские отношения. С. 94-98

В ходе Мукденских переговоров изменилось отношение к Управляющему дорогой Б.В. Остроумову. Пока была опасность назначения китайского Управляющего дорогой вместо Остроумова, советские дипломаты поддерживали его, к тому же существовала возможность международного скандала, т.к. в числе акционеров Общества КВЖД были французы. Но в процессе переговоров с Мукденом для заключения отдельного соглашения с Чжан Цзолинем — фактическим правителем Маньчжурии — выяснилось, что Чжан Цзолинь против кандидатуры Остроумова. К тому же доклады А.Н. Иванова, как представителя НКПС при Остроумове, в НКИД указывали на то, что политика Остроумова направлена на «японизацию КВЖД»[136]. После заключения Мукденского соглашения, когда советские представители почувствовали себя уверенно, Остроумова «сдали» китайцам (он был арестован китайской полицией вместе с другими высшими агентами дороги), и Управляющим КВЖД был назначен гражданин СССР А.Н. Иванов.

1.1.4. Формирование новых штатов КВЖД

В октябре 1924 г., после подписания Мукденского соглашения, в Харбине было открыто генеральное консульство СССР, которое проработало до 1962 г. В 1920-х гг. Генеральное консульство СССР в Харбине являлось одним из крупнейших дипломатических советских учреждений за границей, что объяснялось наличием большой советской колонии в этом городе, а также особым местом Маньчжурии и КВЖД во внешней политике СССР. Также как и в свое время власти Российской империи, руководство СССР рассматривало Маньчжурию в качестве сферы влияния советского государства, вследствие того, что на севере этой территории проходила КВЖД, построенная на русские деньги и обслуживающая преимущественно российские экономические интересы. Маньчжурское направление стало одним из основных в советской внешней политике на Дальнем Востоке. Сотрудники НКИД, работавшие на территории Маньчжурии в 20-е гг., занимались решением двух задач: укреплением политического и экономического влияния СССР в Маньчжурии и борьбой с расширением японского влияния в Маньчжурии[137]. Советские консульства были также открыты на станциях КВЖД Пограничная и Маньчжурия, а также в других городах Маньчжурии – Мукдене, Хайларе, Цицикаре, Дайрене.

---

[136] См.: Письмо Г.В. Чичерина Л.М. Карахану от 26 августа 1924 г. // Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина... С. 321.
[137] Очерки МИДа. Т. 2. С. 156.

С первых же дней советско-китайского совместного управления КВЖД обнажилась двусмысленность советского присутствия в Маньчжурии: с одной стороны, казалось, что по сравнению с царской Россией СССР сдает русские позиции в Китае, усиливает китайское влияние на КВЖД, допускает «китаизацию» Маньчжурии. С другой стороны, СССР, обосновавшись на КВЖД, получил возможность развернуть деятельность различных советских организаций, содействуя «советизации» Маньчжурии. По мнению исследователя К.В. Плешакова, «сталинская стратегия в Китае была в основе своей колониальной в традиционно европейском смысле. Он хотел получить физический контроль над китайскими природными ресурсами и коммуникациями, чтобы создать советский протекторат в Маньчжурии»[138]. В любом случае, позиция советских представителей в Маньчжурии была двойственной с самого начала и привела к зигзагам и поворотам в советской политике.

Новые задачи для СССР в Маньчжурии, отличные от имперской политики, попытался сформулировать профессор Н.В. Устрялов: «Теперь Россия появилась (в Маньчжурии — *М.К.*), возвратилась в новом облике, с новой программой, с меньшим могуществом и внешним блеском, чем прежде, но все же в лице своих подлинных представителей и во имя своих реальных интересов. <…> Советская Россия не собирается ни «захватывать» Китай, ни отрекаться от своих разумных интересов и справедливых прав, совместимых с достоинством китайского народа, хотя, быть может, и раздражающих крайних китайских шовинистов»[139]. Однако в чем именно состоят права и интересы СССР в Маньчжурии новое советское руководство КВЖД, по-видимому, не имело точного представления и действовало сообразно обстановке. Характерен эпизод, который привел в своем письме Н.В. Устрялову его близкий друг Г.Н. Дикий, готовивший к должности первого советского Управляющего дорогой А.Н. Иванова: «Вспоминаю рассказ А.Н. (Иванова — *М.К.*) о беседе со Сталиным перед его поездкой в Пекин в 1922 г.: “Когда ты увидишь, что китайская дорога плохо лыжит — быры ее, и если ище што-нибудь плохо лыжит — быры тоже”. Этот крепкий государственный эгоизм — черта очень упорная в Сталине»[140].

Все руководство политикой на КВЖД до 1926 г. осуществлял НКИД, а конкретно — полпред СССР в Китайской республике Л.М. Карахан, который имел здесь широкие полномочия. Именно он подбирал кадры для руководящего аппарата КВЖД, контролиро-

---

[138] Цит. по: *Кип Дж. Литвин А.* Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография / Джон Кип, Алтер Литвин; [пер. с англ. В.И. Матузовой]. М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2009. С.198 - 199.

[139] *Устрялов Н.В.* Россия на Дальнем Востоке //Вестник Маньчжурии. 1925. №1/2. С. 15.

[140] Письмо Г.Н. Дикого Н.В. Устрялову от 16 февраля 1931 года (РГАЛИ. Ф. 2871. Оп. 3. Д. 531. Л. 65).

вал их и высказывался против вмешательства других ведомств. Он также предложил включить в состав Правления КВЖД представителей НКИД, и до 1926 г. членами Правления были Генеральные консулы СССР в Харбине — сначала М.Я. Ракитин, затем Д.Д. Киселев и И.П. Грандт (два последних к тому же были резидентами советской военной разведки). Кандидатуры генеральных консулов СССР в Харбине, членов Правления КВЖД, управляющего дорогой и его помощников утверждались на заседаниях политбюро ЦК РКП(б)/ВКП(б) по представлению НКИД.

Сразу после заключения Пекинского соглашения Л.М. Карахан писал Г.В. Чичерину 2 июня 1924 г. из Пекина: «Первейшая задача, которая станет перед нами, это конструкция аппарата. <…>У меня здесь под рукой имеются два члена Правления. Один — это Грандт (Зейбот), другой, которого я имею в виду назначить временно, конечно, это Ракитин. Но нужен товарищ председателя Правления, для какой должности я просил назначить т. Серебрякова[141]. <…> Что нужно делать сразу же — это произвести чистку аппарата в смысле изгнания с КВЖД, в особенности на линии, белогвардейского офицерства и генералитета, которые рассованы там в достаточном количестве. Эта работа будет произведена в полном контакте с нашими партийными и профессиональными организациями в полосе отчуждения. Кроме того, имеющиеся у нас представители ГПУ будут также привлечены к этой чистке»[142].

При обсуждении с Чичериным состава советской части Правления КВЖД в письме из Пекина от 16 июня 1924 г. Карахан предлагал кроме Серебрякова, Грандта, Ракитина включить в состав Правления «товарища из Дальревкома» Измайлова[143], а в качестве пятого члена Правления Карахан считал необходимым «иметь хорошего спеца»[144]. Карахан в том же письме жаловался на качественный состав профессиональных и партийных деятелей полосы отчуждения КВЖД, который «заставляет желать очень многого», и просил «в партийном порядке мобилизовать до ста человек для всей полосы отчуждения». Причем он подчеркивал, чтобы «это не были товарищи, которым нужно поехать на отдых,

---

[141] *Серебряков* Леонид Петрович (1890 – 1937) – из рабочей семьи, член РСДРП(б) с 1905 г. Советский и партийный деятель, сторонник Троцкого. Был близко знаком со Сталиным – они были членами Реввоенсовета Южного фронта и членами ЦК РКП(б). В НКПС с 1921 г., зам. наркома (1922–1924). С 3 октября по 17 декабря 1924 г. – товарищ председателя правления КВЖД. Затем неоднократно привлекался к разрешению вопросов о КВЖД.

[142] Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина... С. 209.

[143] И*змайлов* Сергей Маркович (наст. фамилия Гуревич) (1886–1937) – советский партийный деятель. Родился в Санкт-Петербурге, образование незаконченное высшее, член ВКП(б). Член правления КВЖД с 1 февраля 1925 г. до 16 декабря 1930 г. До этого работал на различных должностях на Дальнем Востоке, в том числе был уполномоченным Наркомфина СССР на Дальнем Востоке, членом Дальбюро ЦК РКП(б).

[144]Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина... С. 240. В качестве «спеца» было решено оставить из прежнего Правления инженера С.И. Данилевского.

или товарищи, которые не приспособились где-нибудь в другом месте. Это должны быть люди, вполне пригодные к работе и вполне способные к работе, иначе вместо фактического овладения дорогой будет сплошной конфуз»[145]. Вопрос подходящих кадров для КВЖД и в дальнейшем постоянно волновал Карахана, который неоднократно напоминал Чичерину о «качественном» составе партийной публики для КВЖД.

Сразу после подписания Пекинского соглашения 31 мая 1924 г. в Китай стали прибывать коммунисты для работы на КВЖД. Б.Н. Мельников, заведующий Дальневосточным отделом НКИД в письме Л.М. Карахану от 28 июля 1924 г. предупреждал: «В Китай едут сейчас многие. Предложение со стороны желающих ехать огромное, так, приблизительно в 30 раз превышает спрос, хотя и спрос также вполне приличный. Последние дни поехал тов. Клышко[146] в качестве Советника и Торгпреда, с ним вместе уехало около 8 сотрудников»[147]. В июле 1924 г. в Харбин приехали предполагаемые высшие агенты КВЖД И.О. Яцунский, бухгалтер Н.А. Пекарский, инженер А.А. Эйсымонт, М.И. Большов и др. Но, как всегда, кадров не хватало. И в начале совместного советско-китайского управления КВЖД, и впоследствии состав советских руководителей КВЖД был часто случаен, члены Правления и Ревизионного комитета постоянно менялись, а чтобы обеспечить кадровый состав начальников служб приходилось обращаться к старослужащим «спецам».

События 3 октября 1924 г. — появление советской администрации на КВЖД — в Харбине назвали «октябрьским переворотом». Управляющий КВЖД инженер Б.В. Остроумов был уволен 3 октября 1924 г. «вследствие несоответствия общему направлению деятельности Правления»[148]. Вместе с ним были уволены его помощники инженер С.Ц. Оффенберг, генерал М.Е. Афанасьев, зав. Экономическим бюро КВЖД И.А. Михайлов, начальник Земельного отдела Н.А. Гондатти, главный бухгалтер Управления КВЖД М.И. Степунин, секретарь Управления КВЖД А.В. Обольский. С 1 октября 1924 г. «по болезни» уволился Правитель дел КВЖД с 1903 г. В.Н. Вуич, пом. начальника службы сборов К.Н. Новиков, пом. главного бухгалтера с 1902 г. Е.А. Семенов. По болезни были уволены также многие высшие агенты КВЖД — В.Д. Лачинов, Г.Г. Сатовский-Ржевский, инженеры В.П. Максимов, К.В. Покровский и др. Многие высшие агенты взяли «на всякий

---

[145] Там же. С. 241.
[146] *Клышко* Николай Клементьевич (1880–1937) – профессиональный революционер, член РСДРП(б) с 1904 г. До революции жил в Англии, был близко знаком с М.М. Литвиновым. После революции – на различных постах. С 1924 г. - торговый представитель СССР в Китае, член Правления КВЖД (1924-1925).
[147] АВП РФ. Ф. 04. Оп. 22. П. 166. Д. 48. Л. 10.
[148] РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 3892. Л. 3об.

случай» отпуск по болезни, как, например, начальник службы тяги А.Х. Калина и зав. Горным отделом инженер В.Н. Грамматчиков[149].

Остроумов, Гондатти, Михайлов и Степунин были арестованы по распоряжению мукденских властей. Новый Управляющий дорогой А.Н. Иванов объявил, что аресты не связаны с политическими мотивами, а имеют своим основанием «преступные операции с таможенными обязательствами КВЖД» и с сомнительными договорами. Гондатти также обвиняли во взяточничестве[150]. Уволены были члены Правления КВЖД К.Б. Рихтер, В.В. Пушкарев, С.М. Вебер. 11 октября 1924 г. были уволены от службы Высокий советник КВЖД Д.Л. Хорват и драгоман В.О. Клемм.

Никому из уволенных высших агентов дороги не было выплачено заштатное пособие[151]. Все они были выселены из своих особняков, которые заняли вновь прибывшие советские чиновники или старослужащие, взявшие советское гражданство. В личном деле П.Л. Соколова — присяжного поверенного, юрисконсульта Правления КВЖД[152], озаботившегося своевременным принятием советского гражданства, содержится докладная записка от 31 октября 1924 г. с просьбой о выделении казенной квартиры, причем он просил о занятии «освобождающихся в ближайшее время» квартирах служащих, уволенных с КВЖД с приходом советской администрации [153]. Ему был выделен особняк на Большом проспекте площадью 33, 97 кв. сажен (154,6 кв. м – *М.К.*), освобожденный бывшим членом Ревизионного комитета Кузнецовым.

Было сформировано новое Правление КВЖД, состоявшее из китайских и советских чиновников. Председателем Правления КВЖД стал генерал Бао Гуйцин, зам. председателя — Юань Цзинькай, товарищем председателя Л.П. Серебряков, зам. товарища председателя М.Я. Ракитин, членами Правления были назначены С.И. Данилевский, Н.К.

---

[149] РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 244 а. ЛЛ. 274 – 275.

[150] См. об этом: *Вологодский П.В.* Указ. соч. С. 460. П.В. Вологодский также утверждал, что Л.М. Карахан требовал впоследствии, чтобы арестованные высшие агенты были переданы в распоряжение СССР. Особенно Карахан, по выражению Вологодского, «домогался» выдачи Остроумова, т.к. Остроумов незадолго до Мукденского соглашения был восстановлен в правах гражданина СССР. (Там же. С. 480). Китайцы отказались выдать арестованных, т.к. преступления, в которых подозревались Остроумов, Гондатти и Михайлов, были совершены на территории Китайской республики, а граждане СССР не пользовались правом экстерриториальности. Все арестованные предстали перед китайским судом, пробыли в заключении 11 мес., но затем были выпущены в сентябре 1925 г. по амнистии.

[151] Когда В.В. Пушкарев в 1926 г. серьезно заболел, начальник канцелярии Правления КВЖД В.А. Рязановский обратился в Правление КВЖД с просьбой оказать Пушкареву, находящемуся в «тяжелых материальных условиях», финансовую поддержку. Советские члены Правления КВЖД С.И. Данилевский и Л.А. Саврасов, тов. председателя Правления КВЖД, поддержали своими резолюциями эту просьбу. Пушкареву назначили пособие на лечение — 833, 33 руб. и взяли на работу на КВЖД временным агентом Коммерческой части. Но было уже поздно. 1 октября 1926 г. Пушкарев скончался в возрасте 37 лет, его матери — В.В. Пушкаревой — было выделено 300 руб. на похороны. (РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 4347. Л. 81, 84).

[152] См. прил. 82.

[153] РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 4939. Л. 52.

Клышко, Люй Жунхуан, Лю Чже, Фань Цигуан [154]. Ревизионный комитет КВЖД возглавил инженер Чен Хань. Управляющим КВЖД был назначен А.Н. Иванов, помощником Управляющего А.А. Эйсымонт. Правителем дел КВЖД стал И.О. Яцунский.

Начало совместного советско-китайского управления вызвало переполох на дороге. И.С. Ильин[155], работавший на КВЖД, записал 10 октября 1924 г. в дневнике: «Боже, как изменились вдруг лица! Глаза бегают, вид испуганный, разговаривать боятся, некоторые сторонятся! Говорят, что у многих давным-давно припасены совпаспорта и, главным образом, среди тех, кто больше всего кричали о “непримиримости”. Одним словом, старая, давно знакомая картина»[156]. Важно отметить, что в основном весь средний состав прежней администрации и большинство «старослужащих» рабочих и мастеровых остались на своих местах, подтвердив свою лояльность новой советской администрации.

Из высших агентов в Правлении КВЖД сохранил свое место только инженер С.И. Данилевский, хорошо знакомый с работой КВЖД, прекрасно разбиравшийся в «кухне» Правления, знавший китайские нравы и обычаи[157]. На своих прежних должностях остались почти все старшие агенты КВЖД — начальники служб, «старослужащие»: начальник службы тяги инженер А.Х. Калина, начальник службы эксплуатации инженер Е.Н. Войтов, начальник службы пути инженер В.И. Александров, начальник службы телеграфа инженер А.А. Затеплинский, начальник коммерческой службы П.Н. Меньшиков, заведующий отделом судоходства инженер К.К. Луневский, заведующий русско-китайским секретариатом В.Н. Веселовзоров, главный юрисконсульт Управления КВЖД М.И. Гейнсдорф и др.[158]. Главным контролером дороги продолжал оставаться Г.К. Гинс — юрист, бывший управляющий делами Совета министров в правительстве адмирала А.В. Колчака. Сам Гинс позже в интервью объяснял это так: «Для обеих сторон я был более приемлем, чем советский контролер для китайцев, и китайский — для советских». На вопрос, какими были отношения с советским руководством (Управляющий дорогой, например, был под его контролем), Гинс отвечал: «Не сердечные, но достаточно вежливые и деловые. Например, мы несколько раз вместе инспектировали дорогу. Также встречались на бесчисленных банкетах». Гинс утверждал, что враждебности между советскими руководителями и эмигрантами не было: «Политическая сторона не играла никакой роли в Маньчжурии, т.к. это была не Россия, а китайская территория. И были русские и китай-

---

[154] Копия протокола Правления КВЖД № 3104 от 3 октября 1924 г. (РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 1382. Л. 105).
[155] См. прил. 35.
[156] ГАРФ. Ф. Р-6599. Оп. 1. Д. 8. Л. 226.
[157] См. прил. 25.
[158] См. прил. 30, 36.

ские интересы в Маньчжурии. Возможно, что администрация КВЖД пыталась делать все возможное, что могло бы быть полезным русским, а не китайцам. <…> Россия оставалась Россией, но с другим режимом и именем»[159].

На дороге остались служить и другие представители Омского правительства адмирала А.В. Колчака — Н.С. Зефиров, Т.В. Бутов, Г.А. Богданов, Н.И. Сахаров, Н.К. Федосеев, а также «белые» офицеры — генералы В.Н. Касаткин, В.И. Сурин, А.Т. Сукин, полковники П.Л. Островский, Г.А. Зезин и др.[160]. Гараж Управления КВЖД возглавлял полковник М.А. Демишхан — бывший начальник штаба атамана И.П. Калмыкова[161]. Какое-то время оставался на службе и П.В. Вологодский[162]. Понимая, что положение его на дороге очень неустойчиво, что он является «политически одиозной фигурой», в конце декабря 1924 г. Вологодский подал ходатайство Управляющему дорогой с просьбой уволить его с 1 февраля 1925 г. Но его не уволили, более того, Управляющий дорогой А.Н. Иванов вызвал его к себе и отдал ему ходатайство об увольнении без объяснения причин: «Возьмите Ваше прошение, Вас никто не уволит, служите на прежнем основании»[163].

Увольнения коснулись служащих, раздражавших советскую администрацию своим «нелояльным» поведением. Так, были уволены со службы И.С. Ильин, С.А. Елачич — сотрудники эмигрантской, резко антисоветской харбинской газеты «Русский голос», Г.В. Енборисов — бывший казачий полковник, П. Кашкадамов и другие. Ильина и Кашкадамова, в частности, уволили в декабре 1924 г. с формулировкой «за распространение в служебном помещении в служебное время не отвечающих истине сведений, порочащих администрацию дороги»[164]. Вскоре были уволены с дороги руководители Союза беспартийных служащих и рабочих (союз был создан в противовес просоветскому Дорпрофсо-

---

[159] См. об этом: интервью Б. Реймонда с Г.К. Гинсом, взятое в июне 1966 г. для Regional Oral History Office (ГАРФ. Ф. 10143. Оп.16. Кат. 1. Кадр 474).

[160] См. прил. 15, 31, 39, 66, 84, 91.

[161] Газета «Трибуна» в статье «Белогвардейцы на дороге» писала: «В гараже Управления КВЖД – белогвардейское гнездо. Зав. гаражом – бывший начальник штаба Калмыкова полковник Демишхан. Шоферы – Барклай-де-Толли, Веймарн, Решетов, Акишин, Ломиковский – капитан из калмыковцев, Кампанцев, Денисов-Панский и др. – почти все бывшие военные». (Трибуна (Харбин). 1925. 24 февр. С. 3).

[162] *Вологодский Петр Васильевич* (1863–1925) – общественный деятель. Родился в с. Курышинское Енисейской губернии. Окончил гимназию в Томске (1884), поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Был исключен в 1887 г. за «неодобрительное поведение» и выслан в г. Томск. С 1887 г. служил в судебных учреждениях Томска, Барнаула, Семипалатинска. В 1892 г. экстерном сдал экзамены за курс в Харьковском университете. В 1897 г. перешел в присяжные поверенные. Эсер, активный деятель сибирского областнического движения, публицист. В 1918 г. был избран в состав Временного Правительства автономной Сибири. В июне 1918 г. возглавил Временное сибирское правительство. Председатель Совета Министров Всероссийского правительства при Верховном правителе А.В. Колчаке. Ушёл в отставку 22 ноября 1919 г. С 1920 г. в эмиграции в Китае. С 1922 г. служил в Юридическом отделе Управления КВЖД. Уволен с КВЖД в мае 1925 г. за «бесподданство». Умер в Харбине 19 октября 1925 г.

[163] *Вологодский П.В.* Указ. соч. С. 472.

[164] РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 4754. Л. 7об.

жу в 1921 г.). Уволенные служащие пытались найти защиты у китайских властей, писали всевозможные петиции и письма на имя председателя Правления КВЖД, но ничего не смогли добиться.

Согласно одному из первых приказов нового советского Управляющего дорогой в октябре 1924 г. был упразднен церковный отдел КВЖД. Церковнослужители были лишены пособий и выселены из квартир, которые были предоставлены вновь принятым на службу. Так, А.М. Ошанину, бывшему офицеру, подавшему прошение о принятии советского гражданства[165], 5 ноября 1924 г. была предоставлена квартира № 1 в доме при Иверской церкви (церковно-железнодорожный дом по Офицерской ул.) площадью 14, 56 кв. сажени (66,3 кв. м — *М.К.*)[166]. В феврале – марте 1925 г. были уволены также многие русские служащие железнодорожной полиции, по большей части, бывшие военные. По мнению эмигрантов, русских полицейских уволили с тем, чтобы поставить «белогвардейцев» в безвыходное положение и «заставить их или ехать в Советскую Россию, или принять …советскую службу»[167]. Некоторые служащие уволились сами «по болезни», рассчитывая получить заштатные: пом. начальника коммерческой части Я.Ф. Ткаченко, пом. начальника службы К.К. Новаков, зав. коммерческого агентства в Харбине Р.К. Иостынь и др. Таким образом, «бегство с дороги» эмигрантов было как принудительным, так и добровольным.

Всех «белогвардейцев» сразу уволить было невозможно, что весьма раздражало советскую часть Правления КВЖД. Член Правления И.П. Грандт заметил на заседании Правления КВЖД 2 января 1925 г.: «Мы оказались более толерантными, чем думали и писали о нас в первое время. До сего времени еще на службе КВЖД имеются люди, которые ходят на панихиды по “преступно убиенном” царе Николае II, люди, которые по складу своего ума совершенно противоположны нам. <…> Мы еще терпим их, но, конечно, терпению может прийти и конец»[168]. Такая вынужденная лояльность по отношению к старослужащим — «спецам» была связана с нехваткой кадров из СССР и с тем, что почти все коммунисты, командированные НКПС на КВЖД, были проверенными кадрами, но, за редким исключением, не имели необходимого образования. Члены Правления КВЖД М.Я. Ракитин и И.П. Грандт были недоучившимся студентами, Л.П. Серебряков окончил только приходскую двухклассную школу, Д.Д. Киселев окончил 6 классов гимназии, С.М. Измайлов имел незаконченное высшее образование. Правитель дел КВЖД И.О.

---

[165] См. прил. 67.
[166] РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 3896. Л. 22.
[167] *Вологодский П.В.* Указ. соч. С. 484.
[168] РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 282. Л. 15.

Яцунский в личном деле в послужном списке («советский работник, атеист») в графе «образование» указал: «экстерном выдержал экзамены за 7-й класс реального училища в Вильно»[169]. Исключениями были А.И. Геккер, окончивший в 1909 г. Владимирское военное училище в Санкт-Петербурге и курсы при Академии Генерального штаба в 1917 г., и помощник Управляющего дорогой А.А. Эйсымонт — инженер, окончивший институт инженеров путей сообщения в 1906 г. в Санкт-Петербурге.

На место уволенных высших агентов были приглашены также «спецы», хорошо знакомые со спецификой работы КВЖД. На должность главного бухгалтера КВЖД вместо М.И. Степунина был «командирован из Москвы» Н.А. Пекарский, работавший бухгалтером и счетоводом на КВЖД с 1904 по 1914 гг.[170]. Вместо Н.А. Гондатти врио начальника Земельного отдела стал его заместитель, старослужащий А.А. Варпаховский. Начальником Учебного отдела вместо Н.И. Никифорова стал Н.В. Устрялов, который также был назначен директором Коммерческих училищ КВЖД вместо Н.В. Борзова[171]. Л.М. Карахан писал Г.В. Чичерину 1 марта 1925 г.: «Мы долгое время не могли добиться смены начальника учебного отдела и директора коммерческих училищ.<…> Сейчас они устранены и вместо них назначен сменовеховец Устрялов, человек, имеющий свою точку зрения на то, что происходит в СССР, но вполне нам преданный, который будет делать все, что ему прикажут»[172].

Обстоятельства и причины увольнения Н.В. Борзова — бессменного директора Харбинских коммерческих училищ с 1905 г.— разъяснялись в докладной записке от 28 февраля 1925 г. в Правление КВЖД: «В январе с.г. [1925] было, между прочим, установлено, что Н.В. Борзов на всех выпускаемых им документах ставит печать с изображением старого государственного герба бывшей Российской империи (в виде коронованного двуглавого орла). Такого рода действия Н.В. Борзова Управление не могло рассматривать иначе как открытую политическую демонстрацию против СССР, т.к. положение такой печати не могло вызываться никакой необходимостью, кроме прямого намерения выявить свое явное неуважение к Советскому Союзу. <…>. Линия поведения Борзова является де-

---

[169] РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 6255. Л. 1. Интересен здесь же его послужной список («чем занимался до поступления на КВЖД»), показывающий его стремительную карьеру: 1907-1914 гг. – сельский учитель Витебской губернии; 1914-1917 гг. – нестроевой рядовой; 1917-1919 гг. – член президиума Совета солдатских депутатов в Костроме, управляющий делами Костромского совета; 1919-1920 гг. – управляющий делами Московского совета народного хозяйства; 1920-1922 гг.- член Комитета московского коммунального хозяйства; 1922-1924 гг. – зам. начальника администрации Управления НКПС.

[170] Личное дело Пекарского Н.А. (РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 4001. Л. 1).

[171] См. прил. 90.

[172] Письмо Л.М. Карахана Г.В. Чичерину от 1 марта 1925 г. // Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина... С. 462.

монстративно враждебной СССР, совершенно не согласованной с тактикой нового Управления дороги и создает ряд прецедентов, которые грозят опасностью нанесения значительного вреда устоявшейся русско-китайской дружбе подрывом Мукденского соглашения»[173]. Борзов был уволен 27 февраля 1925 г., вместе с ним были уволены преподаватели Н.А. Автономов и А.И. Коробов. Всем было отказано в заштатных выплатах. Борзов просил уволить его по болезни, в связи с чем ему должны были выплатить 12 350 руб. заштатных денег, но пособия ему не выплатили, после чего он судился, но безуспешно.

Н.В. Устрялов получил должность благодаря своему близкому другу, разделявшему его сменовеховские установки, Г.Н. Дикому[174], который был назначен заведующим Экономическим бюро КВЖД вместо И.А. Михайлова. С 1923 г. Г.Н. Дикий консультировал будущего Управляющего КВЖД коммуниста А.Н. Иванова, был потом ближайшим его советником по экономическим вопросам и по тактике управления дорогой. Г.Н. Дикий в письме Н.В. Устрялову от 19 марта 1931 г. вспоминал этот период: «Примирение со всей интеллигенцией на КВЖД, заложник от партии — Иванов — в нашей среде, широкая, универсальная программа просвещенного, рационального руководства дорогой и, в сущности, краем» (подчеркнуто в тексте – *М.К.*)[175]. Против утверждения в должности кандидатур Г.Н. Дикого, И.О. Яцунского на должность правителя дел КВЖД и М.И. Большова, секретаря Управляющего дорогой, выступила китайская часть Правления КВЖД. С большим трудом советской части Правления удалось «продавить» предлагаемые кандидатуры, которые предложили считать пока временно исполняющими обязанности, а совместно с Диким заведующим Экономическим бюро стал китаец И Личун. На одном из заседаний Правления 24 ноября 1924 г. отдельно решался вопрос о повышении в 2 раза жалованья Г.Н. Дикому — с 312,5 руб. до 625 руб. в месяц, как «особо ценному специалисту»[176]. С 1 января 1925 г. оклад Дикому был увеличен до 6300 руб. в год и 1000 руб. дополнительно[177].

Часто замены уволенным и уволившимся старослужащим были явно не равноценными. Инженером для поручений при Управляющем дорогой был назначен И.Н. Рамбах — бывший редактор профсоюзной харбинской газеты «Трибуны», по мнению эмигрантов, невежественный человек, неправильно говорящий по-русски[178]. Его назначение рас-

---

[173] РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 534. ЛЛ. 93–95.
[174] См. прил. 26.
[175] РГАЛИ. Ф. 2871. Оп. 3. Д. 531. Л. 67.
[176] РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 243. Л. 405.
[177] РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 186. Л. 7.
[178] См. прил. 72.

сматривали как назначение «шпика с особым назначением при начальнике»[179]. Именно Рамбах стал обвинителем на «остроумовском» процессе, и его некомпетентность и вызывающее поведение сыграли не последнюю роль в неудачном для советской стороны ходе судебного разбирательства (см. об этом в п. 1.3.).

Главной фигурой на КВЖД, несомненно, являлся Управляющий дорогой, который по соглашению 1924 г. имел достаточно широкие права. От личности Управляющего дорогой, его умения выстраивать отношения, как с китайскими властями, так и со служащими дороги, зависел не только успех в работе КВЖД, но и общее положение русского населения в ОРВП. Первый управляющий дорогой А.Н. Иванов был ставленником Л.М. Карахана. Карахан, представляя Иванова, охарактеризовал его как «хорошо известного в железнодорожном мире СССР», занявшего свой пост «по воле рабочих и крестьян Советского Союза»[180]. На самом деле об Иванове мало что было известно, что стало причиной многочисленных слухов[181]. Эмигранты отмечали, что Иванов был прекрасным оратором и производил «хорошее впечатление», в нем была видна «сила организатора»[182]. С нескрываемой симпатией отзывался об Иванове в своих воспоминаниях эмигрант и активный антибольшевик Н.А. Мартынов[183], считая, что Иванов на посту Управляющего был «удачным выбором Москвы»: «Мужчина лет сорока, …гвардейского роста и прямо красивого телосложения, с приятным северно-русским лицом, с острыми, приятного взгляда, глазами, с симпатично влияющей на людей внешностью, с природным умом, решительного характера, хорошо владевший словом. <…>Импонировал простотой обращения, внимательностью к собеседнику, решительностью и самостоятельностью»[184]. Иванов окружал себя знающими людьми, избегал открытых политических выступлений, чем расположил к себе большинство служащих. Образ справедливого и решительного, способного защитить интересы рабочих «своего парня», был симпатичен большинству «кавежедеков». Немаловажную роль сыграло и то обстоятельство, что кардинально на дороге ничего не изменилось.

Л.М. Карахан, подводя итоги работы на КВЖД за первые 3 месяца работы новой администрации, писал Г.В. Чичерину: «Что касается овладения аппаратом дороги, то это можно считать твердо и определенно законченным. Все русские, находящиеся на КВЖД

---

[179] *Вологодский П.В.* Указ. соч. С. 462.
[180] Заявление Полномочного представителя СССР в Китае Л.М. Карахана представителям печати в Пекине 5 октября 1924 г. //Документы внешней политики СССР. Т. 7. М., 1963. С. 478.
[181] См. прил. 32.
[182] ГА РФ. Ф. Р-6599. Оп. 1. Д. 8. Л. 229.
[183] См. прил. 55.
[184] Мартынов Н.А. Воспоминания. (Collection of N.A. Martynov. Box #1. Bahmeteff archive. Rare book & manuscript library, Columbia university in the city of New York (BAR)).

не только советские граждане, но и не советские граждане, вся верхушка управления КВЖД, стоят прочно за нами и работают в большинстве своем за совесть для нас»[185]. Действительно, т.н. «примирительная» политика новой советской администрации по отношению к русским служащим КВЖД в первый период оказала большое влияние на последующие процессы массовой советизации русского населения, перехода из эмигрантского лагеря в советский. Даже эмигранты отмечали огромную «приспособляемость» советской власти и ее большие ресурсы.

1.2. Образование советской колонии в Маньчжурии

1.2.1. Массовое принятие русским населением Маньчжурии советского гражданства

Образование советской колонии в Маньчжурии было связано с принятием советского гражданства русским населением, оказавшимся после революции в Северо-Восточном Китае, а также с выездом в Маньчжурию на работу советских граждан. Начиная с 1922 г., в Маньчжурию посылались «в командировку» с самыми различными целями советские представители — дипломаты, специалисты, среди которых было много сотрудников ОГПУ, резидентов военной разведки[186]. Но их удельный вес среди русского населения Северной Маньчжурии был невелик, и основой советской колонии были т.н. «новосоветские» - старожилы и беженцы, принявшие советского гражданство в 1920-х гг.

Прием документов на восстановление советского гражданства от лиц, проживавших в Маньчжурии, начался в 1923 г. полномочными представителями СССР, а с 1924 г. консулами СССР. До этого многие жители полосы отчуждения принимали гражданство Дальневосточной республики (ДВР) от особоуполномоченного ДВР в Харбине. Особоуполномоченный СССР в Харбине М.Я. Ракитин (с октября 1924 г. – генеральный консул

---

[185] Письмо Л.М. Карахана Г.В. Чичерину от 8 января 1925 г. // Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина... С. 416.

[186] Среди агентуры в Харбине было много известных разведчиков: А.И. Геккер, А.Я. Зейбот (И. Грандт), Б.Н. Мельников, Д.Д. Киселев, В.Т. Сухоруков, В.С. Рахманин, Х.И. Салнынь, И.Ц. Винаров, Н.И. Эйтингтон, В.П. Рощин, В.П. Алексеев, В.В. Смирнов. См.: Алексеев М. Указ. соч. ; Балакшин П.П. Указ. соч.; Буяков А.М., Шинин О.В. Деятельность органов безопасности на Дальнем Востоке в 1922 – 1941 годах. М.: Кучково поле; Беркут, 2013; Егоров Н. Цыбин А. Белоэмигрантские организации на Дальнем Востоке в 20-х – начале 30-х гг. XX в. и деятельность советских спецслужб //Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 5. С. 77–88; Лота В.И. За гранью возможного: Военная разведка России на Дальнем Востоке 1918-1945 гг. М., 2008; Очерки истории российской внешней разведки. Т.2. 1917-1933 гг. – М.: Международные отношения, 2006; Усов В.Н. Советская разведка в Китае. 20-е годы XX века. М.: «Олма-Пресс», 2002; Усов В.Н. Советская разведка в Китае: 30-е годы XX века. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2007; Шинин О.В. Организация разведывательной деятельности органами государственной безопасности на Дальнем Востоке в 1922 – 1941 гг.//Военно-исторический журнал. 2012. № 10.

СССР в Харбине) самоуверенно заявлял летом 1924 г., что «вне родины останется лишь кучка палачей рабочего класса, контрразведчиков, на совести которых лежат десятки и сотни замученных рабочих и крестьян»[187]. П.В. Вологодский в своем дневнике 30 сентября 1924 г. сообщал, что после подписания Мукденского соглашения «очень многие стали записываться в граждане СССР-ии»: «Говорят, в последние дни являлось в особняк Ракитина-Брауна до 1000 чел. ежедневно для записей»[188].

Октябрь 1924 г., когда на КВЖД пришла советская администрация, стал ключевым событием для самоопределения русского населения в Маньчжурии, так как работать на КВЖД, по условиям советско-китайских соглашений 1924 г., могли только советские и китайские граждане. 5 октября 1924 г. над зданием генерального консульства СССР на Гиринской улице в Харбине при огромном стечении народа был торжественно поднят флаг СССР под громкое «ура» и пение «Интернационала». В честь этого торжественного события генеральный консул СССР в Харбине М.Я. Ракитин с балкона особняка консульства произнес пламенную речь: «Товарищи и граждане! Такие дни, как сегодня, делают историю. <…> Пусть выброшенные из Советской России враги трудового народа проклинают этот день, — день, когда они обрекаются на все невзгоды бесподданства. Вы, товарищи и граждане Союза Советских Социалистических Республик, в их проклятиях почерпнете новую силу для работы на благо Союза и на благо китайского народа. Ибо за ними нет ничего, кроме позорного прошлого, за вами — трудящиеся массы Союза. <…> В этом здании, товарищи, вы всегда найдете надежный приют и защиту»[189].

Всем «бывшим подданным Российской империи» было предложено зарегистрироваться в советских консульских учреждениях, подав заявления о «восстановлении в правах гражданства СССР». Такая формулировка появилась в постановлении ВЦИК от 3 ноября 1921 г. об амнистии и репатриации лиц, служивших в белых армиях [190]. Она была повторена в постановлении ЦИК СССР «О союзном гражданстве» от 29 октября 1924 г., где в п. 10 говорилось, что «восстановление в гражданстве лиц, утративших таковое, может быть произведено постановлением ЦИК СССР или ЦИК союзных республик»[191]. Таким образом, подразумевалось, что все лица, оказавшиеся за пределами СССР после 7 ноября 1917 г. и не зарегистрировавшиеся в установленный срок в дипломатических представи-

---

[187] Цит. по: Русский голос (Харбин). 1924. 3 августа. С.1.
[188] *Вологодский П.В.* Указ. соч. С. 457.
[189] Альбом «5 октября» в память поднятия флага СССР в Харбине и воссоединения Китайской Восточной железной дороги с Россией». (ГАРФ. Ф. Р-6081. Оп. 1. Д. 165. Л. 21).
[190] Известия (Москва). 1921. 3 ноября. С. 1.
[191] Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза ССР. М., 1924. С. 365.

тельствах СССР за границей, фактически порвали связь с Россией[192]. В консульской переписке в отношении русского населения Маньчжурии, принявшего советское гражданство, использовалось выражение «бывшие русские, восстановленные граждане СССР»[193]. Другая формулировка — о «приеме в гражданство СССР» — использовалась для лиц, достигших 16 лет, и подданных государств, «образованных во время революции», — Польши, Латвии, Литвы, Эстонии, Финляндии.

Все «бывшие русские», проживавшие за границей, должны были вместе с анкетой представить в консульство заявление о принятии в гражданство СССР, а затем уплатить консульский сбор. Для лиц, служивших в Белой армии, в Генеральном консульстве СССР в Харбине был особый 5-й стол, где проверялись анкеты. Здесь же велась запись желающих «быть отправленным в СССР в особых эшелонах»[194]. Консульство пересылало документы в Москву, в Наркоминдел СССР, который передавал бумаги в ЦИК СССР для окончательного решения. При положительном решении ЦИК СССР Генконсульство в Харбине оформляло «советский паспорт» — советский заграничный вид на жительство («совзагранвид»). При подаче ходатайства о предоставлении гражданства и уплате консульского сбора «бывшему русскому» выдавалась квитанция «на получение паспорта» на время ожидания решения ЦИК СССР, когда квитанция заменялась «совзагранвидом». Граждане, получившие квитанции, но еще не получившие гражданства и паспорта, назывались «квитподданными». Эта формулировка была полуофициальной, ее использовали в консульской переписке, в некоторых документах КВЖД, в местной прессе.

Гражданин, получивший «совзагранвид», должен был ежегодно продлевать (пролонгировать) его. Так, в личном деле служащего КВЖД, фельдшера ст. Пограничная Г.В. Грибановского указывалось: «квитанция консульства СССР г. Маньчжурия на получение паспорта от 15 декабря 1925 г. № 800 заменена паспортом СССР № 26657 от 19 марта 1929 г. сроком по 19 марта 1930 г.»[195]. За подачу ходатайства о принятии в советское гражданство или выходе из него необходимо было заплатить 1 руб. 50 коп., за паспорт – 22 руб. 45 коп., столько же надо было заплатить за продление паспорта еще на год[196].

---

[192] Декрет ВЦИК РСФСР от 15 декабря 1921 г. «О лишении прав гражданства некоторых категорий лиц, находящихся за границей» //Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 1.
[193] АВП РФ. Ф. 04. Оп. 22. П. 166. Д. 48. Л. 8.
[194] Весь Харбин на 1926 год. Адресная и справочная книга. Редактор-издатель С.Г. Тарновский. Харбин: типография КВЖД, 1926. С. 84.
[195] РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 1236. Л. 16.
[196] Весь Харбин…. С. 84.

Н.В. Устрялов, ставший начальником Учебного отдела и получивший в 1925 г. советский паспорт[197], попытался придать идеологическую форму процессу «совпаспортизации» эмиграции. Его «сменовеховские» идеи соответствовали настроениям тех людей, кто не принимал участие в Гражданской войне, кто хотел, в первую очередь, спокойной жизни и возможности вернуться домой или наладить и сохранять различные деловые связи с новой Россией. Сам Устрялов высоко оценивал свою роль в повороте эмигрантских настроений в советскую сторону, хотя на деле его сменовеховские установки поддерживали немногие. Среди его сторонников в Харбине были: Е.Х. Нилус, Н.С. Зефиров, Е.Е. Яшнов, Г.Н. Дикий, Т.В. Бутов, Н.К. Федосеев, Л.А. Устругов[198]. Все они работали на КВЖД, занимая высокие посты и получая большие оклады. Эта группа «спецов», перешедших из «белого» лагеря в «красный», считала, что их помощь необходима советской администрации, чтобы сделать работу КВЖД «деловой и рентабельной».

Сразу после 3 октября 1924 г. — перехода КВЖД в совместное советско-китайское управление, Устрялов в статье «Россия возвращается» предположил, что эмиграция в Маньчжурии станет легкой «добычей» для Советской власти: «Белые осколки... окончательно превратились в жалкую массу забитых людей, растерявших идеологию и думающих лишь о личной безопасности и куске хлеба. Эти люди в огромном большинстве готовы служить и под новым начальством, приспособиться к новому положению. Их можно и должно взять “голыми руками”»[199]. Признавая интересы СССР в Маньчжурии равнозначными реальным русским интересам в Китае, Устрялов утверждал, что на КВЖД «огромное большинство русских служащих дороги с презрением отмахивается от саботажнических и предательских призывов “непримиримых” кругов эмигрантщины, стремится всеми силами “русифицироваться”, лояльно сработаться с наличными представителями наличной России на Дальнем Востоке»[200].

О возможной массовой советизации на КВЖД писал Л.М. Карахан 16 июня 1924 г. в письме Г.В. Чичерину: «Все командные должности (на КВЖД — *М.К.*) в подавляющем большинстве заняты русскими, а русские служащие сейчас преданы нам больше, чем какому-либо другому правительству, ибо они понимают, что любой из них при малейшем подозрении вылетит с дороги без разговора, причем они понимают также, что, вылетев с

---

[197] См. прил. 90.
[198] См. прил. 15, 26, 31, 91,100.
[199] *Устрялов Н.В.* Россия возвращается // Новости жизни (Харбин). 1924. 5 окт.
[200] *Устрялов Н.В.* Россия на Дальнем Востоке //Вестник Маньчжурии. 1925. №1/2. С. 16.

дороги, они погибли, ибо в Советской России они устроиться не смогут, а за границей и без них достаточно всяких эмигрантов и белогвардейцев»[201].

И действительно, советское гражданство пожелали взять практически все высокопоставленные чиновники КВЖД и старослужащие – инженеры, начальники служб, начальники участков, мастера, рабочие – чтобы не потерять «место». Увольнение означало не только потерю средств к существованию, но также и казенной квартиры, и большого числа льгот (бесплатное медицинское обслуживание, отдых на курортах КВЖД, бесплатный проезд, возможность обучения детей в железнодорожных школах, содержавшихся на средства КВЖД, в которых могли теперь обучаться только дети советских граждан). Среди них были служащие, искренне симпатизировавшие советской власти, и те, кто хотел использовать возможности карьерного роста.

Ходатайства о принятии советского гражданства подали многие представители харбинской интеллигенции — профессоры В.А. Рязановский, М.Н. Ершов, Е.М. Чепурковский, доцент В.Д. Маракулин, археолог В.Я. Толмачев; инженеры С.И. Данилевский, А.Х. Калина, В.Е. Поппель, В.А. Барри, А.Н. Вертячих, К.А. Штенгель, И.С. Зарудный, К.К. Луневский; экономисты В.А. Кормазов, В.И. Сурин, Л.И. Любимов, А.В. Жернаков, А.И. Погребецкий, В.И. Денисов; врачи А.С. Мещерский, литераторы Н.А. Байков, И.И. Вонсович, Л.Е. Ещин, П.А. Ольбрих-Северный[202].

Русское население в Маньчжурии к принятию советского гражданства отнеслось по-разному. Для старожилов, не испытавших на себе трагических событий последних лет, находившихся в привилегированном положении, дело сводилось к простому обмену паспортов. А для большинства эмигрантов - беженцев вопрос о смене гражданства был не столько политический, сколько нравственный. Смена гражданства из-за сугубо «шкурных интересов» воспринималась многими как предательство, угодничество и нечистоплотность. Харбинец В.А. Морозов [203] в своих воспоминаниях, написанных в 1963–1968 гг. после репатриации в СССР, замечал: «Для нас в то время работа с большевиками представлялась ничем не меньшим позором и предательством, чем работа с немцами для людей 1941–1945 гг.»[204]. Многие из стойких антибольшевиков прекратили всякие отношения с «новосоветскими», перестали подавать руку при встрече.

Н.А. Мартынов в своих воспоминаниях, похоже, даже оправдывал людей, принявших совподданство «в силу нужды, а иногда и по мягкости характера, а иногда от

[201] Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина... С. 243.
[202] См. прил. 8, 10, 16, 25, 28, 29, 36, 53, 54, 58, 70, 75, 88, 97.
[203] См. прил. 61.
[204] РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 5. Д. 10. Л. 42.

усталости, не могши дальше переносить тяжести бесправного полуголодного беженца», причем отмечал, что среди мотивов перехода «кавежединцев» в советский лагерь были не только деньги, но и честолюбие[205]. Эмигрантка М.А. Языкова, муж которой, полковник, был расстрелян в Иркутске в 1921 г., оставила запись в дневнике за 1925 г.: «У нас стало чувствоваться влияние большевиков, немало народа — кто из-за хлеба, кто из-за широкой жизни стали брать паспорта. Осуждать трудно, … но все же как-то неприятно видеть как постепенно люди, казавшиеся стойкими, поддавались соблазну золотого тельца и продавали свою душу Антихристу». Причем те, кто отказался принять советское гражданство, были в ее глазах по-настоящему достойными людьми, потому что, чтобы остаться эмигрантами, «надо было иметь много гражданского мужества»[206].

Лидеров военной эмиграции в Маньчжурии беспокоил активный процесс «советизации» русского населения. Были опасения, что после перехода большого числа служащих дороги в советское гражданство, советская администрация могла бы через них контролировать эмигрантов, «сближаться с лицами антибольшевистского направления, что может быть использовано большевиками в целях разведки антибольшевистских настроений» [207]. Впрочем, принятие советского подданства беженцами и старожилами рассматривалось и как позитивный момент. Считалось, что таким образом от эмигрантской колонии отделится «ненадежный и неустойчивый элемент», а это приведет к окончательному размежеванию двух лагерей.

Среди людей, решивших принять советское гражданство, далеко не все испытывали симпатии к Советской власти. Многие просто хотели найти своих родных и близких, оставшихся на территории СССР, сохранить связь с родственниками. Мотивом для принятия гражданства многими служащими КВЖД была также забота о будущем детей. Советское гражданство позволяло детям служащих продолжать ходить в железнодорожные (ставшие советскими) школы, получать бесплатное образование. К тому же для детей советских граждан существовала скидка на обучение в Харбинских коммерческих училищах, Политехническом институте и на Юридическом факультете в Харбине, которые получали субсидии от КВЖД. Для предпринимателей, среди которых было немало состоятельных людей, важным мотивом для выбора советского гражданства было сохранение коммерческих связей с КВЖД, от заказов которой они напрямую зависели, а также возможность беспрепятственного въезда в «нэпмановский» СССР по коммерческим делам.

---

[205] Мартынов Н.А. Воспоминания. (Collection of N.A. Martynov. Box #1. BAR).
[206] Языкова М.А. Дневник (Collection of M.A. Yazykova. BAR).
[207] Письмо генерала М.К. Самойлова А.С. Лукомскому от 15 сентября 1925 г. (ГА РФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 136. Л. 36).

Описывая историю своей семьи, Г. Нэш сообщал о судьбе своего родственника, Михаила Дьяконова, предпринимателя, старожила Харбина, принявшего советское гражданство в связи с тем, что КВЖД была основным заказчиком его товара[208]. Советское гражданство позволяло устраиваться на службу не только на КВЖД, но и в отделения советских торговых организаций посредниками, закупщиками, конторщиками.

Среди взявших советское гражданство в 1920-х гг. в Маньчжурии было много представителей национальных общин — поляков, украинцев, грузин, евреев, татар. Большинство евреев, поселившихся в полосе отчуждения КВЖД еще со времен постройки, предпочли взять советское гражданство. Жизнь и быт евреев на станциях КВЖД в 1920-е гг. в гораздо большей степени зависели от советского гражданства, чем в Харбине, т.к. в небольших поселках евреи были в окружении белоэмигрантской, как правило, антисемитской среды, и у них не было другого выхода, как искать защиты в советских консульствах. М. Мустафин в своей книге писала о принятии советского гражданства ее прадедом Г.М. Оникулом и другими родственниками, жившими в Хайларе: «Они просто хотели продолжать здесь жить. <…> Торговцы брали советское гражданство скорее из практических, чем политических соображений. Они не хотели быть бесподданными, особенно в эти непростые времена. Регистрация в советском консульстве не давала этим людям полных прав как советских граждан или права въезда в СССР. <…>Большинство хотело консульской защиты»[209]. По разным оценкам, от одной трети до половины всех проживающих в Маньчжурии евреев взяли советское гражданство. Даже после отъезда еврейского населения в начале 1930-х гг. на юг Китая, в Европу и Америку, в 1936 г. среди 3,5 тыс. чел. еврейской колонии больше половины – 1 700 чел. были с советским гражданством[210].

Вопрос о принятии гражданства СССР для служащих КВЖД стал особенно актуальным после выхода приказа управляющего дорогой А.Н. Иванова № 94 от 9 апреля 1925 г. Согласно приказу, все служащие дороги, которые не собирались регистрироваться в гражданстве СССР или Китайской республики до 31 мая 1925 г., должны были быть уволены со службы с 1 июня 1925 г. Служащие дороги, «возбудившие соответствующее ходатайство о регистрации, которым в таковой регистрации будет впоследствии отказа-

---

[208] *Нэш Г.* Потерявшие родину. Семейная сага Тарасовых. СПб: Лики России, 2011. С. 107. После продажи КВЖД М. Дьяконов потерял основного заказчика, доходов почти не стало, но все же семья осталась в Маньчжурии, сохранив советские паспорта. И только после Второй мировой войны они перебрались в Австралию,

[209] *Moustafine M.* Secrets and Spies: the Harbin Files. Sydney, 2002. P. 94–95.

[210] АВП РФ. Ф.100 «б». Оп. 3. П. 17. Д. 15. Л. 74.

но», должны были быть уволены со службы после получения уведомления об отказе[211]. После этого приказа в советские консульства в Маньчжурии тысячами стали поступать заявления о «восстановлении в правах гражданства СССР».

По сведениям, приведенным в дневнике П.В. Вологодского, около 4 тыс. служащих и рабочих КВЖД не приняли к моменту издания приказа № 94 подданства СССР[212]. Судя по личным делам, ходатайства о «восстановлении гражданства СССР» после 9 апреля 1925 г. подали многие старослужащие КВЖД: А.А. Затеплинский, начальник службы телеграфа, служивший на КВЖД с 1905 г.; инженер Г.И. Бочаров, начальник 4 участка службы пути (на КВЖД с 1904 г.); В.Н. Веселовзоров, заведующий Русско-китайским секретариатом (на КВЖД с 1897 г.); секретарь службы пути В.П. Коренев (на КВЖД с 1913 г.); заведующий отделом судоходства К.К. Луневский (на КВЖД с 1914 г.); начальник ст. Куаньченцзы Г.Л. Суббота (на КВЖД с 1910 г.); заведующий ветеринарным отделом А.С. Мещерский (на КВЖД с 1909 г.) и др.[213]. Подали заявления многие старшие агенты КВЖД, прибывшие в Маньчжурию с беженской волной и устроившиеся на дорогу в 1918–1923 гг.: П.Л. Соколов, В.А. Барри, И.И. Вонсович, К.С. Голиков, Б.В. Люба, А.Д. Воейков, М.К. Гордеев, А.И. Горшенин, А.Н. Губарев, В.А. Кулябко-Корецкий, Н.Н. Афанасенко, И.В. Павлов, Г.А. Богданов, Л.И. Любимов и др.[214].

К августу 1925 г. советское гражданство получили уже 8,5 тыс. служащих КВЖД[215]. В дальнейшем количество ходатайств о приеме в советское гражданство и выданных паспортов стало уменьшаться (см. п. 1.3.3). Проанализировав эвакуационные списки агентов службы тяги – граждан СССР на 1935 г. (в основном это были рабочие – слесари, сборщики, кочегары, а также машинисты паровозов), можно сделать вывод о том, что большинство рабочих, принявших советское гражданство, были старослужащими, получившими советские паспорта в консульствах Харбина, Маньчжурии, Хайлара, Пограничной, Цицикара, причем наибольшее количество паспортов было выдано в 1926 г. Так, среди 349 рабочих Главных механических мастерских в Харбине получили советские паспорта: в 1924 г. – 34 чел., в 1925 г. – 44 чел., в 1926 г. – 137 чел., в 1927 г. – 29 чел., в 1928 г. – 29 чел., в 1929 г. – 10 чел., в 1930 г.– 16 чел., в 1931 г. – 17 чел.. в 1932 г. – 2 чел.. в 1933 г. – 3 чел. У 12 человек были заграничные советские паспорта, полученные во Вла-

---

[211] РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 268. Л. 117об.
[212] *Вологодский П.В*. Указ. соч. С. 487.
[213] См. прил. 30, 58.
[214] См. прил. 10, 18, 22, 47, 53, 82.
[215] *Аблажей Н.Н.* Указ. соч. С.54.

дивостоке, Иркутске, Чите, Красноярске [216]. Члены семей рабочих, указанные в списках, также имели советское гражданство. Так, котельщик Главных механических мастерских Николай Федорович Ерахтин, 1899 г.р., имел советский паспорт № 3011, выданный Генконсульством СССР в Харбине 10 апреля 1925 г., его жена – паспорт № 21570 от 6 октября 1930 г., мать – паспорт № 19103 от 28 июня 1926 г., сестра – паспорт № 27398 от 10 ноября 1926 г., брат – паспорт № 19104 от 28 июня 1926 г.[217].

Стремительный рост советской колонии можно было рассматривать как несомненный успех советской власти. Для советской администрации было важно то, что советское гражданство принимали не только старослужащие, но и бывшие офицеры, устроившиеся работать в начале 1920-х гг. на КВЖД. Как, например, генерал-майор В.Н. Касаткин, генерал-лейтенант В.И. Сурин, генерал-майор А.Т. Сукин, полковник Г.А. Зезин, полковник П.Л. Островский и другие. Среди «бывших» белых офицеров, взявших советское гражданство, эмигрантами были замечены: А.В. Михайловский, Гутяр – бывший семеновский офицер, П.П. Никольский, Д.И. Рытов (адъютант Гришина-Алмазова), полковник Г.Н. Юраш, капитан П.М. Сидорин, П.Ю. Серый-Сирык, П.А. фон Ольбрих-Северный, П.А. Басенок, А.Н. Вишневский, А.М. Ошанин, М.И. Гребинский, Б.С. Лабуза и др.[218]. У каждого была своя история и свои мотивы для принятия советского гражданства. Например, М.И. Гребинский[219], уже после 1935 г. объяснял в анкете БРЭМ, что советское гражданство в 1925 г. получил с «благословения контр-адмирала Федоровича» для того, чтобы внедриться в «советский стан»[220].

Один из получивших советский паспорт, подполковник П.Л. Островский[221] был известен в эмиграции в Харбине как начальник штаба Азиатской дивизии барона Унгерна. После прибытия в Харбин Островский в 1921 г. устроился на работу на КВЖД. Надо заметить, что, заполняя анкету «послужного списка» при поступлении на КВЖД, в графе «чем занимались до поступления на дорогу» Островский указал: «Работал на Владикавказской железной дороге, на должности коммерческого конторщика и запасного агента по движению»[222], никак не упомянув свое боевое прошлое. Он устроился конторщиком, потом временным весовщиком ст. Маньчжурия, в 1923 г. работал билетным и багажным кассиром ст. Аньда (оклад 840 руб. в год). С приходом советской администрации взял со-

[216] РГИА. Ф. 323. Оп. 11. Д. 447. ЛЛ. 73 – 122.
[217] Там же. Л. 71 об.
[218] См. прил. 23, 39, 48, 66, 67, 78, 79, 84.
[219] См. прил. 23.
[220] ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 11258. Л. 8.
[221] См. прил. 66.
[222] РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 3891. Л. 1.

ветское гражданство, и, таким образом, обеспечил себе безбедное существование. С 1 ноября 1925 г. его назначили начальником ст. Чанчунь с окладом 1500 руб., а с 1 ноября 1928 г. – начальником ст. Куаньченцзы с повышением оклада до 3 тыс. руб. в год. По донесениям эмигрантов, Островский при проезде Карахана через ст. Чанчунь имел с ним беседу и «со слезами на глазах раскаивался в своих проступках перед III Интернационалом. Просил Карахана простить его и походатайствовать к скорейшему получению советского паспорта. Карахан просьбу исполнил, и через полтора месяца Островский получил паспорт»[223]. Впоследствии, как сообщали эмигрантские агенты, он «держал себя безобразно: усиленно подыгрывал своему начальству, стараясь выслуживаться, и, наоборот, по отношению эмигрантов держался высокомерно. Например, в присутствии советских подданных с эмигрантами, своими знакомыми, не здоровался»[224].

Генерал М.К. Самойлов сообщал из Ментона генералу А.С. Лукомскому от 5 июля 1925 г. о переходе «белых» офицеров в Харбине к «красным»: «Ради сохранения должностей на КВЖД взяли советские паспорта полковник Сурин, генерал Касаткин, генерал Лебедев (умер), генерал Сухорский. Полковник Тонких перешел к красным, также Генерального штаба генерал Шалавин»[225]. В другом письме он сообщал о переходе в «красный» лагерь бывшего корпусного контролера одного из армейских корпусов А.Н. Вишневского — заведующего делами Ревизионного комитета КВЖД: «не только взял совпаспорт, но и возбудил ходатайство о принятии его в компартию (жену отправил в Париж вместе с некой Куренковой)»[226].

Принятие бывшими офицерами советского гражданства иногда сопровождалось работой по «особой линии», чтобы таким образом «заслужить» право советского гражданства. В документах Северо-Маньчжурского комитета ВКП(б) недвусмысленно упоминается об «услугах белогвардейцев», зарабатывавших советское гражданство, и о необходимости иметь в сыскном отделении полиции «своих людей»[227]. Среди людей, оказывавших помощь советской разведке, были эмигранты всех чинов и званий[228]. Так, генерал-майор Оренбургского казачьего войска А.Т. Сукин, работавший на КВЖД начальником

---

[223] ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 35054. Л. 17.
[224] Там же. Л. 34.
[225] ГА РФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 136. Л. 93.
[226] Там же. Л. 8.
[227] РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 3. Д. 51. Л. 125.
[228] В.И. Голдин в своей книге упоминает «ценных агентов» среди харбинских эмигрантов: В.И. Пентковского, бывшего царского офицера, работавшего в харбинском суде, С.А. Зубковского, В.Н. Сурина и других советских секретных агентов из числа эмигрантов, известных лишь под псевдонимами – «Осипов», «Браун» и др. (*Голдин В.И.* Российская военная эмиграция и советские спецслужбы в 20-е годы XX века. Архангельск, Спб, 2010. С. 489-490).

Отдела военных перевозок[229], с 1925 г. сотрудничал с разведкой Красной армии под псевдонимом «Искандер»[230]. Среди мотивов сотрудничества эмигрантов с советскими разведывательными органами были и разочарование в «белом» деле, и материальные затруднения, как в случае с генералом А.И. Андогским[231].

В этой связи советский консул на ст. Пограничная Д.А. Егоров запрашивал заведующего II Восточным отделом НКИД Б.И. Козловского: «У нас имеется ряд лиц, деятельность коих, по особым заданиям нашим, приносит большую пользу СССР — они достойны быть гражданами СССР. Можно ли, при возбуждении ими ходатайства о подданстве, указывать эти заслуги? Если нельзя подобных мотивов приводить в обыкновенных анкетах, то какой избрать другой путь для этого?» В ответ Козловский рекомендовал не афишировать «известные заслуги», ограничившись рекомендацией их как «лиц вполне надежных и преданных»[232].

Одним из таких «надежных» лиц был М.А. Вечтомов, бывший офицер армии А.В. Колчака, преподававший физику в железнодорожной школе для детей граждан СССР на ст. Пограничная. В 1933 г. он с семьей уехал в СССР, жил в Новосибирске, в сентябре 1935 г. был арестован как «участник движения Колчака». Его жена, О.И. Вечтомова, написала 23 марта 1936 г. письмо Е.П. Пешковой, в котором сообщала, что ее муж выполнял «некоторые работы по части радио в советском консульстве», несколько раз «командировался консульством» на ст. Гродеково для «выполнения некоторых заданий, за что был премирован мотоциклетом». Жена в письме называла Вечтомова «активным советским работником», хорошо известным советскому консулу Д.Е. Егорову, и уверяла, что «всей своей последней жизнью и работой он хотел загладить свою вину»[233].

Советская администрация КВЖД и консульские работники были заинтересованы в переходе в свой лагерь широко известных лиц из числа русских эмигрантов. Таким был, например, известный писатель С.Г. Скиталец (Петров), живший в Харбине с 1921 г. и сотрудничавший с «белой» прессой. В декабре 1927 г. он выступил с открытым письмом в просоветской газете «Новости жизни», где объявил о разрыве с эмиграцией по идеологическим причинам. Однако его коллега, эмигрант И.С. Ильин, указывал на другие мотивы писателя: «Его соблазнили, разумеется, деньгами – тут ему приходилось нелегко, получал он у нас [в газете «Русское слово». – *М.К.*] всего-навсего 80 долларов, приходилось рабо-

---

[229] См. прил. 84.
[230] *Алексеев М.* Указ. соч. С. 356–357.
[231] См. прил. 5.
[232] АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 12. П. 18. Д. 15. Л. 102.
[233] ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1473. Л. 144–145.

тать жене. А там сразу жену взяли на дорогу, у него обещали купить его произведения и хорошо заплатить, ну как тут не напишешь письма, и как тут не будешь подгонять идеологию. Подгонишь, что угодно!»[234]. Действительно, после письма Скитальца его жену — В.Ф. Петрову — 1 декабря 1927 г. приняли в Коммерческую часть Управления КВЖД с окладом 150 руб. в месяц. Ей была предоставлена казенная квартира и выдан паспорт СССР Генконсульством в Харбине от 16 декабря 1927 г. за № 2489[235]. С 1928 года, подтвердив свою «просоветскую» позицию, Скиталец начал печататься в советских журналах — «Красная Новь», «Новый мир», от которых получал, правда, нерегулярно, гонорары через Дальбанк в Харбине, в американских долларах[236].

К 1927 г., по данным консула СССР в Харбине В.Я. Аболтина, «советская колония» в Маньчжурии уже насчитывала 25 тыс. чел.[237]. Число советских граждан продолжало расти до 1929 г. Трудно говорить о точном количестве советских граждан в Маньчжурии, т.к. все опубликованные данные чрезвычайно противоречивы. Н.А. Сетницкий в одной из статей сообщал о приблизительном числе советских граждан в 1927 г. – 50 тыс. чел.[238]. Согласно китайским статистическим данным, опубликованным в шанхайской газете «Время», к 1930 г. в ОРВП проживало около 110 тыс. русских: 80 тыс. в Харбине, 30 тыс. на линии КВЖД, из них советских подданных — 45 тыс. (17 тыс. служащих КВЖД, остальных – 28 тыс.), эмигрантов – 65 тыс.[239]. В это число не входили русские, проживавшие вне ОРВП — в Трехречье, Цицикаре, Сахаляне, Мукдене, Чанчуне, Дайрене. По консульским данным, советская колония на территории Северо-Восточного Китая насчитывала в 1930-е гг. 40–45 тыс. человек[240]. В обобщающем труде об экономике и географии Маньчжурии, составленном Экономическом бюро КВЖД, говорится об общей численности русских в Маньчжурии к сентябрю 1931 г. в 130–140 тыс. чел., в том числе около 90 тыс. советских граждан и до 40 тысяч эмигрантов[241]. В. Аварин (псевдоним В.Я. Аболтина) в своей книге «”Независимая” Маньчжурия» приводит данные о численности граждан СССР в Маньчжурии к 1931 г. — 150 тыс. чел., белогвардейцев — 115 тыс. чел. (из них 15

---

[234] ГА РФ. Ф. Р-6599. Оп. 1. Д. 9. Л. 128.
[235] РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 4077. Л.
[236] О колебаниях Скитальца и его возвращении в СССР см.: «Отъезд Скитальца в СССР из Харбина имел бы известное политическое значение…» : разрыв писателя С. Г. Скитальца (Петрова) с эмиграцией и возвращение на Родину в 1934 г. (публ. Кротовой М.В.) // Исторический архив. 2013. № 1. С. 62–71.
[237] АВП РФ. Ф. 308. Оп. 1. П. 1. Д. 3. Л. 66–67.
[238] *Сетницкий Н.А.* Расчетный баланс Маньчжурии (Три восточных провинции) //Вестник Маньчжурии. 1927. № 9. С. 23.
[239] АВП РФ. Ф. 100. Оп. 14. П. 24. Д. 19. Л. 67.
[240] Русско-китайские отношения в XX веке. Т.III: советско-китайские отношения (сентябрь 1931-сентябрь 1937). М.: Памятники исторической мысли, 2010. С. 9.
[241] Маньчжурия. Экономико-географическое описание. Ч.1. Харбин: типо-литография КВЖД, 1934. С. 93.

тыс. китподанных), но эта цифра выглядит явно преувеличенной[242]. В любом случае, можно говорить лишь о приблизительном количестве советских граждан в Маньчжурии, т.к. в это число входили и «квитподданные», и т.н. «двуподданные», состоявшие одновременно в двух и более различных подданствах.

«Квитподданными» называли эмигрантов, подавших в советские консульства ходатайства о принятии гражданства СССР и получивших там квитанцию об уплате налога. Фактически квитанция стала просто «бумажным» подтверждением лояльности Советской власти. Многие «квитподанные» или «квитподы» — владельцы квитанций на советский паспорт – относились к своему положению исключительно с прагматической точки зрения, а подачу документов на советское гражданство рассматривали как некую условность. Известный экономист, директор Института ориентальных и коммерческих наук В.Д. Маракулин[243], по свидетельству эмигрантки Ю.В. Крузенштерн-Петерец, смотрел на свою квитанцию как на «трамвайный билет»: «В России миллионы людей едут сейчас по такому билету. Что же, они все коммунисты?»[244]. Однако видимо, квитанция все-таки обязывала подтверждать лояльность советской власти и отмежевываться от эмиграции. Так, Маракулин вынужден был опубликовать в просоветской харбинской газете «Молва» опровержение на сообщение в эмигрантской газете «Заря» о вхождении старостата Института ориентальных и коммерческих наук в эмигрантское объединение, возглавляемое Д.Л. Хорватом[245]. В той же «Молве» часто печатались подобные письма в редакцию от советских граждан или организаций, оправдывавшихся в случае упоминания их в эмигрантской прессе.

На КВЖД на 1 января 1929 г. работало 2406 «квитподданных», что составляло 18% всех служащих[246]. В случае отрицательного решения ЦИК СССР их увольняли как «бесподданных», а освободившееся место занимал советский гражданин. Так, после отказа ЦИК СССР в советском гражданстве были уволены от службы на КВЖД за «бесподданство» в июле 1927 г. и.о. начальник 12-го участка Службы пути инженер Сазонов, в мае 1929 г. — заведующий Опытным полем на ст. Эхо А.Д. Воейков[247]. Инженер А.В.

---

[242] *Аварин В.* «Независимая» Маньчжурия. М.: Партиздат. С. 9.
[243] См. прил. 54.
[244] *Крузенштерн-Петерец Ю.В.* Воспоминания //Россияне в Азии. 1998. № 5. С.37.
[245] В письме в редакцию «Молвы» Маракулин писал: «В №8 «Зари» в статье «Генерал Хорват во главе эмиграции» упоминается в числе организаций, вошедших в новое объединение, Старостат Института ориентальных и коммерческих наук. Настоящим заявляю, что означенное сообщение газеты «Заря» не отвечает действительности и что никакого заявления на имя генерала Хорват в Пекин от Института не посылалось» // Молва. 1928. 19 января. С.5.
[246] РГИА. Ф. 323. Оп. 5. Д. 1243. Л. 2.
[247] РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 879. Л. 204. См. прил. 18.

Скворцов 27 ноября 1928 г. подал прошение на имя управляющего дорогой: «Прошу не отказать возбудить ходатайство перед Генеральным консульством СССР в Харбине о восстановлении меня в правах гражданства СССР и выдаче мне паспорта. Заявление с просьбой восстановить меня в правах гражданства мною было подано 23 мая 1925 г., о чем имею квитанцию № 4112. Несмотря на неоднократные мои запросы до сего времени не имею ответа». Управляющий дорогой А.И. Емшанов, сменивший А.Н. Иванова в 1926 г., наложил на это прошение резолюцию: «Оставьте без ответа»[248]. Советский паспорт Скворцов так и не получил, и был уволен в 1930 г. за «бесподданство».

При эвакуации консульских архивов в 1929 г., с началом конфликта на КВЖД, выяснилось: почти 10 тыс. ходатайств в получение советского гражданства от лиц, проживавших в полосе отчуждения КВЖД, полученных с 1926 г., оказались не оформлены окончательно[249]. Видимо, преданность Советской власти многих эмигрантов, подавших заявление о «восстановлении в правах гражданства СССР», вызывала сомнения и требовала длительной проверки.

Многие лица, взявшие советское гражданство, часто не сообщали об этом в полицейские учреждения (отметка о гражданстве обязательно ставилась в китайском виде на жительство), и заявляли себя эмигрантами. Официальная газета «Гун-бао» писала о том, что власти испытывали затруднения с учетом населения и «подразделения иностранцев по соответствующим категориям». Полиции было вменено в обязанность следить за переходом тех или иных лиц в советское подданство и делать на их паспортах соответствующие отметки[250]. Были частыми случаи, когда обладатель советского паспорта не продлевал его или «терял», и таким образом оказывался в неопределенном статусе. В мае 1929 г. в ОРВП были введены новые правила выдачи и обмена паспортов – годовых и полугодовых видов на жительство, в которых обязательно указывалось гражданство. В новых «Правилах о порядке ведения паспортных дел» пункт 12 указывал на обязательное проставление в паспортах граждан СССР штампа, указывавшего на номер ранее выдававшегося паспорта, для «наведения справок в пресечении самовольной перемены подданства»[251]. Дело в том, что часть советских граждан, получая годовой китайский вид на жительство, по разным причинам не указывала своего гражданства. После этого постановления в личных делах работников КВЖД появились на полях записи о номере паспорта СССР или квитанции. Таким образом, манипуляции с гражданством позволяли русскому населению Мань-

[248] РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 4840. Л. 17.
[249] *Аблажей Н.Н.* С востока на восток. С. 55.
[250] Гун-бао. 1929. 26 января. С. 5.
[251] Заря. 1929. 23 мая. № 135. С.7.

чжурии сохранять определенную независимость, как от советских представительств, так и от китайских местных властей.

1.2.2. Социальный портрет «новосоветских» граждан: примеры социальной мимикрии

«Новосоветских» граждан, т.е. эмигрантов, принявших советское гражданство не по идейным, а по прагматическим убеждениям (а таких было большинство), называли «редисками» — «красными» снаружи, «белыми» внутри. Новоиспеченные советские граждане вынуждены были принимать новые правила игры. «Прочность служебного положения их определяется степенью угодливости, приспособляемостью и показной лояльностью», — писал о «новосоветских» гражданах эмигрантский харбинский журнал «Вопросы школьной жизни» в 1926 г.[252]. Были среди эмиграции и другие определения для людей, с легкостью менявших убеждения и гражданство: аббревиатура «КДВ» — «куда ветер дует»; «перелёты» — для перешедших из «белого» лагеря в «красный» или наоборот [253]. К таким людям с подозрением относились как эмигрантская, так и советская колония. Характерна харбинская эпиграмма того времени: «Всегда готов служить чему угодно, лишь бы в карман монета шла; Семенову служил здесь превосходно и совслужакой стал, когда соввласть пришла»[254].

И.С. Ильин записал в своем дневнике 22 октября 1925 г.: «На дороге гонения на китайских подданных. Все наперебой берут советские паспорта, а редиски — теперь многие и из тех, кто взяли китайское подданство, переходят в советское. Так, Кременский (агент службы сборов – *М.К.*), у которого дома в кабинете красовалась надпись под портретом Ленина «Будь ты проклят!», а рядом под фотографией вел. кн. Николая Николаевича «Истинный вождь России», - теперь этот Кременский, перейдя в китайское подданство, соблазненный начальником службы сборов Ильинским, привезенным Ивановым из Москвы, подал заявление о желании перейти в советское подданство!!! Сколько беспринципности, сколько гибкости, какой-то бессовестности во всем этом! <…> Старший инженер Барри[255], который был правее правого, теперь стал явным сторонником большевиков и

---

[252] Вопросы школьной жизни. 1926. № 4-5. С.134.
[253] Термин «перелеты» относится к временам Смутного времени: так называли перебежчиков из Тушинского лагеря Лжедмитрия II в лагерь сторонников В. Шуйского. М. Горький использовал термин «механические граждане» для советских граждан, жизненные интересы которых не простирались дальше забот о «личной сытости», устройстве личной спокойной жизни. (Горький М. «Механические граждане» СССР //Правда. 1928. 7 октября. С. 3).
[254] *Вонсович И.И.* Покуривая трубку… Рифмованный блокнот. Харбин, 1930. С.154.
[255] См. прил. 10.

подал заявление о желании перейти в совподданство.<…> Резко переменился и Нилус[256], который стал необычайным поклонником новых хозяев»[257].

Эмигрантскими организациями составлялись отдельные списки «перелетов», с нелестными характеристиками, как, например: «Михайловский Алексей Витальевич, бывший адъютант генерала Зубковского, фланировал по Харбину то в форме адъютанта, то студента. Служил в ГПУ (Главном полицейском управлении — *М.К.*), откуда был изгнан за связь с большевиками, в чем был уличен с поличным. Служит в Управлении дороги»; «Гутяр — бывший семеновский офицер. Одновременно с Михайловским служил в ГПУ и одновременно с ним изгнан. Служит в Управлении»; «Никольский Павел Петрович — беженец из Самары. Занимался в Харбине коммерцией. С приходом большевиков взял совпаспорт и при содействии Дикого поступил в Коммерческую службу КВЖД. Сам по себе, как человек ниже всякой критики: подхалим, интриган, сообщает через Дикого большевикам все беженские дела. Словом, вредный человек»; «Рытов Дмитрий Иванович — личный адъютант Гришина-Алмазова. В Харбине жил бесплатно у генерала Плешкова и рассказывал, что большевиками расстреляна его жена, мать и дети, а все его имущество в г. Омске (роскошная библиотека и др.) разграблено и секвестировано. Конечно, как оказалось, он все врал. Когда пришли большевики, одним из первых взял советские документы. <…>Говорят, имеет близкое касательство к совконсульству. Опасный человек, т.к. может предать»; «Дмитриев Николай Васильевич — при захвате КВЖД большевиками отказался принять подданство и был уволен и получил заштатное пособие 20 тыс. зол. руб. В дальнейшем работал как спец из поденного расчета, а года полтора назад взял сов. паспорт и с того момента является гонителем всех инакомыслящих. Имел командировку в Москву. Расхваливает соввласть. Зав. технической частью службы эксплуатации»; «Руденко Василий Иванович — при Хорвате служил в Харбинской конной разведке. За 3 месяца до ее расформирования ушел и об этом поместил заявление в большевистской газете “Вперед”, причем принес извинения перед соввластью в своих заблуждениях, назвав последнюю “истинно-народной властью”. Служит в коммерческой службе и, кажется, состоит в месткоме Управления дорогой. Очень подлый и вредный человек»; «Юраш Никита Георгиевич (Георгий Никитич – *М.К.*): полковник Ужинской дивизии ген. Каппеля, совершил Ледяной поход. При Остроумове за умение танцевать фокстрот получил повышение из весовщика в конторщика Управления дороги. При большевиках за какие-то заслуги получил повышение и назначен помощником зав. тарифным отделом. Чрезвычайно дово-

[256] См. прил. 64.
[257] ГА РФ. Ф. Р-6599. Оп. 1. Д. 8. Л.244.

лен большевиками и когда нужно и не нужно величает соввласть, как чисто народную и здоровую. Человек очень вредный»[258].

Принятое беженцами, тем более военными, по идеологическим мотивам советское гражданство особенно раздражало эмигрантов. Такие «перелеты» обыкновенно становились «активистами» нового режима, вступали в партию, советские профсоюзы. Русские эмигранты, служившие в железнодорожной китайской полиции, включали таких «новых советских» в списки «неблагонадежных» лиц, распространявших «вредные идеи». Вот одна из характеристик: «Перфильев П.И. — учитель школы. Бывший офицер белой армии, ныне член союза, считается в Доркоме на хорошем счету, сошелся с учительницей-еврейкой Тарлинской С.И. Проводит пропаганду среди детей. Вреден для КВЖД»[259].

Новые советские граждане не устраивали также и советскую администрацию. О «неподходящем», «негодном» человеческом материале жаловался консул СССР на ст. Пограничная Д.А. Егоров в письме Л.М. Карахану от 14 марта 1931 г.: «70% советской колонии не имеют классового лица, политически совершенно не грамотны, без определенных убеждений! Они не имеют хоть сколько-нибудь ясного представления о том, что такое СССР и что там происходит, к чему он стремится. Эти люди имеют советские паспорта только потому лишь, что этот документ дает им возможность получить службу и работу на КВЖД, гарантирует обеспеченное существование. Если завтра подобным людям придется быть зависимыми от китайцев или белых, они, не раздумывая, перейдут в их лагерь и советские паспорта сменят на любые иные документы» [260]. Абсолютное большинство рабочих и служащих, принявших советское гражданство, по словам консула, были «пришлые люди с нашего Дальнего Востока», прибывшие сюда для подыскания работы до революции и во время гражданской войны. По происхождению большинство было из крестьян, из бывших солдат различных белых армий и отрядов, они были «политически совершенно безграмотны, не пролетарского происхождения». Особенно «неустойчивый элемент», по мнению консула, были железнодорожные служащие — «кондуктора, проводники, лица канцелярского труда» (многие работали осведомителями в китайской полиции, оказывали помощь беженцам, занимались контрабандой и т.д.). «При беседах с подобными “гражданами”, — продолжал консул, — выясняется их политическая безграмотность и безразличие, отсутствие всякого классового чутья и понимания. У таких лю-

[258] Список активных коммунистов. 1929 год. // Collection of M.P. Golovachev. Box # 4. BAR).
[259] РГИА. Ф.323. Оп.6. Д.873.Л.40. «Неопасными» и «безвредными» совподданными, с точки зрения русских полицейских, были необразованные люди, «обремененные семьей» или взявшие совподданство для возможности устройства на работу в советские конторы. См.: «Списки неблагонадежных лиц в политическом отношении, составленные железнодорожной полицией». РГИА. Ф.323. Оп.6. Д.874. Л.129.
[260] АВП РФ. Ф. 0100. Оп.12. П.18. Д.5. Л.81.

дей шкурные вопросы заслоняют все. Из-за собственного благополучия они могут пойти на что угодно. <…> Классовое сознание рабочих и служащих, политическое развитие, общий культурный уровень — желает много лучшего. Все они живут индивидуальными интересами, почти ничего не читают и ничем не интересуются – погружены в мелочные вопросы обывательщины: склока, зависть, мелочные дрязги, сутяжничество – вот их спутники в повседневной жизни. <…>Лица, коим поручается конспиративная работа и поручения, выполняют это дело не как свой долг, а как личную заинтересованность: вот, мол, мне какое доверие, я теперь гарантирован от всех недоразумений по службе, скоро получу повышение и вообще я теперь шишка — многие со мной должны считаться и т.д., а что хуже всего — так это, что они об этом начинают хвастаться перед своими друзьями и врагами»[261].

На примере «редисок» и «перелетов» среди «новосоветских» граждан в Маньчжурии можно рассмотреть механизмы «социальной мимикрии» — приспособления к социальной среде путем имитации взглядов и поведения окружающих ради достижения каких-либо выгод или для того чтобы выжить и сохранить свое положение. «Редиски» проявлялись при малейшем колебании внешнеполитического курса в сторону ослабления позиций СССР в Маньчжурии. Например, во время советско-китайского конфликта в январе 1926 г., когда был арестован Управляющий дорогой А.Н. Иванов и весь профсоюзный актив (см. п.1.3.), появилась возможность открыто критиковать советскую администрацию.

По окончании конфликта 1926 г. в Управление дороги и профкомы посыпались доносы на недостойное поведение «новосоветских» граждан. В одном из писем в Дорпрофсож от Алексея Кондрашова 12 февраля 1926 г. бдительный гражданин сообщал об «истинном лице» дорожного мастера разъезда Петля Ф.Ф. Шиховцева: «Узнав об аресте Иванова, закрытии Доркома, учкомов и месткомов на КВЖД, повел себя крайне вызывающе, очень скверно отзываясь о Союзе и Управляющем дорогой. Он говорил, что очень рад, что китайские власти, наконец, закрыли ненавистный Дорком и что больше его никогда не откроют, что огромное большинство служащих дороги также рады, и что, наконец, прекратилось обирание железнодорожников Доркомом, а то, говорил, не успеешь получить жалованье, как начинается всевозможное обирание — то членских, то в кассу, то всяких других сборов и навязывание никому не нужной газеты “Эхо”. Теперь, говорил, можно вздохнуть свободно и читать какую я желаю газету, а не “Эхо”». Согласно письму А.

[261] АВП РФ. Ф. 0100. Оп.12. П.18. Д.5. Л.82–86.

Кондрашова, Шиховцев ругал Управляющего дорогой, говоря, что «он в виде пропаганды мелким служащим сделал прибавку, чтобы расположить в свою пользу, но все равно на линии все его ненавидят, а в особенности все рабочие китайцы, которые называют Управляющего дорогой мошенником и босяком, и что они хотят Хорвата, при котором, как он говорит, он как сыр в масле купался (так в тексте — *М.К.).* Он оскорблял тов. Иванова, а также не забыл вспомнить и нашего великого вождя т. Ленина — все они, говорит, преступники и мошенники и все сидели в тюрьме». Подробно сообщая все эпитеты, которыми Шиховцев «наградил» большевиков, Кондрашов просил разобраться со знакомым: «Я, как член Союза, имеющий профсоюзный рабочий стаж и как честный гражданин СССР считаю своим долгом доложить о вышеуказанном случае Дорпрофсожу и прошу о наложении (так в тексте — *М.К.*) на гр. Шиховцева, который, будучи таким подлецом, является гражданином СССР и членом нашего Союза»[262]. Такие сигналы принимались во внимание, и при первом удобном случае, от таких «редисок» избавлялись, тем более что на места необходимо было устраивать «своих» людей.

Другие волны проявления советскими гражданами нелояльности советской власти прошли во время советско-китайского конфликта 1929 г. (см. об этом п. 2.3.) и продажи КВЖД в 1935 г. (см. об этом п. 3.2.). Когда в 1935 г. началась регистрация русского населения Маньчжоу-Ди-Го в Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ), то значительная часть советских граждан подала заявления в БРЭМ о «переходе в эмигрантское состояние». На вопрос анкеты БРЭМа о причинах получения советского гражданства в 1920-х гг., заявители отвечали, как правило: «ради хлеба», «для сохранения службы», «боязнь навредить родственникам в СССР». В то же время они сообщали о причинах выхода из советского гражданства: «подданным СССР себя не считал и не считаю», «противоположность взглядов с советской властью», «не желание ехать в СССР»; а свои политические убеждения определяли как монархические[263].

Специфическая обстановка в Маньчжурии, наличие здесь большого числа бывших военных и непримиримых антибольшевиков, осложняли выбор гражданства для «бывших подданных Российской империи», которые не знали, на кого «поставить». В некоторых случаях выяснялось, что тот или иной советский гражданин являлся в то же время китподданным и имел китайский паспорт. Так, например, из членов Дорпрофсожа 3 октября 1927 г. был исключен В.З. Василевский, член Союза с 1 декабря 1925 г., имевший квитанцию Генконсульства и в то же время удостоверение Управления Биньцзянского уезда о

[262] РГИА. Ф. 323. Оп. 3. Д. 49. Л. 400.
[263] ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 5855, 8497, 17703, 28118, 29296, 31020, 43486.

том, что он является китайским подданным [264]. Молва писала о рабочем ст. Ханьдаохецзы И.Ф. Каминском, который имел квитанцию консульства СССР, а в делах конторы службы пути было обнаружено его китайское подданство[265]. Таким путем подстраховывались многие, т.к. возможность перейти в любое время в другое гражданство — не только китайское, но и литовское, польское и т.д., ограничивало возможности влияния на «редисок» со стороны советских консульств.

Проблема состояла еще и в том, что Дорком или советские консульства не имели никаких рычагов влияния на советских граждан, не работавших на КВЖД, кроме лишения гражданства. Советский консул ст. Пограничная Д.А. Егоров писал Л.М. Карахану в письме от 14 марта 1931 г.: «У тех, чья антисоветская деятельность определенно известна, мы отбираем советские паспорта. Несколько десятков таких паспортов нами отправлены в центр на предмет лишения гражданства. Много паспортов нами придержаны для точного выяснения деятельности их владельцев и находятся в консульстве. <...> Мы лишены здесь почти всех тех возможностей, при помощи которых воздействуем на воспитание и перевоспитание масс внутри СССР»[266].

Чтобы лишить советского гражданства, Генконсульство СССР в Харбине обращалось в Подотдел въезда и гражданства НКИД с объяснением всех обстоятельств дела и просьбой направить материалы дела о лишении гражданства на рассмотрение ЦИК СССР. Так, решением ЦИК СССР от 14 ноября 1928 г. были удовлетворены ходатайства Генконсульства СССР в Харбине о лишении гражданства СССР Е.С. Кауфмана, С.Г. Полонского, С.Э. Мисюк[267]. На примере этих ходатайств можно проследить мотивы и процесс лишения гражданства, который мог тянуться месяцы и даже годы.

Например, дело о лишении гражданства СССР С.Г. Полонского длилось почти два года. Из материалов дела выяснилось, что Полонский, владелец ателье и салона в Харбине, «издевавшийся над работницами» (задержки в выплате зарплаты, оскорбления, угрозы увольнения), не считал себя советским гражданином и обратился даже в китайскую полицию с просьбой защитить его от «травли профсоюзов»[268]. Е.С. Кауфмана, получившего еще в 1922 г. гражданство ДВР, как редактора «белогвардейской», враждебной СССР газеты «Рупор», несколько раз в 1927 г. вызывали для переговоров в советское консульство в Харбине, но он так и не явился. После нескольких неудачных попыток вы-

[264] РГИА. Ф. 323. Оп. 3. Д. 50. Л. 319.
[265] Молва. 1927. 8 сентября. С.4.
[266] АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 12. П. 18. Д. 5. Л. 81.
[267] АВП РФ. Ф. 308. Оп. 1. П. 1. Д. 3. Л. 65.
[268] Там же. Л. 66–67.

звать Кауфмана в консульство, ему было послано по почте извещение от 18 апреля 1928 г. с предложением вернуться в СССР в течение месяца с момента получения извещения. Ответа на это извещение также не последовало. И, в конце концов, в Москву было отправлено ходатайство о лишении его советского гражданства[269]. С.Э. Мисюк, 1902 г.р., безработный, должен был выехать в СССР в 1924 г. для призыва в армию. Но он остался в Харбине, объяснив позже, что причиной тому была болезнь. Консульство несколько раз вызывало его повестками, но он не явился, что было расценено как отказ от выезда в СССР. И лишь в марте 1928 г. консульство возбудило ходатайство о лишении его гражданства[270]. Эти частные случаи показывали, по сути, беспомощность советских учреждений на территории Маньчжурии и уязвимость их позиций. Нахождение на территории иностранного государства, поддержка китайских властей и возможность выбора гражданства давали русскому населению шанс сохранять относительную независимость.

1.2.3. Роль профсоюзной и партийной организаций в формировании советской колонии

Огромную роль в советизации рабочих и служащих КВЖД играл профсоюз. По-видимому, членами профсоюза с 1925 г. могли быть только граждане СССР. В протоколах заседаний Доркома при приеме в члены профсоюза всегда указывались сведения о регистрации в советском консульстве и номер квитанции. Известный маньчжурский охотник и писатель Н.А. Байков[271] в письме В.К. Арсеньеву от 10 августа 1925 г. жаловался на то, что не может взять советский паспорт, т.к. не имеет средств для уплаты за регистрацию и на поездку в Харбин: «Советского паспорта не взял до сих пор по той причине, что не имел возможности это сделать за неимением средств, т.к. мне едва хватало заработка, а затем жалованья на пропитание. <…> В профсоюз меня не принимают, т.к. я не пролетарского происхождения, надо сперва зарегистрироваться и принять подданство СССР, что стоит значительных денег, которых у меня, к сожалению, нет. Словом, по-видимому, я попал в заколдованный круг, выйти из которого трудно»[272].

Профсоюзы в условиях запрета коммунистической пропаганды и нелегального положения коммунистической партии в Маньчжурии играли среди советской колонии важную организующую и контролирующую роль. Самой массовой организацией был Дор-

---

[269] Там же. Л.69–74.
[270] Там же. Л.78.
[271] См. прил. 8.
[272] Цит. по: *Хисамутдинов А.* Переписка двух путешественников: к 125-летию со дня рождения В.К. Арсеньева и Н.А. Байкова //Россияне в Азии. 1998. №5. С.239.

профсож — профессиональный союз работников железнодорожного и водного транспорта КВЖД, который объединял к 1927 г. более 10 тыс. чел. В распоряжении Дорпрофсожа были читальни, библиотеки, клубы, школы, площадки, кооперативы, кассы взаимопомощи, газеты, журналы. Для нужд профорганизаций и Желсобов Управлением КВЖД было выделено в 1925–1929 гг. несколько помещений площадью 32 230 кв. м.[273]

В полосе отчуждения было создано 6 учкомов (участковых комитетов) и 30 месткомов (месткомы создавались там, где число членов профсоюза было меньше 50). Месткомы имелись в каждой службе КВЖД, которые фактически руководили всеми делами службы и ее личным составом. Без санкции месткома ни один начальник службы КВЖД не мог совершить сколько-нибудь значительный служебный шаг — принять кого-либо на работу, перевести на другую должность, выделить квартиру или премию, увеличить оклад, уволить со службы и т.п.

Так, председатель месткома 8 участка службы пути КВЖД жаловался в учком Харбина в письме от 19 ноября 1925 г. на поведение начальника участка инженера Б.В. Фельзенгарта («спеца», командированного из СССР): «Все вопросы серьезного характера при переговорах с ПЧ (так обозначался начальник участка — *М.К.*) умышленно забалтываются, вот уже сделано 3 посещения, а необходимого хода этим вопросам еще не дано: вопрос об увольнении внеподданного Давыденко и о назначении на его место Пчелинцева ПЧ всячески оттягивал, выставляя мотивы для отвода — нерасторопность т. Пчелинцева. <…> Произвольно также ведет себя ПЧ и в деле отвода квартир, не согласовывая этот вопрос с месткомом совершенно. Одним из видных уклонов ПЧ является нежелание согласовывать с месткомом вопросы о приеме, перемещении и увольнении. Например, без согласований приняты Тоболцкий, Романов, Глушановский, Леонов, Берлацкий, Иваницкий, Чернов и Тарасов. Без согласия МК (месткома – *М.К.*) был уволен член союза Калмыков. В отношении увеличения зарплат: не членам союза и китподданным это увеличение разрешалось легко и быстро, без согласия с месткомом.<…> Все вышеперечисленные пункты характеризуют Фельзенгарта как администратора, тормозящего своим отношением к представителям профорганизации работу месткома»[274]. По-видимому, власть профсоюзов все же не была абсолютной, т.к. никаких административных действий против инженера Фельзенгарта не последовало, т.к. «спецы» ценились на дороге, ведь они отвечали за деятельность и доходы КВЖД.

---

[273] РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 414. Л. 7.
[274] РГИА. Ф. 323. Оп. 3. Д. 49. Л. 363.

Руководители Дорпрофсожа — 45 человек ответственных работников и 17 человек технического персонала — были освобождены от работы и обеспечены бесплатными квартирами. Например, месячный оклад председателя Доркома составлял в 1930 г. 308 руб. 42 коп. (средняя месячная заработная плата рабочего составляла 30 руб.), секретаря месткома – 65 руб. в мес., а на содержание всего штата из 62 профработников ежемесячно отпускалось 8 487 руб. 14 коп.[275]. Профсоюзные активисты числились на различных должностях (обычно, временных, не предусмотренных штатным расписанием) на КВЖД, но прямых обязанностей не выполняли. Так, агент № 138 докладывал начальнику железнодорожного уголовного розыска ОРВП от 8 апреля 1929 г. о «неблагонадежных» служащих КВЖД: «Столяров С.М. — шофер 14 участка службы пути, состоит членом месткома на ст. Шуаньченпу и является сотрудником по доносам на служащих в ГПУ при советском консульстве, сам коммунист и ответственный работник. Столяров, занимаясь коммунистической работой, совершенно манкирует службой на КВЖД. Человек неблагонадежный и вредный. Ханчук Мария — конторщица у начальника ст. Шуаньченпу. Отмолка и является руководительницей Отмола[276] на станции, она же и член месткома. Устроена на службу КВЖД Доркомом с целью шпионажа за служащими, противниками коммунистов. По службе на дороге совершенно не соответствует своему назначению, но, как коммунистка, для администрации остается неприкосновенной»[277].

Влияние профсоюзов опиралось на значительный бюджет, основой которого были взносы членов профсоюза, составлявшие 1% в месяц при месячной зарплате до 100 руб. и 2% при зарплате выше 100 руб. в месяц. Зарплаты работников КВЖД варьировались от 10–12 руб. в месяц до тысячи и более. В 1927 г. общая сумма месячной заработной платы всех членов Дорпрофсожа составляла 965 712 рублей, а годовой доход от членских взносов составил 212 650 руб. 30 коп.[278].

В условиях безработицы в ОРВП важным рычагом воздействия профсоюзов на советскую колонию было трудоустройство на КВЖД и в советских организациях. Обеспечение работой было вопросом выживания в переполненном беженцами Северном Китае, где железная дорога была главным работодателем. В протоколах заседаний Доркома часто встречались формулировки «определить» или «устроить» на производство, «дать какую-либо должность на КВЖД». Так, за второй квартал 1925 г. было определено на рабо-

[275] РГИА. Ф. 323. Оп. 3. Д. 42. Л. 31.
[276] Отмол – отряды молодежи, так назывались комсомольские организации в ОРВП.
[277] РГИА. Ф.323. Оп.6. Д.873. ЛЛ.39-40.
[278] РГИА. Ф.323. Оп.3. Д.34. Л.6.

ту 525 безработных членов профсоюза, 125 чел. были перемещены на высшие должности[279].

Нередко для того, чтобы уволить человека, добросовестно выполняющего свои обязанности, профсоюзные активисты прибегали к сбору компрометирующих сведений о человеке. В письме из Доркома Учкому ст. Пограничной от 19 июня 1925 г. прямо говорилось: «Для увольнения со службы дороги ДС (начальника станции — *М.К.*) Гаршина подберите и вышлите в Дорпрофсож необходимый материал. <…> Необходимо выслать материал, компрометирующий Демьяненко, тогда будет возбужден вопрос о его увольнении. Кроме того, вышлите компрометирующий материал и о ПД (пом. начальника службы эксплуатации — *М.К.*) Корнееве»[280]. Затем, вместе с «необходимым материалом» — компроматом — Дорком возбуждал ходатайство перед Управляющим дорогой об увольнении.

В числе безработных членов профсоюза, по сообщению Доркома, в 1925 г. остались «или совершенно неквалифицированные работники из вновь прибывших, или же совершенно нетрудоспособные». Безработные члены профсоюза получали пособия из фонда безработных, который составлял более 10 тыс. руб.[281]. Из этого же фонда выдавались пособия на лечение, обучение в школах и вузах, выезд в СССР, похороны. Размер пособий колебался от 5 до 25 местных долларов. Для членов профсоюза отдельно выделялись путевки на курорты КВЖД и СССР (Садгород, Кульдур и др.), причем Дорпрофсож ходатайствовал перед консульством о снижении цены на загранпаспорт для членов профсоюза (загранпаспорт СССР в 1926 г. стоил 200 руб.).

На заседаниях Доркома особенно осторожно относились к приему в члены союза представителей «белого лагеря», чтобы «не запустить волка в пролетарские ряды» : за 1926 г. было вовлечено в союз 1 169 чел., из них 103 участника «белых» армий и 21 чел. – выходцы из «чуждых организаций». Судя по протоколам заседаний Доркома за 1928 г., советское гражданство активно принимали бывшие белые офицеры и нижние чины. Так, в члены Союза были приняты бывшие белогвардейцы, советские граждане — Н.Л. Самойлов, Д.Н. Макаров, А.Х. Токмин, Я.И. Буранов В.В. Зугров, Б.С. Лабуза, К.А. Голиков, И.Е. Шестаков, А.И. Симонов, П.И. Сычев, В.К. Калиновский, С.Я. Баранов и др.[282].

Профсоюзные организации руководили также комсомольскими ячейками (Отмолом), женотделами, пионерскими организациями. Кроме общего руководства оказывалась

---

[279] РГИА. Ф.323. Оп.3. Д.24. Л.13.
[280] РГИА. Ф. 323. Оп. 3. Д. 49. ЛЛ. 88–89.
[281] РГИА. Ф. 323. Оп. 3. Д. 34. Л. 6об.
[282] РГИА. Ф. 323. Оп. 3. Д. 50. ЛЛ. 75, 127, 341, 430 об, 472.

значительная материальная помощь этим организациям. На июль 1925 г. Отмол объединял до 2 тыс. чел., женотделы – до 500 чел. (главным образом, домохозяек), пионерских организаций было до 80 с 3 317 пионерами и 460 октябрятами. По данным А.В. Троицкого, возглавлявшего Союз беспартийных, в «советских организациях» (имелись в виду коммунисты, отмольцы, женотделы, профсоюзы) состояли: в 1925 г. — 24 114 чел., в том числе 11 600 железнодорожников, в 1926 г. — 28 554 чел., в том числе 13 846 железнодорожников[283].

Профсоюзы использовали свою прессу (газеты «Трибуна», «Эхо», «Молва») для контроля и давления на «новосоветских» граждан. На А.Д. Воейкова, «квитподданного», известного агронома, заведующего опытным полем КВЖД на станции Эхо, в 1928 г. была организована травля на страницах просоветской газеты «Молва». Его обвиняли в эксплуатации рабочих, грубости, особом отношении к «бесподданным» эмигрантам, игнорировании интересов советских граждан. В статьях «Молвы» от 31 июля и 1 августа 1928 г. «В вотчине Воейкова» указывалось, что из 38 служащих и рабочих опытного поля только 7 были гражданами СССР, причем «бесподданные» были поставлены в сравнительно лучшие условия, чем рабочие – совграждане: «Воейков находится в благоприятном для себя окружении.<…> По отношению к бесподданным заведующий отечески заботлив, он печется об их нуждах и всячески готов идти им навстречу. В последнее время Воейков усиленно добивался отпусков для бесподданных, конечно, с сохранением содержания»[284]. Статьи были анонимны или подписаны псевдонимами, но Воейков на страницах газеты вынужден был оправдываться. В итоге ему было отказано в принятии советского подданства, и он был уволен со службы.

Газета «Таймс» (“The Times”) от 11 марта 1926 г. опубликовала статью «Большевики в Маньчжурии. Борьба за железную дорогу», в которой указывалось, что именно профсоюз на КВЖД был «действительной руководящей силой», «синонимом советского правительства», «одним из главных центров пропаганды в Китае, который, имея за собой ресурсы КВЖД, служил самым могучим орудием советской политики в этой стране»[285]. Такая оценка была, конечно, преувеличена. Влияние Доркома было ограничено только советской частью работников КВЖД, у китайских работников и служащих был свой профсоюз.

---

[283] ГА РФ. Ф. 5826. Оп.1. Д. 142. Л. 2.
[284] РГИА. Ф. 323. ОП. 9. Д. 879. ЛЛ. 116-117.
[285] Цит. по: РГИА. Ф.323. Оп.10. Д.41. Л.249.

Степень влияния профсоюзных организаций также зависела от местной политической ситуации. Профсоюзы постоянно испытывали давление со стороны китайских властей, недовольных «красной активностью» в Китае. Во всех советских гражданах китайцы видели агентов Коминтерна. С декабря 1924 г. начались полицейские преследования – были закрыты учкомы на станциях КВЖД, арестованы профработники, изъята коммунистическая литература и плакаты из библиотек и красных уголков. Местная китайская администрация закрыла в конце апреля 1925 г. советскую газету «Трибуна». В сентябре 1925 г. генерал Цзинь – начальник Главного полицейского управления ОРВП издал приказ о самоликвидации профсоюзов, так что 3-й съезд профсоюзов КВЖД был проведен 19–21 сентября нелегально.

23 января 1926 г. во время советско-китайского конфликта на основании распоряжения китайских властей были закрыты все профессиональные союзы за «пропаганду большевизма» и «противозаконные замыслы», арестован весь состав ответственных работников Дорпрофсожа (см. п. 1.3.2). За период с 1 августа 1928 г. по 20 мая 1929 г. на КВЖД было произведено 15 обысков в учреждениях профсоюза и арестовано 37 чел.[286]. Надо сказать, что аресты членов профсоюза и закрытие месткомов и клубов приносили китайцам ощутимые дивиденды, т.к. за освобождение профработников или открытие профсоюзного учреждения необходимо было откупаться – официально штрафом или неофициально взяткой. А так как «наводчиками» и главными консультантами китайцев были бывшие белые офицеры, служившие в китайской полиции, это противостояние носило политический оттенок, а также позволяло сводить счеты с идеологическими противниками. По агентурным сведениям «белых», профсоюзные лидеры часто отпускались под поручительство крупных харбинских коммерсантов (например, С. Соскина) и переправлялись потом в СССР[287].

Так как профсоюзам нельзя было открыто вести политическую работу, они много внимания уделяли организации культурной жизни советских граждан – устройству праздников, лекций, театральных постановок, спортивных состязаний и т.п. Так, культотдел Дорпрофсожа руководил работой 24 клубов в Харбине и на станциях, количество членов которых достигало 9 тыс. чел. Из отчета по культработе за 1-ое полугодие 1927 г. (январь-июнь) можно представить объем и содержание этой работы: «проведено спектаклей – 404, концертов – 58, вечеров воспоминаний – 45, живых журналов – 12, лекций – 59, докладов – 183, бесед – 265, киносеансов – 670, детских киносеансов – 37, детских утрен-

[286] РГИА. Ф.323. Оп.3. Д.4. Л.3.
[287] ГМЗ «Петергоф». Фонд «Архив музея семьи Бенуа». ПДМБ ? 71831. Л.1.

ников – 51, вечеров самодеятельности – 11, громких чтений – 98»[288]. Всего на «культрасходы» – клубную работу, физкультуру, библиотеки, пункты по ликвидации неграмотности, детские развлечения и др. – в 1927 г. было потрачено 18201,12 руб., а в 1928 г. предполагалось потратить 38412, 96 руб.[289].

Большое значение традиционно уделялось физической культуре и спортивной работе. При Дорпрофсоже было создано большое количество физкультурных кружков, в которых могли входить только граждане СССР и члены их семей: гимнастические, легкоатлетические, водные, игровые (лапта, городки, крокет, баскетбол, волейбол, хэндбол, кейчбол, пушбол, лаунтеннис), тяжелой атлетики (борьба, бокс, джиу-джицу), велокружки, зимние кружки (коньки, лыжи, хоккей), охотно-рыболовные, шахматно-шашечные, фотокружки и т.п. Каждый кружок имел свою форму и значок. Регулярно проводились спортивные состязания по разным видам спорта, физкультпарады.

Дорком также был главным устроителем всех советских праздников для железнодорожников и членов их семей, рассылая учкомам и месткомам указания и программы праздников: митинги, доклады, спектакли, концертные отделения и т.д. Часто программы праздников не устраивали Главное полицейское управление, задачей которого было охрана спокойствия в ОРВП и недопущение распространения коммунистической пропаганды. Поэтому китайской полицией запрещались любые собрания, уличные манифестации, сборища и митинги без разрешения полиции, а также распространение коммунистических печатных изданий, постановка спектаклей или демонстрация кинофильмов пропагандистского направления (см. п. 2.2.2).

В целом Дорком постоянно увязал в организационных вопросах, делал упор на организацию культурной жизни и социальную сторону, предполагая, что именно в этой области можно показать преимущества советской власти. Но частая смена руководства, непоследовательность политики, частые разгромы и неудачи подорвали влияние могущественного органа «товарищей» в Маньчжурии. После советско-китайского конфликта 1929 г. большинство профсоюзных лидеров были депортированы или вызваны в СССР, количество членов профсоюза резко упало из-за увольнений. Если на 1 июля 1929 г. Дорпрофсож объединял 12 460 членов профсоюза, то после советско-китайского конфликта 1929 г. число членов профсоюза сократилось до 3 538 чел.[290].

[288] РГИА. Ф.323. Оп.3. Д.37. Л.154.
[289] РГИА. Ф.323. Оп.3. Д.34. Л.23об.
[290] РГИА. Ф.323. Оп.3. Д.42. Л.2об.

Северо-Маньчжурская коммунистическая партия образовалась еще в 1917 г. и в 1920-е гг. состояла из 124 коммунистических ячеек с девятью райкомами: три в Харбине — при учкпрофсоже транспортников, Новгородский и Пристанский (существовали также ячейки при Дальбанке, Тогпредстве СССР, на частных предприятиях, харбинских отелях и гостиницах и т.п.) и шесть на линии — на станциях КВЖД Пограничной, Ханьдаохэцзы, Имяньпо, Бухэду, Хайларе, Маньчжурии[291]. В 1924–1926 гг. партийной организацией руководило Харбинское губернское бюро РКП(б), с 1926 г. преобразованное в Северо - Маньчжурский комитет (СМК) ВКП(б). В мае 1924 г. численность маньчжурской партийной организации составляла 340 чел., весной 1929 г. – 851 чел., причем 53,6% от общего числа коммунистов были рабочие, 41, 9% - служащие[292]. Согласно справке, составленной эмигрантом А.В. Троицким, на КВЖД на 1 июня 1927 г. находилось 600–700 чел. «настоящих коммунистов» из 15 тыс. советских граждан, не считая советской администрации, 2 тыс. чел. — “сочувствующие большевикам”»[293]. После советско-китайского конфликта 1929 г. число коммунистов сократилось, и на 1 мая 1931 г. партийная организация насчитывала 556 чел., из них кандидатов в члены партии 65 чел.[294].

Так как коммунистическая партия в Маньчжурии существовала фактически на нелегальном положении, принадлежность к ВКП(б) не афишировалась, хотя русские служащие китайской полиции регулярно составляли списки коммунистов, правда, сетуя на то, что «расшифровать их действительный удельный вес и занимаемым каждым положение в их служебной иерархии представляется крайне затруднительным. Тем более что по разным причинам среди личного состава … часто происходит т.н. “чистка”, и люди меняются, почему от времени до времени приходится изменять списки и дополнять их»[295]. Все высшие чины советской администрации на КВЖД и профсоюзные деятели были опытными коммунистами с большим партийным стажем [296]. Старшие агенты, начальники служб и начальники участков, так называемые «спецы», могли быть беспартийными. В Правлении и Управлении КВЖД существовала транспортная партийная ячейка, объединявшая около 50 чел. «командированных из Москвы». Все ее члены получали высокие оклады (например, Управляющий КВЖД — 25 тыс. руб. в год, члены Правления КВЖД — по 10 тыс. руб. в год), и, кроме обязательных 3% взносов из заработной платы, обязаны

[291] *Шишкин П.П.* Большевизм в Китае. Ч.1. Обзор деятельности Северо-Маньчжурского комитета партии. Шанхай, 1930. С. 10.
[292] *Яхимович С.Ю.* Большевистская партийная организация внутри советской колонии в Северной Маньчжурии (1924–1931 гг.) //Ученые записки КнАГТУ. 2012. Т. 2. № 11. С. 24.
[293] ГА РФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 142. Л. 7.
[294] РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 3. Д. 51. Л. 118.
[295] ГАРФ. Ф.6081. Оп.1. Д.146. Л.280.
[296] См. прил. 27, 32, 43, 44, 69, 93, 95.

были отдавать в партийную кассу излишки, согласно партийной норме. Таким образом, советская администрация отдавала ежемесячно в губком ВКП(б) до 12 тыс. зол. руб.[297].

Партийная организация Маньчжурии фактически не выполняла своих функций организатора и ядра советской колонии. Проверка работы Северо-Маньчжурской партийной организации в 1930 г. показала, что положение в ней критическое, члены партии были поверхностно знакомы с социалистическим строительством в СССР, воспитательной и общественной работы не велось, партийная печать не читалась. «Многие партийцы поддались мещанскому воздействию, стали засасываться в окружающей обстановке и больше заботятся о личном быте, чем о своей работе»[298]. Транспортная ячейка никак не реагировала на «безобразия» коммунистов, которые «пьянствовали, посещали кабаре и дома терпимости»[299] (см. характеристики коммунистов в п. 1.2.4). Проверяющие указывали на «аполитичность» коммунистов в Северной Маньчжурии, преобладание в работе парторганизации «культурничества», ведомственные противоречия.

Проблема кадров была едва ли не основной в работе Северо - Маньчжурской партийной организации. Как «низовые работники» – секретари ячеек, так и члены Северо - Маньчжурского комитета были «мало подготовлены» к своей работе, плохо понимали стоявшие перед ними задачи, часто заменялись новыми кадрами. Коммунисты («земляки») посылались для усиления работы всех советских организаций в Северной Маньчжурии, часто дублируя должности. Иногда это раздражало «спецов», работавших на основных должностях. На отношения между коммунистами и специалистами проливает свет письмо секретаря консульства СССР на ст. Пограничная В. Бодалева в НКИД от 16 июля 1931 г. о ситуации в местном отделении Торгпредства: «М. Никольский (зам. уполномоченного) – беспартийный специалист, весьма ценный работник, … но нет у него достаточного политического горизонта, причем по своей спецовской натуре он не особенно желает окружения земляков (коммунистов – *М.К.*) и, конечно, считает, что последние на работе всегда ниже его. Этим и объясняется, что он совершенно не беспокоится об увеличении количества оперативных работников, в том числе также о срочной необходимости уполномоченного, ибо он считает, что, поскольку он зам. уполномоченного, то рядом с ним уполномоченный – земляк только формальная фигура, поскольку он сам этой должности как беспартийный занимать не может»[300]. Бодалев далее писал о необходимости

---

[297] *Шишкин П.П.* Указ. Соч. С.126.
[298] РГАСПИ. Ф.613. Оп.3. Д.51. Л.4
[299] Там же. Л.130.
[300] АВП РФ. Ф.0100. Оп.12. П.18. Д.5. Л.118.

назначения «крепкого земляка» в качестве уполномоченного Торгпредства для контроля над действиями беспартийного Никольского.

Местная партийная организация постоянно просила Москву присылать в Харбин «твердых и стойких партийцев, которые бы внесли здесь новый дух и исправили бы начинающую загнивать обстановку»[301]. Однако, в среде присланных коммунистов обыкновенными становились дрязги, ссоры, интриги, выяснения отношений, доносы «об искривлении линии партии» и т.п. (см. п. 1.2.4.). Причем жертвами доносов подчас становились «честные» коммунисты, не желавшие связывать себя круговой порукой. В результате постоянных «чисток» партийных ячеек «этически неустойчивые», «неблагонадежные» коммунисты отсылались в СССР. Текучка кадров была одной из серьезных проблем партийной организации в Маньчжурии, люди здесь за редким исключением не задерживались, необходимо было постоянно обновлять состав «командированных из СССР».

Северо-Маньчжурский комитет ВКП(б) руководил также местными комсомольцами. На КВЖД действовала комсомольская организация под управлением Северо - Маньчжурского комитета Коммунистического союза молодежи (СМК КСМ), состоявшая из ячеек, которые, в свою очередь, делились на «десятки». На территории Китая комсомольские организации возникли в 1920 г. и вынуждены были существовать в нелегальных условиях, соблюдая строгую конспирацию. Вместо комсомола официально они назывались отряды молодежи при профсоюзах – «Отмол». На 1 июня 1925 г. в Харбине насчитывалось комсомольцев: 622 мужчины и 440 женщины, по линии – 210 женщин и 306 мужчин, а всего в Северно-Маньчжурской комсомольской организации – 1578 человек[302], потом количество их возросло до 2 тыс. чел. В 1931 г. комсомольская организация состояла из 42 ячеек: в Харбине – 23, на восточной линии – 8, на западной – 9, на южной – 2 комсомольские ячейки. Количество членов после советско-китайского конфликта 1929 г. снизилось до 1 249 чел. (808 мужчин и 441 женщина). По социальному составу рабочих было 551 чел., детей рабочих – 279, служащих – 272 чел., детей служащих – 147. Среди студенчества была одна ячейка в 32 чел.[303]. Комсомольских билетов и каких-либо других документов членам организации не выдавалось, поэтому комсомольцы, прибывавшие в СССР из Маньчжурии, должны были заявить о своем членстве в ВЛКСМ и оформить необходимые документы[304].

---

[301] РГАСПИ. Ф.613. Оп.3. Д.51. Л.83.
[302] РГАСПИ. Ф.М-1. Оп.23. Д.376. Л.72.
[303] РГАСПИ. Ф.613. Оп.3. Д.51. Л.122.
[304] В 1935 году, после продажи КВЖД, в СССР вернулись и маньчжурские «отмольцы». Фактически всех заново принимали в члены ВЛКСМ. Каждый должен был прислать в ЦК ВЛКСМ заявление, автобиографию

СМК КСМ посылал в ячейки информационные сводки и инструкции, которые по прочтении должны были быть уничтожены. «Десятка», состоявшая от 4 до 20 чел., должна была собираться 1 раз в неделю для обсуждения информационных писем, чтения советских газет и журналов (выписывались «Комсомольская правда», местная «Молва» и журнал «Молодой Большевик»), проработки материалов партийных съездов и конференций. Здесь же решались вопросы приема и исключения из организации, вынесения выговоров и предупреждений. Собрания «десяток» проходили под видом вечеринок с чаем и играми, причем СМК КСМ предупреждал в своих информационных письмах избегать «превращения их в гулянки с пьянством и т.д.»[305]. Китайская полиция внимательно следила за подозрительными сборищами, не допуская какой-либо «пропаганды» со стороны «отмольцев». Постоянные проверки и придирки полиции вызывали недовольство советской молодежи, жаловавшейся в СМК на бездействие: «нас жмут», «нет возможности работать», «мы разваливаемся»[306]. Поэтому самыми действенными способами привлечь к себе внимание была террористическая деятельность, создание «комсомольской боевой дружины» и драки с эмигрантской молодежью (см. п.2.2.2).

Бюро Далькрайкома ВЛКСМ в октябре 1927 г. указало на недостатки в работе Северо-Маньчжурской комсомольской организации и определило основные приоритеты работы комсомола в Маньчжурии: ознакомление комсомольской массы с ходом социалистического строительства, изучение Китая, проблем китайской революции; борьба с «неизжитыми еще шовинистическими настроениями (пренебрежительное отношение к китайцам, антисемитизм)»; необходимость «разъяснения национальной политики партии и советской власти»; усиление спортивной работы; совершенствование «техники конспирации», борьба с «беспечностью и несоблюдением правил нелегальной работы» [307].

В целом можно сказать, что влияние партийных и советских общественных организаций в Северной Маньчжурии, несмотря на значительные материальные ресурсы КВЖД, было невелико. Как выразился советский публицист Е. Полевой, побывавший в Харбине в 1929 г., перед советскими работниками Харбина стояла тяжелая задача: «объединить вокруг себя советское население ОРВП, подчинить его своему влиянию». По наблюдениям Полевого, задача эта так и осталась неразрешенной в полной мере, т.к. «все попытки установить прочную и постоянную связь советских руководителей дороги с мас-

---

и фотокарточку. В РГАСПИ хранятся списки «прибывших в порядке репатриации с КВЖД и ожидающих оформления комсомольских документов» от 20 октября 1935 г. - всего 805 человек. (РГАСПИ.Ф.М-1. Оп.23. Д.1116. Л.69-9)1.

[305] РГАСПИ. Ф. М-1. Оп.23. Д.730. Л.61об.

[306] Там же. Л.62.

[307] Там же. Л.65-67.

сой советских служащих и рабочих неизменно истолковывалась как активная коммунистическая пропаганда»[308]. Харбин так и остался русским «до мозга костей» городом, который поглощал любое советской влияние.

1.2.4. Советские представители, командированные из СССР в Маньчжурию

Стержнем советской колонии в Маньчжурии должны были стать «командированные из СССР» представители от НКПС, НКИД, советских организаций. Среди многочисленной советской колонии в Маньчжурии командированных из Москвы было немного. Товарищ председателя Правления КВЖД М.М. Лашевич в 1928 г. называл цифру 20–30 «приглашенных служащих из СССР» в год, необходимых квалифицированных специалистов, «к которым мы привыкли, которых мы знаем»[309]. Так, из 1 127 чел., принятых на КВЖД с 3 октября 1924 г. по 4 марта 1926 г., командированных из СССР было принято 53 чел. Практически все они были направлены для работы в Управление и Правление КВЖД на высшие должности, судя по выплатам подъемных денег (месячному окладу на обустройство на новом месте)[310]. В советской и эмигрантской колониях их называли «чисто-советскими», чтобы отличать от «полусоветских» («новосоветских»), русских старожилов Маньчжурии и беженцев, принявших советское гражданство.

Одними из первых в Маньчжурию были направлены дипломатические представители — сначала уполномоченные НКИД, потом консулы. Первым особоуполномоченным РСФСР в Харбине был В.Л. Погодин (1923–1924), затем М.Я. Ракитин, который в 1924 г. стал первым Генеральным консулом СССР в Харбине, в конце 1924 г. его сменил Д.Д. Киселев (1924–1925). Генеральными консулами в Харбине в 1920-е – 1930-е гг. были: И.П. Грандт (1925–1926); Б.В. Легран (1926–1927); В.Я. Аболтин (1927–1928); Б.Н. Мельников (1928–1931); М.М. Славуцкий (1931–1937). Большинство советских дипломатов, сотрудников консульств были хорошо знакомы с Северным Китаем, знали специфику края и были связаны в разной степени с советскими спецслужбами, как и представители Торгпредств, различных советских организаций в Маньчжурии – Совторгфлота, Нефтесиндиката, Дальбанка, Дальлеса и проч.

---

[308] *Полевой Е.* По ту сторону китайской границы. Белый Харбин. М.-Л., 1930. С.80.
[309] РГИА. Ф.323. Оп.4. Д.397. Стенограммы заседаний Правления КВЖД за 1928 год. Л.17. Причем Лашевич объяснял, что каждому приезжающему из СССР требуется не менее 400 рублей для того, чтобы добраться из Москвы до Харбина: виза 230 руб., билет около 120 руб., путевые расходы и т.д., поэтому просил увеличить подъемные деньги для командированных.
[310] РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 330. Л. 194.

После подписания советско-китайских соглашений 1924 г. высших агентов для Правления и Управления КВЖД назначало Советское правительство, все кандидатуры утверждались на заседаниях политбюро ЦК ВКП(б). Товарищами Председателя Правления КВЖД (товпредами) в этот период были последовательно назначены: Л.П. Серебряков (1924), В.П. Поздеев (1924–1925), И.П. Грандт (1925), Л.А. Саврасов (1925–1926), М.М. Лашевич (1926 –1928), В.Г. Чиркин (1928–1929), А.И. Емшанов (1930 –1931), С.М. Кузнецов (1931–1934), П.А. Бандура (1934 –1935). Членами Правления КВЖД в разные годы были : М.Я. Ракитин (1924), Д.Д. Киселев (1924–1925), Н.К. Клышко (1924–1925), И.П. Грандт (1924–1926), А.И. Геккер (1925–1929), С.М. Измайлов (1925–1930), А. Р. Белименко (1926–1928); И.О. Чухманенко (1928–1929), П.С. Бандура (1929–1935), С.Л. Шимановский (1930 –1932), П.М. Мальгинов (1932–1935). Все это были члены ВКП(б) с большим партийным стажем. Коммунисты из СССР направлялись в Ревизионный комитет КВЖД, а также на ключевые должности в Управлении КВЖД – Управляющего дорогой и его помощника, Правителя дел (начальника канцелярии КВЖД), начальника службы общих дел, главного бухгалтера, инженеров и агентов для поручений при Управляющем КВЖД.

Подбор работников для работы за границей шел часто по протекции. После 3 октября 1924 г. Правление и Управление КВЖД были завалены заявлениями от различных лиц с просьбами об устройстве на работу. Все поступавшие на службу на КВЖД проходили через нового Правителя дел И.О. Яцунского. П.В. Вологодский сожалел в октябре 1924 г. о том, что «хороших служащих, но иначе мыслящих, выгоняют, а кто сам уходит от греха. Новых людей садят на освобождающиеся места, не по принципу пригодности к данной службе, а по принципу партийности. Непотизм и протекция для того, чтобы попасть на службу дороги, теперь играют роль еще большую, чем прежде»[311]. Начальники служб часто не играли никакой роли при назначении на должность тех или иных кандидатов.

Многие из принятых на службу агентов, приехавших из СССР, были так или иначе связаны со «специальной» работой. По приглашению Правителя дел И.О. Яцунского был принят с 1 февраля 1925 г. заведующим телеграфной станцией Харбина Е.Н. Вильдтгрубе[312]. Он с 1903 по 1920 гг. работал на КВЖД, был председателем профессионального союза телеграфа, вел агитацию против начальника телеграфа Затеплинского. Уволился по болезни, затем работал в Благовещенске и Владивостоке, где заведовал телеграфной

[311] *Вологодский П.В*. Указ. соч. С. 469.
[312]См. прил. 17.

конторой. Его приняли на службу, минуя его непосредственного начальника Затеплинского, явно против его воли[313]. Вильдтгрубе были выданы подъемные деньги (225 руб.), оплачен проезд из Владивостока до Харбина (15 руб.) и провоз 10 пудов багажа (250 руб.)[314]. Позже во время конфликта, когда он был выслан властями ОРВП в СССР, оказалось, что он был связан со спецслужбами.

Также по распоряжению Яцунского был принят на работу К.С. Ган — «белый» офицер, перешедший на службу к «красным» в 1920 г.[315]. В 1925 г. он подал прошение от 17 сентября 1925 г. Правителю дел Управления КВЖД о принятии на какую-либо должность в Управление КВЖД по специальности переводчика. Из канцелярии Управления ему ответили 23 сентября 1925 г., что «Управление дороги лишено возможности приглашать кандидатов из СССР и обходится местными силами». Тем не менее, Ган приехал в Харбин из Читы 27 октября 1925 г., ему были выписаны подъемные деньги (125 руб.), как командированному, и с 1 ноября 1925 г. он был определен на службу переводчиком канцелярии Управления КВЖД. Ган занимался переводами всей иностранной прессы для Управления дороги, хотя, скорее всего, он был занят иными задачами[316].

Работа на КВЖД традиционно считалась «теплым местом». Когда после издания приказа Управляющего дорогой № 94 от 9 апреля 1925 г. стали освобождаться места за счет увольнения «бесподданных», появилось много желающих устроиться на КВЖД. Если не было штатных должностей для «нужных» людей — по линии профсоюза или спецслужб — учреждались временные должности. Так, все освобожденные профработники были устроены на прекрасно оплачиваемые должности на КВЖД и обеспечены квартирами. Например, тов. председателя Доркома М.А. Иванащенко, был устроен с 1 мая 1927

---

[313] В личном деле Е.Н. Вильдтгрубе содержится письмо А.А. Затеплинского от 28 февраля 1925 г. НК (Правителю дел И.О. Яцунскому – *М.К.*): «В виду того, что переговоры о приглашении на службу Вильдтгрубе проводились непосредственно Вами, благоволите сообщить, с какого времени он должен быть зачислен на службу дороги – со дня явки ко мне 2 февраля или с дня вступления в должность – 21 февраля?» (РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 836. Л. 14).

[314] Там же. Л. 9

[315] См. прил. 19.

[316] О качестве работы К.С. Гана можно судить по письму от 21 сентября 1928 г. в службу общих дел от начальника отдела переводов: «Гражданин Ган за 7 дней перевел всего лишь 3 стр. малого формата, что является двухчасовой нормой для переводчика средней квалификации. Сверх того, перевод настолько неточен и небрежен, что совершенно негоден для практического пользования» (к письму был приложен неточный перевод). Никакой реакции на это не последовало. Напротив, в письме Управляющего дорогой в службу общих дел от 25 октября 1928 г. говорилось: «Ст. механик службы телеграфа А.Н. Губарев и переводчик Управления дороги Ган принимали участие в переговорах начальника Дальневосточного управления связи с китайской администрацией в деле установления телефонного сообщения Харбин – Владивосток – Хабаровск. …Благодаря живому и преданному отношению к делу указанных лиц удалось успешно завершить все переговоры по означенному вопросу». Ему даже была выдана денежная премия за успешную работу. (РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 998. Л. 7, 10, 13, 47).

г. временным агентом Управления КВЖД с окладом 3600 руб. в год[317]. Все профсоюзные деятели, работники кооператива были освобождены от службы, хотя и числились в штате[318].

Т.А. Кисельгоф, по данным П. Балакшина сотрудник ИНО ОГПУ, прибывший из Владивостока и работавший коммерческим корреспондентом в харбинской конторе Совторгфлота, был уволен в 1928 г. по сокращению штата. Тогда он подал заявление в Управление КВЖД от 6 июля 1928г.: «Находясь в настоящее время без работы, прошу о предоставлении мне в Управлении дороги службы из имеющихся у Вас вакантных должностей». Вакантных должностей в Управлении дороги не было, но с 26 июля 1928 г. Т.А. Кисельгоф был устроен временным конторщиком Коммерческой службы с окладом 85 руб. в мес., а в его обязанности входило наблюдение за «целостью принятых грузов на заводах»[319].

Число служащих КВЖД за первые три года совместного советско-китайского управления возросло практически в два раза. Если на 1 января 1924 г. на КВЖД работало 16 750 чел., из них штатных служащих – 9 000 чел., то на 1 октября 1927 г. на КВЖД числилось 27 144 чел., из них граждан СССР – 11 304 чел., внеподданных – 1 407 чел., китподданных (русских) – 1 547 чел., китайцев – 12 886 чел. [320]. Фиктивные служащие на КВЖД и увеличенные штаты дороги в 1920-е гг. стали основанием для эмигрантского определения этого периода: «тысячи служащих без должностей и тысячи должностей без службы»[321]. Исследователь В. Молодяков в своей книге приводит данные о расходах на содержание Правления и администрации КВЖД при новом «советском режиме», которые возросли до 18 млн. руб. золотом, или в три с лишним раза[322].

В числе других расходов огромные деньги тратились на командировки советских представителей. Все высшие и средние агенты, командированные из СССР, постоянно совершали поездки как по территории Китая, так и в СССР и за границу. Так, управляющий дорогой А.И. Емшанов, Управляющий КВЖД с 1926 г., выезжал в командировки в Японию (4 апреля – 3 мая 1927 г.), Мукден (октябрь 1926 г.), Дайрен (13 сентября – 4 октября 1927 г.), Владивосток (20–30 января 1928 г.), Москву (20 февраля – 20 марта 1928 г.), Германию (28 апреля – 17 июля 1928 г.), Мукден (5–10 августа 1928 г.), Чосен (25 сен-

---

[317] РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 6278. Л. 2.
[318] См. в прил. 43, 44.
[319] РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 2267. Л. 5.
[320] РГИА. Ф. 323. Оп. 3. Д. 50. Л. 377.
[321] Великая Маньчжурская империя: К десятилетнему юбилею. Харбин: Изд-во «Кио-Ва-Кай», 1942. С. 283.
[322] *Молодяков В.Э.* Россия и Япония: рельсы гудят. Железнодорожный узел российско-японских отношений (1891-1945). М., 2006. С. 327.

тября – 12 октября 1928 г.), заграницу (11 мая– 30 мая 1929 г.)[323]. Член Правления КВЖД с 1925 г. С.М. Измайлов совершил за 4 года служебные поездки: в Москву (15 августа – 15 сентября 1925 г.); Мукден (7 – 15 мая, 19 мая – 12 июня, 4 – 8 августа 1926 г.); Владивосток (13 – 22 августа 1926 г.); Мукден (11 октября – 3ноября 1926 г.); Москву (19 февраля – 31 марта 1927 г.); Владивосток (1 – 7 июня 1927 г.); Дайрен (10 – 20 сентября 1927 г.); Владивосток (30 сентября – 7 октября 1927 г.); г. Маньчжурию (27 – 29 ноября 1927 г.); Владивосток (20 – 29 января 1928 г.); Брюссель (23 апреля – 6 мая 1928 г.), Мукден (18 – 22 августа 1928 г.); Париж (ноябрь 1928 г.); Владивосток (21 – 24 декабря 1928 г.); Японию (28 марта – 5 мая 1929г.)[324].

При командировках за пределы Маньчжурии по приказу № 348 от 29 декабря 1927 г. по Управлению дороги размеры суточных зависели от оклада: Управляющий дорогой получал 55 руб. в сутки, служащие Управления дороги – 35 руб. в сутки, служащие с окладом 5 тыс. руб. и выше – 25 руб. в сутки и т.п.[325]. Все поездки советских агентов КВЖД оплачивались из средств КВЖД, что, естественно, вызывало недовольство китайской части Правления КВЖД. В финансовой отчетности наблюдался постоянный перерасход по командировкам и по заместительству (добавочные деньги за замещение должности отсутствующего агента). Например, в первом полугодии 1928 г. такой перерасход составил 6 338 руб.[326].

В Харбин из Советского Союза в середине 1920-х гг. приехало немало интеллигенции — врачей, преподавателей, ученых, артистов. У многих в Харбине были родственники или знакомые. В Железнодорожном собрании Харбина часто выступали труппы из Большого, Александринского и других театров Москвы и Ленинграда. Рабис (Союз работников искусства СССР) создал Оперный трест Дальнего Востока для «обслуживания культурных нужд трудящихся КВЖД». Через посредство Рабис и частных импрессарио в 1920-е гг. в Харбин прибывали на гастроли многочисленные труппы и исполнители из Советского Союза. Сюда ехали с удовольствием, чтобы очутиться опять в дореволюционной России с ее привычным бытом и укладом. Здесь можно было отдохнуть, «отъесться» и одеться. Такую «беспартийную» интеллигенцию из СССР называли «попутчиками», им не доверяли и всячески их контролировали. И не без основания: многие из них не вернулись в Советский Союз.

---

[323] РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 1637. Л. 1об.
[324] РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 2006. Л. 1об. См. также прил. 7, 11, 12, 25, 60, 94.
[325] РГИА. Ф. 323 Оп. 6. Д. 259. Л. 19.
[326] РГИА. Ф. 323. Оп. 3. Д. 36. Л. 165.

В большинстве своем советские представители, командированные из СССР, были аполитичными людьми, жаждущими как-то устроиться, отдохнуть и забыться. Л.М. Карахан прямо писал Чичерину в письме от 11 сентября 1923 г. об усилении дороги советскими кадрами: «Нужно иметь в виду, что мобилизуемые коммунисты и не коммунисты на дороге будут находиться в великолепных материальных условиях, так что сюда можно отправлять людей, уставших от тяжелых условий российской жизни, ибо здесь условия жизни великолепны»[327]. Высшие агенты КВЖД, командированные из СССР, своим поведением, образом жизни и выступлениями ни в чем не уступали царским чиновникам, вели себя как буржуа: занимали роскошные казенные особняки, получали огромные оклады, имели в своем распоряжении автомобили, большой штат прислуги, проводили время в кафешантанах и ресторанах[328].

Г. Беседовский, будучи в Харбине в сентябре 1927 г. проездом из Токио, был неприятно поражен деморализацией высшего руководства КВЖД, среди которого царили «страшный разгул, пьянство, разврат и картежная игра»: «Казалось, что находишься среди каких-то больных, с надрывом, людей, пытающихся забыться в вине от гложущей их тоски. В этом маленьком советском мирке не существовало никаких умственных интересов или запросов, не говоря уже о каких бы то ни было идеалистических порывах. Книги и газеты никогда не читались, а искусства их интересовали лишь постольку, поскольку в опере можно было встретить красивых балерин. О политике старались не говорить совершенно, а если и заговаривали, то с чувством тяжелого и прямого отвращения»[329].

Постоянные партийные чистки в Харбине представляли свидетельства «буржуазного разложения» коммунистов, «кои своими действиями дискредитировали себя, как представителей СССР и на коих пребывание за границей отразилось в отрицательном смысле (связь с чуждым элементом, пьянство, разложение в быту)»[330]. Некоторые характеристики командированных из СССР коммунистов в переписке между председателем дальневосточной краевой контрольной комиссии (ДККК) ВКП(б) и секретаря СМК дают представление об атмосфере, царившей в партийной организации Маньчжурии: «член правления КВЖД тов. Бандура при наличии 8–9 комнат выселил тов. Владимирова с квартиры (занимал одну комнату)»; «Эйсымонт (помощник Управляющего КВЖД — *М.К.*) взяточник. Поставлял все ненужное для дороги. Тов. Емшанов ему покровительствовал»; «Резник К.П. работу не знает. Говорят, что берет взятки. Живет широко. За счет дороги

---

[327] Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина... С. 78.
[328] О размерах занимаемых квартир см. прил. 11, 25, 27, 36, 40, 69, 71, 90, 93, 95.
[329] *Беседовский Г.* На путях к термидору. М., 1997. С. 250
[330] Из докладной записки о работе КВЖД за 1930 и 1931 гг. (РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 3. Д. 50. Л. 146).

устраивает свое благополучие. В этом году сделал за счет дороги моторную лодку для катания своей особы стоимостью свыше тысячи рублей золотом» и т.д.[331]. (См. также п. 2.2.3).

Из протоколов заседания Северо-Маньчжурского комитета ВКП(б), а также доносов, которые писали коммунисты друг на друга в Москву, можно узнать о «неблаговидных поступках» и «омещанивании» харбинских «советчиков». Например, о предоставлении ответственным партийным работникам «здоровенных особняков, на ремонт и обстановку коих затрачиваются десятки тысяч рублей, им же наем за счет дороги домашней прислуги, им же выплата всякого рода представительских, им же закрепление персональных машин, в коих их намалеванные жены-барыни разъезжают по модисткам, магазинам и т.п.»[332]. По сведениям коллег, начальник службы телеграфа Н.П. Мерзлов, командированный в 1930 г. из Москвы, приобрел в Харбине огромное количество обстановки, из-за которой залез в громадные долги, и начал «омещаниваться в домашнем быту». Член ВКП(б) Суслов на работу являлся не своевременно, много говорил лишнего. Из его характеристики: «Слаб в работе (коллеги называют его “дурак”). Распространяет слухи, что он чекист, работает в ГПУ, поэтому носит псевдоним, а не настоящую фамилию. Очень много задолжал (около 3000 иен), приобретает ценную роскошь и другие предметы. Является большим болтуном и самодуром. Ездит на работу на рикшах. Расшифрован. Широко живет»[333]. Начальник службы сборов КВЖД Б.А. Хесин в октябре 1930 г. во время железнодорожной конференции в Дайрене устроил в японском ресторане торг с хозяйкой за «употребление гейши»[334]. При этом в отчетах из Маньчжурии подчеркивалось, что «мы часто забываем, что нас окружают немало советского пролетариата и белогвардейской сволочи. <…> Белогвардейцы используют наши ошибки и промахи для агитации против нас (советских представителей — *М.К.*)»[335]. Действительно, «барская» жизнь советской администрации КВЖД становилась предметом обсуждения в эмигрантской прессе и только усиливала неприязнь эмигрантов и рядовых советских граждан.

Те же явления, что и в Харбине, наблюдались на линии. Так, консул на ст. Пограничная Д.А. Егоров в письме Л.М. Карахану от 14 марта 1931 г. сообщал о коммунистах во вверенном ему консульском округе: «Дело обстоит весьма неблагополучно. Большин-

---

[331] Там же. ЛЛ.53-56.
[332] Там же. Л. 81 об.
[333] Там же. Л. 84.
[334] Там же. Л.81. Известно, что на гейш в Чанчуне потратил огромные средства начальник коммерческого агентства КВЖД, командированный из СССР, О.Б. Раскин: за полтора месяца 1929 г. он истратил на гейш, а также на банкеты и рестораны 5 тыс. рублей казенных денег. См. об этом запись в дневнике И.С. Ильина: ГА РФ. Ф. Р-6599. Оп. 1. Д. 9. Л. 189.
[335] РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 3. Д. 51. Л. 83.

ство ответственных работников находится здесь довольно продолжительное время: пять, десять и больше лет. Их пролетарская идеология, если она и была, то за долгий период времени под влиянием специфических условий жизни работа выветрилась, выцвела. Ответственные работники часто выпускают словесную трескотню: ленинизм, марксизм, строительство социализма и т.д., но серьезного понимания всего этого у них нет, … к занятиям, которые происходят в зимний период (земляцкая учеба) относятся больше показенному, как к неизбежному делу, чем сознательно. <…> Наблюдались случаи, когда идеал этой части колонии совпадал с идеалом специалистов: получить на дороге деньги и построить в Харбине домик. Причина ненормальности понятна. Специфические здешние условия и сами люди. Мы лишены здесь почти всех тех возможностей, при помощи которых воздействуем на воспитание и перевоспитание масс внутри СССР». Консул предлагал периодически «планово заменять» коммунистов, отправляя в СССР «для зарядки и всесторонней проверки» [336].

Состав командированных из СССР в Маньчжурию советских представителей отражал политическую ситуацию внутри СССР. Большинство прибывших из СССР были коммунистами, но по своему поведению были близки к харбинской буржуазии (см. п. 2.2.3). Здесь стали проявляться советская буржуазность и «совбарство», а советское руководство стало ассоциироваться с прежней «империалистической» бюрократией, с интригами, взяточничеством, растратами, широким образом жизни. Помимо внешнеполитических причин, несомненно, состав советских представителей и их поведение повлияли на утерю советского влияния в Маньчжурии к началу 1930-х гг.

1.3. Советская политика в Маньчжурии в 1924-1929 гг.

1.3.1. Противоречия в советско-китайском управлении КВЖД

Важную роль в процессах советизации русского населения в Маньчжурии сыграла политика СССР на КВЖД, а также отношения советских представителей с китайцами на самых различных уровнях. Начиная с миссий Иоффе и Карахана, советские дипломаты в Маньчжурии всячески подчеркивали отличия новой советской политики в отношении КВЖД: полное признание суверенной власти Китая на своей территории, превращение КВЖД в чисто коммерческое предприятие, установление в ее управлении равенства двух

[336] АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 12. П. 18. Д. 5. Л. 81-86.

сторон и признание за китайским правительством права досрочного выкупа. Главным политическим значением соглашений считалось то, что китайский народ получит «наглядный исторический урок», «возможность на деле сравнить политику нашего Союза с теми методами, которыми пользуются империалисты, и притом сравнить определенно не в пользу империалистов»[337]. СССР объявлялся законным владельцем КВЖД, который совместно с Китаем на совершенно новых принципах будет управлять дорогой, «попутно сметая те отбросы, которые накопились на дороге за прошлые годы»[338].

Но в советско-китайских соглашениях 1924 г. крылись противоречия, на первый взгляд незначительные, но которые привели к целому ряду столкновений между двумя странами. Совместное управление КВЖД двумя государствами со значительными политическими, социальными, культурными различиями без какой-либо инстанции, разрешающей возможные разногласия, оказалось чревато разнообразными опасностями и ловушками. Обе стороны подозревали друг друга в превышении полномочий. Советская сторона считала, что китайцы постоянно пытаются помешать работе КВЖД, не оставляют попыток отнять дорогу. Китайская сторона, в свою очередь, была недовольна вмешательством во внутренние дела страны и боялась, как бы вслед за советскими представителями в Маньчжурию не последовали бы советские войска. Каждая сторона отстаивала свои интересы, примирить которые так и не получилось.

Дело в том, что все вопросы, касавшиеся дороги, по которым Правление КВЖД не могло прийти к единогласному решению, должны были быть предоставлены на «благоусмотрение двух правительств». Этот пункт соглашений 1924 г. означал, что все противоречия между русскими и китайскими членами Правления должны были регулироваться дипломатическим путем. В результате деятельность КВЖД стала предметом бесконечных дипломатических споров между советским и китайским правительствами в течение всего периода совместного управления. Также неясным оставался вопрос о выкупе дороги китайской стороной. В соглашении не был предусмотрен принцип, определявший условия и размер выкупа. Говорилось лишь, что «действительная и справедливая стоимость дороги должна быть определена обеими договаривающимися сторонами». Эта формулировка стала впоследствии причиной различных спекуляций, как с советской, так и с китайской стороны. К тому же соглашения 1924 г. ограничивали советскую власть в ОРВП и определяли ее методы работы в Северной Маньчжурии. Советская администрация не могла использовать здесь полностью репрессивный аппарат, и советский режим на

[337] Материалы книги Б. Семенова «Китайско-Восточная железная дорога» (РГИА. Ф.323. Оп.10. Д.753. Л.2).
[338] Там же. С. 23.

КВЖД отличался достаточной сдержанностью в отличие от СССР. Тем более, неясные перспективы положения СССР в Северной Маньчжурии определяли нерешительность советского руководства.

С первых дней совместного управления КВЖД начались трения между советской и китайской частью Правления. И хотя нарком иностранных дел Г.В. Чичерин уверял мировую общественность, что «КВЖД развивается прекрасно, что наступившее успокоение и уверенность в завтрашнем дне принесли уже величайшие плоды для КВЖД в коммерческом отношении, и что китайцы сами в восторге от деятельности т. Иванова»[339], в действительности ситуация в Правлении оставалась напряженной. Л.М. Карахан, кстати, сообщал Чичерину из Пекина 28 ноября 1924 г. о проблемах совместного управления: «Работа самого Правления протекала в чрезвычайно трудных условиях, и целый ряд вопросов, как вопрос о назначении начальников служб, вопрос о тарифах, который был внесен в Правление по предложению Иванова, встречают сопротивления со стороны китайцев»[340]. Китайцы демонстративно вступались за «незаслуженно уволенных» и лишенных заштатного пособия «белых русских», усматривая здесь действия «политического характера». Так, китайская часть правления считала, что необходимо выплатить все пособия уволенным высшим чиновникам – Д.Л. Хорвату, С.Ц. Оффенбергу, В.Д. Лачинову, Г.Г. Сатовскому-Ржевскому, В.О. Клемму, М.Е. Афанасьеву и др., т.к. «служебная деятельность не может быть смешиваема с деятельностью политической». Но член Правления М.Я. Ракитин настаивал на том, что, например, «деятельность Хорвата была не в интересах ни русского, ни китайского народа»: «Мы считаем, что он не заслуживает выдачи такого поощрительного пособия. <…> Пособие выдается вовсе не тем, кто не совершил проступков по службе, но тем, кто сделал что-то полезное»[341]. Вопрос этот был, как и многие, отложен. Хорвату должны были выплатить свыше 33 тыс. рублей заштатных денег, но, в конце концов, в выплате ему было отказано, как и многим другим[342].

Китайская часть Правления была также недовольна самостоятельностью советского Управляющего дорогой, принимавшего, по их мнению, решения, не согласованные с китайской стороной и вредившей «добрым отношениям». Первый серьезный конфликт возник весной 1925 г., когда Управляющий дорогой А.Н. Иванов издал приказ № 94 от 9 апреля 1925 г., согласно которому служащие дороги, не перешедшие к 31 мая 1925 г. в

---

[339] Из беседы Чичерина с Поверенным в делах Великобритании в СССР Ходжсоном 12 февраля 1925 г. //ДВП СССР. М., 1963. Т.8. С.139.
[340] Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина... С. 389.
[341] РГИА. Ф.323. Оп.4. Д.243. Стенограмма заседания Правления КВЖД 11 октября 1924 г. Л.523.
[342] РГИА. Ф.323. Оп.4. Д.268. Л.196.

гражданство Китая или СССР или не представившие удостоверения о том, что ими возбуждено ходатайство о приеме в гражданство, подлежали увольнению. Возмущение «бесподданных» железнодорожников поддержал Председатель Правления КВЖД Бао Гуйцин, отменивший приказ Иванова из-за превышения полномочий. 19 мая 1925 г. он объявил приказ «неправильным и не имеющим силы», предложил всем оставаться на местах и спокойно работать[343]. Приказ № 94, таким образом, вышел за рамки административного решения Управляющего дорогой и стал причиной разбирательств на международном уровне. Потребовалось вмешательство дипломатов. Л.М. Карахан в ноте министру иностранных дел Китая Шэнь Жуйлиню от 23 мая 1925 г. объяснял, что значение приказа – «настоятельная необходимость устранить со службы на дороге враждебные Китаю и СССР монархические элементы» и «обеспечить нормальное функционирование и надлежащий порядок»[344].

Оказалось, что Л.М. Карахан действовал совершенно самостоятельно, без санкции НКИД. Г.В. Чичерин только в беседе с Ли Тьяо (Цзяао), представителем Китайского правительства в Москве , 31 мая 1925 г. узнал о недовольстве китайских властей самоуправством советского Управляющего КВЖД. Сохранился конспект их беседы, составленный Чичериным: «Наиболее нахальные телеграммы Чжан Цзолина, подкрепленные предположением о преднамеренной агрессии с целью нас выбросить. Я записал основное содержание телеграмм: “Приказ Иванова № 94 издан самовольно, это — нарушение устава; переговоры членов Правления по этому поводу остались без результатов, поэтому Председатель аннулировал приказ. Положение дел отразилось на состоянии дороги, поэтому генерал Бао правильно поступил”. <…> Я … подчеркнул невозможность для нас хоть сколько-нибудь отступить, тем более, тогда, когда идет речь о белогвардейцах, ибо этот вопрос касается самых оснований существования нашего государства» [345].

Китайцы были недовольны не только действиями Иванова, но и Карахана, который, по их мнению, постоянно вмешивался в дела КВЖД. После беседы с Ли Тьяо возмущенный Чичерин отправил Карахану письмо 1 июня 1925 г.: «Инцидент с приказом Иванова № 94 показывает, что надо лучше поставить информацию Москвы и что надо больше присматривать за действиями т. Иванова. <…> Приказ генерала Бао был незаконным, но приказ т. Иванова был также незаконным. Вполне поддерживающий в общем Вашу политику и политику т. Иванова т. Кубяк (секретарь Дальбюро ЦК РКП(б) — *М.К.*)

---

[343] РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 268. Л. 1191–20.
[344] ДВП СССР. М., 1963. Т. 8. С. 327.
[345] АВП РФ. Ф. 04. Оп. 22. П.167. Д. 56. Китай. Записи бесед. 1925 год. ЛЛ. 9–10.

говорит, что Иванов и Грандт склонны пренебрегать китайцами и не считаться с ними. Это громадная ошибка. Надо выказывать должное внимание китайским членам Правления. <…> Судя по всему, т. Иванов при большой энергии склонен к слишком прямолинейному отношению к китайцам. При этом нельзя принимать столь важные решения без Москвы»[346]. В конечном итоге конфликт был улажен решением 4 июня 1925 г. об увольнении с КВЖД всех служащих, не определившихся с гражданством.

Неудачным для советской стороны был т.н. «остроумовский процесс» 1925 г. над уволенными по «несоответствию общему направлению деятельности дороги» высокопоставленными чиновниками Управления КВЖД – бывшим Управляющим дорогой Б.В. Остроумовым, начальником земельного отдела Н.М. Гондатти, зав. экономическим бюро И.А. Михайловым, главным бухгалтером М.И. Степуниным. Их обвиняли в злоупотреблениях по службе. Процесс был задуман как показательный, разоблачавший «преступную деятельность» бывшей «белой» администрации. В московском «Огоньке» была дана информация о процессе от харбинского корреспондента под заголовком: «Харбинские черносотенцы перед судом»[347]. Эмигранты расценивали процесс, как политический акт, который стал возможен в результате сговора советского правительства с властями ОРВП, которые согласились на арест, заключение и предание суду бывших высших агентов дороги[348]. Присяжный поверенный В.А. Морозов, участвовавший на стороне защиты в этом процессе, утверждал в своих воспоминаниях: «Их надо было не просто отстранить от работы, необходимо было “победить до конца” – отстранить с шумом и скандалом, ошельмовать, лишить свободы, свести на нет, а при известных условиях и физически уничтожить. Условия, место и времена не позволяли советским агентами разгуляться вовсю – арестовать, увезти в Союз, судить советским судом, … хотя караси в советский невод попались крупные»[349].

Но при организации судебного разбирательства в местном суде ОРВП возникло много проблем. Первоначально никто из китайских судей не хотел принимать дела к своему производству, не желая вмешиваться в сомнительную историю с политическим подтекстом. В конце концов, за дело взялся судья Юй, который всячески затягивал процесс,

---

[346] Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина... С. 536–537.
[347] Огонек (Москва). 1925. № 29. С. 10.
[348] П.В. Вологодский, служивший в Юридическом отделе КВЖД, указывал в своем дневнике (запись от 6 февраля 1925 г.), что Л.М. Карахан, по слухам, требовал передачи арестованных, в особенности Остроумова, как восстановленного в правах советского гражданина» в распоряжение СССР, т.к. они «учинили злоупотребление власти и нанесли вред русскому государству». Но китайцы сочли, что преступления, совершенные Остроумовым, Гондатти и Михайловым, были совершены на территории Китайской республики, а граждане СССР не пользовались правом экстерриториальности. (*Вологодский П.В*. Указ. соч. С. 480 – 481).
[349] РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 5. Д. 11, л. 1об – 2.

постоянно откладывая по разным, часто незначительным предлогам, слушание дела и отклоняя все ходатайства защиты, в т.ч. ходатайства об освобождении обвиняемых на поруки. Процесс должен был стать демонстрацией уверенности и силы советской стороны. Но произвел, скорее, обратный эффект. Выбор главного обвинителя И.Н. Рамбаха[350] был явно неудачным, учитывая антисемитизм эмиграции и ассоциативные связи советской власти и еврейского засилья.

В.А. Морозов писал о И.Н. Рамбахе: «На суде вел себя развязно, нагло, как бы давая понять, что он здесь самый главный, полный хозяин. Его позиция как обвинителя была шаткой, … и тем противнее была наглая самоуверенность и всех заявлений, и всех объяснений, и общей линии поведения. <…>Мне кажется, Рамбаха послали потому, что никто из приличных людей не соглашался выступить в столь дурацкой роли, а он этой ролью не смутился. Но прямо надо сказать, что представитель советской власти в этом процессе был “ниже среднего качества”. Да и вся эта затея была не умная, не чистоплотная»[351]. Причем, по свидетельству П.В. Вологодского, Рамбах, готовясь к процессу в течение 2-х месяцев (октября – ноября 1924 г.), «тщетно разыскивал материал для обвинения Остроумова, Гондатти, Михайлова и ничего определенного не нашел, кроме злостных слухов и пакостных сплетен. Рамбах сам говорил Гейнсдорфу (начальнику Юридического отдела КВЖД – *М.К.*), что относительно, по крайней мере, Гондатти ему не удалось найти доказательств каких-либо преступных деяний»[352].

Таким образом, дело разваливалось. Обвинительный акт подсудимым вручили только в начале апреля 1925 г., и основан он был не на фактах, установленных следствием, а на «предположениях и догадках». Судя по различным свидетельствам, обвиняемые на судебных заседаниях вели себя спокойно, выдержанно, с достоинством. Защиту их представляли одни из лучших харбинских адвокатов «старой школы» – С. И. Егоров, Д.В. Ердяков, А.В. Ковалев, В.Г. Галицкий, Г.Л. Миленко. По мнению эмигрантов, «остроумовский» процесс считался «глумлением над правосудием, здравым смыслом и порядочностью»[353]. В конце концов, дело было прекращено 12 сентября 1925 г. по амнистии, подсудимые были освобождены. В день освобождения Остроумова, Гондатти, Михайлова и Степунина около здания суда собралась большая толпа эмигрантов, встретивших их бурными аплодисментами. Эмиграция расценила освобождение арестованных как политический акт, направленный против большевиков. И хотя осужденные не были оправда-

---

[350] См. прил. 72.
[351] РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 5. Д. 10. Л. 8.
[352] *Вологодский П.В.* Указ. соч. Запись в дневнике от 19 декабря 1924 г. С. 469.
[353] РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 5. Д. 10. Л. 12.

ны, сам факт их освобождения воодушевил эмигрантов, показал возможность сопротивления советскому влиянию через китайское правосудие.

1.3.2. Советско-китайский конфликт 1926 г. и его последствия

Серьезным кризисом совместного советско-китайского управления КВЖД были события января 1926 г., которые закончились в конечном итоге сменой руководства КВЖД и изменением советской политики в Маньчжурии. Это был первый крупный конфликт на КВЖД при новом режиме, грозивший вылиться в военное столкновение СССР и Китая. Формально конфликт сводился к отказу китайской стороны платить за воинские перевозки. За этим последовали решительные действия Управляющего дорогой А.Н. Иванова, распорядившегося прекратить движение поездов по южной линии КВЖД, после чего Иванов был арестован 22 января 1926 г.[354]. Политическую подоплеку конфликта, а именно попытку Л.М. Карахана и А.Н. Иванова вмешаться в конфликт маршала Чжан Цзолиня и генерала Го Сунлина с целью поддержать последнего, подробно проанализировал в своем исследовании Г.В. Мелихов[355]. Нас интересует в этом конфликте поведение железнодорожников — новых советских граждан, которые в целом одобряли поведение советского Управляющего дорогой и считали, что необходимо «приструнить» распоясавшихся китайцев, продемонстрировав силу и уверенность советской (русской) власти.

Чтобы понять настроения большей части русского населения Маньчжурии в 1920-е гг., необходимо учитывать внутриполитическую обстановку в Китае в этот период, в особенности возросший китайский национализм. Об изменившемся отношении китайцев к русским в Маньчжурии после 1917 г. заметил в своем дневнике П.В. Вологодский 24 июля 1924 г.: «Когда пала старая грозная для китайцев русская власть, когда в район Восточных провинций хлынула волна несчастных русских беженцев, голодных, оборванных, ищущих хоть какого-нибудь заработка, престиж русского человека стал падать и падать. <…> В особенности ни во что ставят китайские солдаты железнодорожников. Лезут в вагоны в любой класс, чтобы проехаться на дармовщину, бьют прикладами, бьют группами до потери сознания агентов дороги, которые вздумали бы протестовать против таких самовольных действий китайских солдат. Жалобы на таких солдат ни к чему не приводят. В глазах военного начальства такие солдаты остаются всегда правыми, а обиженные сами во

[354] О ходе конфликта см.: *Аблова Н.Е.* Указ. соч. С.164-166; *Молодяков В.Э.* Указ. соч. С. 334.
[355] *Мелихов Г.В.* Российская эмиграция в международных отношениях…. С. 69-81.

всем виноватыми»[356]. Местная пресса изобиловала примерами конфликтов между низшими агентами КВЖД и китайскими солдатами, подчеркивая унижение достоинства русского человека, усилившуюся неприязнь между русскими и китайцами. Поэтому большинство русского населения приветствовало появление СССР в Маньчжурии и готово было видеть в лице советских представителей все же «русскую власть», которая должна была поднять упавший престиж «русского имени», защитить от оскорблений и от захвата русских учреждений и имущества.

Но китайские полицейские и солдаты, в основном на линии, продолжали вести себя нагло и безнаказанно. В Управление КВЖД, Дорком, Генеральное консульство СССР в Харбине поступали неоднократные заявления и жалобы на самовольные действия китайских солдат вплоть до избиения русских служащих китайцами. Большинство обращений в администрацию Главноначальствующего ОРВП и в дипломатические органы оставались без ответа. В связи с тем, что советское правительство отказалось от прав экстерриториальности своих граждан на территории Китая, по отношению к советским гражданам применялась китайская юрисдикция и китайское гражданское и уголовное законодательство, а это, в свою очередь, чрезвычайно затрудняло защиту прав советского населения в Маньчжурии. Поэтому события января 1926 г. воспринимались русскими служащими КВЖД как очередное посягательство на права русских в Маньчжурии.

Согласно «справке о конфликте с чинами охранных войск с 1 декабря 1925 по 1 февраля 1926 гг.», составленной в канцелярии Правления КВЖД, китайские военные самовольно захватили 16 января 1925 г. почтовый поезд № 4, отобрав у старшего стрелочника ключи. Когда Управляющий дорогой А.Н. Иванов отдал распоряжение о прекращении с 17 января 1926 г. всякого пассажирского движения по южной линии, представители главного штаба охранных войск при участии комендатуры станции и полиции решили сами отправить почтовый поезд № 4 на Харбин, заставив паровозную бригаду выехать под угрозой «применения силы оружия»[357]. Параллельно событиям на южной линии разворачивались события в Харбине. 17 января на станции Харбин в пассажирском здании толпа китайцев устроила митинг против действий советского Управляющего КВЖД, после чего китайцами были арестованы несколько агентов дороги. Вечером 17 января Управляющий дорогой отменил отправление поезда № 9 на юг, т.к. в вагоне были безбилетные китайские солдаты, которых китайское командование отказалось снять с поезда. После чего толпа китайцев в 200 чел. захватила дежурного по ст. Харбин и направилась

[356] *Вологодский П.В*. Указ. соч. С. 451.
[357] РГИА. Ф. 323. Оп. 5. Д. 1604. ЛЛ. 63-64.

вместе с ним к квартире Управляющего дорогой. В 23 часа этого же дня другая толпа (около 700 чел.) ворвалась в помещение диспетчерской в Харбине, взломала дверь, избила сторожа, диспетчера и конторщика. Китайцами насильно были уведены начальник ст. Харбин Бредюк и еще несколько агентов, которых освободили через час. Погромы продолжились утром 18 января – был захвачен почтовый поезд из Харбина на Маньчжурию – на глазах у китайской полиции, которая не оказывала никакой помощи агентам дороги. По выражению А.Н. Иванова, местная китайская военная и полицейская администрация создавала и поощряла «т.н. народное движение, направленное против Управляющего КВЖД»[358].

19 января 1926 г. генерал Чжан Хуансян объявил телеграммой всем служащим КВЖД приказ: «По южной линии пассажирские и товарные поезда должны быть немедленно отправлены. Если кто-либо из служащих на дороге после объявления настоящего приказа не выйдет для исполнения своих служебных обязанностей или нарушит движение, то таковые будут наказаны по всей строгости законов военного положения, как нарушающие спокойствие и порядок»[359]. В последующие дни местное военное командование начало самовольно отправлять поезда, не считаясь с правилами безопасности и угрожая расстрелом в случае невыполнения его приказов. Напряжение росло. К вечеру 21 января 1926 г. вся южная линия КВЖД оказалась во власти китайских охранных войск. Управляющий дорогой А.Н. Иванов, «не имея возможности нести ответственность за безопасность движения», отдал распоряжение № 128 от 21 января в 17 час 30 мин о прекращении всякого движения на участке Харбин – Куаньченцзы[360].

На следующий день 22 января около 15 ½ часов А.Н. Иванов был арестован за «незаконный» приказ о приостановке пассажирского и грузового движения на южной линии. Во временное исполнение должности вступил помощник Управляющего дорогой А.А. Эйсымонт. 23 января 1926 г. на основании распоряжения китайских властей были закрыты все профессиональные союзы за «пропаганду большевизма» и «противозаконные замыслы», арестован весь состав ответственных работников Дорпрофсожа. Подпольная газета «Рабочий бюллетень» писала: «Чаша терпения переполнена. Дальнейшие издевательства, избиения советских граждан недопустимы. Долой разгул белогвардейщины, китайской военщины и сатрапов японского империализма»[361].

---

[358] Там же. Л. 67.
[359] РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 304. Л. 24.
[360] РГИА. Ф. 323. Оп. 5. Д. 1604. Л. 77.
[361] Известия (Москва). 1926. 24 января. С.1.

События 21–23 января 1926 г. вызвали многочисленные слухи в Харбине и на линии, вплоть до сообщений о высадке во Владивостоке японского десанта. Настроение было тревожное, все ожидали каких-то чрезвычайных событий, возможного военного столкновения СССР и Китая. 23 января Москва представила Пекину и Мукдену ультиматум, потребовав «мирного» разрешения вопроса в трехдневный срок. 24 января 1926 г. в Мукдене генконсул СССР А.А. Краковецкий и комиссар МИД Китая Гао Цинхэ подписали соглашение об освобождении Иванова (он был освобожден 25 января в 10 час) и восстановлении нормального сообщения на КВЖД (возобновлено 27 января). Было решено осуществлять воинские перевозки за половину стандартного тарифа и в кредит, в счет китайской доли прибыли.

Январский конфликт 1926 г. вызвал большую обеспокоенность Москвы, которая настаивала на скорейшем восстановлении «модуса» на КВЖД. На заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 28 января 1926 г., посвященному вопросу о КВЖД, было решено признать что, «политика комбинированных военно - дипломатических действий в основном дала свои результаты и в дальнейшем возможно ограничиться только дипломатическими действиями, а поэтому предложить Наркомвоенделу приступить к отводу войск от границ Маньчжурии»[362]. О возможном военном вмешательстве СССР говорил также Б.Н. Мельников в разговоре с Г. Беседовским в апреле 1926 г. в НКИДе: «во время ареста Иванова снова встал вопрос о нашем наступлении на Харбин»[363].

После освобождения А.Н. Иванова Л.М. Карахан направил ему телеграмму от 26 января 1926 г. с выражением благодарности за «стойкое и решительное отстаивание интересов вверенной Вам дороги от насилий и безобразного вмешательства со стороны военных»[364]. Управляющий КВЖД А.Н. Иванов в приказе от 29 января 1926 г. за № 27 в свою очередь поблагодарил всех служащих дороги и подчеркнул, что «несмотря на непрерывные и явные угрозы жизни и здоровью, все агенты, за единичным исключением, оставались на своих местах и выполняли только те распоряжения, кои исходили от органов Управления. Все служащие и рабочие, без различия национальности и *подданст*ва (Курсив мой – *М.К.*), дружно встали на защиту интересов дороги и ценою громадных личных жертв спасли дорогу от неизбежного при таких условиях развала и громадных материальных убытков. <…> Эти 10 дней останутся в истории КВЖД ярким блестящим примером товарищеской солидарности и железной спайки всех работников дороги без различия

[362] РГАСПИ. Ф. 17. Оп.3. Д. 544. Л.3
[363] *Беседовский Г.* Указ. соч. С. 170.
[364] РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 304. Л. 141.

служебного положения. Можно быть уверенным, что дружный отпор насилиям на многие годы будет служить уроком для тех, кто пожелал бы вмешаться в дела дороги через голову Управляющего»[365].

Надо заметить, что раскола между служащими КВЖД конфликт не вызвал[366]. Наоборот, то, в чем упрекал Г.В. Чичерин Иванова и Карахана — в «безответственной империалистической политике» в духе «царских сатрапов», усилении власти Управляющего[367], — как раз импонировало не только железнодорожникам, но и большинству русского населения Маньчжурии, которые в массе своей желали, чтобы Россия наконец-то показала, кто хозяин на дороге.

Внешнеполитический курс СССР шел вразрез с настроениями русского населения в Маньчжурии, которое считало, что русские интересы «предаются» уступками китайцам и поддерживало твердую линию поведения Иванова. На это обращали внимание и советские дипломаты. Консул СССР на ст. Маньчжурия И.М. Гейцман на совещании 8 апреля 1926 г. заметил: « После 1917 г. отказ от экстерриториальности был понят русским населением ОРВП как удар по престижу России. Бывшие русские граждане, памятуя о своем господствующем положении, не могли и не могут примириться с настоящей обстановкой. Отсюда частые жалобы на угнетение русских в Маньчжурии. Настроениями бывших русских граждан отчасти также прониклись и совграждане (тоскуют и скулят по прежнему положению).<…> Было время, когда русские смотрели на ОРВП, чуть ли не как на свою колонию. Теперь же советская политика, аннулировавшая все прежние вышеупомянутые привилегии и признавшая КВЖД коммерческим предприятием двух сторон, этим самым напомнила всем, что Маньчжурия принадлежит суверенному государству. Китайцы больше не признают господствующего положения русских, но, с другой стороны, русские положили здесь много капиталов и трудов, этими своими капиталами превратили пустыню в цветущий край, вследствие чего и возникли ныне особые интересы советской власти и совграждан в Маньчжурии.<…> Наша республика, отказавшись от царских и импера-

[365] РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 304. Л. 83.
[366] В англоязычной газете «Пекин-Тяньцзинь Таймс» от 14 февраля 1926 г. было сообщение об увольнении с дороги «за нарушение дисциплины» 10 русских служащих с китайским подданством, которые якобы (по слухам) «не вышли в коридор, когда Иванов вернулся в Управление после его освобождения из-под ареста. Все служащие вышли встречать его, а эти 10 человек оставались на своих местах» (РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 341. Л.70). В числе уволенных был Б.А. Решетов (см. прил. 73). За него заступился китайский профсоюз, и он через год был принят на работу.
[367] Письмо Г.В. Чичерина Л.М. Карахану от 16 марта 1926 г. // Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина... С. 611.

торских привилегий, не может, тем не менее, отказаться от защиты своих прав и от защиты интересов и прав советских граждан» [368].

Но защита русских интересов в Маньчжурии, как и прав советских граждан не входила в первоочередные задачи СССР, так что наркома иностранных дел Г.В. Чичерина в конфликте 1926 г. возмутило как раз отношение русских служащих к А.Н. Иванову, как продолжателю «русской политики»: «Когда после освобождения из-под ареста Иванов пришел в театр, вся присутствующая там буржуазная сменовеховская или чисто белогвардейская публика встала со своих мест и устроила ему грандиозную овацию, как *национальному герою* (курсив мой — *М.К.*), это было ярким проявлением полного искажения нашей политики в Маньчжурии и признаком того, что надо круто изменить курс»[369].

На заседании политбюро ЦК ВКП(б) 18 марта 1926 г. было принято решение сменить А.Н. Иванова, передать руководство КВЖД в ведение НКПС и назначить Управляющим А.И. Емшанова. Также было решено провести «чистку на КВЖД с устранением всех тех ответственных работников, которые скомпрометировали себя великодержавием и шовинизмом»[370]. Для решения текущих вопросов в Маньчжурию был командирован представитель НКПС Л.П. Серебряков, хорошо знакомый с делами КВЖД. Он должен был расследовать конфликт и решить кадровый вопрос.

События на КВЖД, приезд в начале апреля в Харбин представителей НКПС Л.П. Серебрякова и А.И. Емшанова вызвали пристальный интерес эмигрантов, работавших на дороге и пытавшихся предугадать, в какую сторону может подуть ветер. Н.С. Байтелин, эмигрант, работавший в Правлении КВЖД, в письме Д.Л. Хорвату из Харбина от 8 апреля 1926 г. оценивал ситуацию следующим образом: «Москва, в связи с поражением народной армии, усиливающимся значением Мукдена и обострением отношений между советской и китайской администрацией Харбина решила пересмотреть свою политику в Китае вообще и, в частности, произвести персональные изменения в рядах советской администрации КВЖД. <…> По поводу возможных персональных перемен на дороге существует 3 версии: 1) Иванов, при поддержке Серебрякова, остается на своем посту. В этом случае Саврасов (тов. председателя Правления КВЖД с 1 декабря 1925 г. — *М.К.*), считая совместную с Ивановым работу на КВЖД для себя невозможной, подаст прошение об отставке, а Емшанов будет назначен на его место; 2) В силу давления со стороны ки-

---

[368] АВП РФ. Ф.04. Оп.22. П.174. д. 162. ЛЛ.55–56.
[369] Письмо Г.В. Чичерина Л.М. Карахану от 16 марта 1926 г. // Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина... С. С. 612.
[370] Из протокола № 16 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) 18 марта 1926 г. //ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. Т. 2. 1926-1927 гг. Ч.1. С. 137.

тайцев, Серебряков вынужден будет уволить Иванова. Тогда Емшанов будет назначен Управляющим, Саврасов останется на своей должности; 3) Удалить Иванова – Управляющим назначить инженера Данилевского (как спеца). В этом случае для наблюдения за ним будет поставлен в качестве политического комиссара коммунист Емшанов, которому будет присвоена должность помощника Управляющего вместо инженера Эйсымонта»[371]. Далее в письме Байтелин предсказывал возможные последствия кадровых перестановок: «Серебряков, спекулируя на удалении Иванова, постарается возможно больше получить от китайцев. В своих двух официальных речах Серебряков подчеркнул, что главным препятствием к развитию дружественных отношений между СССР и Китаем является присутствие на службе дороги и административных учреждений ОРВП русских белогвардейцев.<…>Безусловно, Серебряков пойдет на большие уступки китайцам, чтобы только избавиться от нас (эмигрантов – *М.К.*)»[372].

Предположения Н.С. Байтелина были отчасти оправданы. После того, как А.Н. Иванов 17 апреля 1926 г. был освобожден от должности Управляющего дорогой «ввиду переутомления» [373], 19 апреля 1926 г. в должность Управляющего КВЖД вступил А.И. Емшанов[374]. Его линия поведения была демонстративно иной, чем у предшественника. Японская газета «Маньчжурия Дэйли ньюс» (“Manchuria Daily News”) отметила 27 апреля 1926 г., что новый Управляющий дорогой Емшанов «появляется в своем кабинете ровно в 9 часов утра ежедневно. Сделал ряд визитов, стараясь быть для всех приятным. Он производит очень приятное впечатление по сравнению с суровым недоступным Ивановым. Китайская сторона также довольна Емшановым»[375].

Л.П. Серебряков стал официальным представителем СССР на советско-мукденских переговорах, начавшихся 26 мая 1926 г. Отказ от «империалистической и агрессивной» линии Иванова-Карахана был, по сути, отказом от расширения и укрепления русского влияния в Маньчжурии. Для сохранения статус-кво было решено предпринять на дороге «широкие меры культурно-политического характера для китаизации дороги». Делопроизводство, надписи, инструкции на КВЖД должны были быть на двух языках — русском и китайском, объявлялась борьба с «шовинистическими элементами и настроениями» на КВЖД. Все «сомнительные» служащие дороги должны были быть заменены

---

[371] Государственный музей-заповедник (ГМЗ) «Петергоф». Фонд «Архив музея Бенуа». ПДМБ 4428-ар. Л. 1–1об.
[372] Там же. Л. 2.
[373] РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 1934. Л. 32.
[374] См. прил. 27.
[375] РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 341. Л. 333.

«безусловно надежными и политически воспитанными работниками с центральных дорог»[376].

Г.В. Чичерин в письме Л.М. Карахану от 4 мая 1926 г. определил новую политику как политику «нейтралитета»: «Мы не должны делать японцев врагами»[377]. Главными задачами советской политики в Маньчжурии стали налаживание отношений с Мукденом и сближение с Японией. Это была «линия на передышку», связанная с экономическими затруднениями внутри СССР, политика нейтралитета, «осторожности» и «поиска компромиссов, хотя бы ценой отступлений»[378]. Изменение советской политики было воспринято как японцами, так и китайцами с удовлетворением. В апреле-мае 1926 г. некоторые японские и китайские газеты в Маньчжурии дали материалы под заголовками «Уступчивая Россия», «Конец советского влияния в Маньчжурии», «Фиаско по вопросу КВЖД».

Одной из причин желания СССР сохранить статус-кво на КВЖД после конфликта 1926 г. были высокие доходы от КВЖД. КВЖД традиционно была «кормилицей» всех русских в Маньчжурии, а для Москвы она стала неиссякаемым источником средств. На заседании политбюро ЦК ВКП(б) 13 мая 1926 г. было решено: «признать необходимым изъятие большей части прибыли КВЖД, принадлежавшей СССР, на общегосударственные нужды СССР»[379]. Начиная с 1922 г., прибыль от эксплуатации дороги начала расти, и в 1926 г. чистый доход дороги составлял 16 млн. руб.[380]. Надо сказать, что экономический фон этого периода был исключительно благоприятен для КВЖД: в эти годы особенно рос экспорт хлебных грузов, от которого зависела доходность дороги. Деньги от КВЖД нужны были и Китаю, который подозревал, что часть прибыли, которая по Мукденскому соглашению должна была распределяться между двумя странами, уходила в СССР.

Изменившаяся обстановка в Китае, победа Чжан Цзолиня над армией генерала Фэн Юйсяна, которую поддерживал СССР, занятие Пекина 19 апреля 1926 г. армией Чжан Цзолиня привели к дальнейшему ослаблению влияния СССР в Китае и Маньчжурии. Под предлогом того, что СССР распространял в Китае «свое подстрекательское учение» и поставлял вооружение для национальной армии, Чжан Цзолинь отказался признавать Л.М. Карахана в качестве посла СССР в Китае, а 27 июля 1926 г. министерство иностранных дел Пекинского временного правительства потребовало отзыва Карахана.

---

[376] Из приложения к протоколу Политбюро ЦК ВКП(б) № 18 от 1 апреля 1926 г. «Вопросы нашей политики в отношении Китая и Японии» //ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Т.2. Ч. 1. С. 168.
[377] Очерки Министерства иностранных дел. Т. 2. С. 160
[378] Письмо Г.В. Чичерина Л.М. Карахану от 4 июля 1926 г. // Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина... С. 673.
[379] ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Т.2. Ч.1. С. 207.
[380] См. об этом: Краткий обзор работы КВЖД и края. Харбин, 1929. С.104.

Воспользовавшись моментом, Чжан Цзолинь начал наступление на КВЖД и русские интересы в Маньчжурии. 24 августа 1926 г. в Правление КВЖД поступила депеша от Чжан Цзолиня, в которой маршал предлагал сдать все суда КВЖД в распоряжение Северо-Восточной морской флотилии по примеру «изъятия Эгершельда (порт во Владивостоке – *М.К.*) с 11 судами и баржами советским правительством» в 1922 г.[381]. Советские члены Правления заявили категорический протест. После долгих споров Правление так и не пришло к единому решению о правильности изъятия судоходного имущества. На заседании политбюро ЦК ВКП(б) от 30 сентября 1926 г. было решено «считать невозможным ставить вопрос о возврате флотилии в зависимости от возврата Эгершельда» и было предложено вопрос о возврате флотилии КВЖД «связать с возможными финансовыми уступками Чжан Цзолину»[382] . Единственное, что смогли предпринять советские члены Правления – отнести стоимость предприятия Сунгарийского судоходства (все имущество судоходства с сооружениями и устройствами составляла более 5 млн. руб.) за счет долга китайского правительства[383].

4 сентября 1926 г. был захвачен Учебный отдел КВЖД[384] — китайцы посчитали, что в железнодорожных школах ведется пропаганда большевизма и дети воспитываются в «коммунистическом духе». Служащие отдела были насильно удалены китайской полицией из помещения отдела, которое было опечатано. Школы КВЖД были переданы Управлению Народного просвещения при Главноначальствующем ОРВП. В заседании политбюро ЦК ВКП(б) 7 сентября 1926 г. было принято решение «сообщить в Харбин»: воздержаться от открытия школ и «тянуть с вопросом о кредитах», а также «неофициально предложить китайским деятелям возможный компромисс о китайском контроле над Учебным отделом КВЖД»[385].

Л.М. Карахан выехал из Пекина «в отпуск» 26 сентября 1926 г. и больше в Китай не возвращался. Вместо него временно поверенным в делах СССР в Китае был назначен А.С. Черных, который уже не играл особой роли в определении политики на КВЖД. Ге-

---

[381] РГИА. Ф.323. Оп.6. Д.607. Л.11. С 22 января 1924 г. судам КВЖД было запрещено плавание по Сунгари и другим рекам Маньчжурии.
[382] РГАСПИ.Ф. 17. Оп. 3. Д. 590. Л. 1.
[383] Там же. Л. 9об.
[384] В 1926 г. Учебный отдел КВЖД объединял 53 железнодорожных школы, в которых обучалось 9 518 учащихся и работало 680 преподавателей. Дети служащих КВЖД обучались в течение 7 лет бесплатно, в последних 2 классах – плата составляла не больше 50 руб. в год. (РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 861. Л. 15).
[385] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 585. Л. 3.

неральным консулом СССР в Харбине на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 30 сентября 1926 г. был утвержден Б.В. Легран[386].

Для усиления советской части Правления КВЖД вместо товарища председателя правления Л.А. Саврасова в Харбин был направлен М.М. Лашевич[387], наиболее крупная фигура из всех советских представителей на КВЖД. Кандидатура Лашевича была утверждена решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 20 ноября 1926 г. Перед Лашевичем была поставлена задача: «разрешение всех возникших вопросов с учетом интересов обеих сторон, равноправная работа в Правлении и Управлении»[388]. О назначении Лашевича ходило много толков. Это было связано с его позициями в РВС СССР, ЦК ВКП(б) и тем, что он не был связан ни с НКИД, ни с НКПС. Его считали личным представителем И.В. Сталина в Маньчжурии и связывали его назначение с возможным военным вмешательством СССР. С другой стороны, направление М.М. Лашевича товпредом Правления КВЖД выглядело своего рода ссылкой за участие в оппозиционной борьбе против Сталина[389]. Г. Беседовский в сентябре 1927 г., будучи в Харбине, отмечал несоответствие назначения Лашевича масштабу его личности: «Работа на КВЖД совсем не удовлетворяла его. Он привык к большой политической работе и к большим политическим маневрам, и необходимость заниматься хозяйственной работой, осложненной разными трениями и мелкими подвохами почти выводила его из строя»[390].

Тем не менее, назначение Лашевича считали знаковым как русские эмигранты, так и китайцы и японцы, считая, что таким образом Москва решила усилить свои позиции на КВЖД и в Маньчжурии. Полпред СССР в Китае А.С. Черных сообщал Л.М. Карахану,

---

[386] *Легран* Борис Васильевич (1884–1936) – советский политический деятель, член РСДРП с 1901 г. Участник Первой мировой войны, штабс-капитан. Участвовал в октябрьском перевороте, с 27 ноября (6 декабря) 1917 – тов. наркома военно-морских дел. В ноябре-декабре 1918 г. – член РВС Южного фронта, потом член РВС 10 армии, один из руководителей обороны Царицына. В 1925 г. был Председателем Губбюро просвещения Ленинграда. Генеральный консул СССР в Харбине (октябрь 1926- 1927). В 1930-1934 гг. был директором Эрмитажа.

[387] *Лашевич* Михаил Михайлович (1884–1928) (наст. фамилия Гаскович) — революционер, советский политический и военный деятель, член РСДРП с 1901 г. Неоднократно арестовывался за свою революционную деятельность. Участник Первой мировой войны, был дважды ранен. С 1917 г. – в Петрограде, член Военно-революционного комитета. Во время гражданской войны – член Реввоенсовета, командарм, принимал активное участие в борьбе Красной Армии против Колчака, Деникина и Юденича. Председатель Сибревкома. Кандидат в члены ЦК ВКП(б). В 1926–1928 гг. — товарищ председателя Правления КВЖД. В 1927 г. исключен из партии за участие в троцкистской оппозиции, в 1928 г. восстановлен. Умер 31 августа 1928 г. в Харбине, тело перевезено в Ленинград и похоронено на Марсовом поле.

[388] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 603. Л. 1.

[389] 6 июня 1926 г. под Москвой М.М. Лашевич, сторонник Зиновьева, выступил с докладом о положении в партии на неофициальном собрании коммунистов Краснопресненского района Москвы, которое Центральная контрольная комиссия квалифицировала как подпольное и фракционное. Лашевич в июле 1926 г. был снят с должности зам. председателя РВС и исключен из состава кандидатов в члены ЦК; Сталин использовал его «дело» как повод для массированной атаки на оппозицию и ее лидеров, прежде всего, на Зиновьева. См.об этом: Письма И.В. Сталина В.М. Молотову… С. 51.

[390] *Беседовский Г.* Указ. соч. С. 241.

заместителю наркома иностранных дел СССР, в письме из Пекина от 20 февраля 1927 г.: «Конечно, положение на КВЖД целиком связано с общей политической ситуацией. Самым острым моментом на КВЖД были летние и осенние месяцы (1926 г. — *М.К.*), когда руки Мукдена были наиболее развязаны, и успехи кантонских войск еще лишь начинались. <…> Мукден рассчитывал на изменение нашей политической линии в Китае после Вашего отзыва, но убедился в том, что мы не намерены менять нашей политической линии. <…> Ввязываясь в большую, сложную и рискованную политику в Китае, Мукден не мог позволить себе роскоши вызывать серьезные осложнения у себя в тылу. Назначение тов. Лашевича (о военном происхождении которого протрубили все газеты) явилось дополнительным в этой картине штрихом. Это назначение (и отозвание уступчивого т. Саврасова) подчеркнуло Мукдену, что в случае чего они действительно будут иметь осложнения в тылу. Японцы, ведшие кампанию против плавания Чжан Цзолиня в море большой политики, со своей стороны постарались разукрасить «тайный смысл» назначения тов. Лашевича. Чжан Цзолинь разумно [решил] отложить счеты с нами, рассчитывая сторицей расплатиться с нами при первом благоприятном случае. Сейчас, когда положение Чжан Цзолиня усложняется и ухудшается, нам не приходится опасаться агрессии на КВЖД. Японцы всячески используют недоверие и ненависть к нам Чжан Цзолиня» [391].

Сам Чжан Цзолинь не скрывал своей резкой антисоветской позиции. Под флагом национализма он проводил антикоммунистическую кампанию под лозунгом: «Китай — китайцам, но не Китай — красным»[392]. В его интервью, опубликованном в газете «Джапан Адвертайзер» (“Japan Advertizer”) 28 декабря 1926 г., он утверждал: «Русский большевизм — чума, и если Китай заболеет им, то США и другие державы будут в серьезной опасности, зараза проникнет и к ним. <…> Другие державы заразятся им, если Китай будет серьезно болен. Россия ненавидит Америку, Японию и Англию, но там она мало успела и обратилась к Китаю, чтобы нанести удар не только Китаю, но косвенным путем и державам. Китай нуждается в вашей помощи (держав — *М.К.)* для борьбы с этим злом. Юрин, Бородин, Иоффе, Карахан – каждый из советских послов в Китае, прежде всего, являлся ко мне и искал моего сотрудничества, но я отказывал, предвидя именно то положение, которое получилось теперь на юге. Им (советским представителям — *М.К.*) пришлось искать сотрудничества в другом месте, и они нашли теплый прием в южном Китае.

---

[391] АВП РФ. Ф.04. Оп. 22. П. 178. Д. 221. ЛЛ.37–38.

[392] Цит. по: *Каретина Г.С.* Военно-политические группировки Северного Китая: эволюция китайского милитаризма в 20-30-е гг. XX в. Владивосток: Дальнаука, 2001. С. 133.

Южане зовут себя патриотами, но истинными патриотами являемся мы, борющиеся против вторжения в Китай со стороны большевистской России»[393].

Так, после триумфального прихода на КВЖД в 1924 г. СССР вступил в череду конфликтов с китайской частью администрации КВЖД и местным Мукденским правительством. Не желая втянуть себя в серьезный вооруженный конфликт в Маньчжурии, СССР пошел на серьезные уступки китайцам, смену руководства, вызвав своей умеренной и непоследовательной политикой недовольство русского населения Маньчжурии.

1.3.3. Изменение политики СССР на КВЖД в 1926 – 1927 гг., ослабление советского влияния

Смена советского руководства КВЖД в 1926 г. повлекла за собой «чистку» рядов среди служащих дороги. Чичерин еще в письме от 16 марта 1926 г. писал Карахану о «засилии сменовеховщины» в Харбине: «Дикий и его присные облепляют Управление, заполняют главные его органы и инспирируют т. Иванова. <…> По сведениям соседей можно даже предположить, что некоторые из этих лиц … имеют связи с японцами и сознательно провоцируют. Но как мог Иванов этому поддаться?» [394]. Н.В. Устрялов позже, комментируя письмо Г.Н. Дикого от 16 февраля 1931 г., указал: «В 1926 г., сменяя Управляющего дорогой Иванова, Москва свалила ответственность за его курс на “бывших белогвардейцев”, служащих на дороге»[395]. Увольнение А.Н. Иванова и назначение Управляющим дорогой А.И. Емшанова означало и конец политики компромисса и сотрудничества со «спецами» на КВЖД в 1924–1926 гг.

Начиная с апреля 1926 г. последовала серия увольнений старших агентов КВЖД, старослужащих, подавших ходатайства о восстановлении советского гражданства (старшими агентами называли служащих, получавших оклады от 2400 руб. в год и выше — *М.К.*). Их места заняли «командированные из СССР» специалисты. Согласно списку старших агентов дороги по Управлению и линии, более 70 служащих — командированных из СССР были взяты на работу в 1926–1927 гг., а состав советских старших агентов Управления дороги практически полностью обновился[396].

---

[393] Бюллетени дальневосточной прессы службы переводов Управления КВЖД, 1927 г. (РГИА. Ф. 323. Оп. 5. Д. 1348. Л. 8–9)
[394] Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина... С. 610.
[395] РГАЛИ. Ф. 2871. Оп. 3. Д. 531. Л. 60.
[396] РГИА. Ф. 323. Оп. 9.Д. 6278. Список агентов дороги по Управлению и линии по состоянию на 1 января 1929 г. ЛЛ. 1-29.

Из спецов с «сомнительным прошлым» одним из первых был уволен главный контролер КВЖД Г.К. Гинс. 19 мая 1926 г. он просил Правление уволить его от службы по болезни («испытываю переутомление и нуждаюсь в отдыхе»). Был уволен по болезни в сентябре 1927 г. начальник службы пути В.И. Александров, работавший на КВЖД с 1898 г. и принявший советское гражданство. Г.Н. Дикий и Н.В. Устрялов вынуждены были также написать заявление об «увольнении по собственному желанию» 9 апреля 1926 г., но ходу их заявлениям не дали. Товпред Правления КВЖД Л.А. Саврасов на заседании Правления 24 апреля 1926 г. настаивал на необходимости «удержания» на службе Дикого и Устрялова как ценных специалистов, и 26 апреля Дикий и Устрялов забрали свои заявления[397]. За ними был установлен негласный контроль. Так, в марте 1926 г. секретарем Учебного отдела КВЖД был назначен В.В. Коханский, командированный из Владивостока, по сведениям эмигрантов, «чекист, приставленный следить» за Устряловым[398].

В 1927 г., согласно приказу № 144 от 20 октября 1927 г. Управляющего КВЖД А.И. Емшанова, были уволены со службы «за несостояние в гражданстве СССР или Китая» Н.К. Федосеев, В.Н. Касаткин, Н.И. Сахаров, А.Г. Прорвич, Л.К. Медведев, А.В. Филиппов, М.И. Степанов и другие как «бесподданные», т.к. ЦИК СССР отклонил их просьбы о восстановлении советского гражданства [399]. У всех уволенных было «сомнительное» прошлое, связанное с Белым движением[400]. В это же время были уволены с дороги все служащие, не подавшие ходатайства о «восстановлении в гражданстве СССР». Некоторым удалось вновь устроиться на службу уже после подачи заявлений в генконсульство СССР в Харбине. Так, зав. личным составом службы эксплуатации А.А. Якшин, до революции бывший судебным следователем окружного суда во Владивостоке, а в эмиграции членом монархической организации, был уволен 2 августа 1927 г. [401]. После этого он подал ходатайство о «восстановлении в правах советского гражданства», получил квитанцию № 3663 от 12 сентября 1927 г. генерального консульства СССР в Харбине и был вновь принят на работу 14 сентября 1927 г. и.о. коммерческого агента отдела дополнительных предприятий[402].

В свою очередь, на КВЖД в 1926–1927 гг. появились новые «командированные из СССР» коммунисты — т.н. «команда Емшанова»: А.Б. Пылинский, Н.Г. Хорьков, М.В. Пряничников, А.А. Губанов, М.К. Рагозин, А.А. Неопиханов и др. Правитель дел КВЖД

---

[397] РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 341. Л. 332.
[398] Список коммунистов на КВЖД. (Collection of M.P. Golovachev. Box #3. BAR).
[399] РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 5549. Л. 34.
[400] См. прил. 39, 91.
[401] См. прил. 99.
[402] РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 6199. Л. 15.

И.О. Яцунский — «человек Карахана», отвечавший за кадры на КВЖД, в сентябре 1926 г. был освидетельствован врачами и признан страдающим «тяжкой болезнью, требующей длительного лечения». Он был отправлен в 4-хмесячный отпуск в Москву, из которого не вернулся к месту службы и 15 февраля 1927 г. был уволен от службы на дороге по болезни[403]. Вместо него и.д. правителя дел был назначен М.Я. Редозубов.

Кадровая политика новой советской администрации изменилась. А.В. Троицкий — глава союза беспартийных, эмигрант, в аналитической записке, направленной в РОВС в 1927 г., писал о том, что «качество советских руководителей (аппаратчиков) стало ниже прежних», выборное начало, существовавшее до 1927 г., «теперь часто игнорируется, все чаще назначения идут из местного органа управления профсоюзами». Согласно выводам Троицкого, советское влияние, достигшее пика в 1925–1926 гг., начало ослабевать к 1927 г. Такой вывод он сделал, исходя из официальных данных «недоимок» по членским профсоюзным взносам. За 1925 г. неуплата взносов составляла 1, 5% от общего числа членов профсоюзов, в первой половине 1926 – 7,5%, во второй половине 1926 г. – 12%, до апреля 1927 г. – 21%[404].

Этот вывод подтверждается протоколами заседания Доркома, из которых видно, что количество исключенных из профсоюза за неуплату взносов начало расти с 1926 г. Например, машинистки канцелярии Управления КВЖД Н.В. Русалева и Е.А. Ильина, члены союза с 1925 г., в 1927 г. были исключены из профсоюза за неуплату взносов с декабря 1926 г. Они заявили, что теперь стали китайскими подданными и в «союзе состоять не желают»[405]. Также автоматически выбывшим из профсоюза 3 октября 1927 г. считался А.Г. Скерст, который не платил взносы в течение 8 месяцев без уважительных причин[406].

Динамику подачи заявлений в советские консульства и выдачу советских паспортов русскому населению в Маньчжурии проследила исследователь Н.Н. Аблажей. По ее данным, в 1925 г. количество поданных заявлений существенно превышало количество выданных совзагранвидов, в 1926 г. и первой половине 1927 г. совзагранвидов в Маньчжурии выдавалось в полтора-два раза больше, чем поступало ходатайств. Рекордное число совзагранвидов — 490 было выдано харбинским консульством в октябре 1927 г. В дальнейшем количество ходатайств о приеме в советское гражданство стало уменьшать-

---

[403] РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 6255. Л. 1.
[404] Там же. Л. 7.
[405] РГИА. Ф. 323. Оп. 3. Д. 50. Л. 167.
[406] Там же. Л. 319. См.также прил. 81.

ся: если прежде в харбинское консульство поступало в среднем 300 заявлений в месяц, то в 1928 году эта цифра снизилась вдвое[407].

А.В. Троицкий в своей записке в РОВС обратил внимание на то, что «коренные железнодорожники» с 1927 г. стали уходить из «партаппарата» (в это понятие включался весь т.н. «актив» — профсоюзы, отмол, женотделы и т.п. — *М.К.*), уступая место молодежи из комсомола и «продавшимся окончательно перелетам»: «Не редкость видеть на должностях “профуполномоченных” бывших белых офицеров и пришлую интеллигенцию». Это обстоятельство Троицкий считал неблагоприятным для эмиграции, т.к. «перелеты» отличались «наибольшей преданностью большевикам»[408].

Характеризуя «советские профсоюзные массы» в ОРВП, Троицкий указывал на то, что среди них сохраняется организационное начало, но только «силою террора красных аппаратов, которые имеют возможность заведовать материальным благополучием каждого из членов»[409]. Он имел в виду зависимость всех членов профсоюза от повышения по службе, перевода на другую работу, увеличения окладов, предоставления отпусков, выплату пособий, предоставление льгот, квартир и т.п. Также Троицкий замечал, что «под влиянием угроз масса стала жить отдельной жизнью, а не партийной», и что раньше (т.е. до 1927 г.) было «больше сочувствия». Таким образом, «психологический отход» основной советской массы от «ядра» он относил ко второй половине 1926 и первой половине 1927 гг. В этот период наблюдалось сближение советских граждан с эмигрантскими монархическими кругами, причем Троицкий отмечал, что в «низшем рабочем кругу» число советских граждан, сотрудничавших с правыми кругами, было выше, тогда как интеллигенция держалась советской власти скорее из-за «материальных поощрений», из-за чего «в низах» к ней относились «с презрением»[410].

Об изменившихся типах советских чиновников в связи с новой кадровой политикой заметил Н.В. Устрялов, работавший как «спец» на КВЖД и хорошо знавший атмосферу, царившую среди «командированных из СССР». В письме Г.Н. Дикому от 19 марта 1930 г. он писал «о работничках НКПС типа, нам с Вами хорошо известного»: «Почему прохвосты, насильники, простые громилы по женской линии состоят членами Правления дороги, и инженеры поставлены не то, что в подчиненное им положение, но и в рабскую зависимость? Почему не требовательность к “своим”, т.е. к каждому проходимцу, записавшемуся в партию, так велика, что любой фантазер или аферист из инженеров или эко-

[407] *Аблажей Н.Н.* Указ. соч. С.54.
[408] ГА РФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 142. ЛЛ. 8–9.
[409] Там же. Л. 8
[410] Там же.

номистов мог не встретить никакого сопротивления, будучи поддерживаем невежественным пылким воображением партийных руководителей!? Ведь только это невежество, эта неразборчивость, неспособность и нежелание оценить каждого специалиста в отдельности повели к тому, что якшание с властью стало делом рук немногих и среди этих немногих не осталось никого, кроме проходимцев и предателей»[411].

В это же время, когда из СССР стали просачиваться сведения о борьбе внутри партии, общем положении в стране, среди «спецов» на КВЖД также начали появляться сомнения. Г.Н. Дикий, по долгу службы часто выезжавший в СССР, писал об изменении атмосферы в стране Устрялову в письме от 24 августа 1927 г. на пути из Харбина в Европу: «Общее впечатление от пребывания в СССР безрадостное: медленный процесс гниения и отстаивания этой большой лужи, которую переполнила революция. Кромешный сумбур. Яркие люди только в оппозиции»[412]. Он же сообщал Устрялову из Гамбурга в конце октября 1927 г.: «Все идет катастрофически для власти: кризис валюты, кризис внешней торговли, кризис сельского хозяйства, тяжелое международное положение, понижение интереса к делу среди партийных и беспартийных, борьба с правым уклоном – т.е. развал в партии. Важнейшее из положений Ленина – это что нужен подбор людей. Этого-то нет. Сейчас люди погрязли, переродились, не умеют создать дельного и делового аппарата»[413].

С 1926г. многие крупные предприниматели, подавшие заявления о восстановлении советского гражданства, перестали продлевать свои советские паспорта и начали принимать подданства других государств. С.Л. Скидельский, представитель фирмы «Наследники Л.Ш. Скидельского» сообщал об этом в сентябре 1945 г. на допросе в СМЕРШ: « В 1922 г. я обратился к советскому консульству с просьбой о выдаче мне паспорта как советскому гражданину. Паспорт мне был выдан. Советским подданным я состоял до 1925 – 1926 г., но позднее свое подданство не возобновлял». Скидельский объяснял, что поступил так по совету португальского посла в Китае [414]. С.Л. Скидельский получил португальское гражданство, был португальским консулом в Харбине, его брат Моисей стал подданным республики Гаити, племянники — английскими подданными. Коммерсант М.Г. Зимин объяснял смену советского гражданства на литовское в 1926 г. необходимо-

[411] РГАЛИ. Ф.2871. Оп.3. Д. 531. Л.18.
[412] Там же. Л.1.
[413] Там же. Л. 3.
[414] См. об этом: *Черепица. В.Н.* От Волковыска до Харбина: торгово-промышленная династия Скидельских (конец XIX-середина XX в.) в документах и материалах. Гродно: изд-во ГрГУ, 2009. С. 70.

стью частых коммерческих поездок в «условиях отсутствия свободного перемещения для советских граждан (необходимо было оформлять особое разрешение у властей)»[415].

Несомненно, сокращение советского влияния в Маньчжурии было связано с неудачной политикой СССР в Китае, падением престижа СССР. По меткому выражению газеты «Джапан Адвертайзер» от 28 апреля 1927 г., советская деятельность в Китае «получила ряд щелчков»[416]. Имелись в виду налет Чжан Цзолиня на посольство СССР в Пекине 6 апреля 1927 г., разрыв Чан Кайши с левым крылом Гоминьдана, приход политического деятеля Танака (партии Сейюкай) к власти в Японии. Особенный эффект произвело заявление Танака 22 апреля 1927 г., когда он сказал, что Япония не может индифферентно относиться к коммунистической деятельности в Китае. Это было расценено как предостережение советскому правительству. По мнению многих исследователей, маньчжурские власти с весны 1926 г. начали прибегать к систематическим насилиям и провокациям на КВЖД, ведя дело к обострению отношений с СССР и захвату дороги, чувствуя за своей спиной поддержку японцев[417].

Советские консулы указывали на многочисленные жалобы от населения на беззаконие и произвол китайцев, насилие против железнодорожников, особенно на линии. В службе общих дел Управления КВЖД существовал специальный отдел происшествий, который фиксировал различные конфликты на КВЖД. Заведующий отделом Н.Н. Афанасенко составлял сводки о нарушении чинами китайских охранных войск железнодорожных правил. За 1926 –1928 гг. было зафиксировано 1 862 нарушения правил китайскими военными и полицейскими, в том числе безбилетный проезд по железной дороге, нарушение санитарных правил, самовольное занятие квартир и зданий, принадлежавших дороге, порча пути, дорожных сооружений, воровство топлива, продовольствия и железнодорожного имущества. Отдельной строкой заполнялись случаи самоуправства и применения насилия по отношению к агентам дороги. Таких случаев за указанный период было 279, и все они были оскорбительны для русских служащих [418]. Обращения консулов в штаб охранных войск и Главноначальствующему ОРВП оставались, как правило, без ответа. Конфликты улаживали дипломатическим путем и в судебном порядке, причем большая часть советских граждан была недовольна недостаточной, по их мнению, активностью советских консульств и администрации КВЖД в деле защиты их интересов. Большинство

---

[415] *Смирнов С.В.* Указ. соч.. С. 64.
[416] РГИА. Ф. 323. Оп. 5. Оп. 1348. Л. 363.
[417] См. об этом: *Кутаков Л.Н.* История советско-японских дипломатических отношений. М.: Изд-во Института международных отношений, 1962. С. 79.
[418] Подсчитано по: РГИА. Ф.323. Оп.4. Д.340. Перечень конфликтов, происшедших на КВЖД за 1926-1928 гг. ЛЛ.3-199.

считало, что китайцев надо «ударить по рукам, иначе они нас съедят». Того же мнения придерживались некоторые высшие чины советской администрации. Так, например, товарищ председателя Правления КВЖД М.М. Лашевич, раздраженный безнаказанностью и наглостью китайских властей, утверждал в 1927 г., что «надо показать Мукдену когти, иначе они сядут нам на голову»: «"Кисейная" политика вовсе не является в глазах китайцев доказательством нашего миролюбия, а, скорее, заставляет думать о слабости советского правительства». По свидетельству Г. Беседовского, в разговоре с коллегой Лашевич жаловался на то, что ему невыносима политика «мелких уступок и постоянного маневрирования, рекомендуемая из Москвы», которая, по его мнению, неизбежно должна была привести к потере КВЖД [419].

Точку зрения Лашевича, которая расходилась с официальной линией внешней политики СССР, разделяли многие советские представители в Маньчжурии. В АВП РФ находится дневник консула СССР в Цицикаре в 1930–1931 гг. А.М. Бурова — очень откровенные записки вдумчивого наблюдателя, которые показывают сложности общения с китайцами. Особое внимание он уделял особенностям китайских «церемоний», традиций и обычаев, необходимости личных и дружеских связей. А. Буров в своем дневнике за 1930 г. отмечал, что большинство влиятельных китайцев — большие националисты, не особенно симпатизируют СССР, постоянно возвращаются к вопросу о причинах отказа СССР от первой декларации Карахана по поводу возвращения КВЖД китайцам. Китайская позиция была вполне определенной: «пока не получит Китай КВЖД — не будет искреннего и дружественного отношения к СССР со стороны Китая»[420]. В своем дневнике консул привел мнение одного влиятельного китайца, которое, как он считал, отражало общее настроение: «Китайцы к вам (СССР — *М.К.)* относятся с какой-то холодностью. Советские деятели и японцы, по мнению китайцев, стоят на одной доске. К обеим странам китайцы относятся одинаково, как к империалистическим странам, стремящимся захватить Маньчжурию под свое влияние»[421]. Буров пришел к выводу, что «наши отношения с "частичными уступками" без "взаимных расчетов" они (китайцы — *М.К.*) истолковывают исключительно как нашу слабость, "непрактичность", и стараются "нажимать" на этом участке», и если отношения строить на основе «не победителя», то китайцы начинают «наглеть и хаметь с каждым днем все больше и больше»[422].

---

[419] См. об этом: *Беседовский Г.* Указ. соч. М., 1997. С. 242.
[420] АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 12. П. 18. Д. 5. Л. 7.
[421] Там же. Л. 11
[422] Там же. Л. 25.

Трения с китайской стороной смягчались, как правило, приемом на КВЖД на высокие должности и соответственно высокие оклады китайцев, часто вне всякого образовательного ценза и опыта. В одном из агентурных донесений из Харбина генералу Хорвату за 1927 г. сообщалось о низком уровне китайского персонала: «За исключением единиц (например, инженер Фань Цигуань, Лю Вэнь, Го Фумянь и еще несколько лиц) на своих местах только низшие служащие и драгоманы. <…>Главное — большие оклады получай, не мешай и молчи»[423]. Работу на КВЖД многие китайцы считали синекурой. Один из китайцев откровенно поделился с советским консулом, обратившись к нему с просьбой устроиться на дорогу: «Что делает настоящий работник? Приходит в контору, выпивает стакан чаю, прочитывает газету и уходит. Только мешает, а я же даже не буду мешать, а приходить только для того, чтобы расписаться в ведомости»[424]. По отношению к китайской администрации КВЖД применялась тактика «нажима и подкупа», когда некоторые высшие китайские чиновники получали замаскированные взятки. Советским представителям приходилось перенимать китайский стиль деловых отношений для установления контактов – обязательные подарки (это называлось «подмазать губы»), взятки («фацай»), обеды в ресторанах, походы к «девочкам» и т.п.[425].

Уступки и осторожные действия советской стороны были вынужденными, для того чтобы избежать открытого вооруженного конфликта с Мукденом, который мог бы привести к военному столкновению с Японией. Ослабление позиций СССР в Китае привело к усилению активности маньчжурских властей. Эту зависимость отметил в своей статье 1928 г. Б. Семенов (Мельников): «Как общее правило, можно установить, что все нажимы на КВЖД производятся Чжан Цзолином в те моменты, когда положение его улучшается. Когда же он терпит поражения от революционного движения, позиция его по вопросу КВЖД становится более уступчивой»[426].

Летом 1927 г. мукденское правительство потребовало от Правления КВЖД передать денежные средства дороги (около 300 млн. иен) на «хранение» в Китайский банк в Маньчжурии. Советская сторона расценила этот шаг как прямую подготовку к захвату

---

[423] ГМЗ «Петергоф». Ф. Архив музея семьи Бенуа. ПДМБ 4976 –ар. Л.1.
[424] АВП РФ. Ф.0100. Оп.12. П.18. Д.5. Л.49.
[425] Советский консул в Цицикаре А.Буров в своем дневнике за 1930 год писал о наборе обязательного подарка китайским представителям для того, чтобы немного «смазать» дело: 4 бутылки вина, 100 сигарет, пачки спичек, 6 банок консервов, коробки моссельпромовских изделий. (АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 12. П. 18. Д. 5. Л. 4). Далее он замечает о преимуществе взяток в китайской среде: «куда проще действие «подарка», чем все ноты. Пожалуй, так можно было бы добиться кое-каких реальных результатов и в отношении белых». (Там же. Л. 28).
[426] Семенов Б. Китай и СССР //О Китае. Политико-экономический сборник (под ред. А. Лозовского). М.-Л.: Госиздат, 1928. С. 157.

КВЖД. По временному соглашению от 13 августа 1927 г. советское правительство сочло возможным передать «на хранение» половину денежных средств КВЖД в маньчжурские банки[427], т.к. китайцы настояли на выдаче им из Дальбанка половины накопившихся прибылей КВЖД в сумме до 16 млн. долларов.

Долгие споры и переговоры советской и китайской сторон вызвал т.н. «школьный вопрос» — дело о школах КВЖД[428]. Больше года НКИД готовил проект по школьному вопросу, связанному с подчинением школ КВЖД администрации ОРВП. Соглашение о школах КВЖД было утверждено на заседании Правления 1 декабря 1927 г. и представляло компромисс каждой из сторон. По нему управление железнодорожными школами для граждан СССР и преподавание в них должно было вестись согласно действующим в Китае системам народного образования и распоряжениям местных властей. В тех случая, когда выяснялось несоответствие между ведением дел в школах КВЖД для граждан СССР и современным положением его в СССР, допускались отступления. Управление народного просвещения переименовывалось в Департамент народного просвещения (ДНП). В нем учреждался специальный отдел — 4-й, который заведовал железнодорожными школами. Начальник 4-го отдела ДНП выдвигался Управляющим дорогой и назначался китайским начальником ДНП. Все служащие отдела, а также администрация, педагогический и технический персонал школ назначались из числа граждан СССР и считались служащими дороги. Для надзора за деятельностью школ учреждались должности инспекторов — помимо китайской национальности — граждане СССР по рекомендации Управления КВЖД[429]. Начальником 4-го отдела ДНП был назначен советский гражданин К.А. Филиппович, инспектор Учебного отдела.

Но на практике соглашение не выполнялось. Назначение начальником ДНП Чжан Гочена — бывшего личного секретаря маршала Чжан Сюеляна — в ноябре 1928 г. изменило хрупкую ситуацию временного равновесия в сторону давления на школы КВЖД для детей железнодорожников граждан СССР. Вся переписка школ теперь должна была вестись напрямую с ДНП на китайском языке, минуя 4-й отдел и его советского начальника. Программы вечеров, спектаклей, даже заседаний родительского комитета должны были быть предварительно рассмотрены в ДНП за 10 дней до проведения. Сам Чжан Гочен, ознакомившись с программой вечера для учащихся Харбинских коммерческих училищ 16 декабря 1928 г., оставил резолюцию от 12 декабря 1928 г.: «В программе первого отделе-

---

[427] Краткий исторический обзор о Китайской Восточной железной дороге. 1896-1935 гг. (РГИА. Ф. 323. Оп. 11. Д. 1. Л. 86).
[428] См. об этом: *Мелихов Г.В.* Российская эмиграция в международных отношениях… С. 117–125.
[429] РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 861. Л. 32.

ния значится Гимн труду, и нет содержания этого гимна, что противоречит распоряжениям администрации, потому надлежит исключить этот номер из программы. На будущее время подобные вечера не должны устраиваться часто, т.к. они мешают нормальному ходу занятий»[430]. Позже приказом № 421 начальника ДНП от 4 марта 1929 г. была определена регулярность мероприятий в школах: заседания педагогических советов, а также лекции по научным вопросам могли происходить ежемесячно, не более 2 раз в мес.; заседания родительских комитетов и попечительских советов — не чаще раза в мес.; танцевальные вечера, спектакли и концерты – не более раза в учебное полугодие; благотворительные вечера по сбору средств – не чаще раза в месяц[431]. Относительно школьных учебников начальник ДНП издал приказ № 249 от 5 февраля 1929 г., согласно которому не разрешалось «преподавание произвольного характера без учебника», в противном случае такое преподавание расценивалось как пропаганда коммунизма[432]. По этому же приказу не разрешалось вывешивать на школах флаги КВЖД – только государственные флаги Китайской республики. Чжан Гочен после долгих переговоров разрешил вывешивать советский флаг размером ½ на ¾ аршина, в то время как китайский флаг был размером 2 на 3 аршина. Это, в свою очередь, стало предметом выяснения и разбирательств уже со стороны советского Управляющего дорогой Емшанова [433].

В статье английской газеты, издававшейся в Тяньцзине, «Пекин-Тяньцзин Таймс» «Россия запутывается» от 21 октября 1927 г. говорилось: «Колоссальное предприятие Советской России в Китае рухнуло. <…>Харбин, служивший прежде пунктом опоры, в настоящее время не имеет никакой ценности в военном отношении». Газета имела в виду захват китайцами политического и экономического влияния на КВЖД, строительство новых железных дорог и т.п., которые «лишили Северную Маньчжурию стратегического значения для России»[434].

С 1927 г. в связи с неудачами советской политики в Китае оживились и эмигранты. В китайские суды поступило сразу несколько исков к Управлению дороги о взыскании заштатных пособий, не выплаченных в свое время уволенным с КВЖД в 1924 и 1925 гг. служащим. Управление дороги было вынуждено выплатить все деньги. Одним из первых заштатное пособие в сумме 17 088 долларов получил бывший управляющий дорогой

[430] РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 861. Л. 35.
[431] Там же. Л. 43.
[432] Там же. Л. 40.
[433] РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 428. Л. 10.
[434] РГИА. Ф. 323. Оп. 5. Д. 1348. Л. 761.

Б.В. Остроумов[435]. М.Е. Афанасьев – бывший помощник Управляющего дорогой, уволенный с КВЖД в октябре 1924 г. без заштатного пособия, обратился в суд с иском о взыскании с КВЖД заштатного пособия за 16 лет службы (с 1 октября 1908 по 11 октября 1924 гг.) с процентами (6% годовых со дня увольнения). Дело решалось в Окружном суде, было дважды отложено, но, в конце концов, 16 января 1928 г. суд вынес решение присудить с дороги в пользу Афанасьева 16 тыс. зол. руб. заштатного пособия с начислением на эту сумму 6% годовых, а совет Управления КВЖД решил подчиниться решению суда и выплатить Афанасьеву все причитавшиеся деньги, т.к. «дальнейшее обжалование этого решения вызовет лишь расходы на судебные пошлины и др. судебные расходы»[436]. Эмиграция рассматривала это дело как политическое и его исход, неблагоприятный для дороги, считала важным шагом в борьбе против советской администрации КВЖД. В дальнейшем количество исков к дороге увеличилось со стороны ободренных уволенных.

Советское присутствие на КВЖД было важным условием политического влияния СССР в Северной Маньчжурии. Об этом ясно выразился Сталин в разговоре с Г. Беседовским 23 октября 1927 г.[437]: «Какие доводы за продолжение нашего пребывания на КВЖД? Это – доход от КВЖД и сохранение там базы своего влияния в Северной Маньчжурии, благодаря советским служащим на КВЖД»[438]. Причем, с точки зрения Сталина, ценность советского присутствия в Маньчжурии состояла именно в том, что, в случае подъема революционной волны, СССР через советскую Северную Маньчжурию смог бы установить контакт с революционным Пекином. Но поражение китайской революции 1925–1927 гг. привело к тяжелым последствиям: Нанкинское правительство Чан Кайши, образованное в 1927 г., не пожелало устанавливать дипломатических отношений с Советским Союзом, СССР, в свою очередь, не признал режим Чан Кайши законной властью в Китае. Разрыв дипломатических отношений с Нанкинским правительством в декабре 1927 г. привел к тому, что посольство СССР в Пекине было закрыто, но советские консульства в Маньчжурии продолжали работать.

Еще в июне 1924 г. известный эмигрантский публицист А.А. Гольденвейзер в рижской газете «Народная мысль» заметил в статье «Самооборона против коммунизма»: «Как ни гениальны Иоффе и Карахан, но тертые азиатские дипломаты их перехитрят. И, использовав большевистскую помощь для своих национальных целей, восточные народы

---

[435] *Мелихов Г.В.* Российская эмиграция в международных отношениях… С. 68.
[436] РГИА. Ф. 323. Оп. 3. Д. 36. ЛЛ. 6-7.
[437] Г. Беседовский был на приеме у И.В. Сталина 23 октября 1927 г., согласно записям в журнале посещений.
[438] *Беседовский Г.* На путях к термидору. М., 1997. С.251.

по примеру западных начнут думать и о самообороне против коммунизма»[439]. Так и случилось. Идеи распространения революции в Китае натолкнулись на растущий китайский национализм, и СССР был обвинен в империалистических намерениях. Лозунги, с которыми СССР пришел на КВЖД — самоопределения китайского народа, экономического и политического сотрудничества с Китаем — вызывали теперь сомнения у китайцев.

Китайские власти в ОРВП не верили в искренность часто повторяемых слов о советско-китайской дружбе и считали, что КВЖД является источником «систематического кормления большевизма и разрушения китайского авторитета»[440]. «Советчиков» подозревали в готовящемся захвате Маньчжурии. И небезосновательно: Харбин и полоса отчуждения КВЖД были наводнены советскими агентами Коминтерна и различных разведок.

В партийной организации в Маньчжурии большое внимание уделялось нелегальной, т.н. «спецработе». Вся территория была разбита на три района, ими руководили уполномоченные, которые имели по 30 резидентов, готовых к исполнению разведывательных и диверсионных операций. В докладной записке тов. Гасина, члена президиума ДККК, от 15 июля 1931 г. сообщалось, что в Северо-Маньчжурской партийной организации «имеются подготовленные кадры людей для крупной диверсионной работы. Намечен твердый мобплан, который в ближайшее время будет увязан с заинтересованными ведомствами. Готовятся кадры спортсменов, подрывников и обучаются люди для хождения под водой; подготовляется база для хранения спецматериалов. Кроме того, намечается некоторая часть безработных комсомольцев и коммунистов перебросить на лесную концессию, где в противовес белогвардейцев будет создан свой боевой опорный пункт»[441]. Политическая и диверсионная работа советских «активистов» шла под прикрытием советских консульств в Маньчжурии, всегда была возможность переправки агентов на советскую сторону.

Смерть М.М. Лашевича в августе 1928 г.[442] и назначение в октябре 1928 г. на пост тов. председателя Правления КВЖД В.Г. Чиркина[443] (по мнению эмигрантов, «полнейшего ничтожества»[444]) еще больше ослабил позиции СССР. После гибели Чжан Цзолиня в

---

[439] Цит. по: *Будницкий О. Полян А.* Русско-еврейский Берлин 1920 – 1941. М.: НЛО, 2013. С. 215.
[440] РГИА. Ф.323. Оп.10. Д.41. Л.249.
[441] РГАСПИ. Ф.613. Оп.3. Д.51. Л.119.
[442] Газеты писали об автомобильной аварии, самоубийстве, но официальной причиной смерти М.М. Лашевича 31 августа 1928 г. была объявлена болезнь сердца. Его тело было перевезено в Ленинград и похоронено на Марсовом поле.
[443] *Чиркин* Василий Гаврилович (1882 - ?) – партийный и общественный деятель, из крестьян. Работал на заводах, с 1906 г. профсоюзный деятель. В 1918 г. на съезде ВЦСПС был избран тов. Председателя ВЦСПС. С 1922 г. – в НКПС, председатель Правления Северных железных дорог. Командирован для изучения заграничного опыта в Берлин, оттуда в 1928 г. приглашен на должность товпреда Правления КВЖД.
[444] Заря. 1935. 15 сентября. С.3.

результате покушения в июне 1928 г., правителем Маньчжурии стал его сын, «молодой маршал» Чжан Сюэлян. Главноначальствующим ОРВП стал генерал Чжан Цзинкуй, вместе с которым к руководству пришла новая китайская администрация. Назначение Чжан Гочена на должность начальника ДНП, захват китайцами телефонной станции в Харбине в декабре 1928 г., закрытие просоветской газеты «Молва» в январе 1929 г. свидетельствовали об активности китайцев и о постоянном отступлении «советчиков». Налет на советское консульство в Харбине 27 мая 1929 г.[445] также был еще одним большим просчетом советской стороны. В конце концов, цепь событий привела СССР и Китай на грань войны.

Г.В. Чичерин в письме Сталину от 20 июня 1929 г., анализируя политику СССР в Китае, писал: «Ложная информация из Китая повлекла к нашим колоссальным ошибкам 1927 г. (после *прекрасной политики* 1923-1926 гг.), вследствие которой т.н. «советский период китайской революции» уже 2 года заключается в ее полной подавленности»[446]. Схожую оценку политики СССР в Маньчжурии давали эмигранты. 11 июля 1929 г., после начала советско-китайского конфликта, И.С. Ильин записал в своем дневнике: «Дороги жалко, но что поделаешь? Все равно Россия ее потеряет. Становится досадно за этих кретинов большевиков. В конце концов, тут с медлительностью востока можно было долго лавировать при умении и долго держаться. Но за 5 лет эти господа только хамили и головотяпствовали!»[447].

Советско-китайский конфликт 1929 г., таким образом, был закономерным итогом советско-китайских соглашений 1924 г., политики СССР в Маньчжурии и усилившегося китайского национализма. В этом конфликте проявилась слабость позиций СССР в Маньчжурии, разочарование большинства русского населения Маньчжурии, принявшего советское гражданство, в советской политике, не отвечавшей традиционным представлениям о защите русских интересов.

Русское влияние в Маньчжурии после 1917 г. значительно сократилось благодаря событиям в России — революции, гражданской войне и борьбе различных политических сил. На фоне «русской смуты» усилилась активность Китая, который установил контроль над бывшей русской колонией. Китайцы, взяв власть в свои руки, начали активную политику «дерусификации» полосы отчуждения КВЖД. Создание Особого района восточных провинций и переход в 1920 г. управления к китайской администрации осложнили поло-

---

[445] См. об этом: *Мелихов Г.В.* Российская эмиграция в международных отношениях… С . 146; Процесс 38. Стенограмма процесса 38 советских граждан, арестованных при налете 27 мая 1929 года на советское консульство в Харбине, ОРВП. Харбин, 1929.
[446] *Беседовский Г.* На путях к термидору. М., 1997. Приложение. С. 391-392.
[447] ГА РФ. Ф. Р-6599. Оп. 1. Д. 10. Л. 36.

жение русских в Маньчжурии. Поэтому успехи СССР в переговорах с Китайской республикой об установлении дипломатических отношений и решении вопроса о совместном управлении КВЖД в 1924 г. породили у большинства населения надежды на установление порядка и защиту прав русских, а СССР получил возможность укрепиться и расширить влияние на Северо-Востоке Китая. Массовое принятие русским населением Маньчжурии советского гражданства в 1925 – 1926 гг. демонстрировало успех советской политики в Маньчжурии и на КВЖД

Советская колония в Маньчжурии, самая крупная за рубежом, не была однородной по составу. Основу ее составляли старожилы Харбина или эмигранты, взявшие советское гражданство. Мотивы принятия советского гражданства были разными: идейные убеждения, симпатии к советской власти, забота о будущем детей, стремление сохранить связь с родственниками в России. Массовая советизация 1920-х гг. была связана в большей степени с прагматическим подходом: сохранением рабочих мест, коммерческих заведений, защиты от китайских властей. «Командированных» из СССР среди советской колонии было немного, причем процент убежденных коммунистов был и здесь небольшим, среди «командированных» было немало интеллигенции, «примкнувшей» к советской власти и решившей переждать трудные времена в спокойном Китае. Численность и состав колонии постоянно изменялись в зависимости от специфической обстановки в Маньчжурии, возможности сменить гражданство, уехать в другой район Китая или другие страны. К тому же у советской администрации не было эффективных рычагов влияния на новосоветских граждан. Суд, полиция, армия, пресса, даже образование в Маньчжурии были под контролем китайцев. Лояльность советской власти среди советской колонии была достаточно условной, при малейших колебаниях внешнеполитического курса СССР происходил переход из советского гражданства в эмигрантское состояние, что и показали дальнейшие события в Маньчжурии.

Совместное управление КВЖД в 1924 – 1929 гг. привело к дальнейшему обострению отношений между СССР и Китаем. Советская политика в Маньчжурии, руководимая сначала НКИД, потом НКПС, была противоречивой, исходила из задач как защиты своих интересов в Маньчжурии, так и расширения влияния коммунистических идей в Китае и поддержке Гоминьдана и КПК. Советский Союз рассчитывал на благодарность со стороны китайцев за отказ от прежних привилегий, но наткнулся на непонимание и раздражение, связанное с восстановлением китайского суверенитета. Более того, расценив политику СССР как слабость, Мукденское правительство настойчиво стало расширять свои права и при каждом удобном случае напоминать, кто хозяин в Маньчжурии. Каждая сторона

преследовала свои цели, не соблюдая пункты соглашений 1924 года, обвиняя друг друга в нарушении статей договора. Напряжение росло, и привело в конечном итоге к советско-китайскому конфликту на КВЖД в 1929 г. Зигзаги советской политики отражались на процессах советизации русского населения в Маньчжурии и настроениях эмигрантов. Ослабление позиций СССР в Китае, новая «осторожная» советская политика в Маньчжурии вызвала разочарование у «новосоветских» граждан, потерявших надежду на защиту своих прав. И наоборот, отказ от активной советской политики в Маньчжурии вызвал оживление эмигрантской колонии.

ГЛАВА 2. СОВЕТСКАЯ И ЭМИГРАНТСКАЯ КОЛОНИИ В МАНЬЧЖУРИИ В 1924 – 1931 ГГ.

2.1. Характеристика эмигрантской колонии в Маньчжурии в 1920-х гг.

2.1.1.Принятие эмигрантами китайского гражданства

Необходимость самоопределения в связи с установлением дипломатических отношений СССР и Китая и совместного советско-китайского управления КВЖД привела к разделению всего русского населения Маньчжурии на советских граждан и эмигрантов. Таким образом, все, кто не принял советского гражданства в середине 1920-х гг., как старожилы, так и беженцы из России, составляли эмигрантскую колонию. Так же, как и советский лагерь, эмигрантская колония была неоднородной по составу. На протяжении всего периода существования русская эмиграция в Маньчжурии страдала от внутренних раздоров, отсутствии общей цели, конкуренции между лидерами.

Раскол в эмигрантскую среду внес еще Н.В. Устрялов своими статьями 1920 г., призывавшими к сотрудничеству с новой властью. Успехи советской дипломатии, советская политика на КВЖД, делавшая ставку на «освоение» значительной части эмигрантской интеллигенции, переход большинства «спецов» в советский лагерь способствовали разложению в эмигрантских рядах. По мнению эмигрантов, к советскому лагерю примкнуло «все деловитое, расчетливое и эгоистичное», а по другую сторону, в эмигрантском состоянии осталось «все искушенное в испытаниях и не доверявшее советской “эволюции” с ее “культурой”»[448].

Уже было отмечено, что советское гражданство в Маньчжурии взяли в основном старожилы — «кавежедеки» и коммерсанты. Только немногие из беженцев, прибывших в Маньчжурию в начале 1920-х гг., смогли устроиться на КВЖД и подали ходатайства о приеме в советское подданство. Те же из эмигрантов, кто не желал переходить в советское гражданство, чтобы не потерять «место на дороге», предпочли перейти в китайское подданство. В связи с паритетным советско-китайским управлением КВЖД китайские власти были заинтересованы в упрочении своих позиций на дороге и ввели в 1925 г. упрощенную процедуру получения гражданства для русских, проживавших в Маньчжу-

[448] Распад эмиграции // Русская жизнь (Сан-Франциско). 1945. 11 апреля. С.3.

рии. Принимая эмигрантов под свое покровительство, они намеревались использовать их как средство давления на советскую администрацию. Для получения китайского гражданства необходимо было заполнить несколько бланков на китайском языке и представить подписи двух поручителей из числа китайских граждан. Надо сказать, эти китайские паспорта годились только в ОРВП, в других провинциях Китая их не признавали. По поводу китайского подданства В.А. Морозов, присяжный поверенный, работавший в китайских судебных учреждениях, особо отметил, что эта «фикция» была «дружеской рукой, протянутой китайцами русским людям, эмигрантам, в тяжелую минуту (обеспечение правого положения русских эмигрантов, возможность работать и существовать)»[449]. Советскую точку зрения на принятие эмигрантами китайского гражданства выразил публицист Е. Полевой, назвавший таких людей «предателями», изменившими «идее родины»[450].

Среди китайцев также не было единой оценки перехода русских в китайское гражданство. Газета «Сунцзян жибао» («Сунгари») отмечала летом 1925 г.: «У многих китайцев в связи с переходом возникает сомнение. Во-первых, этот переход продиктован, несомненно, только желанием сохранить за собой службу на КВЖД. Во-вторых, та ненависть, которую русские проявляли к китайцам в эпоху монархической России, известна всем, после же утраты своего влияния они сеют рознь в дружбе Китая и России. И раз эти люди настроены непримиримо в отношении своего государства, то сомнительно, чтобы с переходом в китайское подданство они стали подчиняться распоряжениям Китая»[451]. Газета предлагала проводить строгую фильтрацию при приеме заявлений о вступлении в китайское подданство.

Русские эмигранты — «китподданные» (в Харбине их называли еще «киты» или по-китайски «гуйхуачжэ») служили не только на КВЖД, но и в полиции, занимали места в канцеляриях практически всех китайских административных учреждений, где работали делопроизводителями, столоначальниками, паспортистами, советниками в китайских судах, инспекторами департамента народного просвещения. Харбинская газета «Гун бао» — официальный орган ОРВП на русском языке — также издавалась русскими эмигрантами.

Полномочный представитель СССР в Китае Л.М. Карахан, который руководил советской политикой на КВЖД, запросил МИД Китая в письме от 10 апреля 1925 г. о правовом обосновании принятия китайского подданства русскими эмигрантами. По китайским

---

[449] РГАЛИ. Ф.1337. Оп.5. Д.10. Л. 83.
[450] *Полевой Е.* По ту сторону китайской границы. Белый Харбин. М.-Л.: «Госиздат», 1930. С. 5.
[451] Цит. по: *Василенко Н.А.* История российской эмиграции в освещении современной китайской историографии. Владивосток: ДВО РАН, 2003. С. 95.

законам, для принятия китайского гражданства необходимо было прожить в течение пяти лет на китайской территории, обладать имуществом или заниматься трудом, дающим возможность существования. К тому же списки новых китайских граждан должны были публиковаться в пекинском «Правительственном вестнике», чтобы «подданные бывшей Российской империи» не могли «укрыться под каким-либо иностранным подданством». В письме Карахан требовал остановить практику перехода русских в китайское гражданство[452]. Но на деле юридические процедуры принятия китайского гражданства в Маньчжурии не соблюдались, так как правитель Маньчжурии Чжан Цзолинь не признавал республиканское правительство в Пекине и его установлений.

Китайские паспорта (по сути, виды на жительство в Маньчжурии) для иностранцев были одинаковыми. В графе «подданство» у русских эмигрантов значилось «китайский подданный». В официальных документах (например, в статистике КВЖД), они значились в графе «китайцы» и выделялись в отдельную строку «русские китподданные» или «китподданные (европейцы)». Но никаких прав и обязанностей новые китайские граждане не получали и ничем не отличались от эмигрантов. У тех же эмигрантов, кто отказался принять какое-либо гражданство, в графе «подданство» китайского вида на жительство (паспорта) значилось «русский эмигрант»[453]. Надо сказать, что некоторые из старожилов смогли оформить официальное китайское гражданство и получить паспорта, выданные министерством иностранных дел в Пекине — например, востоковед И.Г. Баранов имел китайский паспорт № 11444, выданный в декабре1925 г., инженер В.Я. Кирпатовский — китайский паспорт № 11086 от 23 августа 1927 г.[454]. Б.А. Решетов, бывший гардемарин, устроившийся на службу КВЖД шофером[455], получил в 1927 г. официальное китайское гражданство. В свидетельстве № 12095, выданном Министерством внутренних дел Китайской республики в октябре 1927 г., было сказано (пер. с кит.): «Дано Решетову Борису, что по его прошению о вступлении в китайское подданство, министерство, считая его совпадаемым с правом о праве подданства государства, выдано ему настоящее свидетельство. Возраст его 26 лет, уроженец из СССР, ныне квартируется в Харбине и служит шофером»[456]. В 1925 г. на КВЖД работало около 2 тыс. «китподданных», потом число их со-

[452] АВП РФ. Ф. 04. Оп. 22. П. 166. Д. 48. Л. 21.
[453] РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 5. Д. 10. Л. 5.
[454] РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 285. Л. 1.
[455] См. прил. 73.
[456] РГИА. Ф 323. Оп. 9. Д. 4443. Л. 52.

кратилось до 1 163 чел. в 1929 г. (до советско-китайского конфликта), к концу конфликта увеличилось до 3 340[457].

Почти все китподданные были антибольшевиками, членами союза беспартийных и, по выражению А.В. Троицкого — председателя союза беспартийных, своим присутствием «разлагали рядовую советскую железнодорожную массу»[458]. Однако русские служащие КВЖД с китайским гражданством практически не были защищены китайскими властями. Их постоянно «обходили» по службе, не давали отпусков, повышений, переводили на более низкие оклады. Когда китайский подданный П. Осинцов в письме от 13 июня 1925 г. начальнику службы телеграфа А.А. Затеплинскому просил о переводе в мастерскую телеграфа, он приписал: «Как Вам известно, я в профсоюзе не состою и, кроме того, китайский подданный. Товарищи ни в коем случае не выставят [мою] кандидатуру. Только могут отзыв самый скверный [дать] (как они называют белобандит). Тов. Варнавский (Варнавских — *М.К.*) заявил: я представитель от Доркома, всем китайским подданным ходу не дадим!»[459]. Предучка (председатель участкового комитета Дорпрофсожа) Петр Варнавских в телеграмме из Хайлара в Дорком от 15 июля 1926 г. сообщал: «ТЧ (начальник участка — *М.К.*) Колотовец послал на утверждение прием в сторожа конторы депо Хайлар кита (китподданного — *М.К.*) Степанова, который нами ни в коем случае не может быть согласован. Просим добиться отвода этой кандидатуры»[460].

Китподданные были также первыми кандидатами на увольнение по представлению Дорпрофсожа. Так, несколько десятков учителей, работавших в школах КВЖД, после приказа № 94 от 9 апреля 1925 г. приняли китайское гражданство, чтобы не потерять работу. Но приказом Управляющего дорогой от 9 сентября 1925 г. 88 учителей, китайских подданных, были уволены [461]. Потеря места на КВЖД больно ударила по материальному положению учителей. Уволенные могли, конечно, перейти в эмигрантские школы и организации, но теряли в зарплате, должны были оставить казенные квартиры (снять приличную квартиру в Харбине было очень непросто). Некоторых именно увольнение подтолкнуло к переезду на юг Китая — в Тяньцзин, Шанхай или в Европу, Америку или Австралию[462].

---

[457] РГИА. Ф. 323. Оп. 5. Д. 1243. Л. 11об.
[458] ГА РФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 142. Л. 6.
[459] РГИА. Ф. 1679. Оп. 1. Д. 30. Л. 51.
[460] РГИА. Ф. 323. Оп. 3. Д. 49. Л. 370.
[461] Вопросы школьной жизни. 1926. №4-5. С.133-134.
[462] Так, из уволенных учителей в Европу перебрался В.В. Перемиловский, в Австралию И.С. Степанов, П.С. Григорьев, в США – директор коммерческих училищ Н.В. Борзов.

Многие китайские подданные из опасения быть уволенными подумывали о принятии советского гражданства. Учком ст. Бухэду сообщал в письме от 2 января 1926 г. в Дорпрофсож: «Белогвардейцами … никакой активности не проявляется, перешедшие из них в китайское подданство, раскаиваются и ищут пути перехода в подданство СССР»[463]. Обратный переход в советское гражданство часто рассматривался как временное явление, для того чтобы подождать, пока все утрясется. Телеграфист ст. Харбин-Пристань И. Авдошков, китподданный, писал начальнику службы телеграфа КВЖД А.А. Затеплинскому 14 февраля 1926 г.: «Господин начальник! Сегодня мне стало известно, что “товарищи” стремятся к тому, чтобы перевести меня на ст. Пограничную, как китайского подданного, хотя и старослужащего, с многолетней практикой. Перевод на означенную станцию … равносилен моей смерти. Там — граница СССР, там — все коммунисты.<…> Притом же я сотрудничаю в духовных журналах “Путь Христов” и “Хлеб небесный”…, а также в газете “Русское слово”. Умоляю заступиться за меня и оставить на месте, на станции Харбин-Пристань, где я служу с 1903 года». Телеграфист просил назначить его конторщиком в службу телеграфа, чтобы остаться в Харбине. «Если же и то, и другое не представляется возможным сделать для меня, то я готов, хотя и страшно не хочется, перейти в советское подданство *до более благоприятного времени* для русских, патриархальных людей, беспредельно любящих свою Отчизну. В случае перехода в подданство СССР, из опасения слежки сыщиков советских, вероятно, придется на время прекратить кое-где сотрудничество, или же работать под псевдонимом, лишь бы опять-таки сохранить за собою старое место»[464].

Надо заметить, что Авдошков писал это письмо Затеплинскому, начальнику телеграфа, подавшему ходатайство о получении советского гражданства[465], причем письмо было написано в старой орфографии, тогда как с октября 1924 г. все службы КВЖД по приказу Управляющего дорогой перешли на новую орфографию. Далее телеграфист признавался, что может и уволиться «на время» со службы, чтобы получить заштатные. Так откровенно можно было писать, только будучи абсолютно уверенным в сочувственной позиции начальника службы. Письмо заканчивалось словами: «Не дайте обидеть меня, Господин Начальник, заступитесь за меня, до гроба буду благодарен Вам и молиться за Вас буду! Пусть погибнет существующее зло, и да восторжествует Правда! Правда Божия,

[463] РГИА. Ф. 323. Оп. 3. Д. 49. Л. 103.
[464] РГИА. Ф. 1679. Оп. 1. Д. 30. ЛЛ. 1-2.
[465] См. прил. 30.

за которую сам Господь пострадал на кресте!»[466]. После письма Авдошков остался работать на 2 участке службы телеграфа китподданным, во время советско-китайского конфликта был перемещен в старшие телеграфисты, но после конфликта был уволен (см. п. 2.4.1.).

К 1932 г. в Харбине насчитывалось около 7 тыс. «китподданных»[467]. Если за советскими гражданами в Маньчжурии закрепилось название «совы», то за китайскими подданными русского происхождения – «китподы» или просто «киты». Неоднократно в официальных дипломатических документах, на заседаниях Правления КВЖД, в частных беседах советские представители давали понять китайским властям, что Советское правительство не желает, чтобы русские эмигранты, «укрываясь» китайским гражданством, служили в китайских правительственных учреждениях, полиции, армии. В ответ китайская сторона заявляла, что русские, принявшие китайское подданство, являются китайскими гражданами и требовали к ним соответствующего отношения, закрепленного в международных соглашениях.

Те из эмигрантов, кто не взял ни советское, ни китайское гражданство, считались «бесподданными». Многие стали бесподданными по материальным причинам — отсутствии средств на уплату налога за регистрацию, другие — чтобы сохранить свою репутацию. Например, на вопрос Г.К. Гинсу в интервью 1970 г., почему он не взял в 1925–1926 гг. советское или китайское гражданство, необходимое для работы на КВЖД, он ответил: «Я не хотел этого делать, как бывший политик, который играл определенную роль во время колчаковского правительства. Я не считал подходящим для меня стать гражданином другой страны для достижения личной выгоды за счет, возможно, моей родной страны. Я остался эмигрантом»[468].

Вопрос репутации стал решающим при выборе гражданства П.В. Вологодского, работавшего в Юридическом отделе Управления КВЖД. После приказа № 94 от 9 апреля 1925 г. его пригласил к себе для беседы Управляющий дорогой А.Н. Иванов. Этот разговор П.В. Вологодский воспроизвел в своем дневнике 29 мая 1925 г.: « Иванов: “Мне очень бы не хотелось терять Вас как ценного для дороги работника. Я отовсюду слышу самые лестные… отзывы о Ваших юридических познаниях, добросовестности в работе и лояльности. Почему уж так отрицательно Вы относитесь к переходу в гражданство Советской республики? <...> У Вас же семья на руках, а как трудно в Харбине добывать сред-

[466] РГИА. Ф. 1679. Оп. 1. Д. 30. ЛЛ. 1-2.
[467] Коммерческий Харбин (1931–1932). Харбин, 1932. С. 19.
[468] ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 16. Кат. 1. Кадр 473.

ства к существованию. Что Вас удерживает от зачисления в граждане советской республики?" — "Я не могу этого сделать, Алексей Николаевич, — ответил я, — Помилуйте, я занимал такое положение по отношению к Советской власти и вдруг стану гражданином Советской республики? Я потерял бы свое лицо, если бы я решился на этот шаг". "Почему же Вам так ненавистна советская власть? Ведь она лично [Вам] ничего дурного не сделала, насколько мне известно?" — "Да, советская власть мне ничего лично дурного не сделала. Я даже некоторые черты идеологии Советского Союза признаю, но психология моя не мирится с тем, что делается теперь этой властью в России". — "Ну, *бросьте Вы эту идеологию и психологию,* и примиритесь с создавшимся положением". — "Не могу никак осилить себя"»[469].

Этот диалог может служить иллюстрацией одного из методов «обработки» эмигрантской интеллигенции. В конце концов, Вологодский решил принять китайское подданство, но не успел подать ходатайство и был уволен 5 июня 1925 г. Он и его семья остались без средств, вскоре он серьезно заболел и скончался 18 октября 1925 г. Заботу о его жене и дочери взял на себя Г.К. Гинс. Также был уволен с КВЖД в 1925 г. В.К. Рерих, младший брат известного художника Н.К. Рериха, бывший белый офицер, работавший с 1922 г. в Земельном отделе КВЖД и не пожелавший брать советского паспорта.

Таким образом, принятие китайского гражданства эмигрантами было одной из стратегий выживания и адаптации, попыткой отстоять свою независимость, а также формой защиты своих интересов и сопротивления советским представителям в Маньчжурии.

2.1.2. Военная эмиграция в Маньчжурии, попытки активного сопротивления СССР

Среди эмигрантов в Маньчжурии было значительное число беженцев, служивших в «белых» армиях. В Харбине, в Хайларе, Цицикаре, Маньчжурии, Пограничной и других поселках по линии КВЖД осело много бывших военных. В информационной сводке, составленной полковником Н.В. Колесниковым в 1924 г. для РОВС[470], говорилось о довольно значительном контингенте военных (он писал о не менее 30 тыс.) в Китае, осевших после крушения армии адмирала Колчака: «Несмотря на кошмарную действительность

[469] *Вологодский П.В.* Указ. соч. С. 490.
[470] РОВС – Российский Общевоинский союз, был создан генералом П.Н. Врангелем в 1924 году из остатков белых армий, покинувших территорию России. В момент создания Союз объединял более 30 тысяч военных и до Второй мировой войны являлся главным политическим стержнем русской военной эмиграции. Верховным главнокомандующим считался великий князь Николай Николаевич. После смерти Врангеля в 1928 году РОВС возглавил генерал А.П. Кутепов.

своего теперешнего прозябания, они все еще безусловно могут почитаться кадрами будущей национальной армии. <…> Я далеко не пессимист, но трезво смотря на вещи, должен буду сознаться, что наголодавшиеся, озлобленные на своих вождей, разочарованные люди, дорвавшиеся до благ животной жизни, получившие возможность отдохнуть от того кошмара, в котором они провели 7 лет, едва ли вернутся в ряды армии, чтобы снова голодать, подвергаться опасности, ежеминутной смерти и отдавать своих жен и детей на позор.<…> Кругом этих несчастных вертятся всевозможные агенты большевиков и уговаривают их возвращаться на родину»[471].

В докладе «О положении на Дальнем Востоке» от 1 июня 1927 г. в РОВС говорилось, что, по «грубым подсчетам», в полосе отчуждения и прилегающих к ней районах Маньчжурии находилось около 20 тыс. чел. военных, причем из них к службе в войсках можно было привлечь не более 10–12 тыс. чел., т.к. «очень многие сильно опустились морально, влачат жалкое существование, совершенно потеряли воинский облик», «среди военных процент кадровых офицеров весьма незначителен»[472]. Часть бывших военных, приняв китайское гражданство, устроилась в полицию, охранные войска, стали шоферами, частными охранниками, часть перешла служить на китайскую военную службу[473].

Генерал В.Д. Косьмин в своем письме-докладе из Харбина генералу П.А. Кусонскому в Париж 8 мая 1925 г. с горечью утверждал, что вопрос о военных лидерах на Дальнем Востоке стоял особенно остро: «Здесь, попросту говоря, нет никого, кто хотя бы в малой мере пользовался авторитетом». По его словам, большинство генералов или были скомпрометированы, или уехали в Европу или Америку, или «опустились и влачат нищенское существование». Офицерство же, поставленное в тяжелые условия борьбы за существование, «смешалось с массой спекулянтов и всяких темных дельцов, потеряло нравственный критерий, <…> морально разложилось и при нынешних условиях своего существования не жизнеспособно и не боеспособно»[474].

Дальневосточный отдел РОВС был образован приказом ген. А.П. Кутепова от 29 августа 1928 г. Начальником его стал генерал от артиллерии М.В. Ханжин[475], который находился в Дайрене. Но еще до создания дальневосточного отдела уполномоченный по

---

[471] ГА РФ. Ф. Р-5825. Оп.1. Д. 161. ЛЛ. 79–80.
[472] ГА РФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 162. Л. 37.
[473] См. об этом: *Балмасов С.С.* Белоэмигранты на военной службе в Китае. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007.
[474] ГА РФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 136. Л. 116-117.
[475] *Ханжин* Михаил Васильевич (1871-1961) — генерал от артиллерии (1919). Из оренбургских казаков. Окончил Михайловское артиллерийское училище (1893), Михайловскую артиллерийскую академию (1899). Участник Русско-японской и Первой мировой войн.В гражданскую войну — на Восточном фронте. Эмигрировал в Китай. Заведовал конторой Ковальского по перевалке бобов (1922-1925), затем работал в управлении ЮМЖД. Жил в Дайрене.

делам Дальнего Востока при вел. кн. Николае Николаевиче генерал А.С. Лукомский, проживавший в Париже, назначил 21 мая 1926 г. своим помощником генерала П.Г. Бурлина, жившего в Шанхае, который занимался деятельностью военных организаций на Дальнем Востоке. По словам Д.Л. Хорвата, генерал Бурлин «не находил для себя нужным считаться с главой дальневосточной эмиграции (Хорватом — *М.К.*) и ставить его в известность о своей работе», более того, «занял враждебную позицию» и в своих действиях не считался с ген. Ханжиным[476]. Таким образом, все решения и приказы по военным вопросам проходили сложную цепочку: вел. кн. Николай Николаевич — ген. А.П. Кутепов — ген. А.С. Лукомский — ген. П.Г. Бурлин — ген. М.В. Ханжин — ген. Д.Л. Хорват. Взаимоотношения между этими лицами не были точно определены. К тому же, по словам М.Я. Домрачеева, начальника канцелярии Д.Л. Хорвата, А.С. Лукомский недоброжелательно относился к Хорвату, «видя в нем возможного для себя конкурента»[477]. Таким образом, лидер, авторитетный для всей военной эмиграции в Маньчжурии, так и не определился.

Единственно возможной тактикой, способной объединить эмиграцию, считался активизм — политическая доктрина, нацеленная на активную борьбу с советской властью в России с целью ее свержения. Борьба включала в себя выработку идеологических установок, пропагандистскую деятельность, организацию террористических актов против представителей СССР, проникновение на территорию России с террористическими, диверсионными и разведывательными целями. Велась как «активистскими» организациями, так и отдельными эмигрантами[478]. В 1920-х гг. эмигранты верили в возможность и близость падения советской власти и готовы были с оружием в руках ускорить этот процесс[479].

Но активные выступления «белых» были бы невозможны без поддержки местных маньчжурских властей и других иностранных государств, в частности, Японии. Активизация движения в 1926–1927 гг. была связана с изменившимся отношением китайцев к русским антибольшевистским силам и возможностью сотрудничества с ними. Всплеск

---

[476] Письмо Д.Л. Хорвата А.П. Кутепову (март 1929 г.) (ГМЗ «Петергоф». Фонд «Архив музея семьи Бенуа». ПДМБ 2409-ар. Л. 343 – 344).

[477] Домрачеев М.Я. Дополнения (рукопись). (ГМЗ «Петергоф». Фонд «Архив музея семьи Бенуа». ПДМБ 2409-ар. Л.334).

[478] См. об этом: *Чистяков К.А*. Убить за Россию! Из истории русского эмигрантского «активизма» 1918-1939 гг. М.: Изд-во Ипполитова, 2000. С.5-6.

[479] История активистского движения в Маньчжурии и борьба с ним советских спецслужб является отдельным сюжетом, довольно хорошо освещенным в литературе. См. об этом: *Алексеев М*. Указ. соч.; *Базанов П.Н*. Братство Русской Правды – самая загадочная организация русского зарубежья. М., 2013; *Балакшин П.П*. Указ. соч.; *Голдин В.И*. Указ. соч.; *Егоров Н..А*. *Цыбин А.Ю*. Белоэмигрантские организации на Дальнем Востоке в 20-х - начале 30-х гг. XX в. и деятельность советских спецслужб // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 5. С. 77–88; *Лота В.И*. Указ. соч.; *Мозохин О.Б*. Борьба советских органов государственной безопасности с терроризмом. М.: Кучково поле, 2010; *Усов В.Н*. Указ. соч.

«белой» активности» 1927 г. был связан с ослаблением позиций СССР в Китае, поражением Гоминьдана, разрывом дипломатических отношений. Зам. начальника 4-го отдела Штаба РККА Б.Б. Бортновский в письме зам. НКИД Л.М. Карахану от 6 октября 1927 г., сообщая о встрече 12 августа 1927 г. Г.С. Семенова и Д.Л. Хорвата в Пекине и других «настораживающих событиях», заключал: «1. Оживление деятельности белогвардейцев вызвано неблагоприятным ходом для СССР событий в Центральном Китае, ухудшением международного положения СССР в целом (англо-советский разрыв), антисоветским выступлением Чжан Цзолина на КВЖД, новым реакционным курсом японской политики в Маньчжурии. 2. Активность белых инспирируется, по-видимому, Англией и Японией с целью создания военных и политических осложнений для СССР на Забайкальской и Приморской границах. 3. Белые организации не обладают достаточными материальными ресурсами и военной силой для создания серьезной угрозы СССР на Дальнем Востоке. Это не исключает, однако, возможности отдельных диверсионных выступлений на территории нашего Приморья и Забайкалья со стороны вооруженных белоотрядов. Основная цель этих выступлений, поддерживаемых Англией и Японией, — создание поводов для распространения слухов и ложной информации о недовольстве крестьян, “крестьянско-партизанском” движении в приграничных областях нашего Дальнего Востока»[480]. Таким образом, адекватно оценивая обстановку, советская военная разведка не считала эмигрантов серьезной угрозой, но опасалась возможных пропагандистских ходов против СССР.

В одном из документов из архива Д.Л. Хорвата, содержавшем анализ военного вторжения на Дальний Восток, автор (документ без подписи — *М.К.*) призывал избежать ошибок гражданской войны, указывал на ряд слабых мест в проекте возможного захвата Дальнего Востока, не до конца проработанных. Помимо материального обеспечения операции и тактических моментов, автора волновал также процесс формирования белых русских частей в Китае. В частности, он указывал на следующие обстоятельства: «1) беженцы, входившие некогда в состав антибольшевистских сил, ныне сильно разбросаны по Китаю; 2) часть из них, так или иначе, пристроились и, быть может, не пожелают пойти на предприятие, которое им может показаться рискованным; 3) остальные, в силу претерпленных лишений и невзгод, частью деморализованы, частью — физически совсем ослаблены, а многие даже просто спились, охулиганились и сидят по китайским тюрьмам; 4) во всяком случае, потребуется немало времени, трудов и расходов, чтобы собрать этих

[480] АВП РФ. Ф. 08. Оп. 10. П. 26. Д. 92. Л. 9.

людей, омундировать, обучить и дисциплинировать их; 5) едва ли легко будет найти здесь достаточно многочисленный надежный и сведущий командный состав»[481].

О возможности использования китайских войск в походе на СССР, анонимный автор высказывал ряд сомнений: не приведет ли это к серьезному столкновению между Китаем и Советской Россией и осложнению международной обстановки; как отнесутся к этому остальные державы; кто будет командовать китайскими войсками; в какую форму они будут одеты: в русскую или китайскую; найдется ли достаточный штат переводчиков для поддержания связи с этими войсками; а главное, как отнесется население к появлению этого «чужеземного элемента, к тому же мало долюбливаемого и легко предающегося эксцессам»[482]. Еще один вопрос заботил автора записки: как удержаться на завоеванной территории, если даже удастся на первых порах «продвинуться до Байкала»? В силе Красной армии автор не сомневался, поэтому единственный выход он видел в обращении к защите великих держав: «Если б последние решились категорически заявить большевикам: “руки прочь!”, и притом сделали бы недвусмысленные приготовления на всякий случай, то это одно лишь могло бы побудить Москву поджать хвост и пойти на какой-нибудь компромисс, признания независимости русского Дальнего Востока»[483]. Анализируя сложившуюся на Дальнем Востоке ситуацию, автор записки очень сдержанно оценивал шансы на возможный успех выступления «белых» соединений против СССР.

Параллельно организациям, подчиненным Хорвату, свои планы строили представители сибирского областничества. Совет уполномоченных организаций автономной Сибири в Харбине, считавший, что он является истинным представителем Сибири, и при ее освобождении от большевиков организация новой власти должна быть передана в их руки, занимался созданием общего фронта борьбы с коммунистами под флагом сибирского движения. Лозунгом движения был «Через свободную Сибирь к возрождению великой России». Главной целью сибирского движения было освобождение Забайкальской, Амурской и Приморской областей Дальнего Востока. Северная Маньчжурия должна была играть роль плацдарма, откуда антикоммунистические группы Дальнего Востока и Забайкалья должны были получать поддержку оружием, боеприпасами, людьми и деньгами. Свержение в Сибири и на Дальнем Востоке коммунизма предполагалось с помощью Японии, которая, по мысли сибирских областников, была заинтересована в свободной торговле и концессиях на разработку недр Дальнего Востока и рыболовстве. Рассчитывая

[481] ГМЗ «Петергоф». Фонд «Архив музея семьи Бенуа». ПДМБ 2421-ар. Л.2-3.
[482] Там же. ЛЛ. 3–4.
[483] Там же. Л. 5.

на получение денежных средств от Японии, «областники» рассчитывали силами трех партизанских отрядов численностью до 1,5 тыс. чел. под командованием полковника Патиешвили в течение 2 мес. освободить дальневосточные области от власти коммунистов, организовать там Временное правительство и ввести на этой территории законы Российской империи. В одном из донесений политического управления Совета Уполномоченных организаций автономной Сибири от 12 апреля 1929 г. говорилось: «По занятии областей, временное правительство всеми мерами стремится к тому, чтобы все мирное население получило возможность трудиться на благо своей родины, восстанавливается институт частной собственности, всем национально-мыслящим русским людям откроется широкая дорога к национальному строительству» [484].

Сибирское движение было поддержано православной церковью в лице архиепископа Харбинского и Маньчжурского Мефодия — тоже сибиряка, архиепископа из Оренбурга. В письме митрополиту Антонию (Храповицкому) от 4 февраля 1927 г. Мефодий писал о том, что японцы обещают выдать колчаковские деньги — до 10 млн. — и признать Сибирское временное правительство[485]. Но перемены политической ориентации Японии разбили надежды «сибиряков» на возобновление борьбы. М.П. Головачев позже утверждал, что до 1933 г. было возможно «со сравнительной легкостью свергнуть коммунизм в Сибири, а затем и в России, но изменение политики Японии роковым образом помешало осуществиться этой возможности и таким образом внутренние антикоммунистические силы Сибири не могли быть приведены в действие»[486].

Большинство эмигрантских активных группировок, как и сибирские областники, ориентировались на японцев, которые охотно приглашали отдельных эмигрантов и эмигрантские организации к сотрудничеству, обещая материальную поддержку, хотя деньги выдавали в ограниченных размерах. Японцы через сотрудничавших с ними русских эмигрантов старались получить в первую очередь данные о Красной армии, о настроении населения, о работе в СССР английской, американской, французской и других агентур. Параллельно через этих же эмигрантов проводилась японцами и другими разведками и нужная дезинформация для того, чтобы спутать работу других агентур.

Русские эмигранты работали и на другие иностранные разведки против СССР. Н.А. Мартынов называл такую деятельность «частью антикоммунистической работы», по

---

[484] Головачев М.П. Рукопись «Сибирское движение и коммунизм» (Collection of M.P. Golovachev. Box #1. BAR).
[485] ГА РФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 141. Л.15.
[486] Головачев М.П. Рукопись «Сибирское движение и коммунизм» (Collection of M.P. Golovachev. Box #1. BAR).

примеру прежних революционеров, ведших борьбу против правительства Российской империи, «кооперируя с разными представителями разных государств, которые и снабжали их деньгами, выясняя через них все нужные данные об императорской армии, а также жизнь государства Российского во всех разрезах». Но, например, глава русской эмиграции на Дальнем Востоке генерал Д.Л. Хорват и лидер Дальневосточного отдела РОВС генерал М.К. Дитерихс были против сотрудничества с иностранцами, подозревая их в территориальных притязаниях на российские земли, считали «недопустимым завоевание России русскими силами совместно с варягами всяких цветов и оттенков»[487].

Важную роль в противостоянии эмиграции и СССР в Маньчжурии сыграло то, что интересы активных эмигрантов-антибольшевиков совпадали с интересами китайских властей в деле сопротивления советскому влиянию в Маньчжурии. Пекинская газета «Чайна Эдвертайзер» (“China Advertiser”) в статье «Влияние “белых” русских в Маньчжурии» от 19 октября 1929 г. писала: «Китайцы уверены, что “белые”, знакомые со всеми плюсами и минусами советского строя, могут быть использованы Китаем для своей выгоды, конечно, при умелом с ними обращении. Поэтому они старались расположить к себе “белых”. Китайцы преуспели в этом, давая “белым” возможность существования; в настоящее время они являются верными союзниками Китая и противодействуют советской деятельности.<…> Утверждают, что до 5 тыс. чел. “белых” находятся на службе у китайского правительства; все они враги коммунизма. Многие работают в сыскном отделении и установили тесную связь со своими коллегами, работающими в различных районах против Советской России.<…> Становится понятным провал политики советского правительства в Северной Маньчжурии, где каждый новый ход до его осуществления был заранее известен китайским властям и им заблаговременно давались советы по проведению тех или иных контрмер. Полагают, что все начинания Советской России в Китае обречены на неудачу до тех пор, пока в Северной Маньчжурии имеется налицо влияние “белых” русских»[488]. Хотя роль «белых» в противостоянии СССР и Китая в этой статье преувеличена, но то, что китайцы использовали эмигрантов в Маньчжурии в противовес советской стороне, не вызывает сомнений.

Неоднократные заявления и ноты полномочного представителя СССР в Китае Л.М. Карахана и генеральных консулов СССР в Харбине призывали китайские власти обратить внимание на «русских белогвардейцев», принять меры к ограничению или ликвидации их деятельности и высылке наиболее одиозных фигур «белого движения» из Маньчжурии.

---

[487] ГА РФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 141. Л. 9.
[488] РГИА. Ф.323. Оп. 5. Д. 1355. ЛЛ. 211– 212.

Китайская сторона принимала все это к сведению, но не особенно торопилась предпринимать какие-либо действия. Более того, она всем своим поведением демонстрировала, что Маньчжурия — это не Россия, и здесь советская власть не имеет никаких полномочий. На любые предложения советских дипломатов об изгнании «белых шаек» с территории Маньчжурии на советскую территорию, о ликвидации различных эмигрантских организаций, существовавших в Харбине и на линии, об удалении русских из китайской полиции китайские власти неизменно указывали на вмешательство советских представителей в дела ОРВП, отстаивали свою независимую позицию (см. п.2.4.3.).

Надо сказать, что большинство эмигрантов было благодарно китайцам за возможность работать и существовать, иметь китайские паспорта и виды на жительство, свои учебные заведения, церкви, культурные, общественные и политические организации. Размышляя о роли китайцев в жизни русской эмиграции в Маньчжурии, В.А. Морозов[489] писал в своих воспоминаниях: «Китайцы шли нам навстречу, берегли в тяжелую годину нашей жизни. <…> Что это было? Преклонение перед былым русским могуществом? Проявлением какого-то особого доброжелательства? Политической линией – поддержкой антисоветской сил? Не знаю, но мы, русские эмигранты, много от этого выиграли, сумели сохранить свою русскую сущность почти в полной неприкосновенности, и детей, и внуков своих воспитать в русской духе и сохранить для России»[490]. Далее Морозов заметил: «Китайцы проявили значительно больше политической мудрости, выдержки и человечности, чем “просвещенные европейцы”»[491].

Масштабы активистского движения среди эмиграции не стоит переоценивать. Большинство бывших офицеров и военных были озабочены лишь выживанием, и не хотели вмешиваться в политику. Один из членов Восточного Казачьего союза сообщал в письме из Харбина в Париж от 8 мая 1929 г. о настроениях казачества: «Большинство хорошо живущих, обзаведшихся недвижимостью и что называется обросших, мало помышляют о начале движения. <…> Плохо или, вернее, все же кое-как живущие согласны начинать дело теперь же, но при условии, чтобы дело это было серьезное, обдуманное и обеспеченное. Главное, чтобы был обеспечен тыл.<…> И только незначительная часть согласна начинать даже хотя бы с палками, но начинать обязательно, ибо, говорят, нет никаких больше сил терпеть. А так как, сами понимаете, что обеспечить нечем, то и прихо-

[489] См. прил. 61.
[490] РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 5. Д. 10. Л. 84.
[491] Там же. Л. 85.

дится иметь дело в большинстве случаев только с последней категорией, хотя бы не особо надежной в некоторых отношениях»[492].

Активизм был уделом немногих, особо стойких антибольшевиков. Как отмечала в своем исследовании Е.Е. Аурилене, перед эмиграцией стояли более актуальные проблемы: неопределенный правовой статус, низкий уровень жизни большинства беженского населения, безработица[493]. Серьезных выступлений эмигрантов против СССР с территории Маньчжурии в 1920-х гг. не было. Активистская работа ограничивалась распространением антисоветских листовок и пропагандистской литературы, индивидуальным террором, партизанскими вылазками отдельных немногочисленных отрядов. Эмигрантская общественность проявляла в основном безразличие и недоверие к крайним группировкам. Тем не менее, тема «активизма» эмиграции была необходима как эмигрантским лидерам для привлечения средств или из карьерных соображений, так и СССР для пропагандистской работы, мобилизации населения, оправдания работы спецслужб, средства давления на Китай.

2.1.3. Попытки объединения эмиграции, определение ее целей и задач

В Харбине после революции оказалось много представителей интеллигенции — адвокаты, врачи, учителя, журналисты, ученые, которые «кормились» около русских учебных заведений, газет, различных учреждений и предприятий (банков, городского совета, торговых фирм), перебивались частными уроками, жили случайными заработками. Инженеры и технические работники были востребованы на КВЖД. Остальные — устраивались вахтерами, курьерами, сторожами, шоферами, рабочими в зависимости от образования и культурного уровня, а также организовывали собственные предприятия[494].

Первые годы своего существования в Китае — начало 1920-х гг. — беженцы занимались устройством своей жизни, и общественная жизнь их не особенно интересовала. По словам В.А. Морозова, большая часть эмигрантов была «политически инертна», «искала покоя и хотела приносить как можно меньше жертв»: «Нужны были какие-то идеи и люди, их исповедующие и разъясняющие, чтобы эмиграция сдвинулась с места. А эти

---

[492] «Во имя блага Родины…». Из истории казачества в эмиграции. 1920-е – середина 1930-х гг. (публ. В.Ф. Мамонова, А.Л. Худобородова) // Исторический архив. 1995. № 5–6. С. 178.
[493] *Аурилене Е.Е.* Указ. соч. С. 34.
[494] См. об этом: *Смирнов С.В.* Российские эмигранты в Северной Маньчжурии в 1920 – 1945 гг. (проблема социальной адаптации). Екатеринбург, 2007.

идеи и люди обнаружились не сразу»[495]. Разные деятели эмиграции с горечью писали о действии центробежных сил, об апатии и отсутствии энергии в эмигрантских кругах, уходе в личную жизнь, нескончаемых дрязгах и неурядицах внутри эмигрантской колонии. Генерал А. Сычевский в своем очерке об Обществе русских эмигрантов в ТВП объяснял это не принципиальными разногласиями, но «личной нетерпимостью, болезненной мнительностью, нажитою за долгие годы бесправного существования, и, наконец, измельчанием быта», отсутствием «устоев и связи»[496].

В Маньчжурии и полосе отчуждения в начале 1920-х гг. было создано несколько десятков политических и общественных эмигрантских организаций, но ни одна из них не имела серьезного влияния. Они легко создавались, распадались, были раздираемы ссорами, борьбой за лидерство. В разное время в Маньчжурии существовали: Монархический центр; Союз земских и городских деятелей; Союз инженеров; Союз торгово-промышленников; Союз «Вера, царь и народ»; Общество офицеров Генерального штаба; Общество старожилов края; Союз китайских подданных, бывших граждан Российской империи; Общество заамурских офицеров; Дальневосточное объединение ревнителей военных знаний; Деловой комитет; Старообрядческое общество; Мусульманское общество ТВП; Русская национальная община; Общество сибирских беженцев; Общество кадет хабаровского корпуса; Русское национальное патриотическое объединение; Русское студенческое общество; Иверское братство; Союз русских шоферов; Дальоровуз (Дальневосточное объединение русских, окончивших высшие учебные заведения за рубежом); Общество молодежи «Двуглавый орел»; Общество спортсменов; Дальневосточный комитет защиты родины; Общество помощи инвалидам; Союз русских девушек; Артель труда и взаимопомощи; Кружок порт-артурцев; Общество воспитанников Петербургского кадетского корпуса; Дальневосточный союз молодежи «Оплот монархии»; Орден крестоносцев и др., а также землячества: петербургско-московское, казанское, уфимское, симбирское, приморское, амурское, никольск-уссурийское, посьетское, приханкайское, екатеринбургское; русские национальные общины на станциях КВЖД и в городах Цицикар, Хайлар, Сахалян, Гирин, Чанчунь, Мукден и т.д.[497]. Несмотря на то, что большинство организаций были малочисленны, не имели средств, выдвигали проекты, далекие от реальности, «толкли воду в ступе», для эмигрантов это были важные формы самоорганизации. По словам В.А.

---

[495] Там же. Л. 68.
[496] ГМЗ «Петергоф». Фонд «Архив музея семьи Бенуа». ПДМБ 2425-ар. Л.15.
[497] Список организаций, вошедших в объединение эмиграции на Дальнем Востоке. (ГМЗ «Петергоф». Фонд «Архив музея семьи Бенуа». ПДМБ 4704-ар. ЛЛ.1-5).

Морозова, «люди получили иллюзию, что они что-то делают, как-то борются, проявляют себя, одним словом, живут сознательной жизнью»[498].

У казаков были свои организации — Восточный казачий союз, созданный в январе 1923 г., в который входили войсковые правительства Сибирского, Оренбургского, Енисейского казачьего войска; Забайкальская станица; Оренбургская станица им. атамана Дутова; зарубежная станица Амурского казачьего войска; отдел Уссурийского казачьего войска. Особняком стояли многочисленные профашистские группировки. Одна из них была создана на основе харбинского «Русского студенческого общества» и насчитывала около 300 чел. в 1928 г., причем боевая дружина состояла из 40–50 чел.[499]. На общем фоне фашисты выглядели выигрышно. Как выразился один из эмигрантов: «Фашисты мне не симпатичны, но они хоть что-то делают. Они формируют отряды; если не сегодня-завтра загорится война, они первыми войдут на русскую территорию. У них есть хоть какой-то шанс свергнуть большевиков»[500].

На роль организатора русской эмиграции претендовал Харбинский комитет помощи русским беженцам (ХКПРБ), который был организован в 1923 г. как общественная, строго аполитичная эмигрантская организация, преследовавшая исключительно цели улучшения материального и правового положения русской эмиграции в Северной Маньчжурии, а также удовлетворения ее культурных нужд. Комитет был организован для оказания помощи русским беженцам и представления их интересов на официальном уровне. Например, кроме регистрации беженцев, выдавал удостоверения в политической благонадежности для предоставления в полицию. По словам исследователя Н.И. Дубининой, это была первая и наиболее устойчивая общественная организация русских в Китае, в состав которой в разное время входило до 70 различных эмигрантских организаций[501].

В основном эмигрантские организации были монархического толка, но и среди них была вражда. Часть эмигрантских организаций признавали в качестве лидера вел. кн. Кирилла Владимировича, часть — вел. кн. Николая Николаевича[502]. Легитимистов в Маньчжурии возглавлял генерал В.А. Кислицын, бывший начальник Особой маньчжур-

---

[498] РГАЛИ.Ф. 1337. Оп. 5. Д. 10. Л. 81.

[499] См.: «Фашизм развивается и внедряется в умы русских беженцев». Политическая деятельность белой эмиграции в Маньчжурии в сводках ОГПУ. 1928 г. //Исторический архив. 2006. № 5. С. 66.

[500] *Крузенштерн-Петерец Ю.В.* Воспоминания //Россияне в Азии. 1999. № 6. С. 102.

[501] *Дубинина Н.И. Ципкин Ю.Н.* Об особенностях дальневосточной ветви российской эмиграции. (На материалах Харбинского комитета помощи русским беженцам) //Отечественная история. 1996. №1. С.74.

[502] В 1926 году вел.кн. Николай Николаевич(1856-1929) во Франции на Зарубежном съезде был избран вождем всей русской эмиграции и стал руководителем РОВС. Вел. кн. Кирилл Владимирович, провозгласивший себя в 1924 году императором Кириллом I – государем всея Руси, стал знаменем легитимистов, видевших российскую монархию конституционной.

ской дивизии атамана Г.М. Семенова. Д.Л. Хорват в своей рукописи «Дальневосточная эмиграция» указывал, что многочисленность организаций была и их недостатком, т.к. «дробила эмиграцию на ряд мелких группировок. Ненормальным явлением было и создание однородных, параллельных организаций, преследующих одни и те же цели, но не могущих найти между собой общего языка. <…> Образование организаций различных политических оттенков давало богатую почву для споров, несогласий и интриг, и порождало вредную для общего дела борьбу за влияние и приоритеты. “Эмигрантская грызня”, как ее называли, была в первые годы особенно сильна не только между организациями, но и между органами прессы»[503]. А.А. Грызов в письме И.А. Якушеву из Харбина в Прагу от 3 апреля 1926 г. дал краткое, но точное описание атмосферы в Харбине: «Прессы нет и общественности нет также. Все — как сухой горох в банке — и вместе, и порознь»[504].

В 1927 г. Д.Л. Хорват был назначен великим князем Николаем Николаевичем Представителем русской эмиграции на Дальнем Востоке, его признали более 100 общественных организаций российской эмиграции в Маньчжурии. Но единства между организациями не было, как не было и единой структуры, программы и устава. Начальник канцелярии Д.Л. Хорвата М.Я. Домрачеев объяснял это «разнородностью организаций и различием их политических программ»: «Между некоторыми организациями существовали натянутые отношения, мешавшие их объединению. Признав генерала Хорвата своим главой, подчинялись ему, но между собой общего языка не находили, поэтому некоторые организации непосредственно сносились с Хорватом»[505].

Несмотря на многочисленность эмигрантских организаций, до 1930 г. никаких политических заявлений или выступлений со стороны русской эмиграции в Маньчжурии не было. Одной из причин бездеятельности эмиграции называли отсутствие средств. Д.Л. Хорват в обращении к русской эмиграции от 18 февраля 1929 г. из Пекина признавался: «Огромная работа, лежащая на мне, в связи с серьезностью переживаемого момента, требует значительных денежных средств, которых у нас нет. Никаких надежд на какую-либо постороннюю помощь или на получение средств от Центра возлагать пока нельзя. В этом отношении мы всецело должны рассчитывать только на самих себя и на свои силы и средства» и призывал эмиграцию к определенной жертвенности, к ежемесячным отчислениям «посильных сумм» на «наше общее дело»[506].

---

[503] ГМЗ «Петергоф». Фонд «Архив музея семьи Бенуа». ПДМБ 4715-ар. Л.5.
[504] ГАРФ. Ф.5870. Оп.1. Д.156. Л.1об.
[505] ГМЗ «Петергоф». Фонд «Архив музея семьи Бенуа». ПДМБ 2409-ар. Л.319.
[506] ГМЗ «Петергоф». Фонд «Архив музея семьи Бенуа». ПДМБ 5216-ар. Л.1.

Д.Л. Хорвата как лидера дальневосточной эмиграции не признавали атаман Г.М. Семенов, Н.Л. Гондатти, Н.Д. Меркулов, сибирские областники и легитимисты. Сибирские областники считали, что именно они являются преемниками власти российского правительства, т.к. атаман Семенов декретом 7 февраля 1922 г. передал Сибирскому правительству (Совету Уполномоченных сибирских правительств на Дальнем Востоке) все права, переданные, в свою очередь, ему Верховным Правителем адмиралом А.В. Колчаком[507]. Н.Л. Гондатти в 1928 г. возглавил Русское национально - патриотическое объединение, в которое входили «крайне правые элементы» — Союз русских эмигрантов, Народно-монархическая партия, Русское студенческое общество, союз белых шоферов и т.п.[508]. Атаман Г.М. Семенов объединял сравнительно немногочисленную группу своих сторонников, главным образом, казаков-забайкальцев. Группа атамана Семенова действовала всегда сепаратно, без всякой связи с другими дальневосточными группировками и русской эмиграцией в Европе. Цели и средства этой группы были неясны и туманны, а отношение к ней эмиграции было чаще всего отрицательное [509].

В докладе 1927 г. А.С. Лукомскому «О положении на Дальнем Востоке» утверждалось: «Можно определенно сказать, что на Дальнем Востоке нет ни одного лица, ни одной организации, которые могли бы объединить вокруг себя хотя бы большинство и пользовались бы непререкаемым авторитетом. Кандидатуры на роль “возглавителей борьбы против коммунистической власти” — Хорват, Н. Меркулов, атаман Семенов. Несмотря на непригодность ни одного из них на эту роль …, некоторые факты указывают на то, что японцы и Чжан Цзолин могут выдвинуть их на руководящие роли при надвигающихся событиях»[510].

Советско-китайский конфликт не смог объединить эмиграцию, среди которой были разные точки зрения на участие в конфликте. В конечном итоге в 1930 г. было создано Дальневосточное объединение эмиграции на основе «не признания советской власти». Официально оно было оформлено на общеэмигрантском совещании Дальневосточной эмиграции в Пекине в сентябре 1930 г., которое проходило с 12 по 16 сентября 1930 г. в квартире Д.Л. Хорвата. Целями объединения были определены защита прав и интересов эмигрантов, улучшение материального и правового положения, сохранение и поддержа-

---

[507]См. об этом: *Звягин С.П.* Государственная и общественно-политическая деятельность М.П. Головачева в 1918-1922 гг. //Личность в истории Сибири XVIII-XIX вв. Сборник биографических очерков. Новосибирск, 2007.

[508] «Фашизм развивается и внедряется в умы русских беженцев». С. 72.

[509] ГМЗ «Петергоф». Фонд «Архив музея семьи Бенуа». ПДМБ 5216-ар. Л.7.

[510] ГА РФ. Ф. 5826. Оп.1. Д. 162. Л. 41-42.

ние основ русской культуры и русской национальной идеологии. Главой Дальневосточного объединения эмиграции стал Хорват, назначивший уполномоченных в места «наибольшего скопления эмиграции». Таким образом, была поделена власть между военной антибольшевистской работой, которой занимался РОВС во главе с М.К. Дитерихсом, и общественной, политической, дипломатической работой, которой руководил Д.Л. Хорват. Члены объединения должны были платить членские взносы (размер взноса определялся общинами), получали членский билет. Выход из объединения рассматривался как «позорный отход от общего Русского дела».

Г.М. Семенов и Н.Л. Гондатти и связанные с ними организации в объединение не вошли. Дальневосточное совещание эмиграции 14 сентября 1930 г. приняло резолюцию № 5: «Дальневосточное объединение не считает возможным вести какую-либо работу с атаманом Семеновым; твердо настаивает, чтобы организации объединения на местах отнюдь не входили бы в какие-либо соглашения и деловые взаимоотношения с представителями атамана Семенова (только дискредитируют Дальневосточное объединение)»[511]. Таким образом, к 1930 г. можно было говорить о трех наиболее крупных организациях эмиграции в Маньчжурии: Дальневосточное объединение эмиграции (Хорват), Дальневосточный отдел РОВС (Дитерихс) и Дальневосточный отдел Братства русской правды[512]. Но, как показало время, единства и общих действий так и не было в среде как военной, так и политической эмиграции, чем и воспользовались японцы.

Оккупация Маньчжурии Японией в 1931 г. стимулировала дальнейший раскол эмиграции. Среди русской колонии приход японцев внес разлад, желание выслужиться, интриганство, взаимное озлобление (см. п. 3.1.3). О состоянии эмиграции к моменту оккупации японцами Маньчжурии писал в своем письме А.А. Грызов И.А. Якушеву 4 марта 1932 г.: «Здесь нет русских политических организаций. Нет людей. Персонажи прошлого не отвечают ни международным, ни японским ожиданиям и предпочтениям. В Харбине — 70 русских объединений. Наиболее крупный из них — Беженский комитет во главе с Колокольниковым[513], при нем — ряд комиссий. Затем — Национальное русское объединение во главе с редактором “Русского слова” Коробовым. (И Колокольников, и Коробов

[511] ГМЗ «Петергоф». Фонд «Архив музея семьи Бенуа». ПДМБ 2425-ар. Л. 397.
[512] Братство русской правды — русская белоэмигрантская организация, созданная в 1921 г. в Берлине для подрывной антисоветской деятельности путем организации террористических акций. Организация состояла из автономных боевых отрядов, которые должны были вести партизанскую борьбу с большевиками.
[513] *Колокольников* Виктор Иванович (1881–1941) — крупный сибирский (тюменский) коммерсант, агроном по образованию (окончил Московский сельскохозяйственный институт в 1908 г.). Участник русско-японской войны, георгиевский кавалер. В 1918 г. — во Владивостоке, в 1920–1922 жил в Японии, с 1922 г. в Харбине. С 1929 г. — председатель ХКПРБ.

резко отрицательно относятся к фашистам). Фашисты делятся на 2 лагеря: первый — группа генерала Космина (“Харбинское время”), второй — А.Н. Покровского»[514].

В конечном итоге, все русские эмигрантские организации в Маньчжурии, связанные с генералом Хорватом, генералом Дитерихсом, Братством русской правды, монархическими кругами и с центрами на Западе, были японцами закрыты и созданы уже другие органы, всецело зависимые от японцев. Большая часть эмиграции к началу 1930-х гг. разочаровалась в политической работе, сосредоточилась на благотворительной, культурно-просветительной, научной, профессиональной деятельности, оказании медицинской и юридической помощи, обучении молодежи, трудоустройству и т.п.

2.1.4. Оценка эмиграции советскими агентами в Маньчжурии

Оценка общественной и политической жизни эмиграции советскими представителями – дипломатами, агентами военной разведки и ОГПУ, была весьма скептической. В агентурных донесениях резидентов ОГПУ из Маньчжурии указывалось, что «отсутствие средств и общая инертность сковывают работу всех объединений, а рознь и вражда мешают наладить работу. Единственное времяпрепровождение — заседания, на которых пережевываются вопросы о несбыточных надеждах на свержение большевиков»[515]. В сводке ОГПУ от 26 мая 1928 г. дана в целом объективная характеристика деятельности эмигрантских политических объединений на Дальнем Востоке: «написанных политических программ нет, бездеятельность и пассивность, отсутствие средств»[516].

Тему разобщенности и «никчемности» политической эмиграции в Маньчжурии подхватывала местная просоветская пресса. В статьях харбинской газеты «Молва» под рубрикой «Делишки белогвардейские» рассказывалось о кризисе, переживаемом эмиграцией, о бесплодных попытках объединения, недостатке средств, ненавидящих друг друга лидерах эмиграции. В одной из сатирических статей «Молвы» анонимный автор довольно точно обрисовал взаимоотношения лидеров маньчжурской эмиграции: «Коробов[517] подчиняется Хорвату; Гондатти не подчиняется никому и ненавидит Хорвата. Генерал Люпов примыкает к Гондатти, хотя внешне признает Хорвата. Он враждебен коробовскому объ-

---

[514] ГАРФ. Ф. 5870. Оп. 1. Д. 156. Л. 110.
[515] «Фашизм развивается и внедряется в умы русских беженцев». С. 72.
[516] Там же. С. 74
[517] *Коробов* Александр Иванович (1881–1945) – юрист, общественный деятель, журналист. Был начальником Бюро печати в Омском правительстве А.В. Колчака. С 1926 г. – редактор газеты «Русское слово» в Харбине. Возглавлял Деловой Комитет в Харбине, Национальное Русское объединение. Был близок к Хорвату. С 1934 г. работал в харбинском отделении м.и.д. Маньчжоу-Го.

единению, т.к. в него входит ненавистный Люпову генерал Андогский. <…> Генерал Брадзиловский (Бордзиловский — *М.К.*) враждебен Семенову, примыкает к Коробову и терпеть не может Гондатти. Генерал Космин — явно враждебен Семенову. Сейчас у него прочный блок с Рычковым. Оба они — злейшие враги Андогского. Сами никакой популярностью не пользуются»[518].

Советские разведки, имевшие разветвленную агентурную сеть в Маньчжурии, внимательно следили за всеми изменениями в политической жизни российской эмиграции. Информация о состоянии эмиграции в Маньчжурии шла не только по линии ОГПУ, но и по линии НКИД. В фондах АВП РФ находятся консульские отчеты об обстановке в эмигрантской среде, материалы эмигрантских организаций в Маньчжурии — корреспонденция, отчеты, записки, а также вырезки из эмигрантской прессы. В аналитической записке «О русской эмиграции в Маньчжурии», составленной в Генеральном консульстве СССР в Харбине в 1933 г. (возможно, генеральным консулом М.М. Славуцким), и переданной во II Восточный отдел НКИД 10 января 1934 г., анализировались с классовой (марксистской) точки зрения особенности эмиграции в Маньчжурии [519]. Автор записки утверждал, что в Маньчжурии создалось своеобразное и особое положение эмиграции, весьма отличное от европейской и других. Здесь, по его мнению, в большей степени, чем в других местах, сохранилась материальная база, на которой основывалось благосостояние соответствующих кругов: «Маньчжурская эмиграция … не была поставлена в необходимость переходить на положение национального меньшинства. Кроме того, в силу специфического режима для иностранцев, она не сразу подпала под пресс местных властей. Тем самым она сохранила в какой-то степени свою материальную базу и в то же время оказалась в какой-то мере свободной в определении своего национального статуса».

Для маньчжурской эмиграции была характерна, по мнению автора, слабая политическая сознательность и осведомленность по сравнению с Европой, а местные эмигрантские круги были «мало насыщены политиками»: «Все сколько-нибудь значительные фигуры с политическим прошлым прошли через Маньчжурию, как через проходной двор, при первой возможности выбираясь из нее в Европу, а иногда в Америку. <…>В силу этого, во главе местного “общественного мнения” стояли люди ”второго сорта”, без особенных перспектив и без особой подготовки, скорее, местные политиканствующие дельцы, чем серьезные и ориентирующиеся в положении политики».

---

[518]Делишки белогвардейские //Молва. 1928. 7 марта. С. 3.
[519] АВП РФ. Ф. 0100 «б». Оп. 4. П. 102. Д. 29. ЛЛ. 2-26.

Другой особенностью эмиграции в Маньчжурии, согласно записке, было наличие значительного количества «политически неопределившихся слоев» — «эмигрантского болота», которое делилось на несколько групп по классовым различиям. В первую очередь, это были торговые круги (эту группу автор охарактеризовал как «евреи»), среди которых были развиты «советофильские» настроения. В другую группу входили мелкие и средние домовладельцы, для которых были характерны неопределенность положения, отсутствие в Маньчжурии права на землю, административный произвол китайских властей, что делало их «нервными, неустойчивыми и неуверенными в завтрашнем дне». Более сложной группой, по мнению автора, были «пролетаризированные и полупролетаризированные элементы», политическая ориентация которых не была определена: «Включены и элементы с советскими устремлениями, хотя в бытовом отношении мелкобуржуазны и неустойчивы». Таким образом, советский дипломат признавал «нечеткость» политического лица части эмиграции и трудности с разграничением советской и эмигрантской колонии. Характерной чертой маньчжурской эмиграции, по мнению автора, были «глубокий разброд и распад, группировки до 1931 г. (оккупации Маньчжурии Японией — *М.К.*) не были сцементированы и спаяны в одно целое»[520].

Советские агенты считали, что эмиграция в Маньчжурии не представляет собой самостоятельной силы, вожди ее «третьесортны и захолустны». К началу 1930-х гг. после нескольких неудачных попыток объединения у эмиграции в Маньчжурии не было единого руководящего центра, единого лидера и единой идеологии. Советские представители были невысокого мнения о моральном состоянии беженской массы и всячески поддерживали раскол эмиграции. Однако, не считая эмиграцию реальной политической величиной, представители СССР все же вынуждены были считаться с ней.

То, что основная масса эмигрантов в Маньчжурии предпочитала оставаться в стороне от политики, было ее сильной стороной. Раздробленная на большое количество корпоративных, земляческих, конфессиональных, благотворительных, культурно - просветительных и других учреждений, русская эмиграция в Маньчжурии до 1931 г. не испытывала никаких особо сильных давлений извне. Наличие двух сил в Трех восточных провинциях — китайских властей и советской администрации на КВЖД, борьба их интересов позволяли русской эмиграции в той или иной степени играть на противоречиях между ними и использовать это положение в свою пользу. Но советско-китайский конфликт на

[520] Там же. Автор записки высоко оценивал значение «устряловских установок» в разложении маньчжурской эмиграции.

КВЖД 1929 г. и оккупация Маньчжурии Японией изменили соотношение сил и положение внутри эмигрантской колонии.

2.2. Формирование культурной идентичности советской и эмигрантской колоний в Маньчжурии

2.2.1. Поиски самоидентификации эмигрантской и советской колоний в 1920-е гг.

Сосуществование двух различных оппозиционных лагерей, причем довольно значительных, в Маньчжурии в 1920-х гг. вызвало к жизни активное формирование как эмигрантской, т.н. «русской», так и советской идентичности. К середине 1920-х гг. практически все русское население Маньчжурии вынуждено было разделиться на две колонии. Разделение было не только по формальному признаку — принятие советского гражданства, китайского подданства или сохранения эмигрантского состояния. Оно привело к формированию культурной идентичности двух лагерей («белого» и «красного»), которые строились, используя образ «другого», подчеркивая свою уникальность, значимость и непохожесть с противоположным лагерем [521].

Для разграничения идентичностей использовались любые различия между группами: отношение к религии, прошлому и будущему России; символические ритуалы и памятные места; праздники; пресса; герои; язык; визуальные коды (одежда, поведение и т.д.). С помощью этих маркеров проводилась граница между эмигрантской и советской колонией. Основной акцент делался на разных ценностях, а также негативном опыте и угрозах со стороны «других». Поэтому важную роль в формировании идентичности играло противостояние двух лагерей.

Для эмиграции 1920-е гг. были поиском новой самоидентификации. Эмигранты отстаивали свой взгляд на долг перед Родиной, на историческую судьбу русского народа. Когда генерал В.Д. Косьмин писал в 1925 г. о возможном выступлении на советском Дальнем Востоке, он предложил лозунг, противоположный большевистскому: «С Богом за народ и отечество», причем подчеркнул, что нельзя дать социалистам «почвы для

---

[521] Использование образа «другого» для формирования собственной идентичности достаточно хорошо изучено в научной литературе. См. об этом: *Нойманн И.* Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004. Там же см. обширный список литературы по данному предмету. С.295-319.

борьбы против нас. Что бы о *них* не говорили, но они сила, с которой необходимо считаться, т.к. они неустанно работают, организованы, благодаря партийной дисциплине» [522]. Идентичность эмигрантского сообщества строилась, в первую очередь, как антисоветская. Большевики — «физические победители над Россией» — считались «духовными отщепенцами». СССР в эмигрантской прессе представлялся «чудовищем, которое живет единственно “случаем”, “игрой исторических моментов”, базирующихся на роковом и исконном невежестве народных масс»[523]. Работа с большевиками рассматривалась как тягчайшее моральное падение, как измена Родине и русскому делу.

Коммунистической идеологии, основанной, по мнению эмигрантов, на богоборческом, интернациональном и коллективном принципах, противопоставлялись религия, национализм и индивидуализм, причем акцент ставился на сохранении «русскости», национального начала. В докладе на закрытом собрании русских эмигрантов 21 февраля 1932 г. говорилось: «Нас связывает с Россией религия, великое историческое прошлое, наш чудный язык и наша национальная культура. Эмиграция должна сохранить свое национальное лицо и верность России. В этом оправдание нашего существования, ибо мы ценны постольку, поскольку являемся живым олицетворением России».

Здесь же указывалось, что конечная цель эмиграции — борьба и освобождение России от коммунистов — «это для нас не политический вопрос, а вопрос национального существования. Нельзя быть вечными эмигрантами. Без национальной России мы обречены на распыление и исчезновение»[524]. Среди большой части эмиграции сохранялось болезненное отношение к той, прежней, «настоящей» России и желание сохранить ее. В Харбине вплоть до конца Второй мировой войны эмигрантские книги и газеты печатались в старой орфографии, с «ятями» и «ижицами», в ходу были старые русские меры длины — фунты, аршины и сажени, пышно отмечались все православные праздники.

Православная церковь в Маньчжурии после революции, как и среди всего русского рассеяния, обрела новую силу, именно в ней русское население за границей находило свою опору, так что можно было говорить о церковном «ренессансе» в 1920-е гг. Харбинская епархия была основана 16 июля 1922 г., возглавлял ее архиепископ Мефодий. К 1930 г. Харбинская епархия насчитывала 46 церквей, 2 монастыря, 2 молитвенных дома, 136 чел. штатного и приписанного духовенства, 8 976 чел. полноправных прихожан[525]. Продолжали строиться новые храмы в Харбине: в 1932 г. была освящена Софийская церковь

[522] Письмо-доклад В.Д. Косьмина П.А. Кусонскому от 8 мая 1925 г. (ГА РФ. Ф.5826. Оп.1. Д. 136. Л. 114).
[523] Русский голос. 1924. 1 января.
[524] Харбинское время. 1932. 22 февраля.
[525] Высокопреосвященный Мефодий, архиепископ Харбинский и Маньчжурский. Харбин, б/д [1930]. С. 16.

на Пристани, в 1935 г. — Ново-Алексеевская церковь в Затоне, в 1941 г. — Благовещенская церковь на Полицейской улице. В среде эмиграции шла интенсивная церковная жизнь. На Великий пост прекращались общественные увеселения, некоторые кинематографы закрывались на весь пост или первую и последнюю недели. Многие эмигранты пели в церковных хорах, в Харбине устраивались ежегодные духовные концерты объединенных хоров на 4 или 5 неделе Великого поста[526].

Позиция церкви была открыто антибольшевистской. Белая армия представала в проповедях как «светлое воинство», попущением Божиим побежденное «воинством темным», но сохранившее честное русское имя и святую православную веру. В обращениях митрополита Мефодия[527], как духовного главы православного населения Маньчжурии, подчеркивалась разрушительная и демоническая роль большевиков: «У страдальца народа [в России] отнимается его последнее утешение и отрада веры, и систематически развращаются его дети; безбожная тираническая власть строит безрелигиозное и аморальное государство. <…> Коммунистическим режимом убивается всякая личная индивидуальная свобода и инициатива и подчиняется стадному безвольному коллективу, население превращается в бесправное государственное рабочее сословие, бесправный государственный пролетариат, положение которого ничем не отличается от рабства»[528]. Смерть митрополита в 1931 г. стала поводом для подозрений в отравлении священника советскими агентами во время операции по удалению аппендицита в лечебнице доктора Голубева [529]. Сам факт появления версии об отравлении митрополита был характерным для эмиграции, которая во всех событиях и явлениях искала «руку Кремля».

В частных школах преподавание велось по программам российских дореволюционных гимназий и реальных училищ, чтобы воспитать поколение, которое смогло бы сохранить традиционные ценности русской культуры. Так как официально советская власть отреклась от всего национально-русского в пользу интернационализма, в Харбине процветал культ Пушкина и русской литературы, русской философии и истории. Слова «русский», «Россия» звучали в школах и кружках, с амвона церкви и в частных беседах. В «Памятке для учащихся 1-го Харбинского смешанного реального училища» 1926 г. в первом пункте было указано: «Веруй в Бога, люби правду. Помни, что ты принадлежишь к великой Русской нации». Члены молодежной харбинской организации «Союз мушкете-

---

[526] См. об этом: *Троицкая С.* Русский Харбин. Воспоминания. Брисбен, 1995.

[527] *Мефодий* (в миру Герасимов Маврикий Львович) (1856-1931) — деятель церкви. Окончил Казанскую духовную академию (1882). В 1886 г. принял монашество. Епископ Бийский с 1894 г. Архиепископ (1918). Основатель Харбинской епархии. Митрополит Харбинский и Маньчжурский (1929).

[528] Обращение архиепископа Мефодия 18 октября 1929 г. (Golovachev Collection. Box #4. BAR).

[529] Головачев М.П. Рукопись «Сибирское движение и коммунизм» (Golovachev Collection. Box #1. BAR).

ров» давали обет на «служение светлой даме, имя которой Россия»[530]. В одном из скаутских писем говорилось: «Наша задача — зажечь в душе каждого ребенка за рубежом огонек сознания, что он русский, что Суворов и Петр Великий — его предки. И право же настанет время, когда вся Россия бросится собирать осколки прошлого, как величайшие потерянные драгоценности. И когда это случится, большевики исчезнут, как тяжелый кошмар, потому что корни прошлого не умирают, пока жив народ»[531].

Несмотря на пестроту политических группировок и общественных течений, среди эмиграции преобладали монархические взгляды с определенными антисемитскими и антимасонскими настроениями. Восстановление царской власти многие считали единственным спасением России. В ОРВП было создано несколько различных монархических организаций — Монархический центр, союз «Вера, царь и народ», Дальневосточное монархическое объединение, Народно-монархическая партия, Союз мушкетеров, Национальная организация русских разведчиков (НОРР), «Друзья черного кольца», «Оплот монархии», «Орден крестоносцев» и др. Ежегодные панихиды и крестные ходы по «невинно убиенному» Николаю II и его семье собирали многотысячные толпы людей, во время которых советским работникам не рекомендовалось показываться на улицах «во избежание провокаций со стороны белоэмигрантов»[532]. В кинотеатрах на Пристани, торговом и коммерческом районе города, показывали фильмы вроде «Былая слава России», где во время кадров хроники из жизни царской семьи люди вставали, пели «Боже, царя храни», кричали «ура».

Эмигранты делали акцент на страданиях и ужасах, которые принесли с собой большевики — «предатели России». В 1920-е гг. еще живы были воспоминания о революции и гражданской войне, которая, собственно, продолжалась на советско-китайской границе, где на протяжении двух десятилетий случались стычки между белыми партизанами и советскими пограничниками. Образ врага — коммуниста особенно ярко был сконструирован Братством русской правды (БРП)[533] и подхвачен русскими фашистами в Харбине. Листовки БРП начинались обычно словами «Россия не умрет — коммунизм умрет»,

---

[530] ГА РФ. Ф. 10143. Оп. 44. Кор. 24. Папка 3. Л. 8об.
[531] ГА РФ. Ф. 10143. Оп. 11. Кор. 27. Папка 9. Л. 2.
[532] *Славуцкая А.М.* Указ.соч. С. 43.
[533] Братство русской правды (БРП) – русская белоэмигрантская организация, созданная в 1921 г. в Берлине для подрывной антисоветской деятельности. Отделения БРП были в Париже, на Дальнем Востоке, Прибалтике, Югославии, Америке. Состояла из автономных боевых отрядов, которые должны были вести партизанскую борьбу с большевиками.

а заканчивались фразой: «Час возмездия близок. Берегитесь, красные гады. Мы незримы. Но мы везде»[534].

Собственно, первая фашистская организация — Русское фашистское общество — была создана в 1925 г. в Харбине как симметричный ответ приходу большевиков в Маньчжурию, и своей целью ставила свержение советского строя. Примечательно, что русские фашисты внимательно изучали большевистский опыт построения партии, заимствуя термины «центральный комитет», «генеральный секретарь», «партячейка», «трудовые массы». Харбинские фашисты даже взяли на вооружение большевистские песни, сочиняя на их музыку новые тексты, заменяя слово «товарищ» на «соратник»[535]. Позже лидер Русской фашистской партии К.В. Родзаевский утверждал, что для фашистов в коммунизме были неприемлемы, в первую очередь, интернационализм, отрицание русского народа, материализм, атеизм. Они мечтали о будущей новой России, в которой «не будет эксплуатации человека ни человеком, ни государством: ни капиталистов, ни коммунистов»[536].

Советская идентичность также строилась на противопоставлении двух лагерей. В советской идеологии был важен пафос обновления мира. Революция ассоциировалась не столько с разрушением, сколько с очищением, с идеалами социальной справедливости. Считалось, что революция дала мощный импульс для социального творчества масс, создания новых социальных форм, новой культуры. «Новый человек, новый гражданин, новый быт! — провозглашал харбинский журнал «Вестник Маньчжурии», — Или ты с революцией, с трудовыми массами, за раскрепощение труда, за массовое просвещение страны, или против революции, против ее раскрепощающего огненного дыхания» [537]. Советское гражданство, таким образом, давало возможность почувствовать себя субъектом большой истории, участником социалистического строительства, невиданного социального эксперимента.

Обаяние силы и мощи нового государства привлекали к себе не только молодежь, которая была главным объектом «красной» пропаганды, но и белых офицеров, и сформировавшихся политиков, бывших членов колчаковского правительства. Сторонники «сме-

---

[534] ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 44. Кор. 15. Папка 3. Л. 70, 88.
[535] См. об этом: *Стефан Дж.* Русские фашисты. Трагедия и фарс в эмиграции. 1925–1945. М., 1992. С. 97. Молодежные эмигрантские организации, например, «Союз мушкетеров» также ориентировались на методы большевиков: «Мы ненавидим большевиков, но нам белым – носителям русской идеи – есть многое, чему поучиться у них… Мягкость - безволие – нерешительность не могут вести на путях к славе и могуществу многомиллионную нацию. Будущей России нужна стальная, непоколебимого упорства, глубоко патриотичная, полная духовных и физических сил, рыцарски мыслящая, волевая интеллигенция». (Мушкетер (Харбин). 1930. Октябрь-ноябрь-декабрь. С.6–8).
[536] Письмо К.В. Родзаевского И.В. Сталину //Отечественная история. 1992. № 3. С. 94.
[537] *Лежнев И.* Даешь гражданина! // Вестник Маньчжурии (Харбин). 1925. № 1–2. С. 83–84.

новеховства» во главе с Н.В. Устряловым пытались понять логику большевиков, объяснить и осмыслить их победу, искали причины происшедшей катастрофы в России: «корень зла не в большевиках, а гораздо глубже — во всем русском народе и в нас самих»[538]. Главной козырной картой в их рассуждениях был патриотизм, а формой сотрудничества — позиция «спеца» и служения России. Их бывшие соратники и друзья из «непримиримых» обвиняли их в утрате нравственных основ, в моральном релятивизме. Часто именно нравственный выбор служил гранью, разделявшей русских в Маньчжурии.

Советская администрация дороги всячески подчеркивала различие между прежней, «грабительской и эксплуататорской» политикой царской России и новым периодом расцвета КВЖД с приходом сюда советского руководства. Считалось, что именно совместное советско-китайское управление для КВЖД явилось тем «переломом, который позволил больному организму дороги в кратчайший срок окрепнуть и достичь небывалых результатов»[539]. К небывалым результатам причислялись не столько повышение доходности дороги, сколько социально ориентированная политика нового советского руководства — введение 8-часового рабочего дня, охрана труда, улучшение материального положения низших категорий железнодорожных служащих (минимальный оклад на КВЖД был повышен с 216 до 360 руб. в год), их жилищных условий, постройка новых зданий и школ, забота о здравоохранении и образовании, развитие кооперативов и т.д.[540].

Акценты в идеологическом противостоянии делались на классовом самосознании, пролетарском интернационализме, атеизме. На 3 съезде профсоюзов Северной Маньчжурии (19–21 сентября 1925 г.) был выдвинут вопрос об идеологической борьбе профсоюзов с эмигрантскими организациями, «враждебными пролетарской идеологии», от «черносотенных до сменовеховских». Для этого было необходимо: «а) разъяснить членам союза истинный смысл, классовую сущность буржуазной школы, печати и церкви; б) методами убеждения воздействовать на членов союза, не допуская обучения их детей в старой школе и участия в буржуазных организациях молодежи — скаутских, фашистских, мушкетерских, ХСМЛ и т.д.; в) усилить антирелигиозную пропаганду, строя ее на научной основе; г) неуклонно проводить практику бойкота в отношении бульварных и буржуазных газет»[541].

---

[538] *Яшнов Е.Е.* Нищета рационализма //Русская жизнь. 1922. Вып. 2. С. 30.
[539] Китайская Восточная железная дорога. К событиям 1929 г. Хабаровск, 1929. С. 31.
[540] См. об этом: *Ткаченко Г.И.* Советские трудящиеся на КВЖД в борьбе за укрепление пролетарской солидарности с китайским народом. М.: Ин-т ДВ АН СССР, 1988. С. 17–29.
[541] РГИА. Ф. 323. Оп. 3. Д. 24. Л. 261.

Одним из ключевых маркеров советской идентичности был атеизм. В числе первых мероприятий новой советской администрации КВЖД была организация 4 октября 1924 г. комиссии по пересмотру сметных окладов содержания служащих дороги под председательством помощника Управляющего дорогой А.А. Эйсымонта, и.о. правителя дел И.О. Яцунского, помощника правителя дел У Хун Ю, председателя Доркома Е.Г. Варганова и др. Комиссия предложила снять с бюджета дороги расходы по церковному отделу[542] на основании того, что «дорога есть коммерческое предприятие и как таковое ни в какой степени не обязана производить расходы на посторонние для себя организации»[543]. Таким образом, церковный отдел Управления КВЖД был упразднен 30 октября 1924 г., из штатов КВЖД были исключены все лица духовного звания, местные церкви были лишены пособий. Однако все церковные православные праздники сохранились и считались выходными днями. Был даже поставлен вопрос на одном из заседаний Правления: как праздновать церковные праздники — по новому стилю или по старому? Тов. председателя Правления КВЖД Л.П. Серебряков утверждал, что в Советской России после утверждения Синода и Патриарха празднуют по новому стилю[544]. Но в Харбине решили сохранить церковный юлианский календарь.

Закон Божий был признан необязательным предметом преподавания в школах КВЖД, и с 1 января 1925 г. кредиты на его преподавание были отменены. Были сняты все иконы со стен кабинетов бывших чиновников КВЖД[545]. Даже дома «новосоветские» граждане не решались вывешивать иконы, боясь, что те их скомпрометируют. Профсоюзы попытались ввести в ОРВП новые ритуалы — октябрины вместо крещения[546], устройство «красных елок», «комсомольской пасхи», «красных похорон», когда на красном катафалке под пение «Интернационала» везли красный гроб с красными венками. Хоронили таких покойников не на православном кладбище, а на отдельном участке, «усеянном красными столбами» вместо крестов[547]. В антирелигиозную кампанию в первую очередь была втянута советская молодежь. Так, комсомольским ячейкам Харбина Северо-Маньчжурский комитет комсомола рекомендовал в 1925 г. в середине Великого поста провести «комсомольскую масленицу» как кампанию антирелигиозного порядка в «виде

---

[542] По смете КВЖД ежегодно на содержание церкви и духовенства тратилось около 200 тыс. руб.
[543] РГИА. Ф.323. Оп.4. Д.243. Стенограммы заседаний Правления КВЖД. 1924 год. Л.567.
[544] Там же. Л. 714.
[545] В. Петров в своей книге «Город на Сунгари» сообщал, что была попытка удалить из зала харбинского вокзала икону Св. Николая Чудотворца, но китайцы запротестовали, заявив, что это «его хорошая старика» и настояли, чтобы икона осталась на вокзале. (*Петров В*. Город на Сунгари. Вашингтон, 1984. С. 35).
[546] Газета «Трибуна» 13 января 1925 г. писала об октябринах у полиграфов: «Полуторагодовалового младенца назвали Владиленом, одели красный галстук и значок». (Трибуна. 1925. 13 янв. № 10. С. 3).
[547] ГА РФ. Ф. 10143. Оп. 39. Кат. 4. Кадр 96.

вечеринок с блинами по укреплению спайки ячеек»[548]. В страстную субботу демонстративно устраивались спектакли с танцами, а на Пасху отмольцы пытались сорвать службу[549].

Школы для русских детей в Маньчжурии разделились на «красные» и «белые». Те школы, которые финансировались КВЖД, стали советскими. Они были переименованы в железнодорожные школы для детей граждан СССР. В 32 школах обучалось 10 546 учащихся, которым преподавали 638 преподавателей (из них граждан СССР – 635 человек)[550]. Одно из лучших учебных заведений Харбина — Харбинские коммерческие училища – стало активно советизироваться. Была закрыта Алексеевская церковь при училище, бессменный директор училищ Н.В. Борзов был уволен, как и большинство преподавателей, не желавших принять советское гражданство [551]. Был создан ученический комитет, имевший равные права наравне с педсоветом. Сменился репертуар духового оркестра училища — вместо «Боже, царя храни» появился «Интернационал» и советские марши. Часть детей и преподавателей перешли в другие учебные заведения, например, гимназию ХСМЛ (Христианского союза молодых людей), открывшуюся в 1925 г.

С приходом советской администрации на КВЖД изменилась учебная программа железнодорожных школ. Были отменены утренняя молитва, закон Божий, история, пятибалльная система оценки знаний[552], переводные экзамены, установлено совместное обучение мальчиков и девочек, введены некоторые новые предметы (например, обществоведение, политэкономия). Газета «Эхо» выразила удовлетворение тем, что в 1926 г. занятия начнутся «без гнусавых молитвословий, без кропления “святой” водой школьных зданий, без торжественных молебнов и прочего мракобесия»[553]. В изучении русской литературы стали преобладать советские писатели, хотя в основном преподавание велось по старым дореволюционным программам. В школах были созданы ученические комитеты, имевшие равные права наравне с педагогическим советом, выпускались стенгазеты, в которых критиковались учителя. Для детей железнодорожников организовывались экскурсии в СССР, где они могли общаться со своими советскими сверстниками.

---

[548] РГАСПИ. Ф.М-1. Оп. 23. Д. 730. Л. 58об.
[549] РГИА. Ф. 323. Оп. 6. Д. 882. Л. 10а; Д. 869. Л. 35а.
[550] *Поляков Д. Эльтеков Б.* Железнодорожные школы для детей граждан СССР. //Вестник Маньчжурии (Харбин). 1930. № 8. С. 39.
[551] В отчете Доркома КВЖД за 1925 г. говорилось: «Увольнение 85 учителей, перешедших в китайское подданство, значительно очистило школы от белобандитов, воспитывавших детей в духе царской муштры». (РГИА. Ф. 323. Оп. 3. Д. 24. Л. 229). Своей задачей Дорком считал осуществление лозунга «Детей советских граждан должны обучать учителя — советские граждане» (Там же. Л. 265).
[552] Пятибальная система оценки знаний была заменена на трехбальную – «удовлетворительно», «неудовлетворительно» и «весьма удовлетворительно».
[553] Цит.по: Вопросы школьной жизни. 1926. № 4–5. С. 123.

Важную роль в формировании образа другого играли визуальные коды. Эмигранты в своей прессе, а также дневниках и письмах подчеркивали непривлекательный и даже отпугивающий облик советского человека: «серые, бесформенные одежды», «диктатура кепки», угрюмые, неприятные лица. И.С. Ильин оставил свои впечатления о «советской головке»: «Вид Лашевича — чекиста, палача и большого убийцы – отвратный», «Емшанов с красным, русским, простецким, грубым лицом … производит впечатление сытого, отъевшегося на хороших хлебах мастерового» [554]. В.А. Морозов писал о И.Н. Рамбахе, агенте для поручений при Управляющем дорогой, который участвовал в «остроумовском» процессе: «жирный еврей, в засаленном костюме, крайне неряшливый, производивший своей наружностью и манерой поведения исключительно отталкивающее впечатление» [555].

Принятие советского гражданства для многих значило и изменение внешности. Так, о Д.И. Рытове — бывшем адъютанте генерала А.Н. Гришина-Алмазова, принявшем советское гражданство, в эмигрантском списке «коммунистов» было замечено: «Когда пришли большевики, одним из первых взял советские документы. Сейчас чрезвычайно старается иметь внешность пролетария»[556]. Интересно отметить, что внешний вид и поведение советских разведчиков в Китае часто становились причиной провалов. В манере одежды (небрежной или не по сезону), в том, как сидели костюмы или как был завязан галстук, в том, что слишком много давали денег рикшам, носильщикам, домашней прислуге, нищим, китайцы сразу распознавали «большевиков»[557].

З. Жемчужная была поражена атмосферой в Генеральном консульстве СССР в Харбине: «Удивительно, как даже в дышащем жизнью и изобилием Харбине можно было создать такую скучную, сухую, типично советскую атмосферу, какая была в канцелярии консульства. Мрачные коридоры, длинная, пустая приемная с неудобными скамейками без спинок, голые стены— хоть бы одна картина, хоть бы один журнал на столе, чтобы скрасить ожидание. Грубые лица и фигуры служащих. <…> Знакомое пренебрежение к человеку, унижение чувства его достоинства»[558].

Дочь Генерального консула СССР в Харбине М.М. Славуцкого писала в мемуарах, что «первое время в Харбине мама носила черное на ватине зимнее пальто с выдровым воротником. Но кутюрье Антуанетт (Анна Семеновна) вскоре заметила, что в таком пальто жене генконсула появляться на людях неприлично, и мама сшила пальто у Полежа-

---

[554] ГАРФ. Ф. Р-6599. Оп. 1. Д. 9. Л. 85.
[555] РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 5. Д. 10. Л.79.
[556] Список активных коммунистов [1928] (Golovachev collection.Box # 4. BAR).
[557] См. об этом: *Алексеев М.* Указ. соч. С. 259.
[558] *Жемчужная З.* Пути изгнания. Урал, Кубань, Москва, Харбин, Тяньцзин. Воспоминания. Нью-Йорк, 1987. С. 201.

ка»[559]. В своих воспоминаниях А.М. Славуцкая сообщала замечательные подробности об образе советских женщин: «Командированные в Харбин молодые женщины приезжали летом в советской униформе: голубые трикотажные майки с юбкой и белые полотняные тапочки. С поезда их везли прямо в консульство и поначалу не разрешали выходить в город. Вскоре кто-нибудь из женщин - активисток покупал им полный комплект одежды для выхода в город. Уже затем они отправлялись за покупками в сопровождении советчиков — старожилов. Эти меры были спешно приняты после того, как в эмигрантской прессе появились злые заметки о внешнем виде приезжающих из Союза»[560]. Е. Якобсон, приехавшая с родителями в Харбин из СССР, заметила: «Ни у кого из нас не было подходящей одежды, в которой не стыдно было бы появиться в такой обстановке. К нам приставили женщину, чтобы она помогла маме сориентироваться в магазинах, но я все это решительно отвергала, с меня было вполне довольно моего бесформенного, серого, советского одеяния»[561].

На людей, приехавших из СССР, эмигранты смотрели как на людей из другого мира или другой планеты, пытаясь понять, что изменилось в них, а что осталось прежним, насколько СССР за несколько лет «перемолол» этих людей. Даже люди «традиционного» воспитания после нескольких лет революции и гражданской войны, оказываясь в Харбине, испытывали неловкость во время обедов, забывая, как держать себя за столом. Наблюдая за «новым человеческим материалом», эмигранты, многие из которых никогда не были в СССР, оставили любопытные заметки. Практически все отмечали «чуждость» советских и по внешности, и по манерам, и по языку. И. Абросимову, тогда мальчику, запомнилось, что из Советской России приезжали люди с «железными зубами», а не с золотыми или фарфоровыми, как в Харбине[562]. Старожилка Харбина Е. фон Арнольд в письме дочери в Сан-Франциско от 23 марта 1925 г. сообщала об одном родственнике, приехавшем в Харбин из Советской России: «Ему 45 лет, а выглядит 70-летним, оброс седой бородой. <…> Он боится ванны, боится людей. Белого хлеба не ест, отвык, лицо его не может складываться в улыбку, он весь дрожит. И таковы все, кто приехал из советского рая»[563].

Население Харбина, в свою очередь, ассоциировалось с «веселой и нарядной публикой», одетой в смокинги, шелковые чулки и котиковые манто, так что по внешнему ви-

---

[559] *Славуцкая А.М.* Указ. соч. С. 32.
[560] Там же.
[561] *Якобсон Е.* Указ. соч. С. 55.
[562] *Абросимов И.А.* Указ. соч. С.79.
[563] ГА РФ. Ф. 10143. Оп. 3. Кор. 8. Папка 1. Л. 93.

ду сразу было видно, что это — «не наши люди». Публицисты из просоветских газет всячески подчеркивали буржуазность Харбина: «Харбин — дэнди. Он любит хорошо одеваться, вкусно есть, ухаживать за красивыми дамами, ездить на отличных автомобилях. <…> Харбин любит все настоящее, хорошее, добротное, неподдельное. Город— щеголь, город — дэнди, город шика и блеска. Мужские лакированные ботинки, английское пальто, лакированная трость с золотым набалдашником, дорогой смокинг, модные дамские шляпки, манильские сигары.<…> Фокстрот, коктейль, джесс и т.п.»[564].

Публицист Е. Полевой, посетивший Харбин в 1929 г., с презрением отзывался о «коренном харбинце», «внешне культурном, хорошо, иногда даже с некоторым шиком одетом», «умеющем держаться в обществе», но равнодушного к «судьбам и культурным запросам человечества». «Типичный обыватель Харбина, — заключал Полевой, — это ограниченный косный мещанин, усердно посещающий кино, любящий вкусно закусить и поспать после обеда, поиграть в неизменный преферанс, иногда закатиться в кабачок»[565]. Напрашивался вывод, что харбинское общество — неблагодарная публика для советского влияния. Естественно, советский публицист противопоставлял «буржуазность» и «пошлость» типичных харбинцев «новому» типу советских людей, интересующихся политикой, проблемами народного хозяйства, новыми веяниями в искусстве и науке. Советская харбинская пресса вела постоянную борьбу за новый быт, осуждая легкомысленные танцы и бесцельное времяпровождение. Культурно-просветительный отдел совета профессиональных союзов организовывал в духе времени суды над проституцией, фокстротом, «эмигрантщиной» и т.п.[566].

В среде советской колонии поощрялся официальный стиль советской ксенофобии, контакты с эмигрантами не приветствовались, процветали слежка друг за другом и доносы. Юлия Сокольская, вспоминая о своем детстве в Харбине (ее родители были советскими гражданами) писала: «Мы были изолированы от тех всех белогвардейцев и буржуа, которым наша рабоче-крестьянская армия хорошо всыпала. Мы не встречались с их детьми, не общались с ними совсем, потому что они были наши невидимые враги»[567]. Об этом же писала Е. Якобсон, еще девочкой с семьей приехавшая из СССР в 1926 г.: «Пока

---

[564] Лупус. Город-дэнди //Новости жизни. 1925. 27 мар. С. 3.
[565] *Полевой Е.* По ту сторону китайской границы. Белый Харбин. М.-Л., 1930. С. 26.
[566] Суд над проституцией //Новости жизни. 1925. 12 февраля. С. 4. Суд над эмигрантщиной //Новости жизни. 1925. 27 февраля. С. 7.
[567] Цит. по: *Дземешкевич Л.К.* Харбинские были. Омск, 1999. С. 90.

отец работал главным врачом Центральной больницы, мы были обязаны жить среди “своих” и не общаться с эмигрантами»[568].

Желание дистанцироваться от «другого» принимало иногда крайние формы. З. Жемчужная была шокирована «советским» воспитанием дочери, которая просила официанта в ресторане сесть с ними за стол: «Он совсем старенький, а я сама могу принести наши тарелки»[569]. Генеральный консул СССР в Харбине М.М. Славуцкий, по воспоминаниям его дочери, отказывался курить заграничные сигареты и выписывал из Москвы папиросы «Казбек» и «Тройку», которые предлагал гостям на официальных приемах[570]. Коммунистам запрещалось пользоваться рикшами, считалось, что это явная форма эксплуатации. Н.В. Устрялов, став начальником учебного отдела КВЖД, отказался от личного автомобиля, пожимал руки швейцарам.

«Новосоветские», принявшие советское гражданство из убеждений, меняли свои привычки и предпочтения. Нора Крук, родившаяся в Харбине, вспоминала, что ее отец, М.Н. Кулеш, бывший офицер царской армии, выбравший в 1924 г. советское гражданство и ставший директором советской школы, стал адептом новой идеологии. И если в раннем детстве Норы семья еще отмечала Рождество с елкой, то «постепенно, с годами, стали справлять только 7 ноября, день Великой Октябрьской революции»[571]. В семье читали советских авторов, мечтали о справедливой, честной и чистой жизни. Однако и она, будучи ребенком, замечала то несоответствие между «религией жертвенности другого, нищего и голодного героического мира», которую исповедовали родители, и их жизнью в особняке с четырьмя спальнями и прислугой («повар, бойчонка, няня, а позже бонна»). Правда, Нора замечала: «Хотя мне никогда не покупали пары туфель без того, чтобы не напомнить о детях, у которых нет обуви»[572].

Те из старожилов, кто взял советское гражданство, должны были вести себя соответственно. Принятие гражданства обязывало самоопределиться: для журналистов — возможность печататься только в определенных журналах или газетах, для служащих — выбрать профсоюз, площадки, даже спортивные клубы, для молодежи — школы, общественные организации. В просоветских газетах печатались заявления от советских граждан о том, что они не состоят в эмигрантских или белых организациях, в союзе беспартийных, не являются бой-скаутами и т.п. Вот типичное письмо в редакцию просоветской

---

[568] *Якобсон Е.* Пересекая границы. М., 2004. С.53–54.
[569] *Жемчужная З.* Указ. соч. С. 180.
[570] *Славуцкая А.М.* Указ. соч. С.13.
[571] *Крук Н.* Указ. Соч. С.154.
[572] Там же. С. 155.

газеты «Молва» от 28 сентября 1927 г.: «Мы, Николай и Леонид Денисовы, вышли из белогвардейской харбинской организации “Общество монархистов”, т.к. убедились в том, что эта организация преследует цели, противные интересам трудящихся. Руководители ее занимаются лишь пьянством и мордобоем, чему и учат всех, попавших к ним на удочку»[573].

Профсоюзные организации строго следили за соблюдением советского кодекса поведения, в случае его нарушения ставили на вид или исключали из рядов союза. Газета «Трибуна» от 6 января 1925 г., отмечая рост числа новых членов профсоюзов, указывала на «несознательность» этих членов, «отсталость по классовому развитию» некоторых рабочих и служащих. Особое возмущение автора вызвал тот факт, что группа недавно принятых в профсоюз служащих земельного отдела КВЖД подала коллективное поздравление в «день ангела» явному «врагу рабочего класса» бывшему начальнику отдела Н.Л. Гондатти, который был к тому же под следствием в это время, с пожеланием видеть его «на старом посту». Автор заметки Денисов назвал таких новых «навербованных» членов «раболепствующими», не осознавшими еще «классовой сущности профсоюзов» и призвал к «культурной обработке членской массы». Он же предупреждал о последствиях такого неосмотрительного поведения — так, все подписавшие поздравление были исключены из рядов Дорпрофсожа[574].

В профсоюзной среде всегда находились желающие сообщить о «порочащих» советских граждан поступках. Рабкоры газеты «Трибуна» (всегда анонимно) сообщали: «Александров, служащий врачебной службы, слушает граммофонную пластинку с “Боже, царя храни”»; «кассир Веревкин на красной елке при пении “Интернационала” не встал. Один из ребят предложил Веревкину встать. В ответ на это профсоюзник Веревкин схватил своего ребенка и убежал с елки»[575].

Прибывший из СССР в Харбин режиссер оперы Желсоба Варфоломеев дал 5 июля 1927 г. интервью эмигрантской газете «Заря». Газета «Молва» тут же откликнулась возмущенной статьей о том, что харбинские артисты с советским гражданством «не гнушаются давать беседы белогвардейской прессе и блистать в этих газетах своими портретами», считая этот факт «явным преступлением перед советской аудиторией»: «Это очень плохое начало для советского режиссера.<…> Одно из двух — либо за СССР, либо за белобандитов. Либо за советскую аудиторию и ее органы печати, либо за белогвардейские

[573] Молва. 1927. 28 сент. С. 3.
[574] Трибуна. 1925. 6 янв. С. 1.
[575] Трибуна. 1925. 13 янв. С. 3.

погромные листки. Либо в союзе, либо в компании молодчиков из белой прессы. Мы не сомневаемся, что советские артисты знают, где лежит их дорога и с нее не свернут», — заключал автор[576].

В.А. Морозов заметил в своих воспоминаниях: «Перейдя в совгражданство, многие из старых кавежедеков изменились и психологически и, в частности, изменилось в худшую сторону их отношение к эмигрантам»[577]. В церковь ходить советским гражданам не рекомендовалось, в просоветских газетах печатали доносы о членах профсоюза, посещавших церковь.

Браки необходимо было регистрировать в отделе ЗАГС Генерального консульства СССР в Харбине. Так, в личном деле «бывшего работника КВЖД» В.И. Александрова — старослужащего, начальника службы пути, находятся два свидетельства о браке с С.Г. Гладышевой: первое — от 1922 г., о церковном браке, второе — от 21 сентября 1925 г. (после подачи заявления о восстановлении гражданства) с ней же в отделе ЗАГС Генерального консульства СССР в Харбине [578]. Врачу ст. Аньда А.И. Сунгурову, старослужащему, получившему советское гражданство[579], консульство после развода с первой женой отказало в регистрации второго брака с эмигранткой Н.А. Кадушкиной. Был составлен акт от 21 ноября 1930 г. в «удостоверение того, что Сунгуров и Кадушкина действительно находятся между собой в брачном сожительстве и проживают совместно», подписанный агентами КВЖД Л.Д. Троценко, А.А. Баталиной, Н.Г. Бурдаковым, после чего Н. Кадушкина получила после статус «гражданской жены»[580].

2.2.2. Противостояние советской и эмигрантской колоний в 1920-е гг.

Харбин в 1920-е гг. был фактически поделен на советскую и эмигрантскую зоны: в Новом городе, административном центре Харбина, находились роскошные особняки и дома, принадлежавшие дороге, в которых жили советские чиновники и агенты КВЖД, а на окраинах, в бедных районах — Нахаловке, Гондатьевке, Модягоу — находили приют эмигранты. Пристань — торговый район города, деловой центр, была преимущественно «белой», но в западной ее части находились Главные механические мастерские КВЖД и Механическое собрание (клуб на тысячу мест) — главная база «красных» в Харбине.

---

[576] *М. Дальский* .Советские артисты и антисоветская пресса.//Молва. 1927. 17 июля. С. 3.
[577] РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 5. Д. 11. Л. 64.
[578] РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 74. Л. 1.
[579] См. прил. 85.
[580] РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 5117. ЛЛ. 114–115.

С.Я. Алымов[581], вернувшись в 1926 г. в СССР, в очерке «Харбин» составил идеологическую и экономическую «карту» города: «Новый город — советский. Пристань — коммерсанты и темные дельцы. Кабаки, публичные дома, карты, притоны, опиекурильни. Модягоу — белогвардейский район, «Царское село», здесь доживают свои слепые дни разные беженцы. Район механических мастерских, примыкающий к Пристани, населен рабочими. Это единственное светлое место в Харбине. Здесь люди живут не по-харбински. В клубе-библиотеке — собрания, лекции и доклады. Здесь московские газеты и журналы. Мелькают пионерские галстуки. <…>Два полюса, два разных мира»[582].

Площадки Харбина были также поделены между советской и эмигрантской колониями. Так, Железнодорожное собрание в Новом городе (800 мест), кинотеатр «Модерн» на Пристани (1100 мест), Механическое собрание (Мехсоб), клуб Московских казарм, клуб Харбинского узла (700 мест) считались советскими, тогда как Коммерческое собрание на Пристани (550 мест), кинотеатры «Гигант» («Азия») (935 мест), «Палас» (880 мест), «Американ» (1500 мест) были эмигрантскими. Конечно, при посещении их никто на гражданство не смотрел, но значительные мероприятия — например, празднование советских праздников — проходили только на «своих» площадках.

Вся русская пресса в Маньчжурии в середине 1920-х гг. также разделилась на два лагеря. На заседании Правления КВЖД 20 ноября 1924 г. был поставлен вопрос о введении в делопроизводство дороги упрощенного русского правописания со ссылкой на декрет СНК РСФСР от 23 декабря 1917 г.[583]. Естественно, все газеты и журналы, печатавшиеся в типографии КВЖД, получавшие субсидии от дороги, стали печататься в новой орфографии, а т.н. «независимые» — в старой. Просоветскими газетами, издававшимися на деньги профсоюзов или КВЖД, выходившими большими тиражами, были «Трибуна», затем, после ее закрытия в апреле 1925 г., «Эхо» (до ноября 1926 г.), «Молва», а также «Новости жизни». После советско-китайского конфликта 1929 г. просоветскими газетами стали «Герольд Харбина» и «Новости Востока»[584].

---

[581] См. прил. 4.
[582] С.Я. Алымов. Харбин (очерк). (РГАЛИ. Ф. 1885. Оп. 2. Д. 49. Л. 8).
[583] РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 243. Л. 10.
[584] Газета «Харбин Герольд» была учреждена в 1924 г. как английская газета. После советско-китайского конфликта, когда китайскими властями была закрыта последняя просоветская газета «Новости жизни», «Герольд Харбина», формально оставаясь английской газетой (редактором ее был англичанин Ленокс Симпсон), стала просоветской ориентации, выпускалась, по-видимому, на деньги советского консульства, в нее перешли многие журналисты из газеты «Новости жизни». Газета выпускалась до 1933 г., когда Ленокс Симпсон был арестован за «коммунистическую пропаганду», а газету закрыли. Просоветская газета «Новости Востока» была учреждена в 1932 г., редактором ее стал эмигрант Р.Е. Колпакчи, который был выслан из Маньчжоу-Ди-Го в СССР в 1935 г. (См. прил. 42).

Эмигрантскими газетами считались «Русский голос» (с 1926 г. «Русское слово»), «Заря», «Рупор», «Гун-бао». По мнению советской стороны, они обслуживали «беженских неудачников», «творили черное дело злостных наветов, измышлений и провокаций, обливая грязью СССР»[585]. Однако, эмигрантская пресса была подчас важным информатором о настроениях эмиграции, ее выписывали для высших советских агентов КВЖД, экземпляры передавались в НКИД, на основании статей эмигрантских газет составлялись отчеты резидентами спецслужб.

По мнению советских представителей, «белогвардейская пресса» выполняла роль организатора антисоветского движения, вела планомерную кампанию против Советского Союза. Все редакторы эмигрантских газет и некоторые журналисты: А.И. Коробов – редактор «Русского слова»; М. Лембич – редактор «Зари»; Е. Кауфман – редактор «Рупора»; Вс.Н. Иванов – редактор «Гун-бао»; Г.Г. Сатовский-Ржевский – бывший редактор газеты «Свет», журналист; Г.Н. Шипков – один из редакторов «Зари»; И.С. Гузь – управляющий конторой газеты «Заря»; А. Троицкий и Н. Горчаков — сотрудники «Русского слова» — были отмечены в списке «активных белых вдохновителей и организаторов многочисленных контрреволюционных выступлений против СССР», переданном в НКИД С.А. Мессингом — зам. председателя ОГПУ в январе 1930 г., следовательно, считались активными врагами советской власти[586].

Советскую прессу харбинцы называли «казенной», «серой», скучной, членов профсоюза обязывали подписываться на нее, поддерживая этим самым тираж. Но даже и на советскую прессу в Маньчжурии влияла местная «аполитичная» атмосфера. Харбинский корреспондент РОСТА (Российского телеграфного агентства) жаловался в 1925 г. на то, что местные газеты не берут материал о советской жизни, социалистических достижениях и революционном движении, выбирая лишь «изюминки», годные улице, раздувая пустяк в сенсацию и этим извращая сущность сообщения»[587].

Харбинские газеты не отличались особой содержательностью — реклама, сплетни, слухи, переводы из иностранных газет, перепечатки, часто раздутые сенсации. Хотя, несомненно, среди журналистов в Харбине были действительно талантливые авторы — О. Шейнфельд, Г.Г. Сатовский-Ржевский, Вс.Н. Иванов, Н.Н. Горчаков (Лидин), С.А. Поперек (Маманди), А.А. Грызов, Ю.В. Крузенштерн-Петерец и др. В газетах часто печатались общественные и политические деятели — И.А. Михайлов, Н.В. Устрялов, Г.К. Гинс,

---

[585] Протокол совещания профсоюзных организаций ст. Пограничная от 5 мая 1925 г. (РГИА. Ф. 323. Оп. 3. Д. 28. Л. 7).
[586] АВП РФ. Ф. 08. Оп. 13. П. 104. Д. 101. ЛЛ. 3-4.
[587] ГА РФ. Ф. Р-4459. Оп. 11. Д. 42. Л. 1.

Л.А. Устругов, В.Ф. Иванов, Н.И. Никифоров, В.А. Рязановский, М.П. Головачев. Корреспондентов нередко переманивали из одной газеты в другую — в советских газетах платили больше. В частности, это обстоятельство сыграло не последнюю роль в переходе журналистов из «белой» прессы в «красную» С.Я. Алымова, Н.П. Нечкина, С.Г. Скитальца (Петрова), Л.Е. Ещина, В.В. Сапелкина, Р.Е. Колпакчи и др.[588].

В полемическом запале газеты противоположных лагерей не скупились на выражения. У прессы сложились удобные клише и трафареты, по которым кроились образы как «своих», так и «чужих». С одной стороны, белый Харбин — «пистолет, направленный на Россию»[589], с другой, СССР — «смрадный источник мировой заразы»[590]. У каждой стороны был свой словарь терминов и определений с отрицательными коннотациями: «Белобандиты», «белогвардейская сволочь», «белогвардейские рептилии», с одной стороны, «красная сволочь», «агенты Коминтерна», «красная гадина», с другой.

Одним из значимых вопросов, «лакмусовой бумажкой» идентичности было отношение эмиграции к В.И. Ленину, как к одному из символов новой России. Для одних это был «страшный Атилла социализма», «Бич Божий», «фабричный царь» в «советском дьявольском самодержавии», наследник Дмитрия Самозванца, тушинского вора, Стеньки Разина и Пугачева — «определенной разбойничьей династии, пахнущей татарщиной», положивший в основу своей политики обман[591]. Для других — один из великих людей, определяющих собой целые эпохи, «духовный собрат» Петра Великого, Наполеона, подлинный сын России, ее национальный герой»[592].

В местной просоветской и эмигрантской прессе можно было найти все оттенки отношений к противоположной стороне — от иронии до агрессии. С позиции победителей, с чувством нравственного превосходства просоветская пресса создавала образ затхлого, устаревшего, нелепого, никчемного мира эмиграции (в противовес светлой, свежей, советской действительности): «Обывательщина, служба, дружба, картишки, водчонка, полная безгоризонтальность, удивительная серость жизни»[593]. В просоветской газете «Молва» практически в каждом номере давалась информация об эмигрантах — описывались случаи отравления опиумом или кокаином, самоубийства, дома терпимости, кражи, деятельность фашистов, хулиганов и проч. Подчеркивалось бессилие, бездарность, безделье,

---

[588] См. прил. 4, 42, 77.
[589] *Устрялов Н.В.* Россия на Дальнем Востоке //Вестник Маньчжурии. 1925. №1–2. С. 13.
[590] Мушкетер (Харбин). 1929. (ГА РФ. Ф. 10143. Оп. 44. Кор. 24. Папка 3. Л. 13).
[591] *Иванов Вс.* Ленин // Иванов Вс. Огни в тумане (Думы о русском опыте). Сб.ст. Харбин, 1932. С.97–100.
[592] *Устрялов Н.В.* Памяти В.И. Ленина. //Устрялов Н. Под знаком революции. Харбин, 1925. С. 39.
[593] *Лупус.* Премудрый суд //Новости жизни. 1925. 1 марта. С. 3.

злоба и тоска эмиграции в стиле «ваша игра проиграна»: «Эмиграция рассыпается и разлагается как старая гнилая ветошь»[594].

Со своей стороны, эмиграция живо реагировала на чуждую ей стилистику, на советские символы, язык, антирелигиозность, обвиняла советских граждан в бездуховности, безнравственности, антипатриотизме. Эмигрантские газеты не упускали случая «поддеть» советских представителей в Маньчжурии. Образы «новых людей», приехавших из Советской России и пускавшихся «во все тяжкие», а также местных «редисок» были излюбленной темой эмигрантских сплетен, насмешек, шаржей и карикатур. Как писал «Русский голос», «самая строгая власть теряет всяческий престиж, когда делается предметом обывательских пересуд и становится смешной»[595].

Так, советские чиновники, командированные советским правительством на КВЖД в 1924 г., были выведены в «фантастической античной трагедии» «Помпея» (намек на кабаре в Харбине, где любили бывать советские представители), напечатанной в газете «Русский голос» за подписью Летучий Голландец. Среди действующих лиц трагедии значились «помпеяне, лизоблюды, совкутилы, совподлецы, совмолодцы и проч.». Действие происходило в «Стране чудес» (подразумевался СССР) и острове «Буяне» (Харбин). В первом действии Микитин — «в душе славянин, в глубине души — непьющий» (намек на Ракитина (Брауна), генерального консула СССР в Харбине, еврея, злоупотреблявшего, как и многие советские чиновники в Харбине, алкоголем, высланного из Харбина в декабре 1924 г.) — горюет в Стране чудес о фраках, ресторанах и чудесных женщинах. Другой персонаж, «Непей Первый, знатный гость» (явный намек на А.Н. Иванова, первого советского Управляющего КВЖД) на о. Буяне жалуется на обилие банкетов, речей, встреч и шампанского, от которых «кружится голова»[596]. В пародии был описан действительный случай, происшедший в харбинском ресторане: когда один из бывших офицеров не встал при исполнении «Интернационала», А.Н. Иванов ударил его, завязалась драка, в которой Иванову выбили несколько зубов.

Когда тов. председателя Правления КВЖД М.М. Лашевич был исключен из ВКП(б) за участие в оппозиции, в газете «Русское слово» от 23 декабря 1927 г. появилась заметка «Лашевич на дыбе», перепечатанная и посланная в НКИД, в которой Лашевич — недавний «совкороль» — назывался «губастой, ушастой, жирной двуногой жабой»,

---

[594]Молва. 1928. 26 февр. 7 марта. С. 5.
[595] Русский голос. 1924. 16 декабря. С. 1.
[596] *Летучий голландец.* Помпея. //Русский голос. 1924. 28 декабря.

«пермским зверем», «Каином», «палачом», «страшным апостолом сверхжестокости»[597]. Однако, когда произошел неприятный случай с женой М.М. Лашевича — она зашла в магазин в собольем палантине, и одна из эмигранток узнала свой мех[598], то дело постарались замять и не предавать огласке. И.С. Ильин, сотрудничавший в то время с газетой «Русское слово», писал, что все редакторы эмигрантских газет получили по 500 долларов, чтобы информация не просочилась в печать[599].

Высшие учебные заведения Харбина также разделились на 2 лагеря: Харбинский политехнический институт (ХПИ), основанный в 1920 г., стал просоветским, содержался отчасти на деньги КВЖД, учиться в нем могли только советские и китайские граждане. Однако во время советско-китайского конфликта 1929 г., когда студентам с советским гражданством было предложено оставить учебу (см. п. 2.3.2), часть студентов вышла на занятия. Новая советская администрация КВЖД выразила недовольство «направлением учебной работы» в ХПИ и посчитала, что лучше отправлять детей советских граждан на учебу в СССР, т.к. «Политехникум в Харбине совершенно не удовлетворяет предъявляемым советской властью к высшим учебным заведениям требованиям, и количество действительно полезных и лояльно относящихся к СССР абитуриентов его так ничтожно, что совершенно не оправдывает отпускаемых в виде субсидии сумм»[600]. Предлагалось прекратить субсидию ХПИ или значительно сократить ее, а на сэкономленные средства выдавать стипендии для студентов, обучавшихся в СССР.

Педагогический институт и Институт ориентальных и коммерческих наук считались эмигрантскими. На Юридическом факультете, который также получал значительную финансовую поддержку от КВЖД, преподавали и советские граждане (Н.В. Устрялов, Н.А. Сетницкий, Н.Н. Трифонов, Е.Х. Нилус, В.И. Сурин, В.А. Рязановский), и эмигранты (Г.К. Гинс, В.В. Энгельфельд, Н.И. Никифоров). Н.В. Устрялов писал П.П. Сувчинскому 20 октября 1928 г. о юридическом факультете в Харбине: «Местный вуз, кстати, — занятнейшее учреждение: там вместе обучаются фашисты и комсомольцы, до 250 студентов эмиграции и свыше 350 советских!» (подчеркнуто Устряловым – *М.К.*)[601].

---

[597] АВП РФ. Ф. 04. Оп. 22. П. 178. Д. 221. Л. 92.

[598] Об этом эпизоде писала в воспоминаниях Ю.В. Крузенштерн-Петерец. Оказалось, что палантин был реквизирован во время обыска в Москве вместе с другими ценностями. Доказательством были инициалы на шкурках. Полиция предложила гражданке Лашевич вернуть палантин. Но хозяйка отказалась — «я с ее плеч носить его не буду», пришлось заплатить полную стоимость палантина. (ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 39. Кат. 4. Кадр 67).

[599] ГА РФ. Ф. Р-6599. Оп. 1. Д. 9. Л. 134.

[600] РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Л. 862. Л. 22.

[601] *Устрялов Н.В.* Письма к П.П. Сувчинскому. 1926–1930. М., 2010. С. 39.

Высшие учебные заведения Харбина сохраняли дореволюционные студенческие традиции: суды чести, благотворительные балы, празднование дня Св. Татьяны.

Школа также не могла стоять вне политики и идеологии, к тому же появление пионерских и отмольских организаций привели к враждебности в школьной среде, разделению детей на противостоявшие друг другу группировки. Обычные мирные школьные вечеринки заканчивались хулиганскими выходками, битьем стекол и избиванием друг друга. Начались уличные драки с тяжелыми ранениями и вмешательством полиции. «Учебная жизнь приняла ненормальный характер», — констатировали педагоги[602].

Молодежь одной из первых откликнулась на новые идеи, главным образом, это были дети из семей «кавежедеков» — советских граждан. Они не знали и не хотели ничего знать о прошлом, наиболее активно поддерживали советские ценности и идеалы, были готовы на риск и энтузиазм. Из молодых людей вербовались отряды молодежи (Отмол) и пионеры. Самыми заметными действиями «отмольцев» была работа «комсомольской боевой дружины» в Харбине. Боевая дружина была создана в марте 1925 г. «в целях боевой, нелегальной работы в подпольной обстановке, для организации разведки и контрразведки по отношению к белогвардейским организациям молодежи и для защиты от нападений и провокаций последних»[603]. Первоначально в нее входило 225 «физически развитых комсомольцев», потом часть из них была призвана в Красную армию, и к 1927 г. осталось 185 чел., разбитых на десятки[604]. Основной задачей была охрана массовых митингов, партийных, комсомольских, профсоюзных собраний (как правило, нелегальных), предупреждения о приходе полиции. Члены дружины распространяли листовки в общественных местах, собирали сведения о «белогвардейских» организациях Харбина, часто «внедряясь» в них и «разлагая» их изнутри. Были даже созданы две женские группы по 4 девушки при Боевой дружине для разведки, а именно для «просасывания в лагерь белой молодежи»[605].

Но все же главным в деятельности боевой дружины были массовые драки и «индивидуальные задания по избиению». Дрались отмольцы с членами молодежных эмигрантских организаций — «Союз мушкетеров», «Друзья черного кольца», «Оплот монархии», «Орден крестоносцев» и др. «Белая» и «красная» молодежь отличалась внешне — отмольцы носили кепки, которые заламывали назад, рубашки с закатанными рукавами, мушкетеры — черные брюки-клеш с широкими поясами, черные рубашки апаш с сереб-

---

[602] Жизнь школы //Вопросы школьной жизни. 1925. № 2. С. 99.
[603] РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 575. Л. 39.
[604] Там же.
[605] Там же. Л. 6.

ряными мальтийскими крестами на нарукавных повязках. Драки были порой весьма жестокие, с применением ножей, кастетов, с серьезными увечьями[606]. Старшее поколение считало это «нездоровой романтикой», которая давала выход накопившейся агрессии в среде молодежи. Т.н. «борьба» была бессмысленной формой хулиганства, и ни одна сторона не была ничем лучше другой. Точный образ для них нашел секретарь ХСМЛ, поэт А.А. Грызов – «хулиганствующая “багровая” (черная и вместе с ними красная) молодежь»[607]. Однако именно эти драки в середине 1920-х гг. создавали особую напряженную атмосферу в Харбине и на линии.

В отчете боевой дружины за сентябрь – ноябрь 1925 г. сообщалось о результатах работы за 3 месяца: «1) избиты 2 члена организации “Оплот монархии”, работающие в пароходстве “Утун” на Биржевой улице; 2) частичные схватки с “Черным кольцом”. В одной из драк попался один из главарей. Истекая кровью, он лежал без сознания полчаса и Амбулансом (скорая помощь — *М.К.*) был отвезен в больницу, где пролежал несколько дней; 3) 14 ноября 1925 г. был побит бывший семеновский шофер, приехавший из Мукдена, увезен на Амбулансе; 4) попытка избиения редактора провокационной газеты “Копейка” Чиликина. План: подкараулить у кабаре “Седьмое небо”; один из подвыпивших нищих должен был подойти к Чиликину и попросить грубо милостыню, вызвать его на резкость, начать драку и при поддержке засады избить. Сорвалось. (Избили другого). Слежка за Чиликиным продолжается» [608]. В отчете за следующий «квартал» с гордостью сообщалось: «Избито основательно около 40 человек. 12 раз выезжал Амбуланс в связи с этим. С нашей стороны — гораздо меньше — 10–15 человек с легкими избиениями»[609].

После нескольких арестов «боевиков» китайской полицией и осуждения их за бандитизм[610], а особенно после убийства 11 января 1926 г. члена эмигрантской монархической организации «Черное кольцо» Гомонилова ножом (в отчете об этом сказано: «рана была сделана в горячке и не технически и оказалась смертельной»)[611], тактику пришлось изменить. Боевую дружину было решено превратить в «запасную (мобилизационную)

---

[606] См. об этом: *Мелихов Г.В.* Российская эмиграция в международных отношениях… С. 248–249.
[607] Письмо А.А. Грызова И.А. Якушеву от 3 апреля 1926 г. (ГАРФ. Ф. 5870. Оп. 1. Д. 156. Л. 1).
[608] РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 376. Л. 79.
[609] РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 575. Л. 3.
[610] Сами участники боевой дружины гордились своими «подвигами», описывая их в отчетах. Например, в ноябре 1925 г., охраняя митинг, несколько боевиков «вырвали у полицейских винтовки и били их этими винтовками, потом скрылись». (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 376. Л. 75). В другом случае за бандитизм были осуждены И. Новоселов, М. Степной, Л. Корягин, В. Курносов, А. Калинин. 3 октября 1927 г. они бросали камнями в автомобили, когда ехала свадьба из собора (женился сын псаломщика). (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 730. Л. 77).
[611] РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 575. Л. 4. Здесь же сказано, что «7 человек пока сидит», а самих участников «этого дела» удалось «перебросить в СССР».

часть в повседневной будничной работе»[612]. Хотя, конечно, драки на этом не прекратились[613]. Аресты продолжались, был арестован весь состав бюро СМК, секретари райкомов, многие боевики, впоследствии 7 человек были осуждены[614]. Для поддержки заключенных и их семей Бюро Далькрайкома ВЛКСМ решило в октябре 1927 г. ежемесячно отпускать из средств крайкома 200 руб.[615]. Бюро Далькрайкома в октябре 1927 г. указало на недостатки в работе Северо-Маньчжурской комсомольской организации и определило основные приоритеты работы комсомола в Маньчжурии: «ознакомление комсомольской массы с ходом социалистического строительства, изучение Китая, проблем китайской революции», «борьба с неизжитыми еще шовинистическими настроениями (пренебрежительное отношение к китайцам, антисемитизм)», необходимость «разъяснения национальной политики партии и советской власти», «усиление спортработы», «совершенствование техники конспирации, борьба с беспечностью и несоблюдением правил нелегальной работы»[616].

Комсомольцы руководили и пионерской организацией, в 1926 г. в полосе отчуждения насчитывалось 3 тыс. пионеров[617]. Газета «Русский голос» отмечала, что «пионерские забавы …сеют среди детей классовую ненависть, лозунги истребления». По свидетельству газеты, в Харбине одна из любимых пионерских игр была инсценировка расстрела скаутских главарей, как «сознательных врагов народа»[618]. В 1931 г. после советско-китайского конфликта количество пионеров снизилось до 1 189: 726 в Харбине, 463 на линии[619]. Обычно пионерами становились дети железнодорожников, состоявших в партии или в советских профсоюзах. На пионерских сборах разучивались революционные и советские песни, маршировали под музыку, готовились к праздничным концертам. Пионеры противопоставлялись «буржуазным детским организациям», а именно скаутам, разведчикам (НОРР) и «костровым братьям». И хотя комсомольские и пионерские организации существовали вне стен школы, активная пропаганда велась как в «красных», так и в

---

[612] Там же. Л.40. Здесь были указаны главные недостатки Боевой дружины: «У некоторых романтизм преобладает над классовым самосознанием, для них драка – цель. Для некоторых безразлично кого бить, лишь бы драка была. В этом причина частичных драк в среде самих комсомольцев».
[613] В письме к полковнику Д.А. Кудлаенко от члена Русского Студенческого Общества Вас. Голицына от 1 февраля 1926 г. сообщалось: «Обстановка здесь [в Харбине] весьма сложна… У нас убито трое членов, ранено за последнее время до 20 человек, а освобождаются враги, тогда как наши, несмотря на мое противодействие, задерживаются в участках за то, что ловят преступников, разбрасывающих воззвания». (ГМЗ «Петергоф». Фонд «Архив музея семьи Бенуа». ПДМБ 4729-ар. Л. 1).
[614] РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 575. Л. 13–33.
[615] РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 730. Л. 64.
[616] Там же. Л. 65–67.
[617] РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 575. Л. 57.
[618] Русский голос. 1924. 20 июля. С. 1.
[619] РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 3. Д. 51. Л. 123.

«белых» школах. Т.к. открытая пропаганда коммунистических идей была запрещена в ОРВП, то все собрания молодежи проходили в обстановке секретности, часто под видом вечеринок с чаем и играми, что придавало движению характер романтической игры.

Необходимо отметить, что дети советских граждан увлекались и романтикой другого рода. Были случаи, когда молодые люди из «красного» лагеря предпочитали служить добровольцами в отрядах Русской группы войск Чжан Цзолиня[620]. В письме Л.М. Карахана в МИД китайской республики от 22 мая 1925 г. говорилось о вербовке детей советских граждан — мальчиков 15–17 лет — агентами К.П. Нечаева. Сообщалось, что они уехали из Харбина и их не могут найти. Карахан требовал немедленно возвратить родителям всех завербованных детей, привлечь к уголовной ответственности лиц, причастных к вербовке[621]. В ответном меморандуме китайского МИД от 2 июля 1925 г. на имя Карахана по поводу вербовки в китайскую армию молодежи СССР было заявлено, что на основании расследования Главного полицейского управления ОРВП было выяснено, что «потерявшиеся» мальчики уезжают из Харбина по своей инициативе[622].

Советское присутствие в Маньчжурии нуждалось в символах, ритуалах для демонстрации нового порядка вещей. Использовались различные праздничные поводы для проведения лекций, собраний, маевок, концертов, спектаклей, физкультурных парадов. Хотя, например, на КВЖД отмечались не только советские, но и православные, и китайские праздники. Среди выходных дней, кроме воскресений, было 7 праздников Китайской республики, 5 праздников СССР и 6 церковных (православных). В первые годы совместного советско-китайского управления КВЖД формировался обычай проведения советских праздников в ОРВП. 7 ноября 1924 г. был объявлен выходным днем не только для железнодорожных учреждений, но и для всех учебных заведений. Закрыто было также большинство магазинов[623]. Накануне первого «советского» Рождества в январе 1925 г. газета «Трибуна» писала об «октябринах» вместо крещения, о «красной елке» для детей советских граждан, выпусках «живого журнала» с участием отмольцев и пионеров Харбина. Вместе с тем, использовались и традиционные для Харбина формы досуга — супругой вице-консула СССР Т.Д. Дяткович был устроен вечер-бал в Коммерческом собрании в пользу «недостаточных учащихся» вечерней школы для взрослых[624].

---

[620] О русских добровольцах в армиях китайских милитаристов и начальнике русского отряда К.П. Нечаеве см.: *Балмасов С.С.* Белоэмигранты на военной службе в Китае. М., 2007; *Мелихов Г.В.* Российская эмиграция в международных отношениях …С.21–61.
[621] АВП РФ. Ф. 04. Оп. 22. П. 170. Д. 103. Л. 176–178.
[622] АВП РФ. Ф. 04. Оп. 22. П. 170. Д. 104. Л. 77.
[623] *Вологодский П.В.* Указ. соч. С. 464.
[624] Трибуна. 1925. 6 января. С. 2.

В дальнейшем Доркомом был выработан определенный ритуал проведения праздников в Харбине и на линии: накануне праздника (1 мая, 7 ноября) — закрытые собрания, спектакли, концерты, детские утренники, гимнастические упражнения. В день праздника проводились вечера, обычно в Желсобах: доклад, приветствие, художественные постановки, спектакль или показ кинофильма, концертная программа. Генеральное консульство в Харбине устраивало прием, на который приглашалось все местное общество. 1 мая предполагался митинг на открытом воздухе. В дни праздников советские граждане и учреждения должны были вывешивать на зданиях или у своих квартир государственные флаги СССР, которые частенько срывали активисты молодежных монархических организаций Харбина — «Черное кольцо» и «Союз мушкетеров», а также русские фашисты, называя 7 ноября «днем измены», 1 мая — «днем эксплуатации».

Профашистские организации использовали советские праздники для своих выступлений. Во время празднования 1 мая 1928 г. в Харбине были разбросаны и расклеены «белогвардейские фашистские летучки», с «целью срыва празднования» был распространен подложный экстренный выпуск советской газеты «Молва», в котором приводилась исходящая якобы от Генконсульства СССР информация о восстании оппозиции в Москве и прочие «провокационные вымыслы»[625]. Подложный выпуск газеты «Молва», по информации консульства, был напечатан в Софийском приходском похоронном бюро, в типографии Софийской церкви [626].

Лидер русских фашистов К.В. Родзаевский, будучи студентом Юридического факультета Харбина, был исключен из института в 1928 г. после того, как во время демонстрации, которую он возглавлял, с главного здания института был сорван советский флаг. Он объявил это актом протеста, выразившем волю русских студентов-эмигрантов, для которых серп и молот символизировали постороннее вмешательство в студенческую жизнь[627].

Китайская полиция следила за всеми несанкционированными сборищами, запрещая уличные шествия, митинги, произношение политических речей на открытом воздухе и в помещениях. Советская символика, портреты лидеров, плакаты, лозунги считались коммунистической пропагандой согласно ст. 5 Мукденского соглашения 1924 г. Существовал также запрет на ношение красных галстуков, отмольцам нельзя было носить красные звезды, членам профсоюза — красные банты и советские значки. На собрания, заседания,

---

[625] ГА РФ. Ф. Р-4459. Оп. 2. Д. 319. Л.148.
[626] АВП РФ. Ф. 308. Оп. 2. П. 2. Д. 4. Л. 23.
[627] *Стефан Д.* Указ. соч. С. 74.

доклады, носившие «политический характер», необходимо было испрашивать разрешение полиции. Поэтому собрания были полулегальными, их охраняли отмольцы и пионеры, предупреждая о приближении полиции. Часто праздники заканчивались арестами или потасовками с «белой» молодежью.

Наличие в китайской полиции русских китподданных придавало советско-эмигрантскому противостоянию особый характер. И если в большинстве своем эмигранты были бесправны, то русские в китайской полиции обладали реальной властью, зачастую превышая свои полномочия. За помещениями месткомов и учкомов, а также за железнодорожными собраниями, советскими школами, библиотеками велось неустанное полицейское наблюдение. К советским гражданам, нарушавшим, по мнению китайской полиции, статью Мукденского соглашения о коммунистической пропаганде, применялись такие меры, как обыск, штраф, арест, высылка из пределов ОРВП. Причем русские надзиратели в китайской полиции использовали любую возможность задеть, спровоцировать советских граждан. В Харбине обстановка была более спокойной из-за наличия иностранных консулов. Но на станциях КВЖД, в помещениях учкомов и месткомов, а также в Желсобах местные русские полицейские вели себя дерзко и вызывающе: срывали со стен газеты, флаги СССР, портреты советских лидеров, проверяли местные библиотеки в поисках коммунистической литературы, разгоняли собрания, даже молодежь со спортивных площадок.

Профсоюзные лидеры обращались в Управление дороги, советские консульства с жалобами на китайские власти, которых подозревали в симпатиях к «белым»: «Получается сложный клубок противоречий в виде того, что гражданам СССР запрещается иметь советскую книгу для изучения государственного строя, общественности, законов и всего того, что должен знать каждый гражданин своей страны, а наряду с этим отщепенцы России свободно располагают возможностью распространять черносотенную литературу вплоть до манифеста не существующего царя-батюшки» [628]. Советский консул в Цицикаре А. Буров записал в своем дневнике впечатления о прошедшем праздновании 7 ноября 1930 г.: «Весьма примечательна черта наших граждан [СССР]. Буквально трясутся от каждого взгляда полицейского. В полиции “посоветовали” не выставлять на сцене портрета Ленина, не украшать сцены лозунгами, так наши устроители — активисты постарались в точности все исполнить. <…> Нехорошие мысли приходят на ум, если представить се-

[628] РГИА. Ф. 323. Оп. 3. Д. 49. Л. 235.

рьезные затруднения для нас и возможности реагирования на защиту СССР здешних сограждан»[629].

Советские праздники эмигранты использовали для демонстрациии своей «непримиримости». Т.к. советские праздники были официальными выходными днями, то в знак протеста некоторые русские служащие — китподданные и бесподданные — выходили на работу, что, в свою очередь, вызывало протест советских граждан. Для эмигрантов именно праздник 7 ноября вызывал наиболее сильные эмоции, символизируя потерю Родины. В этот день Харбин и поселки на линии наполнялись прокламациями и листовками — как советского, так и антисоветского содержания. Советские консулы в Маньчжурии переправляли их в НКИД. Вот пример одной из таких листовок, разбросанных 7 ноября 1926 г. в Харбине: «Товарищи рабочие и отмольцы! Мы, русские националисты — рабочие и русская молодежь — фашисты, зовем вас примкнуть к нашим рядам! Мы указываем вам, что роскошествующие, обнаглевшие соваппаратчики в Харбине на один лишь банкет пропивают 14 000 долларов и что этому швырянию денег, урванных с беднейшего народа, должен быть положен конец! <…>Да здравствует национальная Россия! Да здравствует Русский трехцветный флаг! Вперед, за Веру, Нацию и Родину!»[630].

7 ноября (потом эмигранты назовут его «день непримиримости») всегда проходила панихида в соборах Маньчжурии. В 1927 г. к десятилетию революции, по сообщению газеты «Вечерняя Москва», в Харбине было организовано шествие по главной улице города с фашистскими знаменами и значками. «По городу разъезжало около 400 чел. на автомобилях с трехцветными царскими флажками. Проезжая нарочно мимо советского консульства и совета профсоюзов, белогвардейцы давали гудки, сопровождая их возгласами: “Долой советскую власть!” Отдельные группы хулиганствующих белогвардейцев срывали флаги и били стекла в квартирах советских граждан (были брошены камни в окна генконсульства и квартиру зам. тов. председателя Правления КВЖД Геккера)»[631].

В.А. Морозов вспоминал шествие, устроенное эмигрантами 7 ноября в конце 1920-х гг.: «Помню, как мы шли по Офицерской улице из Нового города на Пристань. Идея демонстрации, по-моему, была такова: двигаться в строгом порядке и строгом полном молчании, символизируя глубокую скорбь по поводу судьбы, постигшей в этот день Россию. Шедшие в колонне имели траурные повязки. Ни флагов, ни плакатов, ни выкриков, по-моему, не было. <…> Устроителями могли быть РОВС или легитимисты. По Хар-

[629] АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 12. П. 18. Д. 5. Л. 5.
[630] АВП РФ. Ф. 08. Оп. 10. П. 26. Д. 92. Л. 5.
[631] Вечерняя Москва. 1927. 10 ноября. С. 1.

бину ходили рассказы, что шоферы такси устраивали в этот день около советского консульства кошачий концерт»[632]. Сведения о «кошачьем концерте» у стен консульства СССР не подтверждаются другими источниками, но сам факт появления таких рассказов весьма показателен. Это было вполне возможно, т.к. шоферы в Харбине были в большинстве своем «каппелевцами», имели свою организацию и могли легко объединиться.

2.2.3. Сосуществование советской и эмигрантской колоний в Маньчжурии

Несмотря на противостояние двух колоний, линия демаркации между «белыми» и «красными» в Маньчжурии не была четкой. Экономическая стабильность 1920-х гг., а также неопределенность положения СССР в Маньчжурии, невозможность осуществления здесь репрессий и тотального контроля служили почвой для «мирного» сосуществования, без серьезных столкновений и конфликтов. Атмосфера «благопристойности» сохранялась и в кабинетах Управления КВЖД, и на банкетах в ресторанах, и в русских учебных заведениях Маньчжурии, где вместе работали преподаватели с советским гражданством и эмигранты. «Мы жили бок о бок, дети учились вместе в школе, мы много узнавали друг о друге. Не “враг о враге”, ненависти было не так уж много. Слишком ясно мы видели, что в противовес коммунистам местного производства, большинство москвичей относились к своей власти так же, как и мы. Но они были пленниками, мы свободными. Кроме того, мы понимали логику цифр — вся Россия бежать не могла», — писала в своих мемуарах Ю.В. Крузенштерн-Петерец [633]. При анализе содержания дневников, писем, мемуаров эмигрантов, выявлении круга их связей, обнаруживается, что эмигранты и советские граждане часто общались, играли вместе в карты, отдыхали на соседних дачах, посещали одни и те же концерты, ходили в церковь, делали визиты на пасху, отмечали совместно праздники.

Советские представители в Маньчжурии во второй половине 1920-х гг. выглядели победителями и вели себя очень уверенно, особенно на фоне неопределенного положения эмигрантов, в том числе и потому, что за их спиной была мощная материальная поддержка в виде доходов от КВЖД. Ситуация, когда советские граждане занимали ключевые посты на дороге, определяли заказы для подрядчиков, были желанными покупателями всех крупных магазинов и клиентами дорогих ресторанов, а эмигранты вынуждены были заниматься неквалифицированным и поденным трудом, отражала новую реальность, в которой все перевернулось — «красные» стали «буржуями», а «белые» — «пролетариями».

---

[632] РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 5. Д .13. Л. 2.
[633] ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 39. Кор. 4. Папка 1. Л. 89.

Это положение отражалось в образе жизни «советчиков», к услугам которых были роскошные автомобили, спецвагоны, дачи, курорты. Из развлечений они предпочитали посещения кабаре, оперы, игру в карты. В.А. Морозов замечал в своих воспоминаниях, что в карты в Харбине играли только советские «кавежедеки», проигрывая огромные суммы, немногие из эмигрантов могли рисковать [634]. Жены советских чиновников не работали в отличие от эмигранток. И.С. Ильин, работавший на вокзале в Чаньчуне и проверявший документы у проезжавших по железной дороге, не удержался от замечания при виде «госпожи Емшановой» – жены Управляющего дорогой: «Едет с парой ребят и няней по первому классу на курорт Рокотан. Типичная горничная из дома средней руки, а ведь вот – няня, курорты, первый класс!»[635].

Оказавшись в условиях «буржуазного окружения», понимая, что власть не может быть «бедной» и должна демонстрировать свое превосходство, советские чиновники меняли свой образ жизни, стиль одежды, эстетические предпочтения. «Командированные из Москвы» советские чиновники быстро «разложились» и «обуржуазились»: одели смокинги и бабочки, разъезжали на «кадиллаках» и «бьюиках», проводили время в дансингах и кафешантанах. В партийных характеристиках на «командированных из Москвы» коммунистов подчеркивались эти изменения: «Суслов, член ВКП(б) с 1918 г. Жена его появляется в людных местах на прогулке с собачкой на цепочке. Часто катается со своей супругой на рысаках»; «тов. Столин в очень короткий срок оброс костюмами, виктролой и прочим. После его депортации комитет (Северо-Маньчжурский комитет ВКП(б) — *М.К.*) вынужден был оплатить его долги в сумме свыше 500 руб.»[636]. Ю. Крузенштерн-Петерец в своих воспоминаниях писала об одной из харбинских «коммунистических жен»: «Как и все женщины, любит наряжаться, рада каждой тряпочке. С восторгом сделала себе настоящее “бальное” платье. Что в ней от Октября? Душится, делает маникюр»[637]. Жена члена Правления КВЖД Бандуры, как видно из доноса в Москву, «у всяких торговцев, перед всякой сволочью, восхищалась здешней дешевизной, “прекрасной жизнью” и вовсю хулила нашу жизнь в СССР»[638].

Культурные практики «советских бар» – особняки, прислуга, автомобили, рестораны, дома терпимости, игра в карты и т.п. – объединяли советских чиновников, командированных из Москвы, и местных «кавежедеков», принявших советское гражданство, в

[634] РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 5. Д.12. Л. 21об.
[635] РГИА. Ф. Р-6599. Оп. 1. Д. 10. Л. 21.
[636] РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 3. Д. 51. Л. 16.
[637] ГА РФ. Ф. 10143. Оп. 39. Кат. 4. Кадр. 69.
[638] РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 3. Д. 51. Л. 83.

сплоченный класс «советских буржуа» – новой «советской знати». Служащий КВЖД Д.В. Федоров в письме И.В. Сталину от 28 декабря 1930 г. замечал, что советский руководящий состав КВЖД «относится к классу буржуазии». Так, он сообщал в письме, что помощник начальника Восточного отделения службы эксплуатации Г.Л. Суббота, получавший 425 руб. в мес., имел в банке около 20 тыс. долларов[639]; письмоводитель в Правлении КВЖД Синько с зарплатой 225 руб. в мес. в одном банке располагал суммой 20 тыс. долларов, в другом – 10 тыс. руб.; крупные чиновники КВЖД Шатовский, Войтов, Данилевский, Затеплинский помимо круглых счетов в банке были обладателями собственных вилл в Корее и Японии и т.д. «Быть может, Вы не поверите моему письму и скажете, что это голословное, — продолжал Федоров, — так попробуйте их отозвать в СССР на службу. Я думаю, охотников найдется не более 3-5 человек, а остальные откажутся»[640].

«Командированные из СССР» старались использовать свое пребывание за границей не только для накопления средств, но и для обучения детей языкам, музыке, манерам. Для этого нанимались гувернантки и бонны из эмигранток, детей старались отдать в частные школы. Инженер К.И. Колодий, направленный в Маньчжурию в 1925 г., решил не отдавать своего сына в железнодорожную «советскую» школу потому, что там не преподавали закона Божьего, а дочь отправил учиться на юг Китая, в английский колледж в Тяньцзине. Дочь, окончив колледж, вышла замуж за англичанина и переехала в Гонконг[641].

Советское руководство КВЖД до 1929 г. было довольно консервативным и умеренным в своей деятельности и публичных заявлениях, т.к. сдерживалось повышенным вниманием со стороны китайских властей. К тому же русские эмигранты подчинялись китайским законам и были вне сферы влияния советской власти. По образному выражению газеты «Русский голос», «коммунистические волки» могли лишь «пощелкивать зубами»[642]. Китайские власти обязывали советских граждан получать китайский вид на жительство, выдаваемый Главным полицейским управлением ОРВП, могли применять к советским гражданам различные административные меры, вплоть до высылки из ОРВП, суда, заключения в тюрьму и т.п.

---

[639] В Северной Маньчжурии до 1934 г. в употреблении были харбинские или маньчжурские даяны, выпускаемыемые китайскими банками, которые называли местными долларами. Золотой рубль был условной единицей, бумажные советские червонцы были в полосе отчуждения, но «хождение их было затруднено». Зарплату выдавали по установленному курсу даяна к золотому рублю. Курс даяна по отношению к рублю постоянно колебался. В 1923 г. 1 руб. = 106 центов, в 1924 г. 1 руб. =107 центов, в 1926 г. 1 руб = 116 центов, в 1927 г. – 139 центов, в 1928 г. – 151 цент, в 1929 г. – 172 цента, в 1930 г. – 211 центов.

[640] РГАСПИ. Ф.613. Оп.3. Д.51. Л.29.

[641] РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 2439. Л. 229.

[642] Тенета для беженцев // Русский голос. 1924. 7 марта.

В высшей школе профессора предпочитали позицию аполитичности. Г.К. Гинс, вспоминая о своей работе на Юридическом факультете вместе с Н.В. Устряловым, подчеркивал: «Хотя мы и были антагонистами — я и Устрялов — это не мешало нам сотрудничать для определенных академических целей или общего служения. <…> Устрялов настаивал, что советский режим может восстановить престиж и силу России и поэтому мы — русские патриоты — должны поддержать его. Мой подход был основан на этической основе. Наши студенты делились — сторонники Устрялова и сторонники Гинса. Мы уважали честные убеждения и показывали пример толерантности и свободы мысли. После острых дискуссий, где мы критиковали друг друга, мы ужинали вместе как старые друзья. Каждый может ошибаться. Я не верю, что я всегда прав»[643]. Гинс также посещал вечера, устраиваемые Н.В. Устряловым (т.н. «субботники»), на которые собиралась самая разная публика без различия гражданства, где обсуждались вопросы политики, международных отношений, а также идейные течения, новинки литературы. Постоянными посетителями «устряловских суббот» до 1929 г. были его коллеги по Юридическому факультету — В.В. Энгельфельд, В.А. Рязановский, В.В. Ламанский, Н.С. Лопухин, Н.Н. Трифонов, а также служащие КВЖД Е.Е. Яшнов, Н.С. Зефиров, Г.Н. Дикий, Е.Х. Нилус, А.Х. Калина, И.С. Зарудный, Т.В. Бутов и др. Это были люди одного круга, культурного и социального уровня, приблизительно одного возраста, окончившие Санкт-Петербургский или Московский университеты, многие были знакомы по прежней жизни или по работе в Омском правительстве А.В. Колчака, и для них наличие или отсутствие советского гражданства не являлось преградой для общения[644].

Союз учителей КВЖД в 1925–1926 гг. издавал педагогический журнал «Вопросы школьной жизни», в котором печатались как «белые», так и «красные». Журнал призывал не порывать со «старой» школой, подняться над политикой и идеологией. «Школа — очаг культурности и гуманности. Ее основа — братство, действенная любовь, а не злоба и ненависть; человеческая солидарность, содружество и действенная помощь друг другу, а не вражда, мщение и корысть»[645]. Хотя большинство учителей железнодорожных школ, бывших в ведении КВЖД, стали советскими гражданами, они, как заметил зам. начальника 4 отдела ДНП в январе 1930 г., «в силу индивидуальных особенностей Харбина, впитывавшего в течение последних 12 лет всех беженцев от революции из СССР», были

[643] ГА РФ. Ф. 10143. Оп. 16. Кат. 1. Кадр 496.
[644] См. прил. 15, 26, 31, 36, 50, 51, 64, 75, 90, 100.
[645] Проблемы школьного строительства //Вопросы школьной жизни. 1925. № 1. С. 7.

«глубоко различны по своей идеологии»[646]. Во время конфликта многие из них оказались «редисками», отказались увольняться и остались работать (см. об этом ниже в п. 2.3).

Конечно, в отношениях между эмигрантами и советской колонией прагматизм играл не последнюю роль — на деньги КВЖД существовала часть населения Харбина — представители коммерческого мира, заинтересованные в заказах, сфера обслуживания. В Харбинском биржевом комитете в 1934 г. из 214 членов 58 чел. были с советским гражданством[647]. Высокое и стабильное жалованье железнодорожников служило «живой водой» для харбинской торговли. Местная советская верхушка охотно кредитовалась у местных коммерсантов, так что многие после отъезда оставили громадные долги. Эта взаимозависимость особенно стала заметна, когда в 1935 г. после продажи дороги японцам и массового отъезда советских граждан Харбин сразу опустел, большинство фирм разорилось.

К тому же в обоих лагерях «активная прослойка», нацеленная на противостояние, была небольшой. Среди советской колонии преобладали старожилы Харбина или эмигранты, взявшие советское гражданство, большинство из которых были типичными «редисками». Процент убежденных коммунистов был небольшим, среди «командированных из Москвы» было немало интеллигенции, «примкнувшей» к советской власти и решившей переждать трудные времена в спокойном Китае. Более того, приехавшие из СССР советские работники, оказавшись в Харбине, с удовольствием принимали все прелести уютного харбинского быта (см. п.1.2.4.). В.А. Морозов писал в воспоминаниях о политической инертности советской колонии: «Кавежедеки были советскими только по паспорту. Но и присланные из Союза служащие КВЖД изумительно быстро теряли свою специфическую советскую окраску, охотно общались с эмигрантами, пользовались всеми благами буржуазной жизни и в результате подвергались отозванию с КВЖД за (моральное и политическое разложение)»[648].

Советская верхушка КВЖД принимала участие во всех светских мероприятиях Харбина — банкетах, балах, обедах и т.п. Вместе с должностями прежней администрации представители СССР переняли от них не только кабинеты и квартиры, но и определенные общественные обязанности. Так, начальник коммерческой части КВЖД А.А. Неопиханов, потом М.К. Рагозин входили наряду с местными предпринимателями — миллионе-

---

[646] РГИА. Ф. 323. Оп. 6. Д. 857. Л. 68об.

[647] Отчет Харбинского биржевого комитета за 1934 год. Харбин, 1935. С. 6. В числе членов биржевого комитета были 78 эмигрантов, а также коммерсанты с литовским, польским, американским, маньчжурским, чехословацким, английским, латвийским, греческим, французским, германским, датским, австрийским, голландским, румынским, швейцарским подданством.

[648] РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 5. Д. 11. Л. 67об.

рами Кабалкиным, Соскиным, Скидельским, Ковальским, Лопато и др. в Харбинский биржевой комитет. Помощник управляющего КВЖД А.А. Эйсымонт был избран в 1927 г. командором «Яхт-клуба». Управляющий КВЖД А.И. Емшанов был почетным членом Общества изучения Маньчжурского края. Жены советских консулов и высших агентов дороги принимали активное участие в работе Харбинского благотворительного общества и занимались устройством балов для сбора средств в пользу неимущих. Правитель дел КВЖД И.О. Яцунский состоял старшиной Железнодорожного собрания, крупнейшей театральной и концертной площадкой Харбина, и «покровительствовал искусствам».

Управление КВЖД не жалело средств на привлечение в Харбин лучших коллективов Москвы и Ленинграда. Так, в архиве А.К. Глазунова, директора Ленинградской консерватории, содержится письмо к нему Правителя дел КВЖД И.О. Яцунского от 2 февраля 1926 г. с предложением приехать в Харбин и дать 8–10 концертов — т.н. «Вечера Глазунова»[649]. К сожалению, поездка Глазунова в Харбин так и не состоялась.

Харбинский симфонический оркестр в 1920-е гг. считался лучшим на Дальнем Востоке и состоял из 52 чел., «преимущественно из лиц, рекомендуемых Московским Посредрабисом»[650]. В Харбин на средства КВЖД «выписывались из СССР» музыканты, актеры, солисты под конкретные спектакли и роли, причем оклады актеров в несколько раз превышали существующие ставки в СССР [651]. В ЦГАЛИ СПб хранится переписка между заведующим Ленинградским отделом Центрпосредрабиса и представителем Харбинской оперы в Желсобе Варфоломеевым о службе ленинградских артистов в Харбине (Афромеевой, Бригиневич, Любченко, Легкова, Лазаревой, Ельциной и др.) в 1928 г. на очень выгодных условиях (КВЖД оплачивала помимо высокого гонорара проезд, паспорта, визы)[652].

Только за октябрь – декабрь 1927 г. в Железнодорожном собрании — главной культурной площадке Харбина — было поставлено 12 опер (67 спектаклей), 11 пьес (44 спектакля) и 4 музыкальных концерта (17 спектаклей), количество зрителей на всех постановках составило 35 830 чел.[653]. В спектаклях участвовали актеры и солисты, приглашенные из СССР, и местная труппа. Советский певец Е.Э. Витинг, выступавший в харбинской опере в 1928-1929 гг., проездом из Маньчжурии в Европу, дал в Риге интервью о

[649] ОР РНБ. Ф. 187. Д. 913. Л. 1.
[650] Там же. Посредрабис – посредническое бюро по найму и распределению работников искусств, устраивал гастроли советских артистов за границей, получая определенный процент с гонораров артистов.
[651] Например, в зимнем сезоне 1927/1928 гг. актеры драмы, присланные из СССР, за один спектакль получали: Домрачева – 87 зол. руб. за спектакль, Белевцова – 110 руб., Ельевич – 262 руб. за спектакль. (РГИА. Ф. 323. Оп. 3. Д. 37. Л. 132 об.).
[652] ЦГАЛИ СПб. Ф. 110. Оп. 1. Д. 157. ЛЛ. 4–17.
[653] РГИА. Ф. 323. Оп. 3. Д. 37. Л. 132.

жизни в Харбине: «Обилие денег в городе приводит к тому, что все жизнерадостны и веселы, опера, театры и балы переполнены. <…> Репертуар русской драмы, главным образом, классический. Большевики пытались ввести “революционный репертуар”, но китайские власти скоро положили этому конец»[654].

Эмигранты четко различали «чисто-советских» («советчиков», «товарищей») (в этот круг входили советские чиновники, агенты ГПУ и других спецслужб, консульские работники, профсоюзные лидеры и т.д.) от остальной массы прибывших из СССР. Эмигрантские разведывательные службы составляли специальные списки «активистов»: ответственного актива Дорпрофсожа и СПС, коммунистов в Управлении и Правлении КВЖД, «большевитствующих» на линии. Но и среди них, по мнению эмигрантов, были просто порядочные и хорошие люди. Несмотря на активную антирелигиозную пропаганду, советские граждане не упускали возможности посещать церковь, участвовали в крестинах, именинах, отпеваниях. Ходили, конечно, в церковь и на Пасху, и на Рождество. Газета «Русское слово» сообщала, что на Пасху 1929 г. даже отдаленные церкви — Кладбищенская, Затонская — были переполнены сверх меры, т.к. «многие профсоюзные безгласные и бесправные подданные, чтобы не попасть в блокнот тайных и явных профсоюзных следопытов, на пасхальную утреню отправились не в свои приходские, ближайшие храмы, а подальше»[655]. В апреле 1927 г. отдельные коммунисты, по сообщению А.В. Троицкого, были исключены из партии, а также наблюдался религиозный подъем у некоторых советских граждан[656].

З. Жемчужная, вращавшаяся в советских кругах Харбина, отмечала: «Не было неприязни между советскими гражданами и эмигрантами, они свободно общались друг с другом, но железнодорожная администрация и особенно ее “головка” держались отдельно»[657]. И советские граждане, и эмигранты танцевали одни и те же танцы, напевали одинаковые песенки, смотрели те же фильмы и спектакли. Наиболее популярными пластинками в Харбине, по данным газеты «Заря», были записи А. Вертинского, А. Кармелинского (певец в Харбине, уехавший в СССР в середине 1930-х), Ф. Шаляпина, Карузо, Веры Смирновой, Коли Ногина, Ю. Морфесси, Иды Кремер, Н. Плевицкой, М. Вавича. В числе наиболее популярных маршей, пользовавшихся особым спросом в магазинах, были «Коль славен наш Господь в Сионе», «Под двуглавым орлом», «Интернационал»[658].

---

[654] ГА РФ. Ф. 5758. Оп. 1. Д. 2. Л. 32.
[655] Русское слово. 1929. 8 мая. С. 3.
[656] ГА РФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 142. ЛЛ. 8-9.
[657] *Жемчужная З.* Указ. соч. С. 184.
[658] Фоно-кумиры Харбина // Заря. 1931. 2 февр. С. 7.

Также небольшим был процент «непримиримых» среди эмигрантов. Активный антикоммунист Н.А. Мартынов в своих воспоминаниях признавался, что таких людей — «исключительно жертвенно, бескомпромиссно настроенных к совбольшевизму» — было немного, причем они и сами понимали всю тщетность своих усилий, считали активную борьбу «своеобразным самоубийством», а главной «движущей силой» таких людей была принципиальность и верность себе. Эмигранты считали их идеалистами, понимая, что вооруженная борьба с большевиками нереальна, все возможности были уже исчерпаны, и необходимо было сосредоточиться на выживании. С.Г. Скиталец, отмечая в 1934 г., что в Харбине немного подписчиков на эмигрантскую газету «Русское слово», наиболее принципиально отстаивавшую антибольшевистскую позицию, писал: «Это явление служит признаком, что непримиримой, воинствующей эмиграции количественно немного, а низкое качество ее известно. Широкие массы эмиграции давно уже изверились в призывах “непримиримых” и предпочитают мирную, обывательскую позицию. Этим, в свою очередь, объясняется живучесть в Харбине уличной, желтой прессы»[659].

Большая часть как советской, так и эмигрантской колоний не желала касаться политики, дистанцировалась как от убежденных коммунистов, так и «непримиримых» эмигрантов. Эмигрантское и советское сообщества Харбина унаследовали недостатки и противоречия русской дореволюционной жизни. В обществе процветали сплетни, интриги, угодничество и пресмыкательство перед «властями предержащими». К тому же война, революция, социальное напряжение в обществе подорвали нравственные и религиозные основы русской жизни. Стирались грани дозволенного и недозволенного, отчаяние, страх, неуверенность, нужда порождали непривлекательные стороны эмигрантского существования. Среди русских эмигрантов появилось много авантюристов, которые устраивались советниками китайцев, натравливали их на советские организации, чтобы «сорвать куш», т.к. после обысков, арестов, закрытия профсоюзов советских граждан вынуждали откупаться. Понятия порядочности и репутации размывались.

Поведение многих как «старосоветских», так и «новосоветских» граждан также не отличалось моральной устойчивостью. Многие из старожилов, занимавшихся контрабандой, валютными операциями, брали советское гражданство для свободного пересечения границы в 1920-е гг. По сведениям Н.А. Мартынова, советские агенты спецслужб всегда держали контакт с опиеторговцами, и, когда нужно, даже помогали. Через вагоны-рестораны, арендаторами которых были «новосоветские» граждане, провозили не только

[659] *Скиталец С.Г.* Эмигрантская литература [1934]. (РГАЛИ. Ф. 484. Оп. 2. Д. 49. Л. 27).

опиум, но и коммунистическую литературу, оружие, валюту, доставляли драгоценности. Этот факт подтверждает исследователь истории спецслужб М. Алексеев, который, описывая контрабандную торговлю Харбина, замечал, что из СССР в Маньчжурию контрабандным путем ввозились золото, драгоценности, меха, предметы искусства, конфискованные советским правительством и направленные через Маньчжурию на иностранные рынки. Их провозом ведали люди, часто служившие паровозной и вагонной прислугой, арендаторами вагонов-ресторанов, буфетчиками. Почти все они «зачастую против своего желания» были связаны с различными советскими организациями, включая Далькрайком, СКК ВКП(б), ОГПУ и т.д. [660].

Большинство членов русской колонии в Маньчжурии не хотели связывать себя принадлежностью к тому или иному лагерю, избегали четких границ и определений, не хотели быть «белыми» или «красными». В основном это были старожилы Харбина, которые были далеки от событий 1917–1920 гг. и менее болезненно воспринимали советскую власть. Они не считали себя эмигрантами, большая их часть спокойно приняла советское гражданство, не считая это предательством. Эти люди были далеки от политики и, по словам одного советского публициста, «думали и заботились лишь о своем материальном благополучии и одинаково сжились бы с любой властью, лишь бы оставляли их в покое»[661]. Можно назвать эту часть русской колонии реалистами или прагматиками, для которых компромисс был условием выживания. Степень их лояльности советской власти была различной. Сами харбинцы называли их иногда «полусоветские» и отличали их от «чисто-советских».

В то же время «чисто-советские», т.е. командированные из СССР, часто с подозрением относились к «полусоветским» гражданам, не признавая за «своих». Для них они были «местные русские», «харбинцы», от них старались держаться особняком, замкнуто и изолированно. «Новые советские» харбинцы тоже порой не могли переступить черту, разделявшую их с «товарищами». «Они мне были чужды, — писала М. Зарудная-Фриман, преподававшая в вечерней школе для советских рабочих в Харбине, — а чем, я даже не могла бы объяснить. И по внешности, и по манерам, и даже по языку я отличалась от них»[662].

И наоборот, эмигранты продолжали поддерживать отношения с «полусоветскими» гражданами. Журналист и писатель Вс. Н. Иванов, принадлежавший к эмигрантскому ла-

---

[660] *Алексеев М.* Указ. соч. С. 128.
[661] *Киржниц А.* У порога китая. М., 1924. С. 8.
[662] *Зарудная-Фриман М.* Указ. соч. С.252.

герю, общался с разными людьми, в том числе и из советской колонии. Когда умер журналист О. Шейнфельд, работавший в просоветской газете «Новости жизни», Вс. Иванов, который часто с ним выпивал и беседовал, называл «журналистом Божьей милостью», откликнулся в газете «Гун-бао» статьей-некрологом «Ветка белой акации»: «Сегодня его потащат в красном гробу, демонстрируя по улицам принадлежность к известной политической партии. Что ж, господа, делать! Ведь это — значительно облегчает расходы.<… >А у ворот еврейского кладбища … его встретят, переложат в новый, правильный гроб, и отпоют надрывной священной древней песнью народа-скитальца»[663].

Когда в Харбине в июле 1930 г. умер журналист и поэт Л.Е. Ещин, бывший офицер, каппелевец, имевший советское гражданство и работавший в просоветских газетах, его похоронили «по-советски», в красном гробу, хотя он был глубоко религиозным человеком. После чего В. А. Ивашкевич, работавшая на КВЖД, тоже гражданка СССР[664], поставила на могиле поэта вместо кола крест и отслужила панихиду[665], а известный поэт, эмигрант А. Несмелов посвятил ему трогательную статью «Памяти Ещина»[666].

Н.А. Мартынов, работая в середине 1920-х гг. билетером в автобусе, принадлежавшем эмигрантке В.И. Тукеркес, неоднократно беседовал с ее сводным братом, К.Б. Полыновым — известным востоковедом, который в 1927– 1928 гг. работал в генеральном консульстве СССР в Харбине как консультант по Японии[667]. Мартынов с большой симпатией описывал Полынова: «Был выше среднего роста, приятное, хорошее лицо, приятная улыбка, мягкий голос, приятный в обращении человек, но строгий, по натуре исполнительный. <…>Происходившее в СССР считал закономерным (лес рубят — щепки летят).<…> Был все же *русским человеком* и на каждое антирусское слово реагировал четко и беспощадно. Считал, что у Японии большое будущее, и задача СССР — наладить хорошие отношения с Японией и т.о. обеспечить себе хорошую оборону от европейских демократий, которые “спят и видят”, как бы ликвидировать мощь *единой Российской империи* (курсив мой — *М.К.*), создав из нее несколько республик, каждую в отдельности взять под свой политический контроль»[668].

---

[663] Гун-бао. 1929. 4 января. С. 2.
[664] См. прил. 34.
[665] Об этом сообщал в своем дневнике И.С. Ильин (ГА РФ. Ф. Р-6599. Оп. 1. Д.10. Л.142.
[666] См.: Понедельник (Шанхай). 1930. №1.
[667] Мартынов в своих воспоминаниях сообщал историю К.Б. Полынова: в 1905 г. он был в инженерной дистанции г. Читы, примкнул к революционному движению, образовал Читинскую республику, после бежал в Японию, где начал с торговли шпротами. Работал разнорабочим, изучал японский язык и вообще Японию, попутно и японскую армию. Из Японии связался с Лениным, уехал к нему в Швейцарию (японцы поддерживали Полынова материально за его обзоры о России). В Харбине он работал при консульстве СССР и в Пекине, как советник по экономическим и промышленным делам Японии и Китая.
[668] Мартынов Н.А. Воспоминания (Collection of N.A. Martynov. Box #1. BAR).

Оба лагеря — советский и эмигрантский — были гораздо ближе, чем казалось. Ведь именно там, где отступали «белые» и «красные» сущности, обнажались особенности общего «русского» менталитета. Интересно, что позже в воспоминаниях и эмигранты, и советские граждане идентифицировали себя в первую очередь как «харбинцы», чувство общей судьбы в условиях изоляции в чужой стране было выше идеологических различий[669] .

Когда одного обрусевшего китайца, жившего еще в дореволюционной России, спросили в Маньчжурии, что он думает о командированных из СССР, тот, подумав, заявил: «Какие-то другие, странноватые, но все же… русские»[670]. Для эмигрантов СССР все равно оставался Россией, и они не могли не волноваться и не переживать за все происходившее в стране. Особенно остро общая русская идентичность ощущалась во время конфликтов с китайцами и японцами, когда «красные» становились для эмигрантов «нашими». Эмигрант И.С. Ильин оставил запись в дневнике после победы ОДВА в советско-китайском конфликте в 1929 г.: «И вот странное ощущение: с одной стороны, радуешься, что красные не добрались до Харбина, с другой, как приятно, что китайцы побеждены русскими, и что “мы”, т.е. все русские, как бы участники этого!»[671]. Здесь Ильин замечал: «Видеть всю эту советскую мерзость — отвратительно, но сознавать, что вышли победителями Россия, русские, а не китайцы — прекрасно!»[672].

Поэтому в советских представителях эмигранты находили знакомые черты, и даже несколько были разочарованы тем, что они такие же люди, как все, а не ужасные злодеи – «чекисты с руками по локоть в крови», какими рисовала их эмигрантская пресса[673]. Например, поведение «командированных из Москвы» партийных работников «первой волны» — кутежи, пьянки, драки — эмигрант Н.А. Мартынов вспоминал с симпатией, как признак широты русской натуры. Мартынову импонировало поведение первого Управляющего КВЖД А.Н. Иванова – «советского барина», любившего погулять, проявляюще-

---

[669] См. об этом: *Merritt S.* «Матушка Россия, прими своих детей!» - Archival Materials on the Stalinist Repression of the Soviet Kharbintsy // Россияне в Азии. 1998. № 5. С. 206.
[670] *Шиляев Е.П.* Моя служба на КЧжд. //Россияне в Азии (Торонто). 2000. № 7. С. 200.
[671] Там же. Л.99. Запись от 28 ноября 1929 г.
[672] Там же. Л.125. 19 января 1930 г.
[673] Так, об Управляющем дорогой А.Н. Иванове ходили слухи, что его настоящая фамилия Мицикуй, что он латыш, служил в ЧК, был специалистом по «выжиганию глаз папироской у пытаемых в Чека», а правитель дел И.О. Яцунский в действительности Алексей Петрович Покровский, костромич, чекист, был специалистом по «сниманию перчаток с пытаемых» (опускание кистей рук в кипящую воду). О товарище председателя Правления КВЖД М.М. Лашевиче эмигрантская пресса писала как о «железном человеке»: якобы, когда у него в России умер первый ребенок, он вернул жену к жизни тем, что принес ей стакан с ядом – «или умирай, или живи для революции». (ГА РФ. Ф. 10143. Оп. 39. Кат. 4. Кадр 66).

го «озорную в пьяном виде бесшабашность», бывавшего щедрым, особенно «во хмелю» и не всегда считавшегося с «теми или иными претензиями профсоюза» [674].

Одной из общих черт и «белого», и «красного» лагерей была беспринципность и прагматизм большинства представителей. И с той, и с другой стороны неслись обвинения в преобладании «личных материальных интересов» над «общественными». Эмигрантский лагерь был возмущен той массовостью, с которой бывшие враги советской власти брали советское гражданство, «когда из опасения потерять кусок хлеба … подданство больше всего оценивалось со стороны житейской выгоды и удобства»[675]. Тип приспособленца, способного устроиться при любой власти и строе, был весьма популярен в Харбине и высмеян в стихотворении И.И. Вонсовича «Трансформирующийся тип. Харбинское», когда герой из надменного начальника-барина согласно велениям времени превращался в скромного демократа: «Обронит фразу резкую / О строе при царях / И хвалит власть советскую / За твердость и размах … Не зря сей тип старается / Под видом смены вех. / Лакейство поощряется, / И ждет его успех»[676].

Материалы проверки «о недостатках в работе партийных, советских и хозяйственных организаций в Северной Маньчжурии» 1930 и 1931 гг. полны любопытных сюжетов о жизни советской верхушки в Маньчжурии и их тесных отношениях с эмигрантами. Один из них касался Управляющего КВЖД (1926–1929) А.И. Емшанова и его личного шофера М.Я. Акишина. Емшанов после советско-китайского конфликта 1929 г. занимал должность тов. председателя Правления КВЖД, и по результатам проверки был обвинен в «разложении», причем сам он утверждал, что «коммунист в Харбине должен вести такой же образ жизни, как буржуа, проводить время в кабаках и на банкетах, побольше ходить по злачным местам, не стесняться пьянствовать и т.п.»[677]. Особенно коммунистов и даже беспартийных рабочих раздражал тот факт, что шофером у Емшанова был «фашист и белогвардеец» М. Акишин, получивший советское гражданство только благодаря «энергичному содействию» Емшанова. Из личного дела М.Я. Акишина (1901 г.р.) можно узнать, что он был выходцем из крестьян Тульской губернии, православным, окончил 5 классов Московского технического училища, был солдатом 1-й Заамурской железнодорожной роты в Харбине, а с 1922 г. стал шофером гаража Управления КВЖД. В 1924–1926 гг. он был личным шофером А.Н. Иванова — первого советского Управляющего КВЖД, а затем

---

[674] Мартынов Н.А. Воспоминания (Collection of N.A. Martynov. Box #1. BAR).
[675] *Кузнецов С.В.* К педагогам //Однодневная студенческая газета «К свету» (Харбин). 1926. Октябрь. №1.
[676] *Вонсович И.И.* Трансформирующийся тип. Харбинское. // Вонсович И.И. Покуривая трубку … Рифмованный блокнот. Харбин, 1930.
[677] РГАСПИ. Ф.613. Оп.3.Д.51. Л.4.

Емшанова (управлял «кадиллаком»), причем жил он во флигеле особняка Управляющего дорогой и сопровождал его в поездках в Москву, т.е. был человеком, довольно близким Емшанову[678].

Основной претензией к шоферу Управляющего КВЖД со стороны «товарищей» было его «вызывающее поведение», порочащее звание гражданина СССР. Во время советско-китайского конфликта на КВЖД, когда все советское руководство выехало в Москву, а остальным советским служащим было предложено самоуволиться, Акишин отказался: «Дураков нет с такого хорошего места увольняться». Более того, он выступал с провокационными речами о том, что «Советская Россия — это страна голодных и нищих, что там ничего нет, что там все, что принадлежит человеку и так необходимо ему, попрано кучкой воров и каторжан, возглавляющих Правительство СССР, и что эта кучка все народные достижения распродает иностранцам, а своих граждан держит в нищете и голоде»[679]. В материалах партийной проверки содержатся записи разговоров Акишина (со слов его сослуживцев – граждан СССР), дискредитировавших высшее руководство КВЖД и, в частности, Управляющего дорогой А.И. Емшанова. Но Емшанов отказался уволить Акишина, мотивируя это тем, что шофер был преданный ему лично человек, а его «*политические убеждения не могут иметь значения*» (курсив мой — *М.К.*), к тому же другой шофер «будет следить за тем, где тов. Емшанов бывает, что делает»[680]. Сам Емшанов признался, что «ему больше оставаться в Харбине нельзя, надо его отозвать, а то плохо случится». Его просьбу удовлетворили — в июне 1931 г. Емшанов и Акишин выехали в СССР. Этот сюжет сообщает о непростых отношениях между коммунистами из СССР и эмигрантами, о существовавшей дистанции между официальной идеологией и реальной жизнью, о человеческих слабостях и привязанностях, которые были сильнее партийности и идеологии.

Известны были случаи «невозвращенства» коммунистов, направленных на работу в Маньчжурию[681]. Так, например, председатель «Дальугля» и секретарь партколлектива Торгпредства Пученко в 1929 г. решил не возвращаться в Союз. Этот экстраординарный случай рассматривался на заседании Северо-Маньчжурского комитета ВКП(б), где выяс-

---

[678] РГИА. Ф.323. Оп.9. Д.60 Л.1–23.
[679] РГАСПИ. Ф.613. Оп.3. Д.51. Л.6.
[680] Там же. Л.4.
[681] 21ноября 1929г. было принято постановление Президиума ЦИК СССР об объявлении вне закона должностных лиц – граждан Союза ССР заграницей, «перебежавших в лагерь врагов рабочего класса и крестьянства и отказывающихся вернуться в Союз ССР». По этому постановлению, отказ гражданина СССР на предложение органов государственной власти вернуться в пределы СССР рассматривался как «перебежка в лагерь врагов рабочего класса и крестьянства» и квалифицировался как измена. Такие лица объявлялись вне закона, что влекло за собой конфискацию всего имущества осужденного и расстрел. // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства СССР. 1929. 31 дек. № 76. Ст. 732.

нилось, что ситуация в коллективе Торгпредства — «колебания и отход от партии неустойчивых и оппортунистических элементов» — была вызвана рядом «специфических обстоятельств», а именно особенностями жизни в Северной Маньчжурии. Такими особенностями были: во-первых, «сохранение среди русских и по настоящее время традиций от их империалистического господства в прошлом»; во-вторых, «наличие КВЖД, крупнейшего в крае предприятия, дающего ряд преимуществ и льгот советскому и русскому населению Северной Маньчжурии»; и, в-третьих, «существование огромной белоэмигрантской колонии, связанной с советской частью населения Северной Маньчжурии *тысячами нитей и постоянно воздействующей на нее*»[682]. Таким образом, признавалось воздействие эмигрантского лагеря на советскую колонию и общие черты, объединяющие оба лагеря.

Можно сказать, что дихотомия «красные» — «белые» в Маньчжурии в 1920-х гг. при ближайшем рассмотрении оказывалась весьма условной. Образ «другого» был необходим при формировании идентичностей расколотого после революции общества. Но границы между двумя лагерями — эмигрантским и советским — не были четкими, они размывались под воздействием многих факторов — не только политических, экономических и социальных. Исследование формирования идентичности «красных» и «белых» в Харбине в 1920-е гг. отражает изменения, происшедшие в российском обществе в XX в. Разделение русской колонии на два враждебных лагеря привело к формированию новых культурных идентичностей, которые, однако, отталкиваясь друг от друга, были продолжением друг друга.

2.3. Советские граждане и русские эмигранты в советско-китайском конфликте на КВЖД 1929 года

2.3.1. Провал советской стратегии увольнений со службы во время конфликта

Советско-китайский конфликт на КВЖД 1929 г. — одна из сложных и неоднозначных страниц советско-китайских отношений. Военная и политическая стороны конфликта достаточно хорошо освещены в исторической литературе[683], однако за рамками иссле-

---

[682] Из резолюции заседания СМК ВКП(б) от 5 марта 1931 г. РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 3. Д. 51. Л. 47. Пученко затем перебрался, как и многие, в Шанхай, как писали газеты, «с немалыми деньгами», но в 1931 г. вернулся в Харбин в поисках работы. См. об этом: Рупор (Харбин). 1931. 1 сент. № 235. С. 5.

[683] См. об этом: *Аблова Н.Е.* Указ. соч. С.198–228; *Мелихов Г.В.* Указ. соч. С. 161–184; *Сон До Чжин*. Советско-китайский дипломатический конфликт вокруг КВЖД (1917–1931 гг.). Автореферат … к.и.н. М., 1996.

дований осталось поведение советских граждан и эмигрантов во время конфликта. Между тем конфликт на КВЖД ускорил размежевание советской и эмигрантской колоний, заставил пересмотреть советскую политику на КВЖД.

В различных исследованиях по истории советско-китайского конфликта 1929 г. закрепились представления о том, что большинство советских граждан в начале конфликта были уволены китайской администрацией, уволились сами с КВЖД или были арестованы китайскими властями, а их места заняли китайцы и русские эмигранты. Однако анализ списка уволенных и «самоуволившихся» советских граждан, личных дел бывших работников КВЖД приводит к выводу о том, что далеко не все служащие КВЖД, принявшие советское гражданство, остались лояльны советской администрации КВЖД, а участие русских эмигрантов в работе дороги во время конфликта было минимальным. Многие факты нуждаются в уточнении и очищении от идеологической предвзятости.

Конфликт начался 10 июля 1929 г., когда в 7 часов утра китайская полиция заняла центральный телеграф КВЖД, произвела обыски, арестовала ряд советских служащих. Всем арестованным служащим КВЖД (59 чел.) было официально объявлено о высылке в СССР. Представительства Нефтесиндиката, Дальгосторга, Совторгфлота и других советских учреждений в Харбине были закрыты. Управляющий дорогой А.И. Емшанов и его помощник А.А. Эйсымонт были отстранены 11 июля 1929 г. от своих обязанностей дубанем (председателем Правления) дороги Люй Жунхуанем и заменены китайскими гражданами. Правление КВЖД в этот период работало в составе только китайских членов. Временно исполняющим делами (врид) Управляющего дорогой стал Фань Цигуань, член Правления КВЖД, инженер, окончивший институт инженеров путей сообщения в Петербурге.

11 июля 1929 г. в приказе № 2 по КВЖД Фань Цигуань объявил об увольнении начальников основных служб, граждан СССР Е.Н. Войтова, А.Х. Калины, Р.С. Иванова, А.А. Неопиханова, Н.А. Пекарского и А.А. Затеплинского. На их места «временно, впредь до решения Правления КВЖД» и в «порядке проведения паритета» были назначены китайские подданные В.Н. Калабановский, Као Дуан, Ся Джун-и, Лю Хуа-у, Ши Сюань[684]. Л.М. Карахан в ноте от 13 июля 1929 г. заявил: «Начальники службы тяги, движения и другие лица по приказу дубаня были отстранены и заменены, главным образом, русскими белогвардейцами»[685]. Потом эта фраза неоднократно будет повторена прессой и в многочисленных брошюрах о событиях на КВЖД. Это было далеко от истины

[684]РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 2091. ЛЛ. 1–1об.
[685] Советско-китайский конфликт 1929 г. Сборник документов. М, 1930. С. 24.

— только инженер В.Н. Калабановский — начальник технического отдела Правления КВЖД, старослужащий — был эмигрантом с китайским гражданством, но никогда не был белогвардейцем. Но истина вряд ли интересовала советских дипломатов. К сожалению, и в дальнейшем слухи, домыслы, непроверенная информация стали основными источниками информации о конфликте.

В ноте поверенного в делах Китайской республики в Москве Ся Вэйцзюна на имя Л.М. Карахана 17 июля объяснялись причины арестов и высылки советских граждан: «В целях устранить противодействующую пропаганду и поддержать необходимый общественный порядок и спокойствие»[686] . 17 июля 1929 г. в ответной ноте Карахана было объявлено, что следует «отозвать всех лиц, назначенных советским правительством на КВЖД с китайской территории» в связи с разрывом отношений с Китаем. Надлежало покинуть Харбин всем консульским служащим, высшему управлению советской части КВЖД, и прекратить всякую железнодорожную связь между Китаем и СССР[687]. Маньчжурию должны были покинуть около 80 сотрудников с семьями — все советские члены и служащие Правления КВЖД и Ревизионного комитета, а также все дипломатические работники в Маньчжурии. Защиту интересов советских граждан в Китае и китайских граждан в СССР взяло на себя Германское правительство.

После разрыва дипломатических отношений с Китаем, агентам дороги было предписано уволиться со службы. Судя по спискам служащих и рабочих КВЖД, депортированных и по собственному желанию выехавших в СССР, большинство высших агентов дороги, командированных из СССР, в этот период уволились по собственному желанию и выехали из Маньчжурии[688]. К 20-м числам июля 1929 г. из Управления дороги уволились секретарь Н.Г. Хорьков, инженер для поручений В.Н. Алфимов, агенты для поручений В.С. Шуб, А.Б. Пылинский, В.П. Киселев, пом. начальника службы общих дел Н.В. Кудряшев и др. Н.В. Устрялов был уволен 15 июля 1929 г., т.к. Центральная библиотека КВЖД была передана в ведение ДНП без описи книг. По словам директора библиотеки Н.В. Устрялова, в библиотеку был введен наряд полиции, и, «подчиняясь силе, я вынужден был это сделать»[689].

Но не все высшие и старшие агенты, граждане СССР, уволились со службы на КВЖД. Большая часть из них осталась работать. Например, на место депортированного в СССР начальника службы общих дел В.П. Князева был перемещен начальник отдела

---

[686] Там же. С. 31.
[687] Там же. С. 33.
[688] РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 6287. ЛЛ. 3–73.
[689] Рапорт Н.В. Устрялова от 1 января 1930 г. (РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 861. Л. 89).

происшествий гражданин СССР Н.Н. Афанасенко, работавший на КВЖД с 1922 г.; место начальника службы пути Е.Н. Хилькевича, командированного из СССР, 22 июля занял гражданин СССР В.И. Александров, бывший начальник службы пути, уволенный по болезни в 1927 г.; вместо начальника службы сборов М.У. Ильинского был назначен заведующий отделом судоходства гражданин СССР К.К. Луневский, место и.о. нач. Пенсионного отдела А.А. Соколова занял также гражданин СССР А.В. Савицкий.

18 июля после разрыва дипломатических отношений было опубликовано обращение Главноначальствующего ОРВП Чжан Цзинькуя и Дубаня КВЖД Люй Жунхуаня к населению с призывом «спокойно относиться к своим занятиям, выполнять распоряжения властей»[690]. Таким образом, все последующие аресты советских граждан были связаны с нарушением приказов и установлений новой администрации. Редактор «Русского слова», эмигрант А.И. Коробов выступил через газету с призывом к совподданным, взявшим гражданство «по нужде»: « Сохраняйте спокойствие, не поддавайтесь на провокацию агентов Коминтерна, гоните их прочь от себя и оберегайте дело, к которому вы приставлены!»[691]. 20 и 22 июля 1929 г. последовали циркуляры Управляющего дорогой об увольнении с дороги за отказ от исполнения служебных обязанностей. Причинами увольнений были «отказ от несения службы», «манкирование службой», неявка на службу и т.п.[692].

Большинство приказов об увольнении были оформлены только через месяц после невыхода на работу сотрудников. Так, в приказе по личному составу № 103 от 21 августа 1929 г. об увольнении 137-ми служащих и рабочих типографии КВЖД было указано, что они увольняются от службы на дороге с 22 июля за «отказ от несения служебных обязанностей»[693]. Согласно приказу по КВЖД № 126 от 6 сентября 1929 г., 403 преподавателя и служащих школ, подавших прошения об увольнении, несмотря на приказ ДНП продолжать работу, были уволены от службы на дороге с 1 августа 1929 г.[694]. Правление КВЖД предписало 7 августа временно производить расчеты с уволенными служащими только в отношении собственных взносов в сберегательно-вспомогательную кассу, не выплачивая заштатного пособия, а 17 августа во время пика массового самоувольнения служащих

---

690 Гун-бао. 1929. 18 июля. Экстренный выпуск.
691 Русское слово. 1929. 20 июля. С. 4.
692 РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 4921. Л. 94.
693 РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 5682. Л. 8–11.
694 РГИА. Ф. 323. Оп. 5. Д. 1239. Л. 18.

приняло решение приостановить выплату собственных взносов, объясняя это тем, что служащие нарушили соглашение, самовольно уйдя с дороги[695].

Дорпрофсож объявил кампанию по самоувольнению служащих и рабочих КВЖД с установкой к «максимальному проведению самоувольнений», рассчитывая на то, что дорога не справится с работой, если советские служащие и рабочие оставят работу[696]. По данным агентов китайской полиции, существовало распоряжение СПС об общей забастовке, назначенной на 11 августа[697]. Действительно, если проследить динамику увольнений, то пик увольнений граждан СССР приходился на август: если к концу июля на дороге работало 9 559 граждан СССР, то в августе — 8 446 чел.[698]. Среди работавших служащих КВЖД была развернута активная агитация с целью «склонить последних к подаче прошений об увольнении от службы и тем самым провести забастовку на дороге по указанию СССР»[699].

Часть советских граждан подчинилась указаниям «сверху» и уволилась с работы на дороге. По данным Дорпрофсожа на 1 июля 1929 г. в профсоюзе КВЖД было 12 460 членов (т.е. практически все советские граждане, работавшие на КВЖД). Из них во время конфликта 262 чел. было депортировано в СССР, 183 чел. выехали добровольно, самоувольнились 2 931 чел., были уволены администрацией —1 062 чел.[700]. По данным Пенсионного отдела КВЖД, за время конфликта с 10 июля по 31 декабря 1929 г. было уволено в административном порядке 1 730 чел.; самоуволившихся насчитывалось 1 689 чел., по болезни — 120 чел., по разным причинам — 995 чел.[701]. Согласно списку служащих КВЖД по состоянию на 10 июля и 1 декабря 1929 г. (без Правления дороги, Ревизионного комитета, Контроля дороги, школ и железнодорожной полиции) на 11 июля 1929 г. на дороге насчитывалось 11 059 советских граждан, а к 1 декабря 1929 г. их осталось 8 234 чел., уволилось или были уволены 2825 чел. В любом случае, данные исследователей о шести и

---

[695] РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 380. Л. 87об.
[696] РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 3. Д. 51. Л. 9.
[697] Сводка о событиях во время конфликта Китая с СССР. (ГАРФ. Ф. 6081. Оп.1. Д. 146.Л. 287). 11 августа стало, т.о., своеобразным водоразделом для советских граждан — те, кто остался работать, окончательно признавались нелояльными советскому руководству. По сведениям эмигрантской агентуры, 21 сентября к советским чиновникам в германском консульстве обратились 2 гражданина СССР с просьбой о пролонгировании совзагранвида, после чего представленные к обмену паспорта разрезали тут же пополам ножницами, заявив «раз кто не ушел с дороги после 11-го (августа — *М.К.*), тот не может считаться гражданином СССР» (Там же. Л. 309об).
[698] РГИА. Ф. 323. Оп. 5. Д. 1243. Л. 11об.
[699] РГИА. Ф. 323. Оп. 6. Д. 873. Переписка уголовно-розыскного отделения с разными службами о неблагонадежности рабочих и служащих. 1929 г. Л. 60.
[700] Отчет Дорпрофсожа за 1-й квартал 1930 г. (РГИА. Ф. 323. Оп. 3. Д. 42. Л. 2об). Здесь же приведены данные о состоянии проф. организации после конфликта – на учет взято только 3538 членов (28,4% от доконфликтного количества). Союзный актив также сократился с 2414 чел. до 559.
[701] РГИА. Ф. 323. Оп. 11. Д. 440. Л. 182.

даже восьми тысячах человек советских граждан, уволившихся с дороги, выглядят завышенными[702]. Больше всего советских граждан (около половины всего состава) уволилось из Управления дороги, службы общих дел и из службы тяги. Например, из Главных мастерских КВЖД в Харбине из 963 граждан СССР осталось работать только 367[703].

По утверждению китайской полиции, многие служащие — граждане СССР увольнялись под давлением профсоюзов, под угрозами лишения советского гражданства и увольнения со службы после возвращения советской власти на дорогу. Делопроизводитель коммерческой службы КВЖД А.А. Митаревский[704], как и большинство его сослуживцев, продолжал работать. 4 августа 1929 г. он даже подал ходатайство о предоставлении ему квартиры, но уже через 4 дня, 8 августа 1929 г., написал заявление на имя начальника коммерческой службы: «Ввиду моего нервного состояния и невозможности производительно работать прошу освободить меня от занимаемой должности»[705]. Позже, в анкете БРЭМа в 1936 г. он указал на причины увольнения во время советско-китайского конфликта: «Вынужден был уволиться со службы в виду того, что семья моя находилась в СССР, и мой неуход со службы мог бы вредно отразиться на ее положении»[706].

Среди полицейских рапортов в фонде 323 РГИА находятся и советские агитационные материалы, например, листовки с надписями типа «Штрейкбрехер, одумайся!», расклеиваемые на рабочих местах, образцы анонимных писем с угрозами, которые посылались служащим КВЖД, продолжавшим работать [707]. Советские служащие, оставшиеся работать на дороге после 11 августа 1929 г., считались «врагами советской власти» и становились объектами террора со стороны отмольцев. Многие из отмольцев были арестованы, среди выдвинутых им полицией обвинений встречались расклеивание антиправительственных прокламаций, распространение нелегальной газеты «Харбинская правда» и сводок хабаровского радио, напечатанных на машинке, порча телеграфных и телефонных проводов, водопроводов, вредительство (крушение поездов, поджоги), покушения на убийство и убийства (см. об этом п. 2.3.2) .

Несмотря на угрозы и агитацию, более 60 % советских граждан продолжали работать на своих должностях. Среди старших агентов остались на службе граждане СССР:

---

[702] *Аблажей Н.Н.* Указ. соч. С. 89. *Яхимович С.Ю.* Советские граждане в Северной Маньчжурии во время вооруженного конфликта на КВЖД (1929 год) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2011. №1(29). С.125. «Амурская правда» писала о том, что свыше 2/3 сов граждан бросило работу на КВЖД. (Амурская правда (Благовещенск). 1929. 18 авг. № 187. С.1).
[703] РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 6277. Л. 374 об.
[704] См. прил. 60.
[705] РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 3502. ЛЛ. 65, 67.
[706] ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 31020. Л. 7.
[707] РГИА. Ф. 323. Оп. 6. Д. 873. ЛЛ. 122, 162.

пом. главного бухгалтера В.Б. Кукель-Краевский, врио начальника материальной службы В.Е. Поппель, зав. ветеринарно-санитарным отделом КВЖД А.С. Мещерский, и.о. начальника земельного отдела М.К. Гордеев, начальник технической части В.Ф. Лавров, начальник паровозной части И.В. Семанов, начальник вагонной части В.А. Власов, начальник тепловой части И.Н. Балуев, инженеры Д.Н. Хлобощин, Н.А. Афанасьев, В.Н. Матвеев, И.М. Донец, В.Ф. Соколов, А.Н. Вертячих, М.П. Извеков; переводчики А.Г. Скерст, А.И. Галич, преподаватель Е.Х. Нилус, юрисконсульты В.Б. Разумовский, И.И. Щербаков, Игнатьев и др.; начальники участков службы пути В.А. Смирнов, А.В. Скворцов, Г.М. Шимкин, Г.И. Бочаров, В.Н. Чертогоров и др.; начальники станций КВЖД С.С. Гаврилюк, А.И. Сидоренко, А.Т. Пымник, Г.Т. Салабай, И.М. Заржицкий, П.П. Демидов, П.Н. Китаев, Н.Г. Волощик, Н.Н. Любостанский, Д.Я. Тарковский, А.Я. Пекарский, А.В. Щитов, Г.М. Козырев, А.П. Левартовский, Д.С. Лобан, И.С. Зубарев, П.И. Бандурко, Ф.М. Осмоловец, В.А. Медвецкий-Недзвецкий, А.И. Александров, Б.Е. Гундризер, Д.К. Сенаторов, Ф.А. Василюк, Ф.Г. Вермеюк, Н.Е. Лагунов, В.П. Козловский[708].

Остались работать практически все агенты экономического бюро КВЖД, граждане СССР В.И. Сурин, Е.Е. Яшнов, В.Г. Ласкин, А.И. Горшенин, М.Н. Ершов, Л.И. Любимов, Н.С. Зефиров, Т.В. Бутов, В.А. Кормазов, а также агенты коммерческой части, советские граждане: известный археолог В.Я. Толмачев, В.И. Денисов, М.С. Доброхотов, П.М. Меньшиков, Н.С. Лопухин. Профессор М.Н. Ершов, гражданин СССР, из временных агентов Коммерческой части был перемещен в штатные. Т.о. из 349 штатных служащих коммерческой службы, советских граждан, остались работать 257[709]. Продолжали работать во время конфликта почти все работники отдела здравоохранения, граждане СССР, в т.ч. врачи М.С. Волобринский, А.А. Жемчужный, А.И. Сунгуров, Л.Л. Гинцтон, М.К. Подъячев, М.Н. Кобалиани, Н.Г. Коренев, К.В. Завадский, П.К. Файницкий, В.П. Пуштор-ский и др.[710].

То, что большинство советских граждан остались работать, продемонстрировав, таким образом, лояльность китайской администрации, расценивалось эмигрантами, как подтверждение условности советского гражданства. Когда известный адвокат, эмигрант и монархист, В.Ф. Иванов взялся защищать уволенного начальника телеграфа КВЖД А.А. Затеплинского, арестованного за «передачу и прием секретных телеграмм для советского

---

[708] См. об этом: РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 6277. Список служащих КВЖД по состоянию на 10 июля и 1 декабря 1929 г.
[709] Там же. ЛЛ. 399-399об.
[710] Там же. ЛЛ. 441-456. См. также прил.: 8, 14, 15, 16, 20, 21, 23, 28, 29, 31, 34, 40, 45, 47, 51, 54, 58, 64, 75, 77, 80, 81, 85 88, 99, 100.

консульства в Харбине», одной из линий его защиты было то обстоятельство, что принятие советского гражданства старослужащими КВЖД являлось на деле простой формальностью. В своем объяснении в Высший суд ОРВП 28 октября 1929 г. он писал: «Все служащие телеграфа те же самые, что были до большевиков, никаких увольнений или новых назначений не было, а, следовательно, не могли проникнуть на дорогу нужные большевикам люди. Нельзя также предположить, что эти старые служащие были привлечены на сторону большевиков, т.к. … громадное большинство этих служащих осталось на службе и после удаления коммунистов с дороги, и если бы они были на стороне коммунистов, то без сомнения началось бы разного рода вредительство. Все служащие были и есть вполне лояльны китайским властям»[711].

Начальникам участков во время конфликта, как и некоторым другим служащим, по представлению Фань Цигуаня были повышены оклады с 1 ноября 1929 г.[712]. Более того, воспользовавшись случаем, многие советские граждане перешли на более высокооплачиваемые должности. Например, конторщик службы общих дел, гражданин СССР, Д.Г. Клионовский стал делопроизводителем (занял место высланного в СССР С.Н. Меранвиля), и вместо оклада 1500 руб. в год стал получать 2100 руб. [713]. А.И. Горшенин, А.А. Соколов, А.С. Меньшиков и другие советские граждане были перемещены по службе и стали получили более высокие оклады[714]. Те, кто стоял в очереди на казенную квартиру, как, например, известный охотник и писатель Н.В. Байков, гражданин СССР, наконец-то получили ее [715].

Один из эмигрантов, В.А. Зиссерман, китподданный, работавший в Правлении КВЖД, писал Д.Л. Хорвату в августе 1929 г. из Харбина: «Железнодорожники в целом не дрогнули в эти годы экспериментов, пропаганды и клеветничества. Они отчасти погнулись, но не сломались, и в решительный момент продолжали спокойно исполнять свой долг и этим поддержали спокойствие во всем населении края. В качестве примера реальной силы и живучести известных идей, известных моральных ценностей, надлежит указать на проявление в эти дни традиционной русско-китайской дружбы между настоящим Китаем и настоящей Россией, которой Вы всегда учили русских на Дальнем Востоке. И это именно в разгар борьбы с коммунистами, агитаторами, шпионами, бомбистами и про-

[711] РГИА. Ф. 1679. Оп. 1. Д. 27. Л. 245.
[712] РГИА. Ф. 323. Оп.9. Д. 4840. Л. 18
[713] РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 6277. Л. 3.
[714] РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 4221. Л. 6об.
[715] РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 244. Л. 52. См. также прил. 8.

чими мазуриками под красным флагом и их пресмыкающимися, увы!, тоже говорящими по-русски и носящими русские (правда, часто ложные) имена!»[716].

7 августа 1929 г. в газетах было напечатано объявление начальника полицейского управления ОРВП в отношении отказа от службы подданных СССР в числе 593 чел. В нем советским гражданам, уволившимся со службы, было предложено: «кто желает выехать на родину, может получить документы на выезд, кто желает остаться в ОРВП, может остаться при наличии вида на жительство, кто желает вернуться на службу, должен представить поручительство и по поступлению обязан добросовестно нести службу»[717]. Часть служащих КВЖД после увольнения через какое-то время подавала вновь заявления об устройстве на работу. П.П. Никольский, квитподданный, работавший в коммерческом агентстве Харбина, был уволен 11 июля 1929 г., но после взят обратно на работу 29 августа 1929 г., причем оклад ему был повышен с 2700 до 3000 руб. в год[718]. Так же поступил начальник паровозной части И.В. Семанов и другие служащие. Судя по протоколам железнодорожной полиции, некоторые арестованные совграждане утверждали, что уволились с дороги в виду «угроз со стороны коммунистической головки и агитаторов», и часто, иногда не прерывая работы, забирали прошение обратно. Так, например, сделали рабочие И. Житнов, Г. Савченко, И. Баргун, А. Марущак и др. [719].

Для того чтобы устроиться на работу, нужна была справка из полиции. На основе наблюдений на своих участках полицейские надзиратели — русские китподданные — составляли списки служащих КВЖД, характеризующие их «благонадежность». Напротив каждой фамилии, помимо должности, возраста, подданства («СССР квит.», «СССР паспорт», «китподданный», «китайской национальности»), указывалось: «приемлем», «сочувствующий большевикам», «сильно сочувствующий большевикам», «активный большевик», «активной работы не вел», «политически благонадежен», «человек безвредный», «ни в чем предосудительном замечен не был».

Так, главный кондуктор В.П. Тарасевич (гражданин СССР, старослужащий, работавший на КВЖД с 1915 г.), уволившийся с дороги 28 июля 1929 г., 14 сентября вновь подал прошение на имя Управляющего дорогой об обратном приеме на службу. Из службы эксплуатации запросили справку о благонадежности из полиции. Такая справка от 23 сентября 1929 г. была составлена: «Главный кондуктор Харбинского резерва Виктор Петрович Тарасевич, в политическом отношении лицо вполне благонадежное, действительно

---

[716] ГМЗ «Петергоф». Фонд «Архив музея семьи Бенуа». ПДМБ 5063-ар. Л.1об.
[717] Русское слово. 1929. 7 августа. С. 3.
[718] РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 3738. Л. 2.
[719] РГИА. Ф. 323. Оп. 6. Д. 873. Л.63.

состоит членом союза (Дорпрофсожа — *М.К.*), но *по принуждению,* и к советской власти относился враждебно, за что на Тарасевича со стороны союза было гонение, как за непослушание и за отказ вести профессиональную работу союза. Отзывы о Тарасевиче среди служащих самые благоприятные, как в служебном отношении, так и в политическом»[720]. В характеристике на другого кондуктора, старослужащего (на КВЖД с 1911 г.), гражданина СССР, оставшегося работать во время конфликта, Д.Д. Санталова подчеркивалось: «политических убеждений не имеет и в политическом отношении вполне благонадежен»[721]. В справках на продолжавших работать советских граждан (Житнев, Богун, Осипов, Боровик, Глоба и др.) говорилось, что это «рядовые члены союза, из-за куска хлеба подчинялись всем распоряжениям советской администрации. В настоящее время спокойно работают»[722].

С точки зрения китайской полиции, служащие, взявшие советское гражданство из сугубо прагматических материальных соображений, не были опасны для общественного спокойствия, были политически нейтральны, и это подчеркивалось в списках: «Дрокин — подданный СССР. Человек слабовольный, рядовой член союза. Человек не опасный, обременен семьей»; «Малкин — подданный СССР, еврей, домовладелец, в политике не замечался, совподданство взял для возможности работать на дороге в качестве подрядчика»; «Дубинин — подданный СССР, неграмотный, благодаря этому приверженец советской власти. Активно не работал»[723]. И, напротив, на советских «активистов», работавших на КВЖД, как сторожей Барабашева и Афанасенко, кондукторов Кожина и Белосорочко и других, были составлены негативные характеристики, как на людей «вредных, опасных, могущих принести вред дороге». В характеристике на Я.С. Белосорочко, гражданина СССР, члена профсоюза, говорилось: «Является активным работником комсомольской организации, член райкома ГПУ (так в тексте — *М.К.*) при консульстве в Харбине, представитель в Доркоме, бывший красноармеец, служил в армии в Никольск-Уссурийске в ЧОНе. Имеет большевистский политический стаж в работе своих организаций. Человек неблагонадежный и для общества вредный и опасный»[724].

Надо сказать, что отдельных советских служащих специально оставили на местах, чтобы наблюдать за теми, кто остался работать. П.Д. Малеванный, работавший в ремонте службы пути КВЖД на ст. Пограничной и бывший осведомителем советского резидента

---

[720] Там же. Л.82.
[721] Там же. Л.117.
[722] Там же. Л.144.
[723] РГИА. Ф. 323. Оп. 6. Д. 874. Л. 129.
[724] Там же. Л.119.

М.И. Семакина, с началом конфликта хотел, как советский гражданин и комсомолец, бросить работу, но старшие товарищи «категорически запретили это делать»: «Работай, ты еще будешь нужен» [725]. В полицейских списках «неблагонадежных лиц в политическом отношении», оставшихся работать на дороге, за которыми велось усиленное наблюдение, встречались следующие характеристики: «Филиппович С.М. — письмоводитель товарной конторы, коммунист, имеет партийный билет, является активным работником, ведет большую секретную работу, дает руководящие указания самоуволившимся. Для сохранения лица партия не назначала его открыто ни на какие посты по профсоюзной линии, кроме сотрудничества в стенгазете». Или: «Клемаровская Ю.А. — сторожиха товарной конторы. Коммунистка, имеет партийный билет. Председательница бабкома или женотдела, делегатка от месткома, уполномоченная от Союза по наблюдению и контролю за сбором денег, член агитационного отдела консульства»[726]. Известно, что остались работать на КВЖД и в Харбине агенты — осведомители харбинской резидентуры военной разведки: «А.И.» — Сукин А.Т., начальник отдела военных перевозок КВЖД[727], «Молодой» — Поляков и др. Под именем «Дядя» скрывался Лилиестром, американский вице-консул, также работавший на советскую разведку[728].

Атмосфера всеобщей подозрительности порождала особый вид шпиономании как среди «красных», так и «белых». В документах китайской полиции в этот период содержится масса анонимных доносов о том, что конкретные служащие «являются коммунистами, приносят вред дороге». Например, от «служащих КВЖД ст. Имяньпо» начальнику уголовного розыска был предоставлен список «коммунистов» из 27 чел. с припиской в конце: «Все вышеуказанные лица подлежат чистке обязательно, каковые вредят нормальной работе и пропагандируют между служащими. Таковых просим удалить, чтобы в дальнейшем было спокойствие. Долой вредителей!»[729].

Разумеется, среди писем были и ложные доносы, как форма сведения личных счетов. Консул СССР в Дайрене Журба сообщал 26 сентября 1929 г. в НКИД о том, что «пользуясь моментом обострения, советские граждане и белые начали сводить личные счеты и доносить в полицию о малейшем пустяке, зная, что это будет вполне достаточно для того, чтобы посадить в лагерь или тюрьму человека, совершенно ни в чем перед ки-

---

[725] Малеванный П.Д. Воспоминания. (Архив Дома Русского Зарубежья им.А.И. Солженицына (Архив ДРЗ). Ф. 1. Д. Р-282. Л. 49).
[726] РГИА. Ф. 323. Оп. 6. Д. 874. Л.129.
[727] См. прил. 84.
[728] *Алексеев М.* Указ. соч. С. 163.
[729] РГИА. Ф. 323. Оп. 6. Д. 874. Л. 147.

тайцами невиновного, но имеющего советский паспорт»[730]. В то же время, по данным полиции, отдельные советские активисты распространяли слухи-сплетни о китайских подданных (эмигрантах), как о «коммунистах, служащих в Красной Армии, провокаторах и т.д. с целью подрыва этим их авторитета»[731].

Одним из самых распространенных заблуждений периода советско-китайского конфликта являлось состояние КВЖД, ее якобы полный упадок и развал работы. Заместитель наркома иностранных дел Л.М. Карахан заявил 15 августа 1929 г.: «В результате насилий, совершенных китайскими властями в отношении КВЖД и ее советского персонала, дорога пришла в самое тяжелое состояние, близкое к полному разрушению. Массовое увольнение служащих и рабочих, замещение ответственных постов случайными, некомпетентными людьми, хозяйничанье на дороге военных властей <…> привели к полному развалу всего хозяйства КВЖД»[732]. Это заявление было подхвачено и развито советскими газетами, которые писали о том, что 2/3 советских граждан бросили работу: «Эти люди заменены белогвардейским сбродом, который никогда не работал вообще, которому чуждо понятие «работа»; на КВЖД — «полная дезорганизация, положение дороги катастрофично»[733]. Газета «Красное знамя» так описывала состояние КВЖД к октябрю 1929 г.: «На дороге — разруха, каждый день — крушения. Поезда ходят только днем. К каждому машинисту приставлена охрана. Обстановка невыносима»[734].

К середине августа положение в Харбине и на линии было действительно очень тревожное. Массовые увольнения служащих, нелегальные собрания, поджоги различных зданий, разболченные рельсы, крушения поездов, порча телефонных проводов, покушения на жизнь служащих КВЖД, оставшихся работать, чрезвычайно дестабилизировали ситуацию. За июль – сентябрь 1929 г. число крушений на КВЖД увеличилось, включая сход с рельс поездов, и советская пресса объясняла это неопытностью новых служащих, заменивших уволившихся советских граждан. На самом деле крушения были связаны с террористической деятельностью советских активистов (см. п. 2.3.2).

Но работа дороги практически не пострадала. Еще в сентябре 1929 г. старшие агенты КВЖД А.Х. Калина и С.И. Данилевский, находясь в Дайрене, утверждали, что КВЖД справится с экспортом, «ибо для такового осталось только южное направление», а для его обслуживания будет «более чем достаточно и подвижного состава, и персонала

---

[730] АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 12. П. 138. Д. 8. Л. 173.
[731] РГИА. Ф. 323. Оп. 6. Д. 874. Л. 341.
[732] Документы внешней политики СССР. Т. 12. С. 462, 498.
[733] Известия. 1929. 31 августа. С. 1. Забайкальский рабочий (Чита). 1929. 17 августа. С. 1. Красное знамя (Владивосток). 1929. 13 сентября. С.1.
[734] Красное знамя. 1929. 8 окт. С. 1.

для обслуживания этого состава»[735]. Иностранные корреспонденты писали о том, что, несмотря на увольнения и самоувольнения советских служащих, пассажирское и грузовое движение на КВЖД производилось регулярно, без каких-либо задержек и осложнений. «Был испробован саботаж, поджоги, спуск паровоза под откос, повреждения пути и подвижного состава, однако <…> дорога продолжала работать без перебоя»[736].

То, что движение по дороге не было парализовано, консул СССР в Дайрене Журба считал основной неудачей политики самоувольнения. В своем донесении в НКИД от 26 сентября 1929 г. он объяснял это тесной материальной связью советских служащих с КВЖД: «Самоуволились конторские служащие, учителя и прочие элементы, составлявшие прямой балласт для бюджета дороги. Деятельность дороги от такого рода самоувольнений нисколько не пострадала, а касса освободилась от необходимости нести расходы на их содержание. Категория же железнодорожников, уход коих нанес бы самый жестокий удар — т.е. машинисты, паровозные бригады — задеты были только приблизительно на 15%. <…> Подавляющее большинство машинистов служит на дороге по 10 и более лет. Многие обзавелись хозяйством, недвижимостью, внесли много страховых взносов, жалеют потерять заштатные и пр. Имеются, кроме того, утверждения, что машинисты не только не поддержали политики самоувольнений, а наоборот, делали собрание и выносили постановления, требующие от китайцев увольнения с дороги всех профсоюзников, мешающих спокойно работать. Не уход со службы машинистов и бригад обеспечил для китайцев уверенность в том, что с экспортной кампанией дорога справится»[737]. Действительно, судя по сводкам службы тяги, во время конфликта на трех участках КВЖД уволилось 26 машинистов из 181[738].

О неудачной кампании по самоувольнению писал П.П. Сувчинскому Н.В. Устрялов из Дайрена 1 октября 1929 г.: «Конфликт на КВЖД принял для русских интересов дурной оборот. Китайцы фактически осваивают дорогу. Можно теперь уже положительно сказать, что они при помощи русских справились с дорогой. Все толки о “дезорганизации” — блеф. Аппарат дороги захвачен и усвоен китайской администрацией. Советская политика в конфликт полна печальных ошибок. <…> Огромную услугу оказала китайцам советская тактика так называемых “самоувольнений” агентов дороги. В первую же неделю конфликта на служащих через профсоюз был сделан нажим: подавайте в отставку. Китайцы ответили категорическими угрозами по адресу увольняющихся: высылка, тюрьма, концла-

[735] АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 12. П. 138. Д. 8. Л. 175.
[736] РГИА. Ф. 323. Оп. 5. Д. 1353. Л. 114.
[737] АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 12. П. 138. Л. 175.
[738] Подсчитано по: РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 6277. ЛЛ. 303-339.

герь. В результате ушли лишь наиболее преданные СССР люди и наиболее мужественные, а таких оказалось не так много. <…>Но особенно характерно, что подавляющая часть советских рабочих тоже оказалась глуха к призывам бойкота, т.е. самоувольнений. Вместо тысячи уволившихся немедленно было призвано тысяча китайцев и русских эмигрантов, наскоро взявших китайские паспорта. Тактика самоувольнений провалилась. В результате этого необдуманного шага Москва лишилась тысячи наиболее верных своих людей на дороге. И только. Это был лучший подарок китайцам» [739].

Консул на ст. Пограничная Д.А. Егоров в письме Л.М. Карахану от 14 марта 1931 г. писал о своих сомнениях в лояльности большинства советских граждан, т.к. в конфликтный период «больше половины состава совколонии оставались на службе и во время военных действий объективно способствовали вести борьбу китайской военщине с нашими красноармейцами. <…> Во время конфликта некоторые играли явно провокаторскую роль, выдавая китайской полиции честных и преданных граждан СССР»[740].

2.3.2. Поведение советских граждан во время конфликта

Одной из форм сопротивления советских представителей китайским властям на КВЖД был выбран террор по отношению к советским гражданам, оставшимся работать, русским полицейским, а также различные формы «вредительства» — поджоги, организация крушений поездов, взрывы мостов, разбор рельсов и т.п.[741]. Один из советских военных разведчиков, И.Ц. Винаров (псевдоним «Ванко»), проработавший на «спецработе» в Харбине 3 года, писал потом в своей автобиографии о харбинском периоде: «Главная работа была сосредоточена на подготовке к конфликту как с китайцами, так и с японцами. Она заключалась в подготовке боевых групп и устройстве тайников, где мы хранили оружие и взрывматериалы. Во время конфликта на КВ*ЖД все это было использовано, т.е. люди, оружие и взрывматериалы*. Вели также большую работу по использованию китайских партизан “хунхузов” против реакционно настроенных китайских генералов»[742].

В связи с этим материалы следственных дел отмольцев, арестованных китайской полицией в августе 1929 г., представляют несомненный интерес. Так, несколько молодых

---

[739] *Устрялов Н.В.* Письма к П.П. Сувчинскому. С. 56.
[740] АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 12. П. 18. Д. 5.
[741] По данным полиции ОРВП, «злоумышленные нападения» на КВЖД происходили практически ежедневно в июле – сентябре 1929 г. Кроме взрывов мостов, «разболчивания» путей, повреждались телефонные и телеграфные провода, обстреливались поезда, было убито несколько машинистов и кочегаров (РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 438. ЛЛ. 24 – 39).
[742] Цит. по: *Алексеев М.* Указ. соч. С. 135.

людей, советских граждан, обвинялись в подготовке крушения поезда на западной линии КВЖД в ночь на 19 августа 1929 г. и убийстве китайского сторожа на 474 версте дороги. И. Пускас-Пятницкий, С. Зубов, Ф. Пронженко, А. Попов признались, что по поручению Харбинского районного комсомольского комитета они должны были подготовить крушение поездов на Западной линии — товарных или пассажирских, разрушить железнодорожные сооружения.

Показания всех молодых людей разнились, каждый сваливал вину на другого. По-своему замечательны показания Вячеслава Дидковского, двадцатилетнего гражданина СССР, проживавшего на ст. Чжалантунь: «Председатель Чжалантуньского комсомола Георгий Михайлов вызвал меня и, угрожая, сказал, чтобы я ничего не говорил, что я видел. <…> Если я откажусь, то он, Михайлов, исключит меня из отмола, благодаря чему не получу нигде службы, когда будет назначен советский Управляющий дорогой и кроме того, они добьются моей высылки в СССР, где я буду расстрелян. Зная, что без содействия организации нельзя было устроиться нигде на службу — я и согласился исполнить требования Михайлова»[743].

Среди других дел — протоколы допросов В.И. Орлова, И.И. Свиязова, Н.А. Алещенко и др. Василий Иванович Орлов, гражданин СССР, 19 лет, бывший стрелочник ст. Куаньченцзы, был уволен в апреле 1929 г. со службы по сокращению штатов. Ему бывшие сослуживцы предложили «совершить какой-либо вред на дороге» за вознаграждение 10 долларов.14 августа ночью он расцепил вагоны товарного поезда и скрылся. Затем признался во вредительстве[744]. Иван Ильич Свиязов, 18 лет, бывший слесарь депо, оставил службу 22 июля, по его словам, «боясь репрессий». По данным полиции, вёл в июле 1929 г. агитацию «за всеобщую забастовку и уклонение от работы», обещая от имени «правительства СССР пособие каждому бастующему от 12 до 15 руб. и дальнейшую поддержку»[745]. Надежда Александровна Алещенко[746], гражданка СССР, 20 лет, студентка Юридического факультета Харбина, принимала участие в расклеивании по городу в ночь с 6 на 7 августа 1929 г. агитационных прокламаций «большевистского характера», призывавших рабочих и служащих КВЖД к забастовкам и различным беспорядкам в Харбине. Молодые люди, отмольцы П.М. Фадин и В.И. Горшенин обвинялись в поджоге здания Яхт-клуба на правом берегу Сунгари 8 августа 1929 г.[747].

---

[743] РГИА. Ф. 323. Оп. 6. Д.873. Л. 195.
[744] Там же. Л. 332.
[745] РГИА. Ф. 323. Оп. 6. Д. 874. Л. 3.
[746] См. прил. 3.
[747] Там же. Л. 197.

Во многих случаях террористических актов «злоумышленники» не были найдены — например, когда ночью 13 августа на Полицейской улице были перерезаны телефонные провода, или когда в ночь с 17 на 18 августа в будку паровозного товарного поезда, шедшего на Интендантский разъезд, была брошена ручная граната. Машинист был убит, помощник машиниста ранен в ноги, кочегар силой взрыва выброшен на полотно[748].

Одними из самых громких дел советских активистов, получивших большую огласку, были покушение на агента уголовно-розыскного отдела полиции ОРВП П.П. Шишкина 14 августа 1929 г. и убийство надзирателя Н.М. Гиацинтова 9 октября 1929 г. В покушении на Шишкина обвинялись Ф. Пронженко, В. Кульбаченко[749], А. Гордеев, Нестор и Елена Путан – все отмольцы. 14 августа 1929 г. на Китайской ул. Шишкину в спину в упор было нанесено 2 выстрела из револьвера, нападавшие, «меняя автомобили, успели скрыться»[750]. Н.М. Гиацинтов был убит выстрелами в затылок, по одним данным, Боевой дружиной отмольцев, по другим, советскими спецслужбами. Известно, что убийцы имели советские паспорта[751]. Подозреваемые А.Я. Ельящук и Ф.Ф. Писарев так и не были пойманы.

Первоначально за агитационную работу, участие в нелегальных собраниях китайские власти высылали советских граждан из пределов Маньчжурии в СССР. Затем тактику изменили, и с середины августа всех задержанных с линии доставляли в Харбин, в главный штаб китайских охранных войск (на 13 августа там насчитывалось 150 чел. арестованных), и Мехсоб — клуб рабочих главных механических мастерских. Эти заведения уже не вмещали всех арестованных, поэтому их переправляли в концлагерь (кроме Харбина, концлагеря были организованы в Цицикаре и Хайларе). Аресты производились по спискам, составленным полицейским управлением и железнодорожной полицией, а также по спискам Управления КВЖД и дубаня. Отдельные службы дороги составляли списки уволившихся со службы, которые утверждались комиссией при управлении дубаня дороги[752].

Когда в середине августа в связи с объявленной забастовкой волна массовых увольнений советских граждан со службы достигла своего пика, врио управляющего КВЖД Фань Цигуань обратился к служащим с письмом от 29 августа 1929 г.: «Еще раз предупреждаю всех служащих, мастеровых и рабочих, что оставление службы на КВЖД в

---

[748] ГАРФ. Ф. 6081. Оп. 1. Д. 146. Л. 283.
[749] См. прил. 46.
[750] РГИА. Ф. 323. Оп. 6. Д. 868. Л. 82.
[751] *Балмасов С.С.* Указ. соч. С.346.
[752] ГА РФ. Ф. 6081. Оп. 1. Д. 146. Л. 306.

столь ответственный момент рассматривается мною, как желание подорвать правильную работу дороги. Настоящим объявляю, что указанные выше лица подлежат увольнению за отказ от несения служебных обязанностей»[753]. Причем по приказу штаба охранных войск все агенты дороги, подавшие прошения об увольнении (их называли «саботажниками»), подлежали задержанию и отправке в концентрационный лагерь Сумбей недалеко от Харбина. В концентрационный лагерь отправляли не только уволившихся самовольно с КВЖД, но и задержанных по подозрению во вредительстве, а также распространении листовок, сводок сообщений хабаровского радио и подпольной газеты «Харбинская правда». Таким образом, в Сумбее находились, в основном, рабочие и служащие КВЖД, обвиненные в саботаже за отказ выходить на работу и в попытках «подорвать правильное движение дороги», а также советские граждане, арестованные за «вредительство» и коммунистическую пропаганду. Среди заключенных оказались и эмигранты, принявшие советское гражданство. Некоторые из них скоро стали сообщать лагерной администрации о настроениях советских граждан[754].

Среди уволившихся со службы советских граждан были сомнения в исходе конфликта, поэтому некоторые служащие решили подстраховаться и уволиться по болезни. В делах службы общих дел КВЖД за июль-август 1929 г. содержится много заявлений об увольнении со службы на дороге в виду «резкого ухудшения состояния здоровья»[755]. Инженер А.Х. Калина, начальник службы тяги[756], уволенный 11 июля 1929 г., уехал в Дайрен и уже оттуда прислал заявление об увольнении по болезни. Он прошел освидетельствование, был признан больным и получил огромное пособие — 11 тыс. руб.[757]. Также поступили граждане СССР секретарь службы пути В.П. Коренев, депортированный в Читу, член Правления КВЖД инженер С.И. Данилевский, начальник службы сборов М.У. Ильинский и др. Даже командированный из Москвы коммунист, агент для поручений при Управляющем дороги А.Б. Пылинский подал рапорт Управляющему дорогой от 12 июля 1929 г.: «чувствуя себя совершенно больным, по настоянию врачей должен немедленно отправиться на курортное лечение»[758]. Он был уволен по болезни, как и секретарь Управления КВЖД коммунист Н.Г. Хорьков.

---

[753] РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 425.Л. 143.
[754] О содержании советских граждан в Сумбее см.: *Кротова М.В.* Из истории конфликта на КВЖД : китайский концентрационный лагерь для советских граждан // Новый исторический вестник. 2013. № 35. С. 33–47.
[755] РГИА. Ф. 323. Оп. 5. Д. 1239. Переписка по учету личного состава КВЖД.
[756] См. прил. 36.
[757] РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 2103. Л. 17.
[758] РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 4358. Л. 44.

Первое время — до конца июля — всем уволенным по болезни выплачивали заштатные пособия. Но затем «внезапно заболевших» агентов стало чрезвычайно много, и новая китайская администрация заподозрила неладное и начала внимательнее относиться ко всем прошениям об увольнении по болезни. Так, в увольнении по болезни было отказано освобожденному профработнику Д.Н. Королю[759]. К.С. Ган, переводчик с иностранных языков в Управлении дороги, выполнявший в числе других «секретные» функции[760], был уволен от службы 16 июля 1929 г., но уже 31 июля 1929 г. Ган написал прошение на имя врио Управляющего дорогой Фань Цигуаня с ходатайством о приеме его на службу дороги, т.к. он «относился лояльно и добросовестно к своей работе». На прошении стоит надпись врио начальника службы общих дел Н.Н. Афанасенко.: «Отклонить». Тогда он подал прошение начальнику службы общих дел 16 августа 1929 г. с просьбой освободить его от службы по болезни с 1 августа и выплатить содержание на время болезни. К прошению был приложен бюллетень, подтверждавший, что «К.С. Ган был на излечении в нервном отделении больницы КВЖД». Ему опять было отказано, после чего он уехал в Шанхай[761].

Многие служащие — советские граждане, не зная исхода конфликта, старались «переболеть» какое-то время, пока не наступит ясность. Судя по личным делам работников КВЖД, особенно много медицинских бюллетеней пришлось на конец июля — начало августа 1929 г. Возможно, это было связано с предстоявшей забастовкой, объявленной Дорпрофсожем на 11 августа. Главный врач дороги Н.А. Вейликун вынужден был опубликовать письмо от 9 августа 1929 г., обращенное ко всем участковым врачам: «Замечено администрацией дороги широкое требование со стороны служащих и рабочих освобождений по болезни. Приказываю освобождение по болезни выдавать только в тех случаях, когда состояние больного требует немедленного коечного лечения на дому или в больнице»[762].

Те агенты, у кого были средства, решили переждать события в более «комфортных» местах — на юге Маньчжурии или в других городах Китая — в Чанчуне, Дайрене, Тяньцзине, Пекине, Шанхае. Сразу же после отъезда советской администрации из Харбина и первых депортаций старших агентов дороги в СССР, часть советских служащих КВЖД, остерегаясь репрессий, решила выехать из Маньчжурии. А.Х. Калина, С.И. Данилевский, Н.В. Устрялов, Е.Н. Чепурковский, Г.Н. Дикий, Н.П. Нечкин во время конфликта

---

[759] См. прил. 43.
[760] См. прил. 19.
[761] РГИА.Ф. 323. Оп.9. Д. 998. ЛЛ. 58-61.
[762] РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 2860. Л.142.

находились в Дайрене. К.С. Ган, П.А. Ольбрих-Северный пережидали события в Шанхае, А.А. Неопиханов — в Корее, другие попытались выехать в СССР через Японию. И.С. Ильин утверждал, что большинство «убегавших» на юг совграждан смогли выбраться на юг Китая только благодаря взяткам русским полицейским на ст. Куаньченцзы (последней станции КВЖД на южной ветке). Например, Н.П. Нечкин, бывший редактор просоветской газеты «Молва», заплатил за разрешение выезда из ТВП полицейскому надзирателю Д. Баусу 700 иен[763].

Многим арестованным советским гражданам удалось откупиться от китайских властей. Ю.П. Штраус[764] — журналист с советским гражданством, член профсоюза, редактор газеты «Новости жизни» был причислен китайскими властями к «активистам» и арестован в июле 1929 г. на ст. Лашагоу (станция КВЖД на южной линии) и освободился лишь «путем взятки местным полицейским властям». В своей автобиографии Ю.П. Штраус отмечал, что, находясь «под угрозой физической расправы», ему пришлось «уничтожить паспорт и профсоюзную книжку союза “Полиграф”»[765].

С началом конфликта отдельные советские граждане, в том числе и старшие агенты КВЖД, решили «выйти» из советского подданства. Многих эмигрантов поразил отказ от советского гражданства Г.Н. Дикого, заведующего Экономическим бюро, одного из влиятельных агентов КВЖД[766]. В 1929 г. Дикий был отправлен в командировку в Европу, в Москве подал рапорт в НКПС, где критически отозвался об Управляющем КВЖД А.И. Емшанове — поступок, по мнению его дочери, крайне неосторожный, т.к. «бездарный и мелочный Емшанов» об этом узнал. На обратном пути из Европы через Москву Дикий должен был получить визу на въезд в Маньчжурию, но визу ему не дали. Он пытался выяснить причины отказа через ОГПУ или разведку, где имел связи, но там сообщили, что препятствий к выезду нет, а в визе отказывал НКПС (Емшанов был в дружеских отношениях с наркомом путей сообщения Я.Э. Рудзутаком). Тогда Дикий через Благовещенск с помощью китайского перевозчика переправился через Амур, потом по Сунгари добрался до Харбина[767]. Газета «Гун-бао» сообщала: «15 июля на пароходе “Шанхай” из Сахаляна в Харбин прибыл Дикий. <…>Советские документы уничтожил, получил эмигрантские бумаги»[768]. Г.Н. Дикий 19 июля 1929 г. прибыл в г. Чанчунь, где получил удостоверение от 20 июля 1929 г. № 259, подписанное старшиной русского эмигрантского общества

[763] ГА РФ. Ф. Р-6599. Оп. 1. Д. 10. Л.83.
[764] См. прил. 98.
[765] РГАЛИ. Ф. 2266. Оп. 1. Д. 24. Л. 4.
[766] См. прил. 26.
[767] РГАЛИ. Ф.2871. Оп.3. Д.533. Л.9-10.
[768] Гун-бао. 1929. 17 июля. С. 3.

г. Чанчуня: «Дикий, *русский эмигрант*, бежал из СССР и прибыл в Чанчунь через Сахалян»[769]. Он жил в Дайрене во время конфликта, в 1930 г. семью переправил в Европу, куда уехал позже сам.

Бывший офицер, гражданин СССР с 1926 г. М.И. Гребинский[770] во время конфликта официально, через германского консула, отказался от подданства. В личном деле Гребинского в БРЭМ содержится его письмо консулу Германии в Харбине от 27 сентября 1929 г. с приложенным к нему паспортом СССР № 15578, выданным Генконсульством СССР в Харбине от 10 мая 1926 г., с просьбой об исключении его из числа граждан СССР, как «по личному желанию», так и по «формальным соображениям, приняв во внимание мой отказ от выполнения категорического распоряжения представителей СССР об оставлении службы на КВЖД и вытекающее из этого лишение меня теми же представителями подданства СССР»[771]. Свой советский паспорт просил германского консула направить в Комиссариат иностранных дел СССР на предмет исключения его из числа подданных СССР. И.И. Вонсович, служивший в Правлении КВЖД, «демонстративно вышел из советского гражданства» в октябре 1929 г. после событий в Трехречье (см. п. 2.3.3)[772].

Хотел выйти из советского гражданства «перелет» К.С. Ган, уволенный со службы на КВЖД[773]. По свидетельству И.С. Ильина, он бежал через г. Чанчунь с эмигрантским паспортом. Ильин, служивший тогда на ст. Куаньченцзы, хорошо знавший Гана еще по Белому движению, записал в своем дневнике 22 сентября 1929 г.: «Ган перешел к большевикам еще в Иркутске, в 1925 г. командирован на КВЖД, стал здесь одним из видных чекистов под видом переводчика, заняв место зав. учетом всех бывших белых служащих на дороге. Теперь удрал в Куаньченцзы. Я попросил его паспорт — достал эмигрантский. “А Ваш советский паспорт?” — удивился я. “О, я порвал с этой сволочью навсегда!”»[774]. Ган утверждал, что паспорт «достал по знакомству» и проехал в Шанхай. А после окончания конфликта и восстановления всех уволенных в должности Ган вернулся из Шанхая на службу КВЖД вновь с советским паспортом. Ильин записал в дневнике 17 декабря 1929 г.: «Приехал из Шанхая негодяй Ган! Ведь всего несколько месяцев назад он удирал с эмигрантским паспортом, … и, как ни в чем не бывало, едет обратно, и паспорт у него

---

[769] РГАЛИ. Ф. 2871. Оп. 3. Д. 544. Л. 1.
[770] См. прил.23.
[771] ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 11258. Л. 6.
[772] Русское слово. 1929. 19 октября. С. 3.
[773] См. прил. 19.
[774] ГАРФ. Ф.Р-6599. Оп.1. Д.10. Л.65.

уже советский!»[775]. Ган был восстановлен в своей должности, получил полторы тысячи золотых рублей за 6 мес. конфликта, впоследствии ему был даже повышен оклад.

Во время конфликта советским гражданам было предложено перейти в китайское подданство. Некоторые из советских служащих — как, например, П.П. Никольский, врач Н.Г. Джишкариани, И.И. Пеньков, — переменили советское гражданство на китайское [776]. Но таких желающих, впрочем, было немного. Одна из эмигрантских сводок от 23 сентября 1929 г. сообщала: «На предложение советским гражданам, состоящим на службе КВЖД по отделу движения на ст. Харбин взять китайское подданство, из 400 человек откликнулись 10. Означенное объясняется тем, что большинство начинает верить в неминуемость возвращения красных на дорогу и боится их мести» [777]. Более того, отношение к переменившим гражданство советским служащим было в основном негативным, и таких лиц в местной «белой» прессе называли «хамелеонами»[778].

2.3.3. Участие эмигрантов в конфликте

Также до конца невыясненным вопросом является участие эмигрантов в конфликте. По словам М.Я. Домрачеева, начальника канцелярии Д.Л. Хорвата, вновь принятые на службу эмигранты с исключительной энергией и энтузиазмом взялись за дело, и «дело пошло настолько успешно, что в работе дороги не случилось никаких перебоев. Без помощи эмигрантов сами китайцы были бы совершенно бессильны наладить движение на дороге»[779]. Исследователь Г.В. Мелихов также считает, что работа на КВЖД железнодорожников-эмигрантов «спасла в этот период дорогу от неминуемой разрухи и разорения»[780]. Но динамика численности работавших на КВЖД во время конфликта говорит об обратном — число русских китподданных на дороге (это были русские эмигранты, принимавшие китайское подданство) увеличилось приблизительно на 2 тыс. чел.: в июне 1929 г. на КВЖД работало 1163 русских китподданных, в декабре 1929 г. — 3340[781]. По сообщению консула СССР в Дайрене Журбы в НИКД 26 сентября 1929 г., должности

---

[775] Там же. Л.108.
[776] РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 465. Л. 9.
[777] ГА РФ. Ф. 6081. Оп. 1. Д. 146. Л. 309 об.
[778] Норд Чайна Стар. 1929. 30 октября (РГИА. Ф. 323. Оп. 5. Д. 1356. Л. 4).
[779] ГМЗ «Петергоф». Архив музея семьи Бенуа. ПДМБ 2409-ар. Л.362.
[780] *Мелихов Г.В.* Российская эмиграция в международных отношениях… С.164.
[781] РГИА. Ф.323. Оп.5. Д. 1243. Л. 11об.

арестованных или увольняемых советских граждан замещались китайцами или белыми, но, замечал консул, «последних, между прочим, не так много»[782].

На службу были приняты эмигранты из числа когда-то «несправедливо уволенных». Например, И.В. Павлов, работавший в экономическом бюро с 1921 г., подавший в 1925 г. ходатайство о восстановлении гражданства СССР, был уволен со службы 20 февраля 1929 г. как бесподданный, т.к. ему было отказано в советском гражданстве. 13 августа 1929 г. он был принят поденным агентом экономического бюро (с оплатой 15 руб. в день), имея уже китайское подданство (временный вид Биньцзянского управления № 831 от 12 августа 18 г. Китайской республики (1929 г. — *М.К.*))[783]. Были также допущены к работе по поденному расчету с 14 августа 1929 г. в коммерческую службу уволенные еще в 1925 г. китподданные С.А. Елачич, Степанов, М.Е. Шевченко[784].

К.В. Родзаевский — будущий лидер харбинских фашистов, китайский подданный, поступил на место конторщика службы тяги КВЖД 29 июля 1929 г. вместо уволенного гражданина СССР А.Н. Жука[785]. Е.Д. Ильина взяла китайское гражданство и с 1 октября 1929 г. была устроена на должность временной служащей Ревизионного комитета с окладом 1200 руб., исполняла обязанности переводчицы с английского и французского. Ей предоставили служебную квартиру[786].

Многие из работавших на КВЖД китподданных были повышены в должностях и окладах за счет уволенных советских граждан. Например, В.П. Каппель — начальник депо ст. Аньда — стал пом. начальника 2 участка службы пути, А.С. Лукашкин стал счетоводом вместо конторщика, И.Г. Баранов — младший агент экономического бюро Управления КВЖД с окладом 1500 руб. в год, стал с 1 октября 1929 г. драгоманом с окладом 1800 руб., С.А. Поперек — помощник делопроизводителя коммерческого отдела Правления КВЖД, был перемещен 27 июля 1929 г. коммерческим агентом в коммерческую службу Управления дороги с окладом 2400 руб.[787]. В.П. Мельгунов, китподданный, брат известного историка С.П. Мельгунова, работавший в земельном отделе конторщиком с окладом 720 руб., с 1 сентября 1929 г. получил должность архивариуса с окладом 1200 руб.[788].

---

[782] АВП РФ. Ф.0146. Оп.12. П.138. Д.8. Л.172.
[783] РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 3908 . Л. 1.
[784] Там же. Л. 43.
[785] РГИА. Ф.323.Оп.9. Д.6232. Список агентов КВЖД. Служба тяги. 1929 год. Л.3.
[786] РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 2018. Л. 1.
[787] РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 4221. Л. 1об
[788] РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 3423. Л. 2.

Н.А. Мартынов в своих воспоминаниях замечал, что устроиться на службу на КВЖД во время конфликта русским эмигрантам было не так-то просто, т.к. на службу брали с китайским гражданством или хотя бы с квитанцией о подаче прошения в китайское Биньцзянское управление о принятии в китподданство. Необходимо было поручительство и деньги, которые были не у всех. Более того, тут же появились дельцы, которые за 100 и больше местных долларов были готовы достать временный китайский паспорт. Как потом выяснилось, некоторые квитанции и паспорта были подложными.

Эмигрант В.А. Морозов замечал, что «эмигранты хорошо понимали, что скоро все станет на свои места, что если и можно получить работу, то лишь временную и на очень небольшой срок. Поэтому на работу эту они шли очень неохотно, и, в сущности, временно работали на КВЖД лишь те, кому нечего было терять, кто или вовсе не имел никакой работы, либо мог совместить прежнюю работу с новой, временной. Очень немного было таких «временных кавежедеков». При этом надо отметить, что хотя среди эмиграции были очень сильны антисоветские настроения, но помогать китайцам закрепиться на дороге, созданной русскими руками, никто или почти никто из эмигрантов не хотел и не стал»[789]. Все эмигранты, принятые во время конфликта на службу на КВЖД, после его окончания в январе 1930 г. были тут же уволены.

Советские дипломаты писали о том, что роль эмигрантов в конфликте была незначительна. Управляющий консульством СССР в Дайрене Г.Г. Хачатуров, сообщая в письме в НКИД от 27 августа 1929 г. о настроениях эмиграции в связи с конфликтом, указывал, что «белые» организации в Маньчжурии разделились на две группы. Часть эмиграции решила воздерживаться от «совместных действий с какой-либо страной против СССР», и если последнему будет грозить со стороны врагов «отторжение части русской территории, то белые армии должны препятствовать этому и даже поддерживать красных». Другая группа (т.н. «семеновцы») готова была «принять всякие доходные предложения и пойти за любым, кто лучше заплатит»[790]. Советский консул в Дайрене Журба в своих дальнейших донесениях во время конфликта сообщал, что «активное участие в помощи китайцам приняли только самые оголтелые белогвардейцы, вроде генерала Савельева. На остальную же массу белых, не совсем потерявшую человеческий облик, поведение китайцев по отношению к гражданам СССР по линии КВЖД оказало известное действие, и в них заговорил “русский дух”. Гуменюк, Васкевич и др. заявили, что помогать китай-

[789] РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 5. Д. 10. Л. 87.
[790] АВП РФ. Ф.0146. Оп. 12. П. 138. Д. 8. Л. 166.

цам в их деле насилия над *русскими, пусть даже и красными*, солидные белогвардейцы не станут» [791].

Во время конфликта, согласно инструкции начальника Дальневосточного отдела РОВС, русским добровольцам от участия в войне Китая и СССР предлагалось «воздержаться»[792]. Глава Дальневосточной эмиграции генерал Д.Л. Хорват в октябре 1929 г. также резко выразился против отдельных выступлений эмигрантов, «сепаратных действий» тех, кого «жажда подвига толкает на отрыв от общего дела». Он считал, что такие выступления «активистов» повредят общему делу, т.к. «большевики только и ждут необдуманных между собою выступлений», чтобы «сделать своих агентов проводниками и пособниками такой работы, т.к. будучи обречена на неизбежный неуспех, она отдает в руки большевиков часть активного элемента эмиграции и тех, кого они втянут в дело на территории России»[793].

Конфликт, несомненно, вызвал оживление активной части эмиграции. «После долгой суровой зимы мы радуемся прилету первой ласточки, дающей нам уверенность, что холода прошли, — писал Д.Л. Хорват 12 августа 1929 г. приехавшему из Америки в Харбин Н.В. Борзову, который был уволен с КВЖД в 1925 г. – Ваш приезд из богатой, цветущей Америки, как появление ласточки, вселяет в нас надежду, что тирании и издевательствам над бедным русским народом пришел конец, и для нашей Родины скоро настанут ясные и светлые дни»[794]. Обострившееся противостояние привело в возбуждение эмигрантские круги в Европе, откликнувшиеся на конфликт рядом статей. Шанхайская газета «Время» отмечала 3 октября 1929 г.: «Последние события на Дальнем Востоке в связи с конфликтом…создали большой подъем в эмигрантских кругах Запада и вселили в них большие надежды. Там считают, что дело освобождения России от власти коммунистов начнется с Дальнего Востока»[795].

На волне всеобщего подъема были организованы отдельные партизанские отряды для посылки на советскую территорию, в том числе и на средства от эмиссаров из Западной Европы. По данным ПП ОГПУ по Дальневосточному краю, во время конфликта на территории Маньчжурии были сформированы белогвардейские «банды» Назарова, Мохова, Гордеева, Широкова, Воросова, Лапардина, Бянкина, Пешкова, Размахнина, Зыряно-

---

[791] Там же. Л. 184.
[792] ГА РФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 155. Л. 92.
[793] Генерал Хорват о положении на Дальнем Востоке: беседа главы Дальневосточной эмиграции со старшиной Русской национальной общины Шанхая Н.Ю. Фоминым 29 октября 1929 г. Шанхай: изд-во «Время», 1929. С.7.
[794] ГМЗ «Петергоф». Фонд «Архив музея семьи Бенуа».ПДМБ 5055-ар. Л.1.
[795] Время (Шанхай). 1929. 3 октября. С.1.

ва, Верхотурова, Овчинникова, Антонова для набегов на советские дальневосточные территории[796]. Н.А. Мартынов в своих воспоминаниях обстоятельно рассказывал о подготовке, экипировке и отправке через границу отрядов полковника Назарова и полковника Мохова и причинах неудач этих «рейдов» – малочисленность отрядов (16–20 чел.), нехватка оружия и патронов, несогласованность действий, решительность войск ОГПУ[797]. Но в военных действиях китайских войск эмигранты участия не принимали. В донесении в РОВС «О положении на Дальнем Востоке» 1930 г. определенно указывалось, что «во время конфликта “белых отрядов” на стороне китайцев не было. Был лишь в Трехречье отряд самообороны есаула Пешкова в 500 сабель, которому к концу конфликта пришлось расформироваться в виду столкновения с китайцами, разбился на мелкие группы и перешел на нелегальное положение»[798].

В истории советско-китайского конфликта есть несколько трагических страниц, в том числе т.н. «события в Трехречье», которые эмигранты называли «расправой чекистов над мирным русским населением в Маньчжурии» [799], а также увезенные в СССР эмигранты и их судьба. В ходе наступательных операций ОДВА в октябре – ноябре 1929 г. в плен было взято несколько тысяч китайских солдат, а также проведены аресты и депортации русских эмигрантов. По сведениям эмигрантов, свыше 600 чел. были насильственно вывезены в СССР. Согласно информации ОГПУ, после отхода советских войск в СССР было отправлено из Чжалайнора и Маньчжурии более 150 белоэмигрантов, по другим источникам — 300–400 чел.[800]. Так, например, в обращении Дальневосточного объединения эмиграции к Лиге наций говорилось о 400 русских эмигрантах, насильственно увезенных в СССР во время конфликта[801].

Семьи увезенных в СССР эмигрантов неоднократно обращались к китайским властям с просьбами сообщить что-либо о судьбе их близких. Письма эти передавались в советское консульство и отложились в фонде 100 АВП РФ[802]. Многие эмигранты знали, что их родственники в хабаровской тюрьме, т.к. каким-то образом некоторым удалось переправить письма оттуда в Маньчжурию. Силами родственников были составлены списки

---

[796] Пограничные войска СССР. 1929 – 1938. Сб. документов. М., 1972. С. 352.
[797] Мартынов Н.А. Воспоминания. (Collection of N.A. Martynov. Box #1. BAR).
[798] ГАРФ. Ф. 5826. Оп. 1 Д. 162. Л. 72.
[799] О «трагедии в Трехречье» см.: *Аблова Н.Е.* Указ. соч. С.224-226; *Аурилене Е.Е.* Российская диаспора в Китае... С. 28-29; *Мелихов Г.В.* Российская эмиграция в международных отношениях… С.166-169; *Сибиряков Н.С.* Конец Забайкальского казачьего войска). //Минувшее. Исторический альманах. Paris: Atheneum, 1986. Вып.1. С. 193-254).
[800] *Аблажей Н.Н.* Указ. соч. С. 93.
[801] См. об этом: *Мелихов Г.В.* Российская эмиграция в международных отношениях… С. 184.
[802] АВП РФ. Ф. 100. Оп. 14. Папка 24. Д. 19. ЛЛ.8, 9, 11, 13, 14, 18, 29.

эмигрантов и русских китайских подданных, увезенных в СССР, с указанием возраста, рода занятий, в каком месте были «схвачены», когда «увезены» и т.д.[803]. Особый агент МИД для Гиринской провинции Чжун Юй обращался к генконсулу СССР в Харбине Б.Н. Мельникову с просьбой разобраться в этих случаях, но ответов со стороны советских дипломатических представителей не последовало.

Сейчас достоверно известно, что стало с этими людьми: большинство было обвинено в шпионаже (ст. 58-4 УК РСФСР) и расстреляно в Хабаровске, часть получила сроки от 5 до10 лет ИТЛ. В справке ОГПУ, направленной в НКИД Л.М. Карахану от 31 июля 1930 г. № 341821, подписанной пом. начальника секретно-оперативного управления (СОУ) ОГПУ Я.Х. Артузовым и начальником 5-го отделения контрразведывательного отдела (КРО) ОГПУ И. Чибисовым, сообщалось, что «за время конфликта с китайцами из Маньчжурии вывезено служащих полиции — 90 чел., из них освобождено и отправлено в Китай — 89, расстрелян 1. Белых вывезено 244, из них китподданных — 96, бесподданных — 129, совподданных — 19; из общего числа расстреляно китподданных — 59, бесподданных — 90, совподданных — 4; осуждено на разные сроки в к/л китподданных — 33, бесподданных —32, совподданных — 9, под следствием китподданных — 4, бесподданных — 7, совподданных — 5, освобожден —1»[804].

Успешные операции ОДВА заставили многих эмигрантов в который раз задуматься о своей судьбе. Уже в конце ноября 1929 г., когда стал понятен исход конфликта, те эмигранты, у кого были средства, стали покидать Харбин. Газета «Манчжурия Дэйли Ньюс», издававшаяся в Дайрене, 20 декабря 1929 г. писала о том, что японский консул в Харбине выдал свыше 100 виз «белым» русским для отъезда на юг Китая или через Японию в США[805]. Г.В. Мелихов в своем исследовании указал, что после событий 1929 г. в Шанхай прибыли 3172 беженца с Северо-Востока[806]. Несомненно, что репрессии СССР по отношению к эмигрантам и к советским гражданам были одной из причин обострения отношений между двумя колониями, усиления антисоветских настроений в эмигрантской среде, показали невозможность компромисса и стали поводом для активизации эмиграции и продолжения антибольшевистской работы.

---

[803] В деле хранится список из 91 человек, в основном со ст. Маньчжурия и ст. Чжалайнор (АВП РФ. Ф. 100. Оп. 14. П. 24. Д.1 9. ЛЛ. 20-25).
[804] АВП РФ. Ф. 08. Оп.10.П. 104. Д. 101. Л. 30.
[805] РГИА. Ф. 323. Оп. 5 Д. 1356. Л. 337.
[806] Мелихов Г.В. Российская эмиграция в международных отношениях … С.180. Китайский исследователь Ван Чжичэн считает, что во время советско-китайского конфликта 1929 г. число русских эмигрантов в Шанхае увеличилось на 2 тыс. чел. (*Ван Чжичэн*. Указ. соч. С. 80).

Конфликт, как известно, закончился подписанием Хабаровского протокола 22 декабря 1929 г., по которому на КВЖД было восстановлено статус-кво, и были освобождены из тюрем и концлагерей все советские граждане. Еще во время переговоров в Хабаровске, когда обсуждался вопрос о выплате денег всем уволенным с КВЖД советским гражданам, китайская сторона выступила против этого. Также китайская сторона протестовала против увольнения с КВЖД бывших русских подданных, не граждан СССР и китподданных, т.к. они могли быть «полезными работниками»[807]. Но окончательное решение было принято в советской формулировке. В п.3. Хабаровского протокола указывалось, что всем рабочим и служащим КВЖД, гражданам СССР, уволенным или самоуволившимся, начиная с 10 июля 1929 г., предоставить право и возможность немедленно вернуться на занимавшиеся ими до увольнения должности и получить причитающиеся им от дороги деньги. В п.4. говорилось о разоружении русских белогвардейских отрядов и высылке из пределов ТВП их организаторов и вдохновителей[808].

В целом, советско-китайский конфликт был важным рубежом для взаимоотношений СССР и эмиграции. Он показал условность принятия советского гражданства части служащих КВЖД и привел к тому, что старослужащие, добровольно или под давлением, стали переходить из советского в эмигрантский лагерь.

2. 4. Последствия советско-китайского конфликта 1929 г. и дальнейшее размежевание советской и эмигрантской колоний

2.4.1. Кадровая политика СССР на КВЖД после конфликта

После конфликта советская администрация КВЖД сделала определенные выводы. Провал забастовки на КВЖД показал, что только 35–40% (около 4 тыс. чел.) советских граждан, работавших на КВЖД, продемонстрировали лояльность советской власти, уволившись во время конфликта, остальные 6–7 тыс. чел. остались глухи к агитации и продолжали работать, несмотря на угрозы со стороны профсоюзных активистов. Все служащие и рабочие КВЖД разделились на «сумбейцев» и «конфликтчиков», а в личных делах и характеристиках обязательным стало указание, что делал служащий во время конфлик-

[807] АВП РФ. Ф. 05. П. 48. Д. 70. Л.74.
[808] Советско-китайский конфликт 1929 г. С. 88.

та, чем определялась степень его лояльности советской администрации КВЖД[809]. «Сумбейцев», как героев, поощряли повышением по службе и увеличенными окладами. Например, Д.Т. Кондратенко, бывший до конфликта начальником ст. Лидаохэцзы, после «сумбейского сидения» стал распорядителем движения западного отделения КВЖД. «Конфликтчики» считались изменниками. Показательна формулировка бывшего советского консула в Харбине В. Аболтина (Аварина) в своей книге «"Независимая" Маньчжурия» в отношении советских граждан, оставшихся работать в конфликт: «Белогвардейщина, сумевшая перекраситься в советскую окраску (была и такая), в большинстве разоблачила себя во время выступления китайских генералов в 1929 году, открыто перейдя на сторону белобандитов»[810].

По воспоминаниям Е. Якобсон, бывшей тогда ученицей советской школы Харбина, детей, чьи родители «бастовали» в 1929 г., встречали как героев. Тех же, кто не пропускал занятия, заклеймили как «предателей» и обвинили в «уклонизме»[811]. В докладной записке зам. начальника 4 отдела ДНП от 31 января 1930 г. указывалось, что конфликт провел резкую грань между «советски- и антисоветски настроенными работниками школ», заставил всех выявить свою «откровенную сущность» и самоопределиться, а к тем, кто работал во время конфликта «во вред СССР», у уволившихся возникло «чувство непримиримости»[812].

После конфликта высший состав Управления дороги и Правления КВЖД, партийная, профсоюзная и комсомольская верхушка были полностью обновлены. Большинство служащих — «командированных из Москвы», работавших на КВЖД до конфликта, не вернулись на дорогу или были депортированы в СССР под видом командировки. Новым Управляющим КВЖД 17 декабря 1929 г. был назначен Ю.В. Рудый, член коллегии НКПС[813]. Во время переговоров в Хабаровске в декабре 1929 г. представитель китайской

---

[809] Надо отметить, что потом, после образования БРЭМ в 1935 г., вопрос о поведении в время конфликта стал также обязательным для эмигрантов или советских граждан, желавших зарегистрироваться в БРЭМ. Только тогда увольнение с КВЖД стало считаться признаком «неблагонадежности». Так, А.А. Митаревский оправдывался, заполняя опросный лист БРЭМ: «Вынужден был уволиться со службы (в конфликт) в виду того, что семья моя находилась в СССР и мой неуход со службы мог бы вредно отразиться на ее положении» (ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 31020. Л. 7). См. также п.3.3.1.

[810] *Аварин В.Я.* «Независимая» Маньчжурия. М.: Партиздат, 1932. С. 13.

[811] *Якобсон Е.* Указ. соч. С. 67.

[812] РГИА. Ф.323. Оп.6.Д.857. Л.81.

[813] *Рудый* Юлий Викентьевич (1887-1938) – партийный деятель, из семьи рабочего, железнодорожник. Родился в г. Лида Виленской губ. Революционную деятельность начал с 1904-1905 гг., скрывался в Сибири, как подлежащий аресту и суду. В 1917 г. заместитель председателя Дорожного комитета Пермской железной дороги , после революции состоял членом Президиума главного Дорожного комитета. Во время гражданской войны — уполномоченный Пермской железной дороги и помощник военного комиссара при начальнике военных сообщений 3 армии. Член РКП(б) с 1918 г. С 1920 г. в НКПС. С 1923 по 1925 гг. – за

стороны Цай Юаньшэнь поднял вопрос о «престиже и не назначении Емшанова и Эйсымонта», считая их неприемлемыми фигурами. Более того, он просил повременить с назначением их на какие-либо должности на КВЖД[814]. Тем не менее, А.И. Емшанов с 1 января 1930 г. был назначен тов. председателя Правления КВЖД.

Для начала новая администрация вернула всех уволенных и самоуволившихся во время конфликта советских граждан — они были восстановлены в прежних должностях, им было выплачено жалованье за 6 месяцев, возвращены казенные квартиры[815]. Так, арестованному во время конфликта машинисту И.К. Филипповичу, старослужащему, гражданину СССР, получавшему в год 840 руб., за время конфликта — с 23 июля 1929 г. по 1 января 1930 г. было выплачено 744 руб., включая «покилометровые и премии»[816]. Тем из уволенных, кто не пожелал вернуться на КВЖД, — а это были практически все «командированные из СССР» профсоюзные и партийные деятели, сотрудники спецслужб, депортированные во время конфликта, — были выплачены выходные пособия[817]. Так, главному бухгалтеру КВЖД Н.А. Пекарскому, депортированному в СССР, который не вернулся к месту службы и подал заявление с ходатайством об увольнении его от службы по болезни выплатили 7 500 руб. заштатного пособия[818]. Некоторых «сумбейцев» устроили на работу[819].

Новая администрация начала свою работу с «чистки» служащих дороги — в первую очередь, с массовых увольнений «конфликтчиков». Согласно хабаровскому соглашению 22 декабря 1929 г., должны были быть уволены все эмигранты, китподданные, принятые на службу во время конфликта. Их увольняли без выдачи заштатных пособий, и на всех коллективных письмах в Правление КВЖД с жалобами на несправедливость и просьбами к китайской части Правления защитить их права, стояла надпись: «Оставить без последствий»[820]. В дальнейшем уволенные «конфликтчики» продолжали хлопотать о выдаче им по 3-хмесячному окладу, но, в основном, безуспешно.

О харбинской обстановке после конфликта Н.В. Устрялов сообщал Г.Н. Дикому в письме от 19 января 1930 г.: «Общее положение здесь — исключительно сумбурное, до какой-либо стабилизации еще очень далеко. <…> Советскую администрацию окружает

границей в Германии, изучал заграничный транспорт. С 17 декабря 1929 по март 1935 гг. – Управляющий КВЖД.

[814] АВП РФ. Ф.05. П.48. Д.70. Л.41.

[815] См. прил. 7, 12, 25, 36, 41, 43, 44, 48, 49, 60, 65, 66, 71, 78, 79, 83, 90, 92, 94.

[816] РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 5606. Л. 29.

[817] См. прил. 13, 17, 57, 67, 68.

[818] РГИА. Ф.323. Оп 4. Д. 466. Л. 194.

[819] См. прил. 3, 46.

[820] РГИА. Ф. 323. Оп.4. Д.465. Л.9-12, 55, 63.

глухая, но ожесточеннейшая ненависть китайцев и белых. <…> Позиция советской администрации в вопросе “оставшихся”: точка зрения верхов, по-видимому, такова: никакой ломки аппарата, сейчас умеренность и терпимость, но затем неуклонная и реальная советизация личного состава. (Рьяные профсоюзники и проливавшие кровь сумбейцы — недовольны)»[821].

«Чистка» коснулась также советских граждан, оставшихся работать в конфликт. Как писала харбинская пресса, с дороги увольнялись «редиски», провалившиеся на «конфликтном экзамене»[822]. Большинство советских граждан, оставшихся работать во время конфликта, были уволены в течение 1930 г. с формулировкой «по сокращению штатов» или «за минованием надобности»[823].

Часто увольнение тех, кто остался работать на КВЖД во время конфликта, было связано с отказом в ходатайстве о принятии в советское гражданство (т.н. квитподданных). Их увольняли как «бесподданных» без выплаты заштатного пособия. Так, по приказу № 62 от 14 октября 1930 г. были уволены от службы на дороге с 9 октября 1930 г. вследствие «несостояния в гражданстве СССР или Китая» старослужащие, работавшие в Правлении КВЖД, К.С. Голиков, Е.Х. Нилус, П.П. Никольский, А.Н. Писарев, Б.Г. Модин, Л.М. Терехов, М.Г. Горшков, В.А. Барри, Е.В. Кузнецова, И.В. Пятков, А.В. Юрьев, К.Н. Альтман, В.Н. Львова[824]. К приказу было приложено письмо из генконсульства СССР в Харбине от 4 октября 1930 г., в котором сообщалось, что «ходатайство нижеуказанных граждан о принятии их в гражданство СССР постановлением Президиума ЦИКа СССР отклонено». Бывший коммерческий агент, работавший в Коммерческом отделе Правления КВЖД, И.И. Вонсович, вышедший из гражданства СССР во время конфликта, был уволен 21 января 1930 г. от службы за «несостояние в гражданстве СССР или Китая» без пособия, после чего он предъявил иск к Управлению дороги от 22 апреля 1930 г. в сумме 4 550 руб.[825].

Многие граждане СССР во время конфликта взяли китайское гражданство, после чего были уволены новой администрацией «за двуподданство» согласно распоряжению Управляющего дорогой Ю.В. Рудого от 29 сентября 1930 г. об увольнении агентов дороги, состоявших одновременно гражданами СССР и Китая. «Двуподданными» считались лица, возбудившие ходатайства о приеме в гражданство СССР или Китая, но не оформившие

---

[821] РГАЛИ. Ф. 2871. Оп. 3. Д. 531. Л. 4-5.
[822] РГИА. Ф. 323. Оп .5. Д. 1030. Л .47.
[823] См. прил. 29, 34, 54, 64, 73, 80.
[824] РГИА. Ф. 323. Оп .9. Д. 1097. Л. 127.
[825] РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 465. Л. 227.

своего исключения из прежнего гражданства. Их попытки оправдаться тем, что советские консульства на территории Китая во время конфликта были закрыты, в расчет не принимались.

Один из уволенных за двойное гражданство конторщик службы пути КВЖД И.И. Пеньков, старослужащий, сообщал в письме председателю Правления КВЖД после конфликта: «Когда наступил прошлогодний конфликт и начался самовольный уход со службы на дороге граждан СССР, то и меня тоже с угрозами принуждали бросить службу на дороге, но я, невзирая ни на какие угрозы, продолжал служить, зная, что в то время сознательные служащие, чуждые всякой политики, были весьма необходимы КВЖД». Пеньков подал заявление на имя генконсула Германии в Харбине от 20 ноября 1929 г. с просьбой уведомить правительство СССР, что он прекращает «ходатайство о восстановлении в гражданстве СССР», после чего принял китайское гражданство, о чем имелось удостоверение Биньцзянского уездного управления № 1560 и паспорт, выданный в Нанкине МВД Китая за № 4. Тем не менее, Пеньков был уволен от службы за двойное гражданство согласно циркулярному распоряжению Управляющего от 29 сентября 1930 г.[826].

Агент службы эксплуатации КВЖД Р.Л. Стрижевский за короткое время сумел 3 раза поменять гражданство. До конфликта у него имелся советский паспорт, в период конфликта он представил в свою службу квитанцию о принятии им китайского гражданства и работал как китподданный, а после конфликта, в конце июня 1930 г. Стрижевский пролонгировал оставшийся у него советский паспорт, после чего был уволен за двуподданство[827].

Многие из железнодорожников решили «сыграть на опережение» и уволиться по болезни. Один из служащих КВЖД советский гражданин Д.В. Федоров, работавший во время конфликта, написал письмо И.В. Сталину 28 декабря 1930 г. В письме он указал на то, что после конфликта тех, кто остался работать, считали врагами и увольняли со службы, а некоторым по знакомству советовали «добровольно уволиться по болезни (хотя он не больной) для того, чтобы получить причитающиеся ему деньги (пенсию, заштатные, взносы, проценты и т.д.)»[828]. По болезни смогли уволиться многие старослужащие, граждане СССР, работавшие в конфликт: П.Е. Ковырков, Т.В. Бутов, Н.С. Зефиров, Н.А. Бай-

[826] РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 465. Л. 155.
[827] Герольд Харбина (Харбин). 1930. 4 сент. С.3.
[828] РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 3. Д. 51. Л .28об. Пособие в случае увольнения по болезни после 11 ноября 1930 года рассчитывалось следующим образом: годы службы умножались на месячный оклад и полученное число делилось на 2, т.е. по полумесячному окладу за каждый год службы.

ков, С.А. Поперек, В.А. Кулябко-Корецкий, Ф.Ф. Бутенко, В.В. Ламанский, А.Н. Скерст, В.Н. Гаттенбергер[829].

Также уволиться «по болезни» решил А.А. Жемчужный, старший врач центральной больницы КВЖД, командированный из Москвы в Харбин в 1926 г. Жемчужный отказался увольняться во время конфликта, но 8 января 1930 г. им было подано прошение об увольнении его от службы по болезни. Это обстоятельство давало ему право получить от дороги единовременное пособие в размере 1 500 зол. руб. Ему было отказано в выплате пособия, и приказом по КВЖД от 14 апреля 1931 г. за №75 старший врач А.А. Жемчужный «за обнаруженную с его стороны бесхозяйственность и небрежное выполнение служебных обязанностей» был освобожден от службы с 13 января 1931 г., без выплаты заштатного пособия[830]. Его жена З. Жемчужная заметила в своих воспоминаниях: «Только когда мы перестали принадлежать к привилегированному классу кавежединцев, я поняла, как много мы лишились — удобный дом, казенные дрова и т.п.»[831]. Жемчужный подал иск на КВЖД в местный суд ОРВП, но ему было отказано. Тогда упорный врач не успокоился и подал апелляцию в Высший суд ОРСМ в 1933 г. (власть в Маньчжурии к тому времени сменилась, было образовано новое государство Маньчжоу-го) и выиграл дело. Тем не менее, денег он так и не получил, т.к. в ответе из Управления КВЖД от 25 октября 1934 г. было указано: «уволенным служащим по служебным соображениям или за внеподданство заштатное пособие не выдается»[832]. В конце концов, врач отказался от советского гражданства, занялся частной практикой, а затем перебрался с семьей в Тяньцзин.

Таким образом, большинство советских граждан, оставшихся работать во время конфликта, были уволены в течение 1930–1931 гг. по «сокращению штатов», «за миованием надобности», за «внеподданство» или смогли сами уволиться по болезни. Согласно справке о наличном составе служащих КВЖД, за 1930 г. было уволено по Управлению дороги — 462 чел., по линии — 5 453 чел.[833]. К тому же с 11 ноября 1930 г. был изменен порядок выдачи заштатных пособий, когда вместо месячного оклада за год службы стали выдавать полумесячный, причем в общей сложности сумма заштатных денег не должна была превышать годовой оклад. Это установление, значительно сокращавшее денежные

[829] См. прил. 8, 14, 15, 20, 31, 47, 50, 81.
[830] РГИА. Ф. 323. Оп. 10. Д. 289. Л. 3.
[831] *Жемчужная З.* Указ. соч. С. 209.
[832] РГИА. Ф. 323. Оп. 10. Д. 289. Л. 11.
[833] РГИА. Ф. 323. Оп. 5. Д. 1254. Л. 27.

выплаты уволенным, по выражению газеты «Гун-бао», «всколыхнуло весь железнодорожный муравейник»[834].

Так как уволенные с КВЖД в 1930-1931 гг. были, в основном, старослужащие, их пособия и выплаты по пенсионной кассе составляли значительные деньги, которых у дороги не было. На август 1931 г. задолженность КВЖД перед уволенными составляла более 7 млн. руб., из них по заштатным пособиям — 2 930 363 руб.[835]. Администрация КВЖД оказалась в трудной ситуации. Был издан приказ Управляющего дорогой за № 133 от 17 октября 1931 г. о пересмотре всех актов медицинского освидетельствования служащих, уволенных с КВЖД по болезни, чтобы не платить пособия[836]. 19 декабря 1931 г. было утверждено «Положение о расчетах с уволенными и увольняемыми агентами КВЖД», согласно которому «в связи с недостаточностью средств для уплаты всех причитающихся сумм уволенным» было решено производить выплаты в несколько приемов в течение 4-х лет. Платежи должны были производиться 2 раза в год – в июне и декабре (всего 8 сроков), начиная с 1932 г. В 1-й срок выплачивалось не больше 300 руб., во 2-й срок – 400 руб., в 3-й срок – 500 руб. и т.д. В 8-й срок выплачивалась вся оставшаяся сумма[837]. Это решение повлекло за собой многочисленные иски в Юридический отдел Правления дороги, местный и Верховный суды, причем большинство дел КВЖД проиграла. На 1 мая 1932 г. задолженность по платежам уволенным составляла уже 7 719 тыс. руб. (в связи с сокращением штатов), в то время как наличные средства дороги составляли 9 074 тыс. зол. руб., к тому же в этот период наблюдалось значительное понижение выручки от дороги.

Дело в том, что финансовое положение на КВЖД в начале 1930-х гг. было непростым. После конфликта 1929 г. в связи с состоянием дороги, экономическим кризисом, падением курса местного доллара, сокращением экспортной торговли доходы КВЖД резко упали. На 1930 г. предполагался доход в 67 млн. руб., но отчетная цифра оказалась близкой к 49 млн. руб.[838]. И в дальнейшем конъюнктура мировых рынков заставляла пересматривать цифры доходов дороги в сторону уменьшения[839].

---

[834] Гун бао. 1930. 16 ноября. С. 3.
[835] РГИА. Ф. 323. Оп. 6. Д. 537. Л. 175 об.
[836] РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 2860. Л. 190.
[837] РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 6182. Л.1 20-121.
[838] *Погребецкий А.И.* Депрессия рынка и мероприятия КВЖД в области экономики и рационализации. //Вестник Маньчжурии. 1930. №11-12. С.55.
[839] Управляющий КВЖД Ю.В. Рудый сообщал в конфиденциальном докладе Правлению от 1 октября 1932 г. о падении доходов КВЖД: валовая сумма доходов дороги (в руб.) в 1928 г. была 64 711 030; 1929 – 68 056 165; 1930 – 49 150 065; 1931 – 40 588 723; 1932 – 26 688 000. Причины снижения доходности — помимо мирового кризиса, строительство в Маньчжурии других железнодорожных путей, конкурировавших с

Во время советско-китайского конфликта КВЖД понесла огромные убытки. На 1 октября 1930 г. общая сумма расходов дороги в связи с «перерывом дипломатических отношений между СССР и Китаем» составила более 11 млн. руб. [840]. Сюда вошли стоимость перевозок китайских войск, убытки от потери материалов и инвентаря, содержание концлагерей, особых отрядов китайской полиции, убытки дороги по перевозкам, уплата служащим за внеурочные работы и т.п. В расчеты не вошла стоимость восстановительных работ, которые требовали по приблизительным подсчетам еще около 4 млн. руб.[841]. Принявший дела новый Управляющий дорогой Ю.В. Рудый сообщал Правлению, что западная линия КВЖД находилась в «полупарализованном» состоянии, «имея в обращении лишь поезда военного командования», восточная линия полностью была «под гнетом воинских перевозок». Коммерческая деятельность дороги находилась в «пассивном состоянии», финансовое положение КВЖД было «неудовлетворительным»[842].

К тому же Советскому правительству срочно нужны были деньги. 22 марта 1930 г. Сталин в телеграмме Ю.В. Рудому предложил внести в 3-хдневный срок Дальбанку не менее 2 млн. руб. на один месяц и по возможности еще один на 2 недели «из наличности КВЖД или путем получения спец. кредитов в инобанках»[843]. На ответ Рудого об отсутствии средств последовала другая телеграмма Сталина от 24 марта 1930 г.: «Ваш ответ не дает ничего утешительного. Мы знаем и без Вашего ответа, что дело это трудное, но в том именно и состоит задача, чтобы преодолеть трудность. <…>Вы должны сделать все возможное, чтобы выкроить указанную в моей телеграмме сумму для Дальбанка. Эту задачу ставит Вам ЦК. Это должно быть сделано не позднее 27»[844]. Задача о переводе денег была выполнена, в том числе и за счет задержек платежей поставщикам и заштатных денег уволенным железнодорожникам. В письме И.В. Сталину от 30 апреля 1930 г. тов. Председателя Правления КВЖД А.И. Емшанов докладывал: «Указание о переводе Госбанку одного миллиона американских долларов нами выполнено в срок. Кроме этого миллиона, во исполнение распоряжения т. Рудзутака поставлено 2 млн. 150 тыс. американских долларов и 1 млн. американских долларов по распоряжению т. Пятакова, а всего в течение марта и апреля нами поставлено 4,15 млн. американских долларов. Делу помогли прежний опыт и

КВЖД, наводнение 1932 г. и связанное с ним снижение количества хлебных грузов, а также «события военного порядка» (японское выступление). (РГИА. Ф. 323. Оп. 5. Д. 1042. Л. 156).

[840] РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 434. Л. 1.

[841] РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 450. Л. 43.

[842] Там же. Л. 40-41.

[843] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 38. Л. 58.

[844] Там же. Л. 73.

сохранившиеся связи с местным деловым миром, иначе при новом и еще малоопытном в таких делах штате Управления дороги перевод указанных средств был бы невозможен»[845].

С 1930 г. начался режим строгой экономии средств КВЖД. Управляющий дорогой Ю.В. Рудый объявил: «Надо думать не только о каждой запасной части, но и о каждом гвозде. Наша задача — где можно, сэкономить даже лишний гвоздь»[846]. Газета «Герольд Харбина» писала 6 сентября 1930 г.: «Для сокращения расходов при встречах и проводах впредь будет сервироваться шампанское только при первой встрече начальствующих лиц. При текущих отъездах и приездах шампанского не будет»[847]. Были снижены зарплаты служащим, особенно высокооплачиваемым, на 30 % в 1931 г., ликвидированы некоторые службы, значительно сокращены льготы и пособия, изменен порядок отвода квартир, прекращено строительство новых школ, клубов и т.д.

Оставшихся на дороге советских граждан предупреждали, что они находятся «на боевом посту». А.И. Емшанов, занявший в январе 1930 г. пост товарища председателя Правления КВЖД, в письме в Москву от 30 апреля 1930 г. сообщал, что «времена пьяных дебошей … прошли безвозвратно, настоящий состав руководящих работников живет достаточно скромно и замкнуто, на мой взгляд, даже вредно замкнуто»[848]. На КВЖД провозглашалась партийная линия по укреплению трудовой дисциплины и борьбы с расхлябанностью, улучшению административного аппарата на дороге, усилению его командированными из Москвы.

С целью уменьшения расходов и «очистки от чуждого элемента» на КВЖД было решено сократить штаты. Так, если после конфликта на 1 января 1930 г. на службе КВЖД состояло 25 473 чел. (8 277 советских граждан, 13 656 китайцев и 3 540 русских китподданных), то уже через год 1 января 1931 г. на дороге работало 19 107 чел., включая временных и поденных служащих[849], а по состоянию на 1 февраля 1932 г. — 16 089 служащих: 7 311 советских граждан и 8 778 китайцев[850]. Уволенные железнодорожники находились в тяжелом положении, т.к. найти работу в Харбине и на линии было непросто. Газета «Рупор» сообщала, что к 1 сентября 1931 г. с КВЖД было уволено около 6 тыс. чел. (с семьями около 25 тыс.), которые «пролетаризируются»[851].

---

[845] РГАСПИ. Ф.613. Оп.3. Д.50. Л.1об.
[846] РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 484. Л. 79.
[847] Герольд Харбина. 1930. 6 сент.
[848] РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 3. Д. 50 Л. 8.
[849] РГИА. Ф. 323. Оп. 5. Д. 1254. Л. 1.
[850] РГИА. Оп. 5. Д. 1042. Л. 65.
[851] Рупор. 1931. 1 сентября. С.4.

Часть железнодорожников смогла на скопленные за время службы средства или заштатные деньги построить дома в Харбине или на линии КВЖД, и жить собственным хозяйством или сдавая комнаты. Но заштатные пособия выплачивали не всем. Материалы личных дел уволенных со службы агентов КВЖД и публикации местной прессы свидетельствуют о том, что советские консульства и администрация дороги, начиная с 1931 г. проводили активную агитацию за возвращение железнодорожников в СССР, мотивируя их выплатами послеслужебного (заштатного) пособия. Газета «Рупор» 4 августа 1931 г. писала о том, что «ряд уволенных, вследствие безвыходного положения, едут в СССР, где им обещают выдать расчет». В другом номере указывалось, что деньги выплачивали без задержек только уезжавшим в СССР – «из особого фонда»[852].

Перед новым аппаратом КВЖД ВКП(б) поставила следующие задачи: восстановление доходности дороги, сокращение до минимума всех расходов, извлечение максимальных валютных выгод для СССР, создание благоприятных условий для советских товаров в Китае, установление нормального взаимодействия с китайскими служащими дороги[853].

На место уволенных старослужащих из СССР прибыли новые кадры, часто неквалифицированные. По воспоминаниям эмигрантов, в них не было «и следа блеска и барственности прежних сановников КВЖД. Это была простая, деловая советская публика»[854]. Некоторые назначения на высшие должности некомпетентных людей вызывали удивление и возмущение у служащих. Например, бывший директор конторы Госторга в Харбине А. Лукашевкер[855], человек ловкий и деловой, стал начальником Земельного отдела, правда, ненадолго. Начальником одной из самых важных служб – Коммерческой – стал в1930 г. присланный из Москвы А.И. Ищенко, с 6 классами образования, впрочем, его тоже отозвали в Москву 1 мая 1931 г.[856].

Как отмечала в своих мемуарах эмигрантка Ю.В. Крузенштерн-Петерец, «вначале Москва присылала спецов либерального типа. Потом покраснее. И, наконец, матерых коммунистов»[857]. Местная японская газета «Харбин Цусин» указывала в номере от 18 марта 1930 г., что на КВЖД после конфликта приняли советских граждан, бывших военных[858]. В донесении агента уголовного розыска китайской железнодорожной полиции Д.

---

[852] Рупор. 1931. 4 , 17 августа.
[853] РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 3. Д. 50. Л. 140.
[854] *Жемчужная З.* Указ. соч. С. 201.
[855] См. прил. 52.
[856] РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 2052. Л. 1 – 1об.
[857] ГАРФ. Ф.10143. Оп.39. Кат.4. Кадр 66.
[858] РГИА. Ф. 323. Оп. 5. Д. 1030. Л. 32.

Шевченко за 1930 г. сообщалось, что «почти с каждым пассажирским поездом едут из СССР не специалисты — железнодорожники [на места уволенных], а, по полученным сведениям, чины транспортного отдела ГПУ, прошедшие учебные классы железнодорожных войск армии СССР». Далее он замечал, что хороших, опытных служащих, главным образом, по службам движения, тяги, коммерческой части, телеграфа уволили, оставив на службе коммунистическую молодежь и вредителей. Все это он связывал с планом «военизации КВЖД». Здесь же сообщалось, что вновь прибывшие из СССР лица почему-то не старше 24–28 лет»[859].

Действительно, судя по личным делам, командированные из Москвы, даже на должности старших агентов, были очень молоды и не обладали достаточным образованием. Например, у прибывшего из Москвы секретаря при членах Правления КВЖД С.Д. Глинского (28 лет) было только среднее образование. К.С. Янчурову, назначенному с 1 мая 1930 г. агентом для поручений при товарище председателя Правления КВЖД, было 30 лет, он окончил 2 курса Горного института в г. Екатеринославе. Б.А. Хесину — врио начальника службы сборов было 30 лет. Многие из вновь прибывших (практически половина) через некоторое время были уволены [860].

Всего на КВЖД с 1 января 1930 г. прибыло 152 командированных из СССР агентов, причем принимались они только на должности старших агентов с окладами выше 2400 руб. в год. Из них к 1 декабря 1934 г. осталось только 31 чел., 121 чел. вернулись в СССР[861]. За послеконфликтный период сменилось 3 помощника Управляющего КВЖД, 5 начальников службы общих дел, 4 помощника начальника службы тяги, 4 начальника службы эксплуатации, 4 помощника начальника службы пути, 2 начальника коммерческой службы, 5 заведующих Экономическим бюро, 3 начальника службы телеграфа, 4 начальника счетно-финансовой службы, 6 начальников учебного отдела, 7 начальников службы сборов, 7 помощников главного контролера, 3 начальника хозяйственно-материальной службы, 5 заведующих Пенсионным отделом, 6 начальников 4 отдела ДНП,6 помощников главного врача, 3 помощника начальника юридического отдела[862]. Из прежних высших агентов КВЖД остались единицы. Все отделы были «укреплены» кадрами из Москвы.

---

[859] Копия донесения Шевченко (б/д) содержалась в бумагах советского консула в Цицикаре А. Бурова за 1930 год (АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 12. П. 18. Д. 5. Л. 41).

[860] Например, из принятых на работу в январе 1930 г. были уволены или уволились в 1931 г.: помощник Управляющего дорогой Денисов Д.А., начальник службы общих дел Гуляев С.И., агенты Катин Н.Д., Арсентьев И.В., К.С. Янчуров и др.; в 1932 г. – агенты Владимиров И.Н., Клименко А.К., конторщица Шемерей М.Б. и т.д. (РГИА. Ф.323. Оп.11. Д.438. Л.35об).

[861] РГИА. Ф. 323. Оп. 11. Д. 445. Л.56.

[862] Там же.

Новый Управляющий дорогой Ю.В. Рудый признавал «понижение квалификации» вновь набранных служащих и «дезорганизацию в их среде»[863]. Кадровый вопрос постоянно поднимался старшими агентами дороги. Так, на совещании 10–11 марта 1931 г. начальник 10 участка службы пути И.П. Карнеев сетовал: «Мы бессильны при подборе сотрудников: при освобождении штатных вакансий просишь поставить одного работника, работу которого знаешь, а нам присылают другого»[864]. Просьбы предоставить возможность начальникам участков на местах производить подбор нужных работников, были неоднократны, тем более что квалификация работников на дороге оставляла желать лучшего. Инженер для особых поручений А.И. Иванов указывал на наличие в послужных списках рабочих и служащих до сотни взысканий, из чего делал вывод, что «благополучие и нормальная работа дороги не являются обеспеченными» и «что порча паровозов, остановка поездов на перегонах, лопнувшие рельсы — все это есть результат низкой квалификации агентов дороги»[865].

Увольнение опытных агентов, постоянная смена руководящего состава КВЖД, его низкая квалификация и недостаточный образовательный ценз не способствовали улучшению деятельности дороги. Снижение доходов КВЖД и покупательной способности населения влияли на экономику ОРВП и вызывали всеобщее недовольство советской политикой в Маньчжурии. Ослабление советского влияния, в свою очередь, привело к усилению эмигрантской колонии.

2.4.2. Увеличение эмигрантской колонии

С подданством — квитанциями и паспортами — после конфликта была полная неразбериха. Во время конфликта многие советские граждане, не зная его исхода, постарались избавиться от своих паспортов — «теряли» их, уничтожали, сжигали. Паспорта СССР требовали ежегодной пролонгации, но многие не сделали этого. Заведующий паспортным отделением генконсульства СССР в Харбине А.М. Дрибинский в ноябре 1930 г. выступил в печати с заявлением: «В настоящее время в консульстве скопилось большое количество паспортов советских граждан, не являющихся за ними в течение весьма продолжительного времени: тут паспорта лиц, выехавших из Харбина и не снявшихся с учета; сданные для пролонгации и не затребованные обратно, скончавшихся граждан и т.д. С

[863]РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 450. Л. 41.
[864] РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 485. Л. 145.
[865] Там же. Л.147-148.

4 декабря в газетах будут помещаться списки лиц, не являющихся за получением паспортов, и по истечении месячного срока невыбранные паспорта будут пересланы в Москву, где будет решен вопрос об их гражданстве»[866].

Почти все уволенные и уволившиеся с дороги «конфликтчики» перешли из советского гражданства в эмигрантское состояние (см. п.3.2.4.). Дорога лишилась в их лице ценных специалистов. Большинство из них ушли в частный бизнес или перешли на службу в китайские или японские учреждения. Многие из старослужащих после увольнения перебрались в другие города Китая или в Европу — например, Н.С. Лопухин, П.Ф. Козловский — во Францию, А. Скерст — в Германию, Н.С. Зефиров и В.В. Ламанский — в Шанхай (см. прил. 31, 50, 51, 81). «Чистка» кадров на КВЖД новой администрацией привела к тому, что надежды на сотрудничество власти и интеллигенции рухнули. По словам Г.Н. Дикого, вынужденного отказаться от советского гражданства в 1929 г. и перебравшегося в Европу, «пришел конец всяким и всем иллюзиям для людей минувшей эпохи»[867]. В переписке с Устряловым 1930–1931 гг. он анализировал советскую политику в Маньчжурии и размышлял о возможностях «другого пути». В письме из Брюсселя в Харбин от 28 ноября 1930 г. он волновался за судьбу «спецов», как части интеллигенции, которая, «хотя бы и с сомнениями в душе (вроде наших), но все же искренно помогала советской власти в ее практических и хозяйственных задачах (идеалисты по преимуществу)». Теперь же, по мнению Дикого, «место интеллигенции заняли фантазеры и подхалимы»[868].

Конфликт 1929 г. и его последствия казались Г.Н. Дикому закономерным итогом советской политики 1927–1929 гг.: «Стыдно сказать. Разгромили все и вся, исподличали, испоганили, разогнали. Предавали многократно национальные и государственные интересы, предательской политикой подготовили покушение на собственные интересы. Защищались трусливо, подводя всех, кто мог им верить и, когда случайно победили (совпало с маразмом в Японии) громили и догромили все. Мало того, что разгромили своих (это бывает), ведут политику донельзя тупую, грубо–захватническую, не сделавши ни одной попытки осуществить какую-либо связь с китайскими интересами — т.е. вися в воздухе (на одних голых штыках), как никто никогда не висел в Маньчжурии: ни японцы, ни русские.<…> Бессовестная, архи-бездарная, архи-тупая политика»[869]. В другом письме Устрялову от 20 марта 1931 г. из Байонны он заключал: «Нашей политики в Маньчжурии,

[866] РГИА. Ф. 323. Оп. 5. Д.1 253. Л. 46.
[867] РГАЛИ. Ф. 2871. Оп. 3. Д. 531. Л. 37.
[868] Там же. Л.43
[869] Там же. Л. 67.

скорее, надо стыдиться. <…> Разгром сменовеховской (целиком или наполовину) интеллигенции в Харбине. <…>Пусть восстановят на службе десяток зря “наказанных”»[870]. Г.Н. Дикий вел активную переписку с коллегами, оставшимися работать на КВЖД, и был в курсе всей ситуации в Маньчжурии. В письме от 13 мая 1931 г. из Байонны он сообщал Н.В. Устрялову: «Получил из Харбина письмо от человека, компетентного в описании хозяйства КВЖД. То, что он мне пишет, рисует картину невозможного развала, вызванного не только конъюнктурой, но и непроходимым невежеством и полной беззаботностью насчет последствий дурного управления делом.<…> Что же принесет будущее столкновение, если ничего не изменится?»[871]. Г.Н. Дикий считал, что была возможна другая политика, то, что он называл «курсом 1925 года», но изменившаяся линия партии, процессы над интеллигенцией в СССР, а также «невежественные» люди, прибывшие на КВЖД из СССР, по его мнению, все «испортили».

О недальновидной политике увольнений новой советской администрацией «спецов» и последствиях этой политики писал Е.Е. Яшнов Г.Н. Дикому 2 ноября 1931 г. после выступления японцев в Маньчжурии: «Вспомянешь добрым словом и здешних советчиков последних лет: они выбросили на голодное существование столь много всякого дельного народа, что теперь у Дай-Цинов (маньчжурская династия — *М.К.*) и японцев есть на всякий случай хорошие кадры антисоветских элементов»[872]. Это понимали и в Москве, особенно когда Маньчжурия была оккупирована японцами. На заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 1 декабря 1931 г. было решено передать инструкции С.М. Кузнецову, тов. председателя Правления КВЖД: «Ввиду того, что обстановка в Маньчжурии неясна, сокращение штатов может дать готовые кадры белогвардейцев и вызвать недовольство у китайцев. До выяснения обстановки… отложить вопрос»[873].

Разочарование «спецовской» интеллигенции новым курсом советской администрации КВЖД выразил Н.В. Устрялов в своей записке М.М. Славуцкому от 12 апреля 1934 года: «Настроений советофильских в подлинном смысле слова в дальневосточной эмиграции сейчас нет, или почти нет. Они были в эпоху нэпа. Тогда наблюдалась довольно значительная тяга эмиграции на родину. Многие обзавелись советскими паспортами и перестали быть эмигрантами. Некоторые вернулись в СССР. “Активистские” настроения свелись к минимуму. Советская политика на КВЖД, ставившая ставку на *освоение* значительной части эмигрантской интеллигенции, завершала разложение в эмигрантских рядах.

---

[870] РГАЛИ. Ф. 2871. Оп. 3. Д. 531. Л. 70.
[871] Там же. Л. 80.
[872] РГАЛИ. Ф. 2871. Оп. 3. Д. 534. Л. 1.
[873] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 863. Л. 1.

Затем положение мало-помалу меняется. Чистки на КВЖД, а затем и вести из Союза … вновь отпугивают от СССР эмигрантов. <…> Со своей стороны, Москва перестает уделять эмиграции внимание, ликвидирует сменовеховские органы, перестает заботиться о средствах воздействия на эмигрантов. В частности, игнорируются настроения эмигрантской молодежи, которые, быть может, при известных продуманных усилиях могли бы быть направлены по иному руслу. В результате – консолидация эмиграции на активных непримиримых позициях и фашистская зараза в эмигрантской молодежи» [874].

После советско-китайского конфликта эмигрантская колония увеличилась количественно не только за счет уволенных с дороги советских служащих, перешедших в «эмигрантское состояние», но и за счет беженцев из СССР, число которых возросло в связи с коллективизацией и усилившимися репрессиями внутри СССР. О приблизительном числе переходивших советско-китайскую границу можно судить по письму агента НКИД в Дальневосточном крае И. Спильванека заведующему 2-м Восточным отделом НКИД Б.И. Козловскому 6 февраля 1931 г. «О положении на сухопутной границе Дальневосточного края за январь 1931 г.», в котором он сообщал: «По Китаю — задержано 1 315 нарушителей (в декабре 1930 г. — 1 115 чел.). Из них… при переходе из СССР — 687 чел., контрабандистов — 357 чел., возвращавшихся с заработков — 194 чел., на почве родственных связей — 16 чел., эмигрировавших в связи с коллективизацией и раскулачиванием — 28 чел., нэпманов — 2 чел., прочих — 89 чел. В связи с раскулачиванием по всей границе увеличивается тяга за границу кулаков и обязательных хлебосдатчиков. Особая активность наблюдается на участке Даурии (буряты), Нерчинского (кулаки) и Благовещенского (немцы)»[875]. Причем в Китай из СССР бежали не только с Дальнего Востока, но и с Урала, и даже с Волги — как, например, немцы-колонисты. Так, газета «Заря» 9 февраля 1931г. сообщала: «За месяц в районе Айгуня по льду и в районе Пограничной в Маньчжурию с территории СССР перешло около 500 чел., в основном немцы-колонисты, казаки, крестьяне. Проводниками были в основном контрабандисты»[876]. Сообщения о беженцах с территории советского Дальнего Востока в Маньчжурию постоянно появлялись на страницах местной прессы вплоть до конца 1930-х гг. В одной из заметок о беженцах из Приморья, описывая их бедственное положение, корреспондент замечал с удивлением: «Дети, встретив толстого господина на улице, страшно хохотали (не видели толстых лю-

[874] АВП РФ. Ф. 0100 «б». Оп. 5. П. 106. Д. 27. ЛЛ. 96.
[875] АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 12. П. 18. Д. 5. Л. 89-90.
[876] Заря. 1931. 9 февр. С. 5.

дей), также они не видели собак»[877]. Сам факт беженцев, их рассказы о жизни в СССР играли свою роль в усилении антисоветских настроений среди эмиграции и возникновении сомнений среди советской колонии.

После конфликта участились случаи «невозвращенчества» коммунистов, направленных на работу в Маньчжурию. 21 ноября 1929 г. ЦИК СССР принял постановление о «перебежчиках»: отказ граждан СССР на предложение вернуться в пределы СССР рассматривался теперь как перебежка в лагерь врагов рабочего класса и крестьянства и квалифицировался как измена Родине. После этого ряд советских чиновников и дипломатов, находившихся за границей, решили остаться там и получили клеймо «невозвращенцев». Выше уже говорилось о решении В.В. Пученко, председателя харбинского отделения «Дальугля» и секретаря партколлектива торгпредства СССР в Харбине не возвращаться в Советский Союз в 1930 г. В 1931 г. отказался возвращаться в СССР А. А. Неопиханов — начальник коммерческого отдела Правления КВЖД, командированный в 1927 г. из Москвы. В апреле 1931 г. его вызвали в Москву вместе с А.И. Емшановым, но Неопиханов уволился по собственному желанию со службы и с семьей выехал на юг Китая[878]. Бывший профсоюзный деятель КВЖД Н.И. Подкованцев в 1929г. добровольно выехал в СССР, но в 1931 г. из-за «голода, притеснений, глубокой несправедливости», бежал в Маньчжурию и стал эмигрантом[879].

М.А. Языкова в своем дневнике описала удивительный случай обратного перехода из советского гражданства в эмигрантское состояние А.М. Ошанина, дворянина, бывшего «белого» офицера, получившего советское гражданство в 1926 г. и высланного в СССР во время конфликта в июле 1929 г. как «активного коммуниста»[880]. Языкова была близко знакома с женой Ошанина Ольгой Николаевной, и его историю передала с ее слов. В декабре 1930 г. Ошанины внезапно объявились в Харбине. Они нелегально перешли границу в сорокаградусный мороз, сделав 100 верст пешком, и начали хлопотать о литовском гражданстве, «потеряв» советские паспорта[881]. Газета «Заря» сообщала подробности «перехода» Ошанина: «Ошанин объявил себя монархистом: сообщал, что в Москве против него вел интриги Князев, ему не дали работы, и он уехал в Хабаровск, потом стал управляющим конского завода близ Никольск-Уссурийска, отсюда вместе с корейцами в сопровождении контрабандистов в декабре 1930 г. вместе с супругой перешел границу у Погра-

[877] На границе (Пограничная). 1935. 16 июня. № 12. С. 4.
[878] Заря (Харбин). 1931. 19 апреля. С. 7.
[879] Рупор. 1931. 13 августа. С.5. [879] См. прил. 67.

[880] См. прил. 67.
[881] Языкова М.А. Дневник. (Collection of M.A. Yazykova. BAR).

ничной. Жил в Шитоухэцзы, потом в Чанчуне, там серьезно заболел воспалением легких. Имеет латвийский паспорт. Сделал заявление (для газеты): “Кошмарнее теперешней жизни в СССР никогда нигде не было и не может быть.<…> Я жестоко расплачиваюсь за свои ошибки.<…> Никогда коммунистом не был, а как был, так и остался монархистом. Я пошел к коммунистам с определенной целью, чтобы более радикальным путем действовать против них”»[882]. А.М. Ошанин скончался, приняв причастие, в апреле 1931 г.

После конфликта начался отъезд «еврейского середняка» — мелких и средних коммерсантов — из Харбина. По сообщениям Дальевциба, «въезд в СССР в те годы был сопряжен с формальностями и хлопотами», поэтому евреи выезжали, кроме СССР, на юг Китая и другие страны (как раз в это время начали расти еврейские колонии в Тяньцзине, Шанхае, Ханькоу). В справке Дальевциба было замечено, что «указанный отлив евреев из Харбина был мало заметен, ибо он компенсировался большим приливом евреев, нелегально прибывающих из СССР. Многие из них, бывшие спекулянты и дельцы, привезли с собой валюту и золото, открыли дела, приобрели недвижимость и прочно обосновались»[883].

2.4.3. Изменение отношения к эмигрантам местных китайских властей после советско-китайского конфликта 1929 г., политизация эмиграции

Конфликт привел к сближению эмигрантов и местных китайских властей ОРВП, которые теперь рассматривали эмиграцию и вопрос о «белых» в Маньчжурии как средство давления на СССР. На любые предложения советских дипломатов об изгнании «белых шаек» с территории Маньчжурии на советскую территорию, о ликвидации «базы» этих отрядов в лице различных эмигрантских организаций, существовавших в Харбине и на линии, об удалении русских из китайской полиции, китайские власти неизменно указывали на вмешательство советских представителей в дела ОРВП. Один из доводов китайцев по вопросу отказа от увольнения русских эмигрантов из китайских учреждений в 1930 г. был следующий: «Вы увольняете тех граждан, которые нелояльно вели себя во время конфликта, почему же мы должны увольнять и разгонять тех, которые могут приносить нам пользу?»[884]. Консул СССР в Цицикаре А. Буров после бесед с Ван Фулином (генерал-губернатором провинции) в 1930 г. вынес впечатление из его намеков, что китайцы

[882] Заря. 1931. 26 февраля. С. 5.
[883] АВП РФ. Ф. 100 «б». Оп. 3. П. 17. Д. 15. Л. 75.
[884] АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 12. П. 18. Д. 5. Л. 12.

будут использовать белых для «нажима через них на нас, на КВЖД»[885]. Один из влиятельных китайских сановников так и заявил консулу конфиденциально: «Пока КВЖД в ваших руках, до тех пор мы используем белых, как и вы используете корейцев против японцев»[886]. Таким образом, все усилия советских дипломатов по борьбе с «белыми» в сложившейся политической обстановке разбивались о китайскую позицию нейтралитета, а фактически использования эмигрантов в качестве противовеса советскому влиянию в Маньчжурии.

В ответ на очередную ноту генерального консула СССР в Харбине от 3 октября 1930 г. об увольнении всех «белых» на китайской службе и русских китайских подданных, китайцы ответили, что русские китподданные являются «старыми жителями, поселившимися здесь много лет назад. Тогда Китай подошел к ним со стороны общечеловеческой морали и принял их на работу. Все желания этих лиц сводятся к тому, чтобы получить средства для своего существования, поэтому они не должны относиться враждебно к Советскому Союзу и Китаю. Изгнание их всех без веских оснований не соответствовало бы началам великодушия»[887].

Генеральный консул СССР в Харбине Б.Н. Мельников представил дипломатическому комиссару МИД Китая по Гиринской провинции Чжун Юю ноту от 5 сентября 1930 г. об открытой, легальной работе белогвардейских организаций в Маньчжурии. К ноте был приложен список 38 наиболее «одиозных белых» организаций в Харбине, ведущих открыто антисоветскую деятельность, который был составлен согласно списку ОГПУ, переданному в НКИД 30 января 1930 г.[888]. В ответном письме Б.Н. Мельникову Чжан Юй сообщал о проведенной проверке представленного списка, в котором выражал сомнения в существовании указанных в списке организаций, пытался преуменьшить роль военной эмиграции и выставить ее в жалком виде. Так, о руководителях РОВСа он сообщал: «Упомянутый председатель союза генерал Бордзиловский проживает по Большому пр., д.104, кв.10. Занимает небольшое помещение. Живет вместе с сыном. <…> Бордзиловский находится в тяжелом материальном положении и не может принимать участия в антисоветской деятельности. Генерал Сычев Е. проживает по Са-эр-бу-цзе, д.23/4. Занимает 3 комнаты. В квартире проживает вместе с женой, сыном, дочерью. По словам Сычева, “после прибытия в Харбин для поддержания своего существования занимаюсь рисованием картин масляными красками. К политической деятельности, внутренней и внешней,

[885] Там же. Л. 15.
[886] Там же. Л.24.
[887] ДВП СССР. Т.13. С.551.
[888] АВП РФ. Ф. 08. Оп. 13. П. 104. Д. 101. ЛЛ. 59–71.

никакого отношения не имею”». Говоря о некоторых эмигрантских лидерах, Юй подчеркивал их неустроенность и невозможность какой-либо политической работы. Например, о лидере Трудовой крестьянской партии он сообщал: «Грачев проживает в Модягоу, занимается обработкой земли, поддерживает свое существование продажей молока. Ничего не слышал о ТКП (существовала до революции). При обыске ничего не найдено». О главе Уссурийского казачьего войска: «По слухам, Савельев является пьяницей и не пользуется ничьим доверием». О генерале Бакшееве: «Проживает в Модягоу (район Харбина – *М.К.*) с женой, сыном и дочерью, поддерживает свое существование продажей молока. Правая его рука вследствие ранения не действует — стар и инвалид, не может заниматься деятельностью». Далее Юй продолжал в том же духе. В конце письма были приложены копии протоколов обысков у всех указанных в ноте лидеров «белогвардейцев» и копии подписок, взятых с них китайскими властями об отказе участвовать в каких-либо организациях [889]. Фактически китайские власти отказывались принимать какие-либо меры по отношению к «белым» активистам, занижая их возможности, подчеркивая бедность и распыленность эмиграции, причем в письме явно сквозит сочувствие к эмигрантским лидерам.

Так, неоднократные ноты генерального консула СССР в Харбине Б.Н. Мельникова от 5 и 16 сентября, 3 октября 1930 г. дипломатическому комиссару МИД Китая по Гиринской провинции Чжун Юю о «белогвардейских организациях» с требованиями об увольнении всех «белых» на китайской службе и т.п. не имели должного воздействия. Мельников писал Л.М. Карахану 28 октября 1930 г.: «Все мероприятия, которые китайские власти якобы приняли в отношении белых, сугубо формальны и бумажны. По-прежнему белые организации существуют, по-прежнему белые отряды нападают, только газеты немного сбавили тон»[890]. Консул СССР на ст. Пограничная Д.Е. Егоров в письме Карахану от 10 мая 1932 г. сообщал: «Наши протесты против бандитских действий определенных лиц местным властям реальных результатов не достигают. Внешне власти как будто что-то делают, суетятся, кого-то увольняют, производят обыски, но толку от всего этого почти никакого. Уволят белогвардейца Петрова, посадят Иванова и все идет по-старому. Принимать меры к обузданию белых у местных властей нет даже морального права (белые были их советниками во время конфликта, являются таковыми и теперь с той лишь разни-

[889] АВП РФ. Ф. 308. Оп. 4. П. 9. Д. 3. ЛЛ. 3–19.
[890] ДВП СССР. Т. 13. 1930 г. С. 597.

цей: во время конфликта — “военспецы”, теперь — специалисты по искоренению большевизма)»[891].

Китайские власти демонстративно держали сторону эмигрантов в самых различных случаях. Б.Н. Мельников в письме Чжун Юю 6 апреля 1931 г. сообщал о некоем Ф. Карапетове, штабс-капитане, бывшем командире 1-го батальона маньчжурского полка, проживавшем в г. Маньчжурия. Карапетов обратился в консульство СССР в г. Маньчжурия, чтобы донести на своих бывших сослуживцев по белой армии, в том числе на своего бывшего командира, генерала В.П. Малакена и генерала Н.А. Савельева, которые, по его словам, готовили «террористические покушения» на отдельных руководящих лиц в Харбине с целью «вызвать конфликт и сорвать отношения Китая и СССР»[892]. После этого официального письма китайские власти вызвали Карапетова для выяснения этого дела и арестовали его.

Этот демарш управляющий Генеральным консульством СССР в Харбине Н.Е. Орлов воспринял как «акт прямого нежелания действительно вести борьбу с белобандитскими элементами»: «Карапетов, подавая свое заявление (в советское консульство — *М.К.)*, мотивировал, во-первых, тем, что он хочет лишить возможности своих сподвижников произвести провокации, во-вторых, что свое заявление он не подал в китайскую полицию, потому что боялся, что находящиеся на службе в полиции белые не доведут этого факта до сведения китайских властей. Таким образом, человек, эмигрант, ничего общего не имевший с консульством, но хорошо знающий свою среду, пустился на единственный, по его мнению, верный путь — предупредить события. Фактом ареста Карапетова, как это ни прискорбно, приходится констатировать нежелание китайских властей … бороться, на основании хабаровского протокола, с белоэмигрантами»[893]. Жена Карапетова в письме в консульство СССР г. Маньчжурия 9 июля 1931 г. сообщала подробности его содержания: «С момента его прибытия в Харбин он с 1 мая по 16 июня находился в ГПУ, закованный в ножные кандалы.<…>16 июня он был переведен в штаб охранных войск, где находится еще в гораздо худших условиях, чем в ГПУ. Во-первых, на 3,5 кв. м площади 40 чел. арестантов, во-вторых, полутемное сырое помещение, в-третьих, передачи из пищи принимаются 2 раза в неделю»[894]. По всей видимости, подобные поступки эмигрантов поощрялись и поддерживались советской стороной, т.к. жена Карапетова просила содействия консульства в устройстве ее на службу на КВЖД и выдачи пособия в увеличенном виде,

[891] АВП РФ. Ф. 08. Оп. 13. П. 104. Д. 101. Л. 31.
[892] АВП РФ. Ф. 308. Оп. 4. П. 9. Д. 3. Л. 31-32.
[893] Там же. Л. 40.
[894] Там же. Л. 50.

т.к. «выдаваемого пособия в 7–10 дней 15 долларов при настоящем положении является слишком недостаточно»[895]. К сожалению, о дальнейшей судьбе Ф. Карапетова не удалось ничего узнать.

Также бесполезны были протесты советских консулов по поводу поддержки китайскими властями перебежчиков из СССР. Консул СССР в Сахаляне Корнеев сообщал в донесении в НКИД 9 сентября 1930 г.: «В Хэйхеском округе (в приграничных районах) усиленным путем проводится работа по переотправке (нелегальной) лиц из СССР в Китай. В течение 2 месяцев перешло нелегально госграницу более 60 человек. В большинстве случаев китайская береговая охрана оказывает бежавшим содействие, даже укрывая последних. В г. Сахаляне китайские власти в лице даоиня беспрепятственно выдают визы на въезд в Харбин, даже при том случае, если я протестую, указывая на факты бежавших растратчиков»[896]. Как показательный пример консул приводил случай с В.Н. Суворином, который работал в Благовещенске кассиром «Союзхлеба», где совершил подлог и растрату, после чего 23 мая 1930 г. переплыл Амур на лодке, взятой напрокат, под обстрелом пограничников. В Сахаляне Суворин, как и все перебежчики, был сразу же освобожден и, получив от местных властей необходимые документы, выехал в Харбин. Перебежчики из СССР, часто с помощью ХКПРБ, получали китайские виды на жительство, и были уже недосягаемы для дипломатических представителей СССР.

Харбинский комитет помощи русским беженцам, организованный как аполитичная благотворительная организация, стал антибольшевистским центром. В его Правление в 1929 г. вошли представители военной эмиграции – полковых землячеств, Офицерского союза и др. Фактически он стал объединением всех бывших воинских чинов Добровольческой армии Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока[897]. В 1929 – 1930 гг. при ХКПРБ была организована комиссия помощи пострадавшим в Трехречье, библиотека, мастерские – переплетная, сапожная, портняжная, регулярная медицинская помощь эмигрантам, созданы общежития для временно нуждавшихся и приезжавших в Харбин с линии. Был организован учет всех прибывавших из СССР беженцев с оказанием им материальной помощи и помощи по легализации в Маньчжурии, юридическая консультация, биржа труда, бюро справок, курсы сестер милосердия, кройки и шитья.

Благодаря сочувственному отношению к эмигрантам китайских властей деятельность активных эмигрантских организаций – легитимистов, РОВС, БРП – оживилась. По

---

[895] Там же. Л. 50об.
[896] АВП РФ. Ф. 08. Оп. 13. П. 104. Д. 101. ЛЛ. 49–50.
[897] Мартынов Н.А. Воспоминания (Collection of N.A. Martynov. Box #1. BAR).

мнению исследователя С.В. Смирнова, началась политизация эмигрантского сообщества: увеличилось число членов политических организаций, многие эмигранты, далекие от политической деятельности, активно включились в антибольшевистскую работу [898]. Итоги советско-китайского конфликта, открытые репрессии по отношению к эмигрантам, увольнение многих старослужащих КВЖД форсировали создание Дальневосточного объединения эмиграции на антисоветской основе (см. п.2.1.1).

Взаимоотношения между советской и эмигрантской колониями в 1924 – 1931 гг. строились на основе политического и идеологического противостояния. Разделение на «белых» и «красных» в Маньчжурии, формирование образов «врага» отражали противоречивость и сложность исторического контекста 1920-х–1930-х гг. Разделение имело отчасти искусственный характер и не исчерпывало сложных процессов, происходивших в этот период среди русской колонии в Маньчжурии. Часто идеологический императив вступал в противоречие с экономической целесообразностью и просто здравым смыслом. Поэтому противостояние часто оборачивалось достаточной терпимостью, что выражалось в отсутствии серьезных столкновений и конфликтов. Оба лагеря часто сближались по отдельным вопросам, особенно по позиции защиты русских интересов в Маньчжурии.

Состав как советской, так и эмигрантской колоний не был однороден. В том и другом лагере существовала небольшая активная часть и довольно большая пассивная, которые так и не могли определиться с идентичностью, заняты были выживанием. Два лагеря не существовали изолированно друг от друга, переплетаясь экономическими, культурными, родственными связями. К тому же тесное существование на одной территории, зависимость всего русского населения от китайских местных властей и внешнеполитической ситуации вынуждали сглаживать острые углы этого противостояния, искать компромисса. Возможность смены гражданства позволяла русскому населению в Маньчжурии сохранять определенную независимость. Советско-китайский конфликт и обострившаяся ситуация внутри СССР привели к поляризации двух лагерей, необходимости окончательного выбора.

Поведение советских граждан и эмигрантов во время советско-китайского конфликта 1929 г. стало одной из важных составляющих экономической и военно-политической ситуации в Маньчжурии и на КВЖД, чрезвычайно запутанного клубка международных отношений. Советско-китайский конфликт стал важным рубежом, своеобразным водоразделом для русского населения Северной Маньчжурии, который пока-

[898] *Смирнов С.В.* Указ. соч. С.77 – 78.

зал неоднородность советской колонии и выявил большинство «редисок» среди советских граждан. Многие из них пошли на разрыв с советской администрацией, поспешили отречься от советского гражданства, подтвердить лояльность китайским властям и перейти в эмигрантский лагерь.

Советская политика на КВЖД и в Маньчжурии после конфликта кардинально изменилась. Общая линия ревизии и укрепления государственного аппарата внутри СССР в конце 1920-х гг. стала основной и для новой администрации КВЖД. Поведение советских граждан во время конфликта, демонстрация нелояльности СССР стали причинами «чистки» на КВЖД, увольнения старых специалистов и замена их «проверенными» кадрами. Однако это привело к усилению эмигрантской колонии и сближению ее с местной китайской администрацией. Советско-китайскими противоречиями воспользовалась Япония, которая вскоре оккупировала Маньчжурию, и в конечном итоге КВЖД оказалась потерянной и для СССР, и для Китая

ГЛАВА 3. ЭМИГРАНТЫ И СОВЕТСКИЕ ГРАЖДАНЕ В МАНЬЧЖУРИИ В УСЛОВИЯХ ЯПОНСКОЙ ОККУПАЦИИ В 1931 – 1945 ГГ.

3.1. Изменение положения советских граждан и эмигрантов после оккупации Японией Маньчжурии в 1932 – 1935 гг.

3.1.1 Реакция СССР на выступление Японии в Маньчжурии

Оккупация японцами Маньчжурии в 1931 г. была итогом длительного соперничества между Россией и Японией, имевшим 30-летнюю историю. После русско-японской войны и ряда соглашений вся Маньчжурия оказалась поделенной на зоны влияния: Северная Маньчжурия с КВЖД была «русской» зоной, Южная Маньчжурия с ЮМЖД – японской. Однако японцы внимательно следили за событиями в России и не раз пытались воспользоваться ситуацией в связи с ослаблением России. Тем не менее, переход власти в полосе отчуждения КВЖД к Китаю в 1920 г. и усиление китайского национализма в Северной Маньчжурии встревожили японцев. Когда после долгих дипломатических переговоров СССР и Китай заключили соглашения 1924 г., в результате которых КВЖД стала управляться на паритетных началах, Япония заняла позицию нейтралитета и официально в дела СССР и Китая не вмешивалась, но вела тщательную работу по сбору информации и наблюдению за новыми хозяевами КВЖД. Центрами сбора информации были Японские военные миссии (ЯВМ), японские консульства в Харбине, Чанчуне, Маньчжурии, Мукдене, японо-русский институт в Харбине. ЯВМ в Харбине вербовала агентов из числа служащих и рабочих КВЖД. В 1928 г. в ЯВМ в Харбине состояло на службе 10 – 15 местных русских, некоторые из которых служили на КВЖД. Японцев интересовало все: планы СССР по отношению к КВЖД, деятельность профсоюзов и партийных организаций. Велся точный учет всех лиц, прибывших из СССР, сведения об их политических убеждениях, списки мужского населения от 18 до 50 лет и т.д[899].

Японцы активно занимались подготовкой общественного мнения, распространением через прессу идеи об «особых интересах» Японии в Маньчжурии. Характерна статья Ф. Хеджеса (F. Hedges) «Маньчжурская империя», напечатанная в газете «Джапан Адвертайзер» (“Japan Advertiser”), англоязычной газеты, издававшейся в Токио, от 8 января 1927 г. В ней подчеркивалось, что для Японии Маньчжурия являлась первой линией обо-

[899] См. об этом: *Куртинец С.* Японские разведывательные органы в Северной Маньчжурии в 20-е гг XX в. // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 4. С. 122-123.

роны: «Маньчжурия – опасный пункт на Дальнем Востоке, и вместе с тем для многих земля обетованная. Три государства борются между собой за обладание управлением Маньчжурией. Для Китая Маньчжурия – буфер по отношению к России и Японии, источник дохода и место, куда можно переселить излишки населения. Для Японии Маньчжурия – источник сырья, рынок для японских товаров, источник других доходов и линия обороны против возможной военной агрессии со стороны материка Азии. Для России Маньчжурия – звено, соединяющее Москву с Владивостоком, источник дохода, а также канал, по которому можно проводить коммунистическую пропаганду в Японии и Китае. Примирить интересы трех государств чрезвычайно трудно. Здесь, главным образом, замешаны политические и военные причины (хотя и экономические играют свою роль). Для России Маньчжурия по преимуществу имеет военное и политическое значение (экономическое благо играет второстепенную роль), для Японии – в первую очередь, экономические мотивы. … Интересы России в Маньчжурии не стоят войны. России приходится считаться с Японией, для которой потеря своего стратегического положения в Маньчжурии означало бы выход из ряда мировых держав. Япония не позволит России захватить в свои руки какую-либо часть Маньчжурии южнее КВЖД»[900].

Вопрос о соперничестве с японцами волновал советских дипломатов, которые неоднократно передавали в НКИД данные об усиливавшихся позициях Японии в Северной Маньчжурии. Дипломаты сообщали о том, что Япония считала Маньчжурию «жизненно важной линией» и рассматривала ее как рынок сбыта японских товаров и источник необходимого сырья. Приводились цифры о том, что инвестиции Японии в Маньчжурию составляли 73 % всех иностранных инвестиций (на долю СССР приходилось 23% – в основном, за счет КВЖД). Вызывало тревогу строительство новых железных дорог Японией в Маньчжурии, которое угрожало доходности КВЖД. Например, строительство японской железнодорожной линии Цицикар – Таонаньфу, дублировавшей КВЖД, грозило оттянуть к себе хлебные грузы и стратегически японцы выходили в тыл Харбина и всего Приморья, создавая прямую угрозу Благовещенску[901]. КВЖД также проигрывала ЮМЖД в вопросах ставок и тарифов на хлебные грузы. Перевозка хлебных грузов в южном направлении (на Дайрен) была значительно дешевле, чем по КВЖД на Владивосток. Сообщая об обстановке в Маньчжурии, консул СССР в Дайрене И.И. Журба писал в НКИД 5 января 1929 г.: «Присутствие в Маньчжурии СССР и совместное управление

[900] РГИА. Ф. 323. Оп. 5 Д. 1348. Л. 28-30. Материалы всех ведущих японских газет переводились в службе переводов КВЖД и включались в еженедельные бюллетени иностранной прессы для Управления КВЖД.
[901] См.: *Кутаков Л.Н.* История советско-японских дипломатических отношений. М., 1962. С .70

КВЖД стоит поперек горла у японцев. <…> Поэтому любой нажим китайцев на КВЖД встречается японской прессой с особенным восторгом и пережевывается с чрезвычайным смаком. <…> Их мечтания – исключить влияние СССР на Северную Маньчжурию»[902]. В своем докладе Журба сообщал о травле КВЖД со стороны местной японской прессы, которая обращала внимание на несоблюдение советской стороной паритета, урезывание власти китайцев, о чрезмерных полномочиях Управляющего и т.д. По словам консула, «японцы изредка лягают КВЖД» и занимаются «подстрекательством к обострению отношений между СССР и Китаем»[903].

И все же выступление японцев в сентябре 1931 г. и оккупация Маньчжурии стали неожиданностью для СССР, спутали все карты, заставили по-новому взглянуть на ситуацию на КВЖД, проанализировать ошибки ведомств, показали отсутствие последовательной политики СССР на КВЖД и в Маньчжурии и проигрыше японцам по всем направлениям — дипломатическим, военным, экономическим[904].

Реакция советских дипломатов на события в Маньчжурии осенью 1931 г. отражала определенную растерянность от стремительно развивавшихся и неожиданных событий, к которым СССР не был готов. В письме управляющего Генконсульством СССР в Харбине Н.Е. Орлова[905] Б.И. Козловскому 4 октября 1931 г. говорилось о «недочетах, которые обнаружились в ходе событий»: «Главным образом это относится к работе наших ведомств. Надо прямо сказать, что предугадать момент наступления непосредственной акции японцев никто не сумел. <…> Это произошло, по-моему, потому, что одно ведомство (видимо, ОГПУ — *М.К.*) разрабатывало и разрабатывает усиленно белых и китайцев, не в состоянии охватить японцев, чтобы дать хотя бы малейший намек на приближающиеся гигантскими шагами события, другое (возможно, военная разведка — *М.К.*) изучало состояние вооруженных сил китармии. <…> В конечном счете, получилась совсем несуразная вещь, когда первые два дня информатором о событиях явился диспетчер и начальник ст. Куаньченцзы, абсолютно чуждый нам человек, находившийся на прямом откупе у японцев в делах железной дороги. Ни то, ни другое ведомство не имело ни в Чаньчуне, ни в Куаньченцзы, по моему мнению, ни одного представителя, на сведения которого мы

---

[902] АВП РФ. Ф.0146. Оп. 12. П.138. Д.8. Л.59-60.
[903] Там же. Л. 70.
[904] Об оккупации Маньчжурии Японией см.: *Аблова Н.Е.* Указ. соч. С. 240-275; *Аурилене Е.Е.* Указ. соч. С. 34-48; *Мелихов Г.В.* Российская эмиграция в междкнародных отношениях…С. 254-274; *Молодяков В.Э.* Указ. соч. С. 368-386; *Писаревская Я.Л.* Маньчжурский плацдарм //Между Россией и Сталиным: Российская эмиграция и Вторая мировая война. М., 2004. С.22-47.
[905] Генеральный консул СССР в Харбине Б.Н. Мельников летом 1931 г. получил назначение в Японию

могли бы с полной уверенностью опираться» [906]. По словам Орлова, КВЖД с приходом японцев становилась и политически, и экономически «мертвой дорогой» для СССР, т.к. японцы постройкой сети железных дорог в Северной Маньчжурии окружили КВЖД и предполагали перенаправить поток грузов Северной Маньчжурии на ЮМЖД[907]. Что касается возможной реакции СССР, то, по мнению Орлова, японцы были уверены в нейтралитете: «японцы считают, что мы не способны дать им серьезного отпора; говорят – на Дальнем Востоке слабо обстоит дело с продовольствием и что вообще плохо живется народу»[908].

События в Маньчжурии послужили основой для пересмотра всей политики СССР на КВЖД. Работа «четверки» — генконсула СССР в Харбине, управляющего КВЖД, товарища председателя Правления КВЖД и его заместителя, которая принимала основные решения по КВЖД, признавалась слабой и неудовлетворительной: «Четверка» была «расконспирирована», занималась «малозначимыми вопросами — редколлегия журнала “Вестник Маньчжурии”, юбилей 30-летней деятельности инженера Калины, о довыборах в комитет старейшин Желсоба, о работе среди женщин, приехавших с мужьями в СССР, о месячном отпуске председателя Дальбанка, поездке в отпуск Файнгара (работник информбюро консульства), об ассигновании ему ссуды в 400 иен и т.д.»[909]. Поэтому предлагалось укрепить кадры КВЖД «надежными и подготовленными работниками», заменить начальников некоторых важных служб, «ликвидировать часть ненужного дороге имущества»[910]. Генеральным консулом в Маньчжурию в ноябре 1931 г. был отправлен М.М. Славуцкий[911]. Решено было держаться позиции полного нейтралитета по отношению к Японии.

Еще до выступления Японии в Маньчжурии И.В. Сталин писал в письме Л.М. Кагановичу от 14 сентября 1931 г.: «С Японией нужно поосторожнее. На своих позициях стоять нужно твердо и непоколебимо, но тактика должна быть погибче, поосмотрительнее. <…> Не пришло еще время для наступления»[912]. А уже после событий 18 сентября 1931 г. в телеграмме Сталина из Сочи Кагановичу и Молотову 23 сентября

---

[906] АВП РФ. Ф.0100. Оп.12. П.18. Д.5. Л.143.
[907] Там же. Л. 145.
[908] Там же. Л. 144.
[909] АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 12. П.18. Д. 5. Л. 149.
[910] АВП РФ. Ф.0100. ОП.12. П.18. Д.5. Л.151-157.
[911] *Славуцкий Михаил Михайлович* (наст. фамилия Аршавский) (1898-1943) — советский дипломат, член ВКП(б). Учился в Политехническом институте. В 1919 г. вступил в Красную армию, воевал на Туркестанском фронте. С 1920 г. на дипломатической работе. В 1931-1937 гг. — генеральный консул СССР в Харбине. В 1937-1939 гг. — посол в Японии.
[912] Сталин и Каганович. Переписка. 1931-1936 гг. М., 2001. С.103.

1931 г. подчеркнул: «Наше военное вмешательство, конечно, исключено, дипломатическое же вмешательство сейчас нецелесообразно»[913]. В газете «Известия» от 23 сентября 1931 г. было опубликовано стихотворение Демьяна Бедного «Что дальше?»: «Всегда готовая к отпору,/ Молчит загадочно Москва. /И даже я в такую пору / Щедрюсь не очень на слова». Каганович в письме Сталину упомянул об этом стихотворении, на что Сталин в письме от 29 сентября 1931 г. ответил ему: «Следовало бы привлечь к ответу, во-первых, редактора «Известий», во-вторых, Демьяна (и Литвинова)»[914]. Л.М. Карахан так определил советскую позицию по поводу выступления Японии в Маньчжурии – «положение внимательного наблюдателя, ограничивающегося защитой своих интересов»[915].

Видимо, все-таки советские дипломаты недооценивали происходившие события. В своем письме Кагановичу от 28 сентября 1931 г. Л.М. Карахан заметил, что «на сегодняшний день обстановка рисуется таким образом, что вероятность продвижения япвойск на КВЖД уменьшилась». Карахана больше всего волновало, как японцы будут использовать русских эмигрантов в противостоянии с СССР: «Японцы будут предпринимать различные шаги, чтобы 1) укрепить свои позиции в районе КВЖД через белых, 2) создавать провокационные выступления против КВЖД и наших учреждений, пытаясь таким образом нервировать нас и обострять наши отношения с китайцами, 3) фактически руками белых захватить отдельные районы на КВЖД, провоцируя наше вмешательство. Необходимо принять контрмеры: 1) начать в прессе разоблачение всех японских планов, 2) [нажать] на китайские власти, чтобы они предприняли немедленные шаги по адресу главарей и руководителей белых организаций, очистке китайских учреждений от белогвардейцев, 3) сделать представление яппра о поддержке, оказываемой японцами белым»[916]. 22 ноября 1931 года НКИД СССР в телеграмме советским консульским и партийным работникам (в Харбине Орлову, Рудому, Бандуре, в Цицикаре Дрибинскому) указал на необходимость проведения «строжайшего нейтралитета на КВЖД», в т.ч. «ни в коем случае не соглашаться на перевозку китайских или японских войск по КВЖД»[917].

В глазах эмиграции «нейтралитет» СССР выглядел как признание полного поражения своей политики в Маньчжурии. После того, как японские войска 5 февраля 1932 г. вступили в Харбин, шанхайская газета «Слово» в передовой статье от 8 февраля 1932 г.

---

[913] Русско-китайские отношения в XX веке. Т.III., М., 2010. С.34.
[914] Сталин и Каганович. Переписка. 1931-1936 гг. С.122.
[915] Из письма Карахана из Токио Мельникову от 1 октября 1931 года //АВП РФ. Ф.0100. Оп.12. П.18. Д.5. Л.141.
[916] АВП РФ. Оп.12. П.18. Д.5. Л.138-139.
[917] Русско-китайские отношения в XX веке. Т.III. С. 57.

отмечала: «Харбин занят японцами. Переброска японских войск свершилась по КВЖД. Центральный вокзал охраняется японцами. Картина своеобразная: хозяева дороги и района полосы отчуждения СССР и Китай стоят в стороне, а третья сторона, никакого формального отношения к дороге не имеющая, фактически распоряжается районом.<…> СССР заставили молчать и у себя дома». Основаниями для молчания СССР газета называла угрозу войны с Японией: «СССР в случае военного столкновения с Японией неминуемо потерпит сейчас полное поражение.<…> Никакими мерами устрашения, даже режим Сталина, удержаться не сможет в случае поражения. Это основание должно вынудить власти СССР решительно уклониться от вмешательства в дальневосточные события.<…> СССР, сжав зубы и поджав хвост, будет выжидать развития событий и здесь, на Дальнем Востоке, и особенно там, на Западе»[918].

Харбинский комитет помощи русским беженцам в документе «Краткая информация о текущем моменте в Маньчжурии», подготовленном в начальный период японской оккупации, был еще более резок в оценках позиции СССР: «Никогда бессилие СССР не демонстрировалось так явно, как в переживаемые нами дни. СССР отлично понимает, что сейчас происходит полная ликвидация его влияния в Маньчжурии и Монголии, крушение его политики на Дальнем Востоке, назревает, быть может, вооруженное столкновение Японии с СССР, — и бессилен помешать этому. Маньчжурия для ближайших лет потеряна для единого националистически настроенного Китая, навсегда потеряна для СССР и, вероятно, для русского влияния»[919].

Представитель Д.Л. Хорвата в Маньчжурии Е.В. Лутчев в информационном бюллетене №3 от 4 февраля 1932 г. сообщал ему: «Советские руководители не скрывают, что им придется покинуть КВЖД. Все бывшие большевитствующие элементы и безбожники – атеисты усердно разыскивают, нельзя ли где купить икон, говоря открыто: “да, настают другие времена”. С КВЖД систематически угоняют в СССР в большом количестве подвижные составы.<…> Тактика их осталась прежней – агитация, провокация, вредительство; сексоты рыщут всюду. Стачком руководит и террористической борьбой»[920].

1 марта 1932 г. японцами было объявлено о создании на территории Маньчжурии нового государства Маньчжоу-го (Маньчжурское государство)[921]. 4 марта 1932 г. последний император Цинской династии Цин Пу И вступил в должность Верховного прави-

[918] СССР и события на Дальнем Востоке //Слово (Шанхай). 1932. 8 февраля. С.1.
[919] Цит. по: *Мелихов Г.В.* Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке. 1925-1932. М., 2007. С.274.
[920] ГМЗ «Петергоф». Фонд «Архив музея семьи Бенуа». ПДМБ 4683-ар. Л.7.
[921] См. об этом: Великая Маньчжурская империя: К десятилетнему юбилею. Харбин: Изд-во «Кио-Ва-Кай», 1942. С. 12 – 13.

теля. Столицей нового государства вместо Мукдена стал Синьцзин («новая столица»), бывший Чанчунь. Харбин до 1 июля 1937 г. стал именоваться Великий Харбин. Государственным флагом Маньчжоу-Го стал штандарт Цинской империи – желтое поле с красной, голубой, белой и черными полосами. Была основана новая эра правления – Датун (великого благоденствия). Высшими органами Маньчжоу-Го стали верховный совет, законодательная палата, совет министров, центральный комитет по охране порядка и спокойствия, который подчинялся распоряжениям командующего Квантунской армией. Во всех административных органах Маньчжоу-Го находились японские советники, которые не обязаны были менять свое подданство. К тому же в новом государстве существовали чисто японские учреждения – Квантунская армия, японская жандармерия, в составе полиции были японские полицейские чины.

После официального признания Японией Маньчжоу-Го 15 сентября 1932 г., Японское правительство провозгласило в декларации: «Маньчжурия и Монголия представляют из себя край, спасенный в свое время японской империей от захвата царской Россией с огромным риском для себя. После этого прошло ровно 27 лет. <…> Теперь будущее Маньчжурско - монгольского края тесно связано с судьбой Японии и во всех отношениях, включая оборону. Судьба края и национальностей, населяющих указанный край, тесно связана с японским народом»[922]. После этого, в октябре 1932 г. японская императорская армия по соглашению, заключенному между Японией и Маньчжоу-го, приняла на себя миссию по охране порядка и спокойствия в пределах Маньчжурии. Для этого в Маньчжурию были посланы значительные контингенты японских войск.

После признания Японией Маньчжоу-Го посол Японии в СССР Хирота сделал заявление для прессы в октябре 1932 г. (в поезде из Цуруги в Токио): «Отношение советской стороны в настоящее время к Японии столь благожелательно, что она в зависимости от условий не прочь передать ей все свои права на КВЖД. Это намерение СССР лучше всех моих слов свидетельствует о его доброжелательном и добрососедском отношении к Японии. <…> Теперешние русские являются “практическими дельцами” высшей марки, ими хорошо учитывается свое положение. Поэтому, мне кажется, надо изменить в корне существующий взгляд на СССР, что он является источником пропаганды идей коммунизма. Сосредоточение советских вооруженных сил на границах Маньчжоу-Го было вызвано только стремлением обеспечить охрану границ СССР, но эта концентрация войск на гра-

[922] Известия «Начиро-Цусин». 1932. 17 сентября (РГИА. Ф. 323. Оп. 5. Д. 413. Л. 184).

нице Маньчжоу-Го ни в коем случае не была направлена против Японии»[923]. Советская политика уступок японцам вполне подтверждала слова японского посла.

Советские представители на КВЖД согласно указаниям из центра предпочитали избегать осложнений с новыми властями Маньчжурии и стремились обходить все острые вопросы. Когда 1 марта 1932 г. было объявлено о создании нового государства Маньчжоу-Го, было устроено официальное празднование, причем руководство КВЖД и Генеральное консульство СССР в Харбине получили приглашения на церемонию. «Четверка» запросила Москву, как объяснить отказ от приглашения. В ответ на заседании Политбюро 8 марта 1932 г. была предложена уклончивая формулировка: «Предложить НКИД дать директиву Славуцкому и Кузнецову: в ответе на приглашение присутствовать на праздновании в связи с организацией Маньчжурского государства, сообщить, что ими еще не получен ответ на запрос из Москвы»[924].

После создания Маньчжоу-Го СССР официально не признал новое государство, но советским консульствам в Маньчжурии было разрешено устанавливать контакты с новой администрацией по вопросам, связанным с положением советских граждан и работой на КВЖД. Советская часть Правления КВЖД по указанию правительства СССР согласилась осуществлять на коммерческой основе перевозки по КВЖД японских войск, правда, японцы за них все равно не платили[925].

Главным для советской стороны в этот период было не дать втянуть себя в конфликт с японцами, гибкость и прагматизм[926]. Советская часть Правления КВЖД в марте 1932 г. признала нового председателя КВЖД Ли Шаогена, назначенного правительством Маньчжоу-Го, согласилась на перемену флага КВЖД (в верхней части вместо гоминьдановского флага был помещен флаг Маньчжоу-Го, внизу оставался флаг СССР), на прием новых членов Правления, на распределение прибыли между государствами. Японцы с 1932 г. ко всем начальникам служб КВЖД и к Управляющему дорогой приставили маньчжурских помощников, которые контролировали деятельность советских представителей. Чтобы не раздражать лишний раз японцев, Политбюро ЦК ВКП(б) на заседании 16 апреля 1932 г. предложило администрации КВЖД «ограничить празднование 1 мая в виду возможных провокаций со стороны белых и японцев»[927].

---

[923] Известия «Ничиро-Цусин». 1932. 15 октября. (РГИА. Ф. 323. Оп. 5. Д. 414. Л. 102).
[924] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 875. Л. 2.
[925] Уже к октябрю 1932 года долг японцев составил 9500 тысяч рублей, за военные перевозки в кассу дороги поступило от японцев всего 941 тыс. руб. (РГИА. Ф.323. Оп.5. Д. 1042. Л.157.).
[926] См. об том: Очерки Министерства иностранных дел. Т. 2. С. 212.
[927] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 880. Л. 4.

Управление дороги также стало гораздо уступчивее в отношении кадровой политики. Несмотря на сокращения штатов, на работу по просьбе японской администрации были взяты уволенные прежде «конфликтчики». Например, уволенную из Коммерческой службы в январе 1931 г. В.А. Ивашкевич[928] устроили в 1932 г. по просьбе японского генерала Хасебе конторщицей в Центральную библиотеку КВЖД, где она проработала до февраля 1935 г. Необходимо отметить, что Ивашкевич, сохраняя советский паспорт, с 1932 г. состояла членом РОВС (личная карточка № 225), с 1934 г. была членом дамского кружка Союза военных инвалидов и даже состояла в дамском кружке Харбинского комитета помощи русским беженцам[929]. Видимо, после прихода японцев отдельные советские граждане, работавшие на КВЖД, уже не считали необходимым соблюдать даже видимость лояльности советской администрации.

В Верховный суд Маньчжоу-Го, находившийся в Синьцзине, новой столице нового государства, посыпались иски к КВЖД со стороны бывших служащих, «несправедливо уволенных» или не получивших заштатные и иные пособия от дороги[930]. Большинство исков было удовлетворено. Таким образом, Управление дороги должно было выплатить крупные суммы, не предусмотренные сметным ассигнованием.

Начиная с 1932 г., при устройстве на службу на КВЖД советских граждан требовались сведения о политической благонадежности от полицейских надзирателей. Численность старших агентов дороги – советских граждан начала сокращаться в пользу агентов с гражданством Маньчжоу-Го. Если на 1 января 1929 г. на КВЖД работало 597 старших агентов с советским гражданством и 148 китайских подданных (как русских, так и китайцев), то на 1 февраля 1935 г. количество советских старших агентов сократилось до 269, 200 старших агентов имели гражданство Маньчжоу-Го[931].

Японская оккупация Маньчжурии полностью изменила ситуацию на КВЖД. Выступая на совещании 12 октября 1932 г. по вопросам финансовых итогов работы дороги за 9 месяцев 1932 г., Управляющий дорогой Ю.В. Рудый заявил: «На сегодняшний день мы имеем такое положение, когда почти вся западная линия не работает, а со вчерашнего дня прекратила работу и восточная линия»[932]. Рудый вынужден был признать, что «дорога поставлена в такие условия, что она лишена возможности спокойно и нормально рабо-

---

[928] См. прил. 34.
[929] ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 17703. Л. 5.
[930] РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 540.
[931] РГИА. Ф. 323. Оп. 11. Д. 447. Л. 139.
[932] РГИА. Ф. 323. Оп. 5. Д. 1042. Л. 230.

тать»[933]. Е.Е. Яшнов писал Г.Н. Дикому 29 января 1933 г.: «Харбин обеднел и продолжает беднеть. Обеднела и вся Маньчжурия. Сбор зерна в 1932 г. был на 25% менее 1931 г. Спешно строится участок Дуньхуа — Хойрен — Гирин Корейской магистрали и ее ответвление на Харбин…, строится железнодорожный мост для соединения этой линии с Хухайской железной дорогой. Т.о., быть может, уже к началу следующей кампании Харбин будет связан с Кореей и Чанчунем новой линией. При низком курсе иены и серебра провоз по ней грузов и пассажиров окажется значительно дешевле, чем по КВЖД. Магистральная роль последней будет закончена. Словом, как раз с Вашим отъездом отсюда (1930 год — *М.К.*) был завершен обособленный период истории Маньчжурии. Советско-китайский конфликт и теперешние события являются переходом в новую фазу»[934]. Под «новой фазой» Яшнов подразумевал конец советского и вообще русского влияния в Маньчжурии.

На заседаниях Правления КВЖД 27 октября, а затем 1–4 ноября 1932 г. обсуждалось тяжелое положение КВЖД. Китайская (теперь уже маньчжурская, т.к. все служащие КВЖД китайцы приняли подданство Маньчжоу-Го) часть Правления предложила прекратить субсидии Желсобам, упразднить Земельный отдел и отдел судоходства, некоторые дополнительные предприятия: питомник, бюро путешествий, Гранд-отель, завод фруктовых вод, закрыть некоторые коммерческие агентства. На это не соглашалась советская сторона, предлагавшая сокращение штатов, уменьшение выдачи средств председателю Правления и товарищу председателя, сокращение ассигнований на автомобили, снижение субсидии на Политехнический институт и школы. В свою очередь, против этого возражала маньчжурская сторона. Работа Правления КВЖД в новом составе была практически парализована, не принималось никаких серьезных решений.

Отношения между двумя частями Правления КВЖД – советской и маньчжурской – обострились в связи с т.н. делом об «угоне паровозов и вагонов на советскую сторону». Практически сразу же после оккупации Маньчжурии Японией, когда стало понятно, что СССР на КВЖД не удержаться, было принято решение о вывозе железнодорожного имущества (паровозов и вагонов) с КВЖД на железные дороги Советского Союза. В СССР перебрасывали паровозы серии «Е» (декаподы), которые Российское правительство заказало в США во время Первой мировой войны, а в 1917 г. они готовились к отправке в Главных мастерских КВЖД. Во время гражданской войны 124 таких паровоза (декапода) «застряли» на КВЖД, и советская часть Правления считала, что они не являются соб-

[933] РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 521. Л. 58.
[934] РГАЛИ. Ф. 2871. Оп. 3. Д. 534. Л. 3об.

ственностью КВЖД. Маньчжурская сторона считала иначе, полагая, что СССР не имеет к этим паровозам никакого отношения. Эти паровозы считались самыми мощными в тот период, поэтому, естественно, у советского правительства к ним был особый интерес.

Внести ясность в этот вопрос позволяет телеграмма зампреда ОГПУ В.А. Балицкого И.В. Сталину от 8 марта 1932 г.: «Нами получены следующие запросы: 1. Из Харбина: в дополнение к переброшенным *ранее* с КВЖД декаподам имеется возможность перебросить на нашу территорию еще 10–12 декаподов. Просьба санкционировать. 2. Из Хабаровска: имеется возможность систематической задержки на нашей дороге подвижного состава КВЖД путем недовыполнения обмена вагонами между Уссурийской дорогой и КВЖД. Этим путем на Уссурийской железной дороге уже задержано к настоящему моменту свыше 5 тысяч вагонов. Указанная задержка вагонов вызывает и будет вызывать все в большей степени затруднения в перевозках на КВЖД. Необходимы указания». На телеграмме надпись Сталина: «Вагонов больше не перебрасывать в СССР, а паровозы – перебрасывать»[935]. На заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 16 марта 1932 г. было принято решение: послать Управляющему КВЖД Ю.В. Рудому от имени НКПС телеграмму о возвращении 2000 вагонов[936].

Маньчжурская часть Правления КВЖД указывала на незаконные действия Управляющего дорогой, рассматривая угон паровозов и вагонов в СССР (всего было угнано 83 паровоза серии Е, около 3 тыс. вагонов и «прочее имущество») как вывоз собственности КВЖД, благодаря чему дорога была поставлена в «катастрофическое положение». После долгих бесплодных переговоров, маньчжурские власти 6 – 8 апреля 1933 г. прекратили прямое сообщение между КВЖД и Забайкальской железной дорогой для «предупреждения угона паровозов и вагонов». Закрыто было только прямое грузовое сообщение, пассажирские поезда продолжали ходить. Следствием этого было скопление на ст. Мациевской Забайкальской железной дороги товарных вагонов с грузами для транзита в Приморскую область. Советская сторона после этого вернула часть вагонов. Газета «Харбин Симбун» писала 11 мая 1933 г. о том, что из 3200 угнанных вагонов возвращено не больше 900, из 83 паровозов – 4 [937].

В ответ на угоны паровозов и вагонов полицией были проведены обыски у руководящих советских агентов КВЖД. Советские служащие настаивали на всеобщей забастовке на КВЖД, но советская часть администрации КВЖД соблюдала «крайнюю сдержанность

---

[935] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 2. Д. 88. Л. 1.
[936] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 876. Л. 4.
[937] РГИА. Ф.323. Оп. 5. Д.1437. Л.21.

и самоконтроль». Японская газета «Харбин Симбун» в номере от 24 мая 1933 г. писала, что «за угоном подвижного состава КВЖД стоят советские агенты – инженеры Управления КВЖД Нестеров, Горбач, начальник Технического отдела КВЖД Лавров, зав. паровозным депо ст. Маньчжурия Сущенко и его пом. Сунавский, нач. паровозного депо ст. Пограничной Кодвель и его пом. Миливерстов»[938]. Критике подвергался весь высший состав дороги, особенно управляющий Рудый, вносивший «беспорядки в управление КВЖД», пренебрегавший «паритетом», т.к. все вопросы он решал без подписи своего маньчжурского помощника И Личуна. Японские газеты в мае 1933 г. активно обсуждали вопрос об увольнении Рудого и рассмотрении вопроса о компенсации за «угнанный» подвижной состав[939].

В связи с тем, что 79 паровозов еще оставались в СССР, маньчжурские власти объявили в мае 1933 г. ультиматум (срок истекал 12 мая), после чего 31 мая в 10 часов маньчжурская сторона «после отказа возвратить похищенные с СМЖД паровозы и вагоны» закрыла прямое (беспогрузочное) сообщение между КВЖД и Уссурийской железной дорогой. Теперь на границе (ст. Пограничная), грузы перегружали в вагоны Уссурийской железной дороги и наоборот[940]. С 1 июня 1933 г. КВЖД была переименована японцами в Северо-Маньчжурскую железную дорогу (СМЖД), хотя советская сторона называла дорогу по-прежнему. В ответ на протест тов. председателя Правления П.А. Бандуры 14 июня 1933 г. по поводу закрытия стрелок на ст. Пограничная председатель правления КВЖД (дубань) Ли Шаоген ответил 4 июля 1933 г., что это была «мера самозащиты, вызванная необходимостью охранять целость и сохранность имущества КВЖД». В своем ответе дубань, говоря о превышениях полномочий советской стороной, применил выражение «одностороннее господство»[941]. Маньчжурской частью Правления было поставлено условие – вернуть все паровозы и вагоны на КВЖД, и только после этого стрелки на конечных станциях могут быть открыты.

По делу об угоне паровозов 24 сентября 1933 г. были арестованы 6 высших советских агентов КВЖД – начальник службы тяги А.Х. Калина, главный бухгалтер (начальник счетно-финансовой службы) Н.Ф. Кубли, начальник Главных мастерских В.Ф. Лавров, распорядитель движения службы эксплуатации П.Н. Аблов, начальник ст. Маньчжурия И.Б. Авраменко, начальник ст. Пограничная Л.М. Катыль (см. прил. 2, 36). Официально они были вызваны на допрос прокурорским надзором по докладу Главного контролера

---

[938] Там же. Л. 80.
[939] Там же. Л.15-17.
[940] Харбинское время. 1933. 1 июня. С. 4.
[941] Харбинское время. 1933. 6 июля. С. 6.

КВЖД Цуй Чуньсюя. Это событие стало причиной дипломатического конфликта между СССР и Японией и прерыванием переговоров о продаже КВЖД, начавшихся в Токио 26 июня 1933 г. Главным условием возобновления переговоров с советской стороны было освобождение арестованных (они провели в заключении в тюрьме 6 месяцев и были освобождены по амнистии 24 февраля 1934 г.). Только после их освобождения переговоры о продаже дороги продолжились. Вопрос о возврате паровозов так и не был решен, хотя было проведено судебное расследование. Паровозы остались на территории Советского Союза.

Вместо арестованных агентов Управляющий дорогой назначал на их должности врио советских граждан. С этим не соглашалась маньчжурская часть Правления, настаивая на том, что замещать их должны помощники с маньчжурским подданством, соблюдая установленную на КВЖД традицию: во время отсутствия начальника службы его замещает помощник. Дело в том, что с 1 сентября 1931 г. Правление КВЖД упразднило должность 2-го помощника начальника службы (до этого у каждого начальника службы было 2 помощника – с советским и китайским гражданством, согласно установленному паритету). В результате бесконечных споров дело доходило и до серьезных конфликтов. Например, начальника 1-го участка службы тяги инженера Н.В. Кириллова в декабре 1933 г. арестовала полиция. Управляющий дорогой назначил на его место пом. начальника 1-го участка машиниста Черевко, в то время как маньчжурский пом. начальника службы тяги Тян Сифу назначил на это место машиниста с маньчжурским подданством Единовца. Советские агенты отказались подчиниться Единовцу. В связи с этим счетовод 1 участка службы тяги Марковских был избит чиновником МПС Сато за неподчинение Единовцу. Машинист Черевко был также избит 7 декабря 1933 г. надзирателем Новиковым и арестован[942]. После этого советская часть Правления обвинила маньчжурскую в ущемлении прав советских агентов и захвате дороги.

Были и другие вопросы, вызывающие бесконечные споры и трения – например, вопрос о переходе расчетов КВЖД с условного золотого рубля на местную валюту гоби, т.к., по мнению маньчжурской стороны, «дикими тарифами в золотом рубле Рудый (Управляющий КВЖД – *М.К.*) разоряет край»[943]. Против советской администрации КВЖД 27 января 1934 г. была проведена массовая демонстрация эмигрантов под видом «протеста» против высоких тарифов КВЖД. Демонстрация была организована по инициативе и под покровительством японских властей. Демонстранты (6-7 тыс. чел.) с антисоветскими

[942] Новости востока. 1933. 28 декабря. № 355. С. 4. 1934. 10 янв. № 9. С. 4.
[943] Харбинское время. 1934. 28 января. № 24. С. 11.

плакатами и чучелами советских руководителей прошли перед зданием Правления и Управления КВЖД. В демонстрации приняли участие различные эмигрантские организации – военные, студенческие, общество врачей, педагогическое общество, союз пенсионеров – под лозунгами: «Долой советское вредительство на дороге!», «Долой советский произвол!». Оркестр играл «Преображенский марш». После митинга, во время которого по адресу советской части Правления КВЖД раздавались «наглые выкрики и угрозы ареста», призывы «Долой советчиков с дороги сегодня, завтра – из Маньчжоу-Го, послезавтра – из России», демонстранты сожгли чучела, изображающие Управляющего дорогой Рудого и тов. Председателя Правления КВЖД Бандуры. После этого делегация «белых» была принята Председателем Правления Ли Шаогеном и маньчжурским помощником Управляющего Чжаном Минчже[944]. Напряжение росло. Всем уже было понятно, что работать дальше совместно невозможно, и вопрос о продаже КВЖД был лишь вопросом времени.

3.1.2. Советская колония после оккупации Японией Маньчжурии в 1932–1935 гг.

После образования в марте 1932 г. государства Маньчжоу-Го и провозглашения 1 марта 1934 г. Маньчжоу-Ди-Го (Маньчжурской империи) усилилось давление на советских граждан в Маньчжурии со стороны маньчжурской полиции — обыски, аресты, обвинения во вредительстве — попытках взорвать мосты, рельсы, в крушении поездов. Японские войска вели себя в Маньчжурии и на КВЖД нагло, как победители, — не разрешали осматривать свои грузы, без всякого оформления и разрешения выгружали грузы в пакгаузы, самовольно захватывали земельные участки, квартиры советских служащих, даже дачи в курортных местах[945]. Только в Харбине японцами было занято 23 410 кв. м жилищного фонда дороги: под управление главнокомандующего — 3 926 кв. м, судебное управление — 6 375 кв. м, городскую полицию — 12 981 кв. м, охранные войска — 17 738 кв. м[946]. В «Обзоре отношения Японии к КВЖД», составленном службой общих дел КВЖД, отмечались случаи брани, угроз и насилий японцев по отношению к советским железнодорожным служащим, особенно на линии. Все это давало основание советскому руководству сделать вывод о том, что «японские военные и гражданские власти обращаются с правами и интересами СССР и ее граждан, как с правами и интересами находяще-

[944] Харбинские белогвардейцы выслуживаются перед захватчиками. //Правда. 1934. 30 января. С.6.
[945] Акты о самовольном захвате японскими войсками квартир, земельных участков и проч. (РГИА. Ф. 323. Оп. 5. Д. 1279. ЛЛ. 53-145).
[946] РГИА. Ф. 323. Оп. 5. Д. 1042. Л. 253.

гося в состоянии войны и побежденного врага и даже хуже этого»[947]. Особенно оскорбительны для советских служащих — агентов дороги были побои и угрозы саблями и пистолетами японских военных. Причем на все протесты, с которыми Управление дороги обращалось к японскому командованию, японские власти никак не реагировали и «продолжали делать так, как они желают»[948].

После обострения отношений внутри руководства КВЖД с 25 сентября 1933 г. русские чины железнодорожной полиции ежедневно стали просматривать всю служебную корреспонденцию, поставляемую на ст. Пограничная и Маньчжурия из СССР, и все отправления. На подозрительных и неблагонадежных агентов КВЖД были заведены досье, за ними велось пристальное наблюдение. Подозрительных лиц по рапортам полицейских арестовывали, допрашивали в полиции. Часть арестованных отпускали под поручительство и при выплате штрафа, часть «подлежали выселению из пределов Маньчжоу-Го» и были депортированы в СССР. Судя по спискам депортированных, это были старожилы Маньчжурии, взявшие советское гражданство в 1924-1926 гг.[949]. Аресты служащих дороги совершались практически каждый день, продолжались до конца 1934 г. без объяснения причин, предъявления ордеров и прочих формальностей[950]. Политбюро ЦК ВКП(б) в сентябре 1934 г. была дана директива НКИД: в случае угрозы ареста главных руководителей Северо- Маньчжурского комитета ВКП(б), им следует «временно легально выехать в СССР»[951]. На 1 декабря 1934 г. маньчжурскими властями было арестовано 424 гражданина СССР, 169 граждан Маньчжоу-Го, всего 593 чел., из них освобождено: 201 гражданин СССР, 112 граждан Маньчжоу-го, всего313 чел. Под арестом оставалось 129 граждан СССР, 57 – Маньчжоу-Го (всего 186 чел). Депортировано в СССР – 94 гражданина СССР[952].

С 1932 г. для въезда в СССР и выезда в Северную Маньчжурию из СССР требовалось разрешение полицейского управления, и это вызывало многочисленные прения с советскими дипломатами. Даже в случае поездок между станциями на линии КВЖД советским гражданам необходимо было уведомлять японскую жандармерию. Проведение советских праздников должно было быть согласовано с местными маньчжурскими властя-

---

[947] Обзор отношения Японии к КВЖД [1933] (РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 401. Л. 145).
[948] Там же.
[949] АВП РФ. Ф.308. Оп.6. П.12. Д.9. ЛЛ. 175-226.
[950] Из переписки Управляющего дорогой Ю.В. Рудого с Правлением КВЖД об арестах рабочих и служащих, производимых чинами железнодорожной полиции трудно понять, по какому принципу арестовывались те ли иные служащие. Некоторые, например, освобождались на другой день. (РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 660. Л.2-342).
[951] РГАСПИ. Ф.17. Оп.3. Д.951. Л.1.
[952] РГИА. Ф. 323. Оп. 11. Д. 445. Л. 57.

ми. За две недели до праздников (1 мая, 7 ноября) советские консулы обязаны были посылать программы празднования местным властям и начальнику департамента полиции. Затем следовало разрешение и правила празднования. Например, в «правилах празднования 1 мая для подданных СССР» из департамента полиции Харбина, переданных 25 апреля 1933 г. советскому консулу Славуцкому, было установлено: «На докладе может выступать лишь одно лицо. Речи, носящие характер пропаганды и затрагивающие политические идеи, не допускаются. Музыка, пение, спектакли, кинокартины и прочее не должны содержать пропаганды и затрагивать политические идеи. Материал пения, музыки, спектакля и кинокартин ограничивается лишь ранее просмотренным и разрешенным Департаментом полиции. Места собраний — Мехсоб, Желсоб, клуб узла, “Модерн”, клуб Московских казарм. Не допускается толпиться, количество присутствующих ограничивается числом мест. Собрания на открытом воздухе, речи и лекции не допускаются, также не разрешается расклейка плакатов и карикатурных рисунков. Не допускается собираться толпами и процессиями на улицах. Отдельные флаги СССР нельзя вывешивать — только вместе с флагом Маньчжоу-Го»[953].

Параллельно с ограничениями и притеснениями для советских граждан в Маньчжурии проходила пропагандистская кампания в японской прессе с сообщениями о «красном терроре», «необходимости навести порядок в Маньчжурии», чтобы оправдать усиление военных сил Японии в Маньчжурии. Придирки новых властей к советским гражданам касались не только их политической и экономической деятельности (обвинения в ведении «красной пропаганды», контрабанде и вредительстве), но даже культурной жизни советской колонии. Например, постановку оперетты «Гейша» в Желсобе Харбина японская газета «Харбин Симбун» 23 мая 1933 г. назвала «грязным зрелищем, позорящим японский обычай», а газета «Харбин Ницинци» от 24 мая 1933 г. усмотрела в этом представлении «дьявольскую красную руку» и указала на то, что труппа «состоит из заклейменных членов компартии» и перечислили имена «красных борцов» (артистов театра) — Михайлов, Фина Рокс, Ардатов, Истомин, Моложатов, Муравьев, Томский, Чехов и др.[954].

Неопределенной и напряженной ситуацией воспользовались профсоюзные активисты, агитируя за возвращение в СССР. Действительно, количество желавших выехать и выезжавших в СССР возрастало, начиная с 1932 г., особенно служащих с линии, где активизировались хунхузы и участились случаи взятия в заложники советских служащих[955].

---

[953] АВП РФ. Ф.308. Оп.6. П.12. Д.10. Л.9.
[954] РГИА. Ф.323. Оп.5. Д.1437. Л.93.
[955] См. об этом: *Писаревская Я.Л.* Маньчжурский плацдарм. С. 29.

Н.В. Устрялов в письме проф. В.В. Ламанскому от 17 сентября 1933 г. сообщал: «Много народа уезжает в СССР. Между другими, уехали Н.И. Морозов с семьей, Волонцевич, многие учителя.<…> Многим здесь так плохо (нищета, бандитизм), что приходится сознательно предпочитать домашние трудности зарубежным»[956].

Л.М. Карахан еще в ноябре 1931 г. выдвинул предложения о «стимулировании эвакуации» уволенных железнодорожных служащих в СССР, а именно: «разрешить Дальбанку приобретать у отъезжающих находящиеся у них на руках именные обязательства с выплатой полной суммы обязательства в соввалюте немедленно по приезде уволенных в СССР. Разрешить приезжающим в Союз приобретать в магазинах Торгсина товары за счет сумм, переведенных в оплату именных обязательств КВЖД, купленных у них Дальбанком» [957]. Таким образом, все расчеты с железнодорожниками, выехавшими в СССР, должны были производиться уже в СССР. До отъезда в счет будущих расчетов выдавались авансы на «экипировку», предоставлялась возможность получения в кооперативе рабочих служащих КВЖД товаров на большие суммы. Уезжавшим разрешалось везти с собой весь скарб и провизию без таможенных пошлин и ограничений[958]. Например, инженер Н.И. Морозов, служащий Земельного отдела, уволился 1 мая 1932 г. со службы и для выезда в СССР просил предоставить ему вагон для провоза научных материалов и домашних вещей (около 3 тонн) от Харбина до Москвы[959].

Многие молодые люди, не дожидаясь получения виз, переходили границу нелегально. Полицейские агенты сообщали даже о попытках бегства детей. В рапорте агента Аристова из Хайлара от 13 апреля 1932 г. говорилось о задержании бежавших от родителей в СССР Александра Пикина (14 лет) и Якова Рабиновича (16 лет), советских подданных, учеников 7-й харбинской школы. На товарном поезде они решили добраться до ст. Маньчжурия, но не доехали, т.к. в Хайларе их задержали до приезда родителей[960]. Японская газета «Харбин Симбун» от 16 мая 1933 г. сообщала: «За последние дни значительно возросло число красных русских и комсомольцев, выезжающих из Маньчжурии в СССР. <…> К 10 мая приблизительно половина всех комсомольцев уехали со ст. Пограничная»[961].

---

[956] http://www.magister.msk.ru/library/philos/ustryalov/ustry009.htm.
[957] АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 12. П. 18. Д. 5. Л. 153.
[958] См. об этом: *Писаревская Я.Л.* Маньчжурский плацдарм. С. 29.
[959] РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 3594. Л. 62.
[960] РГИА. Ф. 323. Оп. 6. Д. 878. Л. 3.
[961] РГИА. Ф. 323. Оп. 5. Д. 1437. Л. 70.

С 1932 г. в связи с ослаблением советского влияния в Маньчжурии и усиления давления на советскую колонию начался процесс отказа от советского гражданства[962]. Дело в том, что в июне 1932 г. полицейским управлением ОРВП были введены новые правила о перемене гражданства в связи с «изменением политической ситуации». Согласно этим правилам, советским гражданам («благонадежным») разрешалась перемена подданства при условии предоставления удостоверения из консульства СССР об «утере» подданства, а также тем, кому было отказано в принятии советского гражданства, лицам, имеющим квитанцию («квитподданным»), но официально не принявшим советское гражданство, детям советских подданных. Если консульство не отвечало на запрос полицейского управления в течение 3 недель, то все лица, ходатайствовавшие о перемене подданства, считались не состоявшими в подданстве СССР. Они должны были подать заявление в полицейское управление с подробными сведениями и своей личности и представить поручительства двух эмигрантов, проживавших в одной местности свыше 2-х лет. В случае разрешения перемены подданства СССР на эмигрантское состояние в особой графе вида на жительство (оно должно было быть у всех проживающих на территории ОРВП) вносились «все обстоятельства, поведшие к перемене подданства», а в графе «подданство» зачеркивалось первоначальное подданство (советское) и ставился штемпель «Подданство СССР разрешается переменить на эмигрантское состояние». За перемену подданства взималась плата – от 2 до 15 долларов в зависимости от дохода (15 долларов платили лица, имеющие имущества свыше, чем на 10 тысяч долларов или ежемесячный доход свыше 300 долларов; 5 долларов платили те, чей ежемесячный доход был свыше 80 долларов; лица без доходов и имущества должны были внести 2 доллара)[963].

Полицейское управление ОРВП получало большое количество прошений от советских граждан с ходатайствами об изменении гражданства на эмигрантское состояние, после чего посылало запросы в советское консульство в Харбине со списками лиц, возбудивших ходатайства об изменении гражданства. Эти списки отложились в материалах фонда Генконсульства СССР в Харбине в АВП РФ. Списки были составлены на русском языке русскими полицейскими. В них указывались фамилии лиц, «возбудивших ходатайства об изменении в видах на жительство, выданных полицейским управлением, подданства СССР на эмигрантское состояние», возраст, номер квитанции или паспорта СССР, кем и когда они были выданы, их состояние. Согласно спискам, у многих советские паспорта и квитанции были утеряны, уничтожены, сданы в консульство, у других квитанции

[962] См. прил. 74.
[963] АВП РФ. Ф. 308. Оп. 5. П. 11. Д. 3. Л. 5.

и паспорта были отобраны в Генконсульстве СССР[964]. Обнаружилось, что многие советские граждане не имели никаких официальных документов, подтверждавших свое подданство.

Начиная с 1932 г., многие советские граждане, судя по документам личных дел, перестали продлевать свои советские паспорта. Так, Н.И. Брусиенко, горный техник, служивший на Мулинских угольных копях, сообщал о себе в анкете БРЭМ, что советский паспорт не продлевал с 1931 г., а в феврале 1934 г. «вышел из совподданства, подтвердив это нотариальным порядком через контору нотариуса Изотова»[965]. Позднее процедура перехода в эмигрантское состояние оформлялась уже через Бюро по делам российских эмигрантов (БРЭМ), созданное 28 декабря 1934 г. по инициативе японских властей, состоявшее из русских эмигрантов. За перемену гражданства БРЭМ взимал плату – 10 гоби с человека (см. п. 3.3.1).

Местная пресса внимательно следила за этим процессом, постоянно публикуя списки лиц, перешедших из подданства СССР в эмигрантское состояние. В «подвалах» харбинских и шанхайских газет давались также следующие объявления: «Я (фамилия, имя, занятие), состоял в совподданстве (указан период), после чего ничего общего с советской властью не имел и иметь не желаю». Трудно подсчитать точное число советских граждан, перешедших в эмигрантское состояние, но, судя по длинным спискам фамилий людей, печатавшимся в местных газетах, их поток был многочисленным.

Как заметил Н.В. Устрялов в письме Г.Н. Дикому от 25 июня 1933 г., «здесь в Маньчжурии советское влияние гаснет. Чрезвычайно бодрятся все виды эмигрантских групп. Многие совграждане спешат обменять паспорта и перейти на эмигрантское положение. С точки зрения шкурной, людям, не собирающимся в ближайшем будущем ехать в СССР, выгодно отмежеваться от всего советского, загодя доказать, что ты не верблюд, и проявить какие-то доказательства направо»[966]. В письме Дикому от 7 сентября 1934 г. он подчеркнул процесс размежевания: «Липовые граждане переменили паспорта, атмосфера “чиста, как перед боем”»[967].

Все советские граждане, отказавшиеся от гражданства СССР, должны были теперь подтвердить свою «антисоветскую» идентичность, и, в первую очередь, свою религиозность. В объявлении надзирателя Мулинского полицейского участка В. Грязнова от 10 октября 1933 г. говорилось, что «большинство советских граждан давно уже отошли от сво-

[964] АВП РФ. Ф. 308. Оп. 2. Д. 4. ЛЛ. 14-20.
[965] ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 5855. Л. 3.
[966] Письмо Н.В. Устрялова Г.Н. Дикому от 25 июня 1933 г. //Исторический архив. 1999. №3. С. 120.
[967] Там же. С. 145.

ей религии.<…> Православные, служащие на СМЖД, не исполняют обрядов и треб, не посещают храмов, не почитают святых икон, не имеют их в домах, в семье и школе не дают детям религиозного воспитания, нарекают детей именами, не имеющимися в православных святцах, совершают гражданские похороны и т.д.». Исходя из этого, всем советским гражданам при переходе в эмигрантское состояние необходимо было предъявить: православным — удостоверения от церковных приходов; лицам иных вероисповеданий — от духовных общин или священнослужителей, атеистам — сообщать об этом письменно, на основании чего в китайском виде на жительство в графе «вероисповедание» должна была быть сделана соответствующая отметка[968].

Новые японско-маньчжурские власти поддерживали процесс «десоветизации» эмигрантов и, наоборот, всех «подозрительных» эмигрантов лишали эмигрантского статуса. Например, сотрудники просоветской газеты «Новости Востока» эмигранты Р.Е. Колпакчи[969] и А.П. Маньковский были вызваны в ноябре 1934 г. в департамент полиции Харбина, где им было объявлено, что они лишаются эмигрантского вида на жительство и будут рассматриваться как состоявшие в советском подданстве[970]. Также среди вызванных в департамент полиции был артист оперетты П.К. Рябовский[971], эмигрант, участвовавший 7 ноября в кинотеатре «Модерн» в праздничной программе по случаю 17-й годовщины Октябрьской революции. Власти усмотрели, что «такое поведение не может соответствовать эмигрантскому положению артиста» и отобрали у Рябовского эмигрантский паспорт[972].

Часть советских граждан смогла перейти в литовское, латвийское или польское подданство. Газета «Харбинское время» следила внимательно за «фокусами с паспортами», печатала списки «хамелеонов, меняющих окраску». В номере «Харбинского времени» от 11 ноября 1934 г. был опубликован очередной список новоявленных «литовцев» — Эльянсон М.Ш., Каплун Б.Л., Тальер И.М., Мошкович Г.А. и т.д.[973]. Литовское гражданство взял и Т.В. Бутов [974].

Многие советские граждане, в основном, старослужащие поспешили уволиться, получить заштатные и переехать на юг Китая – в Тяньцзинь, Шанхай, и в другие страны. Шанхайская газета «Вечерняя заря» в номере от 4 июля 1933 г. разоблачала таких «реди-

---

[968] АВП РФ. Ф. 308. Оп. 6. П.12. Д. 9. Л. 117.
[969] См. прил. 42.
[970] Харбинское время. 1934. 23 ноября. С. 3.
[971] См. прил. 74.
[972] Заря. 1934. 25 ноября. С. 3.
[973] Харбинское время. 1934. 11 ноября. С. 3.
[974] См. прил. 15.

сок»: «Уже сейчас масса железнодорожников, состоящих не столько в советском гражданстве, сколько в советском “паспортстве”, очень озабочена своей дальнейшей судьбой. <…> Назваться советским груздем – это одно, а полезть в советский кузов – это другое. О социалистическом отечестве мнение у держателей советских паспортов невысокое, и желание ближе с ним познакомиться, как показал ряд примеров, нет нисколько. В результате уже сейчас в Харбине начался усиленный выход из советского подданства. <…> “Редиски”, как метко их прозвали в Харбине, расстаются со своим внешним защитным покровом ввиду не только минования в нем надобности, но и опасности его дальнейшего использования»[975]. Многие из числа уехавших на юг Китая, сохранили свое советское гражданство (см. п. 3.4.1).

Общая атмосфера, царившая в советской колонии в Маньчжурии, была напряженной. Политическая обстановка не оставляла для большинства советских граждан, особенно из числа служащих КВЖД, выбора: либо отъезд в СССР, на котором настаивали советские консульства, создавая благоприятный режим для репатриации (см. п.3.2.3.), либо переход в эмигрантское состояние, либо переезд (при наличии средств) в другие районы Китая или другие страны.

3.1.3. Оживление активной эмиграции после оккупации Маньчжурии

Когда Япония оккупировала Маньчжурию, часть эмигрантов встретила японцев с надеждой на восстановление «порядка и спокойствия». Г.К. Гинс в своих воспоминаниях отметил: «Русские люди были рады, когда японские войска вступили в Харбин. Они боялись волнений китайских солдат, перед их насилием они были беззащитны. Русские думали, что это будет конец периода беспокойства и неопределенного будущего, что будет больше порядка, поддержанного японской полицией, администрацией и войсками»[976]. Только немногие понимали значение происходивших событий, что «русская карта бита, и бита, вероятно, навсегда!»[977].

Вновь появились надежды на свержение коммунистической власти на Дальнем Востоке при поддержке Японии и образования на освобожденной от коммунистов территории «буферного» государства. В марте 1932 г. эмигрантский Деловой комитет выступил с докладом, в котором поддержал создание нового государства, выразил надежду, что

---

[975] *Ростовцев В.* Судьба «редисок». //Вечерняя заря (Шанхай). 1933. 4 июля. С. 2.
[976] ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 16. Кат. 1. Кадр 534.
[977] Запись в дневнике И.С. Ильина от 10 февраля 1932 г. (ГАРФ. Ф. Р-6599. Оп.1. Д.10. Л. 186).

Япония поможет эмигрантам в борьбе за освобождение России от коммунистов: «Японский народ, сохранивший веру в Бога, не изменивший своему прошлому, создавший культ Императора, героическую армию и рыцарский кодекс чести и доблести самураев. Падение Императорской России погрузило мир в пучину бедствий. Выступление императорской Японии должно вывести мир из бездны и принести всеобщий мир и согласие»[978].

Большинство эмигрантов считало, что теперь война между Японией и СССР неизбежна, и этим необходимо воспользоваться. После выступления Японии в Маньчжурии генерал Д.Л. Хорват как глава русской эмиграции на Дальнем Востоке обратился к организациям и своим уполномоченным с обращением, в котором настаивал на необходимости для русской эмиграции сохранять полный нейтралитет в отношении «происходящих недоразумений». Он считал, что эмиграция в этом деле должна стоять совершенно в стороне и «ждать того момента, когда представится благоприятная возможность действовать объединенными силами всей эмиграции для изгнания большевиков с территории русского Дальнего Востока»[979].

Когда японская армия вступила в Харбин, отдельные лидеры эмиграции — генералы Е.Г. Сычев, И.Ф. Шильников, полковник Е.П. Березовский, А.И. Коробов, В.Ф. Иванов, Е.В. Лутчев и др. посетили резиденцию командующего японскими войсками генерала Тамона[980]. По-видимому, такие визиты «вежливости» со стороны представителей эмигрантских организаций, стремившихся «засвидетельствовать почтение», были нередки, т.к. в информационном бюллетене № 2 от 11–18 февраля 1932 г., переданном в Пекин Д.Л. Хорвату из Харбина, сообщалось о появлении японской армии в Харбине: «Весьма неприятным осадком осталось впечатление от действий лидеров по приходу туда японских войск, и здесь они не сохранили общего лица, отдельные группы посещали командование. <…> Результат — статья в “Харбинском времени” — “организуйтесь, объединяйтесь и сидите смирнехонько, когда будет нужно и настанет время — мы вам скажем!” Эмигрантская масса к выпадам лидеров относится с улыбкой и реагирует просто: что ж, пусть себе поиграют в горелки, каждый торопится забежать вперед, чтобы не обогнали его другие, забывая об общем деле. Общий вывод таков: личное стремление, личное тщеславие»[981].

---

[978] Collection of M.P. Golovachev. Box #1. BAR.
[979] ГМЗ «Петергоф». Фонд «Архив музея семьи Бенуа». ПДМБ 2409-ар. Л. 424.
[980] См. об этом: *Аурилене Е.Е.* Указ. соч. С. 39–40; *Мелихов Г.В.* Российская эмиграция в международных отношениях… С. 271.
[981] ГМЗ «Петергоф». Фонд «Архив музея семьи Бенуа». ПДМБ 4683-ар. Л. 5.

Г.В. Мелихов, опираясь на воспоминания своего отца, бывшего свидетелем событий тех дней в Харбине, считал, что верхушка эмиграции проявила себя в начальный период японской оккупации Маньчжурии далеко не лучшим образом. Однако он отделял поведение лидеров эмиграции и массы рядовых эмигрантов, «отвергавших предлагаемые ей идеи верхушечного “объединения” под эгидой Японии»[982]. О недостойном поведении, желании «выслужиться» эмигрантских лидеров перед новыми властями сообщал Е.Е. Яшнов Г.Н. Дикому в письме 14 марта 1932 г.: «Очень стыдно здесь наблюдать нашу эмиграцию. Такая потеря чувства собственного достоинства, что только руками разводишь. И на этом фоне Михайловы и Лембичи (редакторы эмигрантских газет – *М.К.*) ведут политику натравливания, шантажа. А за сценой — все углубляющаяся безработица, нужда. Печально, по-видимому, будущее русского Харбина»[983].

Ставка на японцев привела к охлаждению отношений между эмигрантской колонией и местными китайскими властями. В одном из информационных бюллетеней для Д.Л. Хорвата от 18 февраля 1932 г. сообщалось о стремительном ухудшении отношения китайцев к русской эмиграции: «Во всех китайских кругах — военных и гражданских — определенное убеждение, что эмиграция идет рука об руку с островитянами [японцами]. Из разговора: “островитяне заселят *своими* Маньчжурию и выгонят и русских, и китайцев”. <…>Весь Фудзядян (Фуцзядян — китайский район Харбина — *М.К.*) напичкан агитационной литературой с карикатурами, в которых эмиграцию называют “продажными наймитами островитян”. К эмиграции отношение отвратительное»[984]. Зато китайцы изменили свое отношение к советским представителям в Маньчжурии, надеясь, что в союзе с СССР Китай сможет противостоять Японии. Управляющий Генконсульством СССР в Харбине Н.Е. Орлов в письме в НКИД замечал: «Настроение китайцев можно охарактеризовать как людей, потерявших голову и плачущих по волосам. У всех вдруг выплыла “гениальная” идея, что единственный друг это *мы*, и мы им поможем». Орлов здесь же привел цитату из одного китайского журнала: «Лучше иметь компропаганду, чем японцев на шее» [985].

С оккупацией Японией Маньчжурии перед русской эмиграцией встал вопрос о демонстрации лояльности новой власти. В январе 1932 г. в Мукдене была создана инициа-

---

[982] *Мелихов Г.В.* Российская эмиграция в международных отношениях ... С. 273-274.
[983] РГАЛИ. Ф. 2874. Оп. 3. Д. 534. Л. 1об.
[984] ГМЗ «Петергоф». Фонд «Архив музея семьи Бенуа». ПДМБ 4683-ар. Л.16.
[985] АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 12. П. 18. Д. 5. Л. 145.

тивная группа из 26-ти русских эмигрантов[986], которая объявила 14 января 1932 г. об образовании «Русского общества в Маньчжурии и Монголии», объединившего около 200 эмигрантов. Эта организация развернула кампанию за приобретение подданства нового государства Маньчжоу-Го: «В русскую колонию будут входить не русские эмигранты и не члены каких-либо русских политических партий, а русские-маньчжурцы, мирные полноправные граждане русской национальности, которые желают жить и работать не в какой-либо чужой для них стране, а в Маньчжоу-Го, гражданами которой они желают быть»[987]. Часть эмиграции осудила эту группу, посчитав, что общество не может выступать от имени всей эмиграции, и что принятие гражданства Маньчжоу-Го равносильно отказу от национальности и Родины. Д.Л. Хорват в письме от 30 января 1932 г. своим уполномоченным в Маньчжурии подчеркнул, что к принятию нового подданства, «к этой позорной антирусской затее нам нужно отнестись совершенно отрицательно»[988]. Тем не менее, многие русские эмигранты, имевшие китайские паспорта, перешли в подданство Маньчжоу-Го. Японская газета «Харбин Ницинici» от 6 июня 1933 г. сообщала также о переходе советских граждан в подданство Маньчжоу-го по случаю ухода из «красного ада в обетованную страну царственного пути». По данным газеты, за год (с 1 июня 1932 г.) подданство приняло 1 875 чел. (газета не уточняла — были это эмигранты или советские граждане) [989].

По мнению многих очевидцев событий 1932 г., японцы в первое время хорошо относились и к русской эмиграции, и к иностранцам, стараясь привлечь к себе симпатии и доверие. Эмигранты надеялись, что японцы, в первую очередь, изгонят коммунистов с КВЖД и передадут ее в управление «белых» русских, впредь до «восстановления национальной власти» в России. Появились даже слухи и газетные заметки о предполагаемом приглашении японцами генерала Хорвата на пост Управляющего КВЖД в случае «изгнания с дороги большевиков»[990]. Новую ситуацию в Маньчжурии предполагалось использовать для восстановления экономического и культурного русского влияния в Маньчжурии. Широко декларируемые принципы нового государства – «открытых дверей» и «равных возможностей», уравнения в правах всех народностей, проживавших в Маньчжоу-Го, окрыляли эмигрантов новыми надеждами. В решениях и постановлениях эмигрантских

[986]В инициативную группу вошли: руководитель — генерал Н.Ф. Петухов (представитель вел.кн. Кирилла Владимировича), ген. Г.И. Клерже, писатель и журналист Вс.Н. Иванов, К.И. Славянский-Ципленков, П.С. Ковган, ген. Осипов и др. Поддержку оказал прибывший в Мукден атаман Г.М. Семенов. См. об этом: *Аурилене Е.Е*. Указ. соч. С. 42–43; *Мелихов Г.В*. Российская эмиграция в международных отношениях… С. 266.
[987] ГМЗ «Петергоф». Фонд «Архив музея семьи Бенуа». ПДМБ 2409-ар. Л. 457.
[988] ГМЗ «Петергоф». Фонд «Архив музея семьи Бенуа». ПДМБ 5455-ар. ЛЛ.1–2.
[989] РГИА. Ф. 323. Оп. 5. Д. 1437. Л. 148.
[990] ГМЗ «Петергоф». Фонд «Архив музея семьи Бенуа». ПДМБ 2409-ар. Л. 425.

организаций появился бодрый, оптимистичный тон, предложения своих услуг новым властям.

Японцы внимательно присматривались к эмиграции. Их целью было реорганизовать эмигрантские общества и союзы, поставить их под общий контроль, использовать эмигрантов для давления на советскую колонию и СССР. В письме, написанном в апреле 1933 г. капитаном К.К. Шубертом лидеру легитимистов В.А. Кислицину, полученному советской разведкой и переданному наркому обороны К.Е. Ворошилову, говорилось о подготовке Японии к выступлению против СССР. Для этого японцы просили эмигрантские организации собрать «уличающий большевиков материал об их помощи и об участии в снабжении китайцев своими инструкторскими и другими средствами для ведения войны». Также японцы считали необходимым почистить основательно «ближайшую будущую фронтовую полосу – Харбин и Мукден», откуда, по словам автора письма, должна быть выслана вся «русская дрянь», для чего эмигрантским организациям следовало составить списки с надлежащими характеристиками, как: «большевик», «секретный агент», «семеновец», «хорватовец», «масон», член РОВСа и.т.п.[991].

В дальнейшем японские власти закрыли в Маньчжурии все отделения Дальневосточного объединения эмиграции и РОВСа, вынуждены были прекратить свою деятельность легитимисты, Братство русской правды и другие, часть их руководителей была выслана из Маньчжоу-Го. Оставлены были только организации, согласные быть послушными проводниками японской политики, а также созданы новые, как Дальневосточный союз военных (1935), Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ)[992]. В качестве лидера эмиграции японцы выдвинули атамана Г.М. Семенова — по мнению М.Я. Домрачеева, «самую непопулярную, нелюбимую и нежеланную ни среди эмиграции, ни среди советских фигуру»[993]. Даже К.В. Родзаевский, тесно связанный с новыми лидерами эмиграции, объяснял впоследствии, что он вынужден был подчиниться «*чуждому* элементу в лице настроенных крайне реакционно и своекорыстно представителей т.н. “семеновцев”»[994].

Примером политики устранения слишком независимых эмигрантских объединений могло бы стать т.н. «дело 5 марта 1933 года». Японской полицией было сфабриковано дело на основании переписки, конфискованной у М.И. Букина – уполномоченного Д.Л.

---

[991] Халхин-Гол. Исследования, документы, комментарии. К 70-летию начала Второй мировой войны. М, 2009. С. 36.
[992] См. об этом: *Аурилене Е.Е.* Указ. соч. С.34–55.
[993] ГМЗ «Петергоф». Фонд «Архив музея семьи Бенуа». ПДМБ 2409-ар. Л. 444.
[994] Письмо К.В. Родзаевского И.В. Сталину от 22 августа 1945 г. //Отечественная история. 1992. №3. С.97.

Хорвата в Чанчуне, по которому генерал Хорват и генерал Дитерихс обвинялись в организации заговора против Японии и Маньчжоу-Го, в шпионаже в пользу Китая, маршала Чжан Сюэляна и Америки, создании «плохой международной базы для Маньчжоу-го», ведении агитации против военных действий Японии в Маньчжурии, а также в ряде других поступков [995]. 5 марта 1933 г., одновременно по всей линии КВЖД и по всем городам Маньчжурии японскими властями были арестованы все Уполномоченные генерала Хорвата и представители наиболее значительных русских эмигрантских организаций (всего было арестовано 56 чел.), в том числе известные эмигранты: А.И. Коробов, Е.В. Лутчев, А.А. Доброхотов, Г.А. Вержбицкий и др. Оказалось, что были перехвачены письма Д.Л. Хорвата Е.В. Лутчеву, в которых говорилось, чтобы эмиграция объединилась, не очень «японофильствовала», не переоценивала японцев и т.д. Письма перлюстрировались в Чанчуне, после чего последовали обыски и аресты. Большинство (кроме М.И. Букина и М.А. Михайлова) после арестов отпустили на другой день, потом извинились: произошла ошибка из-за несовершенства политического аппарата «молодого государства».

По мнению М.Я. Домрачеева, начальника канцелярии Д.Л. Хорвата, японские власти преследовали в этом деле следующие цели: дискредитировать Хорвата и Дитерихса в глазах русской эмиграции, умалить их значение и авторитет; найти повод для закрытия в Маньчжурии подчиненных им организаций; выдвинуть на роль лидера Дальневосточной эмиграции нужное японцам лицо, которое послушно и беспрекословно проводило бы, прежде всего, их цели и задачи [996]. Отчасти это японцам удалось. В течение 2 лет практически все организации, связанные с Европой, в том числе Дальневосточное объединение и РОВС перестали существовать в Маньчжурии, а их лидеры были высланы из страны. Для существования эмигрантских организаций обязательной стала демонстрация лояльности новым властям, что вносило раскол в эмигрантскую среду.

Об общей атмосфере того времени может свидетельствовать письмо Е.В. Лутчева Д.Л. Хорвату от 2 ноября 1933 г. из Харбина. В письме он говорил о новом «японском» периоде в жизни эмиграции, который представлялся ему в виде «хаоса, в котором главным страдательным элементом явится наша эмиграция – раздробившаяся, переставшая понимать друг друга, забывшая идеалы нашей Святой Руси, а некоторая и опошлившаяся до пределов. <…> Правда, имеются еще здоровые соки, и их много, но этот элемент пока молчит и ничем себя не проявляет. В такой атмосфере … жить здесь становится трудно.<…> Глядя на всю эту озлобленность, просто ужас берет за наше будущее. Что же бу-

[995] Письмо Д.Л. Хорвата С.В. Вострotину от 3 июня 1933 г. (Collection of S.V. Vostrotin. Box #1. BAR).
[996] ГМЗ «Петергоф». Фонд «Архив музея семьи Бенуа». ПДМБ 2409-ар. Л.441.

дет первое время на освободившейся от большевиков нашей территории? … И жить здесь стало тяжело, и работать невозможно»[997].

Все лидеры эмигрантских организаций должны были выразить свою лояльность новой власти. Газета «Харбинское время» в апреле 1934 г. провела анкету среди лидеров дальневосточной организации: «на чьей стороне они выступят в случае войны СССР и Японии?». Генерал Г.А. Вержбицкий – начальник РОВС в Маньчжу-Ди-Го, генерал В.А. Кислицын – глава легитимистов, В.Ф. Иванов – председатель дальневосточного монархического союза, генерал В.Д. Космин – председатель Военно-монархического союза, К.В. Родзаевский – генеральный секретарь фашистской партии, генерал Е.Г. Сычев – председатель Восточно-казачьего союза ответили, что выступили бы на стороне японцев против большевиков[998]. Демократически настроенный лидер Дальневосточного комитета партии «Крестьянская Россия» Г.П. Грачев был исключен из партии в 1934 г. за то, что считал, что оккупация части советской территории Японией будет полезна для «победы»[999].

Н.К. Рерих, прибывший в Харбин 30 мая 1934 г. для участия в Маньчжурской экспедиции, также опубликовал заявление в «Харбинском времени» «Роль Ниппона (Японии – *М.К.*) и эмиграции»: «В авангарде пойдет Ниппон с его великим народом, в душе которого горит неугасимый пламень утонченного светлого символизма, героического патриотизма, аристократической романтики духовного подвига, о чем говорит вся его славная история. В этом движении большая роль предназначена русской эмиграции»[1000]. Естественно, многих эмигрантов покоробили славословия Рериха в адрес Японии. Но и Япония была недовольна сближением Н.К. Рериха с местным отделением РОВС (Рерих помог выкупить для РОВС газету «Русское слово»), и в харбинской прояпонской прессе восторги по поводу приезда Рериха сменились «разоблачениями», обвинениями в связях Рериха с масонами и «мировым еврейским капиталом», поисками «московского следа» и отношений Рериха с советским правительством.

«Разоблачения» были организованы Российской фашистской партией, ставшей после прихода японцев самой заметной эмигрантской организацией[1001]. К.В. Родзаевский – генеральный секретарь новой партии признавался, что «до прихода японцев работа развивалась слабо, японцы потом оказывали материальную помощь и административную

---

[997] ГМЗ «Петергоф». Фонд «Архив музея семьи Бенуа». ПДМБ 4070-ар. Л.1
[998] Харбинское время. 1934. 4 мая. С. 1.
[999] См. об этом: *Соколов М.В.* Соблазн активизма. Русская республиканско демократическая эмиграция 20-30-х гг. XX века и ОГПУ СССР. М., 2011. С.450.
[1000] Цит.по: *Дубаев М.Л.* Харбинская тайна Рериха. М., 2001. С.154.
[1001] Российская фашистская партия (РФП) была организована К.В. Родзаевским в 1931 г. после раскола Российского фашистского союза и Союза национальных синдикатов. В 1934 г. РФП была переименована во Всероссийскую фашистскую партию (ВФП).

поддержку»[1002]. Фашисты выделялись в Харбине своей организацией и формой: черные рубашки, черные галифе, сапоги, портупея через плечо, значок – сочетание свастики и двуглавого орла. Приветствием было поднятие вверх правой руки и возглас «Слава России». Партийным гимном – стихотворение харбинской поэтессы М. Колосовой «Подымайтесь, братья, с нами!» на мотив «Преображенского марша». Основной площадкой фашистов в Харбине был Русский клуб на Диагональной улице. В 1934 г. были организованы женское, юношеское и детское фашистские движения. В 1934 г. – число членов ВФП в Харбине, по данным Родзаевского, достигло 2 тыс. чел., по Маньчжурии – 6 тыс. чел.[1003].

В эмиграции отношение к фашистам было, скорее, настороженное. Они считались организацией, созданной японцами и служившей японским целям и задачам, а значит, противной «русскому духу» и русским национальным интересам. Вызывали общее неприятие фашистские методы – шантаж, выколачивание денег из зажиточных эмигрантов, и их призывы на борьбу с масонами и евреями. В.А. Морозов, хорошо знакомый с деятельностью фашистов и лично с Родзаевским, считал харбинских фашистов «скверной организацией»: «Путанная идейная установка, несуразная, порой мальчишеская, порой полупреступная деятельность отталкивали от себя серьезных людей из эмиграции. Не пользовались симпатией и доверием. По существу – политическое шарлатанство мелкого пошиба»[1004].

Но даже среди «обласканных» японцами эмигрантских кругах – фашистских организациях и группировках, которые ориентировались на захват японцами КВЖД и войну с СССР, были сомнения в надежности выбранного союзника. Слишком многое в японской политике зависело от настоящего момента, состояния японо-советских отношений. Генконсул СССР в Харбине М.М. Славуцкий отметил в своем дневнике 28 февраля 1934 г. «минорные» настроения этой части эмиграции: «Мне только что рассказали соседи (ОГПУ – *М.К.*), что среди этих групп (фашистских – *М.К.*) последние дни “пораженческие” разговоры: не следует ли, мол, им занять нейтральную позицию и заглаживать свои грешки, а то как бы их союзники-островитяне их не предали в “дружбе с СССР”»[1005].

С приходом японцев в Маньчжурию оживилась, в первую очередь, активная часть российской эмиграции, которая считала японцев своими союзниками в антисоветской борьбе. Японская газета «Майници» (Осака) в статье от 20 января 1933 г. писала: «Острые углы строительства принципа царственного пути и строительства социализма скрещива-

---

[1002] *Родзаевский К.В.* Отчет о моей 20-летней деятельности //Кентавр. 1993. №4. С. 109.
[1003] Там же.
[1004] РГАЛИ. Ф. 1338. Оп. 5. Д.13. Л.7об.
[1005] АВП РФ. Ф.0100»б». Оп.4. П.102. Д.29. Л.27.

ются в Северной Маньчжурии. Толпы белых русских, в результате революции потерявших родителей, разлученных с братьями и сестрами и покинувших родину, теперь освободились от продолжительных репрессий Чжан Сюеляна и готовы в любой момент в обетованной земле управления царственного пути принять спокойного житья подданство Маньчжоу-го. Каждый раз, когда возникает какое-нибудь дело, они снова возгораются лелеянной ими мечтой о ниспровержении советско-российского государства, и поэтому в Северной Маньчжурии *глухая борьба* между красными и белыми русскими не прекращается (борьба обострилась после вступления в Маньчжурию японских войск)»[1006]. О. Лешко в своей книге «Русские в Маньчжоу-го» привел выдержку из статьи харбинской газеты «Русское слово» с предостережением эмигрантов советским служащим КВЖД о том, что «если они до сих пор хорошо ели, а мы голодали», то теперь будет наоборот; «не они нашим женам – кельнершам будут бросать полтинники, а мы»[1007].

Несомненно, эмигранты чувствовали поддержку со стороны новых властей. Это было заметно по прессе — в Харбине с 1931 г. стала выходить газета «Харбинское время»[1008], которая определила свою антисоветскую позицию, и по активизации деятельности всех эмигрантских организаций. Управляющий генконсульством в Харбине Н.Е. Орлов в письме Чжун Юю, особому агенту МИДа, от 3 октября 1931 г. указывал на усилившуюся «провокационную деятельность белогвардейцев» в Харбине, связанную с выступлением японцев в Маньчжурии, а именно: многочисленные массовые собрания бывших русских военных чинов в Харбине «под видом самообороны», организации курсов по «переподготовке офицерского состава», формировании террористических групп для перехода советско-китайской границы, массовом вооружении с помощью русских полицейских партизанских отрядов[1009].

Ю.В. Рудый сообщал Б.Н. Мельникову 29 октября 1931 г. о событиях на концессии КВЖД Чол (в 80 км к югу от ст. Бухэду). Концессия была захвачена «бандой русских вооруженных лиц», которые подняли царский трехцветный флаг, самовольно заняли все здания, принадлежавшие КВЖД, предложив всем служащим эвакуироваться[1010]. В.М. Молотов в своей речи на XVII всероссийской партийной конференции в январе 1932 г., говоря об оживлении эмиграции в Маньчжурии «под определенным иностранным покрови-

---

[1006] РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 557. Обзоры японской прессы за 1933 г. Л. 46.
[1007] *Лешко О.* Русские в Маньчжоу-го. Шанхай, 1937. С. 4.
[1008] «Харбинское время» - японская газета на русском языке, выходившая с 3 ноября 1931 г. по 1945 г. Редактор – С. Танака, отв. секретарь – Б.П. Шилов. Тираж 4 тыс. экз.
[1009] АВП РФ. Ф. 308. Оп. 4. П. 9. Д. 3. Л. 55.
[1010] Там же. Л. 61.

тельством», использовал выражение: «усиленно *завозились* остатки белогвардейщины»[1011].

Активизация эмиграции была особенно заметна по действиям русских полицейских, усиливших давление на советских граждан. М.М. Славуцкий в письме Ши Люйбэню, представителю МИД Маньчжоу-Го, от 24 октября 1933 г. жаловался на «явное и нарочитое издевательство над советскими гражданами со стороны белых чинов полиции, сведение последними с советской колонией, как таковой, политических счетов». Он приводил примеры нелепых полицейских запретов на линии — например, на постановку некоторых спектаклей и даже спортивных игр. На ст. Цицикар в Желсобе были разрешены танцы, но без музыки или разрешены спортивные игры только без спортивных костюмов[1012].

Об ухудшимся отношении русских чинов полиции к советским гражданам после 1932 г. свидетельствуют письма и заявления в консульства СССР о немотивированных задержаниях и обысках, избиениях, придирках и проверках[1013]. Характерным примером может быть инцидент 26 августа 1933 г. на ст. Мулин, где драгоман Сергей Колечкин (эмигрант) в помещении Желсоба ругался нецензурными словами, сорвал со стены комнаты для практических занятий кружков портреты Ленина и Калинина и разорвал их. Ремонтный рабочий Сторожук попросил Колечкина «прекратить дебош». В дело вмешался русский полицейский Антон Золотарев, который начал избивать Сторожука (советского гражданина) со словами: «Ты тоже красный, вас всех нужно бить». В акте указаны подробности, демонстрировавшие градус ненависти и агрессии по отношению к советским гражданам. Колечкин приговаривал: «Бей всех, китайцев бьем, по 5 рублей получаем, а за эту совдеповскую сволочь больше»[1014].

Русские полицейские осуществляли контроль за советскими учреждениями, производили обыски в школах для детей советских граждан, допрашивали детей. Так, например, надзиратель железнодорожной полиции Пинегин 5 марта 1934 г. вызвал с урока для допроса учениц 5-й школы 2-й ступени на ст. Яомынь Царик и Барташевич и задавал им вопросы: «Ходите ли вы в церковь? Висят ли у вас дома иконы? Учат ли у вас в школе историю» и т.п.[1015]. Генеральный консул СССР в Харбине М.М. Славуцкий в своих сообщениях из Маньчжурии упоминал фамилии особо «отличившихся» белых русских чинов

[1011] Известия. 1932. 31 января. С.1.
[1012] АВП РФ. Ф.308. Оп. 6. П. 12. Д. 9. Л. 124-128.
[1013] Там же. Л. 92 – 120.
[1014] Там же. Л. 98.
[1015] РГИА. Ф. 323. Оп. 11. Д. 445. Л. 71.

сыскной полиции – Горошкевича, Феоктистова, Мартынова, Сомова, Пушкарева и др.[1016]. Надо сказать, что конфликты между советскими гражданами и русскими полицейскими на службе Маньчжоу-Го случались в основном на линии, в Харбине полиция действовала более корректно.

Выпады со стороны русских полицейских, а также «нелепые, провокационные сообщения о Советском Союзе» в местных газетах, были возможны, по мнению советских консулов, только при «потворствовании» этому высших маньчжурских властей. Против СССР и советской колонии в Маньчжурии была развернута пропагандистская кампания, в которой активное участие принимали эмигранты. Так, в Синьцзине (столице Маньчжоу-Го) была создана мощная 100-киловаттная радиовещательная станция, через которую с 1 ноября 1934 г. эмигранты транслировали антисоветские передачи харбинской радиостанции на советский Дальний Восток. Среди авторов и ведущих был лидер РФП К.В. Родзаевский. Содержание передач, в том числе и «доклады о положении в СССР», возмущало советских представителей в Харбине. Например, 6 ноября 1934 г. у микрофона выступал якобы бежавший из СССР бывший красный командир Постышев с призывом: «Красноармейцы! Обратите штыки против угнетателей-большевиков, пусть СССР рассыплется прахом!». 11 ноября 1934 г. Председатель Восточного объединения казачества Сычев обратился к казакам Советского Союза: «Казаки СССР, Сибири и Амура! Подымайтесь против большевиков!». 5 декабря 1934 г., после убийства С.М. Кирова в речах выступавших звучали призывы к террору против вождей СССР, в частности, Сталина. К.В. Родзаевский в одном из выступлений на радиостанции заявил: «Николаев показал нам нашу дорогу». «Белогвардейцы» в передачах описывали голод, разруху, сообщали об антисоветских восстаниях в Советской России, призывали «сбросить власть большевиков»[1017].

Во время суда над организаторами скандально-известного похищения и убийства в 1933г. музыканта Семена Каспе[1018], которое потрясло харбинскую общественность циничной жестокостью и приобрело международный резонанс, обвиняемые заявили, что средства от выкупа Каспе должны были пойти на борьбу с большевиками. Харбинская фашистская газета «Наш путь» писала: «Налицо смерть иудея от рук русских партизан,

---

[1016] ДВП СССР. Т. 15. С. 290. В беседе с Ши Люйбенем 23 ноября 1933 г. Славуцкий указывал на отношение к арестованным советским гражданам: «Русский полицейский Пушкарев при обращении к нему родственников арестованных, приносивших передачу, разбросал последнюю по полу, осыпав пришедших всяческой бранью». (ДВП СССР. Т.16. С. 681).

[1017] АВП РФ. Ф. 0100 «б». Оп. 5. П. 106. Д. 27. Л. 103.

[1018] В ночь на 25 августа 1933 г. пианист, французский подданный Семен Каспе был похищен бандитами, которые запросили с отца, харбинского предпринимателя И. Каспе, баснословную сумму (300 тысяч иен). Чтобы скорее выбить из отца деньги, бандиты прислали ему отрезанное ухо сына, потом палец. Не получив денег, бандиты убили молодого человека.

борцов с иудо-масонской властью коммунистов в России»[1019]. Показательно то, что при расследовании дела полицией были выдвинуты несколько версий о том, кто мог быть инициатором похищения: японцы, которые хотели дешево купить отель «Модерн», переписанный на Семена Каспе; советские агенты, которые не получили деньги за продажу драгоценностей, принадлежавших царской семье (некоторые утверждали, что Семен Каспе содержится в подвале советского консульства в Харбине); фашисты, которые хотят получить деньги для партийной пропаганды; подозревали харбинских евреев, врагов Каспе; японскую полицию и т.п.[1020]. Во время следствия была распространена версия, что Каспе был увезен в СССР в качестве заложника за долги, которые сделал его отец, имевший какие-то коммерческие операции с советскими представителями[1021].

Особенное возмущение советских дипломатов вызывали официальные формулировки чиновников Маньчжоу-Ди-Го. Так, начальник судебно-уголовного отделения департамента полиции японец Егучи в официальном заключении назвал убийц Каспе честными патриотами, т.к. они «совершили это убийство и похищение, чтобы получить деньги на свою антисоветскую деятельность» и потому заслуживают снисхождения и сочувствия. Егучи заявил, что обвиняемым нужны были средства для антисоветского переворота на территории СССР, поэтому они выбрали нетрадиционный способ действий – похищение. По словам обвиняемых, Каспе был выбран неслучайно, т.к. Иосиф Каспе нажил огромное состояние незаконным путем. Он работал на ОГПУ, продавая за границу ювелирные изделия, предметы культа, музейные сокровища и драгоценности, конфискованные у частных лиц. «Люди, потерявшие свое отечество, но сохранившие память о нем в своих сердцах, часто идут на нарушение закона во имя борьбы за родину», - заключил Егучи[1022].

Исполняющий обязанности генерального консула СССР в Харбине Н. Райвид заявил устный протест против того, что полицейский чиновник Маньчжу-Ди-Го Н.А. Мартынов, состоявший на маньчжурской государственной службе, «безнаказанно подготавливал антисоветские планы, а маньчжурские власти поощряли антисоветские террористические махинации русских белогвардейцев» [1023]. Суд приговорил Мартынова и его сообщников 15 июня 1936 г. к смертной казни, но позже приговор был пересмотрен, и осужденные были освобождены по амнистии в 1937 г.

[1019] АВП РФ. Ф.0100 «б». Оп.5. П.106. Д.27. Л.4.
[1020] Бюллетень «Иогуд Иоцей Син». 2005. № 386. С. 89.
[1021] Эту версию озвучил гр. Севианц – советский гражданин, которого арестовали 14 сентября 1933 г. по делу Каспе и допрашивали в полиции. Один из русских чинов полиции добавил: «Да что с ним разговаривать – это такой же жулик, как и те, что увезли Каспе в СССР. Пусть стараются, ищут Каспе, а он теперь в СССР на допросе у самого Сталина» (АВП РФ. Ф. 308. Оп. 6. П. 12. Д. 9. Л. 99).
[1022] Бюллетень «Иогуд Иоцей Син». 2006. № 389. С. 102
[1023] АВП РФ. Ф. 0100«б». Оп. 4. П. 102. Д. 29. Л. 32.

Кроме прочего, на официальных встречах, например, в начале футбольного матча или при открытии праздничных торжеств наряду с гимнами Японии и Маньчжоу-Го исполнялся гимн царской России «Боже, царя храни». Все эти «выпады» сопровождались протестами советских консульских представителей, остававшимися без ответа. В официальных советских документах указывалось, что именно «враждебная деятельность белогвардейцев» провоцировала ухудшение отношений между СССР и Японией и Маньчжоу-Го [1024]. Усилившееся с осени 1931 г. давление на советскую колонию через активную эмиграцию имело своей целью «выживание» советских представителей из Маньчжурии с подачи Японии. Возможно, это давление сыграло свою роль при формировании цены за КВЖД во время переговоров о ее продаже.

3.2. Продажа КВЖД

3.2.1. Причины продажи дороги

Центральным вопросом в отношениях советской и эмигрантской колоний первой половины 1930-х гг. был вопрос о КВЖД. Дорога была «главным питательным нервом» Харбина и ОРВП. Экономический кризис, проблемы на дороге, ее медленное разорение отражались на всех сторонах жизни русских в Маньчжурии. В конечном итоге положение на КВЖД в связи с японской оккупацией Маньчжурии было признано советской стороной как «крайне ненормальное», и что вопрос о КВЖД требует «политического разрешения».

Вопрос о продаже КВЖД неоднократно поднимался еще в 1920-е гг. и был тесно связан с политической обстановкой в Северной Маньчжурии. Ослабление влияния СССР в Маньчжурии в 1926 г. было причиной первых попыток советского правительства решить вопрос о КВЖД. В газете «Джапан Адвертайзер» (“Japan Advertiser”), издававшейся в Токио, в номерах от 7 и 8 января 1927 г. была перепечатана статья американского журналиста и писателя В.С. Вассермана (William Stix Wasserman) из декабрьского номера за 1926 г. «Атлантик Монтсли» (“Atlantic Monthly”): «В последний день моего пребывания в Москве (август 1926 г.— *М.К.*) я имел интервью с заместителем наркома иностранных дел Литвиновым, …и он, между прочим, спросил: “Как Вы полагаете, Ваши друзья в Америке заинтересовались бы получением концессии на КВЖД?” Странное совпадение.<…> В те-

[1024] ДВП СССР. Т. 15. С. 678.

чение нескольких месяцев… я следил за событиями на КВЖД. Эта дорога меня интересовала и как возможный повод к войне между Россией и Японией, и как база снабжения для Японии в случае ее войны с Америкой. Япония в большой мере зависит от Маньчжурии в продовольственном отношении, а, следовательно, и от КВЖД. <…> Собака здесь зарыта вот где: в течение последних полутора лет КВЖД является средоточием разногласий между русским руководством и Чжан Цзолином, оплачиваемым японцами и на них работающим. <…> Закладывая КВЖД американским капиталистам, русское правительство выгодно сложило бы со своих плеч трудное бремя, которое оно, по-видимому, так или иначе потеряет, т.к. в данное время Россия не желает вести войну, если ее только можно избежать». Далее автор продолжал рассуждать, что приобретение КВЖД дало бы богатый источник доходов, а, кроме того, способствовало бы предотвращению японской экспансии. «Однако, — заключал автор, — сомнительно, пожелают ли американские предприятия впутаться в постоянные раздоры на Дальнем Востоке, особенно в Маньчжурии»[1025].

Эта перепечатка из американского журнала была далеко не случайной. Японцы внимательно следили за советской политикой в Маньчжурии и состоянием советско-китайского управления КВЖД, указывая в японской прессе на несоблюдение советской стороной паритета, урезывание власти китайцев, чрезмерных полномочиях советского Управляющего дорогой и проч., фактически подталкивая китайцев к обострению отношений с СССР. В статье «Джапан Адвертайзер» от 8 января 1927 г. в комментарии к статье В.С. Вассермана указывалось: «Внезапный вопрос Литвинова …не являлся таким неосторожным. Он в течение нескольких лет держится проекта передать КВЖД в концессию иностранным капиталистам. В 1924 г. он пытался продать или заложить дорогу лондонским капиталистам. Это предложение было рассмотрено, но не принято – отчасти вследствие протеста со стороны Франции, в виду ее заинтересованности в Русско-Азиатском банке, связанном с КВЖД. Это настойчивое стремление продать или заложить права России на КВЖД представляет собой красноречивое доказательство того, что Россия теряет влияние в Маньчжурии»[1026].

Японская пресса продолжала кампанию по обоснованию своих «особых прав» в Маньчжурии и «колоссальных возможностях». В ряде статей указывалось на размеры капиталов, вложенных Японией в Южную Маньчжурию, объемах строительства, промышленности, торговли и проч. Красной нитью практически во всех публикациях проходила мысль о необходимости освоения японцами огромных пространств Маньчжурии и Мон-

[1025] РГИА. Ф. 323. Оп. 5. Д. 1348. ЛЛ. 24–25
[1026] Там же. Л. 26.

голии для разрешения проблемы продовольствия в Японии, а также обеспечения потребностей японской промышленности в сырье. В статье сотрудника правления ЮМЖД Накадзима в газете «Джапан Таймс» (“Japan Times”) 4 июня 1927 г. приводился замечательный пассаж, характерный для того времени: «Это произвол, что Советская Россия, национальный принцип которой состоит в том, что никто не имеет права есть пирожные в то время, когда есть люди, у которых нет хлеба, – Советская Россия обладает обширной территорией. <…> Можно считать иронией, что Советская Россия, высмеивающая капиталистическую идеологию и практику, твердо держится идеи национального владения территорией»[1027]. Публикации в прессе выдавали явную заинтересованность японцев в расширении своего влияния на Северную Маньчжурию.

Тема продажи КВЖД была поднята при беседе Г.З. Беседовского, бывшего советником полпредства СССР в Японии, с И.В. Сталиным 23 октября 1927 г.[1028]. По словам Беседовского, он изложил Сталину свой проект полной коммерциализации КВЖД – создании частной кампании с участием советской, китайской и третьей, например, французской стороны. Сталин, в свою очередь, отрицательно отнесся к этому проекту: «Если уж искать выход из создавшегося положения, то лучше всего не создавать никаких акционерных обществ с нашим участием, а просто продать кому-нибудь дорогу». Сталин отметил, что это было бы лучшим выходом из положения: «Если мы уйдем, сохранив лицо, заработаем при этом достаточную сумму денег, и, кстати, заострим японо-американские антагонизмы. <…> Надо только решить, кому выгоднее всего можно продать КВЖД. Я думаю, что дорогу надо продать японцам»[1029]. Беседовский также поднял вопрос о возможной продаже КВЖД в беседе в наркомом иностранных дел Г.В. Чичериным, на что тот ответил: «можно, но не дешевле, чем за 300 тыс. долларов», что было, конечно, фантастической суммой[1030].

КВЖД была «больной мозолью» для Советской России не только из-за внешнеполитических разногласий с Китаем и Японией. Она была также угрозой для внутриполитической стабильности в СССР, т.к. слишком велик был контраст между образом жизни советских граждан в СССР и бывшей полосе отчуждения КВЖД. Оклады на КВЖД как старших агентов, так и рабочих превышали аналогичные зарплаты в СССР в 2 и более раз, не говоря уже о льготах, казенных квартирах, дачах и прочих привилегиях «кавежеде-

---

[1027] Там же. Л. 456.
[1028] На это указал В.Э. Молодяков в своей книге. См.: *Молодяков В.Э.* Россия и Япония: рельсы гудят. М., 2006. С.368.
[1029] *Беседовский Г.* Указ. соч. С. 251.
[1030] Там же. С. 252

ков». Харбин и полоса отчуждения КВЖД также привлекали возможностью выезда из СССР за границу. Многие «командированные на КВЖД» так и не вернулись в СССР, перебравшись на юг Китая или в Европу и США. Во время советско-китайского конфликта 1929 г. московский учитель Иван Шитц в своем дневнике оставил запись от 31 августа 1929 г.: «Дорога (КВЖД) …уйдет от нас навсегда. Еще одним звеном прошлого [станет] меньше, и еще одно ослабление России. Дорога, как таковая, конечно, китайская, да мы по ней и не ездили (при СССР), так как туда русских не пускают (за границу удерут!). <…> Мы ничего не теряем, а потому могли швыряться такой дорогой и всем этим транспортом, который нам ни к чему. <…>Вероятно, у нас теперь будут доказывать, что и хорошо, – отделались от последних следов “империализма”, а “своё” (деньги) – получим. Вот тут-то и закавыка: ничего не получим или мало, а в скрытой форме уплатим часть своих долгов другим странам»[1031].

После советско-китайского конфликта 1929 г. вопрос о продаже дороги Китаю был поднят на советско-китайской конференции в октябре 1930 г. Председатель правления КВЖД Мо Дехой в беседе с зам. наркома иностранных дел СССР Л.М. Караханом в декабре 1930 г. предложил выкупить дорогу за 225 миллионов, правда, не указав валюты, на что Карахан ответил: «Это дешевле, чем на слом. <…> Давайте 2 миллиарда и берите дорогу», причем поинтересовался, где Китай собирался взять деньги. Мо Дехой предположил, что можно было бы собрать деньги путем внутреннего займа или взять в долг у СССР, но Карахан ответил: «У нас у самих денег нет»[1032]. Слухи о возможном выкупе КВЖД Китаем обсуждались, правда, безрезультатно, в апреле – сентябре 1931 г., но оккупация Маньчжурии Японией в сентябре 1931 г. и создание «независимого» государства Маньчжоу-Го в марте 1932 г., которому перешли все права Китая на КВЖД, сделали бессмысленными эти переговоры.

Оккупация Маньчжурии, конфликты с японскими войсками, ухудшение финансового положения дороги, резкое сокращение коммерческих перевозок подрывали работу КВЖД. Маньчжурский помощник Управляющего дорогой, маньчжурские помощники начальников служб, другие агенты маньчжурской национальности на дороге не подчинялись распоряжениям Управляющего дорогой, отменяли его распоряжения, смещали с должностей советских граждан, замещая их маньчжурами. Против советских граждан начались репрессии, поощрялась деятельность русских полицейских из эмигрантов (см. п. 3.1.2).

[1031] *Молодяков В.* Россия и Япония: рельсы гудят. М., 2006. С. 348
[1032] ДВП СССР. Т. 13. С. 740–741.

Продажа КВЖД для советской стороны была признана единственным способом ликвидировать постоянный источник «недоразумений и конфликтов», которые «умышленно создавались японо-маньчжурской стороной с целью обострения советско-японских отношений и подготовки почвы для разведывательной войны против СССР» [1033]. Для японской стороны продажа дороги была способом добиться полного контроля над Маньчжурией, прекращения «коммунистической пропаганды» и преградой на пути экспансии России в восточном направлении.

Переговоры о продаже начались в Токио между представителями СССР и Маньчжоу-Го 25 июня 1933 г. Членами советской делегации были полпред СССР в Японии К.К. Юренев, заведующий II Восточным отделом НКИД Б.И. Козловский, тов. Председателя Правления КВЖД С.М. Кузнецов. Маньчжурской – посол в Токио Дин Шиюань, вице-министр иностранных дел Охаси[1034].

Реакция эмиграции, как в самой Маньчжурии, так и за ее пределами, была предсказуемой. Русский национальный комитет в Париже выступил с обращением «к мировому общественному мнению», назвав продажу КВЖД «позорной капитуляцией», «предательством национальных интересов России», «бесчестной торговлей русским государственным достоянием», «паническом отступлении» перед Японией, свидетельствующем о «государственном бессилии кремлевских деспотов»[1035]. А.В. Карташев, председатель Русского национального комитета, в статье «Забвение трагедии» заметил: «Бросовую продажу КВЖД мы переживаем как новый этап крушения имперского здания России, как обвал его дальневосточного крыла»[1036].

3 июля 1933 г. был опубликован меморандум делегации СССР об основных принципах выкупа КВЖД, в котором уточнялось имущество дороги, и была предложена сумма — 250 млн. золотых рублей, что соответствовало 625 млн. иен.[1037]. В ответ правительство Маньчжоу-Го предложило 50 млн. иен, потом удвоило цену. СССР согласился снизить свои требования до 170 млн. иен, потом до 160 млн. иен, что соответствовало 56 млн. золотых рублей. Торг продолжался с перерывами в переговорах и на фоне давления со стороны японской прессы, гонений и арестов советских граждан на КВЖД. С советской стороны также была развернута мощная пропагандистская кампания по обработке обще-

---

[1033] ДВП СССР. Т.15. С.791.
[1034] О ходе переговоров и продаже КВЖД см.: *Жилкин В.А*. КВЖД. Взаимоотношения СССР и Японии (1931–1935) (К 70-летию продажи КВЖД) // Новейшая история Отечества XX – XXI вв.: Сб. науч. трудов. Саратов, 2006. С. 15–26.
[1035] Россия и славянство (Париж). 1933. 1 июля. С. 4.
[1036] Там же. С. 5.
[1037] ДВП СССР. Т. 16. С. 395–397.

ственного мнения[1038]. Но в целом в вопросе продажи КВЖД СССР заняло довольно уступчивую позицию.

В связи с переговорами о продаже дороги представляет интерес документ, который был передан ИНО ОГПУ И.В. Сталину в ноябре 1933 г. Это агентурные сведения о встрече В.Н. Коковцова, бывшего министра финансов Российской империи, и С.В. Востротина, общественного деятеля, близкого к Д.Л. Хорвату, в японском посольстве в Париже. В донесении была передана точка зрения Коковцова и Востротина на события в Маньчжурии и исход переговоров о продаже КВЖД[1039]. Записка на 16 листах содержит пометы Сталина и свидетельствует о том, что в ходе переговоров мнения эмигрантов, хорошо знакомых с дальневосточными проблемами, были не последними в определении советской стороной цены дороги и условий продажи.

По сведениям советской агентуры, Коковцов во время беседы в японском посольстве определил минимальную стоимость КВЖД в 125 млн. зол. руб. По словам Коковцова и Востротина, Япония спешила сделаться «единственным хозяином в Маньчжурии» и не могла допустить существования советского представительства на КВЖД, т.е. на той территории, которая становится «основной базой развития военного могущества Японии». Япония надеялась, что создаваемые ею затруднения в движении и управлении КВЖД заставят советское правительство пойти на всевозможные уступки, «чтобы из боязни осложнений с Японией, которая может пойти на столкновение, получить хотя бы что-либо». При этом Коковцов заметил, что если бы вопрос о КВЖД возник, когда он был в составе правительства, и если бы это грозило войной, то он был бы настойчивым сторонником продажи дороги, конечно, при условии «правильной и добросовестной оценки ее стоимости», каковую в сумме 50 млн. иен, предлагаемых японцами, он считал «просто смешной»[1040]. Коковцов считал, что японский штаб не учел силы советского воздушного флота, его мощности, техники и кадров военных летчиков и не сомневался в том, что «в виду неподготовленности японского генштаба в отношении воздушных сил, переговоры о продаже продвинутся вперед», но предполагал, что из-за стремления советского правительства «кончить дело миром» СССР уступит права КВЖД за меньшую сумму[1041]. В конечном счете, после торгов Япония согласилась на цену, близкую к предполагаемой русскими эмигрантами.

[1038] См. об этом: *Молодяков В.* Россия и Япония: рельсы гудят. М., 2006. С.380–385. В своей работе В. Молодяков подробно освещает процесс переговоров о продаже дороги, указывая на то, что все мельчайшие детали условий продажи согласовывались лично с И.В. Сталиным и обсуждались на Политбюро ЦК ВКП(б).
[1039] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 186. ЛЛ. 1-16.
[1040] Там же. Л. 10.
[1041] Там же. Л. 15.

Оценивая продажу КВЖД, эмиграция в большинстве своем считала, что «большевики проявили свое полное бессилие и еще раз подчеркнули свою полную неспособность к защите жизненных интересов российского государства», что Япония одержала «величайшую бескровную победу» над СССР, вытеснив окончательно Россию из Маньчжурии [1042]. С.В. Востротин назвал утрату КВЖД надломом «позвоночного хребта русского великана», «актом предательства национальных интересов России», которая такой сделкой «покупала продолжение своего существования»[1043].

Однако были и другие оценки продажи КВЖД со стороны эмиграции. И.С. Ильин, узнав о подписании договора об уступке Маньчжоу-Го прав СССР в отношении КВЖД (СМЖД), оставил в своем дневнике пространную запись: «Русскому влиянию пришел конец, мы не сумели удержать то, что взяли 37 лет назад. Из этого только следует, что не надо было сюда и соваться. Это была авантюра, которая, главное, еще, пожалуй, не кончилась. <…> Мне думается, что винить советскую власть за этот акт, за то, что она потерпела “поражение” и потеряла “достоянье Российское” не приходится. <…> Начали мы терпеть поражение на Дальнем Востоке не теперь, не год и не два назад, а ровно 30 лет тому назад, когда проиграли войну с Японией. <…> “За разбитые горшки надо платить”. Власть России, по-моему, выиграла, а не проиграла, ибо большевики сумели затянуть переговоры, успев за это время укрепить Дальний Восток, бывший совершенно беззащитным, подтянуть армии и таким образом не рисковать потерей Приморья и Уссурийского края»[1044]. В любом случае, в оценках событий, происходивших в Маньчжурии, русское население Маньчжурии – эмигранты и советские граждане – были солидарны в одном: это было отступление СССР перед реальной мощью Японии, а продажа КВЖД меняла полностью обстановку в этом регионе.

3.2.2. Условия продажи. Вопрос о выплатах

Когда переговоры о продаже КВЖД уже подходили к концу, японская пресса торжествовала. Японский публицист Хокурио-сэй в газете «Харбин симбун» от 8 января 1935 г. приветствовал предстоявшую продажу дороги, называя это событие началом новой исторической эпохи для Японии и Маньчжоу-Го: «Теперь можно сказать, что цель происхо-

[1042] ГМЗ «Петергоф». Фонд «Архив музея семьи Бенуа». ПДМБ 2409-ар. Л.479.
[1043] Востротин С.В. Гибель русского дела в Маньчжурии [1935] (Collection of S.V.Vostrotin. Box #1. BAR).
[1044] ГА РФ. Ф. Р-6599. Оп. 1. Д. 2. ЛЛ.29об – 32.

дившей 30 лет тому назад японо-русской войны полностью достигнута»[1045]. Газета «Мансю Ниппо» от 23 января 1935 г. писала: «Вследствие плохих эксплуатационных успехов КВЖД за последние годы, постепенного ее сжатия и прихода в парализованное состояние… ценность самой СМЖД (так с 1933 г. называлась КВЖД — *М.К.*) давно уже была утрачена.<…> Переуступка СМЖД для СССР есть умный и смелый шаг — СССР бросает номинальное и приобретает реальное»[1046]. В передовой статье газеты «Харбин симбун» от 24 января 1935 г. рассматривались результаты соглашения о продаже дороги: «Вскрыта и ликвидирована красная раковая опухоль, долгое время угрожавшая миру на Дальнем Востоке; полностью упрочен суверенитет Маньчжоу-Го; произведен поворот в лучшую сторону маньчжуро-советских отношений.<…> Красные бандиты, эти ненавистные враги всего человечества, вносившие хаос на транспорте, поддерживая связь с красными служащими КВЖД, утратят свои базы.<…> Благодаря ликвидации красных бандитов культура и хозяйственная жизнь в полосе КВЖД станут процветать.<…> Начнется разработка естественных богатств края. Недалек момент, когда Харбин превзойдет Шанхай и Северная Маньчжурия превратится в Канаду»[1047].

После освобождения маньчжурскими властями в феврале-марте 1935 г. всех заключенных советских граждан, 23 марта 1935 г. в Токио было подписано соглашение об уступке Маньчжоу-Го прав СССР в отношении КВЖД (СМЖД). Дорогу продали за 140 млн. иен, из которых 46 700 тыс. иен должны были быть выплачены наличными, а оставшиеся 93 300 тыс. иен — товарами. Нарком иностранных дел СССР М.М. Литвинов в интервью корреспондентам японских газет подчеркнул, что продажа КВЖД — «одно из средств укрепления мира на Дальнем Востоке» и «разрешение одной из сложнейших дальневосточных проблем»[1048].

По соглашению 23 марта 1935 г., все советские служащие должны были быть уволены с дороги. Им давалось 2 месяца для завершения своих дел, после чего в организованном порядке они должны были выехать в СССР. Одним из важных мотивов реэмиграции (на КВЖД использовался термин «эвакуация», а всех уезжавших в СССР железнодорожников называли «эваки»), были выплаты заштатных пособий и пенсионных денег уволенным по соглашению 23 марта 1935 г. железнодорожникам. Порядок увольнения и выплаты средств «кавежединцам» обстоятельно исследовала Я.Л. Писаревская, отметив, что

[1045] РГИА. Ф. 323. Оп. 5. Д. 1449. Л. 15.
[1046] Там же. Л. 71–72.
[1047] Там же. Л. 70–71.
[1048] ДВП СССР. Т.18. М., 1973. С.178-179.

«советская сторона с успехом использовала ситуацию с обязательствами для нажима на своих граждан, многие из которых не горели желанием вернуться в СССР»[1049].

Всем советским гражданам, служащим КВЖД, уволенным от службы за штат в связи с передачей прав СССР на КВЖД Правительству Маньчжоу-Го, должно было быть выплачено значительное единовременное денежное пособие. Оно состояло из жалованья за 3 месяца (с 24 марта по 24 июня), разъездных денег, заштатного пособия (его называли выходное пособие от дороги), выплат по пенсионной кассе — собственных вложений (взносов) с процентами по ним, приплат от дороги (дорога ежегодно вносила в сберегательно-вспомогательную кассу приплату в размере 1/6 сумм, поступивших на счета участников кассы), пенсии за 8,5 лет (для тех, кто работал на дороге свыше 10 лет — в размере причитающейся пенсии, умноженной на 8,5), пенсии на детей, единовременного пособия (при утрате работоспособности на 2/3), выплат по увечью. Суммы начислялись в золотых рублях, а выплачивались в гоби[1050] по курсу 1, 65 гоби за золотой рубль. По мнению служащих, расчет с ними был произведен с «явным ущербом» по невыгодному валютному курсу[1051].

Конечно, суммы выплат очень разнились и зависели от размера оклада, стажа работы, участия в пенсионной кассе и т.п. Старослужащие, даже с небольшими окладами, должны были получить значительные суммы. Например, дорожному мастеру В.Е. Брызгалину-Морозову, имевшему оклад 74 руб. в мес., было выписано заштатных денег 1535,50 руб., по пенсионной кассе: собственных вложений — 2022,05 руб., приплат от дороги — 1396, 23 руб., пенсии (за 8,5лет) — 2306,22 руб. Итого — 7464, 73 руб., что составляло 12183,73 гоби[1052]. Драгоману (переводчику) в Правлении КВЖД Е.М. Чепурковскому, служившему там недолго с окладом 175 руб. в мес., было начислено только жалованье за 3 месяца и заштатное пособие 350 зол. руб., что составило всего 953 руб. (1180,50 гоби)[1053]. Инженеру К.А. Штенгелю[1054], служившему в Правлении КВЖД с 1920 г. с окладом 385 руб. в мес., было начислено: заштатных — 4908,75 руб.; по пенсионной кассе: собственных денег — 10618, 28 руб., приплат — 7560, 63 руб., пенсия — 9265, 85 руб., пенсия на детей — 960, 29 руб., всего — 34468, 80 руб. (56122,77 гоби)[1055]. Также огром-

---

[1049] *Писаревская Я.Л.* Маньчжурский плацдарм. С. 36.
[1050] Гоби - государственная денежная единица Маньчжоу-го – была окончательно введена 1 июля 1934 г., до этого разрешалось хождение разных валют. Гоби равнялся 1 иене или приблизительно 3 американским долларам. По отношению к рублю курс менялся: 1 рубль в 1935 г. был приблизительно равен 1,7 гоби.
[1051] Воспоминания З.А. Мелик-Оганджановой (Collections of Z.A. Melik-Ogandzhanova. BAR).
[1052] РГИА. Ф. 323. Оп. 10. Д. 193. Л. 107.
[1053] РГИА. Ф. 323. Оп. 10. Д. 191. Л. 14.
[1054] См. прил. 97.
[1055] РГИА. Ф. 323. Оп. 10. Д. 191. Л. 16.

ная сумма была выписана В.А. Рязановскому[1056] , начальнику юридического отдела Правления КВЖД (оклад 560 руб. в мес.) — 28114, 54 руб. (46388,99 гоби). Сюда вошли: заштатные деньги — 4532,50 руб., собственные вклады — 6417, 69 руб., приплаты — 4247,68 руб., пенсия — 10200 руб., пенсия на детей — 2716, 67 руб.[1057]. Управляющий дорогой Рудый Ю.В. должен был получить 8445,71 руб. (без пенсии)[1058].

По общей сводной ведомости по расчетам с уволенными по Токийскому соглашению агентами бывшей КВЖД (СМЖД) гражданами СССР было выписано заштатных пособий для 4460 чел. на сумму 2460318,18 зол. руб. (4062927,09 гоби); по пенсионной кассе: собственных взносов 3862311,42 руб. и приплат 2487791,25 руб. для 5165 чел., пенсии (за 8,5 лет) для 1637 чел. в сумме 2850630,07 руб., пенсии для детей (968 чел.) в сумме 275932,34 руб.; единовременное пособие для 1705 чел. — 797585 руб., пенсия по увечью для 266 чел. — 216371,12 руб. Итого всего было выписано по всем выплатам 14032992,11 руб., что равнялось 22454505 гоби[1059].

Так как суммы выплат были значительными, служащих разделили на 3 категории. В первой категории оказались служащие с высокими окладами — члены Правления КВЖД, Ревизионного комитета, Управляющий дорогой и его помощник, все начальники отделов и служб и их помощники, агенты и инженеры для поручений, советники, старшие агенты Правления и Управления дороги. Для них выплаты были разбиты на 4 части: в течение 2 недель после 23 марта 1935 г. им должны были выплатить собственные взносы с процентами, выходное пособие от дороги, пенсию по увечью, ¼ приплат, ¼ капитализированной пенсии (для тех, кто проработал на дороге больше 10 лет) и ¼ пособия по сберегательно-вспомогательной кассе (для тех, кто проработал меньше 10 лет). Через год после увольнения им должны были выплатить вторую ¼ приплат с процентами, через 1,5 года — третью четверть приплат и единовременного пособия, через 2 года — последнюю четверть всех выплат[1060]. Вторая категория — начальники участков, всех станций и депо, заведующие и начальники побочных предприятий дороги — лесных концессий, угольных копей, электростанций, типографии, питомников, главных механических мастерских, лесопильного завода, гостиницы «Гранд-отель», приютов и санаториев, больниц, лечебных заведений, библиотеки, Экономического бюро и т.п. — должны были получить в течение 2 недель после 23 марта ½ выходного пособия, ½ пенсии по увечью, ½ собственных взно-

[1056] См. прил. 75.
[1057] РГИА. Ф. 323. Оп. 10. Д. 191. Л. 23.
[1058] Там же. Л. 37.
[1059] Там же. Л. 2–4.
[1060] РГИА. Ф. 323. Оп. 5. Д. 1042. Л. 17

сов и приплат и в течение 2 мес. оставшиеся деньги. 3 категория служащих — все остальные — должны были получить деньги также в 2 приема.

Особым условием было то, что все виды выплат, а также долговые обязательства могли получить только непосредственно законные их владельцы, лично уволенные советские служащие, а не их поверенные. По доверенности выплаты можно было получить, если только уволенный находился на территории СССР[1061]. В.А. Морозов в своих воспоминаниях писал о том, что заштатные платили только тем, кто поедет в СССР: «Намекали, что те, кто останется, вряд ли смогут сохранить советское гражданство в Маньчжоу-Ди-Го, т.к. по мнению японцев, советским гражданам в Маньчжоу-Ди-Го делать нечего и пребывание их в этой стране нежелательно»[1062].

Вокруг «заштатных» выплат и развернулась бурная полемика. По словам М.М. Славуцкого, уговорить людей выезжать в СССР без денег было невозможно. Массовые демонстрации отъезжающих с требованиями выплаты денег проходили у здания советского консульства в Харбине в течение июля 1935 г.[1063]. Остро стояла проблема продажи или вывоза имущества. В связи с репатриацией цены на жилье сильно упали, многие собственники жилья вынуждены были продавать имущество в 3–5 раз ниже рыночной цены, а в отдельных случаях, особенно на окраине, и вовсе бросать дома. На исходе мая 1935 г. власти отменили таможенные ограничения, в результате чего бывшие служащие КВЖД получили возможность бесплатного провоза всего имущества. Более того, все расходы, связанные с транспортировкой и размещением производились за счет государства[1064].

К концу октября 1936 г. выплаты бывшим служащим КВЖД были полностью произведены, началось погашение задолженности перед пенсионерами. Пенсионеры КВЖД, находившиеся в СССР, должны были получать суммы через Дальбанк, переводимые на Торгсин на индивидуальные счета. Для получения остальных денег оставлялись доверенности, иногда на Генеральное консульство СССР в Харбине, чтобы получить средства и перевести их на Дальбанк. Но с выплатами было не все так гладко, о чем свидетельствуют пенсионные дела «бывших работников КВЖД» и многочисленные тяжбы с СМЖД, а затем Харбинским управлением железных дорог из-за задержки выплат или непоступления денег. Судя по исковым делам, заявлениям и претензиям от пенсионеров, деньги были

[1061] Там же. Л. 212.
[1062] РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 5. Д. 10. Л. 28.
[1063] См. об этом: *Аблажей Н.Н.* Указ. соч. С. 103
[1064] НКИД удалось добиться в правительстве разрешения на то, чтобы имущество эвакуированных ввозилось в СССР «без ограничений и таможенных норм» — послабление по жестким меркам 1930-х гг. весьма редкое. См.: Очерки истории МИД России Т. 2. С. 218.

выплачены не все. В Генеральное консульство СССР в Харбине было подано более 1,5 тыс. заявлений от пенсионеров, выехавших в СССР, так и не получивших свою пенсию. Дело в том, что пенсии на уехавших в СССР железнодорожников получали чаще всего по доверенности сотрудники Генконсульства СССР в Харбине. Они должны были предоставить пенсионные книжки, удостоверения о «состоянии этих лиц в живых» и доказательства того, что они не имели определенного заработка. Такие удостоверения с фотографиями, заверенные нотариусом, пересылались регулярно по почте из СССР от пенсионеров КВЖД. Но администрация Харбинского управления железных дорог подозревала, что эти документы были сфальсифицированы, и деньги до пенсионеров не доходили. По утверждению газеты «Гун-бао», из-за одного удостоверения из СССР, которое не соответствовало действительности, таким документам перестали доверять[1065]. На этом основании в выплате денег по доверенности часто отказывали, а в начале 1937 г. выплата денег пенсионерам КВЖД, находившимся в СССР и других странах, была прекращена, но советским гражданам, проживавшим в Маньчжоу-Ди-Го, пенсии продолжали выплачивать до 1945 г.

Вообще к выплатам от КВЖД — а это были десятки тысяч гоби — существовал огромный интерес, как у СССР, так и Японии. В «Справке о претензиях и контрпретензиях о расчетах за КВЖД от 15 декабря 1939 г.» отмечалось, что японо-маньчжурские власти не выполняли свои гарантийные обязательства: «Маньчжуры прекратили выплачивать с 1 января 1937 г. пенсии бывшим служащим КВЖД — советским гражданам». Так, с 1 января 1937 г. по 1 сентября 1939 г. было исчислено 540666 ам. долл. — долги по пенсиям и 313866, 93 ам. долл. — прочие выплаты бывшим служащим КВЖД — совгражданам. Таким образом, общий размер претензий (невыплаченных денег) составлял 854532, 93 ам. дол. (3130157,4 иены)[1066].

До сих пор открытым стоит вопрос о получении денег, уже переведенных в СССР. Эти выплаты пенсионеры КВЖД не получили по разным причинам, в том числе и потому, что с 1935 г. начались репрессии по отношению к бывшим «кавежединцам», которые достигли своего пика в 1937 г. Газета «На границе» сообщала в ноябре 1936 г.: «Из числа советских пенсионеров-железнодорожников 1600, большинство которых уехало в СССР, в последнее время требования на пенсии сократились на 20% (300 чел. не запрашивают о пенсиях и никто не знает их судьбы)»[1067]. Как пример судьбы пенсионных денег, можно привести письмо К.А. Дубодел из Алма-Аты в 1-й Дальневосточный отдел МИДа от

[1065] Гун-бао. 1937. 26 марта. С. 3.
[1066] Русско-китйские отношения в XX в. Т. 4. Кн. 1. С. 621–622.
[1067] На границе (Пограничная). 1936. 8 ноября С. 4.

27 декабря 1947 г. Она жаловалась на недополучение пенсии ее мужа, пенсионера КВЖД В.П. Дубодел: «Пенсия получалась до 1 января 1937 г., дальнейшая выплата пенсии всем работникам КВЖД управлением дороги была прекращена. В связи с этим Инюрколлегией выплачивается пособие за счет профсоюзного бюджета ВЦСПС тем пенсионерам, которым по положению это полагается»[1068]. Но Дубодел никакого пособия за счет профсоюзного бюджета не получал, т.к. в 1937 г. был репрессирован и находился в заключении[1069]. Таким образом, за счет репрессированных «харбинцев» были сэкономлены, по-видимому, огромные средства, которые поступили в государственный бюджет.

Среди эмиграции, кстати, была весьма распространена точка зрения, что СССР нужны не сами железнодорожники, а их деньги. Часть эмигрантов считала, что массовая эвакуация служащих КВЖД в СССР была проведена в интересах Японии. По сообщениям польской разведки, активно содействуя эвакуации железнодорожников в СССР, БРЭМ создавало всяческие препятствия к переходу в эмигрантское состояние советским гражданам (например, за переход в эмигрантское состояние необходимо было заплатить 10 гоби — *М.К.*), распространяя одновременно панические слухи через прессу, что советским подданным в Маньчжоу-Ди-Го будет жить невозможно, что у них будет отбираться недвижимое имущество и т.п. Вся эта искусственно созданная паника привела к тому, что свои дома и имущество распродали за бесценок «совершенно чуждые коммунизму кондуктора и машинисты, прожившие в Маньчжурии десятки лет. Цель, поставленная советским консульством, была тем самым достигнута, экономические позиции русских в Маньчжурии все более пошатнулись»[1070].

3.2.3. Репатриация в СССР, раскол среди российского населения в связи с репатриацией

Советское правительство осознавало, что дни советского присутствия в Маньчжурии сочтены, и было обеспокоено дальнейшей судьбой русского населения в Маньчжурии. Когда стало понятно, что КВЖД не сохранить, возник вопрос: «Что делать с эмиграцией?» Оставлять такое количество эмигрантов в Маньчжурии в непосредственной близости от советских границ в неспокойной международной обстановке было опасно. Поэтому возникали различные проекты разложения и раскола эмиграции, ориентации ее на выезд в СССР.

[1068] АВП РФ. Ф.1 00. Оп. 34. П. 132. Д. 48. Л. 107.
[1069] Там же. Л.1 19об.
[1070] РГВА. Ф. 308. Оп. 3. Д. 458. Л. 19.

В записке Н. Райвида (и.о. генконсула СССР в Харбине на время отпуска М.М. Славуцкого) в НКИД от 29 сентября 1934 г. «Белая эмиграция в Маньчжурии» предлагалось перейти к «активной политике по отношению к эмиграции»: «Мы заинтересованы в том, чтобы расколоть эмигрантскую колонию в Маньчжурии, ослабить ее численно и разложить морально политически. Предпосылки для этого имеются – 1) все ухудшающееся экономическое положение основной массы эмиграции; 2) полная бесперспективность подрастающего молодого поколения; 3) глубочайшее разочарование эмигрантской массы в японцах, тактика коих – сначала использовать эмигрантов против СССР, а затем выбросить их, как выжатый лимон, – в основном понята эмигрантами; и 4) огромное притягательное влияние растущей мощи Советского Союза»[1071].

Для раскола эмиграции Райвид предлагал провести частичную и «как бы условную амнистию» для эмиграции: «С целью обеспечения надлежащего политического контроля за теми, кои будут амнистированы и получат право возвращения в Союз, организовать для возвращающихся специальные поселения в отдаленных от основных центрах местах вокруг крупных совхозов, лесозаготовительных предприятий, крупных строительств и т.п. В этих поселениях возвращающиеся эмигранты должны провести испытательный период, примерно в 2–3 года, доказав своим трудом и поведением, что они могут быть достойными гражданами Советского Союза, после чего им могло бы быть разрешено переселение в любое другое место СССР. Конечно, в таких поселениях должна была бы быть организована соответственно: политико-воспитательная работа и переквалификация людей по типу осуществленных на Беломорстрое и других местах органами ГПУ. Понятно, допуск в СССР должен быть произведен после самой тщательной максимально гарантирующей нас проверки здесь на месте. Высказываемые положения являются изложением лишь самых общих принципиальных соображений по этому вопросу. Мы все убеждены здесь, что такое решение вопроса встретит благоприятный отклик в широких слоях эмиграции, которые будут рады получить работу и перспективу нормальной жизни в СССР, в то время, как здесь они ничего хорошего от японцев не ожидают»[1072].

Возможно, что Н. Райвид воспользовался предложением о «перековке» эмигрантов, которое выдвинул Н.В. Устрялов в своей записке генеральному консулу СССР в Харбине М.М. Славуцкому от 12 апреля 1934 г. В ней Устрялов описал пессимистические настроения в эмиграции, связанные с мировым кризисом, который больно ударил по экономическому положению эмигрантов, а главное, с разочарованием в японской политике в Мань-

[1071] АВП РФ. Ф.0100»б». Оп.4. П.102. Д.29. Л.35.
[1072] Там же. Л. 33–34.

чжурии. Но и своего будущего в СССР, по мнению Устрялова, эмиграция не видела, т.к. была напугана террором, страхом личного преследования и т.п., описанными в письмах «возвращенцев». Устрялов, видимо, обсуждал со Славуцким возможности «амнистии», «честном предложении» для эмиграции, пожелавшей вернуться в СССР, отработав определенный срок на конкретных стройках. Он называл это «плодотворным планом», который должен был иметь характер «общегосударственного мероприятия».

Для проведения плана в жизнь необходимо было, по мнению Устрялова, «разъяснить через советскую печать — допустить мотивы сочувственного понимания к эмиграции, бессмысленно прозябающей за рубежом», «сделать акцент на молодежи», предоставить эмигрантам в СССР «сносные условия жизни», позволить возможно более свободную переписку с заграничными кругами. «Их письма будут “гвоздями в гроб” эмигрантской “непримиримости”, — утверждал профессор. — Между прочим, именно поэтому целесообразно направить их на стройки, не слишком отдаленные и не связанные с какими-либо специфически трудными условиями жизни»[1073]. Устрялов считал, что эмиграция могла бы принести СССР «некоторую относительную пользу», а именно: она могла доставить известное количество «небесполезных возвращенцев, прошедших европейскую школу специалистов в разных отраслях народного хозяйства, использовать свои связи с иностранцами»[1074]. По-видимому, после этих записок какие-то выводы были сделаны, во всяком случае, получить советское гражданство для эмигрантов стало проще. С 1934 г. была введена облегченная выдача советских паспортов. Получение советского гражданства ускоренным образом предусматривалось в первую очередь в отношении лиц, достигших совершеннолетия, что позволяло «порвать с эмигрантской средой». Таким образом, эмигранты, особенно молодежь, получали паспорт через 2 недели после подачи заявления в консульство[1075].

В связи с выездом большого количества служащих и их семей в СССР был упрощен порядок выдачи виз, без запроса в Москву. Визы выдавались генеральным консульством СССР в Харбине бесплатно, по решениям специальной комиссии, в которую вошли генконсул СССР М.М. Славуцкий, вице-консул Кислов и представитель НКПС, бывший управляющий КВЖД Ю.В. Рудый. Для членов семей советских граждан был введен ускоренный порядок приема в гражданство СССР — по телеграфным представлениям генконсула Славуцкого в Москву через ЦИК СССР. Транспортная комиссия ЦК ВКП(б) с СНК

[1073] АВП РФ. Ф.0100 «б». Оп. 5. П. 106. Д. 27. Л. 93.
[1074] Там же. Л. 99.
[1075] Харбин Ници ници. 1934. 9 ноября.

СССР приняла постановление об организации переезда в СССР и размещения работников КВЖД 10 марта 1935 г.: «Обязать Наркомвнешторг пропустить без взысканий пошлины принадлежащее возвращающимся в СССР имущество, в т.ч. и живность, вне зависимости от норм, на основе удостоверений, выдаваемых советским консульством в Маньчжурии. <…> Отпустить НКПС 4,5 млн. рублей из резерва СНК СССР на безвозвратную выдачу подъемных пособий, оказания денежной помощи и другие расходы, могущие возникнуть при перемещении работников». Здесь же было замечание: «обеспечить тщательную проверку лиц, получающих визы на въезд в СССР, для недопущения проникновения шпионов и диверсантов»[1076]. Предполагалось перевезти 6 тыс. семейств, что составляло «вместе с иждивенцами» около 20 тыс. чел. Для перевозки людей и багажа предполагалось выделить 3 тыс. вагонов (по 2 семьи на вагон)[1077].

Еще в феврале 1935 г. были составлены эвакуационные списки служащих КВЖД, в которых указывалась должность, количество членов семьи, количество багажа (среднее количество багажа составляло 250 кг). По плану, служащие должны были уезжать партиями, ежедневно, по 50–60, иногда 70 чел. Всего было сформировано 104 партии, в основном по службам и отделам. По-видимому, вопрос об отъезде в СССР служащих КВЖД, советских граждан, был принципиальным, и отказавшимся уезжать сотрудникам было предложено оставить службу, а значит лишиться значительных выплат от КВЖД. Так, например, в феврале 1935 г. была уволена со службы В.А. Ивашкевич[1078], как позже она утверждала в анкете БРЭМа, «за отказ дать подписку о выезде в СССР»[1079]. Именно с 18 февраля 1935 г. БРЭМ начал прием прошений от советских граждан, желавших перейти на положение эмигрантов[1080].

Продажу дороги и репатриацию называли «великий исход». Для советских граждан в 1935 г. встал вопрос — ехать или нет в СССР? Решение было непростым. Многие харбинцы из писем родственников и эмигрантских газет представляли себе реальное положение дел в СССР и знали, на что шли. У многих в СССР остались родственники. Молодежь воспринимала отъезд в СССР с большим подъемом, ведь государство гарантировало бесплатное образование и работу. Конечно, были и сомнения. Когда сестры Зарудные, имевшие советский паспорт, решили ехать в СССР, они спросили совета старого знакомого, профессора ХПИ Дрожжина, недавно побывавшего в СССР: можно ли там жить?

[1076] Русско-китайские отношения в XX веке. Т. III. М., 2010. С.402–403.
[1077] Там же. С. 404.
[1078] См. прил. 34.
[1079] ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 17703. Л. 9об.
[1080] *Хисамутдинов А.А*. К истории создания Бюро по делам российских эмигрантов и судьба его архива //Россияне в Азии. 1996. №3. С. 296.

А.И. Дрожжин ответил, что «в России чувствовал себя совершенно как дома. Он надеялся, что мог понимать советских людей, но они его, кажется, не очень понимали. Он чувствовал, что в СССР за ним наблюдала секретная полиция, и считал, что сейчас возвращаться еще рано. <…> Там все еще творится много жестокости, но свет в конце тоннеля уже виден»[1081]. Сестры Зарудные — Елена и Татьяна, как служащие КВЖД, были внесены в эвакуационные списки выезжающих в СССР, но под влиянием друзей семьи передумали и перебрались в США.

Е. Берковская, дочь Н.А. Сетницкого в своих воспоминаниях писала об отъезде семьи из Маньчжурии: «Пуна (отец — *М.К.*) с мамой безоговорочно хотели возвращаться в Москву. Пуне и Н.В. Устрялову было предложение читать лекции в каком-то университете в Америке. Я помню, как они обсуждали это предложение и решили, что нужно возвращаться на родину. Они не исключали возможности репрессий. Кто-то из них сказал: “Ну, придется, может быть, отсидеть пару лет на Соловках, зато — на родине”. Никто не мог предположить, чем все это закончится»[1082]. Н.В. Устрялов хотел и имел возможность уехать в Европу, тем более что средства позволяли: после продажи дороги он получил значительные «заштатные» деньги от КВЖД и выгодно продал свой дом в Харбине, что позволяло, как он писал, жить за границей около 10 лет. К.А. Чхеидзе, узнав, что Устрялов собирается в Европу или США, писал ему в апреле 1934 г.: «Ваш приезд в Европу явился бы событием не только русской жизни»[1083]. Но, рассматривая себя как фигуру символическую, «репрезентативную», Устрялов осознавал, что его решение должно было быть идейным, выбор должен был быть «абсолютно четким, безукоризненным и демонстративным», т.к. «position oblige» (положение обязывает)[1084]. В мае 1935 г. семьи Устряловых и Сетницких выехали из Маньчжурии одними из первых вместе с руководством КВЖД.

Для большинства служащих дороги продажа КВЖД воспринималась как личная трагедия, вызвавшая раскол в семьях. Рвались не только дружеские, но и семейные связи. Часто бывало так, что старшее поколение оставалось, а дети уезжали в СССР или наоборот. Газета «На границе» в заметке под заголовком «Она — советская, он — маньчжурский подданный» сообщала о трагической истории влюбленных на ст. Мулин — эмигранта Константина Брагина, 19 лет, и Анны Борисовой, 17 лет, дочери советского железнодо-

---

[1081] *Зарудная-Фриман М.* Указ. соч. С.299.
[1082] *Берковская Е.Н.* Указ. соч. С.110. В Харбине в 1935 г. была популярна песня: «Последний нынешний денечек, Харбин, гуляю с тобой я. А завтра, завтра на рассвете в Соловки пошлют меня!»
[1083] ГАРФ. Ф. 5911. Оп. 1. Д. 78. Л. 13.
[1084] Письмо Н.В. Устрялова Г.Н. Дикому от 22 апреля 1935 г. //Исторический архив. 1999. №3. С.161.

рожника, которые 1 июня 1935 г. вместе приняли яд (сулему) из-за того, что родители Анны, уезжая в СССР, не захотели оставлять дочь в Маньчжурии и отказались выдать ее замуж за эмигранта. По сообщению газеты, их удалось спасти[1085].

После продажи дороги многие эмигранты стали хлопотать о советском паспорте, не видя для себя будущего в Маньчжурии. Среди обратившихся за советским гражданством весной — летом 1935 г. были и члены семей железнодорожников, и бывшие служащие дороги, преимущественно пенсионеры, служащие и рабочие частных предприятий, связанных с КВЖД. Многим в паспорте или визе было отказано. Нора Крук в своих воспоминаниях рассказывала историю своего будущего мужа — Ефима Крука. Его отец был эмигрантом, владевшим механической мастерской, выполнявшей заказы КВЖД. После продажи дороги заказы иссякли, и семья Е. Крука решила «вернуться на родину», подав заявления о восстановлении советского гражданства. Родителям и сестрам разрешили въезд в СССР, но Ефиму отказали. Как выяснилось позже, причиной отказа послужила его статья о русских студентах, напечатанная в эмигрантском журнале «Рубеж». Он вынужден был уехать в 1935 г. в Шанхай, а его родители и сестра выехали из Харбина в 1936 г. в СССР, где через год были арестованы[1086].

Интересно заметить, что часть эмигрантов рассматривала уезжавших как «своих», русских людей, волею судеб вынужденных покинуть насиженные места, как возможных «посредников» между СССР и эмиграцией. Эмигрантская газета «На границе» писала 2 июня 1935 г.: «Большинству советских железнодорожников известна обстановка советской жизни и то, что они едут все же туда, с их стороны является большим геройством. Для большинства их коммунистический балаган, устроенный в России, так же отвратен, как и для всех честных людей. В конце концов, большинство едущих железнодорожников — русские люди, с русской душой, любящие свою Родину, желающие ее возрождения. Служба на КВЖД связала их с коммунистами рядом обязательств, о которых они будут впоследствии вспоминать, отплевываясь. И их великая обязанность теперь перед русским народом – рассказать ему по приезде туда искренно и честно о том, что происходит за границей, как там живут люди без коммунизма, пятилеток и тому подобного вздора, противного человеческой натуре. <…> Эвакуирующиеся советские железнодорожники по прибытии на родину, в дальнейшем выделят из своей среды истинно-русских людей — авангард носителей здоровых национальных устремлений. <…> Эти национально-мыслящие люди не будут одиноки — вся Россия ждет сейчас своего исторического часа,

[1085] На границе. 1935. 9 июня. № 11. С. 3.
[1086] *Крук Н.* Нам улыбалась Квань Инь. Лица сквозь время.// Росияне в Азии (Торонто). 2000. №7. С. 162.

когда родной трехцветный флаг разовьется над всеми городами и весями нашей Родины»[1087].

Первая партия железнодорожников должна была выехать в конце марта, а в последней 104-й партии 28 июня 1935 г. должны были уехать служащие Железнодорожного собрания и Клуба механических мастерских[1088]. На деле же, когда началась отправка эшелонов в СССР, после отъезда высших агентов КВЖД 19 мая 1935 г. (тогда же выехали семьи Устрялова и Сетницкого), начались сбои и отмены отправлений эшелонов в связи с отсутствием желающих уехать. По сведениям Я.Л. Писаревской, наиболее массовой эвакуация была в июне, когда уезжали линейные служащие, младшие агенты КВЖД — «как правило, малообеспеченные, малообразованные и в большей мере подверженные советскому влиянию»[1089].

Например, в списке агентов Правления КВЖД — советских граждан, которые должны были уехать 10 мая 1935 г., были В.А. Рязановский — и.д. начальника Юридического отдела, инженер К.А. Штенгель, инженер В.С. Фаворский, начальник коммерческого отдела А.И. Погребецкий, инженер Н.П. Калугин и другие. Все они предпочли не выезжать в СССР, а, получив значительные заштатные, позже перебрались в Тяньцзинь, Шанхай, потом Америку, Австралию или Европу[1090]. В.Я. Толмачев, агент коммерческой службы, также бывший в эвакуационных списках, остался в Харбине, позже перебрался в Шанхай. Не выехали в СССР советские граждане, служившие в Экономическом бюро и Коммерческой службе КВЖД, — В.А. Кормазов, А.И. Галич, В.И. Сурин, А.И. Горшенин, В.Б. Кукель-Краевский, Н.К. Сладковский, Н.М. Горяинов, Г.Н. Юраш, Е.И. Зарудная[1091]. Начальник службы телеграфа А.Н. Губарев, получив заштатные, уехал в Циндао. Газета «Харбинское время» в номере от 14 апреля 1935 г. писала о том, что «в СССР не едет более половины советских агентов. Волна невозвращенчества ширится. <…> В Управлении дороги и на линии отказались заполнить анкеты на выезд более 1500 чел. В БРЭМ за это время поступило до 2 тыс. прошений о выходе из советского подданства» [1092]. Здесь же газета указывала, что при выплате заштатных денег железнодорожникам около 500 тыс.

[1087] На границе. 1935 . 2 июня. С.1.
[1088] РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 6299, 6300. Копии эвакуационных списков на бывших служащих СМЖД.
[1089] *Писаревская Я.Л.* Маньчжурский плацдарм. С. 42.
[1090] В 1935 г. на юг Китая перебралось много советских граждан, работавших в различных советских представительствах. Так, А.П. Лисиенко, работавший в советских учреждениях в Харбине, в 1935 г. переехалал с семьей в Тяньцзинь, а затем в 1939 г. в Новую Зеландию, причем визу он получил в посольстве Великобритании в Пекине по советскому паспорту. (ГА РФ. Ф. Р-9578. Оп. 1. Д. 1. Л. 8).
[1091] См. прил. 12, 21, 45, 70, 75.
[1092] Харбинское время. 1935. 14 апреля. С. 13.

гоби были помещены ими в Центральный банк Маньчжоу-Ди-Го на выгодных условиях – 6,5% годовых.

И все же эвакуацию советских граждан — служащих КВЖД в СССР можно признать успешной. По данным Н.Н. Аблажей, до начала августа 1935 г. в СССР выехало 6028 бывших служащих КВЖД и 14607 членов их семей. Согласно данным Наркомата иностранных дел СССР, в течение 1935 г. из Китая выехало 21343 чел.[1093]. Столь массовая эвакуация, по мнению Н.Н. Аблажей, объяснялась жесткой установкой советского правительства на максимально возможный вывоз населения, нарушением принципа добровольности и опасениями самих советских железнодорожников за свою жизнь в Маньчжоу-Го.

Впервые за историю существования русской колонии в Маньчжурии она столь резко сократилась. После выезда железнодорожников Харбин заметно опустел. Казенные квартиры железнодорожников были заняты японцами. Тягостную картину описывал И.С. Ильин, побывав на ст. Ашихэ в июле 1935 г.: «Где раньше кипела жизнь – (народ гулял) – поселились японцы. В 8 часов полная темнота. Ни звука. В аллеях ни души. В собрании (Железнодорожном – *М.К.*) хоть шаром покати. Точно все сразу вымерло после какого-нибудь смерча или пожарища»[1094]. За 3 месяца после продажи КВЖД в Харбине закрылось 117 русских и иностранных фирм[1095]. Сократилось число русских домовладельцев: из более чем 5 тыс. чел. к началу 1936 г. осталось 3700[1096]. В 1935 г. были упразднены представительства почти всех советских торговых и хозяйственных организаций, действовавших на территории Маньчжоу-Го. Торгпредство СССР в Харбине прекратило свою деятельность 1 октября 1935 г., служащие выехали в СССР, а функции торгпредства перешли к торговому отделу (секции) при Генконсульстве СССР в Харбине.

По словам Н. Крук, после продажи дороги «рухнул целый мир. Сложный, многоярусный разношерстный мир потерял ту экономическую базу и ту свободу, которой отличалась жизнь Харбина до прихода японцев»[1097]. «Захирели» харбинские школы и вузы, научные и благотворительные организации, существовавшие на средства от КВЖД. Знаменитая харбинская опера в Желсобе, которая тоже получала субсидии от КВЖД, фактически прекратила свое существование. В 1935 г. был последний оперный сезон. Потом оперы ставились местными силами, но регулярных оперных постановок уже не было.

[1093] *Аблажей Н.Н.* Указ. соч. С. 104.
[1094] ГА РФ. Ф. Р-6599. Оп. 1. Д. 2. Л .47.
[1095] Харбин Ници Ници. 1935. 26 сентября.
[1096] Гун-бао. 1936. 18 февраля. С. 5.
[1097] *Крук Н.* Указ. соч. С. 155.

Жизнь в Харбине потеряла свое прежнее обаяние. По мнению бывших харбинцев и многих исследователей, период 1920-х – начала 1930-х гг. был самым ярким периодом в истории Харбина и русского присутствия в Маньчжурии благодаря сильным экономическим позициям, как СССР, так и эмигрантского капитала, тесным связям с СССР, а также присутствию культурных сил – и эмигрантских, и советских. После отъезда советских граждан в СССР проявилась общая русская идентичность, условность разделения на два лагеря русского населения в Маньчжурии. «Кавежединцы» в СССР также не стали «своими», оставаясь «харбинцами», проводниками русской культуры, сохранившейся за границей.

В прессе и воспоминаниях отдельных людей проскальзывали сведения о железнодорожниках, столкнувшихся с советской действительностью и возвратившихся (нелегально перейдя границу) в Маньчжурию. Газета «На границе» в № 12 от 16 июня 1935 г. в статье «Уроки эвакуации» писала: «Вид упитанных и хорошо одетых “эваков” раздражающе подействовал на нервы голодных и оборванных советских обывателей, которые ожидали увидеть истощенных мучеников капиталистического произвола, но отнюдь не каких-то сытых буржуев. <…> Началось отрезвление и многие из уехавших в СССР вновь очутились в Маньчжурской империи, пренебрегши *трудностями и опасностями обратного пути*. Теперь “*советские эмигранты”* рассказывают о том, что видели в СССР. Их правдивые повествования едва ли могут усилить рост “советского патриотизма” и любовь к коммунистическому режиму». А.С. Ивельский, бывший офицер, эмигрант, упоминал в своих воспоминаниях о старослужащем КВЖД Масченко, взявшем советское гражданство: «добродушный, простой человек, злобы в нем не было. Мы вели с ним разные разговоры. Я ему рассказывал про СССР – он сомневался. Решил уехать на родину. Уехал, *потом вернулся*: «Ты, Шура, был прав, когда говорил мне о советской власти. Я уехал в СССР и жил в Ростове-на-Дону. Когда я приехал в СССР, мне не давали долго работать, говорили: у тебя много вещей, продавай. Жене и детям не нравилось [там] жить. Был без работы, много вещей прожил. На мое счастье, стали укреплять китайскую границу. Приехал в Благовещенск, сговорился с китайцем, он нас всех перебросил в Китай»[1098]. Нелегальный переход через границу в 1935 г. был еще возможен[1099], но затем и СССР, и Япония укрепили границу, и поток беженцев сократился. Все нелегально переходившие границу СССР и Маньчжоу-Ди-Го проходили долгую фильтрацию в японских полицейских и

[1098] Архив ДРЗ. Фонд 1. Оп.1. Д. М-198. ЛЛ.17-18.

[1099] Местные газеты в 1935 г. постоянно сообщали о перебежчиках из СССР (бежали обычно по 2 – 3 чел.), хотя, например, «Харбинское время» 27 сентября 1935 г.сообщало о беженцах из Приморья – 25 взрослых и 20 детей (Харбинское время. 1935. 27 сентября. С. 5).

военных органах, и впоследствии большинство из «перебежчиков» в дальнейшем работали на японцев.

За счет государства из Маньчжурии в СССР в августе-сентябре 1935 г. были вывезены советские граждане, не являвшиеся железнодорожниками. Генконсул М.М. Славуцкий считал целесообразным въезд в страну данной категории граждан, пока «тяга на родину среди этих людей необыкновенна велика». По мнению консула, чем «меньше будет в распоряжении японцев людского резерва из советских граждан для всяких манипуляций, … тем меньше будет различного рода конфликтов»[1100]. Советских граждан — не служащих КВЖД — предполагалось бесплатно доставить до Иркутска, а оттуда уже направлять на работу через местные профессиональные организации в определенные регионы СССР.

В числе таких советских граждан оказалась О.Н. Никифорова — харбинская журналистка, дочь харбинского профессора Н.И. Никифорова и ее мать, вернувшиеся в СССР осенью 1935 г. О своей истории возвращения Л. Никифорова поведала в письме Е.П. Пешковой 19 марта 1936 г.: «Приехали из Харбина с эвакуацией советских граждан после продажи КВЖД, мы давно мечтали попасть на родину, но раньше из-за отсутствия средств не могли осуществить свое желание. <…>Ольга (дочь профессора — *М.К.)* при досмотре багажа была арестована на ст. Казань по обвинению в антисоветской агитации среди пассажиров, провозе через границу контрреволюционной литературы. 11 октября освобождена за недостаточностью улик.<…> В Ленинграде … долго не могли найти работу, продали все, что имели. …Жили без жилплощади и полтора года “толкались” в сырой и холодной кухне, спали там же, в углу на ящике. Из-за какого-то недоверия к нам должны были отказаться от любимой профессии — литературы. <…> Дочь все это переносила тяжело, написала отцу в Харбин какое-то стихотворение, где из средних букв получалась фраза: “Жить невыносимо. Хочу бежать. Помоги”». Письмо перехватили, вскрыли, расшифровали, и 19 декабря 1935 г. Ольга Николаевна была арестована и содержалась в одиночке дома предварительного заключения в Ленинграде[1101].

Начиная с 1935 г., в Харбин стали просачиваться слухи об арестах и расстрелах бывших харбинцев. Уже в сентябре 1935 г. газета «Харбинское время» опубликовало «письмо из СССР» о смерти в тюрьме Ф.А. Евтушенко, зав. скобяным отделом торгового дома «Чурин и Ко» в Харбине[1102]. В другом сообщении говорилось, что 9 октября 1935 г. в Хабаровске расстрелян Б. Селиванов, служивший фельдшером в магазине Чурина в Но-

---

[1100] *Аблажей Н.Н.* Указ. соч. С. 107.
[1101] ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 481. С.139–140
[1102] Харбинское время. 1935. 29 сентября. С. 6.

вом городе. Он, будучи эмигрантом, женился на советской гражданке и выехал в СССР в одном из последних эшелонов, но на границе на ст. Отпор был арестован[1103]. В 1937 г. перестали поступать сведения о бывших служащих КВЖД, получавших пенсии и пособия от дороги. Так, бывшая жена начальника тяги КВЖД А.Х. Калины[1104], который выехал в СССР в 1934 г., подавая прошение на имя начальника ликвидационной комиссии по делам бывшего КВЖД в 1939 г., указывала на то, что ее бывший муж расстрелян в г. Москве между октябрем и декабрем 1937 г.: «Сведения о его смерти были помещены в начале 1938 г. в харбинских газетах “Заря” и “Наш путь” (последняя ныне закрыта), причем во время беседы моей с г. секретарем газеты “Наш путь” В.В. Голицыным, он указал, что может представить двух свидетелей из Бюро эмигрантов, могущих подтвердить смерть мужа»[1105].

Письма из СССР от «эваков», часто написанные специальным «шифром»[1106], печатались в пропагандистских целях в эмигрантских газетах, хотя советские консульства считали их фальшивками. Газета «На границе» (ст. Пограничная) публиковала их практически в каждом номере за 1935 и 1936 гг. под «говорящими» заголовками – «Социалистическая родина-мачеха», «Горькая судьба выехавших в СССР пограничeнцев», «Там и здесь», «Письма оттуда» и т.п. В письмах, к примеру, сообщали: «Таисия Ильинична Фостей, выехавшая 2 февраля 1935 г. в Спасск, рассказывала там о Маньчжоу-Го, о том, что здесь “всего много дешево”, после чего была арестована ОГПУ за неосторожные слова»[1107]. В другом письме сообщалось, что пенсионер КВЖД Григорий Федосеевич Москалюк с женой были арестованы на ст. Гродеково, багаж у них был отобран[1108]. В номерах газеты цитировались письма «эваков» из Средней Азии: «белья и обуви нет», «привезите какао, кофе и сахару»; Вера Пухкало из Ельца писала об отсутствии обуви, низком уровне образования и т.п.[1109].

В одном из писем, опубликованном в газете «Гун-бао» 15 января 1936 г., бывший служащий Главных механических мастерских КВЖД А.Е. Щербак, 46 лет, выехавший в СССР 1 июля, сообщал, что около 30 эшелонов с «эваками» не дошли до места назначения. Большая часть их находилась недалеко от Иркутска, на ст. Иннокентьевская, где они

[1103] Харбинское время 1935. 15 октября. С. 2.
[1104] См. прил. 36.
[1105] РГИА. Ф.323. Оп.9. Д.2103. Пенсионное дело А.Х. Калины. Л.70.
[1106] Например, семья Кулеш переписывалась с уехавшими в Москву родственниками Турчаниновыми, в письмах которых фигурировали «совсем нас забывший Флейш» (мясо на идиш), «пропавший из вида Бутер» (масло) и т.д. См.: *Крук Н.* Указ. соч. С. 156.
[1107] На границе (Пограничная). 1935.12 мая. С. 3.
[1108] На границе. 1935. 26 мая. С. 3.
[1109] На границе. 1935. 16 июня. С. 4; 1936. 18 октября. С. 4.

жили в вагонах «под охраной ГПУ». Рабочих и служащих использовали для «принудительной очистки улиц», ремонта и очистки от снега железнодорожных путей, в город выпускали только «в сопровождении проводников из ГПУ», хлебный паек составлял 1 фунт с четвертью в день. «От всего письма веет беспросветной тоской», – заключала газета[1110]. В другом письме «харбинец», распределившийся на Самаро-Златоустовскую железную дорогу, за неимением подходящей его квалификации должности, был назначен десятником по рассадке деревьев вдоль линии дороги с окладом в 100 руб., причем в письме он приводил средние цены на продукты в СССР: «мука – 20 руб. пуд, мясо – 8 руб. фунт, бутылка подсолнечного масла – 4 руб., кг сахара – 6 руб.»[1111]. К 1937 г. поток писем из СССР прекратился.

О судьбах «кавежединцев», вернувшихся в 1935 г. в СССР, написано достаточно много. Практически все они были обвинены в шпионаже в пользу Японии и в 1937 г. репрессированы[1112] . В рамках «харбинской операции»[1113] на 20 февраля 1938 г. были осуждены 16650 человек, на 10 июля — 22680 чел., на 15 сентября — 34511 чел., в том числе приговорены к расстрелу — 22942 чел., к 10 годам ИТЛ — 9266 чел., к 8 годам ИТЛ — 1638 чел., высланы из страны — 379 чел., остальные осуждены на пять лет ИТЛ либо на поселение[1114]. Во время празднований 40-летия Харбина в 1938 г. газета «Заря» писала о железнодорожниках, уехавших в СССР: «Как одурманенные каким-то ядом, они перекочевали в страну Советов, увозя с собой накопленные здесь годами свои богатства. Теперь те немногие из них, кто еще остался жив и влачит существование по тюрьмам и местам ссылок, рвут на себе волосы за содеянную, попросту говоря, непростительную глупость. Русскому же Харбину они нанесли удар, увозя с собой большие русские капиталы, начисто отобранные у них на “родине”»[1115].

Продажа КВЖД и отъезд части русского населения в СССР, части – в другие города Китая и в Европу, подвел черту под длительным периодом русского влияния в Маньчжурии. Продажа дороги стала тяжелым ударом для русской колонии. Помимо коммерческого значения, КВЖД имела колоссальное стратегическое и политическое значение. Большинство русских эмигрантов в Маньчжурии рассматривали продажу КВЖД как по-

---

[1110] Экс-харбиннцы на положении «лишенцев» //Гун-бао. 1936. 15 января. С. 5.
[1111] Гун-бао. 1936. 16 января. С. 5.
[1112] См. прил. 2, 3, 7, 19, 27, 32, 36, 37, 38, 41, 42, 43, 44, 46, 52, 57, 59, 65, 68, 74, 79, 84, 90.
[1113] Оперативный приказ Наркома внутренних дел № 00593 от 19 сентября 1937 г. о начале с 1 октября 1937 г. операции по «ликвидации диверсионно-шпионских и террористических кадров харбинцев на транспорте и в промышленности» см. в кн.: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937 – 1938. М., 2004. С. 366 – 368.
[1114] *Аблажей Н.Н.* Указ. соч. С. 133.
[1115] Заря. 1938. 10 июля. С.1.

ражение СССР, потерю «российского достояния», неспособность большевиков к «защите жизненных интересов российского государства». Однако управление КВЖД в стране, оккупированной японскими войсками, было признано ненормальным явлением. Перед советским государством стояли в то время другие, более насущные задачи, и обеспечение безопасности дальневосточных границ было гораздо важнее, чем сохранение собственности в Маньчжурии. Затягивая переговоры о продаже дороги, СССР сумел укрепить советский Дальний Восток. К тому же продажа КВЖД была связана с общей политикой ликвидации активов СССР за границей.

Уход СССР с КВЖД был предопределен внешнеполитической обстановкой и экономическими причинами. Поражение национальной революции 1925-1927 гг. в Китае, установление власти гоминьдана привели к потере интереса СССР к Маньчжурии как плацдарму «советизации» Китая. Затянувшийся экономический кризис в регионе и последствия советско-китайского конфликта 1929 г. были причиной сокращения доходов от КВЖД. Дорога стала тяжким бременем, от которого советское правительство постаралось избавиться. Выступление Японии в Маньчжурии и угроза советско-японской войны ускорили продажу КВЖД. «Уступка Маньчжоу-го прав СССР в отношении КВЖД» в марте 1935 г. стала заключительной точкой в истории советского присутствия на КВЖД.

3.3. Советская колония в Маньчжурии после продажи КВЖД

3.3.1. Сокращение советской колонии

После репатриации (эвакуации) бывших служащих КВЖД и членов их семей в СССР в 1935 г., часть советских граждан осталась в Маньчжоу-Го. По оценкам Генконсула СССР в Харбине М.М. Славуцкого, в СССР в 1935 г. отказалось вернуться немногим более 3% от общего числа советских служащих КВЖД, в то время как «местные японо-маньчжурские власти всерьез рассчитывали на 40–50 % “невозвращенцев”, полагая, что в дальнейшем эти люди помогут новым владельцам дороги обеспечить ее бесперебойное функционирование». «Японцев результаты эвакуации буквально ошеломили», — подчеркивал советский консул[1116].

Но Славуцкий, скорее всего, выдавал желаемое за действительное. Если признать численность советской колонии приблизительно в 50 тыс. чел., при отъезде в СССР 25

[1116] Очерки истории МИД России. Т. 2. С. 218.

тыс. чел.[1117], «невозвращенцев» должно было быть гораздо больше. Китайские историки называют другое соотношение репатриировавшихся в СССР: около 25% советских служащих дороги вернулись на родину в СССР, 40 % старослужащих КВЖД, обросшие недвижимостью и имуществом, предпочли остаться в Северо-Восточном Китае; 10% русских различной политической ориентации фактически «рассеялись» по различным местностям в полосе отчуждения КВЖД, некоторые из них занялись сельским хозяйством; еще 10% стали зарабатывать на жизнь в портах Северного Китая; 15% наиболее энергичных и предприимчивых людей отправились на юг и в Шанхай, где нашли себе пристанище[1118].

Если принять за основу эту пропорцию, то оставшихся первоначально в Маньчжурии после 1935 г. (в Харбине и по линии КВЖД) советских граждан можно оценить приблизительно в 15 – 20 тыс. чел. Так, по переписи, проведенной в июле 1935 г., в Харбине из 456506 чел. общего количества населения русских эмигрантов насчитывалось 30 143 чел., советских подданных – 13579 чел., в то время как японцев было 19284 чел.[1119]. Через год перепись была проведена вновь, согласно этим данным, в Харбине на 1 августа 1936 г. проживало 24918 русских эмигрантов, 3730 русских китайских подданных, имевших пекинские или нанкинские паспорта, 8212 подданных СССР[1120]. Если учесть, что несколько тысяч советских граждан продолжали жить на станциях КВЖД, а также в городах Хайларе, Маньчжурии, Цицикаре, Мукдене, Чануне, Дайрене, то предполагаемая цифра может быть близка к реальной.

Возвращение советских граждан на Родину из Маньчжурии продолжалось вплоть до 1939 г., однако желавших выехать в Советский Союз становилось все меньше. В СССР разворачивались репрессии, к тому же НКВД практически прекратил выдачу въездных виз. И если в 1935 г. разрешение на въезд в страну безболезненно получили почти все желающие, то уже в 1936 г. ситуация изменилась. Напрасно М.М. Славуцкий добивался «максимального удовлетворения ходатайств граждан СССР», обращая внимание на то, что они «под давлением японцев массами увольняются местными промышленными и торговыми фирмами и остаются без всяких средств к существованию»[1121]. В сентябре 1936 г. М.М. Литвинов был вынужден обратиться с жалобой на НКВД к секретарю ЦК ВКП(б)

[1117] Н.Н. Аблажей объясняет, откуда взялась цифра в 25 тысяч «харбинцев» в СССР, которой оперировали органы НКВД во время т.н. «харбинской операции» 1937 г. К 20 тыс. советских граждан, выехавших в СССР в 1935 г., добавлялись около 5 тыс. чел., покинувших Маньчжурию во время советско-китайского конфликта и в первой половине 1930- х гг. См.: *Аблажей Н.Н.* Харбинская операция НКВД //Гуманитарные науки в Сибири. Сер.: Отечественная история. Новосибирск 2008. № 2. С.81.

[1118] См. об этом: *Ван Чжичэн*. Указ. соч. С. 91.

[1119] Харбинское время. 1935. 26августа. С. 4.

[1120] Харбинское время. 1936. 6 сентября. С. 10.

[1121] Очерки истории МИД России. Т. 2. С. 219.

Л.М. Кагановичу. «Наркомвнудел, — писал он, — стал на путь массовых отказов ходатайств и за июнь месяц вынес отрицательное решение по 59-ти делам из 204-х, а в июле из 130-ти отказал по 113-ти делам. При этом Наркомвнудел уведомил НКИД, что он считает необходимым максимально отказывать советским гражданам в их ходатайствах о разрешении въезда в СССР. <…> Отказ во въезде … естественно толкает их (советских граждан – *М.К.*) к переходу на эмигрантское положение». Это обращение осталось без ответа[1122].

После отъезда советских граждан в 1935 г. в Советский Союз, консульская сеть СССР в Маньчжурии значительно сократилась. В июле – сентябре 1936 г. были закрыты генеральное консульство в Шэньяне (Мукдене) и в Цицикаре, в сентябре 1937 г. — консульство на ст. Пограничной. Т.о. из пяти советских консульств в Маньчжурии в 1938 г. осталось работать только два — в Харбине и г. Маньчжурия. Правительство СССР сохранило за собой несколько участков и зданий в Северной Маньчжурии: земельный участок и постройки, занимаемые Генеральным консульством СССР в Харбине, а также советскую школу и больницу для советских граждан. У советской колонии в Харбине оставался также клуб и библиотека.

Летом 1935 г. в Харбине было организовано Общество граждан СССР. Устав Общества был утвержден министерством внутренних дел Маньчжоу-Ди-Го 11 июля 1935 г. Основной задачей Общества было удовлетворение материальных и культурно-просветительских нужд граждан СССР, проживавших в Харбине и других городах ОРСМ, а именно: оказание медицинской помощи (организация больницы, аптеки и т.п.), материальная, благотворительная помощь (убежища для престарелых, детские дома), открытие школ, библиотек, клубов, спортивных площадок, организация концертов, спектаклей и других развлечений. Средства Общества составляли движимое и недвижимое имущество, передаваемое Генеральным консульством в Харбине для организации больницы и школы, вступительные взносы, членские взносы, доходы от концертов, спектаклей, благотворительных вечеров и пожертвований[1123]. Председателем Правления Общества был выбран врач Н.И. Торопов, товарищами председателя — адвокат Г.Н. Минский и врач Н. Г. Львов.

Правление состояло из 11 членов и 7 кандидатов. Интересно замечание вице-консула СССР в Харбине А.М. Дрибинского в письме Б.И. Козловскому в НКИД от 10 августа 1935 г. о «гуманитарном уклоне» состава Правления: «*Мы* (курсив мой – *М.К.*)

[1122] Там же.
[1123] АВП РФ. Ф. 0100б. Оп. 5. П. 111. Д. 73. ЛЛ. 18–25.

провели в Правление и Ревизионную комиссию таких людей, которые не были бы серьезно скомпрометированы перед властями своей предпринимательской деятельностью, и которые одновременно со стороны своего социально-имущественного состояния и положения были бы в возможно минимальной степени зависимы от нажима, который мог бы быть к ним применен со стороны властей»[1124].

Долгое время местные власти затягивали вопрос с открытием школы для детей граждан СССР. Правление Общества советских граждан в Харбине подало заявку об открытии школы в августе 1935 г., но Департамент полиции вернул документы с предложением вычеркнуть пункт о сроке обучения (10 лет) «в соответствии с требованиями, предъявляемыми учащимся при поступлении в высшие школы СССР» [1125]. После необходимых исправлений школа для детей граждан СССР была открыта 31 октября 1935 г. После 3 лет работы 10 мая 1938 г. приказом № 101 Министерства народного благополучия Маньчжоу-Ди-Го школа была закрыта на том основании, что «образование и воспитание учащихся в этой школе противоречат условиям разрешения,…подрывают основные принципы народного просвещения в нашей стране, внушают опасение, что спокойствие и порядок в стране будут нарушены»[1126]. Несмотря на многочисленные протесты Генерального консульства СССР в Харбине школу так не разрешили открыть вновь. Часть детей обучалась на дому, часть перешла в эмигрантские школы, часть – в школы иностранных духовных миссий.

Центром советской колонии в Маньчжурии было Генеральное консульство СССР в Харбине. Консульство имело денежный фонд для оказания материальной помощи для эвакуации советских граждан в СССР и выдачи пособий оставшимся в Маньчжурии советским гражданам. Сохранившаяся консульская переписка – ходатайства, прошения, жалобы – свидетельствует о тяжелом материальном положении отдельных советских граждан, оставшихся в Маньчжурии. За период с 24 июня по 31 декабря 1937 г. консульством было потрачено на различные пособия 18817, 93 гоби, в том числе: на пособия совгражданам (187 семьи) – 5257, 11 гоби; дотация больнице Общества совграждан – 3932 гоби; родительскому комитету средней школы для детей граждан СССР в Харбине (для нуждающихся детей) – 1415 гоби. Остаток средств на счетах консульства на 1 января 1938 г. составлял 8213, 82 гоби[1127]. Среди квитанций и расписок в получении денег от Генконсульства встречаются пособия на лечение, похороны, обучение (иногда совсем небольшие

[1124] Там же. Л. 26.
[1125] Там же. Л.32.
[1126] АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 26. П. 247. Д. 17. Л. 121.
[1127]РГИА. Ф. 323. Оп. 11. Д. 461. Л. 1.

суммы – по 10, 5 и даже 2 гоби), а также средства на проезд и вывоз багажа для граждан, уезжавших в СССР.

Из заявлений в Генконсульство от советских граждан на получение пособий можно составить представление об их бедственном положении. Так, Пелагея Григорьевна Высоцкая, прачка в советском консульстве, сообщала в заявлении от 30 сентября 1937 г., что в Харбине у нее нет родных, ей не на что жить, не хватает средств – «за квартиру, свет, дрова надо заплатить 12 руб.»[1128]. Гражданин СССР Ксаверий Иванович Игнатюк в заявлении от 19 августа 1937 г. просил назначить его «на какую-либо работу»: «Если таковой нет, то прошу выдать мне пособие в виду того, что совгражданам на работу поступить нет никакой возможности, у меня собственности нет никакой, а семейство состоит из 4-х душ – жена, сын школьного возраста и мать-старушка 80 лет. Материальное мое положение очень скудное, питаться приходится очень плохим, что не в достатке, а насчет одежды и говорить не приходится. Прошу расследовать мое положение»[1129].

Надо заметить, что выехать в СССР из Маньчжоу-Го стремились наименее обеспеченные советские граждане. Из просьб советских граждан, уезжавших в СССР, обращенных к советскому консулу, можно выяснить мотивы их отъезда. В заявлении Валентины Ивановны Степаненко-Мироненко содержится просьба «выдать помогу» на путевые расходы: «Мы совершенно раздеты и ничего не имеем, а еще должны уплатить за квартиру, за которую не платили 7 месяцев»[1130]. Н.В. Розалиев 13 октября 1937 г. просил консула «не отказать в выдаче пособия в сумме 20 гоби закупить продуктов на дорогу, т.к. у меня средств на это нет никаких, за исключением 35 гоби, выданных мне на билеты до Маньчжурии. Выеду я 17 сего месяца, и четыре дня как-то надо прожить, и к тому же я имею задолженность лечебнице Тарновского и Челохаева за операцию жены в сумме 5 гоби. 120 гоби мною было уплачено, и 5 руб. не смог заплатить, т.к. последние 2 месяца не работал. Опасаюсь неприятности на вокзале»[1131].

Проанализировав списки членов Правления и Ревизионного комитета Общества граждан СССР в Харбине, заявления в Генконсульство, личные дела советских граждан, оставшихся после 1935 г. в Маньчжурии, можно сделать выводы о социальном составе колонии. Это были бывшие служащие КВЖД и пенсионеры дороги[1132], имевшие недви-

[1128] Там же. Л. 109.
[1129] Там же. Л. 163.
[1130] Там же. Л. 192.
[1131] Там же. Л. 120.
[1132] Железнодорожные служащие, вышедшие на пенсию до 24 марта 1935 г., т.е. до продажи дороги, продолжали получать свою пенсию уже от Управления государственных железных дорог Маньчжоу-Ди-Го вплоть до 1945 г.

жимость в Маньчжурии (многие жили на средства от сдачи в аренду своей жилплощади), средние и мелкие коммерсанты, имевшие свое дело (мастерские, ателье и проч.). Среди них были и железнодорожники и члены их семей, рассчитывавшие получить причитающиеся им выплаты, и после этого выехать в СССР. Из-за отсрочек выплат отъезд задерживался. Большинство объясняло свое присутствие в Маньчжурии разными семейными причинами (болезни родственников и проч.), были и те, кому некуда было ехать, и те, кто родился и вырос в Маньчжурии, «оброс» хозяйством и не представлял себе другой жизни. Среди советской колонии было много специалистов – врачи, преподаватели, учителя, инженеры, юристы, люди творческих профессий и проч. Некоторые продолжали работать в учреждениях и предприятиях, принадлежавших эмигрантам или иностранным подданным. Часть обслуживала консульство, школу и больницу для советских граждан.

Так, врач М.С. Волобринский, прибывший в Маньчжурию в 1928 г. из Хабаровска, после продажи дороги не вернулся в СССР, но и не вышел из советского гражданства, работал в поликлинике для граждан СССР. Он стал врачом Генконсульства СССР в Харбине и считался, согласно донесениям эмигрантов, «активным советским работником»[1133]. Однако его сестра, М. С. Волобринская, зубной врач, гражданка СССР, прибывшая в Маньчжурию вместе с братом в 1928 г., подала в 1938 г. заявление в БРЭМ о переходе в эмигрантское состояние. Свое советское гражданство и постоянную пролонгацию советского паспорта с 1928 г. она объясняла тем, что «боялась навредить братьям, живущим в СССР». Себя в анкете БРЭМа она назвала «антикоммунисткой», а о причинах перехода в эмигрантское состояние написала: «решила в СССР не ехать, т.к. сведений о братьях не имею»[1134]. Но, возможно, ее переход в эмигрантское состояние был продиктован желанием заниматься врачебной практикой, т.к. советское гражданство было помехой для этого.

У многих советских граждан были проблемы с трудоустройством. А.Т. Шумилина-Зайдель, врач, родившаяся в Маньчжурии, окончившая медицинский факультет Венского университета в 1929 г., получившая в 1934 г. советское гражданство, не могла устроиться по специальности и даже заниматься частной практикой. О себе она сообщала в анкете 1946 г.: «В 1937 – 1945 гг. медицинской работой не занималась, т.к. пропустив по семейным обстоятельствам сроки общей регистрации во время Маньчжоу-Го, позднее как советская гражданка не могла получить разрешения на работу»[1135]. А.Т. Зайдель не перешла

[1133] ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 8498. Л. 10.
[1134] ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 8497. Л. 10.
[1135] РГИА. Оп. 13. Д. 1887. Л. 5

в эмигрантское состояние, оставшись гражданкой СССР, в 1940–1947 гг. была секретарем женотдела при Обществе граждан СССР.

А.А. Митаревский[1136], гражданин СССР, бывший работник КВЖД, уволенный за штат в 1934 г., какое-то время после увольнения жил на заштатные деньги, но работу найти не смог. В марте 1935 г. подал ходатайство в БРЭМ о переходе в эмигрантское состояние себя и жены. Из его анкеты, заполненной в БРЭМ в марте 1935 г., он сообщал о своем бедственном положении: «Обедать приходится 2 – 3 раза в неделю». Он вынужден был существовать на средства жены, которая давала частные уроки (20 гоби в мес.), и дочери, работавшей помощником фармацевта в аптеке с зарплатой 10 гоби в мес. Митаревский даже не мог уплатить 20 гоби за переход в эмигрантское состояние себя и жены и просил разрешить уплату в рассрочку[1137]. Отвечая на вопрос о причинах отказа от советского гражданства, Митаревский ответил в анкете БРЭМ: «Противоположность взглядов с советской властью и невозможность существовать при царствующем там произволе», а при ответе на «политические убеждения» указал: «монархист»[1138]. Став эмигрантом, он смог устроиться в июле 1936 г. бухгалтером в фотографии Лившица на небольшой оклад 20 гоби в мес.

28 сентября 1935 г. 3-й отдел БРЭМ известил об ограничениях, связанных с поручительством (советские граждане, возбудившие ходатайства о переходе в эмигрантское состояние, должны были представить 2 поручительства эмигрантов). Начиная с 1 октября 1935 г., одно лицо могло выдавать поручительства не более чем за 3 человек желающих перейти в эмигрантское состояние. С этого же времени ужесточилась проверка советских граждан, подавших прошения в БРЭМ, на «благонадежность», собирались подробные сведения о «коммунистическом» прошлом, связях бывших советских граждан. Процесс перехода из советского гражданства в эмигрантское состояние затягивался: сначала необходимо было возбудить ходатайство о переходе, получить временное личное удостоверение БРЭМ, потом ждать решения начальника Биньцзянского полицейского управления, который выдавал разрешения на перечисление из подданства СССР в эмигрантское состояние.

Так, в личном деле бывшего сотрудника Экономического бюро КВЖД А.И. Горшенина[1139], подавшего заявление в БРЭМ о переходе в эмигрантское состояние, содержатся донесения нескольких агентов, собиравших сведения о нем от бывших сослужив-

---

[1136] См. прил. 60.
[1137] ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 31020. Л. 5
[1138] Там же. Л. 10 об.
[1139] См. прил. 21.

цев, приведены копии страниц из его личного дела «бывшего работника КВЖД». В досье на него приводятся следующие характеристики: «В политическом отношении совершенно беспринципен, может служить кому угодно, лишь бы деньги платили. Арестовывался по подозрению в шпионаже, но сумел доказать свое алиби»; «в бытность в Хайларе Горшенин имел тесную связь с советским консулом Гагельстромом и чином ГПУ Блонштейном, вместе с которыми организовал в Хайларе первую ячейку ГПУ»; «во время службы на КВЖД был близок к советской верхушке: Рамбаху, Дикому, Яцунскому и самому Иванову»; «Горшенин, по сведениям, человек коммунистических убеждений.<…> Говорят, он работал в советской разведке по линии экономического шпионажа. Его считают не заслуживающим доверия в политическом отношении»[1140]. По-видимому, он так и не был «перечислен в эмигрантское состояние», т.к. на его деле нет соответствующей печати. В конце концов, Горшенин перебрался на юг Китая, а затем и в США.

Вынужден был уехать в Шанхай в 1938 г. и М.Ф. Полежак, старожил Харбина, принявший советское гражданство в 1924 г., владелец салона дамского платья. Он входил в Общество граждан СССР в Харбине, был, как и многие, под пристальным наблюдением 3-го отдела БРЭМа, но ничего предосудительного в его поведении замечено не было. Напротив, в характеристике, данной ему агентом, подчеркивалась его аполитичность и прагматизм: «Имеет деньги. Любит хорошо пожить. Всегда живет с молодыми русскими женщинами. Часто их меняет. В настоящее время живет с бывшей комсомолкой клуба Харбинского узла. Сестра ее уехала в СССР. Собирается уехать на юг Китая. Еврей – коммерсант. Основная цель его деятельности – нажива. По-видимому, не имеет каких-либо определенных убеждений, но в настоящее время считает для себя выгодным состоять в советском подданстве и поддерживать с советскими связь. Полежак связан с советским консульством. В салоне Полежака шьют себе костюмы и платье сотрудники советского консульства. Так, в июле и августе (1936 г. – *М.К.*) костюмы и платье заказывали себе следующие сотрудники консульства: Шафрина, Бровкина, Егорова – машинистка советского консульства. <…>Типичный самоуверенный, самодовольный, заевшийся еврей. Если и не большевик, то, во всяком случае, не друг эмигранта»[1141].

В.А. Морозов, работавший в 1935 – 1940 гг. в юридическом отделе БРЭМ, которым заведовал А.М. Косакин, сообщал, что отдел занимался в основном переводом советских граждан в эмигрантское состояние: «Японцы сильно дожимали имеющих советские паспорта или возбуждавших ходатайства о принятии в совгражданство, не давали им рабо-

[1140] ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 11036. ЛЛ. 27, 31, 32. Д. 1104. ЛЛ. 7 – 8.
[1141] ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 37812. Л. 1.

тать, всячески ущемляли. Влияние советского консульства и вообще СССР в Харбине заметно падало — после продажи КВЖД все, кто не уехал в Союз, должны были становиться эмигрантами»[1142]. Он же отмечал, что к 1939 г. число советских граждан, желавших перейти в эмигрантское состояние, сошло на нет.

Многие из советских граждан предпочли перейти в эмигрантское состояние[1143]. По свидетельству А.В. Жернакова[1144], бывшего в эмигрантском состоянии до 1925 г., затем взявшего советское гражданство и работавшего на КВЖД до 1930 г., не уехавшего в 1935 г. в СССР по семейным обстоятельствам, он повторно перешел в эмигрантское состояние в 1938 г., когда начались «большие преследования советских граждан со стороны японских властей»[1145].

Присяжный поверенный, гражданин СССР В.Д. Маракулин [1146] активно вел дела «кавежединцев», подавших иски к КВЖД за невыплату заштатных денег. После 1937 г. работы не стало, и, по словам В.А. Морозова, «в деловом отношении советское гражданство стало большой помехой». В 1938 г. В.Д. Маракулин подал ходатайство о переходе в эмигрантское состояние в БРЭМ, указав, что он является гражданином СССР, но паспорт «просрочен 5 лет», т.е. не был пролонгирован с 1933 г. Причиной выхода из советского гражданства Маракулин назвал политические убеждения: будучи монархистом, «не разделял и не разделяю советскую идеологию»[1147]. После этого Маракулин подал заявление о вступлении в Российскую фашистскую партию.

В.А. Гаттенбергер[1148], получивший советский паспорт в 1925 г., работавший на КВЖД до 1931 г., в 1937 г. просил в Генеральном консульстве СССР в Харбине визу на въезд в СССР. В январе 1939 г. он получил ответ, что в числе ряда других лиц лишен гражданства, причем на словах ему было сказано (секретарем консульства Д. Пичугиным), что «ничего предосудительного» за ним в консульстве не числится. Оставшись без советского паспорта, Гаттенбергер вынужден был перейти в эмигрантское состояние, т.к., по его словам, «без этого я не получил бы никакого паспорта, а без такового жить было нельзя»[1149].

Переход из советского гражданства в эмигрантское состояние продолжался в последующие годы, судя по спискам, периодически публикуемым в местных газетах, лич-

---

[1142] РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 5. Д. 12. Л. 93.
[1143] См. прилож. 8, 10, 12, 15, 20, 21, 23, 29, 30, 34, 45, 47, 53, 54, 60, 66, 80, 91.
[1144] См. прил. 29.
[1145] См.: *Аблажей Н.Н.* С востока на восток. С.110.
[1146] См. прил. 54.
[1147] ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 29296. ЛЛ. 5, 33об.
[1148] См. прил. 20.
[1149] РГИА. Ф. 323. Оп. 13. Д. 297. Л. 9.

ным делам бывших советских граждан, находящихся в архиве БРЭМ. На 17 апреля 1936 г. в БРЭМ считались зарегистрированными 33644 чел., подали анкеты 1372 чел. бывших советских граждан из 4 тысяч, возбудивших ходатайство о переходе в эмигрантское состояние[1150].Таким образом, в 1936 – 1939 гг. советская колония сокращалась в основном за счет перехода советских граждан в эмигрантское состояние. Особенно много заявлений о переходе в эмигрантское состояние было зарегистрировано в 1938 г., когда антисоветские настроения в Маньчжурии достигли своего накала. Тогда же была упрощена процедура перехода из советского гражданства: отменена плата за переход в эмигрантское состояние (10 гоби) и представления 2-х поручительств эмигрантов для лиц, «возбудивших ходатайство о переходе из гражданства СССр в эмигрантское состояние»[1151]. По данным исследовательницы Н.Н. Аблажей, если на 1936 г. в Харбине насчитывалось 7804 гражданина СССР, то к июлю 1938 г. численность советской колонии в Харбине сократилась до 4 тыс. человек. К декабрю 1938 г. гражданство сменили еще от 850 до 1000 чел.[1152].

Возможно, активный переход в эмигрантское состояние был связан с усилением репрессий в СССР. Так, эмигрантская разведка сообщала о совещании в советском консульстве 23 апреля 1937 г.: «Настроение советских граждан паническое в связи с процессами в СССР. Контрреволюционные настроения в связи с общением с эмигрантами. Буржуазные уклоны. Прекращение подачи заявлений на выезд в СССР. Некоторые не прочь перейти в эмигрантское состояние. Планируется послать к паникерам агитаторов, разъяснить, что после “чистки” и “уборки” вредителей СССР станет монолитом. Упор на мощь Красной армии»[1153]. Переходили в эмигрантское состояние и граждане Польши, Литвы и других стран в связи с началом Второй мировой войны и аннексии Прибалтики и Польши[1154].

Даже при отсутствии точных данных о количестве советских граждан после 1935 г., сведения об оставшейся тысяче или 2, 5 тыс. советских граждан в Маньчжурии к 1939 г. выглядят сомнительными[1155]. В АВП РФ сохранился доклад председателя Общества граждан СССР в Харбине В.И. Сергунова за 1943 г. – документ, по которому можно частично реконструировать положение советской колонии[1156]. В этом докладе не были приведены точные данные о количестве советских граждан в Харбине (по-

[1150] На границе. 1936. 26 апреля. № 56. С. 4.
[1151] Заря. 1938. 15 мая. С. 3.
[1152] *Аблажей Н.Н.* Указ. соч. С.110.
[1153] ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 43726. Л. 133.
[1154] См.: Заря. 1939. 19 ноября.
[1155] См.: *Дубаев М.Л.* Указ. соч. С. 303; *Яхимович С.Ю.* Колония советских граждан в Северной Маньчжурии: социально-политический аспект (1924-1935 гг.). Автореферат … к.и.н. Хабаровск, 2012. С. 23.
[1156] АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 26. П. 247. Д. 17. ЛЛ. 15-21.

видимому, таковых не существовало), и все же содержание доклада позволяет говорить о том, что численность советской колонии во время Второй мировой войны была значительно больше приведенных осторожных цифр.

Так, Сергунов сообщал, что для граждан СССР на лето 1942 г. была снята дача за р. Сунгари, общая посещаемость которой за лето составила 7434 чел. Даже если принять во внимание, что, возможно, в эту цифру были включены повторные посещения дачи одних и тех же людей, все-таки можно предположить, что советская колония в Харбине в годы войны была довольно многочисленной, а ведь советские граждане проживали и в других городах Маньчжурии, и в поселках по линии бывшей КВЖД – Пограничной, Бухэду, Цицикаре, Чжалантуне, Имяньпо, где имели дома и хозяйство.

Сергунов отмечал в докладе «ненормальные условия для советских граждан в Маньчжурии» – трудности с работой, бедственное материальное положение, особенно людей преклонного возраста, без детей и родственников (они были названы «кадрами беспомощных людей»). Общество выдавало пособия на лечение, похороны, воспитание детей, медикаменты, занималось регистрацией движимого и недвижимого имущества граждан СССР. Согласно докладу, за 1942 г. было выдано материальной помощи советским гражданам 6093, 95 гоби. Зимой для советских граждан был устроен каток. Проводились также благотворительные концерты в помещении бывшей школы детей граждан СССР.

Общество организовало обучение детей советских граждан, которых начали исключать из эмигрантских школ с началом Второй мировой войны. В 1942–1943 гг. были созданы группы домашнего обучения на квартирах учителей – советских граждан (всего обучалось 60–65 чел.). Учителя – Стремоусова, Кругликова, Бондаренко, Баранов, Дмитриева, Андреев, Попова обучали детей по программам советских начальных и средних школ по советским учебникам, изданным в 1932–1933 гг. за плату 10–30 гоби с ученика в месяц плюс дотации Общества. Всего детей только начальной школы среди советской колонии в Харбине было 60–70 чел.[1157]. Важной частью работы Общества граждан СССР в Харбине была организация с 1941 г. нормированной выдачи продуктов питания (с началом войны в Маньчжурии были введены продуктовые карточки, русским эмигрантам они выдавались через БРЭМ). В некотором отношении советским гражданам в Маньчжурии жилось даже вольготнее, т.к. они были освобождены от постоянных военных учений,

[1157] Там же. Л.133.

налогов, поборов, обязательного участия в официальных церемониях и демонстрациях в Маньчжоу-Ди-Го, ношения специальных значков.

Среди писем и заявлений советских граждан в советские консульства в Маньчжурии во время войны встречается много просьб о выдаче виз (советские граждане продолжали уезжать из Харбина на юг Китая и дальше). Но подавляющее число заявлений в консульство – это жалобы на японцев, арендовавших комнаты у советских граждан, которые не платили вообще или самовольно снижали арендную плату[1158]. Генконсул СССР в Харбине Г.Ф. Юдин с мая 1942 г. неоднократно обращался к заместителю Особоуполномоченного МИД Маньчжоу-Ди-Го в Харбине г. Оиси с сообщениями об избиениях и оскорблениях советских граждан японцами, в основном квартирантами, снимавшими у советских граждан комнаты, а также просьбами разобраться и выселить квартирантов. В официальных письмах Юдин сообщал о брани, незаконных требованиях, оскорблениях: советских граждан японцы называли «советскими собаками» и «советскими хунхузами»[1159].

С началом Второй мировой войны советская колония начала увеличиваться за счет эмигрантов, пожелавших принять советское гражданство. Причем среди них были и беженцы из СССР в 1930-х гг., отказавшиеся от гражданства СССР и перешедшие в эмигрантское состояние. Так, семья Шатровых (6 человек) бежала в Маньчжурию из Благовещенска. Все они получили в 1942 г. советское гражданство, но за это японцы депортировали их из Маньчжурии – подвезли на машине к границе с СССР на заставу Отпор. В феврале 1943 г. были высланы А.В. Виноградова и А.И. Коган, получившие советское гражданство в конце 1942 г.[1160].

В ответ на протесты советского консула в г. Маньчжурия, заместитель Особоуполномоченного МИД в Харбине Оиси заявил: «Правительство Маньчжоу-Го … решило в случаях получения бесподданными, эмигрантами или гражданами Маньчжоу-Го подданства какой-либо другой страны, а также в случаях изменения подданства иностранцев, проживающих на территории Маньчжоу-Го, не разрешать их дальнейшее проживание в Маньчжоу-Го»[1161]. Японцы также мотивировали высылку советских граждан «антиправительственной деятельностью», «вредным действием против японо-маньчжурской вла-

[1158] АВП РФ.Ф.0146. Оп. 26. П. 247. Д.17. ЛЛ.31, 60, 72, 81, 83.
[1159] Там же. Л.53-56.
[1160] АВП РФ. Ф.0146. Оп.26. П.247. Д.18. Л.26.
[1161] Там же. Л.27.

сти» или тем, что они «скрывали свое ходатайство о советском гражданстве». Причем депортировали их после того, как НКИД СССР отказывал в выдаче въездных виз[1162].

Таким образом, можно говорить о значительном сокращении советской колонии в первые годы японской оккупации Маньчжурии, но в годы Второй мировой войны она начала увеличиваться за счет растущих симпатий к СССР на фоне неудачной японской колониальной политики (см. п. 3.4.2).

3.3.2. Давление на советских граждан со стороны властей Маньчжоу-Ди-Го в 1935 – 1945 гг.

Чрезвычайная политизация жизни в Маньчжурии в связи с установлением нового режима привела к дальнейшей поляризации советского и активного эмигрантского лагерей. Утрата КВЖД, а, следовательно, и экономического влияния СССР в Маньчжурии, резкое сокращение численности советской колонии, обострение международной обстановки во второй половине 1930-х гг. привели к ослаблению советских позиций и негативному, часто предвзятому отношению местных властей ко всем советским гражданам. После продажи КВЖД Генконсул СССР в Харбине М.М. Славуцкий писал: «Я не питаю иллюзий относительно дальнейшего положения наших граждан в Маньчжурии. Для меня уже несомненно одно: японцы, купив у нас дорогу, будут беспощадно вытеснять отсюда советских граждан»[1163]. Новыми маньчжурскими властями была организована травля в прессе (особенно в газетах «Харбинское время» и «Наш путь»), закрывались советские клубы, проводились обыски в советских хозяйственных учреждениях и в квартирах советских граждан.

В отношении оставшихся советских граждан в конце августа 1935 г. в связи с визитом в Харбин Пу И – императора Маньчжоу-Ди-Го, маньчжурскими властями была организована проверка благонадежности, около 200 чел. советских граждан были арестованы. Во время обысков и арестов, которые проводили русские, японские и маньчжурские полицейские, советским гражданам непременно задавали одни и те же вопросы: «Почему не уехали в СССР? Почему не берете эмигрантский паспорт? Почему взяли советское гражданство? Кто дал деньги на советский паспорт? Состоите ли в Обществе граждан

[1162] Там же. Л.29.
[1163] Очерки истории МИД России. Т. 2. С. 218.

СССР? На какие деньги живете?»[1164]. Давление на советских граждан стимулировало дальнейший отъезд из Маньчжурии, несколько советских граждан депортировали из страны[1165].

После продажи дороги все советское стало под запретом. Если до 1935 г. в Харбине показывали советские фильмы, открыто отмечались советские праздники, проводились физкультпарады, можно было купить советские газеты и книги, то после 1935 г. это стало уже практически невозможным. Т.к. местные газеты находились под строгой цензурой, информация об СССР была строго дозированной, так что трудно было судить о реальных событиях в Советском Союзе. Обычно все новости о событиях в СССР русское население Маньчжурии получало из русских эмигрантских европейских газет. Запрещалось слушать советское радио, хотя у многих эмигрантов были приемники, которые прекрасно ловили передачи из Хабаровска.

Даже связи с Шанхаем и Тяньцзинем были практически прерваны. Для выезда или въезда в Маньчжоу-Ди-Го нужна была виза, которую не так-то просто было получить. Необходимо было разрешение БРЭМ и Японской военной миссии (ЯВМ). В 1938 г. фактически прервалась переписка с СССР, Европой и США. В личных делах членов БРЭМ, работников КЧЖД указывалось, что связь с родственниками, живущими в СССР или в других странах, была утрачена с 1938 г., и никакой информации о них они не имели. Примечательно, что лидер РФП К.В. Родзаевский, начальник 2 отдела БРЭМ, человек, ответственный за пропаганду и немало сделавший для очернения всего советского, позже, в 1945 г., в письме И.В. Сталину обвинял власти Маньчжоу-Го и Японии в том, что они «лишили нас общения с беженцами из СССР, советских газет, а советские представители в Маньчжоу-Го не делали никаких попыток дать нам информацию и правильную ориентировку»[1166].

Отношения между советскими представителями в Маньчжурии и местными властями были отражением осложнившихся советско-японских отношений – а именно, наметившимся еще в 1935 г. сближением между Японией и Германией, завершившимся в ноябре 1936 г. заключением Антикоминтерновского пакта. В местной прессе была развернута широкая антикоммунистическая пропагандистская кампания, и в такой атмосфере советские граждане чувствовали себя неуютно.

[1164] АВП РФ. Ф. 308. Оп. 8. П. 15. Д. 9. Л.1-32.
[1165] См. прил. 42.
[1166] Письмо К.В. Родзаевского И.В. Сталину //Отечественная история. 1992. №3. С. 97.

Неоднократно советские дипломаты поднимали тему недоброжелательного отношения к советским гражданам перед маньчжурскими и японскими представителями. Заместитель наркома иностранных дел Б.С. Стомоняков в беседе с Охаси, заместителем Министра иностранных дел Маньчжоу-Ди-Го[1167], 17 марта 1937 г. указал на «неправильную линию поведения маньчжурских властей в отношении СССР», в именно: допущение деятельности «крайних кругов белогвардейской эмиграции», «разнузданной кампании» маньчжурской печати против СССР, «открытые призывы к восстаниям и террору против СССР». Стомоняков потребовал от маньчжурских властей отказаться от «дискриминации» в отношении к советским гражданам в Маньчжоу-Ди-Го[1168].

Советские консульства в Маньчжоу-Ди-Го превратились в крепости или, скорее, чумные бараки. В Харбине с декабря 1934 г. напротив советского консульства был установлен наблюдательный пункт, где дежурившие русские эмигранты внимательно изучали всех входящих и выходящих из консульства посетителей и следовали за сотрудниками. Забор нового здания Генерального консульства СССР в Харбине на Садовой улице, в которое оно переехало в 1935 г., был обит изнутри фанерой, чтобы защититься от лишних недоброжелательных глаз. Вокруг консульств СССР в г. Маньчжурия и на ст. Пограничная также было установлено усиленное и демонстративное наблюдение русских сыскных агентов и полицейских.

М.М. Славуцкий в письме особому агенту МИД Маньчжоу-Ди-Го Ши Люйбеню от 10 июля 1936 г. сообщал: «За каждым из сотрудников консульства (на ст. Пограничной – *М.К.*), равно как и за их женами, следуют по пятам 2 агента сыска и 3 полицейских-белогвардейца, наносящих им, особенно женщинам, оскорбления; консулу Е.И. Голубцову 12 мая нанесено грубое оскорбление; в магазинах отказываются продавать что-либо сотрудникам консульства (полиция сделала владельцам магазинов предупреждение с угрозой ареста). Если сотрудникам консульства или их женам удается сделать покупки – белые полицейские записывают предметы покупок и фамилии владельцев. Вскрываются вся поступившая в адрес консульства корреспонденция, причем белые полицейские … в самом издевательском тоне рассказывают содержание их личной переписки, открыто бравируя своей осведомленностью»[1169].

[1167] Дипломатические отношения между СССР и Маньчжоу-Го официально не были установлены, но de-facto общение между дипломатами продолжалось на основе «поддержания добрососедских отношений между Маньчжоу-Го и СССР». В Маньчжурии находились советские консульства, а в приграничных городах СССР Чите и Благовещенске были открыты 2 маньчжурских консульства.
[1168] ДВП. Т. 20. М., 1976. С. 133.
[1169] ДВП СССР. Т. 19.М., 1974. С. 351.

В другом письме М.М. Славуцкого Ши Люйбеню от 14 мая 1937 г. говорилось о ситуации в г. Маньчжурия, где 11 мая 1937 г. состоялся митинг по случаю поднятия на здании местного отделения БРЭМа «старого русского флага». В это время по улице проезжал в автомобиле консул СССР в г. Маньчжурия В.В. Смирнов. Белогвардейцы не пропустили машины консула, потребовав – «под брань и крики» – повернуть обратно, что консул вынужден был сделать[1170].

Советские дипломаты были озабочены усилившейся антисоветской риторикой эмигрантских газет, тесными связями «японской военщины» с русскими белогвардейцами, сетуя на то, что японские власти предоставляли «белым» эмигрантам различные административные должности, особенно в полиции. «Совершенно естественно, что эти лица используют предоставляемую им власть для того, чтобы сводить счеты с советскими гражданами и с советскими представителями», – возмущался заместитель Наркома иностранных дел Б.С. Стомоняков в беседе с послом Японии в СССР Ота 2 сентября 1935 г.[1171].

М.М. Славуцкий в письме 6 мая 1936 г. особому агенту МИД Маньчжоу-Ди-Го Ши Люйбеню указывал, что «маньчжурские власти разрешают и поощряют подготовку и организацию белогвардейскими элементами регулярной вооруженной силы и различного рода банд для вооруженного и диверсионного выступления против Советского Союза». Консула возмутило, что при встрече прибывшего в Харбин 22 апреля 1936 г. командующего Квантунской армией генерала Уэдо принимали участие два русских белогвардейских отряда, «вооруженные даже винтовками». При штабе Дальневосточного союза военных была организована белогвардейская офицерская рота, включавшая стрелковые, пулеметные взводы и взвод управления, причем не скрывались «прямо направленные против СССР цели организации указанного белогвардейского отряда»[1172].

БРЭМ, организованный в декабре 1934 г. японцами, советские дипломаты рассматривали как «боевой центр крайних антисоветских элементов», организацию «белогвардейцев» для борьбы с СССР. Собственно, японцы и не скрывали целей учреждения Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии – объединение российской эмиграции для борьбы за освобождение России от большевизма. Недовольство вызывала также поддержка японцами фашистской партии, которая также не скрывала своей антисоветской направленности. Так, 15 апреля 1936 г. в русской гимназии г. Маньчжурия при со-

[1170] АВП РФ. Ф. 0100б. Оп. 7. П. 119. Д. 13. Л. 15.
[1171] ДВП СССР. Т. 18. М., 1973. С.485.
[1172] АВП РФ. Ф. 308. Оп. 9. П. 16. Д. 5. Л. 1

действии начальника ЯВМ в Маньчжурии Накамори отделение БРЭМ устроило грандиозный «вечер единения». Начался он с исполнения гимнов Японии, Маньчжоу-Го и русского «царского» гимна, который публика выслушала стоя. Начальник ЯВМ в Маньчжурии Накамори сказал «сильную речь» с обращением к русским эмигрантам, призывая их сплотиться вокруг БРЭМ в Маньчжурии, быть готовыми к борьбе и в конце провозгласил «Слава России!»[1173].

Активная часть российской эмиграции в Маньчжурии – БРЭМ, РФП, Дальневосточный союз военных организовывали различные антисоветские акции, которые часто были приурочены к 1 мая – дню борьбы с Коминтерном и 7 ноября – Дню непримиримости. В эти дни проводились смотры, демонстрации «сил эмиграции», когда различные эмигрантские организации маршировали по улицам со знаменами, на эмигрантских домах вывешивались трехцветные флаги с траурными ленточками, в храмах совершались панихиды по погибшим в борьбе с большевиками.

Газета «Наш путь» сообщала о праздновании 7 ноября 1936 г. в г. Маньчжурия: «Утром 6 ноября все заборы и стены города были оклеены громадными лозунгами и карикатурами с надписями: “К стенке октябрьских палачей”, “Долой ГПУ – еврейский застенок”, “Даешь национальную Россию”, “Стройся в ряды русских фашистов”, “После Испании – очередь за СССР”». После собрания в Русском клубе демонстрация эмигрантов со знаменами и оркестром направилась к Св. Ильинской церкви, которая находилась прямо напротив советского консульства. Проходя мимо МИД и японского консульства демонстранты прокричали «Вансуй!» и «Банзай!». В церкви была отслужена панихида. При пении «Со святыми упокой» все опустились на колени, опустив к полу знамена, выстроенные у амвона[1174]. Газета замечала, что во время прохождения демонстрации в районе железнодорожников все окна советских граждан были закрыты ставнями.

В декабре 1936 г. газета «Наш путь» написала по поводу освобождения Бориса Ковердy, убившего советского полпреда в Польше Войкова: «Мы знаем, что прочтя эти строки, многие русские юноши и девушки вдохновятся мыслью подражать Борису Коверде в его пламенном патриотизме»[1175]. Многочисленные протесты Генконсула СССР в Харбине М.М. Славуцкого против антисоветской деятельности белогвардейских организаций и выпадов против СССР в белогвардейской печати оставались без ответа.

[1173] АВП РФ. Ф. 270. Оп. 11. П. 19. Д. 9. Л. 1.
[1174] Наш путь. 1936. 15 ноября. С. 3
[1175] Наш путь. 1936. 10 декабря. С. 2.

Среди оставшихся советских граждан усиленно велась пропаганда на разных уровнях. Как пример, можно привести рассылаемые эмигрантами по почте в 1936 г. прокламации, подписанные «Инициативная группа граждан СССР. Чрезвычайная тройка ЦК комсомольцев Дальнего Востока», следующего содержания: «К коммунистам, комсомольцам и всем гражданам СССР! Товарищи! Не пора ли задуматься над происходящим? Не пора ли понять, что у России и русского трудового народа самые злые враги – Сталин, ЦК ВКП(б) и Коминтерн! <…> Так не пора ли порвать с этой подлой властью и встать на путь борьбы с нею и объединиться с теми здоровыми силами, которые открыто заявляют, что они идут против коммунистов, но не против России. <…> Рвите с Интернационалом, берите эмигрантский паспорт и продолжайте борьбу с палачами родины и трудового народа в рядах эмиграции»[1176].

Советские граждане в Маньчжурии жили в определенной изоляции, за ними осуществлялся негласный контроль со стороны БРЭМ и РФП. Эмигрантам не рекомендовалось общаться с советскими гражданами, принимать их на работу, сдавать им комнаты и квартиры, нанимать прислугу с советским гражданством и т.п. В сентябре 1935 г. БРЭМ выступил с требованием, чтобы русские предприниматели эмигранты уволили со службы советских граждан (в предприятиях и конторах, принадлежавших русским эмигрантам или иностранцам, работало около тысячи советских граждан) или служащие с советским гражданством должны были обязательно перейти в эмигрантское состояние[1177].

И.С. Ильин писал в своем дневнике о реакции эмигрантов на распоряжение Департамента полиции в начале сентября 1938 г. о запрете аренды советскими гражданами квартир и комнат, исключении совподданных из школ: «Из колледжа (ХСМЛ – *М.К.*) попросили уйти 37 человек. Это болезненно отразилось на бюджете. А через 4 дня поступило новое распоряжение – советские подданные могут поступать. Оказывается, советское консульство заявило протест, а власти ответили, что они не причем, что это распоряжение “недоразумение” и поспешили его отставить. Позавчера всем совподданным, учащимся в ХСМЛ, были разосланы письма. Многие уже вернулись. О квартирах: тут еще глупее. Обходили дома русские полицейские, объявляли, что за неисполнение распоряжения будут арестовываться. Некоторые струсили. Так, Лавровы уволили свою прислугу – совподданную. Другие обратились за разъяснением: за что выселять? Многие живут по нескольку лет! Им отвечали: скажите, что ремонт, повысьте плату и т.п. – как знаете, а выселяйте. Советские граждане отправились в консульство. Там им заявили: требуйте письменного

[1176] ГАРФ. Ф. Р-6599. Оп. 1. Д. 12. Л. 71об.
[1177] Харбинское время. 1935. 6 сентября. С. 5.

распоряжения, а потом – обращайтесь к властям. Власти ответили: это самоуправство полицейских, ни в коем случае исполнять их требований не следует»[1178].

Под подозрение попадали также советские граждане, подавшие ходатайства о переходе в эмигрантское состояние. Так, газета «На границе» постоянно публиковала фамилии «подозрительных» лиц – бывших советских подданных, ставших эмигрантами, которые продолжали общаться с советскими гражданами. В заметке «Пора обратить внимание» газета указывала, что портной Никандр Павлович Саломаха и его жена Мария Ивановна продолжали обслуживать советских граждан – «шить на советских», а Салищевы не оставили своих «советских замашек и поведения»[1179].

Многих «бывших советских» отделы БРЭМ подвергали «проработке», подозревая в продолжавшихся связях с советскими гражданами. Так, за работой Л.И. Любимова в БРЭМ [1180], который был в свое время квитподданным, пристально следили, считая его «неблагонадежным». Ему поручили работу в 6 отделе по регистрации безработных русских эмигрантов по составлению статистических карточек весной 1936 г. Делопроизводитель 6 отдела БРЭМ А. Иконников составил рапорт о его работе, в котором обвинял Любимова в «преднамеренном искажении фактов». По его словам, при составлении карточек Любимов скрывал факт наличия у кандидата советской квитанции или паспорта. К рапорту прилагалась в качестве образца карточка бывшего квитподданного П.Н. Кочеткова, где собственной рукой Любимова было зачеркнуто «сов. квитанция до 1932 г.» и написано «нет», что не соответствовало действительности. В характеристике, данной Любимову 24 марта 1937 г., его работа в БРЭМ была названа «вредительской»: «При производимой регистрации русского населения он умышленно скрывал подданство регистрируемых лиц и таким образом тормозил и мешал работе по выявлению лиц, работавших в пользу СССР. Любимова нужно считать лицом, не заслуживающим доверия и сомнительным в политическом отношении»[1181]. В БРЭМ он был зарегистрирован только 22 июля 1939 г., с 1940 г. работал в ЯВМ.

В местной прессе и воспоминаниях эмигрантов высказывались предположения, что часть бывших советских граждан отказалась от эвакуации в СССР по распоряжению ОГПУ, для того чтобы «втереться» в разные эмигрантские организации и продолжать «творить гнусное дело». Газета «На границе» призывала остерегаться «фальшивых эми-

---

[1178] ГА РФ. Ф. Р-6599. Оп. 1. Д. 13. Л. 120-121.
[1179] На границе. 1936. 9 августа. С. 5.
[1180] См. прил. 53.
[1181] ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 28118. Л. 15.

грантов» с двойным подданством[1182]. По сообщениям эмигрантской агентуры, советское консульство в Харбине настоятельно рекомендовало оставшимся советским гражданам переходить в эмигрантское состояние, поддерживая антисоветские настроения: «Такими мероприятиями Советское правительство желает осуществить нахождение своих агентов, как среди эмиграции, так и среди учреждений, где советские граждане состоят на службе. Кроме этого, слиянием советской массы с эмигрантской советское правительство надеется ослабить тот *коэффициент политических воззрений*, которые существуют до сих пор между этими двумя сторонами»[1183].

Действительно, Генконсульство СССР в Харбине было центром разведывательной работы. Эмигранты были уверены, что консульство имело агентов и осведомителей во всех эмигрантских организациях. Так, согласно донесению эмигрантской агентуры от 11 мая 1936 г., один из членов Дальневосточного союза военных в Харбине был тайным агентом советской военной разведки[1184]. По данным БРЭМ, работу советской разведки в 1937 г. возглавлял и.о. Генконсула СССР в Харбине В.В. Кузнецов, который тесно общался, обмениваясь информацией, с португальским консулом С. Скидельским, чехословацким консулом Гейне и литовским консулом Ковшаром. Источниками для получения сведений были: Еврейский народный банк, еврейские торговые фирмы, китайские коммунисты, партия Гоминьдан, отдельные иностранные фирмы[1185].

Под контролем 3 отдела БРЭМ были подозрительные и неблагонадежные лица, имевшие контакты с Генконсульством СССР в Харбине. В числе таких лиц был М.М. Зайдель, бывший советский гражданин, принявший сначала литовское, затем швейцарское гражданство, работавший в датской фирме «Вассард», которую возглавлял консул Дании в Харбине Иоргенсон. По данным разведки, Зайдель был тайным советским агентом, «твердым сторонником советской власти», постоянно посещал советское консульство, причем за свои услуги ежемесячно получал 250 иен[1186]. Кроме Зайделя в Харбине подозревались в связях с советской разведкой и подлежали наблюдению Р.М. Гольдштейн, есаул Эпов, Н.И. Титов, супруги Игнатьевы, юрист консульства Ц.С. Гуревич[1187].

Многие советские граждане после продажи дороги, оставшись в Харбине, поставляли агентурные сведения для советских спецслужб. Примером может служить история

[1182] На границе. 1936 . 4 октября. С.3. 15 ноября. С. 6.
[1183] ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 43726. Л. 21.
[1184] Там же. Л. 17.
[1185] ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 1763. Л. 30.
[1186] Там же. Л. 13.
[1187] ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 43726. Л. 23

Г.А. Немерова, рассказанная А.М. Славуцкой [1188]. Немерову, как знавшему китайский и японский языки, после продажи дороги было предложено «поработать на благо Родины» в качестве резидента советской разведки. По совету консульства он вынужден был сменить советское гражданство на эмигрантское состояние, т.к., по мнению вице-консула А.С. Рогова, заниматься разведдеятельностью, будучи советским гражданином, было невозможно. Они переехали в «эмигрантский» район Харбина – Модягоу, дочка должна была перейти из советской школы в школу ХСМЛ. У него был в собственности грузовик, на котором развозил грузы по всей Маньчжурии, используя эти перемещения для сбора сведений о японцах и воинских перемещениях. Сведения он передавал через агентов - китайцев. По сведениям его дочери, Генконсульство СССР в Харбине было центром, куда передавали информацию советские агенты через китайских лавочников. Г.А. Немеров был арестован в 1940 г. японской жандармерией по подозрению в работе на советскую разведку, заключен в тюрьму, обвинен в шпионаже в пользу СССР. Он был осужден на 15 лет каторжных работ, но при побеге из тюрьмы в 1943 г. был убит полицией.

Польская разведка чрезвычайно интересовалась деятельностью Генконсульства СССР в Харбине. В донесении резидентуры «Мандарин» от 1 сентября 1938 г. о советском консульстве и его сотрудниках (к донесению был приложен план консульского здания) сообщалось о том, что официальная деятельность консульства проходила на 1 этаже, тогда как агентурная работа совершалась преимущественно в нижнем подвальном этаже, где находились «ряд тайников и секретных кабинетов». В донесении утверждалось, что в числе агентуры консульства было много русских эмигрантов. Для контакта с ними у самого входа в консульство на улице имелось небольшое помещение вроде будки, в котором, кроме охраны, находился один из ответственных работников консульства (в 1938 г. это был И.В. Фельдшер), который и возглавлял советскую агентуру по эмигрантской линии. Он принимал эмигрантов там, а не в консульском здании, т.к. по общему правилу вход эмигрантам в консульство не допускался[1189].

Всего сотрудников консульства насчитывалось около 40 человек вместе с паспортным и политическим отделами, канцелярией, хозяйственной частью, охраной и рассыльными. Генконсул М.М. Славуцкий, проработавший в Харбине 6 лет, в июне 1937 г. был назначен послом в Токио. Славуцкий считался влиятельной фигурой, за ним в Харбине также велось усиленное наблюдение со стороны эмигрантов, которые отслеживали все его передвижения и контакты. Примечательно то, что в эмигрантских донесениях о

[1188] *Славуцкая А.М.* Маньчжурский вальс. М., 2011. С. 61 -107.
[1189] РГВА. Ф. 308. Оп. 3. Д. 458. Л. 1.

М.М. Славуцком сквозит невольное уважение. В отчетах агентуры говорилось, что это был очень требовательный человек, к себе и к другим, постоянно говорил о самообразовании сотрудников, обязательном знании языков и т.п. С его отъездом НКИД долго не мог найти подходящую кандидатуру.

С июля 1937 г. до октября 1938 г. должность и.о. Генконсула СССР в Харбине временно замещал вице-консул В.В. Кузнецов. С октября 1938 г. по февраль 1939 г. и.о. Генконсула СССР в Харбине стал Е.И. Голубцов, по сведениям эмигрантов, «недалекий, малокультурный человек»[1190]. Польская резидентура в Харбине считала, что главенствующее положение «по своему значению и весу» в советском консульстве занимал не консул, а секретарь консульства Д. Г. Пичугин, прибывший в Маньчжурию весной 1938 г.: «Он чин Красной Армии, в недавнем прошлом командовал полком, закончил Красную академию Генерального штаба. Держится в высшей степени замкнуто и почти нигде не бывает. Без его одобрения консул не принимает ни одного ответственного решения». Затем («по революционной линии») следовали вице-консул А.С. Рогов и служащий канцелярии Аронов, на 3 месте по значению был секретарь Рогачев, начальник политического отдела И.Ф. Махов и агент политического отдела П.И. Кондрашов. Агент П.Н. Попов из политического отдела, по сведениям разведки, вел работу преимущественно по «корейской и китайской линиям»[1191].

С июня 1939 г. по апрель 1940 г. обязанности Генконсула СССР в Харбине исполнял А.С. Рогов, по отзывам агентов, «недалекий господин, к тому же болтлив»[1192]. В составе советских консульств в Харбине и Маньчжурии всегда было много сотрудников военной разведки, но особенно много военных офицеров, по замечанию агентуры, прибыло в конце 1936 г. Агенты в своих отчетах указывали на резко снизившийся с 1937 г. интеллектуальный и культурный уровень советских дипломатов, связывая это с «чисткой» в НКИД СССР.

В связи с активной и успешной работой разведывательных советских служб, практически все советские граждане были под подозрением и неусыпным надзором полиции. Мара Мустафин в своей книге сообщала, что ее прадед, советский гражданин Г.М. Оникул не перешел в эмигрантское состояние в 1935 г., но вынужден был платить постоянно взятки жандармам и полиции, водил их в рестораны, чтобы избежать ареста. Но ее дядю Якова (1914 – 1985), который был пионером с 1924 г., в ноябре 1935 г. арестовали япон-

[1190] ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 43726. Л. 215.
[1191] РГВА. Ф. 308. Оп. 3. Д. 458. Л. 2.
[1192] ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 40373. Л. 10.

ские жандармы, держали 7 или 8 часов, били и требовали сознаться, что он – член комсомола. В конце концов, Яков вынужден был уехать в СССР в феврале 1936 г.[1193].

Однако, несмотря на официальную антисоветскую установку, отношения эмигрантов с советскими гражданами бывали часто весьма дружеские, контакты между двумя колониями никогда не прерывались. Консульство устраивало банкеты и вечера в Желсобе, советские граждане посещали вместе с эмигрантами концерты, кинотеатры и другие общественные места. И.С. Ильин в своем дневнике часто упоминает проведенные вечера с советскими гражданами. В.А. Морозов, работавший присяжным поверенным, нередко вел дела советских граждан. По его воспоминаниям, гонения на адвокатов за ведение дел граждан СССР началось не ранее 1942–1943 гг., т.е. во время Второй мировой войны, до этого мало кто интересовался гражданством своих клиентов[1194]. Наряду с давлением японо-маньчжурских властей и активных эмигрантов на советскую колонию в отношениях между эмигрантамии советскими гражданами соблюдался приоритет человечности, помощи в трудных ситуациях на фоне растущих симпатий к СССР (см. п. 3.4.2.).

Именно после 1935 г. обнаружилась условность «советскости» совграждан в Маньчжурии. В процессе общения эмигрантской колонии с беженцами из СССР во 1930-х гг. выяснилось, что между советскими гражданами из русской колонии в Харбине и «настоящими» советскими гражданами за это время возникла целая пропасть. Это подтвердилось после войны, когда общение между советскими войсками и эмигрантами стало особенно тесным (см. п. 4.1.1.). Надо сказать, что и беженцы из СССР, тоже не представляли себе, чем живет эмиграция. Так, некий А.В. Волынский, бежавший из СССР, появившись в Харбине в 1930-х гг., отказывался верить в реальность увиденного (магазины, товары, отсутствие очередей), говорил, что все это – «показуха», после чего стал широко пользоваться благами буржуазного Харбина, так сказать, «срывать цветы жизни»[1195].

Ограниченность, а то и полное отсутствие информации о происходивших в СССР процессах и изменениях, прекращение переписки с родственниками и друзьями из СССР привело к тому, что советские граждане, проживавшие в Маньчжурии, были далеки от советской реальности и, по существу, будучи «харбинцами», были гораздо ближе эмигрантам. Так, беженцы из СССР во второй половине 1930-х гг., получившие «советскую закваску», имели, по словам В.А. Морозова, мещанские наклонности, умели «ловчить» и оставались чужими для русской колонии даже через 5-6 лет эмиграции.

[1193] Moustafine M. Secrets and Spies: the Harbin Files. Sydney, 2002. P. 106- 107.
[1194] РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 5. Д. 12. ЛЛ. 82 об – 83.
[1195] РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 5. Д. 20. Л. 48-49.

Советская колония и после репатриации 25 тыс. железнодорожников и их семей в СССР, оставалась многочисленной, хотя и сокращалась вследствие отъезда части советских граждан на юг Китая и в другие страны или перехода в эмигрантское состояние. Она концентрировалась вокруг советских консульств в Харбине и Маньчжурии, обладала определенными ресурсами в виде личных капиталов, домовладения, земельных участков и хозяйств, а также средств, выделяемых советским правительством. Изоляция советской колонии, даже под давлением японских властей, не была абсолютной, контакты между колониями никогда не прекращались.

3.4. Разделение эмиграции на оборонцев и пораженцев.

3.4.1. Взаимоотношения российской эмиграции и японской администрации Маньчжоу-Го

Уступка Маньчжоу-Го прав СССР в отношении КВЖД (СМЖД), а на деле фактическая продажа КВЖД Японии, вызвала воодушевление у определенной части эмиграции: вместе с радостью от «изгнания большевиков с КВЖД» появились надежды на новые рабочие места. Но большинство русских было уволено с дороги и из других учреждений – больниц, опытных полей, других дополнительных предприятий, из судебных учреждений. В марте 1935 г. через 3-й отдел БРЭМ было устроено на службу по линии Государственных железных дорог 1016 эмигрантов, однако на учете железнодорожного отдела в конце 1935 г. находилось 6750 безработных[1196]. Генконсул СССР в Харбине М.М. Славуцкий отметил в своем дневнике в октябре 1935 г., что многие из русских служащих, принятых на дорогу, уволились, т.к. «не получали фактически жалованья»[1197].

По данным БРЭМ, на ноябрь 1935 г. в Харбине из 22526 зарегистрировавшихся эмигрантов в возрасте свыше 17 лет 10251 чел. имели работу, 12275 чел. остались без работы. Среди работавших эмигрантов 712 чел. служили на железной дороге, 1968 чел. занимались торгово-промышленной деятельностью, остальные 7571 чел. составляли категорию чернорабочих[1198].

В феврале 1936 г. на дороге осталось около 450 русских старослужащих [1199]. Должности уволенных советских граждан были заняты японцами и «маньчжурами» (ки-

---

[1196] *Сергеев О.И. Лазарева С.И.* Российская эмиграция на Дальнем Востоке (1917-1945). //Российская эмиграция на Дальнем Востоке. Владивосток, 2000. С.22.
[1197] АВП РФ. Ф. 0100 «б». Оп. 5. П. 106. Д. 27. Л. 132.
[1198] *Василенко Н.А*. Указ. соч. С. 62 – 63.
[1199] Гун-бао. 1936. 16 февраля. С. 5.

тайцами), лояльными новой власти. Русские работали в основном на низших должностях – сцепщиками, смазчиками и т.п., а также в Главных механических мастерских и железнодорожной полиции.

Исключением был т.н. «русский участок» СМЖД: на запад от Харбина от ст. Метайцзы (7 км от Харбина) до ст. Аньда, протяженностью приблизительно 120–130 км. Он обслуживался исключительно русскими, эмигрантами и китодданными. Японцы объясняли его существование своей заботой о трудоустройстве эмиграции. Дорога здесь проходила по местности, пригодной для сельского хозяйства, главным образом, для скотоводства. Здесь были сосредоточены большие молочные хозяйства, поэтому русские хозяева и железнодорожники потянулись в этот район, и ст. Аньда стала поселком, где русские доминировали и определяли весь уклад жизни. В.А. Морозов в своих воспоминаниях заметил: «Европейская эмиграция не имела таких отдушин, как эмиграция дальневосточная. И особенно примечательно, что отдушины эти создавали японцы – наиболее нетерпимые и самонадеянные из азиатских наций»[1200].

Но даже среди искренних сторонников японцев среди эмигрантов, активных антибольшевиков, видевших в японцах союзников в антисоветской борьбе, иллюзии вскоре исчезли. После продажи КВЖД давление на эмигрантов усилилось так же, как и на советских граждан. Стала ясна политика японцев по вытеснению русского влияния в Маньчжурии — репрессии против эмигрантских организаций, аресты, высылки из Маньчжурии русских общественных деятелей, произвол и насилие.

Эволюцию отношения к Японии активной политической эмиграции можно проследить на примере профессора М.П. Головачева – сибирского областника и японофила [1201]. Для Головачева оккупация Японией Маньчжурии в 1931 г. стала возможностью реализации всех задуманных планов, породила надежды на успех сибирского движения[1202]. Он восторженно приветствовал появление государства Маньчжоу-Го в марте 1932 г., надеясь на особую роль сибиряков-областников в новом государстве. Головачев написал довольно резкую статью в ответ на выступление П.Н. Милюкова 3 марта 1932 г. в Пари-

---

[1200] РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 5. Д. 10. Л. 90.

[1201] *Головачев Мстислав Петрович* (1893 -1956) – юрист, профессор, политический деятель, публицист, сторонник сибирского областничества. Родился в Енисейске. Окончил Юридический факультет Московского университета (1913), Московский археологический институт. Во время гражданской войны – зам. министра иностранных дел в Сибирском правительстве. В 1922 г. стал министром иностранных дел Сибирского правительства (Владивосток). Принимал участие в организации эвакуации белых войск и гражданского населения из Приморья. С 1923 г. в Харбине, преподавал в Институте ориентальных и коммерческих наук. В 1934 г. был назначен ректором института Св. Владимира в Харбине. В 1935 г. выслан из Маньчжурии в Шанхай. В 1949 г. выехал в США.

[1202] О сибирском областничестве как движении за образование автономной Сибири см.: *Аблажей Н.Н.* Сибирское областничество в эмиграции. Новосибирск, 2003.

же[1203]: «Милюков предлагает эмиграции защищать собственные интересы. Но приветствовать наличие у Коминтерна территориальной базы в Азии для социалистической революции этой эмиграцией не может быть принята, как патриотическая». Головачев в статье противопоставлял тезисам Милюкова собственное понимание патриотизма – «стремление к конечному благу нации», а, стало быть, задачей эмиграции было сохранить нацию[1204].

Головачева русская колония считала выразителем японских интересов, некоторые его обвиняли чуть ли не в «продаже национальных интересов России». Будучи редактором китайского официоза «Гун-бао», он в редакционной статье называл появление Маньчжурской империи в марте 1934 г. «великим событием», «новой эрой в жизни народов Азии», «зарей новой жизни». Восшествие на престол императора Пу И Головачев считал «выражением сущности и духа исторического процесса, приведшего к созданию маньчжурского государства, ставшего фактором колоссального значения для народов Восточной Азии», сравнивал Пу И с Петром Первым[1205]. Он рассматривал сибирское движение и «областническую идеологию» как составную часть паназиатской идеи, причем вектор политических приоритетов должен был быть направлен в сторону Японии как безусловного лидера в Азии. По его мнению, сибирское движение должно было заявить о себе как о политическом факторе в случае военных действий между СССР и Японией.

В своих воспоминаниях Головачев утверждал, что первые полтора года (с 1932 г.) японская политика по отношению к белым в Маньчжурии была благожелательной: «Начальник ЯВМ полковник Камацубара, затем полковник Савада, советник полиции полковник Яги и другие официальные лица относились к эмиграции чрезвычайно хорошо». Но с осени 1933 г. сибирское движение стало «подвергаться ударам с двух сторон: коммунистов и японцев»[1206]. Головачев, как и многие эмигранты, был возмущен тем, что японский Генштаб пытался использовать русских антикоммунистов в Маньчжурии для своих целей, превратив их в «слепое орудие своих планов для идеологического прикрытия военного округления маньчжурской территории в сторону Владивостока». Головачев оказался в очень непростом положении. На него, как на официальное лицо – ректора института Св. Владимира и редактора официальной газеты «Гун-бао» – оказывалось постоянное давление в смысле демонстрации лояльности новой власти. Как редактор «Гун-

---

[1203] П.Н. Милюков в докладе «Дальневосточный конфликт и Россия» осудил позицию дальневосточной эмиграции, приветствовавшей приход японцев в Маньчжурию, назвав ее «непатриотичной» и обвинив в пораженческих настроениях. См.об этом: *Аблова Н.Е.* Указ. соч. С. 302.

[1204] Головачев М.П. Ответ профессору П.Н. Милюкову //Харбинское время. 1932. 6 апреля. С.2.

[1205] Гун-бао. 1934. 4 марта. С.1.

[1206] Головачев М.П. Рукопись «Сибирское движение и коммунизм» (Golovachev Collection. Box #1. BAR).

бао» он отказался напечатать в 1933 г. текст из ЯВМ о том, что генерал Хорват – глава русской эмиграции на Дальнем Востоке, которого Головачев безмерно уважал, являлся «изменником интересам русского народа». Текст этот был, в конце концов, напечатан в «Харбинском времени» – прояпонской газете, а Головачев вынужден был покинуть редакторский пост «Гун-бао» в декабре 1934 г.

Сам Головачев называл план ЯВМ по контролю над «белыми» в Маньчжурии превращением эмигрантов в «Панургово стадо», выполняющее задания японцев. Созданное японцами в декабре 1934 г. Бюро по делам русских эмигрантов (БРЭМ), а особенно методы управления БРЭМ, которые напоминали ему советские методы, приводили, по мнению Головачева, к увеличивавшейся пропасти между русской эмигрантской массой и японцами. В конце концов, Головачев «не счел возможным признать авторитет Бюро в виду того, что оно никем не выбиралось», а, стало быть, таким образом, фальсифицировалось общественное мнение. К тому же «паназиатская идея» японцев – «Азия для азиатов» – чем дальше, тем больше расходилась с идеями сибирского движения. Все это привело к тому, что Головачев и еще шесть видных деятелей эмиграции (генералы Акинтиевский и Сычев, полковник Белоцерковский, инженер Белобродский, журналист И.Ф. Брокмиллер, Л.Н. Горошкевич) были арестованы японцами в августе 1935 г. Им было предъявлено обвинение в «активной вредительской работе против объединения русских эмигрантов»[1207], правда, через 4 суток они были освобождены с условием в течение месяца покинуть пределы Маньчжурии.

Генерал Е.Г. Сычев, возглавлявший Восточный казачий союз, был недоволен прояпонской ориентацией БРЭМ и отказался возглавить его. После его высылки из Маньчжурии, он в Шанхае в октябре 1935 г. представил доклад в консульский корпус. В докладе он утверждал, что российская эмиграция не должна быть «болванкой в руках любого японского майора», что русский народ не отдаст свою землю кому угодно, чтобы избавиться от большевиков. Он требовал от Г.М. Семенова «отбросить тон главкома и наследственные права Колчака», выступал за «здоровую организацию эмиграции на национальных началах»[1208]. Аресты и высылки общественных деятелей стали сигналом разрыва основной части эмиграции с японцами, потерей к ним доверия. Маньчжурия, по словам Головачева, стала «ареной для постановки фашистских опереточных представлений

[1207] Харбинское время. 1935. 18 августа. С. 3.
[1208] См. об этом: *Ципкин Ю.Н.* Маньчжурская эмиграция: раскол и попытки объединения военных кругов //Российская эмиграция на Дальнем Востоке. Владивосток, 2000. С.31.

русскими чинами японской жандармерии, фальсифицировавшей национальное русское антикоммунистическое движение»[1209].

Общее настроение активной эмиграции в середине 1930-х гг. было подавленным: признание Советского Союза США в 1933 г., вступление в 1934 г. СССР в Лигу наций, франко-советский пакт о взаимопомощи 1935 г., а также внутренние ссоры и трения между лидерами свели активистские настроения к минимуму. Кроме того, даже сторонники японцев понимали, что их использовали, и что в союзе с японцами была потеряна последняя, пусть и иллюзорная независимость и самостоятельность эмиграции. Тот же К.В. Родзаевский, правда, много позже, в 1945 г. признавался в письме к И.В. Сталину: «Проживая за границей и связавшись с иностранными силами, мы сделались пленниками и рабами внешних врагов России. <…> Судьба мстила за бессознательный отход от России»[1210].

Япония после оккупации Маньчжурии сделала ставку на определенные круги активной военной и политической российской эмиграции (фашисты, сторонники атамана Г.С. Семенова), которые были привлечены для работы в жандармерии, полиции, Японской военной миссии (ЯВМ). Японцы организовали для руководства российской эмиграцией Бюро по делам российской эмиграции в Маньчжурской империи (БРЭМ), Дальневосточный союз военных, Союз казаков на Дальнем Востоке, Монархическое объединение. Тема сотрудничества определенной части российской эмиграции в Маньчжурии с японцами достаточно хорошо разработана в историографии[1211]. Исследователи сходятся в том мнении, что сотрудничество российских эмигрантов с японскими оккупационными властями было чаще всего вынужденным, а отношение в эмигрантской среде к ним было довольно скептическим.

Чтобы упорядочить жизнь эмигрантской колонии и поставить ее под контроль ЯВМ, 28 декабря 1934 г. был создан специальный административный орган – БРЭМ. Центральная организация БРЭМ расположилась в Харбине, а территориальные отделения – в местах компактного проживания эмигрантов по всей Маньчжурии [1212]. Японцы в создании БРЭМ преследовали свои цели и отводили русской эмиграции определенную роль в начавшейся большой политической игре. На 15 декабря 1935 г. на учете в Бюро состояло

[1209] Головачев М.П. Рукопись «Сибирское движение и коммунизм» (Golovachev Collection. Box #1. BAR).
[1210] Письмо К.В. Родзаевского И.В. Сталину //Отечественная история. 1992. №3. С. 95.
[1211] См. об этом: *Аблова Н.Е.* Указ. соч. С. 295 – 335; *Аурилене Е.Е.* Указ. соч. С. 48 – 72; *Балакшин П.П.* Указ. соч. Т. 1. С. 252 –300; *Балмасов С.С.* Указ. соч. С. 404 – 486; *Дубаев М.Л.* Указ. соч. С. 292 – 329; *Егоров Н.А.* Деятельность иностранных спецслужб на Дальнем Востоке по использованию маньчжурской белоэмиграции в 1922–1941 гг. //Военно-исторический журнал. 2009. № 11. С. 48–53; *Смирнов С.В.* Указ. соч. С. 108 – 110; *Усов В.Н.* Советская разведка в Китае: 30-е годы XX века. М., 2007. С. 288 – 345; *Шкаренков Л.К.* Указ.соч. С. 145 – 150; *Яковкин Е.В.* Указ. Соч. С. 91 – 175.
[1212] См. об этом: *Аурилене Е.Е.* Указ. соч. С. 48 – 73.

23 500 чел. в возрасте от 17 лет персонально и 163 эмигрантских организации. На 1 октября 1942 г. в Харбине было зарегистрировано 36 711 чел., в других населенных пунктах – 22 988 чел.[1213]. Национальные диаспоры в Маньчжурии – грузинская, украинская, еврейская, армянская, татарская и прочие в БРЭМ не входили. С созданием БРЭМ для русских эмигрантов вводилась обязательная регистрация и прописка – единые эмигрантские паспорта в виде регистрационных квитанций, а затем личных книжек. Вступительный взнос при зачислении на учет был 50 фен, а ежемесячные отчисления в БРЭМ составляли 1% заработка.

По сути дела БРЭМ выполнял функции своеобразного эмигрантского правительства. Помимо многочисленных обязанностей по координации жизнедеятельности эмигрантского населения, в задачу Бюро входила разведывательная и контрразведывательная деятельность, осуществлявшаяся через 3-й отдел БРЭМ. На всех эмигрантов были заведены личные дела, в которых фиксировались данные о политической неблагонадежности лиц. По мнению исследователя дальневосточной эмиграции А.А. Хисамутдинова, БРЭМ постарался охватить своим влиянием всех выходцев из России и создать своеобразную «империю», в которой многое – и деятельность руководства, и «упорядочивание» жизни эмигрантов – копировало политическое положение в Советской России со всеми свойственными ему отрицательными чертами: «шпиономанией и беззаконием, уничтожением политических противников и террором»[1214].

Организацию БРЭМ эмиграция встретила «в штыки». Это было связано с запрещением деятельности эмигрантских организаций, связанных с Западной Европой – РОВС, легитимистов, БРП, ТКП и других организаций. Японцы создавали БРЭМ, используя две группировки – фашистов и «семеновцев» (сторонников генерала Г.М. Семенова), непопулярных в среде эмиграции. Для привлечения широких кругов военной эмиграции японцы во главе БРЭМ первоначально поставили генерала В.В. Рычкова, а в помощь ему полковника Я.Я. Смирнова – по воспоминаниям эмигрантов, честных, безукоризненно порядочных людей, которых все знали и уважали, поэтому многие добровольно регистрировались в БРЭМ. Но Рычков в августе 1935 г. умер, и главой БРЭМ был назначен генерал А.П. Бакшеев – из забайкальских казаков, человек, близкий атаману Г.М. Семенову, «непредставительный», «бестолковый» человек с сомнительной репутацией, о котором ходило много анекдотов. Произошла реорганизация БРЭМ, были приняты на работу сомнитель-

[1213] Там же. С. 51.
[1214] *Хисамутдинов А.А.* К истории создания Бюро по делам российских эмигрантов и судьба его архива //Россияне в Азии. 1996. №3. С. 295

ные личности. Начальниками отделов (всего их было 7) стали члены РФП и военные из окружения Г.М. Семенова, хотя и среди них встречались люди, вызывавшие уважение среди эмигрантской колонии.

Резидент польской разведки в донесении от 8 сентября 1936 г. приводил запись беседы с начальником Юридического отдела БРЭМ А.М. Косакиным, адвокатом, офицером военного времени, георгиевским кавалером. Косакин сетовал на бездеятельность и неспособность генерала Бакшеева защищать интересы эмигрантов: «Ведет себя как мелкий японский чиновник. Он не в состоянии поднять дисциплину внутри Бюро, где процветает взяточничество». Косакин также считал, что «Бюро находится на закате», и как только «прояснятся» японо-советские отношения в сторону сближения японцев с СССР, Бюро «позорно отживет свой век»[1215].

Начальником военного отдела БРЭМ назначили генерала В.А. Кислицына, бывшего лидера легитимистов. Он был определен японцами в 1935 г. на роль председателя Дальневосточного союза военных, созданного вместо РОВС (легитимисты считали его предателем). Проблема была в том, что в ведении военного отдела в большинстве были т.н. «каппелевцы», не желавшие иметь ничего общего с «семеновцами» (разделение на семеновцев и каппелевцев шло еще с 1920 г., после падения Омского правительства адмирала А.В. Колчака). В 1938 г., когда был отставлен Бакшеев, председателем БРЭМ стал Кислицын. Авторитет БРЭМ, и так невысокий среди эмигрантской колонии, был подорван.

В письме к И.В. Сталину в 1945 г К.В. Родзаевский, занимавший пост начальника 2-го отдела БРЭМ, так оценивал «скандальную» работу БРЭМ за 10 лет «угнетения и разорения российской эмиграции»: «Вместо защиты русских интересов Бюро занималось презренным лизоблюдством, отвратительным подхалимажем и прислужничеством». Правда, он оговаривался: «Находясь в Бюро, мы через наших работников на правительственной службе прилагали все силы, чтобы защитить русских людей от бесконечных недоразумений и глупого произвола. Мы боролись против перевода русской эмиграции в подданство Маньчжоу-Го, против нелепой школьной реформы, маньчжуризации русских школ. Мы боролись за сохранение в эмигрантских школах Закона Божьего, за русский язык, за объективное изучение СССР, за подчинение школы русскому начальству. Мы боролись за сохранение и развитие в Маньчжурии русской культуры, за русское искус-

[1215] РГВА. Ф. 308. Оп. 19. Д. 47. Л. 74.

ство, оказывали незаметное, но подчас существенное содействие православной церкви»[1216].

Справедливости ради надо отметить, что, независимо от лидеров БРЭМ, многочисленный штат его из эмигрантов (в БРЭМ работало более 200 человек) в основном работал добросовестно. Отношение к БРЭМ в эмиграции менялось с годами – от неприятия («БРЭМ – японский прислужник») до признания его необходимости, особенно после начала японо-американской войны в декабре 1941 г., когда начались трудности с продовольствием, и в обязанностью БРЭМ стало снабжение эмигрантов. Но в целом организацией БРЭМ японцы не привлекли симпатии эмигрантов. Подмоченные репутации лидеров БРЭМ – А.П. Бакшеева, В.А. Кислицына, начальника 2-го отдела К.В. Родзаевского и других еще более уронили авторитет японцев в глазах эмиграции, и к середине Второй мировой войны эмиграция считала японцев врагами, а не друзьями и союзниками (см. п. 3.4.3).

Наибольшее неприятие вызывала у основной эмигрантской массы тесная связь японцев с фашистами. Фашистская партия получала от ЯВМ 4 тысячи иен ежемесячной субсидии (на издание газеты «Наш путь» и другие пропагандистские цели). Эмигранты с явной антипатией, порой с презрением относились к фашистам, хотя некоторые и прощали им все выпады за открытый антибольшевизм. Так, в своих воспоминаниях Ю.В. Крузенштерн-Петерец оговаривалась, говоря о фашистах: «Обвинение в том, что все работавшие с японцами были “наймитами” или преступниками, несправедливо. У большинства этих запутавшихся, забрызганных кровью людей было оправдание – Россия»[1217]. Диверсионная работа (отправка групп и отдельных эмигрантов на территорию СССР), которую японцы пытались вести через фашистов, ничего не дала и привела лишь к гибели нескольких десятков молодых людей. В школах, находящихся в ведении 2 отдела БРЭМ, а значит, и под контролем РФП, насаждалось «приторное японофильство, переходящее в подхалимаж»[1218]. Фашисты часто вели себя очень неумно, организуя травлю против известных в эмиграции людей. В 1934 – 1935 гг. это был Н.К. Рерих, в 1936 г. – Ф. Шаляпин, выступавший в Харбине, в марте 1937 г. – скрипач с мировым именем М. Эльман, концерт которого 2 марта 1937 г. в Харбине газета «Наш путь» предложила бойкотировать, объявив, что «русские люди не должны ходить на концерт жида».

[1216] Письмо К.В. Родзаевского И.В. Сталину //Отечественная история. 1992. №3. С. 97.
[1217] Крузенштерн-Петерец Ю.В. Воспоминания //Россияне в Азии. 1999. №6. С.78.
[1218] РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 5. Д. 13 Л. 61 об.

Газета «Наш путь», ежедневный орган российского фашистского движения, созданная в 1933 г. К.В. Родзаевским, и газета «Харбинское время» были основными проводниками японской политики среди русской эмиграции, и своими пропагандистскими, а порой и оскорбительными статьями сеяли рознь среди русской колонии. И.С. Ильин, приводя в своем дневнике вырезки из отдельных, особенно возмутительных статей, называл их «гаденькими газетками»: «Сколько лакейства, смердяковщины, сколько низости и подхалимства изливают они на своих страницах»[1219]. Случайных статей и материалов в этих газетах не было, т.к. они проходили строгую японскую цензуру, так что по этим газетам можно было судить о политике Японии и настроениях местных кругов. Не случайно, именно эти газеты или перепечатки из них отложились в фондах консульств СССР в Харбине и Маньчжурии в АВП РФ, на основе них составлялись отчеты в НКИД о действиях антисоветской эмиграции и намерениях японцев. Однако сомнительно, чтобы именно эта пресса отражала полный спектр эмигрантских настроений. Газета «Русское слово», купленная РОВС в 1934 г., была закрыта в 1935 г. «Заря» и «Рупор» старались держаться «нейтральных» позиций, за что со страниц официозов на них сыпались упреки в «туманности и расплывчатости».

С течением времени изменилось отношение японцев и к фашистам, и к «семеновцам», «не справившимся» с задачами, возложенными на них новой администрацией Маньчжурии. По сообщениям польской резидентуры от 1 ноября 1936 г., вопросы о роли русской эмиграции в Маньчжурии «приобретают второстепенный характер в руководящих японских кругах и то значение, какое придавалось ей раньше, сейчас утрачивается». С назначением в 1936 г. на пост командующего Квантунской армией генерала К. Уэда, стало выдвигаться на первый план общество Сехэхой. Японцы явно охладели к лидеру фашистов К.В. Родзаевскому, во всяком случае, несколько раз ставили его на место. Например, Родзаевскому местные власти не дали разрешения на выезд за границу – в Югославию на Архиерейский собор РПЦЗ в сентябре 1936 г., за ним и его «соратниками» было установлено наблюдение[1220]. «Русский клуб», снятый фашистами на японские деньги, – прекрасное здание на Китайской ул., с большим залом для публичных выступлений и театральных постановок, показался японцам слишком дорогой затеей. Фашисты переселились из центра на окраину, в небольшое помещение. Это лишило клуб и фашистскую партию привлекательности.

[1219] ГА РФ. Ф. Р-6599. Оп. 1. Д .2. Л. 29об

[1220] РГВА. Ф.308. Оп.3. Д.458. Л.15.

Глава общества Сехэхой[1221] Муракава открыто заявлял, что фашизм в русской обстановке неприменим. На смену большевистскому режиму, говорил он, в России может прийти демократическая республика или монархия[1222]. Таким образом, японцы решили сделать ставку на монархизм. Президент ЮМЖД Мацуока встретился с лидером харбинских монархистов В.Ф. Ивановым в начале сентября 1938 г. В беседе Мацуока признал, что монархический образ правления – самый естественный и понятный, что русскому народу нужен царь. «Образование Маньчжоу-Ди-Го произошло по воле неба и соответственно желаниям 30-миллионного населения Маньчжурии.< …> Японцы не могут мириться с существованием коммунизма и считают необходимым бороться с ним до полного уничтожения», – заявил Мацуока. В беседе с В.Ф. Ивановым он намекнул, что только монархическая Россия может прийти к великому блоку Японии, Германии и России[1223].

Монархическое объединение в Маньчжурии было образовано в июле 1938 г. Лидерами монархистов были В.Ф. Иванов, Б.Н. Шипунов, полковник И.П. Пацковский, К.С. Сабуров. Целью монархического объединения было установление в России православной и самодержавной монархии под скипетром Дома Романовых, девизом – «За веру, царя и отечество!». В объединение могли входить все, кто «сохранил связь с великим прошлым, кто остался верен исконно русским идеалам»[1224]. В него вошел в полном составе Дальневосточный союз военных во главе с В.А. Кислицыным, часть Союза казаков, организация юных разведчиков и мушкетеров. Многие члены объединения заняли различные посты в БРЭМ. Но Монархическое объединение тоже оказалось временным и неустойчивым образованием. К 1940 г. оно фактически развалилось, из БРЭМ уволили многих «монархистов».

В противоречии с представлениями основной массы эмиграции о будущем России находилась поддержка японцами сепаратистских течений, различных национальных организаций, стремившихся к самостоятельности – украинцев, татар, евреев, грузин и т.п. В «Харбинском времени», начиная с 1935 г., регулярно выходили «национальные страницы», посвященные жизни национальных диаспор в Маньчжурии. По сообщениям агентов польской разведки, в Украинском доме в Харбине по указанию ЯВМ в декабре 1936 г. состоялось собрание членов Украинской Рады, где был прочитан доклад о необходимости укрепления национальных чувств народностей, населявших Россию – украинцев, грузин,

---

[1221] Сехэхой или Киовакай – «Общество согласия и мирного сотрудничества народов», прояпонское националистическое общество, созданное в июле 1932 г. См.: Великая Маньчжурская империя: К десятилетнему юбилею. Харбин: Изд-во «Кио-Ва-Кай», 1942. С. 167 – 168.
[1222] Донесение А. Малинина от 24 декабря 1936 г. //РГВА. Ф.308. Оп.3. Д.340. Л.142.
[1223] Харбинское время. 1938. 4 сентября. С.1.
[1224] Харбинское время. 1938. 4 сентября. С. 2.

осетин, евреев и т.п. В докладе прозвучала мысль, что Украина должна превратиться в независимое государство, а Япония окажет им полное содействие и помощь. Агент польской разведки сообщал также о том, что японцы покровительствовали доктору А.И. Кауфману, главе еврейской общины. Они часто беседовали с ним относительно возможности выделения русских евреев в самостоятельное государство на русской территории под покровительством японцев. Правда, Кауфман, по словам агента, к японским планам относился довольно иронически[1225].

Колониальная политика Японии в Маньчжурии, установление на оккупированной территории полицейского тоталитарного режима, который исследователь П.П. Балакшин сравнивал с жизнью в СССР[1226], также способствовала разочарованию в японцах широких слоев эмиграции. После окончания Второй мировой войны бывший император Маньчжоу-Ди-Го Пу И, находясь в советском плену, написал письмо-обращение к Советскому правительству 3 сентября 1945 г., в котором обрисовал роль Японии в Маньчжурском государстве: «В то время, когда японцы были хозяевами страны, они проводили политическую линию, сущность которой заключалась в том, что при режиме полного угнетения народа они прикрывались лозунгом “Политика гармонии и единства”, а в области экономики это выражалось в монопольном ограблении ими страны. <…>При японском господстве в экономике строительство, торговля и промышленность резко упали и пришли в состояние развала. Все продукты сельского хозяйства, в том числе необходимые самому народу, принудительно скупались по ценам, установленным японцами, и шли для снабжения японской армии. Народная экономика с каждым днем хирела и, наконец, пришла в такое состояние упадка, при котором населению невозможно стало жить»[1227]. Исследователь В.Э. Молодяков, соглашаясь с тем, что режим Маньчжоу-Го был колониальным и полицейским, указывал что японцы «навели относительный порядок в крае»: «Население было поставлено под жесткий контроль, в том числе и идеологический, но его оградили, хотя и не полностью и не сразу, от прежнего “беспредела”»[1228].

Японские власти повысили железнодорожные тарифы в пользу ЮМЖД, ввели нефтяную и другие монополии, так что японские торговые и промышленные предприятия оказались в более выигрышном положении[1229]. Были введены новые налоги на лавки, магазины, дома, предприятия, на предметы первой необходимости, причем японцы платили

[1225] РГВА. Ф.308. Оп.3. Д.340. Л.107.
[1226] *Балакшин П.П.* Указ. соч. Т. 1. С. 59.
[1227] Цит. по: История пребывания японских военнопленных в советском плену в документах (1945-1956 гг): Сб. документов /Сост. С.В. Карасев. Иркутск: Изд-во НИ ИрГГУ, 2011. С. 34
[1228] *Молодяков В.Э.* Россия и Япония: меч на весах. С. 50 – 51.
[1229] См. об этом: *Захарова Г.Ф.* Политика Японии в Маньчжурии. 1932–1945. М., 1990.

минимум обложения. Русские и китайские предприниматели были вытеснены из всех сфер экономики, часто не без помощи японских спецслужб[1230]. Происходила постепенная «японизация» всех сфер жизни Северной Маньчжурии, насаждение японского языка и культа богини Аматерасу[1231]. Государственной религией был признан синтоизм. Даже время было изменено на японское, т.е. часы были переведены на час вперед.

В мае 1937 г. вышел закон о школах, а с началом 1938 г. была проведена реформа народного образования. Школы должны были стать единообразными, с одной общей программой, с одним языком – японским, в то время как русская литература, русский язык, закон Божий упразднялись, а история и география должны были преподаваться по программам японских школ по учебникам, утвержденным министерство просвещения Маньчжоу-Ди-Го, причем директорами школ могли быть только лица японской или маньчжурской национальности [1232]. По японским правилам, 50 лет был предельным возрастом для работы учителя, и всех педагогов, достигших 50-летнего возраста, уволили.

В 1937 г. японцы издали распоряжение – квартирные цены не могли повышаться, таким образом, японцы арендовали квартиры у русских домовладельцев практически за бесценок. К тому же японцы пользовались правом экстерриториальности на территории Маньчжурии и были подсудны только японскому консульскому суду. В донесении польской разведки от 8 сентября 1936 г. сообщалось об открытии при японском консульстве специального отдела, куда русские домовладельцы должны были подавать жалобы, т.к. некоторые японцы совершенно не платили за квартиры – «в Славянском городке это приобрело массовый характер»[1233]. Пользуясь правом экстерриториальности, японцы зарплату сотрудникам также старались уплачивать не полностью, изобретая какие-либо пошлины и удержания. В.А. Морозов, через которого прошло немало исков по поводу неуплаты за жилье или за работу, замечал: «Японцы вообще не любили платить тем, кто для них работал, а русским в особенности»[1234].

Японцы стремились все унифицировать и объединить. В марте 1936 г. были организованы отряды самоохраны из числа русских эмигрантов и русских китайских подданных, была введена система «десятидворок» (10 дворов) со старостой во главе, в домах организованы «семейные кружки». Весь город был разбит на участки, проводились разнообразные месячники, учения: неделя чистоты, безопасности движения, обращения с огнем и

[1230] См. об этом: *Дубаев М.Л.* Указ. соч. С. 414–435.
[1231] См. об этом: *Поздняев Д.* Православие в Китае (1900–1997). М., 1998.
[1232] АВП РФ. Ф. 0100б. Оп. 7. П. 119. Д. 13. Л. 27.
[1233] РГВА. Ф. 308. Оп. 19. Д. 47. Л. 88.
[1234] РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 5. Д. 11. Л. 20.

т.п. С 11 мая 1938 г. в связи с продолжавшейся войной с Китаем вступил в силу закон о «национальной мобилизации», по которому власти могли реквизировать имущество, продукты, мобилизовать население и т.д. Началась подготовка к воздушной обороне, устраивались постоянные тревоги, во время которых в домах должна была быть полная темнота, все окна и двери должны были быть завешаны с 6 ч вечера до 7 утра, за нарушение следовало строгое наказание.

Русских раздражала мелочная регламентация жизни, устроенная японцами. Для продажи книг в магазине необходимо было специальное разрешение цензурного отдела ГПУ. В списке книг нужно было указать, кто будет эту книгу читать и ее цену. Все программы заседаний кружков, особенно радиопередачи – утверждались в одном из отделов ЯВМ. О бюрократизме японцев писал в своем дневнике с возмущением И.С. Ильин, который столкнулся в феврале 1938 г. с необходимостью получить разрешение на проведение вечера в лицее, где он работал. Сначала нужно было получить разрешение на постановку пьесы. Для этого необходимо было подать прошение в полицейский участок (на маньчжурском языке), и после того, как цензура одобрит содержание пьесы, подать новое прошение о разрешении на постановку. Причем необходимо было точно указать, что именно будет происходить на вечере, сколько будет человек и т.п. После проведения вечера необходимо было дать подробный отчет, заполнив большой лист с вопросами: зачем был вечер; был ли доход; сколько было человек; какие были люди – эмигранты или нет; сколько мужчин и женщин; сколько продано билетов и т.п. Ильин на своей шкуре испытал чувство унижения и бессилия при столкновении с японской бюрократией, так что даже советские порядки показались не столь уж жесткими[1235].

Даже новые праздники Маньчжу-Ди-Го проводились формально и под принуждением. В главный праздник – день основания нового государства 1 марта – Цзян-го-жи – устраивались процессии по улицам города, для которых специально нанимались китайцы за небольшую плату, которые толпами шли по улицам с флагами, фонарями. Особенно неприятно поражал эмигрантов звон колоколов православных церквей, которым предписывалось также участвовать во всех праздниках, пасхальный перезвон в Харбине был даже в день японской императорской армии. Эмигрантские газеты обязаны были в праздничные дни публиковать славословия о достижениях Маньчжу-ди-го, выказывая «верноподданнические чувства».

[1235] ГАРФ. Ф.6599. Оп.1. Д.12. ЛЛ. 2-8.

Японская пропаганда раздражала эмигрантов своей прямолинейностью и бездарностью. Для всего населения Маньчжурии властями была определена единая идеологическая линия, которая выразилась в лозунге «Жить и умереть с Ниппон»[1236]. Обязательными для любых статей должны были быть уверения в исключительности Японии, благодарность за проживание в государстве «благоденствия». В качестве образца можно привести статью в «Харбинском времени» от 1 сентября 1936 г. управляющего лесной концессией С. Кондо Т. Такахаси: «Мы, жители Маньчжоу-Ди-Го, в частности, харбинцы, сейчас самые счастливые люди на земле. Самые счастливые, если считать за счастье тот порядок, то спокойствие, ту уверенность, в обстановке которой мы живем и работаем, а эти элементы бесспорно должны быть признаны как необходимые элементы счастливой жизни»[1237]. Общий тон пропаганды В.А. Морозов сравнивал с советскими образцами того времени: «То же самое – фальшь, ложный пафос, неискренность, лживость и полное неуважение, даже презрение к тому, в чей адрес направлена пропаганда»[1238].

Так, общество «Сехэхой» в июле 1936 г. объявило конкурс лозунгов «возвышения идеалов основания Маньчжоу-Ди-Го» и борьбы с коммунизмом, обещая денежные призы за лучшие лозунги. На конкурс откликнулось много русских эмигрантов. Из 20 195 присланных на конкурс лозунгов 1 817 было на русском языке. В. Иевлев предложил лозунг «Лишь Ван-дао[1239] – сердце Азии – мир страдающий спасет», Н.А. Байков – «Ниппон и Маньчжоу-Ди-Го – оплот порядка в Восточной Азии», «Азия для азиатов» и др., Д.В. Петров-Черчилли – «Свет Ван-дао – свет правосудия», И.З. Кудашев – «Дружба Маньчжоу-Ди-Го с Ниппон – залог благоденствия народов, его населяющих» и т.п.[1240]. Н.А. Байков, известный охотник и писатель, до 1929 г. печатавшийся в советских журналах, бывший советский гражданин, получил даже 3-й приз (10 гоби) за лозунг «Коммунизм несет с собой рабство, разложение и смерть».

Русское население возмущали методы, какими новые власти проводили свою политику, схожие с теми, что существовали в СССР. Например, газета «Харбинское время» организовала в 1936 г. кампанию по сбору средств на антикоммунистическую борьбу. Члены БРЭМ объявили, что те, кто не жертвует деньги, будут выставлены на «черную

[1236] Ниппон, ниппонцы – были официальными названиями Японии и японцев в Маньчжоу-Ди-Го. В 1934 г. вышло специальное правительственное распоряжение: писать и произносить «Ниппон», а не «Япония». Отдельно было указано, что термины Япония, японский – «неправильные и нежелательные для Ниппон». (Харбинское время. 1934. 6 сент. № 230. С. 5).

[1237] Такахаси Т. О чем говорят факты? //Харбинское время. 1936. 1 сентября. № 235. С.2.

[1238] РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 5. Д. 13. Л. 64.

[1239] Ван-дао - т.н. «королевский» или «императорский путь». В китайской исторической традиции этому соответствует тип политической администрации – «путь добродетельных легитимных правителей».

[1240] Наш путь. 1936. 4 сентября. С.4.

доску» и имена их будут опубликованы в газете[1241]. Польская разведка в октябре 1936 г. докладывала о расправах с русскими эмигрантами в полицейских участках. Задерживались, например, пьяные или лица, не выполнившие каких-либо паспортных условий, их держали под арестом в тяжелых условиях продолжительное время, вымогали взятки, арестованные подвергались побоям, пыткам (им лили воду в нос из чайника): «Бюро эмигрантов совершенно не в состоянии что-либо предпринять для предотвращения подобных недопустимых явлений»[1242]. Арестовывали часто людей, далеких от какой-либо политики. Так, известного зубного врача, старожилку Харбина Е. фон Арнольд, 64 лет, арестовали в 1938 г. за то, что не в прядке были счета и отчетности с зубоврачебной школой. Новые порядки вызвали дальнейший отток русского населения из Маньчжурии и Харбина[1243]. Уезжали крупные торговцы, интеллигенция, военные (все упиралось в средства), в города Северного и Центрального Китая, в Америку, Австралию и Европу. Причинами переезда были отсутствие работы, перспектив, политика новых властей, потом – страх за детей, когда встала необходимость служить в японской армии.

После продажи КВЖД и потере главной экономической базы, резко сократилась еврейская колония в Маньчжурии. По данным Дальневосточного еврейского центрального информационного бюро (Дальевциба), с 1 апреля 1935 г. по 1 июля 1936 г. пределы Маньчжоу-Го покинуло около 2 тыс. евреев (приблизительно одна треть всего еврейского населения), из них около 1 500 чел. уехало в СССР, 500 – на юг Китая и дальше. В 1936 г. в Маньчжоу-Го проживало приблизительно 3–3,5 тыс. евреев, из них, по приблизительным подсчетам: советских граждан — 1700, эмигрантов — 800, с другим иностранным гражданством — 700. Из евреев в БРЭМ зарегистрировалось около 250 чел., преимущественно беженцев из СССР. Из подданства СССР вышли около 40 человек[1244].

Состояние еврейской колонии вообще было барометром экономического положения российской эмиграции. «Японцы, – признавалось в справке Дальевциба, — были мощным и неравным конкурентом, которому приходилось уступить все хозяйственно-экономические позиции. Кроме того, начался перманентный террор против евреев со стороны белогвардейских банд — хищения, убийства, вымогательство денег у богатых евреев, которые проходили практически безнаказанно»[1245]. Беспрерывная травля, инсинуации, подстрекательства к погромам при молчаливом попустительстве местных властей выну-

[1241] РГВА. Ф.308. Оп.3. Д.340. Л.135.
[1242] Там же. Л.73.
[1243] См. прил. 33, 70, 75, 97, 98.
[1244] АВП РФ. Ф.100 «б». Оп. 3. П. 17. Д. 15. Л. 74.
[1245] Там же.

дили многих старожилов из еврейской колонии ликвидировать свои дела и уехать в Южную Африку, Южную и Экваториальную Америку.

За счет оттока русского населения из Харбина русская колония Тяньцзиня в 1935 г. выросла до 6 тыс. чел.[1246]. Ван Чжичэн в своем исследовании отмечал, что в 1936 г. в Шанхай прибыло 2 489 чел.: 2 285 эмигрантов и 204 совподданных[1247]. Среди известных шанхайских харбинцев можно назвать Вс.Н. Иванова, Н.С. Зефирова, Ю.В. Крузенштерн, Н. Петереца, Н.И. Ильину, Н. Крук, Л. Андерсен, О. Скопиченко, Н. Щеголева, В. Серебрякова, О. Лундстрема, А. Кармелинского, Л. Моложатова, П. Северного, М. Колосову, В. Чиликина, М.П. Головачева и др. Китайский исследователь Ван Чжичэн считал, что именно 1930-е годы стали временем экономического и культурного расцвета русской эмиграции в Шанхае, и не последнюю роль в этом сыграли переехавшие в Шанхай «харбинцы».

В письме С.В. Вострotину из Пекина от 17 апреля 1937 г. от человека из близкого окружения Д.Л. Хорвата сообщалось об общей обстановке в Маньчжурии: «Русские оттуда усиленно начинают перебираться в Тяньцзин и в Китай, т.к. там им “житья нет” от японцев, которые являются там полными хозяевами. Вот Вам результат глупости, сделанной Лигой Наций: отказавшись признать Маньчжоугоское государство, если не de jure, то хотя бы de facto, она лишила всех, кроме Японии, возможности иметь там своих представителей и тем самым предоставляет эту страну на съедение японцам. Я уверен, что Пу И и его китайцы в душе глубоко ненавидят и презирают японцев, но им не на кого опереться против них и потому им остается только одно – подчиняться»[1248].

Необходимо заметить, что Харбин покидали не только эмигранты, но и советские граждане. В середине 1930-х гг. большая группа советских граждан выехала в Шанхай, где произошло укрепление советской колонии в отличие от Маньчжурии. На август 1942 г. согласно японской регистрации иностранцев в Шанхае проживало 1 672 советских гражданина (всего русских в Шанхае насчитывалось 16 980 чел.)[1249]. По данным посольства СССР в Токио[1250], основная масса советской колонии в Шанхае состояла из бывших служащих КВЖД, «не захотевших в свое время после продажи дороги поехать в СССР и оставшихся в Харбине. С приходом в Маньчжурию японцев и созданием Маньчжоу-Го эти лица постепенно стали перебираться в Шанхай, предварительно переведя свои сбере-

[1246] *Мелихов Г.В.* Российская эмиграция в международных отношениях … С.180.
[1247] *Ван Чжичэн.* Указ. соч. С. 91.
[1248] Collection of S.V. Vostrotin. Box #1. BAR.
[1249] Русско-китайские отношения в XX веке. Т.IV. Кн. 2. С. 461.
[1250] После закрытия в 1939 г. консульства СССР в Шанхае, защита проживавших в Шанхае советских граждан была возложена на консульский отдел Посольства СССР в Токио.

жения и пенсионные средства». Секретарь посольства Долбин указывал, что советская колония в Шанхае не имела ясно выраженного «политического лица», и среди нее было много лиц, которые «не особенно спешили в Советский Союз, так как материально они были обеспечены хорошо, их “бизнес“ давал им большие прибыли, и им не хотелось менять уже установившийся уклад жизни мелкого буржуа». Н.И. Ильина в своих воспоминаниях отмечала: «”Не-уехавшие” были людьми полезными – на их средства содержался клуб граждан СССР в Шанхае. Их называли еще “липовыми” совгражданами»[1251].

Члены советской колонии Шанхая платили консульские сборы, имели право на консульскую защиту. Большинство советских граждан в Шанхае имели свои магазины, небольшие предприятия, служили в иностранных фирмах, работали музыкантами, артистами, врачами, преподавателями. Бывшие железнодорожники жили на средства, полученные при продаже КВЖД, и на пенсии от дороги. В Шанхае выпускались просоветская пресса (газеты «Новая жизнь», «Новости дня», журнал «Эпоха»), в отделении ТАСС работало много бывших харбинцев. В марте 1937 г. в советской колонии Шанхая возник Клуб советских граждан, который объединял к 1942 г. более 400 человек. Председателем Правления клуба был бывший «харбинец» Н.С. Зефиров[1252]. Также после опубликования конституции СССР 1936 г. в Шанхае возник «Союз возвращенцев», правда советское консульство в Шанхае не давало ответов на заявления с просьбой о паспорте и въездной визе в СССР.

Полицейский режим в Маньчжоу-Ди-Го способствовал проявлению в среде русской эмиграции таких темных сторон, как доносительство, шпиономания, политическая нетерпимость, раболепство. С приходом японцев в Маньчжурию слежка за всеми стала тотальной. Б.Я. Скидельский вспоминал: «Наш русский сторож докладывал обо всем в БРЭМ, те – японским властям, у которых было полное досье на каждого иностранца. <…> Мы учились держать язык за зубами, никогда не упоминать ничего антияпонского или даже немного просоветского. Это было полицейское государство»[1253]. При каждом учреждении имелись агенты (в Харбине их называли «стукачами»), которые получали деньги за каждое сообщение об эмигрантах, неодобрительно отзывавшихся о правительстве Маньчжоу-Ди-Го и японской политике. В японское жандармское управление, полицию, ЯВМ, БРЭМ поступала масса доносов, анонимных писем и проч.

[1251] РГАЛИ. Ф. 3147. Оп. 1. Д. 39. Л. 26.
[1252] См. прил. 31.
[1253] *Patrikeeff F.* Op. cit. P. 201.

К сожалению, нередки были случаи ложных доносов, когда эмигранты в корыстных целях обвиняли своих недругов или конкурентов в шпионаже или симпатиях к Советскому Союзу. Обвинения в «большевизме» были удобной ширмой для шантажа и вымогательства[1254]. Когда по ложным доносам стали арестовывать слишком много невиновных, японские власти объявили, что все заявления будут тщательно проверяться, а заявители в случае ложного доноса подвергаться наказанию[1255]. В сентябре 1936 г. вся русская агентура жандармов подверглась пересмотру – новый начальник Харбинского жандармского управления устроил тщательную проверку секретных агентов. Оказалось, что русские агенты «в целях укрепления своего положения» доставляли ложные сведения, создавая этим «ряд политических дел в отношении лиц совершенно невиновных», пользовались своим положением для сведения личных счетов[1256].

Отношение к эмигрантам, сотрудничавшим с японцами, менялось к худшему. Интересна реплика полпреда СССР в Японии К.К. Юренева в беседе с вице-министром Японии Хориуци в июне 1936 г.: «Я согласен с господином вице-министром, что положение белых таково, что *они продаются*»[1257]. Н.А. Мартынов, работавший на японцев, размышляя в 1950-х гг. о причинах провала японцев в Маньчжурии, заметил: « Японцы окружили себя на 90% меркантильными людьми, для которых политическая борьба была источником существования»[1258].

В эмиграции различали подонков, «стукачей» и прочий «низкопробный элемент», и тех, кто работал на японцев ради «куска хлеба». Но даже те из эмигрантов, кто тесно сотрудничал с японцами в общественных и военных организациях – БРЭМ, ЯВМ, газетах и журналах, среди которых было немало японофилов, с течением времени, поработав с японцами, становились враждебно настроенными против них. Исследователь В. Ямпольский, анализируя работу русских эмигрантов, завербованных японцами для разведывательной работы, отмечал низкий «коэффициент полезного действия» агентуры. Одни, «самые непримиримые», увидели, что в планах будущей России японцами им отводится роль «прислуги», другие пересмотрели отношение к бывшей родине. Но главной причиной неудачи японцев в вербовке русских эмигрантов исследователь находил в «несовместимости менталитетов», разном миропонимании и мировосприятии [1259].

[1254] См. об этом: *Балакшин П.П.* Указ. соч.Т. 1. С. 272 – 279; *Смирнов С.В*. Указ. соч. С. 99 – 100.
[1255] См. об этом: *Дубаев М.Л.* Указ. соч. С. 433.
[1256] РГВА. Ф. 308. Оп. 19. Д. 47. Л. 107.
[1257] АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 19. П. 170. Д. 21. Л. 3об.
[1258] Мартынов Н.А. Дневник. 1953 г. // Collection of N.A. Martynov. Box #1. BAR).
[1259] *Ямпольский В*. Указ. соч. С.37.

О такой культурной несовместимости японцев и русских свидетельствуют записи дневника И.С. Ильина[1260]. Он хорошо был знаком с японцами, работая еще в 1920-х гг. преподавателем в Японо-русском институте, а затем чиновником особых поручений при Квантунском генерал-губернаторе в Чанчуне, во второй половине 1930-х гг. – во 2-м отделе ЯВМ. Внешне он вынужден был демонстрировать свою лояльность японскому руководству, но, судя по записям в его дневнике, с трудом сдерживал свое раздражение. В дневнике он осуждал поведение японцев, их бестактность, жестокость, отсутствие жалости, назойливость, стремление все контролировать и регламентировать, произвол, самоуправство, грубое насилие.

Его чувства оскорбляло снисходительное отношение японцев к русским, постоянные поучения и нотации. И.С. Ильин, преподававший с 1936 г. историю и географию в лицее Св. Николая в Харбине, с возмущением описал собрание директоров гимназий в декабре 1937 г., где заведующий Учебным отделом японец Гото заявил, что русские школы были «неудовлетворительны», давали плохое образование, доказательством чего стала произошедшая в России революция, что «русские не умеют воспитывать своих детей, поэтому среди русской молодежи необычайно много наркоманов»[1261].

О советском присутствии Ильин в июне 1938 г. вспоминал уже с теплыми чувствами: «Тогда дорога была в руках большевиков, и, надо сказать, край благоденствовал. Не потому, что были большевики,… а потому, что это были русские с их укладом жизни, с их характером. Вокруг все жили. Жили и те, кого большевики прогнали с дороги – т.е. мы, эмигранты, еще лучше те, которые быстро переменили фронт, нас предали и пошли в Каноссу, жили китайцы, жили торговцы, словом все.<…> И хлеб стоил 7 копеек, сахар – 10, дрова – 22 коп. пуд и т.д.»[1262].

И.С. Ильина возмущало постоянное бахвальство, самоуверенность и высокомерие японцев, реклама боевого духа и непобедимости японской армии, уверения, что японцы – высшая раса, раса богов и т.д. В беседе с другими эмигрантами, сотрудничавшими с японцами, он находил подтверждение своих мыслей. Например, Т.В. Бутов[1263], работавший в японской транспортно-экспортной кампании, жаловался при встрече в августе 1938 г. Ильину: «Они (японцы – *М.К.*) о себе невероятно воображают и поэтому ничего не признают, никого не слушают, никакого разумного совета, и поэтому во всем и всюду эксперименты, да еще кто их производит: разная военная молодежь.<…> Вот словно

[1260] См. прил. 35.
[1261] ГА РФ. Ф. Р-6599. Оп. 1. Д. 11. Л. 56.
[1262] ГА РФ. Ф.Р-6599. Оп.1. Д.12. Л.107 об.
[1263] См. прил. 15.

нарочно, чтобы все разрушать, убивать жизнь и вселять к себе ненависть и недоброжелательство!»[1264].

В своих записках И.С. Ильин утверждал, что политика Японии в Маньчжурии неудачна, что японцы плохие колонизаторы («вместо расцвета принесли смерть»), предполагал, что все кончится катастрофой: «Даже купленные подлецы, лакеи, прислужники и т.п. делаются очень быстро их врагами. Конечно, есть один-другой десяток поверхностных людей, которые приходят в умиление от гейш, сакуры, японской экзотики и прочего – но это единицы и исключения, ровно ничего не меняющие»[1265]. Однако при анализе записей дневника Ильина необходимо учитывать то, что большинство бывших русских военных, к которым он принадлежал, считали японцев традиционными врагами Российского государства, а значит, с их точки зрения, в интересах России необходимо было всяческое ослабление Японии, чем и объясняется часто резкий тон записей дневника И.С. Ильина.

Сравнивая различные оценки политики японцев со стороны эмигрантов, живших в тот период в Маньчжурии, необходимо отметить, что многие в своих воспоминаниях отделяли японских военных, руководивших всей политикой в Маньчжурии, от японцев, работавших в других организациях. Квантунскую армию, жандармерию, полицию, где процветали самоуправство и злоупотребления, нельзя было, по мнению русских эмигрантов, отождествлять со всей Японией. В.А. Морозов в своих воспоминаниях приводил немало примеров, когда «штатские» японцы часто страдали от «благоглупости» военных: «Военные японцы проводили свою линию прямолинейно, грубо и порою очень неумно.<…> Несомненно, что были и другие группировки японцев – интеллигентные, культурные, резко отличавшиеся от шовинистической, малокультурной, грубой и самоуверенной японской военщины того времени, но, по-видимому, эти группировки не оказывали влияния на общую японскую политику в Маньчжурии»[1266].

Он же в воспоминаниях утверждал, что, хотя жизнь под японским владычеством для эмиграции не была сладкой, и часть эмиграции пострадала от настроенных шовинистически японских начальников разных степеней, но все же «шероховатости и нелепости как-то утрясались, аресты были редкими исключениями, еще более редкими были случаи таинственного исчезновения людей. Живущих своим хозяйством японцы особенно не давили, многим из интеллигенции давали тот или иной заработок. Несдержанные на язык эмигранты позволяли себе почти открыто говорить в адрес японцев разные резкости и га-

[1264] ГА РФ. Ф. Р-6599. Оп. 1. Д.13. ЛЛ. 112-112об.
[1265] ГА РФ, Ф. Р-6599. Оп. 1. Д. 14. Л. 39об.
[1266] РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 5. Д. 12. Л. 33.

дости, и это почти всегда проходило безнаказанно»[1267]. Сам факт наличия резких высказываний о японцах среди русской колонии во время оккупации Маньчжурии Морозов считал свидетельством внутренней свободы и отсутствии душевной подавленности среди эмигрантов.

О неоднозначной оценке взаимоотношений японцев и эмигрантов писал в письме Ю.В. Крузенштерн-Петерец Ю.А. Черемшанский 12 августа 1959 г. из Вашингтона, обсуждая только что вышедшую книгу П.П. Балакшина «Финал в Китае»: «Японцев он освещает весьма мрачно, как и всех их “прислужников”. Но все познается в сравнении. Если японцы, как он пишет, использовали русских для своих целей, прикрываясь антикоммунизмом, то он забыл, что так делали все!»[1268].

Эмигрант В.Ю. Янковский, живший в Корее в 1930-х гг. и часто сталкивавшийся с японцами, а в 1945 г. попавший в ГУЛАГ, отмечал в своих воспоминаниях, что нельзя односторонне оценивать взаимоотношения японцев и русских эмигрантов в Маньчжурии: «Японцы относились к белоэмигрантам по-разному. Были и притеснения, и приводы в жандармерию, и даже пытки подозреваемых в антияпонской деятельности, и обязательная для молодых людей служба в “Асано”. Но была свобода торговли и предпринимательства, закон о продаже земли в собственность, большие льготы для желающих заниматься сельским хозяйством. И хотя, как всегда, находились такие, кто ворчит на любую власть, “угнетение” со стороны самураев не идет ни в какое сравнение с тем, что обрушилось на несчастных россиян с приходом долгожданных соотечественников в лице НКВД, СМЕРШ, МГБ.<…> Если теперь каждому, кто ненавидел представителей Квантунской армии оглянуться назад, особенно прошедшим ад сталинских лагерей, годы жизни в Маньчжоу-Го покажутся раем»[1269].

Усилившийся контроль японцев за действиями эмиграции в Маньчжурии, ликвидация большинства эмигрантских организаций и высылка из Маньчжурии эмигрантских лидеров, ухудшение экономического положения эмигрантов, сокращение русской торговли и промышленности, растущая безработица способствовали оттоку русского населения из Маньчжурии. Неудачная колониальная политика японцев, невозможность для многих выехать из Харбина, показная лояльность части эмигрантов, служивших в японских учреждениях, вызывали глухое раздражение у большей части эмигрантов и способствовали росту симпатий к СССР.

[1267] РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 5. Д. 18. Л. 30об.
[1268] ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 39. Кат. 1. Кадр 589.
[1269] *Янковский В.Ю.* От Гроба Господня до гроба ГУЛАГа. Владимир, 1999. С. 65.

3.4.2. Поворот части эмиграции в сторону СССР во второй половине 1930-х гг.

Часть эмиграции вполне трезво оценивала японскую политику, настороженно относясь к заигрываниям японцев и их обещаниям. Собственно, маньчжурские события еще задолго до второй мировой войны разделили эмиграцию на оборонцев и пораженцев. Среди эмигрантских кругов возникали настроения, которые Н.В. Устрялов в 1934 г. называл «брусиловскими»: « “хоть и красные, а все же наши!”, “эх, набили бы японцам морду, - хоть наше положение тут будет пиковое, а все же хорошо бы!”» [1270].

Советские дипломаты отмечали в своих донесениях из Маньчжурии в 1934 г. патриотический настрой эмигрантов: «Два бывших офицера, ныне шоферы автобуса, Крижановский, 46 лет, Леонов Гаврил, 40 лет, высказались: “Несмотря на всю нашу ненависть к большевикам, в случае советско-японского конфликта мы лично будем на стороне СССР против Японии, т.к. когда дело касается войны России, даже большевистской, и Японии, то мы останемся патриотами и наш долг – выступать против Японии на стороне России. Наша же вражда с большевиками является чисто внутренним делом”. Эти офицеры говорят, что часть белых пойдет на стороне СССР, часть останется нейтральной, а часть пойдет против большевиков»[1271].

Устрялов в своей записке М.М. Славуцкому от 12 апреля 1934 г. определял все эмигрантские организации в Маньчжурии, которых «больше сотни», как «японофильские», «вожди» которых так или иначе связаны с японцами, подчас подкармливаются ими, правда, довольно скудно»[1272]. Хотя он подчеркивал, что среди эмиграции неудержимо растут антияпонские настроения: «Становится все очевиднее, что японское влияние вытеснит из Маньчжурии всех русских – без различий паспорта и политической веры. В торговле и вообще деловых отношениях японцы, по общим отзывам, вероломны и недобросовестны. Субсидирующие и нанимающие органы их скупы, грубы и мелочны. Наконец, тает мечта об “освобождении клочка русской земли”: во-первых, оказалось, японцы не так могущественны, как это казалось, а, во-вторых, даже и при осуществлении “буфера” в Приморье и Приамурье, – совершенно ясно, что роль русских была бы в нем отменно жалка и унизительна. Отсюда – резкое охлаждение эмигрантской массы к японцам»[1273].

[1270] АВП РФ. Ф. 0100 «б». Оп. 5. П 106. Д 27. Л. 97.
[1271] АВП РФ. Ф. 0100«б». Оп. 4. П. 102. Д. 29. Л. 1.
[1272] АВП РФ. Ф.0100 «б». Оп.5. П.106. Д.27. Л. 98.
[1273] Там же. Л.97.

На новые тенденции в общественно-политической жизни российской эмиграции в Маньчжурии во второй половине 1930-х гг. – возрождение патриотизма, негативное восприятия японского режима, расслоение эмиграции – указывали многие исследователи[1274]. Японская оккупация Маньчжурии и продажа КВЖД привели к дальнейшему расколу русской колонии. С одной стороны, советское присутствие на КВЖД до 1935 г. вызывало у эмигрантов, оттесненных от управления дорогой, недовольство, но, с другой стороны, их также не устраивал «захват» русского достояния японцами. Дипломат Д.И. Абрикосов, хорошо знакомый с ситуацией в Маньчжурии, писал из Токио В.А. Маклакову 25 января 1936 г. о положении русской эмиграции в Маньчжоу-Ди-Го: «Приходится приспосабливаться к новым условиям и из положения *полухозяев* (Курсив мой – *М.К.*)… переходить на места третьестепенные и довольствоваться крохами, перепадающими от этого хозяйства, всецело перешедшего в другие руки»[1275].

Эти настроения эмигрантов учитывали и использовали в своих целях советские дипломаты, считавшие, что своей практикой гонений на русских японцы «льют воду на советскую мельницу». Генеральный консул СССР в Харбине М.М. Славуцкий записал в дневнике 15 октября 1935 г.: «Аресты и обыски эмигрантов, принужденных становиться на сторону Семенова, травля таких маститых деятелей как Гондатти, закрытие «Русского слова»[1276], разговоры о предстоящем закрытии «Зари» и «Рупора» – все это способствует антияпонским настроениям в эмиграции»[1277].

Когда в августе 1935 г. в Харбине прокатилась волна арестов, связанных с предстоявшим посещением Харбина императора Маньчжоу-Ди-Го Пу И (см. п. 3.3.1), в тюрьме оказались как эмигранты, так и советские граждане (всего было арестовано более 200 чел.). По сообщению агентов БРЭМ, в заключении советские граждане – Г.М. Минский, присяжный поверенный, Н.И. Торопов, врач, председатель общества граждан СССР в Харбине, и др. «вели агитацию» среди арестованных, утверждая, что СССР «переключается на национальные рельсы», «фактически сейчас не СССР, а Россия». Эмигранты, – утверждали они, – «как пауки в банке перегрызут друг друга своими доносами друг на друга ниппонцам». Особенно «агитаторы» делали упор на международную обстановку и планы держав в отношении территориальных захватов русской территории: «Ниппон

[1274] См.: *Аурилене Е.Е*. Указ. соч. С. 90; *Балакшин П.П.* Указ. соч. Т.1. С. 58 – 59; *Лазарева С.И. Сергеев О.И.* Общественно-политическая активность российских эмигрантов в 20-е – 40-е гг. XX в. //Ойкумена. 2011. №2. С. 151; *Смирнов С.В*. Указ. соч. С. 107.

[1275] Чему свидетелями мы были … Переписка бывших царских дипломатов. 1934-1940. Сборник документов. М., 1998. Кн.1. С. 366.

[1276] Газета «Русское слово», проданная в 1934 г. РОВС, была закрыта 24 сентября 1935 г. по распоряжению Министерства внутренних дел Маньчжоу-Ди-Го.

[1277] АВП РФ. Ф. 0100 «б». Оп. 5. П. 106. Д. 27. Л. 132.

стремится отхватить Приморье, Забайкалье, часть Сибири; Германия – Украину, Польша – Кавказ; Англия будет сохранять нейтралитет, т.к. она уже сговорилась с Ниппон; Америка удовлетворится концессиями в Восточной Сибири, которые ей предоставит Ниппон». В конце донесения агент заключал: «Из разговора видно, что агитация имела успех: многие говорили, что уедут в СССР, другие – на юг Китая»[1278].

В сложившейся ситуации не требовалась какая-либо специальная работа по «разложению» эмиграции. По сообщениям эмигрантской разведки от 15 октября 1936 г. на вопрос одного из членов советской колонии «Почему в Харбине нет советской газеты? Это могло бы быть пропагандой для эмигрантов» Генконсул СССР в Харбине М.М. Славуцкий ответил: «Нет необходимости. Будут только лишние неприятности.<…> А местная газета “Харбинское время” прекрасно выполняет задачи привлечения эмигрантов нашу сторону»[1279]. Действительно, неудачная, «лобовая» пропаганда японского «превосходства» в прессе, навязывание чуждых ценностей (см. п. 3.3.1.) произвели обратный эффект. И, несмотря на то, что влияние СССР в Маньчжурии резко сократилось, процесс перехода русского населения на просоветские позиции активизировался. Это почувствовали и местные власти, со своей стороны развернув активную антисоветскую кампанию.

Политика японцев, выступления активной эмиграции (фашистов и «семеновцев»), недопустимые действия русских полицейских были лучшей основой для формирования общественного мнения и поворота русской эмиграции в сторону СССР. Примером такого «прозрения» может служить статья харбинской поэтессы, переехавшей в 1934 г. в Шанхай, М. Колосовой «Японская палка бьет так же больно, как и Сталинская», написанная в июле 1936 г., в которой она выразила настроения части российской эмиграции. М. Колосова утверждала, что японцы пробуждали русский патриотизм среди русской эмиграции и укрепляли оборонческие настроения, поэтому русские люди должны были быть благодарны японцам за «снятие пелены с глаз»: «Пять лет японцы работали в Манчжоу-Ди-Го и на всем Дальнем Востоке. И вся их работа была во вред Японии и … на пользу России». В статье Колосова утверждала, что причинами перемены отношения к Японии были «унижение и оплевывание русского национального достоинства», ставка японцев на центробежные силы эмиграции, насильственное подчинение всей патриотической русской эмиграции БРЭМ, навязывание в «вожди» эмиграции «никчемного человека и продажного политика» атамана Семенова и т.п. «Русские люди поняли, что японцы несут с собой не

[1278] ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 30849. ЛЛ. 14-15.
[1279] ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 43726. Л. 11.

освобождение от коммунизма, а новую крепостную зависимость, только не красного, а желтого цвета»[1280].

Разочарование в японцах стало причиной еще одной волны советизации и поляризации эмиграции. В 1935 г., уже после выезда большей части служащих КВЖД в СССР, не прекращалась подача ходатайств эмигрантов в Генеральное консульство СССР в Харбине о приеме в советское гражданство и просьбами о выдаче выездных виз из Маньчжурии в СССР. Советские представители отмечали падение энтузиазма среди эмигрантской колонии и активно использовали настроения основной эмигрантской массы в пропагандистских целях. И.С. Ильин замечал в своем дневнике 22 августа 1935 г.: «Как показательна, характерна и неутешительна (для нас) тяга молодежи на родину. Оба сына Бобылевых поехали в Россию. Тут у них был достаток – свой дом у родителей, отец пенсионер, и все-таки желание ехать “туда”. Значит, у юношей русских, родившихся вне родины, вне страны, где-то в крови живет зов нашей родины»[1281]. Родители уехавших в СССР молодых людей попадали под подозрение полиции. Нередки были случаи вызовов родителей в Департамент полиции Великого Харбина, где им делали внушения с указанием, что они дали «дурное воспитание» своим детям[1282]. Эмигрантская молодежь использовала и легальные, и нелегальные способы пересечь границу и попасть в СССР.

Так, эмигрантские дети, завороженные рассказами о великой, никогда не виденной Родине, бежали через советско-маньчжурскую границу в районе станции Отпор. В большинстве случаев самовольный переход границы дети объясняли желанием учиться. Советские пограничники не знали, что делать с детьми[1283]. После запроса во II Восточный отдел НКИД от 19 октября 1935 г. был получен ответ на имя Генконсула СССР в Харбине М.М. Славуцкого от 25 ноября 1935 г.: «Мы здесь до сих пор придерживались того мнения, что высылать обратно таких детей не следует. Коль скоро они бегут, имеются все основания думать, что при надлежащей обработке из них выйдут полезные советские граждане. У нас есть много всякого рода учреждений, куда эти дети могут быть помещены. Однако давать пограничникам категоричную директиву отправлять всех без исключения детей в детские учреждения не следует. Возможно, что в отдельных случаях полезно будет вернуть того или другого ребенка. Поэтому желательно, чтобы погранотряд, прежде

[1280] Http: d-m-vestnik.livejournal.com/553613.html.
[1281] ГАРФ. Ф. Р-6599. Оп. 1. Д. 4. Л. 14.
[1282] РГВА. Ф.308. Оп.3. Д.340. Л.81.
[1283] В запросе начальника Главного управления пограничной и внутренней охраны НКВД Фриновского заместителю наркома иностранных дел СССР Стомонякову от 19 октября 1935 года указывались «малолетние дети». Фриновский писал: «Полагаю, что таких перебежчиков необходимо передавать маньчжурским властям для возвращения родителям. Прошу срочно сообщить Ваше мнение». (АВП РФ. Ф.0100 «б». Оп.5. П.106. Д.27. Л.125).

чем решить судьбу ребенка, запрашивал бы наше мнение (непосредственно или через дипагента)»[1284]. К сожалению, не удалось узнать что-либо о дальнейшей судьбе детей.

В донесении агента польской разведки от 8 сентября 1936 г. говорилось, что в начале сентября 1936 г. 100 членов зарегистрированного при БРЭМ общества «Русский транспорт», объединявшего более тысячи русских шоферов-эмигрантов, перешли в советское подданство и подали прошения в Генеральное консульство СССР в Харбине о разрешении на въезд в Советский Союз: «Такое обращение носит демонстративный характер и по существу является протестом против существующего положения» [1285]. «Большинство шоферов – бывшие военные, активные противники советской власти, около 70% – офицеры, зарегистрированные в союзе военных. Акт перехода их в советский лагерь – весьма неприятен как Бюро, так и японцам». Здесь же было указано, что японцы расследовали это дело (их интересовало, кто подстрекатель), «виновные» были наказаны, несколько человек были арестованы «за провокацию»[1286].

Для японских властей даже желание принять советское гражданство и выехать в СССР были подозрительными. Такие лица подвергались обыскам и арестам. Но получить визу на въезд в СССР было непросто, поэтому молодые люди нелегально переходили границу или переезжали в другие города Китая. По сообщениям польской разведки в декабре 1936 г., были случаи арестов эмигрантов, выразивших желание ехать в СССР, поэтому «эмигранты сейчас едут в Шанхай, а оттуда уже в СССР. Местное советское консульство оказывает им содействие. Судьба уехавших неизвестна»[1287].

Японская политика стимулировала разделение эмиграции на «оборонцев» и «пораженцев». В основе пораженчества лежала уверенность в том, что «спасти» Россию, освободить ее от «рабства коммунистической власти» может только война. Оборонцы не могли открыто заявлять о своей позиции, т.к. проявлять симпатию к СССР было небезопасно. Дж. Стефан заметил в своей книге о появлении среди эмигрантской колонии в Маньчжурии во второй половине 1930-х гг. «антиредисок» – «белых» снаружи, «красных» внутри[1288]. Позицию многих эмигрантов выразил Ильин в записи в своем дневнике 22 мая 1936 г.: «Я никогда не пойду ни с кем против России. Я не буду с большевиками, как до сих пор с ними не шел, но не пойду с иностранцами»[1289].

[1284] АВП РФ. Ф. 0100 «б». Оп. 5. П. 106. Д. 27. Л. 138.
[1285] РГВА. Ф. 308. Оп. 19. Д. 47. Л. 100.
[1286] Там же. Л. 101.
[1287] РГВА. Д. 308. Оп. 19. Д. 47. Л. 95.
[1288] *Стефан Дж.* Указ. соч. С. 226.
[1289] ГА РФ. Ф. 3-6599. Оп. 1. Д. 3. Л. 7об.

На этом фоне разговоры об Отечестве, патриотизме и национальной обороне находили отклик в душе большинства эмигрантов. Изменилось отношение к планам отторжения Японией части русского Дальнего Востока, пришло понимание, что даже если от советской власти эти области будут очищены, все русское население будет вытеснено Японией. Перемену в настроениях русской колонии осознавали советские представители и, воспользовавшись моментом, усилили агитацию в рядах эмигрантов. По данным 3-го отдела БРЭМ, сотрудникам Генконсульства СССР в Харбине летом 1936 г. были даны инструкции по поводу новой политики СССР в отношении эмиграции. В консульстве в июне 1936 г. прошло собрание по распоряжению Генконсула М.М. Славуцкого, основные тезисы которого, по разведданным, были следующие: «Сплоченная и антисоветски настроенная эмиграция очень опасна для СССР. Советское правительство решило одним ударом обезвредить эмиграцию. С этой целью советской властью принимаются меры по привлечению ее на свою сторону. Для этого решено убедить эмиграцию в происходящих в СССР коренных сдвигах в сторону создания правового национального государства. Эмигрантам объявлена широкая амнистия и предоставлена возможность возвращения на родину. Для этого сотрудникам консульства предписано давать эмигрантам разъяснения: СССР постепенно становится демократическим государством, поэтому эмиграция перестала быть чуждым элементом. <…>Восстанавливается патриаршество, объявляется широкая амнистия и возвращение мелкой частной собственности»[1290].

Огромное значение в процессе поворота эмигрантов в сторону СССР сыграло изменение внутренней политики СССР, сталинский курс на индустриализацию и восстановление мощи страны. Еще П.П. Балакшин в предисловии к своей книге «Финал в Китае» отметил, что процесс «внедрения и переманивая» эмигрантов советской властью упростился во второй половине 1930-х гг., когда СССР «вышел на советский великодержавный путь». Тогда в фокусе интереса оказались не «малоустойчивые элементы», а «приверженцы крайне правого толка»[1291]. Балакшин имел в виду монархические и военные эмигрантские круги, видевшие в сталинской политике возрождение Российской империи. Об этом свидетельствуют различные источники: сообщения агентур 3-го отдела БРЭМ, польской резидентуры «Мандарин», дневники эмигрантов, воспоминания. В донесениях польской разведки осенью 1936 г. указывалось: «В харбинской эмиграции наблюдается тенденция к пересмотру отношения к СССР. Значительное число эмигрантов склонно ве-

[1290] ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 43726. Л.46-47.
[1291] *Балакшин П.П.* Указ. соч. Т.1. С. 59.

рить, что жизнь в СССР начинает принимать нормальные формы и перестает смотреть на возвращение в СССР как на верную гибель»[1292].

Росту просоветских настроений среди эмиграции способствовала новая конституция СССР, которая произвела сильное впечатление на русское население Маньчжурии, особенно ее пункты о свободе религии, об уравнении в правах всех граждан, об отмене категории лишенцев и т.п. Информация о советской конституции просачивалась через иностранную прессу. По сообщению польской агентуры от 9 ноября 1936 г., в эмигрантской среде большое внимание уделяли обсуждению новой конституции СССР, считали ее слепком со швейцарской. Агент, правда, уточнял: «Основные теоретические положения конституции эмиграцию удовлетворяли, но в практическое осуществление ее мало кто верил»[1293]. По сообщению агента, эмигрантов особенно впечатлила речь М.М. Литвинова на VIII Всесоюзном съезде Советов в декабре 1936 г., которую слышали в Харбине по радио, и текст которой был запрещен к печатанию в местной прессе.

В своих воспоминаниях эмигранты отмечали, что в советской прессе появились слова «родина», «русский»[1294]. И.С. Ильин в своем дневнике уделил много места переменам, происходившим в СССР. 29 января 1937 г. он записал: «Не подлежит никакому сомнению, что Россия не только живет, дух народа крепнет, но и происходит подлинное возрождение огромной страны. Свидетельствуют об этом все иностранцы»[1295]. Так, Ильин беседовал с чехословацким консулом Гейне, вернувшимся в июне 1938 г. из Чехословакии на поезде через Россию и записал в дневнике его впечатления о СССР: «грандиозный размах, жизнь кипит, великолепное московское метро. Офицеры молодцеватые, отлично одетые», после чего приписал: «Офицеры служат верой и правдой в Красной армии»[1296]. Между бытовыми записями в дневнике И.С. Ильина в 1936 – 1939 гг. встречаются заметки об успехах советских летчиков, об освоении Арктики. Любопытно, что и в архиве С.В. Вострotина, представителя Д.Л. Хорвата, переехавшего в 1929 г. из Маньчжурии в Париж, содержатся конспекты советских книг, вырезки из советских газет об освоении Северного морского пути, спасении экспедиции Нобиле, новинки советской научной литературы[1297].

Однако необходимо отметить, что советизация проходила стихийно, от «обратного», на фоне антияпонских настроений и на волне патриотизма. В.А. Морозов, размышляя

[1292] РГВА. Ф. 308. Оп. 19. Д. 47. Л. 119.
[1293] Там же.
[1294] Советская пресса поступала в Харбин не только в консульства СССР, но и в ЯВМ, где русские эмигранты анализировали ее и составляли обзоры.
[1295] ГА РФ. Ф. Р-6599. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.
[1296] ГА РФ. Ф. Р-6599. Оп. 1. Д. 13. Л. 8.
[1297] Collection of S.V. Vostrotin. Box #2. BAR.

об отношениях СССР и эмиграции, отметил: «Советские руководители мало заботились о популяризации своих идей среди явных и потенциальных врагов, идеологически советская власть обрабатывала (в то время, на заре СССР) тех, кто ушел за ней, а инакомыслящих предпочитала не убеждать и перевоспитывать, а сгибать в бараний рог или физически уничтожать (то же и в 30-х, и в 40-х гг.). Эмиграцию не только не приручали, не старались ознакомить ее с сущностью и осуществлением своих идей и своей политики, но воздвигали каменную стену – пресловутый железный занавес. Эмигрантская неосведомленность о том, чем живут и дышат русские люди в СССР, скорее, поощрялась»[1298]. Выше уже замечалось, что не только эмигранты, но и советские граждане плохо представляли себе жизнь в СССР, и это, конечно, играло свою роль при «советизации» эмиграции.

В этот период начался переход многих эмигрантов – убежденных антибольшевиков на просоветские позиции. Известный харбинский журналист и писатель Вс.Н. Иванов[1299], поначалу поддерживавший японцев, выехал из Харбина и, начиная со второй половины 1935 г., предпринимал попытки сближения с советскими консульскими кругами. Генеральный консул СССР в Харбине М.М. Славуцкий отметил в своем дневнике 17 января 1936 г.: «Иванов зондировал почву о возможности связаться с нами. Намекал Гейны (консул Чехословакии в Харбине Гейне – *М.К.*), что готов работать на нас по части правильного информирования в эмиграции и общественного мнения о положении на Дальнем Востоке, в частности, о действительной роли японцев (он говорил это Гейны пару месяцев назад). Гейны спросил: что может ответить Иванову (он уже в Пекине). Я ему ответил, что ничего конкретного сказать не могу, и что если Иванов действительно предан русскому народу, то он и в Пекине найдет пути служения этому народу»[1300].

В одном из донесений польской разведки из Маньчжурии от 1 ноября 1936 г. отмечалась реакция харбинской эмиграции на переход Вс.Н. Иванова на просоветские позиции: «Его переход в [гражданство] СССР многими ожидался. Хотя Иванов и не популярен в эмиграции, но многие из эмигрантов признают справедливыми слова Иванова, что эмиграция сейчас находится в унизительном положении и уже надоела тем, перед кем унижается. Особого впечатления переход Иванова не произвел, но многие подумывают о том же самом»[1301]. Начиная с 1936 г., Вс.Н. Иванов сотрудничал в просоветских газетах г. Шанхая, был в числе организаторов шанхайского «Союза возвращенцев», а в феврале 1945 г. выехал в СССР.

[1298] РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 5. Д. 18. Л. 24 об.
[1299] См. прил. 33.
[1300] АВП РФ. Ф. 0100 б. Оп. 6. П. 113. Д. 20. Л. 1.
[1301] РГВА. Ф. 308. Оп. 3. Д. 340. Л. 77.

Такой путь «перерождения» прошли многие эмигранты. В «Союз возвращенцев» в Шанхае входил также бывший харбинец, бывший «антибольшевик» поэт Николай Петерец. Н.И. Ильина, хорошо знавшая его, отмечала в своих воспоминаниях, что Н. Петерец «в 20-е годы с той же страстностью ненавидел советскую власть, с какой позже, в 1930-е годы – любил ее»: «В 1920-е гг. Петерец был участником каких-то белых организаций и, кажется, отдал дань фашизму.<…> Потом, как человек неглупый и честный, быстро понял, что представляет собой РФП – ужаснулся, отпрянул, отошел от политики, стал писать стихи.<…> В Шанхае работал в газете Чиликина, затем понял “советскую правду”»[1302].

Поэтесса М.И. Колосова, чье стихотворение «Подымайтесь, братья, с нами!» стало партийным гимном РФП, в 1935 г. переехала из Харбина в Шанхай и под влиянием перемен, происходивших в СССР, стала «поклонницей» И.В. Сталина, считая, что его цель – воссоздание Российской империи. Н.И. Ильина цитировала ее слова: «Ленина ненавижу! Брестский мир ему не прощу никогда! Сталин – дело другое. Теперь ясно: этот ни пяди русской земли не отдаст». Н.И. Ильина подчеркивала, что такие понятия, как «коммунизм», «социализм», «Интернационал» были Колосовой и ей подобным ненавистны. Но они считали, что все это ненавистно и Сталину. Колосова, по словам Ильиной, говорила: «Он в эти игры играть бросит. Он – царь, пусть жестокий, но сильный, а не это ли нужно сейчас России? Была бы Россия мощна, страшна для врагов, остальное приложится»[1303].

Оборончество было признано опасным видом разложения единства русской эмиграции. В нем эмигрантам виделось «дыхание советского ГПУ», т.к. его сторонники играли «на руку большевикам»[1304]. Для противодействия процессу советизации эмиграции японцами во второй половине 1936 г. была организована серия статей в газете «Харбинское время», посвященных внутриполитической ситуации в СССР. Поводом послужили дошедшие до Харбина сведения о процессе «Антисоветского объединенного троцкистско - зиновьевского центра», также известного как «процесс 16-ти». Несколько известных идеологов эмиграции выступили на страницах «Харбинского времени». Одним из самых ярких выступлений была статья присяжного поверенного, известного публициста и монархиста В.Ф. Иванова «Выше голову – слышна мощная поступь Великой России!», в которой он анализировал внутриполитическую ситуацию в СССР. По его мнению, борьба между сторонниками Сталина и Троцкого должна была укрепить «национальные силы» и приблизить час «национальной революции»: «Взаимное пожирание и уничтожение во-

[1302] РГАЛИ. Ф. 3147. Оп. 1. Д. 39. ЛЛ. 8, 13.
[1303] Там же. Л. 38.
[1304] «Патриоты» из лагеря «оборонцев» //Гун-бао. 1937. 28 февраля. С. 4.

ждей обезглавит власть темной силы и выдвинет новых вождей, с новыми устремлениями и заданиями. <…>Очищенная страданием и духовно возрожденная Россия быстро оправится, залечит раны и скажет миру свое слово – слово правды. События в СССР резко изменят положение эмиграции. Эмиграция есть нераздельная часть русского народа, эмигранты – живые куски живого тела России. Эмиграция может и должна играть роль в будущей национальной России, и если мы, эмигранты, вчера еще имели малый удельный вес, то сегодня мы представляем уже значительную силу.<…> Видны очертания пресветлой Родины нашей, там каждый найдет приложение своим силам, отдых и покой от всех терзаний, лишений и унижений»[1305].

«Московские процессы» стали причиной обращения советских граждан за разъяснениями в Генеральное консульство СССР в Харбине. Многие из тех, кто собрался выехать в Советский Союз, решили задержать под разными предлогами свой отъезд. По данным 3-го отдела БРЭМ, Генконсул СССР в Харбине М.М. Славуцкий не одобрял приговор и расстрел членов оппозиции 25 августа 1936 г. По сведениям консула Чехословакии в Харбине Гейне, Славуцкий пытался узнать точку зрения Гейне на события в Москве и интересовался у него, «с кем останется русская эмиграция в случае, если в Москве установится военная диктатура». Сам Славуцкий так оценивал «процесс 16-ти»: «В два приема нанесен удар по левому и правому крылу партии. <…>Сталин, опираясь на эти группы, проводит свою политику и осуществляет личную диктатуру, движимый растущим национализмом, как в армии, так и в населении»[1306].

Поворот части эмигрантов в сторону СССР, патриотические настроения среди эмиграции привели к тому, что атмосфера в Харбине была насыщена подозрительностью, интригами и доносами, шпиономанией и поисками «агентов Москвы». К.В. Родзаевский разразился большой статьей «На войну с ГПУ» в газете «Наш путь» от 15 ноября 1936 г., в которой утверждал, что в работу на советскую разведку «запутано огромное количество всевозможных шкурников и негодяев, а наряду с ними и просто непонимающих, что они творят – простых и далеких от “политики” наивников, не знающих даже, что они состоят на службе у убийц России. <…> Среди агентов ГПУ – популярные общественные деятели, председатели “активных” организаций, белые генералы и полковники, капиталисты и пролетарии, рабочие, крестьяне, казаки, интеллигенция, <…> люди с самыми безупреч-

[1305] Харбинское время. 1936. 1 сентября. С. 7.
[1306] ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 43726. ЛЛ. 25 – 26.

ными биографиями». В итоге Родзаевский приводил читателей к следующему выводу: «В наши дни никому доверять нельзя!»[1307].

Возможно, Родзаевский не был далек от истины, т.к. после 1945 г. оказалось, что и среди русских сотрудников БРЭМ, и среди бывших военных, активных антибольшевиков, были советские агенты. Среди эмиграции было также много людей с «туманной идентичностью», так что никто не знал, «на чьем поле они играют». О многих известных людях ходили слухи, что они тайные советские граждане. Под подозрение так или иначе попадали все яркие личности среди эмиграции, вокруг которых всегда ходили различные слухи и толки. Незапятнанных репутаций практически не осталось. Считалось, что уберечься от инфицирования «бациллой коммунизма» очень непросто, и «темное прошлое» многих русских было почвой для различных домыслов и подчас необоснованных обвинений. Так, И.А. Михайлова, известного политического деятеля, бывшего министра финансов правительства А.В. Колчака, работавшего экономическим советником у японцев, польская разведка подозревала в «двойной игре» и в «связях с Советами»[1308].

Подозрение вызывали даже такие аполитичные личности, как, например, коммерсант, бывший миллионер С.Л. Скидельский. По данным разведки ВФП, которая следила за ним, Скидельский посетил Генконсула СССР в Харбине М.М. Славуцкого 22 октября 1936 г. и занял у него 3 тысячи гоби, причем подчеркивалось, что это уже не в первый раз[1309].

Эмигранты поговаривали, что в деятельности БРЭМ чувствуется «советская рука». Имелись в виду мероприятия БРЭМ в экономической области, которые привели к ухудшению материального положения русской эмиграции в Маньчжурии – «поход» на русских домовладельцев (крах Банка домовладельцев), «натравливание» служащих торгово-промышленных предприятий на их владельцев (служащие настаивали на увеличении окладов, сокращении рабочего дня и увеличении числа праздничных дней). «Злым гением» считался начальник 4-го (финансового) отдела БРЭМ М.Н. Гордеев, которого молва считала не только разрушителем благополучия эмиграции, но и тайным агентом большевиков. Подозрительными показались отмена платы за переход из советского гражданства в эмигрантское состояние (до 1938 г. взималось 10 гоби) и отмена 9 мая 1938 г. 2-х поручительств для лиц, «возбудивших ходатайства о переходе из гражданства СССР в эмигрантское состояние» (см. п. 3.3.1). По мнению эмиграции, это привело к тому, что

[1307] Родзаевский К.В. На борьбу с ГПУ //Наш путь. 1936. 15 ноября. С. 3.
[1308] РГВА. Ф. 308. Оп. 3. Д. 456. Л. 60.
[1309] См. об этом: *Черепица В.Н.* От Волковыска до Харбина: торгово-промышленная династия Скидельских (конец XIX-середина XXвв.) в документах и материалах. Гродно, 2009. С.40.

много действительных «советских агентов» получили возможность попасть в ряды эмигрантов, во все учреждения, в частности на СМЖД, которая, как все были уверены, была полна советскими осведомителями[1310].

В 1938 г. последовала серия скандалов, связанная с работой советской разведки, агенты которой работали и в БРЭМ, и в ЯВМ. По сообщениям польской резидентуры в Маньчжурии, в 1938 г. были произведены аресты русских эмигрантов, подозреваемых в связи с СССР: служащего японской жандармерии Воронина, сотрудника ЯВМ Ливенцова и других. В связи с этим делом были освобождены от занимаемых должностей начальник ЯВМ в Харбине генерал Андо, начальник харбинского жандармского управления полковник Хара. Были арестованы адъютант Семенова полковник Слуцкий и генерал Клерже по обвинению в «связи с Советами», позже они были расстреляны в Пекине[1311]. После этого под подозрение попал и сам Г.М. Семенов, и его ставленники – начальник БРЭМ генерал Бакшеев, секретарь БРЭМ полковник Сергеев были смещены со своих постов и были вынуждены выехать из Харбина[1312]. Во второй половине 1930-х гг. обнаружилось, что эмигранты, работавшие на японцев — в БРЭМ, в японской жандармерии, полиции, ЯВМ и других учреждениях Маньчжоу-Ди-Го, для которых естественной была бы борьба с советским режимом совместно с японцами, тоже были заражены «оборончеством», хотя признаваться в симпатиях к СССР было опасно. Так, полковник Е.И. Гриневский, служивший во 2-м отделе ЯВМ, по сообщению агентуры 3-го отдела БРЭМ, предлагал «держать сторону СССР», чтобы спасти русскую территорию от «раздела государствами оси»[1313].

В 1938 г. обострилось противостояние СССР и Японии, следствием чего были советско-японские конфликты на оз. Хасан и на р. Халхин-гол. Отношение к японо-советским конфликтам 1938 – 1939 гг. в среде эмиграции в Маньчжурии было неоднозначным. Надо сказать, что большая часть эмиграции плохо представляла себе положение в СССР, и под влиянием местной прессы, японской пропаганды о непобедимости Квантунской армии, считала, что в возможной войне с Японией СССР потерпит полное поражение. Настроения этой части эмиграции отражает запись монолога одного бывшего военного в дневнике И.С. Ильина от 13 марта 1938 г.: «Япония будет воевать с СССР – это

[1310] РГВА. Ф. 308. Оп. 3. Д. 456. Л.119.
[1311] РГВА. Ф. 308. Оп. 3. Д. 458. Л. 19.
[1312] И.С. Ильин считал, что причиной отставки А.П. Бакшеева с поста начальника БРЭМ было его интервью по поводу годовщины февральской революции, в котором он заявил, что, по его мнению, в революции, как и в проигранной войне повинны Николай II и вел. кн. Николай Николаевич: «В эмигрантских кругах поднялся шум, начальник ЯВМ заявил Бакшееву, что в эмигрантском бюро не место человеку, который позорит своего императора» (ГА РФ, Ф. Р-6599. Оп. 1. Д. 12. Л. 34).
[1313] ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 127. Л. 8.

ее жизненная необходимость. Посмотрите, какой там творится кабак. Неужели японцы такие дураки, что этим не воспользуются? Они в два счета с ними разделаются, там уже полный развал! Пусть займут Приморье, до Иркутска – да это пустяки! Что они получат – зайчьи пятки (так в тексте – *М.К.*)»[1314].

Поэтому освещение военного конфликта на озере Хасан в 1938 г. (в японском варианте высота Чжанкуфын) в местной русскоязычной прессе, когда сквозь пропагандистские заголовки «Красная армия не боеспособна», «Красноармейцы не способны сопротивляться ниппонским войскам», просачивалась истинная информация о положении дел, вызывало иронию у многих эмигрантов и радость за Россию. И.С. Ильин записал в дневнике 11 августа 1938 г.: «Россия поставила на колени “великий Ниппон”. Русский народ не только сумел защитить свои дальневосточные владения, но и наконец-то поставить на место тупой, наглый, зарвавшийся народишко.<…> В душе радостное чувство – “Великий” Ниппон сел в калошу. Даже знакомый поляк Закржельский радовался, что “наклали япошкам”»[1315]. Он же отмечал: «Как все-таки радостно, что Россия выздоравливает, что она начинает говорить великодержавным языком, что она может проявить силу и быть твердой. И несомненно, что ее авторитет сразу, особенно тут, на Дальнем Востоке, поднимется»[1316].

Те же чувства вызвала у большинства эмигрантов победа Красной армии на р. Халхин-гол в августе 1939 г. Поражение японской армии у р. Халхин-гол явилось переломным моментом в отношении правящих кругов Японии к СССР. Это стало заметно по местной прессе – злобные антисоветские статьи японской прессы осенью 1939 г. сменились на более уравновешенные, где говорилось о необходимости урегулировать отношения с СССР. Тогда же был поднят вопрос о платежах по договору 1935 г. Дело в том, что Япония не внесла последний взнос за КВЖД – около 6 млн. иен, которые должна была внести, согласно соглашению, 23 марта 1938 г. Вопрос был решен только в январе 1940 г., когда по соглашению 4 января 1940 г. Япония согласилась уплатить последний взнос[1317].

[1314] ГА РФ, Ф. Р-6599. Оп. 1. Д.12. Л.17.
[1315] ГА РФ. Ф. Р-6599. Оп. 1. Д. 13. Л. 81.
[1316] Там же. Л. 57.
[1317] См. об этом: *Кутаков Л.Н.* История советско-японских дипломатических отношений. М.: Изд-во Института международных отношений, 1962. С. 237.

Советско-японские конфликты 1938–1939 гг. и заключение пакта о нейтралитете между СССР и Японией в апреле 1941 г.[1318] повлияли на отношение местных властей к советской колонии в Маньчжурии, которые стали более корректными. С другой стороны, усиление позиций СССР на Дальнем Востоке, повышение престижа Советского Союза в мире были одной из причин дальнейшего расслоения эмиграции, перехода эмигрантов на сторону СССР, который ускорила Вторая мировая война.

3.4.3. Рост оборонческих настроений среди эмиграции во время Второй мировой войны.

Вторая мировая война только усилила идейный раскол внутри эмиграции на «пораженцев» и «оборонцев», оформившийся в межвоенный период.

И.С. Ильин в своих воспоминаниях описал тяжелые дни после сообщения о нападении Германии на СССР: минимум информации, радость пораженцев («большевикам скоро конец», «красные будут разбиты» и т.п.), хвастовство японцев и свою иррациональную уверенность, что «русские не дадут себя победить»[1319]. Он же писал о том, что японцы с началом войны все хуже обращались с русской эмиграцией, настраивая ее против себя.

Во время войны японцами был ужесточен режим, отменены все праздники. Начались проблемы с продовольствием, были введены заборные продуктовые книжки, по которым БРЭМ выдавал продукты и керосин. БРЭМ организовал сбор средств в «Фонд победы на нужды японской армии». Население было измучено маневрами противовоздушной обороны, ночными учебными тревогами. Японские военные круги поставили перед русской эмиграцией в Маньчжурии следующие задачи: сплочение эмиграции под лозунгом возрождения старой России после победы Японии в войне в Восточной Азии; укрепление веры в победу Японии и «крепость нового порядка»; служение делу победы Японии – «жизнь и смерть, горе и радость вместе с Ниппон»; военная подготовка, духовная и физическая закалка эмигрантов[1320].

Русские эмигранты не всегда могли открыто высказывать свою позицию в условиях военного времени. Как писала газета «Русская жизнь» о военном режиме японцев:

[1318] О подготовке и заключении пакта о нейтралитете между СССР и Японией см.: *Молодяков В.Э.* Россия и Япония в поисках согласия. 1905–1945. Геополитика. Дипломатия. Люди и идеи. М.: АИРО-XXI, 2012. С. 472 – 514.

[1319] *Ильин И.С.* На службе у японцев.// Новый журнал (Нью-Йорк). 1966. № 85. С. 180 – 182.

[1320] АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 28. П. 258. Д. 27.Л. 30.

«Думать можно, говорить нельзя» [1321]. Всякий признак недоброжелательства или отсутствия веры в победу Японии мог быть основанием для обвинения в измене. Даже русский патриотизм в то время японцы рассматривали как носящий просоветский оттенок. Были запрещены любые, даже нейтральные статьи и радиопередачи о России. Так, В.А. Морозов вспоминал, что подготовленный в 1943 г. для передачи по радио монтаж «Две столицы» о Петербурге и Москве был запрещен японцами[1322]. Поэтому среди лояльных властям «пораженцев» часто встречались «латентные оборонцы».

Позицию «пораженцев» выразил в своих воспоминаниях генерал В.Н. Касаткин, служивший в ЯВМ: «Мы, русские эмигранты, были уверены в победе Гитлера. Ведь еще совсем недавно в 1937 г. Сталин разгромил всю верхушку красной армии (в своих воспоминаниях Касаткин писал название Красной армии с маленькой буквы – *М.К.*). <…> Кроме того, по нашему мнению, снабжение красной армии не могло сравниться с армией Гитлера, в распоряжении которого была вся тяжелая индустрия Германии и возможность снабжать себя покупкой боеприпасов во Франции. <…> Даже в декабре 1942 г., [когда] Гитлер был отброшен от Москвы, то и тогда мы считали, что это только перегруппировка и перемена операционной линии на Сталинград. По-видимому, так считала и военная партия Японии и намечала, когда Гитлер возьмет Сталинград, невзирая на пакт о ненападении с СССР, всей миллионной Квантунской армией ударить в спину СССР, занять Забайкалье и дойти до Байкала, завершить, таким образом, историческую задачу Японии выхода на материк» [1323].

Лидер Всероссийской фашистской партии К.В. Родзаевский в письме И.В. Сталину в августе 1945 г. свою германофильскую позицию во время войны оправдывал «дезинформацией» со стороны немецких и японских источников (других легальных источников, собственно говоря, в Маньчжурии не было). Он имел в виду уверения немцев, что они несут России «освобождение от большевизма», а также данные японцев о слабости внутреннего режима в СССР, о том, что советские массы «готовы к восстанию против правительства, что нужно только дать толчок» и т.п.[1324].

Многие эмигранты в своих воспоминаниях утверждали, что среди эмиграции «оборонцев», пусть даже и скрытых, было гораздо больше «пораженцев». В статье военного времени «В защиту оборонцев», написанной в Шанхае, Н.И. Ильина приводила притчу о мудрости Соломона, когда он велел разрубить пополам ребенка, из-за которого

[1321] Новости из Маньчжурии //Русская жизнь (Сан-Франциско). 1945. 25 янв. С. 3.
[1322] РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 5. Д. 20. Л. 55.
[1323] В.Н. Касаткин. Воспоминания //Kasatkin V.N. Collection. BAR.
[1324] Письмо К.В. Родзаевского И.В. Сталину //Отечественная история. 1992. № 3. С. 99.

спорили две женщины. Истинная мать – та, которая готова была отказаться от своего дитя, только не видеть его разрубленным. Эта метафора, по мнению Ильиной, как нельзя лучше характеризовала позицию оборончества в эмиграции [1325].

Советские консулы следили внимательно за эмиграцией, посылая отчеты о положении российской колонии Маньчжурии в НКИД. В одном из таких писем от 6 декабря 1944 г. консул СССР в г. Маньчжурия А. Забелин писал о невозможности для японцев объединить эмиграцию: «Разношерстная и разноплеменная белая эмиграция, подразделенная на различные политические группы и течения, враждующие между собой, не признавала и не признает руководящей роли эмигрантского бюро». При этом консул привел цитату полковника Маеда из его речи, напечатанной в газете «Время» 7 ноября 1944 г.: «При наличии несогласий и раздоров российская эмиграция может стать предметом насмешек для других народов и может сама обречь себя на гибель»[1326].

Численность российских эмигрантов в Маньчжурии в 1943 г. Генконсул СССР в Харбине Г.И. Павлычев определял со ссылкой на статистику Маньчжоу-Ди-Го в 69 180 чел., из них в Харбине (Биньцзянская провинция) – 39 132 чел., в Северо-Синаньской провинции – 18 471 (из них в Трехречьи – 6998); в Муданьцзянской провинции – 3 907 человек; в Восточно-Синаньской провинции – 2209, в Мукденской провинции – 1 250 человек[1327]. Эта цифра – округленно70 тыс. человек русской колонии в Маньчжурии во время войны – звучала и в отчетах БРЭМ, и в послевоенных консульских отчетах. Всех эмигрантов советские дипломаты делили на 5 групп: бывшие служащие КВЖД и лица, проживавшие в Китае до Октябрьской революции; лица, родившиеся в Китае; лица, бежавшие от революции («помещики, капиталисты, деятели контрреволюционных партий, духовенство»); остатки «белогвардейских банд» Колчака, Семенова, Унгерна; перебежчики из СССР, в том числе «кулацкие элементы, бежавшие в годы коллективизации»[1328].

Советскую разведку более всего интересовала деятельность и военный потенциал «активной» эмиграции, как возможных кадров для будущей войны против СССР и «шпионов и диверсантов» японских спецслужб. В письме Наркома государственной безопасности СССР В.Н. Меркулова зам. наркома иностранных дел С.А. Лозовскому от 21 февраля 1944 г. были приведены данные воинских формирований из русской белой эмиграции в Маньчжурии: созданный в декабре 1941 г. казачий отдельный волонтерский корпус в Хайларе – 600-700 чел.; воинская часть Отряд Асано – около 3 тыс. чел.; специальные

[1325] РГАЛИ. Ф. 3147. Оп. 1. Д. 39. Л. 41.
[1326] АВП РФ. Ф. 0146. Оп.28. П. 258. Д. 27.Л.2 9..
[1327] АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 26. П. 247. Д. 18. Л.6 7.
[1328] АВП РФ. Ф. 100. Оп. 34. П. 132. Д. 48. Л. 59.

белоэмигрантские отряды на Сунгари, Ханьдаохецзы, Дайрене и проч. Всего, по данным советской разведки, в Маньчжурии могло быть мобилизовано до 20 тыс. русских белогвардейцев, в Трехречье – до 3, 5 тысяч казаков[1329]. Цифры были, на наш взгляд, завышены, но в любом случае, с точки зрения СССР, контингент активной военной эмиграции был опасен, поэтому советские консульства в Маньчжурии были заинтересованы в расширении базы оборончества, переходе эмигрантов на советскую сторону.

Успехи Красной армии во время войны в конце 1942 г. оживили «оборонческие настроения» среди эмиграции. В ноябре 1942 г. БРЭМ провел заседание с «общественностью» по борьбе с оборончеством. Было послано более 200 приглашений, но явились на собрание далеко не все. К.В. Родзаевский сделал доклад «Оборончество – дело рук советской агентуры» и призвал создать комитет по борьбе с оборончеством. Во время обсуждения доклада диссонансом общей линии прозвучало выступление В.Д. Маракулина (см. прил. 54), который заявил, что «здесь правды сказать нельзя, т.к. это было бы лебединой песней для оратора». По мнению Маракулина, русский народ «всегда ненавидел Англию и Америку, оказался их союзником в борьбе с Гитлером, т.к. Гитлер не делал заявлений о том, что не собирается порабощать Россию. Русский народ борется против Гитлера, когда победит, то и с большевиками справится». С точки зрения агента, подготовившего отчет о собрании, речь В.Д. Маракулина была «пропагандой оборончества»[1330].

Изменение настроений эмиграции после Сталинградской битвы отметили японцы. Начальник ЯВМ генерал А. Дои в своей речи, обращенной к эмигрантам 26 марта 1943 г., заявил: «Задача российской эмиграции – не поддаваться различным провокаторским и демагогическим вредительским обращениям, …доказать на деле свою признательность и благодарность государству, дружественно приютившему их, оказавшему им свое высокое покровительство, …служить грядущей победе в Великой Священной войне»[1331].

По сообщению Генерального консула СССР в Харбине Г.И. Павлычева, с началом войны в рядах русской эмиграции стали преобладать патриотические чувства и оборонческие настроения, следствием чего был поток заявлений от эмигрантов в консульство о приеме в советское гражданство и отправке в Красную армию, а также массовые пожертвования в фонд обороны. Реакция японо-маньчжурских властей и эмигрантской верхушки была резкой: эмигранты, возбудившие ходатайства о приеме в советское подданство, лишались продовольственных и хлебных карточек. По данным консула, в мае 1943 г. группа

[1329] АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 28. П. 258. Д. 27.Л. 1 – 3.
[1330] ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 29296. Л. 20.
[1331] Друг полиции (Синьцзян). № 5(63). 1943. С. 2

эмигрантов, подавших заявления о принятии советского гражданства, (до 600 чел.) осталась без карточек[1332].

В письме А. Забелина, консула СССР в г. Маньчжурия, С.А. Лозовскому в НКИД от 21 декабря 1943 г. также говорилось о настроениях эмиграции: «Оборонцы — подавляющая часть белой эмиграции — искренно ненавидит японцев и продавшуюся эмигрантскую верхушку, открыто выступает против немецких планов закабаления русского народа. Эта позиция … ослабила, вернее, подорвала устои белой эмиграции, покоившиеся на идее возрождения старой России». Далее консул указывал, что белая эмиграция держится только «страхом перед японцами» По словам консула, в большинстве своем эмигранты оказывали пассивное сопротивление всем мероприятиям японцев – не выполняли предписаний о ПВО, с издёвкой говорили о понуждении носить военизированную форму для мужчин и штаны для женщин и т.д. В целом, основная масса эмигрантов была очень далека от того, чтобы «служить делу победы японского империализма в Азии». В конце письма консул делал вывод о том, что «белая» эмиграция в Маньчжоу-Ди-Го потеряла свое значение как политическая сила, хотя бы в силу своего разложения, однако для советской стороны важным было «полностью лишить японцев белоэмигрантского козыря в их антисоветской политике, как бы слаб этот козырь не был»[1333]. В послевоенном коллективном письме И.В. Сталину от эмигрантов в Маньчжурии от 18 июня 1946 г. утверждалось, что «за малым исключением», вся эмиграция была патриотически настроена: «Мы плакали при взятии немцами Севастополя и нас страшила и подавляла грядущая судьба Сталинграда, но мы всегда верили, что Родина не погибнет и будет велика» [1334].

В годы войны многие эмигранты – сотрудники БРЭМ и ЯВМ стали работать на советскую разведку. Самым ярким примером такого сотрудничества можно считать начальника 3-го отдела БРЭМ М.А. Матковского[1335]. С его именем связывали деятельность тайной советской радиостанции «Отчизна», передававшей правду о событиях на фронтах, за которой охотились японцы. Ему же приписывали издание во время войны журнала, отпечатанного на гектографе, «Харбинская правда», в котором сравнивалась советская и японская политика на Дальнем Востоке в пользу СССР. Сотрудники ЯВМ полковник Я.Я. Смирнов, майор Г.Х. Ассирьянц (Наголен) также оказались в числе агентов советской разведки. Г.Г. Пермяков, работавший во время войны в Генконсульстве СССР в Харбине, в своих воспоминаниях называл их «новые советские», «с верой в Бога, с гордостью за

[1332] АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 26. П. 247. Д. 18. Л. 26.
[1333] Там же. Л.55 - 63.
[1334] РГАСПИ. Ф.558. Оп.11. Д.869. Л. 50.
[1335] См. прил. 56.

старую Россию», поверившие в то, что время «большевиков-варваров, занимавшихся демагогией, прошло»[1336].

Истинную ориентацию эмигрантов в годы войны трудно было определить. После войны многие активные антибольшевики «обернулись» сторонниками СССР. Так, адвокат П.Р. Безденежных, демонстративно подчеркивавший свой антикоммунизм и антисемитизм, был связан с японскими учреждениями, так что после войны все были уверены, что он будет арестован. Однако осенью 1945 г. он стал юрисконсультом консульства СССР в г. Маньчжурия, что дало основания считать, что он был тайным советским агентом. В.А. Морозов в своих воспоминаниях упоминал бывшего адъютанта генерала Г.М. Семенова подъесаула А.А. Погодаева – личность, хорошо известную в эмигрантской среде, авантюриста, имя которого упоминалось в связи с различными «темными» делами. Он также не был арестован в 1945 г., более того, Морозов встретил его в 1946 г. в кампании советских военных[1337]. Упоминания о неожиданных «перелетах» неоднократно встречаются в мемуарах эмигрантов, что дает основание полагать, что случаи перехода на советскую сторону в среде активной эмиграции не были единичными, хотя трудно говорить об истинных мотивах такого «перерождения».

К концу войны настроения в среде эмиграции в корне изменились в сторону сочувствия советской политике. По мнению эмигрантов, большую роль в этом повороте сыграли не только успехи Красной армии на фронте, но и умелая пропаганда советских представителей в Харбине. Так, в конце войны в приемной консульства СССР в Харбине была выставлена новая форма для офицеров и солдат Красной армии по образцу формы 1914 г. с погонами, на которую некоторые эмигранты ходили смотреть по несколько раз. По воспоминаниям Н.А. Мартынова, сотрудники генконсульства СССР в Харбине «покровительственно» относились к контактам советских граждан и эмигрантов – «родству путем браков, крещению детей, встреч и проводов, совместных праздников». Лейтмотивом советской пропаганды было: «больше нет ни эмигрантов, ни советских граждан – есть только русские люди, которым необходимо объединиться против врагов России»[1338].

Пакт о капитуляции Германии в Маньчжурии встретили со смешанными чувствами. Большинство русских эмигрантов радовались победе Красной армии. Врач, советский подданный М.С. Волобринский высказался на этот счет 24 мая 1945 г.: «Мы знаем, что большая часть эмиграции рада нашей победе. Мы не думаем преследовать эмиган-

---

[1336] *Пермяков Г.Г.* Отряд 731. Документальная повесть //Рубеж. 2004. №5. С. 286.
[1337] РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 5. Д. 13. Л. 3.
[1338] Мартынов Н.А. Воспоминания (Collection of N. Martynov. BAR).

тов, даже такого, как Костя Родзаевский не тронем, пусть живет»[1339]. Но для многих активных эмигрантов изменившаяся ситуация была поводом задуматься о собственной судьбе.

В.А. Морозов работал в 1940–1945 гг. преподавателем русского языка в японской военной школе – особой организации, обслуживавшей всю Квантунскую армию, состав слушателей которой менялся частично каждые полгода, и имел представление о состоянии японской армии, которое считал «далеко не блестящим». Многие эмигранты, близкие к Японской военной миссии, предвидели события и предупреждали о возможном наступлении Красной армии из Забайкалья. Друзья В.А. Морозова предлагали ему весной 1945 г. переехать на юг Китая, где можно было бы «отсидеться». Но его позиция была вполне определенной: надоело «убегать» и находиться в неопределенном положении – «будь что будет». В апреле 1945 г. В.А. Морозов с семьей из-за болезни жены переехал в Барим – курортный поселок на линии КВЖД, в 478 км к западу от Харбина. Как оказалось позже, переезд в Барим по необходимости спас его от ареста.

Когда исход Второй мировой войны стал очевиден, естественно, встал вопрос: что ожидает русскую эмиграцию в Маньчжурии? Этот вопрос был тесно связан с международной ситуацией, в частности с состоянием советско-японских отношений, которые находились на протяжении всей войны в положении «странного нейтралитета»[1340]. После объявления СССР 9 августа 1945 г. войны Японии и ввода советских войск в Маньчжурию в Харбине началась паника. Мало кто из эмигрантов предвидел эту войну, в рядах японцев также царила растерянность. Многие пытались уехать из города, распродавая дома и ценности, чем воспользовались дельцы и спекулянты. Те, кто оставался, старались спрятать особо ценные вещи, предвидя реквизиции.

С объявлением 9 августа 1945 г. войны Японии в Харбине и на линии прошли аресты советских граждан и эмигрантов, заподозренных в «советофильстве», в основном, имевших в прошлом советские паспорта. Судьба многих из них была трагичной[1341]. Всем эмигрантам было приказано сдать всё оружие, в том числе охотничье, т.к. японцы, видя в эмигрантах потенциальных союзников СССР, не доверяли им. При вступлении Красной армии в Маньчжурию, всем русским жителям, служившим в японским учреждениях, было

[1339] ГАХК. Ф.830. Оп. 3. Д. 8498. Л. 49.

[1340] *Молодяков В.Э.* Россия и Япония в поисках согласия… С. 515.

[1341] Так, после освобождения Хайлара Красной армией на территории тюрьмы были обнаружены 43 трупа с отрубленными головами. Местные жители опознали в них советских граждан, 19 из которых были арестованы японцами 9 августа. Остальные были арестованы в конце 1944 и начале 1945 гг. (Русский архив: Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30-е – 1940-е годы. Документы и материалы. Т. 18. (7 – 2). М.: ТЕРРА, 2000. С. 97 – 98).

приказано отступать вместе с японскими войсками, причем было предупреждено, что оставшихся русских служащих будут рассматривать как советских шпионов[1342]. Харбин был полон различными слухами, предположениями, надеждами и страхами. Оказалось, что эмигрантская колония за редкими исключениями не была готова к стремительно развивавшимся событиям. По словам В.А. Морозова, «эмиграция на своей судьбе ставила крест, считая себя обреченной, сдавшейся на волю злой судьбы»[1343].

Советская агентура, следившая за политическими настроениями эмиграции, знала, на кого можно рассчитывать, на кого нет. В самом начале войны СССР с Японией под руководством вице-консула А.Н. Логинова (Бердникова) в здании бывшей советской школы начали складировать оружие, боеприпасы и военную форму. Этим арсеналом потом воспользовался Штаб обороны Харбина (ШОХ), взявший на себя охрану важнейших объектов города еще до прихода Красной армии. Среди ополченцев было много эмигрантов, в том числе служащих БРЭМ. Понятно, что подготовить столь внушительную воинскую силу можно было лишь при условии профессионально налаженной работы среди населения. ШОХ оказал Красной Армии серьезную помощь, сохранив от разрушения и воровства в августе 1945 г. оборудование заводов, склады, предотвратив взрывы мостов и железой дороги. Бойцы штаба, владевшие японским и китайским языками, хорошо знавшие город, работали на советскую комендатуру в качестве переводчиков и проводников (см. п.4.1.1.).

12 августа 1945 г. руководство Главного бюро по делам российских эмигрантов покинуло Харбин вместе с японскими высшими военными чинами. Вместо записавшихся 126 чел. на юг Китая выехало 46 чел., в числе которых были глава БРЭМ генерал Л.Ф. Власьевский с семьей, К.В. Родзаевский, М.Н. Гордеев, С.И. Долов, С. Кудрявцев, Н.А. Мартынов и другие. Н.А. Мартынов сообщал в своих воспоминаниях, что большинство активных антибольшевиков отказались ехать в этом составе по разным причинам – нежелание оставлять налаженный быт, отказ членов семьи покидать Харбин, надежды на «перерождение» большевиков, пропаганда «совпатриотов». Ф.Д. Феоктистов, служивший в японской полиции, заявил, что «никакой вины за собой не чувствует, ничего против СССР не делал» и его не за что было преследовать. Известный общественный деятель, монархист И.Т. Щелоков на предложение Н.А. Мартынова ответил: «Мне уже 69-й год, куда я

[1342] Русский архив: Советско-японская война 1945 года. Т. 18. (7 – 2). С. 77.
[1343] РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 5. Д. 18. Л. 32.

потащусь? Выпью чашу испытаний до конца. Пусть будет моя смерть лишним доказательством подлости советчиков»[1344].

М.А. Матковский, хотя и был в списках «выезжавших на юг», остался в Харбине и всем сотрудникам БРЭМа советовал оставаться, «нежели ехать в полную неизвестность». Накануне вступления в Харбин Красной Армии он обратился к эмигрантам по местному радио с призывом не поддаваться панике. 13 августа служащие Бюро были ознакомлены с приказом № 46, в котором говорилось, что он вступает во временное исполнение обязанностей начальника БРЭМ. Ввиду «временного» отсутствия начальников отделов их обязанности возлагались на Н.Д. Пулудиса, А.А. Тихобразова, С.М. Голубенко, В.В. Кибардина, А.Я. Росселевича, Г.Н. Тетюшева и М.Ф. Рюмкина. 18 августа 1935 г. в официальном обращении к Генеральному консулу СССР в Харбине М.А. Матковский писал об ощущении «безмерного счастья», которое испытывала 70-тысячная российская эмиграция в Маньчжурии в связи с великой победой СССР. «Ныне для всех них открываются возможности отдать свои силы на творческий и созидательный труд для служения своему Отечеству и своему народу», – говорилось в обращении. Далее М.А. Матковский выражал уверенность в том, что советская власть разберётся, кто враг, а кто жертва политической конъюнктуры, заявив о своей готовности «понести полную ответственность по всей строгости законов СССР», и просил освободить от такой ответственности всех остальных эмигрантов[1345]. В августе 1945г. Матковский передал сохранившуюся часть обширного архива БРЭМ советским властям, чем значительно облегчил работу специалистам из контрразведки «СМЕРШ».

Выехавшие из Харбина в Тяньцзин лидеры БРЭМ во главе с начальником Бюро генералом Л.Ф. Власьевским тоже пережили идейную эволюцию под влиянием патриотических настроений. Здесь же произошел переворот в сознании К.В. Родзаевского, который проанализировал П. Балакшин в своей книге[1346]. В письме И.В. Сталину в сентябре 1945 г. К.В. Родзаевский поделился своим «прозрением»: «Как блудные дети, накануне смерти нашедшие потерянную Родину-Мать, мы … хотим примириться с Родиной. <…> Чем мы можем быть полезны нашей стране? Прежде всего, пропагандой примирения эмиграции с сегодняшней социалистической Россией, организацией массового перехода эмиграции на сторону СССР, распространением по всему миру правды о России, о ее вожде, о ее прави-

[1344] Мартынов Н.А. Воспоминания (Collection of N. Martynov. BAR). Феоктистов, Щелоков, как и многие другие эмигрантские деятели, были арестованы в августе 1945 г. УКР СМЕРШ 1-го Дальневосточного фронта, осуждены на 25 лет ИТЛ и умерли в лагере.
[1345] См.: *Аурилене Е.Е. Кротова М.В.* Русские в Маньчжоуго-Го: «свои» и «чужие» //Родина. 2013. №2. С. 139.
[1346] См.: *Балакшин П.П.* Указ. соч. Т. 2. С. 114 – 139.

тельстве, о ее ведущей партии, организацией серьезной борьбы с иностранными разведками и содействием собственной родной разведке, созданием кружков и обществ сближения с СССР в разных странах… Необходимо возможно большее количество честных русских людей оторвать от иностранцев и возвратить на службу Родине[1347]. Он в письме просил Сталина и Верховный Совет СССР об издании «гуманнейшего акта амнистии всем российским эмигрантам, о предоставлении каждому русскому человеку, «запутавшемуся в иностранных тенетах, возможности честным трудом искупить свои ошибки»[1348].

Так, в годы Второй мировой войны позиции оборончества в среде русской эмиграции в Маньчжурии укрепились. Немаловажную роль в этом сыграла политика Японии по отношению к русскому населению, задевавшая национальное самолюбие и религиозные чувства русских эмигрантов. Победа Красной Армии привела к всплеску патриотизма среди русской колонии в Маньчжурии, массовой советизации эмигрантов.

Оккупация Маньчжурии Японией показала, насколько неустойчива политика СССР в Маньчжурии, как она зависит от внешних и внутриполитических обстоятельств. Резкие перемены в руководстве КВЖД в начале 1930-х гг., появление нового поколения советских функционеров, изменение отношения к специалистам – старослужащим стали причинами дальнейшего размежевания русского населения в Маньчжурии, усиления эмигрантской колонии. Продажа КВЖД Маньчжоу-Ди-Го в 1935 г., отъезд большей части советских граждан в СССР, активный переход оставшихся в эмигрантское состояние ослабили позиции советской колонии и СССР в Маньчжурии.

С одной стороны, сокращение советского влияния вызвало оживление и укрепление эмиграции, в котором решающую роль сыграла поддержка Японии. Но ставка новых японских властей на фашистов, вытеснение русского капитала из Маньчжурии, колониальная политика японцев привели к началу исхода эмиграции, переезду в другие города Китая и ее латентной советизации, которую ускорила Вторая мировая война. К тому же эмиграция использовалась и японцами в своих политических и пропагандистских целях, как средство давления на СССР. Эмигранты в Маньчжурии гораздо раньше, чем в Европе, разделились на «пораженцев» и «оборонцев» по отношению к СССР. Позиции «оборонцев» усилила Вторая мировая война, которая привела к патриотическому подъему разных слоев эмиграции и увеличению советской колонии.

Русская эмиграция в Маньчжурии в 1930-е –1940-е гг. пережила сложный мировоззренческий кризис. С одной стороны, в начале 1930-х гг. произошло крушение надежд на

[1347] Письмо К.В. Родзаевского И.В. Сталину //Отечественная история. 1992. №3. С.99.
[1348] Там же.

возвращение в Россию, мощный сдвиг «вправо» – к монархизму и фашизму, ставка на японцев, как возможных союзников в борьбе с СССР. С другой стороны, в среде эмиграции наблюдались переоценка событий прошлого, русской революции и процессов, которые к ней привели, обаяние новой «советской» империи, осознание общей «русской» культурной идентичности в азиатском контексте. Все эти процессы привели к расколу эмиграции и поискам новых стратегий поведения.

ГЛАВА 4. РУССКАЯ КОЛОНИЯ В МАНЬЧЖУРИИ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1945 – НАЧАЛО 1960-Х ГГ.)

4.1. Изменения в жизни русской колонии в Маньчжурии в 1945 – 1946 гг.

4.1.1. Реакция эмигрантов на появление Красной армии в Маньчжурии в августе 1945 г.

Для русской эмиграции в Маньчжурии август 1945 г. стал встречей с Красной армией. СССР в соответствии с обязательствами, взятыми на себя на Ялтинской конференции 1945 г. [1349], 9 августа 1945 г. объявил войну Японии и ввел свои войска в Маньчжурию. 14 августа 1945 г. в Москве был подписан советско-китайский договор о дружбе и союзе, а также соглашения о совместной собственности СССР и Китая на КВЖД и совместном и паритетном управлении ею в течение 30 лет; об использовании Порт-Артура в качестве совместной военно-морской базы, оборона которой на 30 лет вверялась СССР; о порте Дальний и ряд других документов[1350].

Вторжение в Северную Маньчжурию СССР объявил актом освобождения населения от японских захватчиков. Поэтому в распоряжениях и указаниях Советского правительства говорилось об «освобождении эмиграции советской армией от японских захватчиков». Сотрудничество эмигрантов с Красной армией началось с первых дней военных действий. Патриотически настроенные эмигранты, особенно молодежь, с первых дней советско-японской войны оказывали посильную помощь советским войскам в боевых действиях. В Харбине 16 августа 1945 г. был создан Штаб обороны Харбина (ШОХ) по инициативе В.Д. Панова, руководителя отдела молодежи Общества граждан СССР в Харбине, членами которого были как граждане СССР, так и эмигранты. ШОХ организовал вооруженные группы по 10-12 чел. (они отличались красными повязками на рукаве), которые начали занимать важнейшие объекты Харбина – мосты, вокзал, типографии, телефонную и телеграфную станции, поддерживать порядок, пресекать мародерство. Пять бойцов ШОХа пленили 18 августа японского генерала Хата – начальника штаба Квантунской ар-

---

[1349] 11 февраля 1945 г. в Ялте руководители СССР, США и Великобритании подписали соглашение об участии СССР в войне против Японии на стороне союзников через 2 – 3 месяца после капитуляции Германии. Одним из условий соглашения были совместная эксплуатация КВЖД и ЮМЖД путем организации смешанного советско-китайского общества восстановление аренды на Порт-Артур как на военно-морскую базу СССР, интернационализация торгового порта Дайрен (Дальний).

[1350] О ходе советско-китайских переговоров в июле 1945 г., проекты и текст соглашений см.: Русско-китайские отношения в XX веке. Т.IV: советско-китайские отношения в 1937-1945 гг../ Отв. ред. С.Л. Тихвинский М.: Памятники исторической мысли, 2000. Кн. 2. С. 175 – 192.

мии - и передали его зам. начальника штаба 1-го Дальневосточного фронта генерал-майору Г.А. Шелахову[1351].

Многие из местных русских жителей помогали войскам продуктами, выполняли функции проводников, шоферов, предоставляли информацию о расположении противника. Так, шофер Трофимов из Хайлара, 25 лет, указал частям Красной Армии ущелье, где засело 500 японских солдат. На ст. Якеши, где проживали забайкальские казаки, был организован отряд казаков в количестве 45 человек, который уничтожил японский отряд, захватив в плен 18 японцев и 25 повозок. В бою с японцами командир был ранен, его помощник и несколько человек из отряда убиты. После этого отряд был расформирован, оружие сдано частям Красной Армии[1352]. Эмигранты, знавшие восточные языки, служили переводчиками при армейских частях. В Порт-Артуре вся семья эмигранта А.В. Белова – он сам, дочери 15 и 14 лет, сыновья 12 и 16 лет, работали переводчиками. Никаких официальных документов, контрактов не было, всё оформлялось задним числом. Эмигрантов в августе 1945 г. привлекли на перешивку полотна железной дороги с узкой японской (японцы перешили полотно в 1935 г.) на стандартную русскую, кроме южной ветки Харбин – Дайрен.

В соответствии с соглашением 14 августа 1945 г. между СССР и Национальным правительством Китайской Республики верховная власть и ответственность «в зоне военных действий» в Маньчжурии была возложена на Главнокомандующего Советскими вооруженными силами маршала Василевского. По окончании военных действий всю власть по линии гражданских дел должно было принять Национальное правительство Китайской республики, оказывая Советскому Главнокомандующему помощь и поддержку. По мере продвижения советских войск в городах Харбин, Маньчжурия, Мукден, Чанчунь, Порт-Артур, а также поселках Маньчжурии – Пограничной, Сяосуйфуньхэ, Муданьцзяне, Мулине, Барим, Хайларе и др. создавались советские военные комендатуры для поддержания порядка (всего было создано 92 комендатуры). Все приказы вывешивались на русском и китайском языках. Политорганы советских войсковых подразделений должны были работать с местным населением – русским и китайским. Они организовывали митинги, собрания, на которых разъясняли цели прихода Красной Армии в Маньчжурию, читали лек-

---

[1351] См. об этом: *Таскина Е*. Неизвестный Харбин. М., 1994. С. 136-139; *Фиалковский П.К*. Город Харбин в августе-сентябре 1945 года //Русские в Китае (Екатеринбург). 1997. №9. С.3; *Широколобов В*. Полвека трагедии, свидетелем которой я был //На сопках Маньчжурии. 1997. №46; 1998. №56.

[1352] Русский архив: Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30-е – 1940-е годы. Т. 18. (7 – 2). М., 2000. С. 83, 85.

ции и беседы о советском политическом строе, Советской конституции, показывали советскую кинохронику и фильмы, распространяли листовки, лозунги, портреты Сталина.

Из сообщений начальников политуправлений фронтов командующим войсками о положении в освобожденных районах Маньчжурии можно составить картину контактов советских войск с эмигрантами. Между прочим, сообщалось, что часть «русских белоэмигрантов» бежала вместе с японцами, но «по мере продвижения наших войск вглубь Маньчжурии их (эмигрантов) все больше и больше остается в городах и населенных пунктах. Они занимают выжидательную, пассивную позицию, дожидаясь тех или иных решений с нашей стороны». Так, в донесении начальника Политуправления 1-го Дальневосточного фронта генерала-майора К.Ф. Калашникова от 23 августа 1945 г. говорилось, что на ст. Пограничной осталось до 200 чел. русских, из города бежали владелец спиртоводочного завода Смирнов, купец Сигаев, начальник местного отделения БРЭМ сотник Ребович и члены дружины самообороны. Здесь были допрошены некоторые «русские белогвардейцы» – вахмистр Юхно, унтер-офицер Новожилов, священник Катырин, домохозяйка Щепкина, которые показали, что среди местного населения были оборонческие и «возвращенческие» настроения[1353].

В сообщении начальника политуправления Забайкальского фронта генерал-лейтенанта К.А. Зыкова сообщалось, что при вступлении Красной армии в Хайлар, русские жители Хайлара на стихийном митинге выкрикивали: «Мы – русские, власть должна быть русской, власть – Советам, ура товарищу Сталину». На собрании русского населения Хайлара (320 чел.), организованном агитатором политотдела майором Синица, многие выступили с речами. Эмигрант П.И. Казачков заявил: «Я сам душой и телом русский гражданин и встретил вас с большим восторгом, дорогие мои. Красная армия отныне дала мне возможность заниматься вольным трудом». Инвалид П.М. Ховолин так выразил свою мысль: «Нас японцы отравляли своей пропагандой более 10 лет, но не удалось скрыть истинной правды и счастливой жизни советского народа, которую ему дали Ленин и Сталин. Отныне и мы свободны». Местное русское население задало майору более 60 вопросов о жизни в СССР и своих «дальнейших перспективах». Среди вопросов встречались и такие: Можно ли избирать органы советской власти? Будет ли разрешена частная торговля? Можно ли вступить в ряды Красной армии? Правда ли, что в СССР нет одежды и промтоваров? Что будет с теми, кто в 1927 – 1932 гг. нелегально покинул пределы СССР? Почему советских людей называют большевиками? Как живут крестьяне в колхозах и т.п.[1354].

[1353] Русский архив. Т. 18. (7 – 2). С. 80 – 82.
[1354] Там же. С. 83, 85.

В августе 1945 г. в судьбах дальневосточной эмиграции произошли существенные изменения. По сути это было начало конца ее существования. Эту встречу эмигранты ждали с нетерпением и страхом, она стала для многих важной точкой в судьбе, поэтому описание августа 1945 г. так часто встречается в мемуарах, автобиографической прозе, воспоминаниях «русских китайцев». Практически все мемуаристы говорили об «особом» чувстве, не поддающемся описанию, при виде советских войск: «На солдатах в потных пропыленных гимнастерках, грубых кирзовых сапогах, еще не остывших от тяжелейшего перехода, был отсвет Великой Победы. Они несли в себе дыхание России. Они были нашими, русскими»[1355]. Почти все вспоминали о том восторге, который охватил эмиграцию при виде советских войск: «Толпа махала руками, молодежь кричала, и все кричали, а что – нельзя было разобрать», – писал В. Санников о входе Советской Армии в Чжалантунь[1356]. И.А. Дьяков вспоминал: «Мы часами стояли и смотрели на «них», родных, любимых.<…> Мы поздравляли друг друга и целовались, как на Пасху.<…>Дивные, радостные дни. Никогда нам их не забыть. Мы вновь приобрели потерянную Родину»[1357].

В Харбине по главной улице Китайской Красная армия – «наша освободительница», как называли ее эмигранты, – шла через коридор русских по ковру живых цветов. Это было 19 августа – день Преображения Господня – и целый день звонили колокола. Весь город был украшен красными флагами, транспарантами, красные флажки прикреплялись к радиаторам машин. Д. Нагишкин, советский военный корреспондент, вспоминал: «Люди кричали нам: “Русские, здравствуйте!”, “Да здравствует Красная Армия!”, “Русские, сколько лет мы ждали вас!”, “Русские пришли!”, “Спасибо товарищу Сталину!”»[1358]. О теплой встрече русских эмигрантов писали многие участники советско-японской войны. В. Иванов, военный разведчик, прибывший в Харбин с войсками 2-го Дальневосточного фронта, писал в своих воспоминаниях, что его по-настоящему удивило отношение русских эмигрантов к Красной армии: «Русская молодежь, особенно девушки, … дарили цветы и угощали фруктами, предлагали быть проводниками, переводчиками. Старшее поколение, бывшие белогвардейцы, поначалу отнеслись к советским войскам настороженно – первые несколько дней предпочитали вообще не показываться на улицах,

---

[1355] *Таскина Е.* Неизвестный Харбин. М., 1994. С.135.
[1356] *Санников В.* Под знаком восходящего солнца в Маньчжурии. Sydney, 1990. С.145.
[1357] *Дьяков И.А.* Аматерасу. Правда о пережитом в Трехречье за Веру и Отчизну //Поздняев Д. Православие в Китае. М., 1998. С.242.
[1358] *Нагишкин Д.* Сунгарийские записки // Дальний Восток (Хабаровск). 1946. №1-2. С.139.

затем долго приглядывались, побаиваясь, но понемногу этот лед растаял, былое недоверие исчезло, а лояльность переросла в дружелюбие»[1359].

«Свершилось великое, – писала харбинская газета «Время» 22 августа 1945 г., – Родина-мать прислала сюда своих сыновей и наших братьев. Тем самым разрушена и никогда не будет воздвигнута вновь та стена, что отделяла нас на протяжении многих лет от родного народа, от родной земли… Будущее ясно. Наши дети не видели Родины – они ее увидят. Наши дети не знают родного языка – они его узнают»[1360]. В кафедральном соборе Харбина был отслужен торжественный благодарственный молебен по случаю освобождения от «японского ига». В приказе № 1 военного коменданта Харбина А.П. Белобородова от 21 августа 1945 г. отдельным пунктом было разрешение «беспрепятственно» отправлять богослужение в храмах и молитвенных домах»[1361]. 3 сентября 1945 г. в честь победы над Японией в Харбине был проведен многотысячный митинг, собравший более 30 тыс. чел. Архиепископ Нестор выступил на митинге, где говорил о «победоносном воинстве Красной Армии», Родине, о присоединении к Матери-Церкви[1362].

16 сентября 1945 г. состоялся парад советских войск в честь победы над Японией на Вокзальной площади Харбина. Командовал парадом генерал-лейтенант К. П. Казаков. Принимал парад начальник Харбинского гарнизона генерал-полковник А.П.Белобородов. В параде принимали участие почти весь харбинский гарнизон, танковые бригады, тяжелая и противотанковая артиллерия, гвардейские минометы. Впечатление было сильное – «вот снова в Харбине русские войска». На парад вышло практически все население Харбина.[1363] Н.М. Пегов, первый секретарь Приморского крайкома КПСС, вспоминал: «Утром, в назначенный день парада, к нашему командованию явилась делегация белоэмигрантских офицеров, и просила разрешить выйти на демонстрацию в русской военной офицерской форме при всех имеющихся регалиях, на что им было дано согласие. Мимо трибуны, где мы находились, шли дряхлые старики, многие из которых, опираясь на костыли, сгорбившись под тяжестью лет, прожитых в изгнании, были увешаны георгиевскими крестами и медалями. <…> Вслед за ними шли русские гражданские люди, в свое время покинувшие родину и доживающие свой век на чужбине. Среди них много молодежи. <…> Зрелище,

---

[1359] Советско-японские войны 1937 – 1945 : сборник. М. : Яуза; Эксмо, 2009. С. 315 – 316.
[1360] Цит. по: Победа на Дальнем Востоке. Историко-мемуарные и документально-художественные повествования о разгроме империалистической Японии в августе 1945 г. Хабаровск, 1985. С.485.
[1361] *Белобородов А.П.* Всегда в бою. М., 2003. С.538.
[1362] Божьей милостью архиерей русской церкви: Три жизни митрополита Нестора Камчатского /автор-составитель С. Фомин. М. : Правило веры, 2002. С. 452.
[1363] См. об этом: *Белобородов А.П.* Указ. Соч. С. 544-546.

должен заметить, редкое, исключительное. Мы видели перед собой несчастных людей, сломавших свою судьбу и судьбу своих детей»[1364].

Церковь также выступила на стороне победителей. 19 сентября 1945 г. И.В. Сталин послал телеграмму митрополиту Харбинскому и Маньчжурскому Мелетию, архиепископу Хайларскому Димитрию, епископу Цицикарскому Ювеналию с просьбой передать привет и благодарность православному русскому духовенству и верующим города Харбина за заботу о детях и семьях воинов Красной армии[1365]. Письмо было опубликовано в газете «Правда» от 19 сентября 1945 г. и произвело неизгладимое впечатление на русское население Харбина. В октябре 1945 г. архиепископ Пекинский и Китайский Виктор (Святин) изъявил желание присоединиться к Московской патриархии и написал специальное письмо патриарху Алексию, в котором просил патриарха принять Российскую Духовную Миссию в Пекине и православную церковь в Китае в лоно Патриархии. Одновременно архиепископ Виктор дал указания всему духовенству Китая о признании главенства Московского патриархата и о прекращении службы по членам бывшего Российского императорского дома[1366].

27 декабря 1945 г. совершилось воссоединение харбинской епархии (Пекинской) и Московского патриархата, был образован единый митрополичий округ. В январе 1946 г. под предлогом болезни митрополит Мелетий был освобожден, вместо него был назначен архиепископ Нестор, ставший митрополитом Харбинским и Экзархом Восточно-Азиатского Экзархата Московской патриархии, который включал Пекинскую, Харбинскую, Шанхайскую, Тяньцзинскую и Синьцзянскую епархии[1367]. 29 декабря 1946 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) было разрешено Совету по делам русской православной церкви командировать в Маньчжурию (Харбин) представителей Московской патриархии[1368].

Позицию церкви выразил в своей речи на собрании, посвященном первой годовщине победы СССР над Японией, в сентябре 1946 г. в Шанхае архиепископ Китайский и Пекинский Виктор (Святин): «Долгожданная победа над Японией смыла с лица русской земли позор поражения. Слава и честь им, восстановившим попранные границы нашей Родины; слава и честь им за то, что они вместе со всем русским народом установили та-

---

[1364] *Пегов Н.М.* Далекое-близкое. Воспоминания. Владивосток, 1987. С. 205.
[1365] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 847. Л.76
[1366] Русско-китайские отношения в XX веке. T.V. Кн. 2. С. 351. Однако епископ Шанхая Иоанн и часть шанхайского духовенства не согласились с решением архиепископа и выступили против признания главенства Московского патриархата, оставшись в ведении и юрисдикции Заграничного Синода.
[1367] См. об этом *Поздняев Д.* Указ. соч. 23 ноября 1956 г. Восточно-Азиатский экзархат был упразднен, все храмы переданы Китайской православной церкви.
[1368] РГАСПИ. ф. 558. Оп.11. Д. 847. Л. 76.

кой общественно-государственный строй, который вместе с равной пользой обслуживает все нужды жизни мужчины и женщины, старика и ребенка, который, как нормальный и справедливый строй жизни, благодетелен для всего человечества, поэтому он так победно идет по всему лицу земли»[1369].

Многие предприниматели обратились к советской военной администрации с предложениями о продаже своих предприятий СССР[1370]. Так, представители известной на Дальнем Востоке фирмы «Торговый дом И.Я. Чурин и К°» А.Г. Остренко и А.А. Бабинцев предложили в октябре 1945 г. продать акции фирмы СССР под предлогом отсутствия у фирмы средств на восстановление торговых предприятий . 20 октября 1945 г. был заключен договор о продаже всех акций «Торгового дома И.Я. Чурин и К°» Всесоюзному объединению Дальвнештранс. Приобреталось 43 800 акций стоимостью 4 388 тыс. юаней. Договор был зарегистрирован в секретариате харбинского местного суда 22 ноября 1945 г.[1371]. Новое акционерное общество сохранило старое наименование. Президентом Общества был избран И.И. Демин, его заместителем (с марта 1946 г. – президентом) стал Т.И. Семин. Бывший директор фирмы А.А. Бабинцев вошел в состав правления Общества. Все служащие Чурина, многие из которых работали в фирме десятки лет, остались, взяв советское гражданство.

В соответствии с директивой Ставки Верховного Главнокомандования от 10 сентября 1945 г. командующий войсками 1-го Дальневосточного фронта маршал К.А. Мерецков 19 сентября 1945 г. отдал приказ об освобождении территории Маньчжурии и выводе войск в Приморье в течение 2-х месяцев. Однако начавшийся вывод советских войск был приостановлен по просьбе гоминьдановского правительства до завершения организации гражданской администрации в Манчжурии и переброски туда китайской армии. Только в марте 1946 г. в связи с обострившейся обстановкой внутри Китая советским руководством было принято решение о незамедлительном выводе Советской Армии из Маньчжурии.

Все это время – с августа 1945 по апрель 1946 г. – было наполнено тесным общением местного русского населения с солдатами и офицерами Красной армии. Для русской эмиграции в Маньчжурии это была первая встреча с советскими людьми, поэтому всех волновали вопросы: насколько революция разделила Россию, сильно ли изменила «совет-

---

[1369] Китайский благовестник (Пекин). 1946. Ноябрь. (ОР РНБ. Ф.1457. Д. 359. Л. 38об)

[1370] Возможно, на такое решение повлияли аресты и «увоз» в СССР в августе - сентябре 1945 г. многих известных коммерсантов (см. п. 4.1.3).

[1371] Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений СССР с Китаем (1917 – 1974).М.: Изд-во «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1977. С. 166.

ских» идеология или они остались теми же русскими людьми? «Наши» они или не «наши»? Надо сказать, что в августе 1945 г. обнаружились как различия, так и сходства между советскими воинами и эмигрантами. Но ни те, ни другие не соответствовали образу «врага», который был сформирован пропагандой.

Удивление и узнавание было характерно для обеих сторон. Советскую сторону удивлял чистый русский язык (ленинградский язык, «отличная бунинская речь»), непривычный внешний вид (военных удивляли «типичные русские лица») и быт эмигрантов, «непуганые глаза белогвардейских детей»[1372]. Солдаты задавали «странные» вопросы: «А коров у вас держат? А где вы научились говорить по-русски?». В воспоминаниях Михаила Анчарова, известного поэта и драматурга, участника боев в Маньчжурии, первая встреча с «русскими эмигрантами, белогвардейцами» была «как во сне, как в кинофильме из гражданской войны» – это был другой мир: «странный сладковатый запах чужого быта, чужой еды, чужих пожаров, в которых сгорала чужая страшная эпоха»[1373].

Известный советский писатель Г.М. Марков, будучи военным корреспондентом, записал в своем дневнике о Харбине 1945 г.: «Вчера долго бродил по главной улице. Под вечер звонили колокола в православных церквах. Откуда-то сыпанули дружными группами студенты и гимназисты в форменных фуражках царского времени. Потом потянулись из магазинов и лабазов приказчики в калошах, в пальто с плисовыми воротниками, со свертками на пуговицах. Цокали о мостовую подковы лошадей, и извозчики в широких бешметах и кожаных поясах с бляхами подгикивали: “Поберегись!” Ожила старая Россия. Напахнуло ушедшим. Так стойко здесь держится все русское»[1374].

Золотые погоны, чины, награды на груди, «симпатичные, славные русские лица» советских солдат, обаяние победителей давали надежду на исчезновение идеологических различий, разницы между «ними» и «нами». Говорили о «чуде примирения» СССР и эмиграции. Правда, портреты императоров – Японии, Маньчжоу-Го и Николая II – советские коменданты попросили снять со стен общественных заведений (Петра Великого и Суворова позволили оставить), зато появились портреты И.В. Сталина [1375]. После прихода Красной армии в Харбин были взорваны некоторые памятники: Натарову – казаку, погибшему на Халхин-Голе, кресты и надгробия на могиле генерала В.О. Каппеля и его жены во дворе Иверской церкви, памятник «борцам, погибшим в боях с Коминтерном»,

---

[1372] Анчаров М. Этот синий апрель //Анчаров М. Самшитовый лес. М., 1994. С.291.
[1373] Там же.
[1374] *Марков Г.М.* Моя военная пора. //Победа на Дальнем Востоке. Хабаровск, 1985. С. 302. О советских впечатлениях о Харбине 1945 г. см. также: *Белобородов А.П.* Всегда в бою. М., 2003. С. 536; *Колесникова М.* Гадание на иероглифах. М., 1983. С. 108-110; *Нагишкин Д.* Указ. соч.
[1375] См. об этом: *Зайнитдинов Е.* Станция Аньда //На сопках Маньчжурии (Новосибирск). 1994. №9.

установленном в 1941 г., часовня на братской могиле российских солдат времен русско-японской войны как символ «царизма и российского империализма»[1376].

Возникали и другие, на первый взгляд, незначительные противоречия. «Советские» поправляли эмигрантов: не «господин», а «товарищ», не «слушаюсь», а «есть», во время не «гражданской войны», а «бандитского выступления белых»; а в ответ на «царствие ему небесное», отвечали: «к вашему сведению, никакого царства там нет». Эмигрантов удивляли незнакомые аббревиатуры, обращения «мамаша», «девушка». Советское командование в Хайларе запретило отпевать погибших казаков из Трехречья (часть их уничтожили японцы, потом «добивали» советские части), и панихида по убитым была отслужена только после ухода советских войск из Маньчжурии в 1946 г.[1377].

Также удивляло эмигрантов отношение Красной армии к собственности. Солдаты «реквизировали» любые товары, причем не только трофейное имущество, но и государственную собственность, и содержимое частных квартир. Особым спросом пользовались виктролы (так назывались в Маньчжурии патефоны), одежда, украшения, столовое серебро, швейные машинки, особенно часы. Часы покупали, не торгуясь, а то и просто отбирали. Жители Харбина вспоминали: «Идет навстречу офицер или боец, поравняется и спрашивает: “Который час, товарищ?” и наивный товарищ с готовностью отвернет рукав и говорит, а тот уже весьма грубо: “А ну, снимай!”. Харбинцы скоро сняли с рук часы и на улице с часами не появлялись»[1378]. Любовь к часам, писал горный инженер А.Е. Грачев, была настолько велика, что дало основание русскому населению говорить: «Раньше, до революции, у нас было Христолюбивое воинство, а теперь стало часолюбивое»[1379]. По свидетельствам эмигрантов, из Маньчжурии вывозили все, даже поломанные стулья, ванные, корыта, кадушки, краны. По представлению политотдела 2-й Краснознаменной армии 22 августа 1945 г. был издан приказ № 0057 Военного совета армии «О случаях мародерства и поведении военнослужащих армии на территории Маньчжурии», согласно которому все военнослужащие, замеченные в мародерстве, пьянстве и других аморальных явлениях, должны были быть привлечены к строгой ответственности[1380]. Справедливости ради стоит отметить, что «реквизировали» имущество не только советские военнослужащие, но и местные жители, которых прозвали «трофейниками».

[1376] См. об этом: *Кайгородов А.М.* Маньчжурия: август 1945 //Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 6. С. 95.
[1377] *Кайгородов А.М.* Указ. Соч. С. 99.
[1378] *Ильин И.С.* Советская армия в Харбине //Новый журнал. 1969. Кн. 96. С.144.
[1379] *Грачев А.Е.* На Мулинских копях в 1945 году //Австралиада (Сидней). 2008. №56. С. 17.
[1380] Русский архив: Советско-японская война 1945 года. Т. 18. (7 – 2). С. 101.

Надо сказать, что в отдельных случаях общение эмигрантов и советских военных было довольно тесным. Эмигранты вскоре после оккупации Маньчжурии начали заговаривать с военными, знакомиться, приглашать в гости. «Политработники, офицеры и солдаты стали друзьями тех, кто был долгие годы “на той стороне”, – писал Николай Задорнов, бывший военным корреспондентом. – Огромное большинство харбинцев тяготело к Советскому Союзу, к своей родине, и одобрительно отзывалось о ней» [1381]. «Меня удивило уже в сорок пятом, что советские люди, узнав харбинцев поближе, говорили с ними свободнее и откровеннее, чем друг с другом, – отмечала эмигрантка А. Дворжицкая, – Мы бывали в китайских ресторанах. Знакомили их с китайской кухней. Они ходили на наши спектакли.<…> Знакомства, встречи, узнавание нового. Не жизнь, а сплошной фейерверк»[1382]. Евгений Орлов вспоминал, что с приходом «наших» в доме стало очень весело: «Мои хлебосольные родители встречали гостей радушно. В основном это были блистательные молодые офицеры, веселые и жизнерадостные, не находившие в нас каких-то чуждых элементов. <…>Друзья-армейцы помогали продуктами, одеждой с японских военных складов»[1383]. Мемуаристы упоминали студебеккеры – «волшебные машины», в которых щедрые офицеры развозили «волшебные вещи – дрова, продукты и т.п.»[1384].

Многие писали о хороших, приятельских отношениях, «разговорах по душам» эмигрантов с советскими военными. Конечно, не обходилось и без идеологических споров. Т. Золотарева вспоминала об одном из разговоров в поезде с советскими офицерами, в котором они упрекали эмигрантов: «Вы живете только для себя, строите свою личную жизнь, а мы живем для усовершенствования жизни общества, мы стремимся к равенству»[1385]. В.В. Каменев, живший тогда в Бариме, писал, что его отец подружился с «земляком» – сибиряком старшиной Степаном Трошиным. После откровенных бесед Степан посоветовал отцу: «Если будет возможность, то не приезжайте в Россию еще лет десяток, сейчас там вас просто не поймут»[1386]. Советский военный комендант на ст. Чжалантунь Ф.Ф. Таталин защищал семьи эмигрантов от «шумных визитеров» (пьяных советских солдат) и читал наизусть стихи советских поэтов, неизвестных здесь (М. Горького «Девушка и смерть», К. Симонова «Жди меня», стихи Суркова)[1387]. Ксения Волкова, жившая в августе 1945 г. на ст. Бухэду, вспоминала, что в их доме поселили советского офицера из

[1381] *Задорнов Н.П.* Это было в Маньчжурии //Дальний Восток. 1976. №7. С.145.
[1382] *Дворжицкая-Светланова А.* В августе 1945. //На сопках Маньчжурии. 1996. №34. С.3.
[1383] *Орлов Е.* Арест //На сопках Маньчжурии. 1995. №24-25. С.2.
[1384] *Дземешкевич Л.* Наш быт //Русские в Китае (Екатеринбург). 1997. №9. С.4.
[1385] *Золотарева Т.* Маньчжурские были. Сидней, 2000. С.222.
[1386] *Каменев В.В.* Маньчжурские были. Барим в сорок пятом //Русская Атлантида. 2005. № 11.
[1387] *Санников В.* Указ. Соч. С.182.

НКВД. Он был ровесником отца, и они часто о чем-то разговаривали. Уезжая, офицер сказал: «Спасибо за доброту. Словно дома побывал». Оставил продукты и предупредил отца об опасности ареста. Семья Ксении срочно уехала в г. Дальний. Как потом оказалось, офицер многим рисковал тем, что сжег какие-то бумаги на отца Ксении[1388]. Позже офицеры, подружившиеся с эмигрантскими семьями, пытались как-то помочь арестованным, помогали передавать в тюрьмы записки и передачи.

Многие эмигрантки были очарованы «душками военными». Некоторые бросили законных мужей, не устояв перед «золотыми погонами и трофейными возможностями». Мемуаристы писали о ППЖ – «походно-полевых женах», «боевых подругах», «нечаянно обретенных мужьях», «трофейных детях»[1389]. Многие пары венчались в церкви, но для эмигранток это были законные браки, а для советских воинов – нет. В апреле 1946 г., когда советские войска уходили из Маньчжурии, на эшелонах были надписи: «Эмигранты! Вы – русские!», «Оставляю в Китае свою любовь!». Молодые пары расставались «на время», оказалось, что навсегда. Таких женщин в Маньчжурии было довольно много, и называли их «соломенными вдовами». В дальнейшем были попытки разыскать в СССР своих мужей и отцов их детей, но, как правило, они были безуспешными.

Решение о выводе советских войск из Маньчжурии было продиктовано внутриполитической ситуацией в Китае, противостоянием Гоминьдана и КПК и поддержкой СССР китайских коммунистов (см. п. 4.2.1.). В марте 1946 г. были выведены советские войска из Мукдена. 14 апреля 1946 г. из Чанчуня в Харбин эвакуировались войска Забайкальского фронта во главе с маршалом Р. Я Малиновским. Сразу же началась работа по подготовке к выводу из Харбина на родину огромного воинского контингента. 19 апреля в Харбине состоялось торжественное собрание в доме Красной Армии (здании Железнодорожного собрания – *М.К.*) по случаю вывода советских войск из Маньчжурии. Представители Харбинской епархии также получили приглашения на собрание. Настоятель Свято - Николаевского кафедрального собора в Харбине протоиерей о. Леонид Викторов (позже архиепископ Никандр) – бывший военный священник колчаковской армии, участник сибирского Ледяного похода, а затем Главный военный священник Земской Приамурской Рати, произнес речь: «Вы, доблестные бойцы и командиры, возвеличили нашу Родину на такую

[1388] *Волкова К.* Иероглифы судьбы. Архангельск, 2006. С.281.
[1389] См.: *Дземешкевич Л.К.* Дон Кихот Харбинский. Омск, 2001. С. 106; *Дворжицкая А.* Указ. соч.; *Волкова К.* Указ. соч. С. 279.

высоту, на какой она никогда не стояла. Передайте родной земле земной поклон он нас. Да живет в веках вознесенная вами Отчизна!»[1390].

От имени советского командования с докладом выступил начальник политического управления Забайкальского фронта генерал-лейтенант К. А. Зыков. Много теплых и лестных слов уходящей армии сказали харбинцы – рабочий «Дальвнештранса» Жмудь, помощник начальника станции КЧЖД Камарницкий, настоятель Кафедрального собора протоиерей о. Леонид Викторов, работница акционерного общества «И.Я. Чурин и К°» Зверева и представитель издательства «Русское слово» Колбин.

Все ждали выступления Р. Я. Малиновского, имя которого было чрезвычайно популярно среди харбинцев. Харбинская газета «Русское слово» так описывала выступление маршала: «В наступившей тишине мягко и внушительно звучит мерная, неторопливая речь прославленного полководца. Просто, но как-то глубоко проникновенно говорит Маршал Малиновский. Зал настороженно, боясь пропустить хоть одно слово, следит за его рассказом». Начал свое выступление маршал такими словами: “Товарищи! Вы дожили до того дня, когда получили право, а мы возможность называть Вас товарищами”»[1391]. По воспоминаниям эмигрантов, в ходе выступления маршал сказал ключевую фразу, которая запомнилась многим, а затем в течение последующих лет была предметом ожесточенных споров харбинцев всех поколений: «Мы в гражданской войне боролись и дрались друг с другом, каждый за свою идею. Сейчас вы можете убедиться – кто был прав». Маршал говорил твердо и убежденно, однако без какого-либо злорадства, поэтому слова его не вызвали отторжения[1392].

21 апреля 1946 г. на Соборной площади Харбина состоялся грандиозный митинг и парад советских войск, на котором присутствовало свыше 100 тыс. харбинцев – как русских, так и китайцев. Этот день совпал с православной Пасхой, которую праздновало все русское население Харбина. Инициаторами проведения митинга были китайские (гоминьдановские) власти. На центральной трибуне, сооруженной на Соборной площади перед входом в отель «Нью-Харбин», украшенной огромными портретами И. В. Сталина и Чан Кайши, находились представители советского командования, харбинской общественности, а также китайской военной и гражданской администрации города. С Соборной площади войска отправлялись на вокзал для погрузки в эшелоны. Всего было вывезено в За-

[1390] Русское слово (Харбин). 1946. 19 апреля. С. 3.
[1391] Там же.
[1392] *Караулов А. Коростелев В.* Харбин: апрель Сорок шестого. К 65-летию вывода советских войск из Маньчжурии. (http://ruskline.ru/analitika/2011/11/22/harbin_aprel_sorok_shestogo).

байкалье 67 эшелонов, в Приморье – 76 эшелонов[1393]. После вывода советских войск с территории Маньчжурии внутриполитическая обстановка осложнилась (см. п. 4.2.1.). В целом, ожидания эмигрантов от встречи с советскими войсками были более мрачными и трагичными, чем это произошло в действительности. Сотрудничество с военной администрацией, общение с офицерами и солдатами Красной армии способствовали преодолению многолетнего разделения на враждебные лагеря, массовому принятию советского гражданства и дальнейшей советизации русского населения Маньчжурии.

4.1.2. Массовое принятие советского гражданства эмигрантами в Маньчжурии

Во время Второй мировой войны, а особенно после прихода Красной армии в Маньчжурию, количество заявлений в консульства СССР в Маньчжурии о восстановлении советского гражданства от русского населения Маньчжурии увеличилось. 10 ноября 1945 г. был издан указ Президиума Верховного Совета СССР о «восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство, проживающих на территории Маньчжурии»[1394]. Согласно этому указу, все лица, состоявшие к 7 ноября 1917 г. подданными бывшей Российской империи, а также лица, состоявшие в советском гражданстве и утратившие это гражданство, а равно их дети, проживающие на территории Маньчжурии, могли восстановить гражданство СССР. Они должны были в течение срока до 1 февраля 1946 г. обратиться в консульства СССР на территории Маньчжурии с соответствующим заявлением вместе с документами, удостоверяющими личность заявителя и его принадлежность в прошлом к подданству бывшей Российской империи или к советскому гражданству. Затем указом Верховного Совета СССР от 22 января 1946 г. срок приема заявлений о восстановлении в гражданстве СССР был продлен до 1 апреля 1946 г.[1395]. Консульства, рассмотрев ходатайства, выдавали заявителю советский вид на жительство.

На заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 29 декабря 1945 г. была утверждена инструкция Совнаркома СССР о порядке применения Указа Президиума Верховного Совета СССР «О восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство, проживающих на территории Маньчжурии», было решено создать специальные комиссии при консульствах СССР в Маньчжу-

---

[1393] РГАЭ. Ф. 8002. Оп. 1. Д. 886. Л. 88

[1394] Ведомости Верховного Совета СССР. 1945. № 78 (405). 12 ноября. С. 4.

[1395] Ведомости Верховного Совета СССР. 1946. № 2. 24 января. С. 4.

рии, а Главному политическому управлению РККА поручалось выделить политработников для работы в указанных комиссиях[1396].

Газета «Русское слово» в номере от 10 января 1946 г. сообщала, что за полтора месяца со времени опубликовании Указа Верховного совета с середины ноября по конец декабря 1945 г. в Генконсульство Харбина поступило около 7 тыс. заявлений о приеме в советское гражданство, в консульстве в Дальнем – 1000, Маньчжурии – 3 тыс. Подавали заявления также с польским, литовским, латышским, эстонским гражданством[1397]. По сообщению газеты, помещение Советского клуба (бывшего Коммерческого собрания) на Пристани и отделение торгового дома «И.Я. Чурин и К°» в Харбине были полны народом – русскими харбинцами, желающими получить советское гражданство. Здесь заполняли анкеты, готовые паспорта выдавали в Генконсульстве СССР в Харбине и его отделении на Технической ул.[1398].

В числе эмигрантов, подавших заявления в консульства СССР, были люди с самой разной судьбой. Заявления о восстановлении советского гражданства подали даже убежденные монархисты, антибольшевики, офицеры Белой армии[1399]. Многие подавали заявления, чтобы «загладить свою вину» перед советской властью. Среди подавших заявления было немало старожилов Маньчжурии, принявших советское гражданство в 1920-х гг., затем перешедших в эмигрантское состояние или принявших подданство Маньчжоу-Го, а теперь решивших восстановить гражданство СССР[1400]. Переводчик с японского языка И.Я. Незнайко[1401], несколько раз менявший гражданство, написал в автобиографии: «Как уже известно, ввиду того, что я являлся стипендиатом и воспитанником нашей Славной Армии, я всегда считал своим долгом в знак благодарности за полученное образование служить до конца своей жизни нашей дорогой Родине, а теперь тем более, нашей могучей Родине и ее народу, непоколебимо стоявшему на страже под высоким и мудрым водительством нашего великого и неутомимого Генералиссимуса тов. Сталина, наших боевых Маршалов, Генералов и славных бойцов, идущих за правое дело во имя справедливости, свободы и процветания народов» (стиль сохранен – *М.К.*)[1402].

Во время беседы генконсула в Харбине Г.И. Павлычева с вновь назначенным мэром Харбина Ян Цзояном 30 декабря 1945 г. китайский мэр поинтересовался, как посту-

---

[1396] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1054. ЛЛ. 56-58.
[1397] Русское слово (Харбин). 1946. 10 января. С. 3.
[1398] На пороге в отчий дом //Русское слово. 1946. 1 февраля. С. 3.
[1399] См. прил. 22, 24, 61, 89.
[1400] См. прил. 6, 10, 15, 20, 30, 34, 76.
[1401] См. прил. 62.
[1402] Цит. по: *Куланов А.Е.* Исидор Незнайко: «…состоял секретным связистом…» //Япония наших дней (Москва). 2012. №1 (11). С. 115.

пить с теми русскими, проживающими в Маньчжурии, которые не пожелают принять советское гражданство: «Останутся ли они на положении эмигрантов, или они могут быть приняты в китайское подданство?». Павлычев ответил: «В настоящее время консульства СССР в Маньчжурии как раз занимаются оформлением ходатайств русского населения о приеме в советское гражданство, которое ранее они не могли оформить, т.к. японцы всячески препятствовали вступлению русских в советское гражданство, и даже методами прямого террора заставляли советских граждан выходить из советского гражданства. Теперь для русского населения, проживающего в Маньчжурии, представилась возможность оформить свое советское гражданство и, судя по тому энтузиазму, с которым это делается, можно с уверенностью утверждать, что все русские, проживающие в Маньчжурии, примут советское гражданство»[1403].

При рассмотрении заявлений комиссия по восстановлению прав гражданства столкнулась с проблемой: можно ли давать советское гражданство бывшим участникам белых вооруженных формирований, перебежчикам, членам антисоветских эмигрантских организаций и т.п. В конечном итоге консульский аппарат принял решение о предоставлении советского гражданства всем обратившимся с тем, чтобы содействовать разложению белой эмиграции.

В справке, составленной атташе 1-го Дальневосточного отдела НКИД Бендрышевым на основе консульских отчетов за 1945–1946 гг., указывались цифры поданных заявлений в консульства СССР в Китае на 30 октября 1946 г.: всего было подано 155090 заявлений о приеме и восстановлении в гражданстве СССР. Из них: по Маньчжурии – 47564, по Северному Китаю и Шанхаю – 12529, по Синьцзяну – 94997 чел. Советская колония в Китае выросла более чем в 10 раз. Количество советских граждан в Китае на конец 1946 г. составляло (без Синьцзяна) – 75304 чел., количество учтенных детей – 31349 чел. На рассмотрении находились дела о приеме в советское гражданство на 77024 чел. Согласно консульским данным, в конце 1946 г. Харбинском консульском округе насчитывалось 29160 советских граждан и их детей 7951 чел.; в Маньчжурском округе – 13671 чел. советских граждан и 9732 ребенка [1404]. Итого в Маньчжурии к концу 1946 г. насчитывалось 60514 чел. советских граждан – 42831 взрослых и 17683 ребенка. Н.Н. Аблажей в своем исследовании указывала на то, что почти 70% всей русской диаспоры в Маньчжурии получили советское гражданство[1405]. Параллельно с получением советских паспортов шла

[1403] Русско-китайские отношения в XX веке. Т.4. Кн.2. С.326.
[1404] АВП РФ. Ф.100. Оп.34. П.132. Д.48. ЛЛ.58 - 59.
[1405] *Аблажей Н.Н.* Указ. соч. С.207.

регистрация в профсоюз служащих и рабочих. В начале февраля 1946 г. он насчитывал 4 тыс. трудящихся[1406] .

Судя по письмам и заявлениям в консульства СССР в Харбине и Маньчжурии, энтузиазм послевоенных месяцев был очень велик: эмигранты организовывали посылки для советских детских домов, подарки для бойцов Красной армии, специальный забой мяса для отправки в СССР. Консульства буквально были завалены предложениями о помощи СССР, рукописями, проектами, запросами о судьбах близких.

Эмигранты, «восстановленные в правах советского гражданства», получали не настоящие советские паспорта, а т.н. «совзагранвиды». Такие паспорта были действительны только для проживания за пределами СССР. В СССР они не признавались, не давали они и права на свободный въезд в Советский Союз. Паспорта требовали ежегодной пролонгации с уплатой довольно значительных сборов. Помимо советских паспортов необходимо было иметь и китайские паспорта, в то время как для командированных из СССР советских граждан китайские паспорта не были нужны.

Многие хотели сразу ехать на родину, но советские консульства в Маньчжурии, за редким исключением (например, переводчиков и востоковедов), никого не выпускали в СССР до 1954 г. Только харбинцам, проживавшим в Тяньцзине или Шанхае, удалось в массовом порядке в 1947 г. выехать в СССР[1407] (см. п.4.3.2.). Находились и «горячие головы», особенно среди молодежи, которые, не получив визы, переходили советско-китайскую границу на свой страх и риск. Так, молодой человек, Николай Дьяконов, сын советских граждан – старожилов, сразу после войны бежал с друзьями (среди них были и девушки) в СССР. Всем им дали сроки за нелегальный переход границы, Н. Дьяконов получил 3 года ИТЛ[1408]. В 1946 г. 9 человек советских граждан со ст. Пограничной ушли нелегально в СССР, среди местного русского населения преобладали «беженские» настроения[1409].

«Родина не знала, что с нами делать», отмечали многие мемуаристы. А.П. Корецкий, служивший переводчиком в «СМЕРШ», в откровенной беседе с советским майором

[1406] Русское слово. 1946. 15 февраля. С. 3.

[1407] Так, переводчик А.И. Галич, советский гражданин, после продажи КВЖД переехал в Тяньцзин, где с 1937 по 1943 гг. работал во французском муниципалитете переводчиком японских газет и журналов на французский язык. Он сообщал о себе: «В связи с изменившейся ситуацией после падения Франции в 1942 году я, как и некоторые французы, оставил муниципалитет и стал работать в советских учреждениях. Одновременно с этим выполнял работы для советского консульства… Попытки выехать в СССР не имели успеха. В консульстве нам, железнодорожникам, было заявлено: «Ситуация еще не ясная. Вам, может быть, еще придется вернуться в Харбин на дорогу. Однако в 1947 году мы получили разрешение вернуться в СССР, куда мы с женой выехали первым эшелоном». (Архив востоковедов ИВР РАН. Ф. 145. Оп .2. Д. 36. Л. 3).

[1408] См. об этом: *Г. Нэш*. Потерявшие родину. Семейная сага Тарасовых. СПб, 2011.

[1409] АВП РФ. Ф. 308. Оп. 31. П. 27. Д. 15. Л. 24.

выяснил, что «новые советские граждане» могут «сослужить службу, став маленькой жертвой в большом деле». Он имел в виду, что если «Чан Кайши возьмет верх в Маньчжурии и начнет этих “советских граждан” притеснять и вешать, то Советский Союз будет иметь предлог “защищать” их» и таким образом «иметь некую базу для будущих возможностей»[1410].

С принятием большинства русского населения в Маньчжурии советского гражданства (те, кто не пожелал восстановить гражданство, не преследовались, но попадали в исключительную и полную зависимость от местных китайских властей), формально эмигрантская колония перестала существовать. Все прежние эмигрантские институты исчезли, отделы БРЭМ были разогнаны. Новые советские граждане объединились в Общества граждан СССР (ОГС), которые были организованы во всех населенных пунктах Маньчжурии, где было русское население. Общества советских граждан создавались взамен эмигрантских организаций для организации политической и просветительской работы, содействия консульствам в регистрации советских граждан, оказания членам советских колоний консульских и юридических услуг, помощи в трудоустройстве безработных и т.д. Общества существовали на членские взносы и доходы от подсобных хозяйственных предприятий.

В Правления обществ граждан СССР избирались авторитетные, известные эмигранты – так, в правление ОГС в Харбине вошли присяжные поверенные Д.В. Ердяков, А.А. Ефимов, К.С. Павликовский и др. А.А. Ефимов, бывший «каппелевец», чей младший сын в августе 1945 г. был арестован «СМЕРШ» и увезен в СССР, стал одним из ведущих работников ОГС, поддерживал связь с Генеральным консульством СССР в Харбине, организовывал коммерческую деятельность ОГС для добывания средств[1411]. Кроме выборных членов, в Правления ОГС назначались специальные лица сначала советской военной администрацией, потом консульствами. По сути, Правления ОГС, хоть и были выборными органами, но не имели самостоятельности в принятии решений и являлись административными органами, исполнявшими предписания советских консульств.

Иногда Общества советских граждан брали на себя решения некоторых специфических проблем, связанных с расхождениями в законодательствах Китая и СССР. Например, вопрос о разводе. Дело в том, что по ранее действовавшему кодексу законов о браке, семье и опеке 1926 г. развод осуществлялся простым заявлением в письменной или устной форме в ЗАГС, причем никаких поводов к разводу представлять не требовалось. Заграни-

---

[1410] *Корецкий А.П.* Эпопея русского эмигранта (без героики) //Россияне в Азии (Торонто). 1995. №3. С.158.
[1411] РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 5. Д. 18. Л. 82.

цей этим ведали консульства СССР – именно там регистрировались и расторгались браки советских граждан. Но с изданием Указа Президиума Верховного совета СССР от 8 июля 1944 г. порядок расторжения браков был заменен довольно сложным порядком, с требованием предоставления и установления поводов к разводу, требующих судебного процесса[1412]. Возник вопрос: каким учреждением и в каком порядке можно было осуществить расторжение брака советских граждан, проживавших в Маньчжурии, где право суда принадлежало Китаю. По китайским законам, основанием к разводу могло быть согласие обеих сторон или развод совершался по вине того или иного супруга, что противоречило новому советскому законодательству, требовавшим проведение подготовительно-примирительного разбирательства. Общество советских граждан в Харбине просило генконсульство (доклад 18 июля 1946 года) путем соглашения с Китайским правительством получить разрешение на то, чтобы подготовительно-примирительное разбирательство было предоставлено Обществам граждан СССР [1413].

Для работы с эмигрантами в Маньчжурии 10 ноября 1945 г. было основано издательство «Русское слово», которое начало выпускать специальную ежедневную газету для русского населения Маньчжурии «Русское слово» - «орган прогрессивной русской общественности». Первый номер газеты «Русское слово» вышел 14 ноября 1945 г. Газета печаталась в частной типографии «Заря», штат рабочих и служащих был набран из издательства газеты «На защиту Родины». Первым редактором газеты стал А.В. Савицкий (псевдоним А. Лишин), известный журналист и писатель[1414]. О. Бакич утверждала, что курировал газету майор НКВД Золотаревский[1415]. В основном она была заполнена телеграммами ТАСС, материалами, перепечатанными из советских газет, статьями, присылаемыми Совинформбюро. Около 1/6 части газеты занимали объявления. Первоначальный тираж газеты был 4500 экземпляров, из них 500 бесплатных экземпляров для Красной армии. К марту 1946 г. тираж увеличился до 10 249 экземпляров[1416]. После эвакуации советских войск из Маньчжурии тираж сократился вдвое. С января 1946 г. выходили также журналы «Родная речь», редактором которой был известный журналист Г.Г. Сатовский, и «Звез-

[1412]Указом Президиума Верховного совета СССР от 8 июля 1944 г. в числе прочих изменений семейного законодательства была введена двухступенчатая процедура развода: районные (городские) народные суды лишь выясняли причины и мотивы развода, пытались примирить супругов (первая стадия), а окончательное решение мог вынести только вышестоящий суд (вторая стадия); допускались отказы в расторжении брака. (Ведомости Верховного Совета СССР. 1944. № 37).
[1413] АВП РФ. Ф. 308. Оп. 30. П. 26. Д. 25. Л. 1-6.
[1414] См. прил. 76.
[1415] *Хисамутдинов А.А.* Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке. Биобиблиографический словарь. С. 185.
[1416] АВП РФ. Ф. 308. Оп. 31. П. 27.Д. 22. Л. 11.

дочка». Для советских военных выпускалась 2 раза в неделю красноармейская газета «Боец-большевик».

В.А. Морозов, вспоминая первые послевоенные месяцы, отмечал, что распоряжения советских властей об эмиграции были «гуманны»: «Все, за редким исключением, получили советские заграничные паспорта. Кроме арестов и “вывезенных”, остальные остались при своей деятельности. Жизнь, в сущности, почти не изменилась, а через сравнительно короткое время, совсем встала на почти прежние рельсы. Отличия были чисто внешними, формальными, а существо сохранилось прежним. Или почти прежним»[1417].

Судя по выпускам газеты «Русское слово» 1945 – 1946 гг., новые советские граждане продолжали жить прежней жизнью. Январские номера газеты в 1946 г. полны материалов о Крещении, крестных ходах и Иордани на р. Сунгари, рождественских детских елках. Единственным отличием от «прежней» жизни было то, что детские елки начинались с гимна СССР. В отчете о торжественном водосвятии на крещенской Иордани отмечалось: «пришло посмотреть много военных – бойцов и офицеров Красной армии». Бывшее Железнодорожное собрание в Харбине стало Домом Красной армии, Коммерческое собрание – Советским клубом в распоряжении Общества граждан СССР. В Советском клубе устраивались балы-спектакли и благотворительные вечера со сбором средств в пользу сирот и вдов бойцов и офицеров Красной армии. Председателем комитета по сбору средств и вещей в фонд вдов и сирот Красной армии был известный харбинский предприниматель Д.М. Воронцов. Работали рестораны, танцевальные залы, артисты Харбинской оперетты давали спектакли. По воспоминаниям С. Троицкой в 1945 г. местными силами для развлечения чинов Красной армии были поставлены оперы Чайковского «Пиковая дама» и «Евгений Онегин»[1418]. Бывший ХОТКС – Харбинское общество теннисного и конькобежного спорта – стал спортивной секцией ОГС. При Обществе граждан СССР была организованы Союзы советской молодежи по образу комсомола, вместо пионеров при школах были созданы организации «юных активистов».

В Харбине в 1945-1946 гг. были открыты 4 десятилетние советские школы, несколько школ было открыто на линии. По данным Генконсульства СССР в Харбине, детей школьного возраста в Харбине и по линии КЧЖД в 1946 г. насчитывалось 4 тысячи чел., из них в Харбине – 2 563 чел. В школах занималось около 80% детей школьного возраста [1419]. Программы обучения основывались на программах советских школ, китайский язык

[1417] РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 5. Д. 18. Л. 33 – 33 об.
[1418] *Троицкая С.* Русский Харбин. Воспоминания. Брисбен, 1995. С. 30.
[1419] АВП РФ. Ф. 100. Оп. 34. П. 132. Д. 48. Л. 69.

был обязательным для обучения. Преподавателями были педагоги из прежних русских гимназий, которым необходимо было пройти специальный курс подготовки.

Появились советские газеты и журналы, открылись советские клубы, в календарь вошли советские праздники – 8 марта, 1 мая, 7 ноября. 21 января 1946 г. в доме Красной армии состоялось траурное заседание по случаю дня смерти Ленина, в школах отменили занятия. 4-го августа 1946 г. впервые в Маньчжурии отмечался Всесоюзный день железнодорожника. Митрополит Нестор совершил в этот день молебен на харбинском вокзале перед иконой Св. Николая Чудотворца. Окропив святой водой здание вокзала, митрополит призвал верующих помолиться о ниспослании железнодорожникам сил, здравия, и «чтобы Господь укрепил их на дальнейшее достижения при предстоящей большой созидательной работе мирного времени»[1420]. Нестора и других священнослужителей Маньчжурии часто приглашали на различные светские официальные мероприятия, проводимые Генконсульством СССР в Харбине.

В Маньчжурии появились советские коллективы с гастролями: театр Приморского военного округа под руководством А.С. Ларского, джаз-оркестр Дмитрия Покрасс. Маршал Советского Союза К.А. Мерецков в своих воспоминаниях писал о выступлениях в Харбине красноармейской самодеятельности: «От желающих попасть на представления буквально отбоя не было. Мы наблюдали, как многие зрители рыдали, слушая старинные русские песни, и бурно аплодировали лихому солдатскому переплясу»[1421]. В Советском клубе регулярно проводились лекции и доклады о жизни в СССР.

Помимо мощного патриотического подъема, связанного с победой в войне, огромную роль в массовой советизации эмиграции сыграли советские песни и кинофильмы. Советские песни звучали везде – особенно любимыми были «Катюша», «Синий платочек», «Осенний вальс», «Темная ночь», «На позицию девушка провожала бойца», «Землянка», «Любимый город». Дети в школах учили слова гимна Советского Союза. Советские офицеры, в свою очередь, с большим удовольствием слушали пластинки Петра Лещенко, Александра Вертинского и джаз. Советские фильмы – «Свинарка и пастух», «В шесть часов вечера после войны», «Небесный тихоход», «Парень из нашего города», «Это было в Донбассе», «Без вины виноватые», «Жди меня» и др. шли во всех кинотеатрах Харбина («Ориенте» и «Азии») и на станциях КВЖД. В 1946 г. в харбинском кинотеатре «Москва» открылась контора «Совэкспортфильма».

[1420] Караулов А.К. Коростелев В.В. Экзарх Восточной Азии. (http://www.hrono.ru/libris/lib_k/karaul_exarh.html). Дата обращения 12 августа 2012 г.
[1421] *Мерецков К.А*. На службе народу. М., 1971. С. 117.

Общую атмосферу эйфории от победы портила экономическая ситуация в Маньчжурии. В связи с военными действиями и неразберихой с деньгами продукты резко вздорожали. Хлеб, стоивший 2, 50 гоби за фунт, вздорожал до 4 гоби в феврале 1946 г., его распределяли по карточкам. Дело в том, что во время японской оккупации в Маньчжурии существовали легально 3 валюты: «гоби» Маньчжоу-Го, японская иена и корейская иена. После оккупации Маньчжурии войсками Красной армии в Маньчжурии появились в обращении рубли. Китайское правительство решило заменить гоби на китайские национальные доллары – юани. Но т.к. гоби – валюта Маньчжоу-Го – были обеспечены золотом, то было решено допустить временное хождение гоби в Маньчжурии. (Зарплату эмигрантам, например, осенью 1945 г. выдавали в гоби, затем перевели в рубли по курсу 1 руб. = 4 гоби). Таким образом, в 1945 -1946 гг. в маньчжурской зоне были в обращении как гоби, так и юани и рубли, но твердого курса обмена не было.

В конце 1945 – 1947 гг. цены повышались практически каждый день. Рост цен можно проследить по подписной плате на газету «Русское слово»: в декабре 1945 г. она составляла 12 юаней в месяц, с 1 апреля 1946 г. – 20 юаней в мес., с 1 августа 1946 г. – 30 юаней, с октября 1946 г. – 50 юаней, с 1 января 1947 г. – 100 юаней, с 1 марта 1947 г. – 200 юаней, с 1 августа 1947 г. – 400 юаней[1422]. Таким образом, за неполных 2 года цены возросли в 40 раз. Высокие темпы инфляции была связаны с гражданской войной в Китае и практически изоляцией Маньчжурии с 1947 г. от остального Китая (см. п.4.2.1.).

Многие жители потеряли свои сбережения. Один из мемуаристов Тедди Кауфман назвал главу своих воспоминаний «Частная экономика в коммунистическом мире». После прихода Красной армии семья Т. Кауфмана не смогла обменять 50 тысяч иен (около 25 тыс. ам. долларов), которые обесценились, так что они смогли купить на эти деньги (целое состояние) только 2 пары ботинок. «Это были самые дорогие ботинки, которые я когда-либо покупал», - признавался мемуарист[1423]. Вообще экономическая ситуация менялась «от плохой к худшей». Когда советские войска покинули Харбин, зарплата Кауфмана равнялась 5 млн. юаней, что соответствовало 5 американским долларам[1424].

С приходом Красной армии в Маньчжурию все прежние эмигрантские институты были демонтированы. Большинство эмигрантов в 1945 – 1946 гг. получили советское гражданство и были организованы в Общества граждан СССР. Формально эмигрантская колония перестала существовать, но в Маньчжурии оставались эмигранты, которым или

[1422] АВП РФ. Ф. 308. Оп. 31. П. 27.Д. 22. Л. 11
[1423] *Kaufman T.* The Jews of Harbin Live on in My Heart. Tel-Aviv, 2006. P.136.
[1424] Ibid. P.139.

было отказано в восстановлении советского гражданства, или они пожелали остаться китайскими гражданами либо бесподданными. К тому же даже принявшие советское гражданство часто понимали всю условность этого статуса. Въезд в СССР был запрещен, как и выезд в другие страны. Эмигранты с советским гражданством оставались в роли своеобразных политических заложников, т.к. международная и внутриполитическая ситуация в Китае были неопределенны.

4.1.3. Репрессии по отношению к эмигрантам

Вместе с военными подразделениями Красной армии в Маньчжурию вошли подразделения контрразведки «СМЕРШ», которая начала массовые аресты активных участников Белого движения, а также лиц, сотрудничавших с японцами, в Харбине и других городах и поселках Маньчжурии. Очевидцы утверждали, что в г. Маньчжурия и на ст. Пограничная эшелоны с арестованными русскими стали проходить раньше, чем с японскими военнопленными [1425]. Начальник политуправления Забайкальского фронта Зыкин 23 августа 1945 г., докладывая о положении в Мукдене, сообщил об аресте отделом контрразведки «СМЕРШ» 6-й гвардейской танковой армии руководителя отдела БРЭМ полковника Корнилова, секретаря подполковника А.Г. Левицкого, работника МИД П.А. Казакова, журналиста А.И. Коробова[1426].

В этот же период были арестованы и вывезены в Москву эмигрантские лидеры – Г.С. Семенов, И.А. Михайлов, А.П. Бакшеев, Б.Н. Шепунов, Л.Ф. Власьевский, К.В. Родзаевский, Н.А. Ухтомский, Л.П. Охотин[1427]. В августе 1946 г. на судебном процессе в Москве они признали себя виновными в диверсиях, терроризме, вооруженной борьбе против СССР. Шестеро из них были приговорены к смертной казни, Н.А. Ухтомский к 20 годам, Л.П. Охотин – к 15 годам ИТЛ. Этот процесс широко освещался в центральной и местной прессе. Харбинская газета «Русское слово» в начале сентября 1946 г. перепечатала в нескольких номерах подробный отчет о процессе из газеты «Правда», и это вызвало

[1425] *Кайгородов А.М.* Указ. Соч. С. 101.

[1426] Русский архив. Т. 18 (7 – 2). С. 88. В.А. Морозов сообщал другие сведения о гибели А.И. Коробова: «Пытался в августе 1945 уехать на юг, но на ст. Чанчунь их поезд был захвачен советскими парашютистами. Александра Ивановича вытащили из вагона и здесь же, на перроне, застрелили» (РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 5. Д. 12. Л. 36об).

[1427] Н.А. Мартынов в своих воспоминаниях подробно осветил процесс «обработки» генерала Л.Ф. Власьевского и К.В. Родзаевского со стороны советских консульских работников в Тяньцзине и Пекине и вывоз их в СССР, высоко оценив профессионализм советских агентов.

неоднозначную реакцию у харбинцев, т.к. многие ответы подсудимых показались не совсем адекватными[1428].

Органами контрразведки «СМЕРШ» с августа по ноябрь 1945 г. было арестовано и вывезено в СССР большинство бывших военных офицеров, сотрудничавших с японскими организациями. М.А. Матковский, Я.Я. Смирнов, работавшие на советскую разведку, также были арестованы. Арестованные (для всех арестованных и вывезенных в СССР эмигрантов использовался термин «интернированные») содержались сначала в тюрьме г. Ворошилова. После следствия практически все были приговорены к различным срокам наказания в ИТЛ. Матковский был приговорен к 25 годам, Смирнов – к 23 годам ИТЛ[1429].

Среди известных своей политической и общественной работой эмигрантов были арестованы известные поэты А. Несмелов (Митропольский) и А.А. Ачаир (Грызов)[1430], писатель Б. Юльский, юрист А.М. Косакин, профессор Н.И. Никифоров, скрипач А. Дзыгар, премьер харбинской оперетты В. Лавров (Турчанинов), издатели Е.С. Кауфман, И.Т. Щелоков, А.П. Вележев, журналист С.А. Поперек, глава еврейской общины А.И. Кауфман, фотограф В.П. Абламский и др. А. Дзыгар, известный скрипач, концертмейстер харбинского симфонического оркестра вспоминал потом: «В августе 1945 г. после прихода советских войск я был приглашен в составе симфонического оркестра выступить перед комсоставом Красной армии. Это было 28 августа, и это было мое последнее выступление. Сразу после концерта ко мне подошел какой-то полковник и предложил куда-то выйти. Я сказал, что на мне рубашка мокрая, надо переодеться. А он мне: “Какая рубашка! Это займет не больше 15 минут”. Я вышел на 15 минут и исчез на 18 лет. 31 августа я в числе прочих был вывезен в Гродеково и дальше начинается моя страшная лагерная жизнь…»[1431].

Арестовывали не только «бесподданных» эмигрантов, но и имевших гражданство других государств, и даже имевших консульскую неприкосновенность. Так, в сентябре 1945 г. был арестован Б.Ю. Бринер, известный в Маньчжурии предприниматель, выехавший в Харбин из СССР в 1931 г., подданный Швейцарии, и.о. консула Швейцарии в Харбине. По информации начальника Генерального штаба Красной армии А.И. Антонова от 14 сентября 1945 г., Генконсул СССР в Харбине Павлычев предложил «изъять» Бринера, т.к. он «развил в Маньчжурии активную деятельность», и Наркоминдел считал «целесо-

---

[1428] Воспоминания З.А. Мелик-Оганджановой (Collections of Z.A. Melik-Ogandzhanova. BAR).
[1429] См. прил. 56.
[1430] А. Несмелов умер в пересыльной тюрьме на ст. Гродеково, А. Ачаир после 10 лет ИТЛ жил в Новосибирске, преподавал пение в средней школе.
[1431] *Писаревская Я.Л.* Развязка в Азии // Между Россией и Сталиным: Российская эмиграция и Вторая мировая война. М.: РГГУ, 2004. С. 342.

образным» интернировать Бринера органами контрразведки «СМЕРШ»[1432]. 3 месяца Б.Ю. Бринера держали под домашним арестом, допрашивая, а в конце 1945 г. вывезли в СССР. Назревал международный скандал, и в марте 1946 г. Бринер был обменен на 6 советских граждан, находившихся в швейцарских тюрьмах.

8 сентября 1945 г. были арестованы контрразведкой «СМЕРШ» 1-го Дальневосточного фронта известные предприниматели братья Скидельские, причем С.Л. Скидельский занимал пост почетного консула Португалии в Харбине. Их дом после ареста был разграблен советскими солдатами. Соломон и Семен Скидельские были интернированы, содержались в спецлагерях в Ворошилове (Уссурийске) и Гродеково, на них были заведены следственные дела, с которыми познакомился и проанализировал в своем исследовании В.Н. Черепица. Из протоколов допросов можно предположить, что советские органы интересовала не антисоветская деятельность арестованных, а предприятие, принадлежавшее Скидельским – Мулинское угольное товарищество. Во время нахождения Скидельских в лагере в Гродеково, их разговоры в камере передавались информаторами следователю. 14 января 1946 г. Соломон Скидельский высказался, согласно информатору: «Русские эмигранты очень хорошо встретили Красную армию, а Советская власть этого не учла и всех без разбора посадила в лагерь, где морят людей голодом и холодом, обращаются с нами здесь хуже, чем с собаками»[1433]. Также он сожалел, что Маньчжурия, «с изъятием из нее многих талантливых эмигрантов, полностью обескровлена; все русские корни выкорчеваны, и советское правительство, не имея здесь знающих людей, лишится той пользы, которую оно могло бы здесь извлечь»[1434]. Основной смысл разговоров Скидельского был в том, что эмигранты, лояльно настроенные к советской власти, хорошо знавшие Маньчжурию, могли бы принести много пользы СССР, сохраняя русское влияние в Маньчжурии. Несмотря на сотрудничество со следственными органами и готовность отдать свои предприятия и знания на службу советскому государству, Соломон Скидельский (его брат Семен умер в заключении в 1948 г.) в 1950 г. был осужден и получил 25 лет ИТЛ. В 1952 г. он скончался в лагере под Сталинградом.

Первые контакты местного населения и армии осложнялись страхом и недоверием с одной стороны, и подозрением с другой. Всех эмигрантов старшего поколения с печатью «проклятого прошлого» волновал вопрос: «Что с нами будет»? Советскую сторону, в свою очередь, интересовало: «Как вы сюда попали?». Советский журналист Д. Нагишкин пи-

---

[1432] Русский архив. Т. 18 (7-2). С. 156.
[1433] *Черепица В.Н.* Указ. соч. С. 94.
[1434] Там же. С. 113.

сал в своих очерках о Маньчжурии 1945 г., выражая официальную точку зрения: «При взгляде на них [эмигрантов] простая, ясная мысль приходит в голову: наше советское законодательство, гуманнейшее в мире, чутко отличает искренность от приспособления, оно смягчает наказание или прощает раскаявшихся, оно не преследует за грехи их отцов. Но оно карает тех, кто заведомо изменил родине. И рука правосудия сыщет всех, кто пытался повредить нашей родине, ослабить ее – столь желанную для многих и бесконечно любимую советскими людьми»[1435].

Новая волна арестов последовала в сентябре 1945 г. после приказа командующего войсками Забайкальского фронта маршала Р.Я. Малиновского от 18 сентября 1945 г. «О повышении бдительности в отношении белоэмигрантов». Приказ был обращен к командующим армиям фронта и комендантам городов и был направлен против «чрезмерной доверчивости» советских военнослужащих. В нем говорилось: «В ряде частей и соединений белоэмигранты пристроились на работах в качестве шоферов, переводчиков, поваров, технических работников, а в отдельных частях допущены даже к секретной работе. <…>Подобные факты говорят о том, что не только бойцы, но и некоторые офицеры потеряли нужную бдительность и, очевидно, не понимают, что среди русского местного населения в Маньчжурии имеется большое число людей, завербованных в качестве японских шпионов, которые стремятся войти в доверие и пробраться на службу в наши части и штабы»[1436].

Исходя из этого, было приказано «немедленно провести проверку» всех лиц, принятых на работу из местных жителей, и людей, вызывающих хотя бы малейшее сомнение, немедленно уволить. Принимать на работу эмигрантов следовало только после проверки органов «СМЕРШ». При общении с местным русским населением всему личному составу необходимо было проявлять «высокую политическую бдительность всегда и везде», учитывая, что среди них много «шпионов и диверсантов, оставленных японской разведкой»[1437]. После этого приказа были арестованы многие эмигранты, сотрудничавшие с японской администрацией.

Большинство арестованных, даже по советским меркам, были совершенно невиновными людьми. Братья Валерий и Юрий Янковские были осуждены по ст. 58 как японские шпионы. Они были приняты переводчиками в Особый отдел 25-й армии Первого Дальневосточного фронта, но в январе 1946 г. их арестовали. Причем советский офи-

---

[1435] *Нагишкин Д.* Сунгарийские записки //Дальний Восток. 1946. №1-2. С.150.
[1436] Русский архив. Т. 18 (7-2). С. 155.
[1437] Там же.

цер-контрразведчик предупредил их об аресте и советовал бежать через 38 параллель в американскую зону (в Корее), но они восприняли это как провокацию. Арест, интернирование в СССР, а затем заключение в ИТЛ поломали их судьбу[1438]. О. Бакич в своем исследовании указала на то, что многие из эмигрантов были арестованы без всякой причины, по ложным доносам или просто за то, что были харбинцами[1439]. Действительно, судя по следственным делам на интернированных харбинцев, которые проанализировал в своей книге С.В. Смирнов, большинство арестованных эмигранов были людьми, далекими от политики, или работавшими в японских организациях «ради хлеба»[1440].

Часто объяснимых причин для ареста не существовало – приходили на дом или на работу и забирали, останавливали на улице и увозили. Те, кого «брали» дома, стали оставлять записку: «Ушел по делам. Не знаю, когда вернусь домой». Некоторых явных антисоветчиков выпускали, а других, ни в чем не повинных, задерживали. В.А. Морозов видел причину «нанесенного неповинным людям зла» в «первородном грехе революционного миропонимания» – «кто не с нами, тот против нас»[1441].

Больше всего пострадала эмигрантская молодежь, но были также «увезены» люди среднего (40–60 лет) и даже преклонного возраста (около 70 лет и старше). Забирали по спискам БРЭМ, советского консульства или по указанию «наводчиков» – местных жителей, сводивших свои личные счеты. Некоторые даже гордились своей ролью советских осведомителей и стукачей – как говорили, «лезли в патриоты», писали доносы на других. (НКВД-шников в Харбине называли «рыболовами»). В Харбине царила атмосфера страха, недоверия друг к другу, неуверенности в завтрашнем дне. Никто не чувствовал себя в безопасности, старались держать язык за зубами. Говорили, что теперь стало хуже, чем при японцах. Арестовали не только тех, кто был связан с Японской военной миссией, полицией, жандармерией, отрядом «Асано»[1442], но и взяли всех учительниц, преподававших русский язык японцам, бывших замужем за японцами или даже служивших у японцев машинистками, уборщицами и т.п.[1443]. Многих «брали» просто так. Упрекали: «Мы там воевали, голодали, а вы тут брюхо отращивали!»[1444]. Некоторые мемуаристы замечали,

---

[1438] См. об этом: *Янковский В.Ю.* Указ. соч.
[1439] См. об этом: *Аурилене Е.Е.* Указ. соч. С. 92.
[1440] См. об этом: *Смирнов С.В.* Указ. соч. С. 116 – 125.
[1441] РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 5. Д. 18. Л. 42.
[1442] Отряд «Асано» был создан по инициативе японского Генштаба в 1938 г. для подготовки из русской эмигрантской молодежи разведчиков, диверсантов, связистов, пропагандистов, а также для партизанской деятельности на территории СССР. См. об этом: Буяков А.М. Русская эмиграция в Маньчжурии //Россияне в Азии. 1998. №5. С.195-200.
[1443] См. об этом: *Рачинская Е.* Указ. Соч. С. 253; *Шапиро М.Л.* Указ соч. С. 240.
[1444] *Кайгородов А.М.* Указ. Соч. С.100.

что арестовывали не «так по признаку антисоветской деятельности, как, главным образом, по признаку физической работоспособности».[1445] Так, арестованный в сентябре 1945 г. И.Н. Пасынков, какое-то время находился в Гродеково, в декабре 1945 г. они были вывезены на Урал, где их бросили (не было ни суда, ни приговора) на тяжелые работы[1446].

Следствия по делам арестованных (увезенных) эмигрантов начались только с конца 1946 г.[1447]. До этого, зачастую больше года, люди, не являвшиеся заключенными, не имевшие советского гражданства, использовались на принудительных работах, что противоречило нормам международного права. С точки зрения советской власти эмигранты являлись военными преступниками и политическими оппонентами, подлежащими судебному преследованию. В следственном делопроизводстве широко использовались материалы Японской военной миссии и Бюро по делам российских эмигрантов, вывезенные в СССР[1448]. Основными отягчающими обстоятельствами являлась служба в русских воинских отрядах, в структурах БРЭМ и ЯВМ, однозначно трактовавшаяся как «служба японской разведке», а также за «участие в белоказачьем и монархическом движении». Приговоры выносились Особым совещанием при министерстве внутренних дел на основании ст. 58 УК РСФСР (антисоветская деятельность) (58-1 – измена, 58-4 – враждебная деятельность, 58-6 – шпионаж, 58-11 – участие в контрреволюционных организациях), сроки заключения – не менее 10 лет. Нередки были случаи осуждения на 15, 20, 25 лет ИТЛ по тем же статьям.

В первой половине 1946 г. эмигрантов, материалы на которых были приняты к следственному производству, вместе с уже осужденными распределили по лагерям Урала, Сибири и Дальнего Востока. Достаточно большую группу (несколько сотен) эмигрантов этапировали в лагеря Востурлага МВД СССР, располагавшиеся в г. Тавда и на ст. Азанка (Свердловская область), а также в Краслаг и Озерлаг. С августа 1946 г. согласно директиве Главного управления контрразведки Министерства госбезопасности СССР дела в отношении реэмигрантов рассматривались преимущественно Особым совещанием, хотя прежняя судебная практика также продолжала действовать. Это ускорило вынесение приговоров уже содержащимся в ГУЛАГе эмигрантам, большинство из которых осудили в течение последующих двух-трех лет[1449].

[1445] *Грачев А.С.* Указ. соч. С.10.
[1446] См. об этом: Харбинцы в Москве. Вып. 2. С. 18.
[1447] До осени 1946 г. дела в отношении реэмигрантов рассматривались преимущественно окружными военными трибуналами
[1448] О вывозе архивных документов в Хабаровск см.: *Бендик Н.Н.* Харбинская россика в ГАХК: история, содержание и использование //Зарубежная Россия. 1917-1939. Кн. 2. СПб: Лики России, 2003. С. 89-94.
[1449] *Аблажей Н.Н.* Указ. соч. С.186

Так, известный в Харбине фотограф и изобретатель В.П. Абламский, участник Монархического объединения, был увезен из Харбина в августе 1945 г., а приговор ему – 20 лет ИТЛ – был вынесен в 1947 г.[1450]. Г.Е. Шандарь, 1908 г.р., был увезен в СССР из Маньчжурии осенью 1945 г., содержался как интернированный в лагере для военнопленных № 40 в Алма-Ате. Официально, по документам, он был арестован 10 марта 1948 г., обвинен по ст. 58-4 УК РСФСР. Приговорен ОСО при МВД СССР 21 мая 1948 г. к 10 годам лишения свободы.

Эмигранты не могли понять логику тех или иных арестов. В.А. Морозов, например, активный антибольшевик, монархист, работавший в БРЭМ[1451], избежал ареста, хотя в Бариме в августе – сентябре 1945 г. было арестовано 53 человека. Более того, он был принят на работу на КЧЖД, получил советское гражданство, стал председателем Общества граждан СССР в Бариме. Сам он выдвигал несколько версий такого поворота судьбы. Дело в том, что Барим был в округе консульства СССР в г. Маньчжурия, которое не имело никаких сведений на Морозова. Морозов отмечал еще одно обстоятельство, которое, как он считал, повлияло на его судьбу. Еще до советско-японской войны 28 июля (в день Св. Владимира) 1945 г. в Бариме, как и везде в Маньчжурии, эмигранты праздновали день русской культуры. Морозов выступил на общем собрании, где выразил свою позицию: «Мы создали великую православную культуру, дали миру корифеев науки и искусства, и нам незачем что-либо перенимать. Мы вправе гордиться своей культурой, идти своим русским путем, о чем и должны помнить всегда, особенно в день русской культуры». Выступление было явно противоположным «верноподданической» позиции БРЭМа. Уже после прихода Красной армии в Маньчжурию в ему передали слова одного советского генерала: «Мы Морозова знаем, он по духу русский, и мы его не тронем»[1452]. Также счастливо избежали арестов полковник И.С. Ильин, генерал В.Н. Касаткин[1453]. В докладной записке 2-го секретаря посольства СССР в Китае С.Л. Тихвинского от 20 декабря 1946 г. о советских колониях в южной Маньчжурии, сообщалось, что в Гирине «нашей контрразведкой был арестован ряд лидеров татарской эмиграции, но многие из активных деятелей почему-то остались на свободе»[1454]. Как бы то ни было, во многом аресты эмигрантов были случайными, и в редких случаях органы «СМЕРШ» в этом признавались.

[1450] В.П. Абламский отбывал срок в Озерлаге, и там продолжал делать фотоснимки. Освободился в 1956 г. Перед смертью в 1994 г. передал коллекцию фотографий и документов из Озерлага А.И. Солженицыну.
[1451] См. прил. 61.
[1452] РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 5. Д. 18. Л. 13.
[1453] См. прил. 35, 39.
[1454] Русско-китайские отношения в XX веке. Т. V. Кн. 1. С. 230.

Родственники арестованных следственными органами Красной армии в Маньчжурии и вывезенных в СССР эмигрантов написали 18 июня 1946 г. коллективное письмо на имя Председателя Совета министров СССР, Генералиссимуса Советского Союза И.В. Сталина, под которым стояло 769 подписей. Письмо было передано через Генерального консула СССР в Харбине. В письме говорилось: «Дорогой Иосиф Виссарионович, во время пребывания Красной Армии в Харбине и других пунктах Маньчжурии советскими властями в порядке расследования были задержаны, а потом вывезены в СССР многие местные русские жители. <…> Мы страдаем за судьбу наших близких задержанных. Мы измучены душевной тревогой из-за отсутствия каких-либо сведений о них. БУДЬТЕ К НАМ МИЛОСТИВЫ». Родственники просили дать какие-либо сведения о близких. «В настоящее время, благодаря милости Правительственного указа о возможности нам получить гражданство СССР, мы все дали подписку о верности нашей ВЕЛИКОЙ И ДОРОГОЙ РОДИНЕ, СОЮЗУ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК (так в тексте – *М.К.*) и мы клянемся, что эту подписку мы выполним радостно и честно, а также мы клянемся, что наши близкие задержанные существо этой подписки будут выполнять искренне и неуклонно»[1455]. В числе подписавшихся Л.В. Абламская, З.В. Мельгунова, М.В. Золотарева, Е.Ф. Коломиец, Л. Гросман, Е. Враштиль, Г. Починок, З.И. Кауфман, В. Лалетина, Н.Н. Гинтовт, Гайдуки, П. Маркизов, Л. Александрова, И. Лисуненко, Н. Таут, Гартунг, Воротилина, Ф. Елькин, Шандарь и др. Ответ на письмо не последовало, и долгое время родственники не знали ничего о судьбе близких людей. Все они были осуждены по ст. 58 на сроки от 10 до 25 лет ИТЛ. Многие погибли в лагерях[1456]. В подавляющем большинстве случаев, как показало массовое освобождение заключенных в 1955 – 1956 гг., факты, предъявленные в обвинениях, отсутствовали или были сильно преувеличены и неправильно квалифицированы[1457]. Родственники «увезенных» (так называли всех арестованных) в 1954 г. возвращались в СССР в надежде найти близких. Некоторым это удалось.

Об истинном масштабе репрессий трудно судить из-за недостатка документов. По официальным данным, на 25 сентября 1945 г. на территории Маньчжурии контрразведкой «СМЕРШ» было задержано 5,5 тыс. чел. – «агентов японской разведки», в том числе 1 619 чел. из числа «руководящих и активных участников белогвардейских и других вражеских организаций»[1458]. В докладной записке от 27 февраля 1946 г. начальника ГУКР

[1455] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 869. Л. 49-83.
[1456] См. об этом: *Смирнов С.В.* Репатрианты из Китая на Урале //Этнокультурная история Урала XVI-XX вв.: материалы научной конференции. Екатеринбург, 1999. С.88.
[1457] См. об этом: *Шапиро М.Л.* Указ. Соч. С.238.
[1458] СМЕРШ: исторические очерки и архивные документы. М., 2003. С.248.

«СМЕРШ» генерала-полковника В. С. Абакумова в НКО СССР говорилось, что органами «СМЕРШ» Забайкальско-Амурского, Приморского и Дальневосточного военных округов на территории Маньчжурии и Кореи, занятой советскими войсками, на 25 февраля 1946 г. было арестовано: сотрудников и агентов японских разведывательных и контрразведывательных органов – 5 921 чел.; руководящих и активных участников белогвардейских и других вражеских организаций, а также изменников Родине – 2 824 чел.[1459] . В реальности число арестованных и увезенных в СССР эмигрантов было гораздо выше. Различными исследователями и мемуаристами назывались разные цифры – от 9 до 17 тыс. чел. Так, Е.Е. Аурилене говорит о 9–15 тыс. чел.[1460]. З.А. Мелик-Оганджанова – об 11 тыс. чел.[1461] А.А. Хисамутдинов указывает цифру около 12 тыс. чел.[1462]. Е. Рачинская – 17340 чел., из них 300 женщин[1463]. Бывшие харбинцы предпринимали несколько попыток составить списки насильно увезенных из Маньчжурии в СССР[1464]. Таким образом, вопрос о численности репрессированных эмигрантов в 1945 г. остается открытым.

Репрессии по отношению к эмигрантам в 1945 г. привели к тому, что многие эмигранты, оставаясь по убеждениям русскими патриотами, предпочли уехать в дальнее зарубежье (см. п.4.3.2). Эмигрант Л.П. Маркизов, арестованный в 1945 г., задавался вопросом: «Что это было? Ошибка СМЕРШа или его преступление против советского государства с целью отторгнуть патриотически настроенных зарубежных россиян от исторической отчизны – решит история»[1465]. Несомненным было то, что 1945 год разделил эмиграцию – большая часть быстро «советизировалась», приняла советское гражданство и затем вернулась в СССР, другая еще больше ожесточилась и постаралась выехать в другие страны.

4.2. Русская колония в Маньчжурии в 1946 – 1954 гг.

[1459] Страницы истории:СМЕРШ. http://veteran-fsb.ru/1941-1945/stranitsi-istorii-smersh.html.
[1460] *Аурилене Е.Е.* Указ. соч. С. 92.
[1461] Воспоминания З.А. Мелик-Оганджановой (Collections of Z.A. Melik-Ogandzhanova. BAR).
[1462] *Хисамутдинов А.А*. Российская эмиграция в Китае. Опыт энциклопедии. Владивосток, 2002. С.104.
[1463] *Рачинская Е*. Указ. Соч. С.254.
[1464] Валерий Перелешин в своей книге приводит список увезенных из Харбина в 1945 г., составленный его матерью, очевидцем этих событий, журналисткой Е. Сентяниной. В этом списке 127 человек – журналисты, учителя, врачи, инженеры, священники, актеры, музыканты, спортсмены, предприниматели (*Pereleshin V.* Russian Literary and Ecclesiastical Life in Manchuria and China from 1920 to 1952. Haque, 1996. P.66-70) . В новосибирской газете «На сопках Маньчжурии» тоже были попытки составить списки репрессированных теми, кто сам прошел через ИТЛ. См.: *Коршунов Г*. Маньчжурцы-гулаговцы. //На сопках Маньчжурии. 1995. №22-23; *Бянкин Г*. Списки гулаговцев //На сопках Маньчжурии. 1998. №51.
[1465] *Маркизов Л.П*. Это было полвека назад //Проблемы Дальнего Востока. 1995. №5. С.123.

4.2.1. Изменение положения русской колонии в связи с политической ситуацией в Китае во второй половине 1940-х гг.

К концу Второй мировой войны внутриполитическая обстановка в Китае оставалась напряженной. Китай был фактически разделен на две части. Одна из них контролировалась Гоминьданом, вторая, так называемые «освобожденные территории», находилась под руководством Коммунистической партии Китая (КПК). Признанным официальным правительством Китая в международных отношениях считалось гоминьдановское правительство, находившееся во главе с генералиссимусом Чан Кайши в городе Чуньцине в Южном Китае. Непризнанным было временное правительство, возглавляемое председателем Центрального комитета Коммунистической партии Китая Мао Цзэдуном. Столицей этого правительства являлся небольшой город в восточной части провинции Шэньси — Яньань. Номинально власть КПК распространялась на девятнадцать освобожденных районов, большинство которых было в Северном, Северо-Западном и Восточно-Приморском Китае. В августе 1945 г. – январе 1946 г. между Гоминьданом и КПК было несколько попыток договориться об объединении страны и создании коалиционного правительства, но они закончились неудачей.

Военная конфронтация между КПК и Гоминьданом привели к тому, что к концу Второй мировой войны в Китае существовали вооруженные силы двух сторон: Народно-революционной армии под руководством КПК (с 1 января 1946 г. — Объединенная демократическая армия (ОДА), с 1947 г. — Народно-освободительная армия Китая — НОАК) и Национальной армии Гоминьдана. В свою очередь, за каждой из этих военно-политических группировок стояли две лидирующие мировые державы: за КПК — СССР, за Гоминьданом — США.

СССР заключил 14 августа 1945 г. выгодное соглашение с гоминьдановским правительством (см. п. 4.1.1.) и держал нейтралитет до весны 1946 г. Потом Москва стала оказывать помощь войскам КПК, в результате чего Маньчжурия превратилась в плацдарм КПК. Дело в том, что после освобождения Маньчжурии Красной армией в августе 1945 г. советское правительство взяло курс на то, чтобы передать Маньчжурию в руки китайских коммунистов. Когда наступил установленный договором 14 августа 1945 г. срок для вывода из Маньчжурии советских войск (три месяца после капитуляции Японии), гоминьдановское правительство собиралось перебросить в Маньчжурию свои войска, которые должны были занять районы, оставляемые Красной армией. СССР не позволил использовать для переброски гоминьдановских войск Порт-Артур и Дальний, а также транспорт-

ные средства КЧЖД, не разрешил создать в Маньчжурии воинские формирования и полицейские силы из числа местного населения, что лишило возможности создания и функционирования гоминьдановских административных органов управления.

Советское правительство объявило все промышленные предприятия и другие объекты в Маньчжурии, обслуживавшие японскую Квантунскую армию, собственностью СССР — как трофеи. Часть оборудования промышленных предприятий была вывезена в Советский Союз. Одновременно советское правительство оказало содействие руководству КПК в переброске в Маньчжурию отдельных подразделений коммунистических войск и части командного состава. На их основе в Маньчжурии при советской помощи была создана коммунистами ОДА численностью до одного миллиона человек, что позволило КПК развернуть вооруженную борьбу за захват власти в Маньчжурии и использовать ее как главную опорную базу в борьбе за свержение гоминьдановской власти во всем Китае. Командование советских войск помогло создать Северо-Восточное региональное бюро ЦК КПК, а позже Народное правительство Северо-Восточного Китая во главе с Гао Ганом.

В марте 1946 г. начался вывод советских войск из Маньчжурии, а 3 мая эвакуация была закончена. Лишь 39-я армия осталась на территории Ляодунского полуострова. После ухода советских войск из южной Маньчжурии, туда вошли войска Гоминьдана, которые учинили террор над оставшимися там «русскими» – советскими представителями и эмигрантами. Жестоким расправам подверглись сотрудники советских учреждений и члены их семей, советский персонал КЧЖД в Шеньяне (Мукдене), Тэлине, Чанчуне, Сыпингае, Гирине и других местах. Солдаты и офицеры китайской армии вламывались в квартиры, учиняли грабежи, избивали людей, запрещали выходить на улицу. Особенно пострадали русские жители в Чанчуне и Мукдене.

В Мукдене в марте 1946 г. были убиты русские местные служащие Торгпредства, Внешторга, прошли обыски в квартирах советских служащих – ответственных работников, были попытки забрать из квартир домашние вещи, мебель, мотивируя это тем, что все, что принадлежало японцам – подлежит реквизиции армией. Солдаты срывали советские флаги с автомашин и автобусов. Со здания вокзала Мукдена были сорваны портреты Сталина и Молотова и брошены в грязь[1466]. В консульской справке за 1947 г. сообщалось, что за период с 24 по 31 мая 1946 г. в г. Чанчуне было убито 12 советских граждан – жителей пос. Куаньченцзы. Советские гражданки Коккая М.И. (20 лет), Резепина-

[1466] РГАЭ. Ф. 8002. Оп. 1. Д. 886. Л. 25.

Постаногова В.И. (38 лет) и Захарова (22 года) были изнасилованы китайскими солдатами, причем Коккая в отчаянии покончила жизнь самоубийством. Полностью было разграблено имущество 165 советских граждан в Чанчуне, в частности, дом зам. председателя Правления КЧЖД Каргина и русская православная церковь. Было осквернено и разгромлено русское кладбище в северной части Чанчуня: надгробные памятники и могилы советских бойцов и офицеров были сломаны[1467]. Схожие события происходили в конце мая в Гирине. Весной 1946 г. в южной Маньчжурии было убито 60 советских граждан, свыше 200 семей подверглись ограблению. Несколько советских военнослужащих были схвачены и тайно увезены из Маньчжурии, судьба их осталась неизвестной. Администрация Гоминьдана приписывала эти действия «хунхузам» – местным бандитским шайкам и отказывалась расследовать дела.

А.М. Ледовский, бывший свидетелем этих событий, считал, что действия гоминьдановских войск были не только проявлениями русофобии и шовинизма, но и мести советским представителям за помощь СССР китайским коммунистам. Однако он указывал на то, что и на территории Северной Маньчжурии, подконтрольной ОДА, имели место «недружественные действия» в отношении советских граждан и учреждений со стороны китайских войск. Они насильственно конфисковали имущество советских организаций – здания, товары, другое имущество, издевались над советскими работниками КЧЖД, творили и другие бесчинства. Однако эти факты не стали достоянием гласности, как события в южной Маньчжурии, т.к. правительство СССР «старалось не придавать этому серьезного значения, не допускало огласки, поскольку ОДА была дружественной армией»[1468]. (См. п. 4.2.2.).

После инцидентов в Южной Маньчжурии Москва приняла решение отозвать с этой территории всех служащих КЧЖД и советских предприятий. После этого гоминьдановское правительство принесло извинения за происшедшее, объяснив это тем, что военнослужащие вышли из-под контроля своего командования, недовольные политикой СССР в Маньчжурии, в частности, помощи коммунистам и «неправильным» поведением советских военнослужащих по отношению к китайцам. Руководство китайской части правления КЧЖД добивалось от советского правительства отмены решения об отзыве советских специалистов, заверяя, что для них будут созданы все необходимые условия для работы и проживания, приняты необходимые меры для обеспечения полной безопасности советских учреждений. Но советское правительство осталось твердым в решении отозвать со-

[1467] АВП РФ. Ф. 100. Оп. 34. П. 132. Д. 48. Л. 69.
[1468] *Ледовский А.М.* СССР, США и китайская революция глазами очевидца, 1946 – 1949. М., 2005. С. 90.

ветских железнодорожников, и все советские граждане, командированные в Маньчжурию, вернулись в СССР.

27 апреля 1946 г. в Харбине состоялось чрезвычайное объединенное заседание советской части Правления КЧЖД, Ревизионного комитета и Управления КЧЖД по вопросам эвакуации всех советских граждан и имущества КЧЖД из Южной Маньчжурии в СССР. Необходимо было эвакуировать 3 236 чел. Управляющий дорогой А.Ф. Журавлев заявил на заседании: «Мы покидаем КЧЖД, потому что китайское правительство не обеспечило безопасность и сохранность имущества. <…>Фактически дорога перестает функционировать. Советские железнодорожники уезжают. Управление и члены Правления остаются при Генконсульстве СССР в Харбине»[1469]. Было решено, что большинство высших агентов выедет в СССР, но несколько человек останется в Маньчжурии.
На заседании возникла дискуссия по вопросу, можно ли доверить ответственные посты на КЧЖД эмигрантам («местным русским»), бывшим работникам КВЖД. Дело в том, что в связи с эвакуацией высших агентов дороги в СССР должности начальников служб и отделов «на период командировки руководящего состава Управления КЧЖД», согласно приказу Управляющего КЧЖД от 25 апреля 1946 г. № НГЛ/1785, было решено возложить на бывших эмигрантов, старослужащих КВЖД [1470].(См. п. 4.2.2).

Член Ревизионного комитета директор-полковник М.Г. Трубихин высказался категорически против, считая, что «на работу контроля мы не можем ставить местных людей, им доверять некоторые вопросы нельзя». Трубихин предложил пересмотреть громоздкий штат КВЖД, оставить наиболее «работоспособных и пригодных для работы», а также установить такую заработную плату, чтобы у «советских железнодорожников было стремление ехать на КЧЖД», присылать работников вместе с семьями, чтобы «избежать различных аморальных явлений». Управляющий дорогой А.Ф. Журавлев поддержал его, заявив, что «совершенно неправильно, чтобы зарплаты железнодорожников была бы одинаковой с местными работниками». Член Правления КЧЖД генерал-директор 3 ранга Т.Е. Малий предложил организовать подготовку специалистов-железнодорожников из «местных русских людей», используя для этого Харбинский политехнический институт. «Необходимо через КЧЖД проявить заботу и политическое воздействие на русских людей в Харбине. Все здешние культурные силы нужно взять под свое начало, привить им со-

[1469] РГАЭ. Ф. 8002. Оп. 1. Д. 886. Л. 91.
[1470] РГИА. Ф. 1679. ОП. 1. Д. 31. Л. 12об.

ветскую идеологию», – заявил Малий. Он же считал, что при подборе кадров на КЧЖД были допущены ошибки, необходимо исправить их и «дать сюда солидных людей»[1471].

Большинство высших агентов КЧЖД выехало в СССР, в том числе зам. председателя правления КЧЖД И.В. Каргин. Из 108 человек, работавших в Правлении КЧЖД, в Харбине осталось только 6 (из членов Правления – Т.Е. Малий, В.Н. Евстигнеев, В.И. Седых), остальные были переведены в Москву и Дальневосточный округ. В Харбине же остался управляющий дорогой А.Ф. Журавлев и его помощники. Всего к июлю 1946 г. из Маньчжурии было вывезено 2 905 чел. советских железнодорожников, которых распределили на железные дороги СССР, а также часть имущества, принадлежавшая КЧЖД стоимостью 8 633 339 руб. (имущество было сдано на базы железных дорог Дальнего Востока)[1472].

Из-за событий в Южной Маньчжурии связи советских организаций с районами, находившимися под контролем гоминьдановских войск, практически полностью прекратились. Сквозное железнодорожное движение было прервано. Из Управления КЧЖД вышли представители Гоминьдана и были заменены на представителей КПК. Часть советских специалистов-железнодорожников из Южной Маньчжурии была переброшена в Северную Маньчжурию. Советская часть Правления КЧЖД продолжала свои заседания уже в Москве. Но на территории южной Маньчжурии оставались «местные» советские граждане (в Мукдене, например, советская колония насчитывала 1500 чел.), которые остались фактически без консульской защиты и подвергались всевозможным издевательствам со стороны гоминьдановской армии.

Главным центром «народно-демократической территории», подконтрольной КПК, стал Харбин, где размещался Административный комитет, Северо-Восточное бюро КПК. В Харбине находились Генеральное консульство СССР (генеральный консул Г.И. Павлычев), отделение Торгпредства СССР (заведующий В.П. Бойко), советская часть Управления КЧЖД, отделения Всесоюзной конторы «Дальвнештранс» (И.М. Саратовский) и Всесоюзного объединения «Экспортхлеб» (Д. Вялков), а также правление, магазины и предприятия акционерного общества «И.Я. Чурин» (председатель правления И.Т. Стенин).

В конце июня 1946 г. гоминьдановское правительство начало наступление на «освобожденные районы». Используя превосходство в численности (4,3 млн. солдат против 1,2 млн. в НОАК) и вооружении, войска Гоминьдана захватили к октябрю 1946 г. всю

[1471] РГАЭ. Ф. 8002. Оп. 1. Д. 886 ЛЛ. 92 – 99.

[1472] Там же. Л. 148. В числе описи имущества были автомашины, телефоны, фотоаппараты, бинокли, пишущие машинки, киноаппаратура, 2 зубоврачебных кабинета и проч.

южную часть Маньчжурии (за исключением Ляодунского полуострова, находившегося под контролем советских войск). ОДА оказалась в трудном положении, и это побудило СССР начать с декабря 1946 г. поставки вооружения и товаров для КПК по двум каналам: через советские внешнеторговые организации и через Военное министерство, Министерство вооруженных сил СССР. По данным М.И. Сладковского, в 1947 – 1949 гг. КПК в Северной Маньчжурии получила около 100 тыс. тонн нефтепродуктов, автомашин и мотоциклов на сумму свыше 70 млн. руб., более 70 млн. м хлопчатобумажных тканей, медикаментов и мединструментов на сумму около 10 млн. руб. Общая стоимость китайских поставок за 1947 – 1949 гг. составила 1018, 9 млн. руб., советских – 984, 8 млн. руб.[1473]. По торговым поставкам китайская сторона рассчитывалась сельскохозяйственной продукцией. Товары доставлялись по железной дороге (бывшей КВЖД) и по рекам Амур и Сунгари. Военные поставки направлялись, как правило, безвозмездно, в качестве «дара китайским коммунистам», точные данные о них отсутствуют, однако, несомненно, что военно-техническая и другая материальная помощь сыграла важнейшую роль в победе КПК в гражданской войне. Помощь СССР КПК была прямым нарушением Советско-китайского договора от 14 августа 1945 г. и общепринятых международно-правовых норм, в результате чего обострились советско-китайские и советско-американские отношения, было подорвано доверие к СССР со стороны многих других стран. Это же обстоятельство повлияло на изменение отношения к СССР и среди русской диаспоры в Маньчжурии (см. п. 4.3.2.)

Гражданская война в Маньчжурии, тяжелая экономическая ситуация, ухудшающиеся отношения с китайцами сказались на положении русской колонии. Начиная с лета 1946 г., китайцы стали позволять себе грубые выпады и нарушения прав и интересов советских граждан, выселения из домов и квартир, избиения и аресты. По информации управляющего Генеральным консульством СССР в Харбине М.Ф. Лыскова, полиция и солдаты ОДА вели себя вызывающе, с оружием врывались в дома, а городские власти и командование ОДА не реагировали или даже оправдывали действия чинов полиции и армии. При избиении советских граждан из китайской толпы раздавались выкрики: «Бей русских, нечего смотреть на них, прошло их время»[1474]. Китайцы заняли здание ХСМЛ, которое арендовало Общество граждан СССР под школу иностранных языков и курсов машинописи. На протесты Генконсульства генерал Ли Мин объявил, что здание им очень нужно, они его забирают, а все внутреннее оборудование конфискуется, как вражеское

[1473] *Сладковский М.И.* Указ. соч. С. 170.
[1474] Русско-китайские отношения в XX веке. Т. V. Кн. 1. С. 284.

имущество, принадлежавшее японцам. Также были заняты здания Торгпредства и Еврейского народного банка, некоторые частные дома, принадлежавшие местным русским, причем генерал Ли Мин заявил, что «местные советские граждане – это бывшие белогвардейцы, и нет ничего особенного в том, что их обижают»[1475].

В материалах Генконсульства СССР в Харбине содержится справка о деятельности Харбинского общества землевладельцев и домовладельцев – граждан СССР за 1948 год[1476]. Общество было преобразовано из Общества домовладельцев Харбина в 1947 г., объединяло 2 044 членов, председателем Правления общества был известный в Маньчжурии предприниматель Д.М. Воронцов. В этой справке обрисованы непростые условия существования русских в Маньчжурии после Второй мировой войны: экономический кризис, падение стоимости денег, низкий уровень заработной платы, а, следовательно, проблемы со сдачей и наймом квартир, многочисленные случаи нападений китайских «шаек» на сады, огороды и палисадники, истребление ценных фруктовых деревьев, кустарников, цветов, повреждение усадеб.

К тому же Харбинское муниципальное правительство установило новые правила налогообложения на аренду земельных участков 15 декабря 1948 г. – 7% с оценки земельного участка (до этого было 1–5% годового дохода домовладельца), причем внести плату надо было до 31 марта 1949 г. Так, годовая арендная плата за 1 кв. м земельного участка в харбинском районе Модягоу была определена в 530 юаней, значит, домовладелец, имеющий участок площадью в 1000 кв. м должен был уплатить за 1948 год земельную плату в сумме 530 тыс. юаней, что было непосильно, т.к. жили там пенсионеры – бывшие железнодорожники, мелкие ремесленники, малоимущий трудовой люд, на заштатные деньги построившие небольшие домики. Общество просило Генконсульство СССР в Харбине ходатайствовать о снижении платы или предоставлении длительной рассрочки. В справке подчеркивалось, что с 1937 по 1945 гг. арендная плата за участки не повышалась, но с 1946 г. возросла в 100 и больше раз: «После войны японцев не стало, а положение домовладельцев ухудшилось. Цены на все возросли, а на квартиры остались практически без повышения, иногда месячная плата за квартиру равняется рыночной стоимости коробка спичек. Продать дома стало невозможно – их никто не покупает. Советские домовладельцы вынуждены за бесценок (2–5 % стоимости) продавать свое имущество китайцам» [1477]. Мнение о том, что «при японцах» жизнь была стабильнее, а китай-

[1475] Там же. С. 285.
[1476] АВП РФ. Ф.308. Оп.33. П.29. Д.34. Л.1-14.
[1477] Там же. Л.13.

ские коммунисты внесли смуту и раздор в жизнь Северной Маньчжурии, было широко распространенным в воспоминаниях харбинцев[1478].

В середине 1947 г. военная обстановка изменилась коренным образом: НОАК перешла в контрнаступление. Это было связано в значительной степени с советской экономической и военной помощью КПК. В конце 1948– начале 1949 гг. были проведены решающие военные операции, определившие исход войны. Маньчжурская группировка армии Гоминьдана была полностью разгромлена НОАК, после чего военные действия были перенесены в Северный и Восточный Китай. К началу 1950 г. почти вся континентальная часть Китая, кроме Тибета, была под контролем КПК. Остатки гоминьдановских войск вынуждены были покинуть страну и закрепиться на острове Тайвань.

30 сентября 1949 г. Народный политический консультативный совет Китая образовал Центральное народное правительство, а 1 октября того же года было провозглашено образование Китайской Народной Республики (КНР). Председателем КНР был избран Мао Цзэдун. Уже 2 октября КНР была официально признана Советским Союзом и в период с 3 октября 1949 г. по 16 января 1950 г. — всеми другими государствами социалистической системы. Советским послом в КНР был назначен генерал- лейтенант Н.В. Рощин, в 1952 г. его сменил А.С. Панюшкин.

Гражданская война в Китае и образование КНР обострила обстановку в этом регионе, имела тяжелые экономические последствия для страны. США, обещавшие всестороннюю помощь Китаю в восстановлении и развитии страны в 1945 г., после свержения правительства Чан Кайши отказались от каких-либо связей с материковым Китаем и установили в 1950 г. вместе с другими западными державами экономическую блокаду КНР, переключив предназначавшуюся для Китая экономическую помощь на Тайвань. В результате СССР, который был отягощен своими трудностями, связанными с восстановлением экономики страны после Второй мировой войны, взял на себя экономическую помощь новому китайскому государству.

В декабре 1949 г. в Москву прибыла китайская правительственная делегация, возглавляемая Мао Цзэдуном для заключения нового договора с СССР. Переговоры между советским и китайским лидерами (И.В. Сталин принимал участие в переговорах) протекали довольно осторожно. Обе стороны не спешили форсировать события и занимали вы-

---

[1478] См. об этом: *Германович И.* Китай, Сибирь, Москва. Воспоминания. Мельбурн, 1997; *Дземешкевич Л.* Харбинские были. Омск: изд-во ОмГПУ, 1999; *Золотарева Т.* Маньчжурские были. Сидней: Харбинское и Маньчжурское историческое общество, 2000; *Крук Н.* Нам улыбалась Квань Инь. Лица сквозь время.// Росияне в Азии (Торонто). 2000. №7; *Нэш Г.* Потерявшие родину. Семейная сага Тарасовых. СПб: Лики России, 2011; *Kaufman T.* The Jews of Harbin Live on in My Heart. Tel-Aviv, 2006.

жидательную позицию. Это было связано с тем, что советско-китайский договор о дружбе и союзе 14 августа 1945 г. был заключен с правительством Чан Кайши, враждебным коммунистам[1479].

14 февраля 1950 г. между Советским Союзом и КНР был подписан Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи, а также соглашение о КЧЖД, Порт-Артуре и Дальнем. Срок договора был определен в 30 лет с правом пролонгации на каждые последующие 5 лет. Согласно соглашению, правительство СССР обязалось после заключения мирного договора с Японией, но не позднее чем в конце 1952 г., безвозмездно передать КНР все свои права на КЧЖД со всем принадлежащим советской стороне имуществом. В оставшийся срок совместного управления КЧЖД стороны условились установить паритетное и поочередное замещение руководящих должностей в Правлении и Управлении дорогой. В течение того же срока предусматривался вывод советских войск из Порт-Артура с передачей правительству КНР всех сооружений, произведенных после 1945 г.[1480]. Тогда же было подписано соглашение о предоставлении КНР кредита в сумме 300 млн. ам. долларов. На указанную сумму в течение 5 лет (1950–1954) предусматривались поставки советского оборудования и материалов на чрезвычайно льготных условиях (1% годовых).

Новый советско-китайский договор вызвал сложные чувства не только у русского населения Маньчжурии, но и среди советских специалистов, «командированных из СССР». «Щедрый» сталинский жест вызвал ропот недовольства. Многие эмигранты были возмущены той легкостью, с какой Сталин подарил «китайским братьям» все, что было отвоевано у Японии: «Напрасно отдали свою жизнь на полях и в горах Маньчжурии десятки тысяч солдат и офицеров советской армии, впустую были затрачены также энергия и таланты сотен разного рода специалистов, присланных из Союза, чтобы помочь возрождению края после японской оккупации и разрухи военного времени»[1481]. Мао Цзэдун, говоря о договоре 1950г. и передаче КЧЖД Китаю, утверждал, что китайцы «вырвали в борьбе кусок мяса из пасти тигра»[1482].

Многими историками договор 1950 г. расценивается как «ошибка Сталина», не разгадавшего хитрость «восточного гостя». Так, сопоставляя советскую позицию на переговорах с представителем Чан Кайши в 1945 г. и спустя пять лет с Мао Цзэдуном, советский дипломат А.М. Ледовский отмечал, что в 1945 г. правительство СССР очень твердо

[1479] О ходе переговоров см.: *Ледовский А.М.* СССР, США и китайская революция глазами очевидца. С. 150 – 162.
[1480] Образование Китайской народной республики. Документы и материалы. М., 1950. С. 115.
[1481] *Шиляев Е.П.* Моя служба на КЧЖД //Россияне в Азии. 1999. № 6. С. 170.
[1482] *Галенович Ю.М.* Указ. соч. Кн. 3. С. 150.

отстаивало свою позицию, связанную с защитой государственных интересов СССР, имея в виду, в частности, огромные по тем временам капиталовложения, внесенные Россией в Маньчжурии. В переговорах же с Мао Цзэдуном Сталин проявил беспрецедентную в международных отношениях уступчивость и встал на путь отказа от всего, что СССР получил по договору 1945 г. и по предыдущим соглашениям, начиная с Русско-китайского договора 1896 г. о союзе и постройке КВЖД. Причиной такой уступчивости, по мнению А.М. Ледовского, было то, что И.В. Сталин решил превратить Маньчжурию в надежную опорную базу СССР у дальневосточных рубежей. Но Сталин опасался, что в силу ряда причин гоминьдановское правительство пойдет на тесное сближение с США, откроет Маньчжурию для широкой американской экспансии под флагом «политики открытых дверей». Как говорил Сталин, он не знал, «что может выкинуть Чан Кайши»[1483].

Следует также учитывать, что в тот период для СССР было жизненно важным удержать свои позиции, завоеванные в годы Второй мировой войны, и получить максимальную отсрочку назревавшей тогда третьей мировой. Прочный союз двух крупнейших коммунистических держав был для СССР в тот момент важнейшим фактором устрашения США, владевшего атомным оружием. Поэтому в глазах Сталина долгосрочные стратегические дивиденды, которые давал советско-китайский союз, были настолько велики, что перевешивали даже весьма ощутимые потери. Закрепление дружественной ориентации Китая сулило не только упрочение интересов безопасности СССР на Дальнем Востоке, но и радикальное изменение общего соотношения сил в холодной войне, раздвигая границы «просоветского» блока[1484].

Таким образом, чтобы гарантировать прочность позиции СССР в Маньчжурии, Сталин решил передать ее в руки китайских коммунистов, которых он считал более надежными союзниками. Сталин помог коммунистам создать в Маньчжурии крупные вооруженные силы, оказал им военно-техническую, финансовую, экономическую и др. помощь. Опираясь на Маньчжурию и советскую помощь, КПК развернула борьбу за захват власти во всей стране и за свержение официально признанного Москвой китайского правительства (гоминьдановского). В знак «вечной и нерушимой дружбы» КПК и СССР, Сталин решил преподнести в дар все имущественные и другие права, полученные ранее Россией и СССР в Маньчжурии по договорам и соглашениям с Китаем. Но, как показали дальнейшие события, заверения Мао Цзэдуна носили конъюнктурный характер. Надежды

[1483] *Ледовский А.М.* СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участника событий: 1937 – 1952. М. : Памятники исторической мысли, 1999. С. 143

[1484] Очерки истории Министерства иностранных дел. Т. 2. С. 365.

Сталина на «вечную и нерушимую дружбу» СССР и Китая не оправдались. Подписание 19 февраля 1950 г. нового Советско-китайского договора подвело окончательную черту под всей предшествующей историей отношений между СССР и Китаем и обозначило стартовый рубеж, с которого начался новый этап.

Русское население Маньчжурии после Второй мировой войны стало заложником сложной внутриполитической ситуации в Маньчжурии вследствие гражданской войны в Китае. Поддержка СССР Китайской компартии и содействие ее победе над Гоминьданом в гражданской войне привела к созданию КНР и отказу СССР от всех своих завоеваний в Маньчжурии. Когда Маньчжурия оказалась под полным контролем КПК, советское влияние здесь начало угасать, и в первую очередь, это почувствовала на себе русская колония в Маньчжурии.

4.2.2. Совместная работа специалистов, командированных из СССР, и бывших эмигрантов в Маньчжурии в 1945–1954 гг. на КЧЖД

Совместная работа советских специалистов и эмигрантов в Маньчжурии началась с августа 1945 г. и пережила несколько этапов: первый – до мая 1946 г., т.е. до ухода советских войск из Маньчжурии; второй – в 1946 – 1949 гг., в условиях гражданской войны в Маньчжурии; третий – со времени образования КНР и до начала репатриации эмигрантов. Согласно советско-китайскому соглашению 14 августа 1945 г. бывшая КВЖД и ЮМЖД были объединены. Дорога стала называться Китайской Чанчуньской железной дорогой (КЧЖД). Для совместного управления дорогой учреждалось Общество КЧЖД с Правлением в составе 10 человек, 5 из которых должны были быть китайскими, 5 советскими гражданами. Правление должно было находиться в Чанчуне. Председателем Правления общества должен был быть китаец, Управляющим КЧЖД – советский гражданин. Соглашение предполагало совместное управление дорогой в течение 30 лет, после чего КЧЖД со всем своим имуществом должна была безвозмездно перейти в полную собственность Китайской республики. Порт Дальний (бывший Дайрен) объявлялся свободным портом, начальником порта стал советский гражданин, мэром города – китаец. Порт-Артуре стал военно-морской базой Китая и СССР (см. п.4.1.1.).

Заместитель наркома иностранных дел СССР С.А. Лозовский в записке В.М. Молотову 16 августа 1945 г. подчеркивал важность назначения советского Управляющего КЧЖД: «Этот пост не только административный, но и политический. Китайцы будут претендовать на руководство дорогой. <…> От Управляющего дорогой будет зависеть наше

политическое влияние во всем Северном Китае. Вот почему необходимо подобрать человека, который сочетал бы большой организационно-технический опыт в железнодорожном деле с опытом политическим». На этот пост Л. Кагановичем и А. Микояном был рекомендован бывший председатель «Ирантранса» и начальник ряда прифронтовых дорог генерал-лейтенант административной службы И.В. Каргин, но он был назначен Советским правительством заместителем председателя Правления КЧЖД.

В записке Лозовский указывал, что на месте необходимо решить, кто из бывших служащих КВЖД может остаться на старых местах, кого надо заменить: «Надо подобрать руководителей важнейших служб этой дороги. Надо перебросить туда несколько тысяч рабочих с важнейших узлов советских железных дорог для того, чтобы до эвакуации советских войск взять в свои руки руководство всех служб и отделов этой центральной магистрали всего Северного Китая. Надо уже сейчас дать директиву Управляющему и др. ответственным работникам *выгнать с* КЧЖД всех прояпонцев и тех русских белых, которые занимали враждебные позиции по отношению к СССР. С другой стороны, надо *вернуть н*а эту железную дорогу тех русских, которые, оставаясь в Северной Маньчжурии, *сохранили, несмотря на преследования, советское гражданство* и всячески помогали Советскому Союзу»[1485] (Курсив мой – *М.К.*).

Все советские кадры для КЧЖД утверждались ЦК ВКП(б). Для выработки Устава о совместной эксплуатации КЧЖД в сентябре 1945 г. советским правительством в Маньчжурию были направлены чиновники из управления НКПС А.Е. Левашов и К.Г. Буйницкий. Для работы в комиссии по определению имущества (совместной собственности КР и СССР) были направлены А.Ф. Журавлев – начальник Приморской железной дороги, Т.Е. Малий и А.М. Зеренинов из НКПС. На территории Маньчжурии были открыты отделения Торгпредства СССР – в Харбине, Дальнем, Мукдене, Гирине, конторы «Экспортхлеба» в Чунцине, Харбине, Дальнем, отделения «Дальинторга», «Дальвнештранса», «Союзпушнины», «Интуриста», «Международной книги». Руководителями этих контор и представительств были командированные из наркомата внешней торговли СССР специалисты, но штаты этих советских торговых организаций были укомплектованы за счет русских эмигрантов[1486].

Осенью 1945 г. в Чанчунь (бывший Синцзинь) прибыл зам. председателя Правления КЧЖД генерал-лейтенант И.В. Каргин с группой руководящих работников. Для управления дорогой было создано Китайско-советское общество (КСО) КЧЖД. Председа-

[1485] Русско-китайские отношения в XX веке. Т.4. Кн.2. С.200-201.
[1486] *Сладковский М.И.* Указ. соч. С. 165

телем Правления КСО КЧЖД был назначен Чжан Цзяао, занимавший пост министра коммуникаций в Центральном правительстве в 1937 – 1942 гг. Правление КЧЖД утвердило администрацию Управления. Управляющим дорогой 26 января 1946 г. был назначен А.Ф. Журавлев, заместителем Управляющего – Ван Чжутин. Правление КЧЖД находилось в Чанчуне, Управление КЧЖД – в Харбине, в здании бывшего Управления КВЖД.

Первоначально организацию движения по железным дорогам взяли на себя военные. 20 августа 1945 г. генерал-полковник, зам. командующего войсками Забайкальского фронта, М.П. Ковалев потребовал от президента железных дорог Маньчжоу-Ди-Го отдать приказ всем рабочим и служащим дороги оставаться на своих местах и продолжать работать[1487]. Мужское население Маньчжурии – русские и китайцы – было мобилизовано на перешивку полотна дороги, чтобы поезда из СССР могли курсировать по маньчжурским магистралям. Каждый поселок и каждая станция перешивали свой участок. К началу сентября силами войск была перешита КЧЖД и восстановлено движение по железным дорогам. Первые месяцы военная администрация КЧЖД при помощи местных жителей приводила дорогу в порядок, ремонтируя пути и восстанавливая телеграфную и телефонную связь.

В дальнейшем формирование кадров КЧЖД шло за счет командированных из СССР специалистов, эмигрантов, японцев[1488], бывших служащих железных дорог Маньчжоу-Ди-Го, китайцев. На высшие должности агентов КЧЖД в Маньчжурию массово начали прибывать из СССР с октября 1945 г. военные железнодорожники по путевкам НКПС, Дальневосточного железнодорожного округа, Главного управления кадров, а также демобилизованные офицеры. Их направляли в распоряжение Правления и Управления КЧЖД, а затем распределяли на должности. В приказах о зачислении указывалось, что до «установления ставок оплату производить по ранее занимаемой должности согласно передаточных листов»[1489]. На КЧЖД также служили граждане СССР из воинских чинов, демобилизованных из РККА и оставшихся работать на КЧЖД в качестве осмотрщиков вагонов, машинистов, механиков, кочегаров, стрелочников, а также для охраны дороги. Всего на КЧЖД до апреля 1946 г. прибыло более 2, 5 тыс. чел.[1490].

[1487] Русский архив. Советско-японская война 1945 года Т. 18 (7–2). С. 63.

[1488] Японские служащие бывшего Государственного управления железных дорог Маньчжоу-Ди-Го еще какое-то время работали на дороге. В январе 1946 г. часть японских рабочих и служащих были уволены, но отдельные японцы продолжали работать в Общем отделе и Исследовательском бюро КЧЖД. (РГАЭ. Ф. 8002. Оп. 1. Д. 885. Л. 170).

[1489] РГАЭ. Ф. 8002. Оп. 1. Д. 885. Л. 13.

[1490] РГАЭ. Ф. 8002. Оп. 1. Д. 1806. ЛЛ. 1 – 272. В списках личного состава КЧЖД указывались дата прибытия (больше всего людей прибыло в феврале 1946 г.), год рождения (большинство 1914 – 1924 г.р.), должность и место работы до откомандирования на КЧЖД, должность и место работы на КЧЖД, состав семьи.

В связи с нехваткой кадров в конце сентября – начале октября 1945 г. среди эмигрантов был объявлен на службу на КЧЖД. Принимали всех желающих на должности средних и низших агентов КЧЖД, начался массовый приток русского населения на дорогу. Устройство на дорогу для эмигрантов часто было единственным шансом выжить в непростой послевоенной ситуации. Служащим КВЖД регулярно выплачивали зарплату, а после увольнения пенсию, предоставляли жилье, бесплатный уголь, бесплатный проезд по железной дороге и прочие льготы.

Сотрудничать с советскими войсками эмигранты начали гораздо раньше, еще во время военных операций в августе 1945 г. (см. п.4.1.1.), но официальное зачисление на службу произошло в сентябре – октябре 1945 г. Так, на службу в Правление КСО КЧЖД приказом № 2 от 23 октября 1945 г. за подписью И.В. Каргина были зачислены в штат переводчиками эмигранты М.К. Айгнин (с 26 сентября 1945 г.), Е.П. Шиляев (с 28 сентября), Н.В. Зиссерман (с 2 октября), с 4 октября – В.С. Таскин, В.Л. Байджурак, Е.Т. Федоров[1491]. Тогда же были зачислены в штат дороги эмигранты на должности телефонистов, счетоводов, механиков, шоферов, сторожей и т.п. Большинство из принятых на службу эмигрантов были бесподданными или имевшими гражданство Маньчжоу-Го, т.е. несуществующего государства. В анкетах при поступлении на КЧЖД в графе «Гражданство» обычно указывалось: «подал на подданство СССР»[1492].

По мнению эмигрантов, штаты КЧЖД были раздуты, хотя первоначально дорога обслуживала только воинские перевозки и оставаться в Маньчжурии надолго Красная армия не собиралась. В.А. Морозов, устроившийся на КЧЖД 14 октября 1945 г. весовщиком на ст. Барим, писал о том, что его поступление на дорогу, как и многих других, было связано отчасти с желанием доказать свою лояльность, свою готовность сотрудничать с советской властью. Морозов отмечал, что для эмиграции такой «тактический» ход представлялся чем-то необычным, т.к. эмигранты сотрудничали и с китайцами, и с японцами, но в основном из-за заработка, иногда по принуждению, например, по мобилизации[1493]. Как правило, эмигрантов не принимали на должности высших агентов КЧЖД, для этого присылались специалисты из СССР. Но были и исключения. Например, В.А. Зиссермана, гражданина Маньчжоу-Го, работавшего до 1935 г. в Правлении КВЖД, а потом при японцах советником Государственных железных дорог в Харбинском железнодорожном управлении, назначили 26 октября 1945 г. старшим референтом Правления КСО КЧЖД с

[1491] РГАЭ. Ф. 8002. Оп. 1. Д. 885. Л. 1.
[1492] См. прил. 87.
[1493] РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 5. Д. 10. Л. 36.

месячным окладом 1000 руб.[1494]. На КЧЖД также были зачислены переводчиками его сын с женой. Они обучали советских членов Правления КЧЖД английскому языку.

Отношения между эмигрантами и советской военной администрацией КЧЖД складывались непросто. С одной стороны, на дороге царила военная дисциплина. Так, за самовольный выезд из Чанчуня в Харбин в марте 1946 г. техника-чертежника Технического отдела Правления КЧЖД А.М. Ильюшину (эмигрантку) было приказано арестовать на 5 суток с удержанием 50% содержания за каждый день ареста[1495]. С другой стороны, из характеристик личного состава советских работников КЧЖД, особенно его «политико-морального состояния», выяснялось, что ряд «командированных из СССР» своим поведением – коллективными попойками, посещением публичных домов и кабаре, дебошами в общественных местах, связями с эмигрантками – «дискредитируют звание советского гражданина».

Так, в докладной записке на имя члена правления КЧЖД генерал-майора В.Н. Евстигнеева от зам. начальника отдела культурного обслуживания железнодорожников КЧЖД директора-подполковника Сытытова от 11 апреля 1946 г. приводились результаты обследования Чанчуньского отделения КЧЖД. Обследование выявило ряд вопиющих фактов «морально-бытового разложения» советских работников КЧЖД: пьянство, драки, приобретение автомобилей и прочих предметов, сожительства с «подчиненными по службе эмигрантками и японками», мародерства, беспричинная стрельба в общественных местах, даже убийство и самоубийство на почве ревности, а также несоблюдение формы одежды и приветствий[1496]. Были проведены собеседования с провинившимися: «кто-то обещал исправиться, кого-то требуется заменить». В одном из случаев было указано, что начальник вокзала ст. Чанчунь инженер-лейтенант движения Амбарцумов в одной из «коллективных попоек» потерял партийный билет, который был «возвращен ему эмигранткой Резчиковой, муж которой арестован органами советской власти; даже после этого факта Амбарцумов не прекратил знакомства с Резчиковой и продолжал ее навещать»[1497]. Интересно заметить, что в характеристиках на советских работников КЧЖД посещение домов эмигрантов ставилось на одну доску с посещением кабаре и публичных домов.

После ухода армии в марте 1946 г., событий в Южной Маньчжурии и эвакуации советских железнодорожников в СССР, на дорогу прибыли штатские железнодорожни-

---

[1494] РГАЭ. Ф. 8002. Оп. 1. Д. 885. Л. 3.
[1495] Там же. Л. 173.
[1496] РГАЭ. Ф. 8002. Оп. 1. Д. 1818. ЛЛ.1 – 9.
[1497] Там же. Л. 6.

ки. Часто, особенно на линии, уезжая, военные оставляли эмигрантов своими заместителями (см. п. 4.2.1.). В этот период «кадрового голода» многие посты начальников служб КЧЖД или заместителей служб заняли бывшие «кавежедеки», восстановившие советское гражданство: начальником локомотивной службы стал инженер В.В. Колошин, начальником службы движения – инженер Е.Н. Войтов, зам. начальника службы пути – Н. Тихолин, начальником службы связи стал А.А. Затеплинский, начальником Коммерческой службы – Т.В. Бутов, его заместителем и начальником Тарифного отдела стал Г.Н. Юраш, начальником Экономического отдела – П.А. Чистяков, начальником Юридического отдела – М.А. Антик, во главе отдела переводов – А.И. Иконников. Таким образом, костяк начальников служб был составлен из «местных советских граждан». На линии КЧЖД, в городской дистанции пути, в Лесном отделе, на угольных копях также работало много «местных русских», чей опыт и технические знания были востребованы. КЧЖД на какое-то время стала почти русской дорогой.

Однако со временем китайские коммунистические власти стали претендовать на КЧЖД со всем имуществом, расположенным в Северной Маньчжурии, мотивируя это непризнанием Советско-китайского договора и соглашений от 14 августа 1945 г., заключенного с правительством Чан Кайши. Первоначально управление дорогой, особенно на линии, раздваивалось: на одной и той же должности находились советские граждане и китайцы, назначенные руководством ОДА. Должности дублировались до июня 1947 г., когда китайцы начали увольнять советских граждан, работавших на КЧЖД и других предприятиях (в основном это были бывшие русские эмигранты). Советская администрация КЧЖД заявляла протесты, считая это незаконным, и приказывая агентам работать по-прежнему. Китайцы сообщили, что не будут допускать русских на рабочие места. Какое-то время с назначениями была полная неразбериха. Советская администрация требовала советским служащим работу прекратить, подчиняясь насилию, но зарплату получать. В конце концов, на линии почти все русские («новосоветские») служащие были уволены, остались только отдельные железнодорожники. Практически всю линию захватили китайцы, только в Управлении КЧЖД и конторах участков находились советские железнодорожники, командированные из СССР, и местные советские граждане[1498].

С лета 1947 г. китайцы начали проявлять агрессивность не только на дороге. В действиях китайских военнослужащих и представителей местных властей сквозили «антирусские» шовинистические настроения. Получили широкое распространение акты

[1498] РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 5. Д. 18. Л. 37.

насилия и произвола. Угрожая оружием, а нередко пуская его в ход, солдаты воинских частей НОА врывались в здания и предприятия КЧЖД, лечебные учреждения, помещения советских торговых предприятий, материальные склады, конфисковывали и вывозили товары, здания отбирали под казармы и для других нужд. Это сопровождалось арестами и избиениями советских сотрудников, местного русского населения без различия гражданства. Имели место самосуды над советскими работниками предприятий КЧЖД[1499].

В советские консульства поступали бесконечные жалобы советских граждан на поведение китайцев, попытки захвата ими имущества. По сообщению члена правления кооператива КЧЖД Недосекина, с конца августа 1946 г. члены кооператива «отбивались от наскоков» воинских частей ОДА, которые «тащили наше имущество»[1500]. Китайские власти утверждали, что все лица, проживавшие на территории Китая, подсудны только китайским законам, поэтому имущество всех граждан, не исключая и иностранцев, может быть «реквизировано и реализовано по усмотрению властей». Когда же советские граждане сообщали о запросах в консульства СССР, китайцы отвечали: «Наша не бойся»[1501].

Особенно страдали русские жители поселков на линии КЧЖД. На Западной и Восточной линиях в 1947 г. проживало более 4 тыс. «новых» советских граждан, большинство занималось сельским хозяйством, охотой, пчеловодством. После увольнения китайцами с КЧЖД население осталось без работы. Картину проживания советских граждан в поселках Маньчжурии можно составить из отчета о командировке вице-консула Генерального консульства СССР в Харбине П.В. Богданова и секретаря консульства О.Б. Рахманина по линии КЧЖД в декабре 1947 г.[1502]. На ст. Пограничная проживало 187 чел. советских граждан, большинство были безработными. На ст. Мулин из 250 чел. советской колонии только 17 работали на дороге, население жило бедно. На ст. Нанса проживало около 200 чел. советских граждан. Раньше здесь были лесные концессии КЧЖД, которые были переданы китайцам, и население осталось почти без работы. На ст. Яблоня, где проживало около 300 чел. советских граждан, на население, которое занималось в основном пчеловодством, китайской администрацией были возложены непосильные налоги – за первое полугодие 1947 г. около 2 млн. юаней со всей колонии. В пос. Лянхэ, где проживало 280 чел. советских граждан, китайские власти ввели большие налоги на скот, бывали

[1499] См. Об этом: *Ледовский А.М.* СССР, США и китайская революция глазами очевидца, 1946 – 1949. М., 2005. С. 215.
[1500] РГАЭ. Ф. 8002. Оп. 1. Д. 51. Л.73.
[1501] АВП РФ. Ф. 308. Оп. 31. П. 27. Д . 15. Л. 5.
[1502] Там же. ЛЛ.24-31.

инциденты – избиения советских граждан. На ст. Шитоухэцзы (около 200 чел.) тоже было тяжелое положение с налогами, китайские власти брали налоги натурой – кукурузой.

В.А. Морозов, который, как председатель ОГС пос. Барим, занимался хозяйственными вопросами, продовольственным обеспечением, вопросами безопасности (защитой от хунхузов), постоянно сталкивался с новыми китайскими властями, предъявлявшими иногда необоснованные притязания. Его заместителю Д.И. Бабину китайцы угрожали арестом за неподчинение их распоряжениям об обложении русского населения постоянными и единовременными налогами. Консульство СССР в Маньчжурии дало установку – налоги не платить, но отношения русских и китайцев испортились. По словам Морозова, китайцы постоянно «трепали нервы»[1503].

В связи с гражданской войной в Китае (см. 4.2.1.), КЧЖД в основном обслуживала армию ОДА, затем НОАК, осуществляя перевозки товаров и воинских контингентов. Это потребовало дополнительный штат специалистов. По данным Г.И. Мордвинова, Советское правительство направило на КЧЖД в 1946 – 1949 гг. 1 565 чел. советских специалистов – не только для работы на КЧЖД, но и для работы на подсобных предприятиях, школах, больницах и других учреждений. Основную массу специалистов составляли инженеры, техники, экономисты, плановики железнодорожного транспорта. Кроме железнодорожников, в числе командированных на КЧЖД были также инженеры каменноугольной промышленности, специалисты лесной промышленности, работники медицины, педагоги, работники торговли и общественного питания, «в области искусства и спорта»[1504].

На КЧЖД возникли профсоюзные организации, было объявлено социалистическое соревнование. Был создан торговый кооператив рабочих и служащих КЧЖД с широкой сетью магазинов, столовых, подсобных предприятий (мясокомбинат, молочные фермы, заводы фруктовых вод, вино-водочный завод, пошивочные мастерские и др.). Общая численность рабочих и служащих КЧЖД (китайцев и русских) составляла 60 тыс. чел., примерно такое же количество было занято в торгово-промышленных предприятиях[1505].

О деятельности советских специалистов и трудностях в работе в Маньчжурии можно судить по отчетам перед советской частью Правления КЧЖД, оставшейся в Москве. Приезжавшие из Харбина, Дальнего и других городов специалисты указывали на главные трудности – нехватку людей, проблемы с финансами (падение юаня), конфликты с местными китайскими коммунистическими властями, проблемами с закупкой продо-

---

[1503] РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 5. Д. 18. Л. 18.
[1504] Страницы истории сотрудничества железнодорожников СССР и КНР (Из неопубликованной работы Г.И. Мордвинова о КЧЖД) //Проблемы Дальнего Востока. 1986. № 2. С. 178.
[1505] *Сладковский М.И.* Указ. соч. С. 162.

вольствия для служащих и рабочих КЧЖД. На одном из совещаний «работников советской администрации КЧЖД» 1 августа 1948 г. обсуждали работу председателя правления кооператива в г. Дальнем Полушкина – «старого члена партии, человека проверенного и доверенного». Его обвиняли в «безынициативности» и связи с русскими эмигрантами, в том, что на него «плохо повлияли капиталистические условия», «выбили из него все советское» и предлагали вынести выговор. Полушкина защищал юрисконсульт кооператива с 4 мая 1946 г., член партии Поветкин, прибывший из г. Дальний. Он сообщал, что Полушкин «крутится как белка в колесе». Руководство района требовало от него невозможного, например, закупить мясо за 100 юаней за килограмм, тогда как на рынке оно стоило 1000 юаней. Поэтому Полушкину приходилось торговаться через китайских купцов, на помощь ему приходили русские эмигранты[1506]. Выговор все-таки Полушкину объявили, а проблема кадров (несоответствия должности) регулярно поднималась на заседаниях советской части Правления КЧЖД. В декабре 1948 г. управляющий дорогой А.Ф. Журавлев просил прислать ему в Маньчжурию 200 человек для замены отдельных должностей, поясняя: «Люди дискредитировали себя как советские граждане»[1507].

Советская администрация дороги организовала курсы для подготовки железнодорожников различных специальностей. В 1946 – 1949 гг. на центральные курсы в Харбине было принято 536 чел., на линейные курсы (на крупных станциях) – 900 чел. В 1945 г. была восстановлена работа Харбинского политехнического института КЧЖД, в котором преподавали и учились бывшие русские эмигранты, получившие советское гражданство. Занятия проводились на русском языке, учебный план был перестроен по образцу советских вузов. Обучение было бесплатным. В 1945 г. основным ядром профессорско-преподавательского состава стал персонал Северо-Маньчжурского университета, работавшего при японцах, но были приглашены и преподаватели из вузов СССР – Н.Л. Кузьмин, Н.В. Прохоров, В.А. Якушин[1508]. Были привлечены к работе в институте инженеры-практики, бывшие выпускники ХПИ: А.И. Бейер, И.А. Брагин, В. Войнюш, Г.А. Ефимов, В.Ф. Зайцев, С.И. Зуев, Н.П. Калугин, А.А. Конецкий, В.И. Коренев, А.А. Костин, А.А. и А.П. Логуновы, Б.К. Маркевич, В.Г. Мелихов, П.А. Небышенков, Г.Н. Писемский, Е.А. Пулле, П.В. Раменский, Г.Л. Ротенко и др. К 1949 г. число выпускников ХПИ превысило

[1506] РГАЭ. Ф. 8002. Оп. 1. Д. 51. ЛЛ. 29, 73.
[1507] Там же. Л. 134.
[1508] Политехник (Сидней). Юбилейный сборник. 2012. № 17. С. 52.

3500 чел.[1509]. Инженеры Б.А. Абаза, В. А. Барри[1510], бывшие эмигранты, были приняты преподавателями на службу в ХПИ.

После провозглашения в октябре 1949 г. КНР был заключен новый договор о дружбе, союзе и взаимной помощи с СССР и новое соглашение о КЧЖД (см. п. 4.2.1.). Согласно ему, изменились взаимоотношения на КЧЖД между советской и китайской сторонами. Было установлено чередование в замещении должностей председателя правления КЧЖД, Управляющего дорогой, всех высших агентов. Административным центром, где обосновалось региональное Дунбэйское правительство (Северная Маньчжурия стала именоваться Дунбэй), стал Шеньян (Мукден). Здесь же находилось Южно-Маньчжурское управление КЧЖД. Произошла замена советского персонала КЧЖД.

С 25 апреля 1950 г. в соответствии со ст. 1 советско-китайского соглашения о КЧЖД 14 февраля 1950 г. приступило к работе новое Китайско-Советское общество (КСО) КЧЖД, Правление которого находилось в Харбине. Председателем Правления общества стал Юй Гуаншэнь. Зам. председателя Правления в соответствии с постановлением Правительства СССР от 22 марта 1950 г. был назначен генерал-директор административной службы III ранга М.С. Ерогов. В Правление общества с советской стороны вошли И.В. Козлов, Д.П. Тыванчук, А.И. Прибегин, М.С. Нестеров. Управляющим дорогой вместо А.Ф. Журавлева стал генерал-директор тяги 2 ранга Н.А. Груничев.

Впервые в истории КВЖД – КЧЖД под руководством советских специалистов был составлен производственно-финансовый план эксплуатации КЧЖД по образцам советских железных дорог, в котором учитывались объем работы и средства для их выполнения, а также выводилась плановая прибыль от деятельности дороги. Была унифицирована система учета и отчетности, сокращены штаты дороги. Объявлено трудовое соревнование за выполнение и перевыполнение промфинплана. По данным Г.И. Мордвинова, в 1950 г. в соревновании участвовало 18 177 чел., в 1951 г. – 60 859 чел., широкое распространение получили передовые советские методы[1511]. Итоги соревнования подводились каждый месяц. Например, по службе эксплуатации – между станциями КЧЖД, кондукторскими, паровозными, вагонными службами. Было даже трудовое соревнование магазинов и столовых. По итогам года победителям соревнования присуждалось переходящее красное знамя КЧЖД. Бывшие эмигранты, «новосоветские», активно включились в соревнование. Так,

---

[1509] *Каневская Г.И.* Харбинский политехнический в воспоминаниях выпускников (к 75 –летию со дня основания ХПИ). (http://www.bfrz.ru/data/library/Kanevskaya.HPI.pdf.).
[1510] См. прил. 1, 10.
[1511] Страницы истории сотрудничества железнодорожников СССР и КНР…. С. 182.

Б.Е. Гросмана[1512] несколько раз премировали денежной премией, как особо отличившегося в трудовом соревновании[1513].

Формально деятельность КСО КЧЖД строилась на принципах равенства и взаимного уважения суверенных прав обеих сторон, но начиная с 1950 г. в работе КЧЖД чувствовалось нарастание китайского национализма и попытки «отодвинуть», а затем и «вытеснить» СССР с КЧЖД. Еще на советско-китайских переговорах в январе 1950 г. в Москве Мао Цзэдун предложил изменить условия паритета, чтобы в управлении дорогой главную роль играла китайская сторона. Тогда этот вопрос не получил развития, но на практике отношения между двумя сторонами ухудшались.

Советские специалисты работали в Маньчжурии не только на КЧЖД, но и в китайских учреждениях и предприятиях в качестве советников-консультантов при китайских руководителях, и должны были помимо помощи в восстановлении экономики Китая, передавать китайцам свои знания и опыт. Необходимо заметить, что по просьбе Сталина, оплата труда советских специалистов должна была быть скромной, доплачивало им Советское правительство за свой счет. В специальной инструкции ЦК ВКП(б) для советских специалистов, командированных для работы в Китай, оговаривалось, что советские специалисты обязаны были быть бдительными: «Изучать людей, с которыми они повседневно соприкасаются в работе, всегда помнить, что англо-американские империалисты и их прислужники – гоминьдановцы не останавливаются ни перед какими коварными приемами в борьбе против нового демократического Китая и в подрыве его дружественных отношений с Советским Союзом»[1514].

В характеристиках 1950 – 1952 гг. на советских служащих КЧЖД, необходимых для продления загранпаспортов, по запросам МПС СССР, обязательно учитывался моральный облик советского гражданина, необходимого для работы «в условиях заграницы». В одной из характеристик от 6 марта 1951 г. на С.Н. Никитина, врио начальника технического отдела службы эксплуатации КЧЖД, указывалось: «К порученной работе относится добросовестно, технически грамотен, свои знания и опыт в работе передает китайским товарищам. С июля 1949 г. по апрель 1950 г. имел связь и сожительство с местной русской женщиной, муж которой в 1945 г. вывезен в Советский Союз. Данный поступок Никитина обсуждался в профгруппе и общем собрании, где ему было указано на не-

---

[1512] См. прил. 24.

[1513] По размеру денежных премий Б.Е. Гросмана можно судить о степени инфляции в Маньчжурии: в 1946 г. он получил премию в 900 юаней, в 1949 г. по случаю праздника 1мая – 300 тыс. юаней, в 1950 г. – 1 млн. юаней, в апреле 1951 г.– 75 тыс. юаней (РГИА. Ф. 323. Оп. 13. Д. 373. ЛЛ. 10, 11, 13, 16).

[1514] *Ледовский А.М.* СССР и Сталин в судьбах Китая. С. 148.

допустимость подобного поведения, после чего (далее зачеркнута фраза "в связи с приездом жены и дочери" – *М.К.*) связь с местной женщиной Никитин прекратил»[1515].

Осторожность начали проявлять и в отношении бывших русских эмигрантов, принявших советское гражданство, работавших на КЧЖД и в советских учреждениях. При поступлении на КЧЖД эмигрантам необходимо было указать в анкете: гражданство (подданство); из какого сословия (крестьян, мещан, дворян, почетных граждан, духовного звания, военного сословия); образование (что, где и когда окончил); владение иностранными языками; обстоятельства прибытия в Маньчжурию (когда и откуда); служба в армиях; участие в боях во время гражданской войны и интервенции; участие в политических и общественных организациях; работа в военных миссиях, жандармерии, полиции, БРЭМ; привлекался ли к суду и следствию; семейное положение с подробным указанием состава семьи; родственники в Маньчжурии, СССР, других государствах. К тому же необходимо было написать подробную автобиографию[1516]. Количество пунктов постоянно увеличивалось. И если анкеты 1945 г. были небольшими, содержали 10-12 пунктов, то с 1949 г. был введен новый тип анкет, который содержал уже 25 пунктов, необходимо было подробно указать свое недвижимое имущество, связи с родственниками в других государствах и в Китае и т.п.

Г.В. Логинова в своих воспоминаниях о работе в Дайрене писала, что в 1951 г. произошел какой-то перелом в отношениях между «местными» и «командированными из СССР». Дети из бывших эмигрантских семей были изгнаны из советской школы, общение между «командированными» и «местными» было запрещено, даже пользоваться советскими магазинами в Дальнем «местным» было нельзя. В консульстве СССР в Дайрене при обращении для ежегодной пролонгации паспорта стали относиться сурово. Китайцы, выдавая годовые виды на жительство, где указывалось «совподданные», форменно издевались. ОГС в Дайрене неоднократно обращалось в советское консульство, чтобы защитить своих членов от дискриминации со стороны китайских чиновников, но получало холодный совет «не ссориться с китайцами»[1517].

В начале 1950-х гг. состав Правлений Обществ граждан СССР изменился не без помощи консульств, курировавших работу ОГС. Прежняя ориентация на деловых, культурных и «солидных» людей из числа старожилов сменилась ориентацией на молодежь, более подверженную «советизации». Председателем общества граждан СССР в Харбине

[1515] РГАЭ. Ф. 8002. Оп. 1. Д. 1877. Л. 56.
[1516] РГИА. Ф. 323. Оп. 13. Д. 1653. ЛЛ. 1 – 3.
[1517] *Логинова (Морозова) Г.В.* Институт русского языка НОАК в Дальнем // Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 1. С. 106 – 107.

стал в 1951 г. А.И. Говорук, бывший до того председателем Союза советской молодежи при ОГС. В 1951 г. из Правления ОГС в Харбине были уволены юрист А. Ефимов, инженер Самарин, Носов, Широколобов, которые были арестованы китайцами и посажены в тюрьму. Самарина и других через 2 – 3 года отпустили, о судьбе Ефимова ничего известно не было, говорили, что он умер в тюрьме[1518].

В сентябре 1952 г. в Москве в ходе переговоров с делегацией КНР во главе с Чжоу Эньлаем, министром иностранных дел КНР, было решено создать советско-китайскую комиссию по сдаче-приемке КЧЖД на условиях соглашения от 14 февраля 1950 г. Комиссия завершила свою работу к концу 1952 г. и 31 декабря 1952 г. в торжественной обстановке в Харбине состоялось подписание заключительного протокола о безвозмездной передаче СССР правительству КНР всех прав на КЧЖД. В тот же день управляющий КЧЖД Н.А. Груничев и его заместитель Го Лу отдали приказ о передаче управления дорогой вновь назначенному правительством КНР управляющему Лу Пину. По заключительному балансу КЧЖД, все принадлежавшее ей имущество, безвозмездно переданное в собственность КНР, оценивалось в 22727766 млн. юаней, что составляло около 600 млн. ам. долларов. Согласно заключительному протоколу, КНР было передано помимо железнодорожного хозяйства (более 2000 км путей, 10200 грузовых и 763 пассажирских вагонов, 880 паровозов), паровозоремонтные заводы в Харбине и Дальнем, мулинские и чжалайнорские угольные копи, предприятия лесного хозяйства, торговли и общественного питания, жилой фонд (1850364 кв м), 69 школ, 25 домов культуры и клубов и др. имущество[1519]. Большинство этих предприятий были когда-то созданы русскими эмигрантами.

Тогда же правительство СССР безвозмездно уступило КНР все имущество акционерного общества «И.Я. Чурин и К°», приобретенное обществом у японских собственников в Маньчжурии в 1945 г.: 21 объект в Харбине (пивоваренный, 2 спирто-водочных и 2 сахарных завода, льнозавод, колбасная фабрика, 2 мельницы, универмаг, молочная ферма); 17 объектов в Мукдене; 3 в Фушуне; пивоваренный завод в Имяньпо и колбасная фабрика в Хайлуне, а также имущество в Дальнем[1520]. Основное имущество «Торгового дома И.Я. Чурин и К°», которым он владел до капитуляции Японии, было продано КНР. Часть персонала – русского и китайского – осталась на прежних местах работы. Руководящие работники – советские граждане отбыли в СССР. В середине 1950-х гг. коммуни-

[1518] РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 5. Д. 18. Л. 83.
[1519] *Сладковский М.И.* Указ. соч. С. 201.
[1520] Там же. С. 203.

стическое правительство Китая национализировало все предприятия, принадлежавшие русским эмигрантам и советским гражданам.

С 1953 г. КЧЖД была реорганизована в Харбинскую железную дорогу под непосредственным руководством министерства железнодорожного транспорта. Начальником дороги стал Лу Пин. Н.А. Груничев какое-то время оставался в Харбине в качестве советника, но затем уехал в СССР. Стали уезжать в Союз и другие командированные работники КЧЖД. На дороге остались единицы в качестве советников начальников отделов и служб. К середине 1950-х гг. на Харбинской железной дороге практически не осталось советских специалистов.

4.2.3. Противоречия внутри советской колонии в Маньчжурии в послевоенный период

Советская колония в Маньчжурии, увеличившаяся после войны в несколько раз и по разным оценкам составлявшая в 1946 г. более 60 тыс. чел. (см. п. 4.1.2.), не была однородной по составу. Меньшую часть составляли работники консульств, советских учреждений, советские специалисты, командированные из СССР, а большую часть – старожилы Маньчжурии с советским гражданством («старосоветские») и т.н. «новосоветские» граждане, получившие советское гражданство после войны. Последних не считали своими, «полноценными» советскими гражданами и отделяли от советских граждан, «командированных из СССР». В разнообразных документах они числились как «бывшие эмигранты, имевшие советские паспорта» или «эмигранты с советским подданством». Консульские чиновники называли их «трофейными гражданами», «заграничными русскими»[1521].

С точки зрения советских представителей, «классовое лицо» новых советских граждан в Маньчжурии, было сомнительным, т.к. большинство из них были мелкими собственниками, владельцами домов или хозяйств. Среди них было много представители свободных профессий – врачи, журналисты, артисты, юристы, художники, музыканты и т.п. Значительная часть советской колонии была занята в торговле, мелкой промышленности, лесном хозяйстве, ремесле, промыслах. Кроме того, по мнению консульских работников, новые советские граждане были отягощены «тяжелым идеологическим наследством бывших белогвардейских антисоветских организаций», для них была характерна

[1521] См.: *Шиляев Е.П.* Моя служба на КЧЖД //Россияне в Азии. 2000. №7. С.220.

«политическая отсталость, замкнутость, индивидуализм, муштра, страх, безучастность к общему делу, неумение жить и работать в коллективе»[1522].

Для «перековки» эмигрантов в Маньчжурии стала выходить в ноябре 1945 г. газета «Русское слово», которая находилась в ведении Общества граждан СССР (см. п. 4.1.2.). Редколлегия газеты состояла из бывших русских эмигрантов: Н.В. Тихонова, Г.Г. Сатовского, О.И. Сидорчука. В справке, составленной представителем Совинформбюро в Харбине в 1950 г., указывалось, что «газета очень слаба и требует серьезных улучшений и по своему содержанию, и по оформлению. <…> Газета очень мало делает для того, чтобы … на фактах местной жизни повседневно воспитывать своих читателей в духе советского патриотизма»[1523]. Далее анализировались статьи местных авторов – Н. Семенова, М. Чечановского, которые характеризовались как чрезвычайно слабые, «не свободные от серьезных ошибок», в которых встречались часто «длинноты, заумные выражения, зачастую бессодержательный набор слов, пустозвонство». Непозволительным считалось давать материал в газету, основанный на иностранных источниках, не подлежащих публикации – например, в номере от 13 ноября 1949 г. были даны подробности об атомном взрыве в СССР на основе информации из Берлина[1524]. Самым серьезным недостатком газеты автор справки считал «подражание буржуазным газетам», особенно в отделе объявлений. Недопустимыми считал он в советской газете объявления, вроде следующего: «Преклоняясь перед волей Всевышнего, жена, дети, невестка и племянник извещают о смерти дорогого мужа, папочки и крестного Константина Александровича Смирнова. Отпевание в Софийском храме, завтра, в 2 часа дня» («Русское слово» от 15 ноября 1949 г.)[1525]. Материалы такого рода вместе с поздравлениями с религиозными праздниками, рекламой считались «эмигрантскими пережитками».

В числе «пережитков», на которые указывали советские представители бывшим эмигрантам, был «старорежимный» стиль в заявлениях, официальных бумагах, личных делах эмигрантов, который никак не вязался с советским делопроизводством. Так, Б.Н. Тыкоцкий[1526] в заявлении о приеме на работу от 20 октября 1947 г. писал: «Сим имею честь покорно просить Вас о принятии меня на службу в 1-ый околоток вверенной Вам конторы на свободную должность ст. счетовода. С канцелярским трудом знаком хорошо. Делопроизводство знаю. Образование имею среднее (реальное училище, полный

[1522] АВП РФ. Ф. 100. Оп. 34. П. 132. Д. 48. Л. 66.
[1523] ГА РФ. Ф. Р-8581. Оп. 1. Д. 430. Л.7.
[1524] Там же. Л. 12.
[1525] Там же. Л. 11.
[1526] См. прил. 89.

курс)»[1527]. Однако со временем в среде «новосоветских» граждан был усвоен советский стиль. В заявлении о приеме на работу в Управление КЧЖД присяжного поверенного М.А. Антика от 13 октября 1945 г. его рукой было написано: «Покорнейше прошу о предоставлении мне службы на дороге по моей специальности в качестве юрисконсульта». Но уже в 1950 г., будучи начальником Юридического отдела Управления КЧЖД, М.А. Антик указывал в своей автобиографии: «С приходом Красной армии по убеждению и из желания принести пользу советской власти и правительству народной республики Китая, поступил на работу на КЧЖД. <…> Работаю по убеждению в правоте дела советской власти и правительства Народной Китайской республики»[1528].

Н. Райан, преподаватель русского языка в австралийском университете Маквори, родившаяся в Маньчжурии и учившаяся в советской школе в Харбине, проследила изменения в лексике русского населения Маньчжурии после 1945 г. Согласно ее исследованию, из активного словарного запаса «харбинцев» исчезло много слов, и им на смену пришли новые: агитатор, субботник, директива, домработница, здравница, профсоюз, ударник, культотдел, зарплата, обком и др. Появились новые выражения – «точно», «давайте закругляться», которые также вошли в разговорную речь русского населения в Китае[1529]. Однако советское влияние на русское население в Маньчжурии, по мнению Н. Райан, было минимальным, только третье поколение эмигрантов (поколение «В»), молодежь, родившаяся и выросшая в Китае, была подвержена в наибольшей степени советизации. Хотя и оно оказалось в сложном положении и в постоянном внутреннем конфликте. Воспитанные в традиционной русской культуре, молодые люди легко воспринимали и советские ценности, не испытывая давления тоталитарной идеологии, оставаясь «свободомыслящими» людьми. Получив хорошее образование, они сохранили желание быть русскими и жить в России[1530].

В справке от 22 марта 1947 г., составленной атташе 1-го Дальневосточного отдела НКИД Бендрышевым, о положении советских граждан в Китае, говорилось: «Однако еще нельзя сказать, что новые советские граждане в Китае стали действительно сознательными советскими людьми. Нельзя забывать их недалекое прошлое и ту политическую атмосферу, в которой они жили, росли и воспитывались. <…>Можно сказать, что основная масса новых советских граждан представляет из себя *сырой материал*, разнородный по

[1527] РГИА. Ф. 323. Оп. 13. Д. 1653. Л. 4.
[1528] РГИА. Ф. 323. Оп. 13. Д. 38. Л. 3об.
[1529] *Райан Н.* Россия – Харбин – Австралия: Сохранение и утрата языка на примере русской диаспоры, прожившей XX век вне России. М., 2005. С. 96.
[1530] Там же. С. 97–99.

составу, несущий глубокие следы влияния прошлых белоэмигрантских организаций. Поэтому требуется большая и длительная культурно-просветительная работа для повышения общего уровня новых советских граждан, для превращения их в сознательных граждан СССР, знающих свое государство, свои права и обязанности»[1531].

Культурно-просветительная работа, о которой писал советский дипломат, заключалась, в первую очередь, в изучении истории Коммунистической партии, заучивании решений съездов, Советской конституции, истории советского права и т.п. При ОГС в Харбине и на линии были организованы клубы с библиотеками, читальнями и массовыми кружками самодеятельности. В клубах ОГС было предписано читать лекции и доклады на политические темы. Содержание докладов и лекций строго регламентировалось, тексты присылались консульствами, другие доклады к чтению не допускались. Консульства требовали проявления различного рода инициатив, выполнения резолюций[1532]. Таким образом, общественная работа сводилась к проведению в жизнь предписаний консульства. Но формальный подход не был эффективным в деле «перековки» эмигрантской массы, которая, как могла, сопротивлялась советским бюрократическим методам.

Так, центром жизни советских граждан в Харбине был Советский клуб (бывшее Коммерческое собрание), находившийся на Пристани. Из докладной записки сотрудников Генконсульства СССР в Харбине П.И. Крюкова и А.М. Туманова от 26 сентября 1949 г. «О положении в Пристанском советском клубе» выяснялось, что секретарь клуба А.Л. Гальперин превратил клуб, который должен был стать «культурным очагом на Пристани», в «обыкновенный спекулятивный очаг, присущий капиталистическому обществу»: «Бильярдная (4 стола) сдана в аренду гр. Славинскому, бывшему жулику и маклеру, который превратил ее в комнату сбора разложившейся части жителей Пристанского района (огромные денежные ставки). <…> Большая комната отдана картежным обывателям (играли только на большие суммы денег в преферанс, бридж и покер)». В конце записки сотрудники консульства предлагали уволить Гальперина, расторгнуть договор со Славинским, закрыть игорный дом[1533]. Надо заметить, что Правление ОГС, в чьем ведении находился Советский клуб, не видело ничего крамольного в том, что средства, так необходимые для обеспечения советских граждан, добывались таким путем.

В трениях между консульствами и Правлениями ОГС проявлялись также различные подходы к общественной работе и пониманию «советизации» русского населения.

[1531] АВП РФ. Ф. 100. Оп. 34. П. 132. Д. 48. Л. 60.
[1532] РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 5. Д. 18. Л. 45.
[1533] АВП РФ. Ф. 308. Оп. 33. П. 29. Д. 32. ЛЛ. 1-2.

Так, члены Общества граждан СССР пос. ст. Муданьцзян (672 чел.), преимущественно служащие КЧЖД, были недовольны тем, что в их дела постоянно вмешивались советские специалисты. Они жаловались в Генконсульство СССР в Харбине на «командированных из СССР» железнодорожников, которые присутствовали на собраниях советской колонии и иногда выступали с «безграмотными репликами и речами»[1534].

В.А. Морозов, избранный общим собранием в декабре 1945 г. председателем Правления Общества граждан СССР пос. Барим, постоянно подвергался критике со стороны консульства СССР в г. Маньчжурия за «политическую пассивность» и упор на хозяйственную деятельность. Сам он считал, что главным в работе ОГС являлось обеспечение хозяйственных нужд русского населения и отстаивания его прав, а «словесная мишура» была ему «органически неприемлема». Также он был против применения к русскому населению «крутых мер» при взыскании недоимок и штрафов в пользу ОГС, на которых настаивало консульство. В своих воспоминаниях он замечал, что принятие крутых мер считалось проявлением «советскости», также как, например, «самокритика» или заявления в консульства о «недостойном поведении» отдельных советских граждан (по существу, доносы)[1535].

Многие «вчерашние» эмигранты, чтобы продемонстрировать лояльность новой власти, «меняли вехи» и на этом строили свою политическую карьеру. Так, В.А. Ивашкевич, бывшая советская гражданка, перешедшая в эмигрантское состояние при японцах[1536], доказывала свою «советскость» после войны, указывая на «эмигрантские пережитки» в среде «новосоветских» граждан. В докладной записке от 6 октября 1947 г. на имя пом. Управляющего КЧЖД В.И. Седых она обращала внимание на недостатки в работе Центральной библиотеки КЧЖД: «Снабжает в большинстве случаев своих абонентов макулатурной литературой, старыми изданиями исторических романов, худшими образцами эмигрантской литературы (Наваль, Черкес, Бебутова и проч.), советской литературой издания 20-х гг., давно уже опороченной в Советском Союзе, переводной литературой буржуазных стран и т.д. Советские книги последних лет имеются в ограниченном количестве»[1537]. В записке она подчеркивала, что хочет помочь в реформировании библиотеки, и через некоторое время ее назначили начальницей Центральной библиотеки КЧЖД.

Интересно заметить, что в Центральной библиотеке КЧЖД был создан «запретный фонд» из эмигрантских изданий, книги в который отбирали работники Генконсульства

[1534] АВП РФ. Ф.308. Оп.31. П.27. Д.15. Л. 26.
[1535] РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 5. Д. 18. ЛЛ. 18 – 20об.
[1536] См. прил. 34.
[1537] РГИА. Ф. 323. Оп. 13. Д. 582. Л. 14.

СССР в Харбине. Доступ к фонду имели только руководители библиотеки, книги выдавались только по особым разрешениям. И В.А. Ивашкевич выдавала неофициальным порядком «запретные» книги некоторым «командированным». Например, зам. Управляющего КЧЖД генерал-лейтенант административной службы В.И. Седых получил таким путем книгу П.Н. Краснова «От двуглавого орла к красному знамени», которую давно хотел прочитать[1538].

Бывшим эмигрантам, напуганным репрессиями 1945 г., не чувствовавшим «почвы под ногами», всячески давали понять, что они люди «второго сорта». Так, бывшему «каппелевцу» Б.Н. Тыкоцкому[1539], устроившемуся в 1948 г. на КЧЖД штатным рабочим Харбинской городской жилищно-ремонтной конторы, в мае 1949 г. был объявлен выговор за недисциплинированность и «дискредитацию указаний начальника». В личном деле Тыкоцкого находится докладная записка начальника 1-го района Ковтунова, который, по-видимому, неприязненно относился к нему. В записке советский начальник указывал, что Тыкоцкий не выполнил его приказ «убрать мусор с крыши дома» (они ремонтировали дома для служащих КЧЖД), сделал это только при «вторичном указании», еще и «обсуждал этот вопрос». Здесь же находится объяснительная записка Тыкоцкого от 16 мая 1949 г.: «Не убрал кирпичи с крыши летней кухни по просьбе жильца квартиры – кирпичи придерживали кусок железа, которым была закрыта дыра на крыше. Сознаю свою вину и прошу извинить». Но его объяснения Ковтунов даже не захотел слушать, Тыкоцкому был объявлен выговор и вскоре, в ноябре 1949 г. его переместили в другой околоток[1540].

Судя по личным делам эмигрантов, работавших на КЧЖД, и воспоминаниям бывших харбинцев, существовала невидимая черта, отделявшая командированных из СССР специалистов и местных русских, принявших советское гражданство. Это проявлялось и в ставках зарплат, которые у «новосоветских», даже при занятии равных должностей, были значительно ниже, и в дополнительных привилегиях для «командированных» в кооперативе рабочих и служащих КЧЖД, и в приоритете предоставления бесплатной жилплощади, транспорта и т.д. У «командированных» были свои собрания и политучебы. Отношение сотрудников Генконсульства СССР в Харбине к местным русским не всегда было тактичным и доброжелательным. Командированным не рекомендовалось общаться с бывшими эмигрантами, они держались особняком даже в кино, театрах, ресторанах. Харбинцы сразу же распознавали их по внешнему виду, манерам, разговору. Хотя они и рабо-

---

[1538] См. об этом: *Шиляев Е.П.* Указ.соч. //Россияне в Азии. 2000. № 7. С. 230.
[1539] См. прил. 89.
[1540] РГИА. Ф. 323. Оп. 13. Д. 1653. ЛЛ. 9 – 13.

тали вместе на КЧЖД, в различных учреждениях, но отношения чаще всего были формальными. Хотя бывали, конечно, исключения, и при более тесном общении эмигранты и советские командированные («местные» и «приезжие») нередко становились добрыми друзьями.

Так, В.А. Морозов после совместной работы с начальником ст. Барим Чуриковым, командированным из СССР в Маньчжурию весной 1946 г., вспоминал: «Человек малообразованный, простоватый, он обладал той внутренней, прирожденной интеллигентностью и чуткостью, которые делают таких людей по-настоящему культурными и приятными в общении. 3 месяца проработали мы с ним вместе и расстались как лучшие друзья, даже обменялись фотокарточками. Я признался коммунисту Чурикову (когда выпивали вместе), что я монархист, и таким, видимо, и останусь. Чуриков ответил: “Монархическая идея тоже большая и глубокая”, и отношения своего ко мне после этого не изменил. Мы даже переписывались с ним какое-то время»[1541].

Е.П. Шиляев, работая в Правлении КЧЖД в 1945 – 1946 гг. и ежедневно общаясь с советской «верхушкой» Правления, отмечал, что не чувствовал особой резкой разницы в привычках, навыках, бытовых обычаях и традициях. Из чего он сделал вывод, что долголетняя «нивелировка» русского человека «тяжелым коммунистическим идеологическим “утюгом”», попытка создать какого-то нового особенного советского человека закончились провалом, и русские люди в СССР сохранили все характерные черты русской ментальности, в том числе и все присущие русскому характеру крайности. В своих воспоминаниях Е.П. Шиляев оставил впечатления о многих высших агентах КЧЖД, командированных из СССР. Так, генерал-лейтенанта И.В. Каргина, зам. председателя правления КЧЖД, он описал как человека незаурядного, умного, выдержанного и интеллигентного, простого и открытого в общении[1542].

Но все же в отношениях русских эмигрантов и оказавшихся в Маньчжурии советских граждан – военных и штатских, встречались недоразумения, причиной которых была разница в менталитете, о которой писали мемуаристы: «Это была встреча разных культур. Не люди разного культурного уровня, а именно люди двух разных культур, разного миропонимания, разных требований к жизни и понимания обязанностей перед ней»[1543]. С многими советскими представителями эмигранты не могли найти каких-либо точек соприкосновения. Их эмигранты называли «троглодитами» за отсутствие культуры и «моральные

[1541] РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 5. Д. 18. Л. 53.
[1542] *Шиляев Е.П.* Указ. соч. С. 202 – 208.
[1543] РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 5. Д. 18. Л. 44.

прорехи». Мемуаристы вспоминали в основном фамильярность советских начальников (обращение на «ты» и по имени без отчества), грубость, своеобразный «жаргонистый» язык, страсть к «стяжательству», скупке нужных и ненужных вещей, поведение их жен, носивших наряды в неподходящих ситуациях, например, выходы в вечерних платьях и украшениях на базар.

В.А. Морозов оставил яркие впечатления о секретаре консульства СССР в г. Маньчжурия П.Б. Веденском, который, приезжая по делам в Хайлар, охотно принимал устраиваемые в его честь пышные угощения и не возражал, когда местные богачи, «исключительно евреи», преподнесли ему отличную дорогую шубу и вообще позаботились о его туалете. При проведении собрания советских граждан в Хайларе, когда все старались занять места подальше от сцены, на которой помещался президиум и трибуна, П.Б. Веденский бросил реплику, которую все надолго запомнили: «Товарищи! Что вы все в заду сидите, переходите ближе к сцене!». Морозова поразило то, что советский дипломат, представитель советской власти за границей, мог так выражаться[1544].

Встреча двух культур в Маньчжурии дала возможность наблюдать, чем закончилась схватка между «коммунизмом и русскими»[1545], обнаружила как сходства, так и различия в русской / советской ментальности. Эта встреча подтвердила несомненное сближение русских и советских людей, выявила черты общей идентичности – надежды на взаимовыручку, а не на институты и законы, общий язык, историю, культуру, отчасти общую символику. Однако эмигранты отметили в среде советских людей отсутствие демократизма, гражданского общества, моральных принципов, бытовой и правовой культуры, культурного разнообразия, а также привлекательность материальных ценностей и буржуазного образа жизни для «командированных из СССР». Это несоответствие советской идеологии и поведения учитывалось бывшими эмигрантами – «новосоветскими» гражданами – при оценке советской действительности и советских людей. Противоречия между «местными» и «приезжими» сыграли свою роль, с одной стороны, в принятии решения о репатриации в СССР, а с другой стороны, в возросшем недоверии к «новосоветским гражданам» со стороны консульских и других советских органов.

4. 3. Репатриация советских граждан в СССР и массовый выезд из Маньчжурии.

4.3.1. Внешнеполитические и внутриполитические аспекты ухода СССР из Маньчжурии.

[1544] Там же. Л. 49.
[1545] *Хоскинг Д.* Правители и жертвы. Русские в Советском Союзе. М., 2012. С. 48.

После образования 1 октября Китайской народной республики изменился внешнеполитический курс страны, направленный на полную самостоятельность и избавление от какой бы то ни было зависимости от иностранцев. Одним из принципов Мао Цзэдуна был: «Сначала приберемся у себя в доме, наведем в нем чистоту, а уж затем будем приглашать к себе гостей». Это означало, что иностранцы в Китае – временное явление, и только очистив дом от «иностранной заразы», можно допускать в Китай иностранцев в качестве гостей, и за этими установками скрывалось стремление отделять «своих» (китайцев) от «чужих» (иностранцев)[1546].

Русские служащие КЧЖД с тревогой наблюдали, как меняется обстановка на дороге. Среди китайского персонала КЧЖД с 1949 г. начались «чистки», проработки в русле движения «таньбай» («движения за откровенность»), когда китайские служащие на общих собраниях рассказывали о своем прошлом, усилился контроль за служащими и т.п.[1547]. Все это очень напоминало советский опыт и вызывало опасения за будущее русских в Маньчжурии.

Переломным в советско-китайских отношениях стал Договор о дружбе, союзе и взаимопомощи, подписанный в Москве 14 февраля 1950 г., который предусматривал передачу китайской стороне прав на пользование и управление КЧЖД. В течение 2 лет происходила постепенная замена советского персонала дороги китайским. В конце 1952 г. СССР передал Китаю КЧЖД, после чего китайское руководство выступило с предложением решения вопроса о пребывании в стране советских граждан, т.к. наличие значительного количества русских, проживающих на территории Китая, казалось последствием российской колониальной политики.

Во второй половине 1953 г. в СССР началась подготовительная работа по репатриации советских граждан из Китая, в том числе из Маньчжурии. С ноября 1953 г. вопросы репатриации курировал зам. министра иностранных дел СССР В.В. Кузнецов, работавший до этого в 1953 г. полномочным послом в Китае. Вопрос решался на уровне МИД СССР и Китая. Предполагалось вывезти из КНР все русское население, восстановленное в советском гражданстве после Второй мировой войны. Н.Н. Аблажей, изучившая вопросы советской миграционной политики, считала, что ее либерализация в середине 1950-х гг. была связана с возможностями привлечения дополнительной рабочей силы из-за границы, в том числе и из Китая. Таким образом, репатриантов из Маньчжурии должны были ис-

[1546] См. об этом: *Галенович Ю.М*. Указ. соч. Кн. 3. С. 11 – 12.
[1547] См. об этом: *Шиляев Е.П.* Указ. соч.//Россияне в Азии. 2000. № 7. С. 239 – 243.

пользовать как дополнительные трудовые ресурсы в аграрном секторе, в первую очередь для освоения целинных и залежных земель в Казахстане и Сибири. Поэтому помимо МИДа в решении репатриационных вопросов принимали участие Министерство сельского хозяйства и Министерство совхозов СССР, а также органы власти Казахской ССР. Свои специфические задачи, касающиеся работы с репатриантами, выполняли также Министерство финансов и МВД[1548].

Оставшееся без работы и средств к существованию, русское население в 1954 – 1955 гг. начало покидать Харбин. Но даже после выезда большого контингента советских граждан в СССР, в Маньчжурии оставалось большое количество русских, положение которых после передачи КЧЖД и ряда русских предприятий китайцам стремительно ухудшалось: безработица, дороговизна, преследования китайцев. Департамент общественной безопасности Харбина ужесточил контроль над русским населением. Так, эмигрант доктор С.К. Сажин, 67 лет, был арестован в январе 1954 г. китайскими властями за «антисталинские высказывания»[1549], осужден Харбинским народным судом как «враг народа, контрреволюционер» в 1955 г. к 7 годам каторжных работ.

С 1955 г., когда число учащихся и учителей сократилось, советские школы в Харбине объединились в одну. В сентябре 1956 г. старшие классы были расформированы, детям оставалась возможность получить только семилетнее образование. По инициативе родителей через 2 месяца восстановили старшие классы, и полная школа просуществовала до 1962 г., когда было закрыто генконсульство СССР в Харбине. В 1957 г. была закрыта последняя русская газета «Русское слово». В одном из писем из Харбина весной 1959 г. ситуация была обрисована лаконично: «Голод, холод, тьма и страх»[1550].

На рубеже 1950-х – 1960-х гг. в связи с политикой Мао Цзэдуна – «большого скачка» и «народных коммун», обострилось неприязненное отношение к иностранцам, в том числе, и к русским в Китае. Продолжалось вытеснение русских из Китая. После смерти И.В. Сталина, особенно после речи Н.С. Хрущева на XX съезде с критикой культа личности Сталина, отношения на высшем уровне становились напряженными. Китайцы, верные сталинским идеям, возмущались «предательством» русских. Местное русское население, не причастное к политическим переменам в СССР, испытало на себе всю силу китай-

---

[1548] См. об этом: *Аблажей Н.Н.* Указ. соч. С. 196 – 200.

[1549] С.К. Сажин в январе 1953 г. написал «Подражание Акафисту» - антисталинское стихотворение: «Радуйся, идолище поганое, на престоле царском сидящее. Радуйся, змей ядовитый, в сердце Россию ужаливший. Радуйся, подколодная гадина» и пр. Копии стихотворения попали в руки советского консульства и китайской полиции, после чего он был арестован. (Сажин С.К. Из маньчжурского дневника //Collection of S.K. Sazhin. BAR).

[1550] Письмо А. Гинценберг В. Перелешину от 7 апреля 1959 г. (Collection of V. Salatko-Petrische. Box #1. BAR).

ского негодования: плевки и камни[1551]. Изменение отношения китайцев к русским можно проследить по положению пенсионеров КВЖД (в 1955 г. их осталось в Маньчжурии 287 чел.), когда китайцы отказали им в выплатах. На очередное коллективное письмо Мао Цзэдуну в 1955 г. секретарь Генконсульства СССР в Харбине В. И. Тимофеев сообщил, что пенсии не будут выдаваться по распоряжению министра иностранных дел КНР Чжоу Эньлая: «Служащие дороги эксплуатировали рабочих-китайцев и платили им в 2 раза меньше, чем русским. На средства китайцев понастроили себе дома, а теперь еще требуют, чтобы за все это им выплачивали деньги»[1552]. Благодаря настойчивым письмам во все инстанции 60 чел. пенсионеров получили в октябре 1958 г. единовременную денежную помощь «особо нуждающимся престарелым гражданам СССР, постоянно проживающим в Харбинском консульском округе» в размере 1040 юаней[1553].

Когда в Китае началось движение «большого скачка», народный комитет г. Харбина постановил 8 мая 1958 г. ликвидировать русские кладбища. 6 июня 1958 г. состоялось собрание Общества граждан СССР (председателем ОГС тогда был В.И. Панов) в Советском клубе, на котором был поднят вопрос о переносе русских кладбищ на новое место. На православном кладбище, по сообщению З. Аграновского, было 45–47 тыс. могил, при этом более 12 тыс. могил считались безвестными – без памятников, крестов и т.д. С православного кладбища было перенесено более 600 могил, т.е. незначительное количество останков, т.к. православное духовенство Харбина, в частности, отец Филарет считал, что «переносить останки грешно»: «То, над чем сказано “со святыми упокой” не следует извлекать из могил и переносить на новое место». С еврейского кладбища было перенесено 854 останков из 3100–3300 могил[1554]. Перенос русских кладбищ произвел тягостное впечатление на оставшееся русское население Харбина.

В 1958 г. в выступлениях Мао Цзэдуна появились первые признаки раздражения излишней «опекой» СССР и утверждения его особого курса «большого скачка». Среди КПК получили широкое распространение идеи Мао о том, что СССР не только продолжает захватническую политику царской России, но и старается «не позволить» КНР «выпрямиться» и «подняться во весь рост», стремится «командовать» Китаем[1555]. После визита Н.С. Хрущева в Китай в августе 1958 г. последовал фактический разрыв между СССР и

[1551] См. об этом: *Райан Н.* Указ. соч. С. 119.
[1552] РГИА. Ф. 1679. Оп. 1. Д. 31. Л. 42об.
[1553] Там же. Л. 85.
[1554] *Аграновский З.* Еврейская община в Харбине. 1948-1962. //Бюллетень «Иогуд Иоцей Син». 2004. № 379. С. 69.
[1555] См. об этом: *Галенович Ю.М.* Указ. соч. Кн. 3. С. 398 – 399.

КНР[1556]. Начиная со второй половины 1958 г., советских специалистов, работавших на китайских предприятиях, перестали допускать на производство, их рекомендации отвергались, они подвергались публичным насмешкам. На промышленных предприятиях КНР, работавших по советским технологиям, были ликвидированы технологические службы и изъяты все советские инструкции[1557]. Мао Цзэдун объявил практически всех, общавшихся с советскими специалистами, «национальными предателями», «советскими шпионами». Органы общественной безопасности КНР начали следить за советскими специалистами. Китайские чиновники начали относиться к ним явно неуважительно, показывая, что они не нуждаются в их знаниях и опыте. Посольство СССР вынуждено было вручить 16 июля 1960 г. министерству иностранных дел КНР ноту, в которой отмечались недружественные действия в отношении СССР, многочисленные нарушения Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР от 14 февраля 1950 г. В ноте сообщалось об отзыве из Китая советских специалистов, а также о разрыве соглашения по технико-экономическому сотрудничеству двух стран. Вслед за советскими специалистами стали уезжать эмигранты и советские граждане – в СССР, Австралию, Бразилию, США и другие страны.

В 1962 г. в Харбине были опечатаны помещения и имущество Общества граждан СССР. Члены Правления ОГС и сотрудники были арестованы и подверглись унизительным допросам и физическому воздействию. Сообщали, что 2 из них умерли в заключении. В то же время китайская милиция блокировала генконсульство СССР в Харбине и лишила советских граждан доступа в него. Осенью 1962 г. Советское правительство закрыло оставшиеся консульства СССР и отделения Торгпредства в Китае[1558].

Основной контингент русской колонии выехал из Маньчжурии до 1964 г., но некоторые русские с китайским гражданством остались, часто из-за смешанных браков. Существует ряд исследований китайских авторов о немногочисленных русских, оставшихся в Маньчжурии. По данным Ши Фана, Гао Лина, Лю Шуана, в начале 1960-х гг. в Харбине и вдоль железной дороги насчитывалось немного более 1 тыс. советских граждан и лиц без гражданства, к 1970-м гг. осталось 179 чел., в начале 1980-х гг. – 57 чел. По данным за 1997 г. в Харбине проживало около 10 чел.[1559]. В числе русских, которые прожили всю свою жизнь в Харбине, были Аграфена Чжан (1894 – 1978), К.И. Лескова (1919 – 1999),

---

[1556] Там же. С. 273 – 282.
[1557] См. об этом: *Сладковский М.И.* Указ. соч. С. 246 – 249.
[1558] См. об этом*: Гинзбургс Дж.* Проблемы гражданства в послевоенных китайско-советских отношениях //Хроника защиты прав в СССР (Нью-Йорк). 1977. Вып. 26 (апрель-июнь). С. 71.
[1559] *Василенко Н.А.* Указ. соч. С. 101.

Л.И. Юськова (1908 – 2000), Н.А. Давиденко (1910 – 2000), М.М. Мятов (1912 – 2001), В.А. Зинченко (1936 – 2002) и др.

По мнению китайских ученых, главной причиной отъезда русских из Китая в конце 1950-х гг. стал «наметившийся разрыв в партийных и государственных отношениях КНР и СССР» после XX съезда КПСС в 1956 г. Межпартийные разногласия отразились на советско-китайских отношениях. Еще одной причиной отъезда стали события «культурной революции» в Китае, когда был практически стерт «русский след» в истории Харбина, уничтожались храмы, кладбища, книги на русском языке[1560]. Массовая безработица, разрушение привычного уклада жизни, выросший китайский национализм подталкивали русское население Маньчжурии к выезду из Китая. С другой стороны, репатриация бывших эмигрантов в СССР могла решить проблему нехватки кадров при освоении целинных земель, что при возросшем патриотизме русского населения в Маньчжурии после войны дало высокий процент бывших эмигрантов, репатриировавшихся в СССР.

4.3.2. Раскол среди русской колонии по поводу направлений выезда из Маньчжурии

К 1949 г., согласно докладу ЦК КПК, в Маньчжурии проживало 54 тыс. русских, большинство из которых являлись советскими гражданами[1561]. До 1949 г. выехать из Маньчжурии в связи с гражданской войной было практически невозможно. Но после образования КНР российское население начало покидать страну. Одними из первых из Маньчжурии стали уезжать поляки – бывшие железнодорожники и члены их семей, восстановившие польское гражданство. По поводу поляков на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) от 17 июня 1949 г. было принято решение «разрешить транзитный проезд 730 польским репатриантам из Маньчжурии в Польшу; предоставить вагоны для перевозки; обеспечить медико-санитарное обслуживание репатриантов во время проезда по территории СССР»[1562].

После создания государства Израиль в 1948 г. и особенно после принятия в 1950 г. «Закона о возвращении», согласно которому каждый еврей имел право репатриироваться в Государство Израиль, возможностью выехать воспользовались евреи Маньчжурии, многие из которых были с советским гражданством. Часто визой в Израиль пользовались для выезда из Маньчжурии, но конечной целью служили другие страны. Так, с конца

[1560] Там же. С. 66.
[1561] *Ледовский А.М.* СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участника событий: 1937 – 1952. М., 1999. С. 99.
[1562] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1076. Л. 44.

1949 г. начался массовый выезд евреев, проживавших в Маньчжурии, в Израиль[1563]. А.И. Кошелев, представитель Совинформбюро в Китае, сообщал из Харбина в письме от 10 декабря 1949 г.: «Сейчас здесь местное еврейское население выезжает в Израиль, распродает довольно дешево мебель, посуду, вещи, которые можно было бы приобрести» [1564]. З. Аграновский в статье «Еврейская община в Харбине. 1948– 1962» сообщал о сокращении количества евреев в Харбине: к 29 мая 1949 г. их насчитывалось 1900– 2000 чел., спустя 2 года в 1951г. – менее 700; в июне 1955 г. – 380 чел, на 1 января 1958 г. – 189 чел, на 1 апреля 1962 г. – 48 чел. Причем из общего числа евреев после 1949 г. в СССР выехало около 100 чел, 4 чел. – в Польшу, остальные – в Израиль и другие страны[1565].

С образованием КНР и последовавшими за этим преобразованиями в Китае многие русские жители Маньчжурии задумались о своей дальнейшей судьбе. Примером для них стало русское население Шанхая, которое также разделилось на тех, кто принял советское гражданство, и остался бесподданым эмигрантом. Советские граждане Шанхая, среди которых было много бывших «харбинцев», еще в 1947 г. получили возможность выехать в СССР[1566]. Решение о репатриации советских граждан из Шанхая в СССР было принято после консульских докладов о массовой безработице среди советских граждан в Шанхае (из 12 тыс. чел. – 3 200 безработных), их тяжелом положении, которое использовалось «китайской и американской пропагандой во враждебных СССР целях»[1567]. Визы на въезд в СССР выдавались в упрощенном порядке – по отбору и решениям специальных комиссий под председательством консулов в Шанхае, Тяньцзине и Пекине.

Н. Крук писала в воспоминаниях о «массовом психозе репатриации» в Шанхае среди советских граждан, «иррациональном неукротимом желании» ехать в «свою» страну, «магнетической тягой ТУДА»[1568]. Призыв «Родина вас зовет – Родина вас ждет – Родина вам все прощает» оказался привлекательным для эмигрантов самых различных слоев. Старшее поколение, реально оценивавшее положение в России, пыталось отговаривать,

---

[1563] См.: *Kaufman T.* The Jews of Harbin Live on in My Heart. Tel-Aviv, 2006. Т. Кауфман в своих воспоминаниях писал о том, что советское консульство препятствовало выезду евреев – советских граждан в Израиль, затягивало с выдачей разрешения на выезд из Харбина. Его агитировали в консульстве за выезд в СССР, обещая там хорошую карьеру. Разрешение на выезд до Тяньцзиня (ближайший порт в Китае) он получил в декабре 1949 г.

[1564] ГАРФ. Ф. 8581. Оп. 1. Д. 430. Л. 200.

[1565] *Аграновский З.* Еврейская община в Харбине. 1948-1962. //Бюллетень «Иогуд Иоцей Син». 2004. № 381. С. 54.

[1566] В 1947 г. из Шанхая теплоходами «Ильич», «Восток», «Гоголь» было вывезено в Находку около 7 тысяч реэмигрантов, откуда их распределили по «перечню рекомендованных районов»: в Свердловскую, Молотовскую, Кемеровскую, Челябинскую, Омскую, Чкаловскую, Тюменскую области и Татарскую и Башкирскую АССР. См. об этом: *Чернолуцкая Е.Н.* Российская реэмиграция из Китая // Россия и АТР. 1996. № 2.

[1567] Русско-китайские отношения в XX веке. Т. 5. Кн. 2. С. 512.

[1568] *Крук Н.* Указ. соч. С. 179 – 180.

«открыть глаза», но молодежь не воспринимала предостережения всерьез, считала, что «злобствует недобитая белогвардейщина». К тому же молодые люди менее чем люди старшего возраста, были склонны обращать внимание на экономические трудности. Советские ценности ассоциировались у них с отречением от всего старого, рутинного, беспринципного, продажного. Многие молодые эмигранты всей душой приняли советские идеалы и готовы были на любой риск во имя Родины. Валерий Янковский, арестованный в 1946 г. в Маньчжурии, осужденный по статье УК 58-4 и получивший 10 лет лагерей, утверждал позже, что «подавляющее большинство эмигрантской молодежи искренне верило, что дома в России все хорошо, что нам ничего не грозит, что мы будем полезными для нашей Родины. Душой мы были подготовлены к любым трудностям, тем, что нас ждали в СССР. Нам все было по плечу»[1569]. Много позже, один из эмигрантов, В.В. Федуленко, живший в Шанхае, переехавший в США, вспоминал: «Они не хотели ехать в Америку или куда-нибудь еще. Они говорили: “Мы русские. We will prepare a new Russia for them”. У них были такие иллюзии»[1570]. Надо сказать, что многие репатрианты из Шанхая подверглись репрессиям в СССР в связи с начавшейся в 1948 г. кампанией по борьбе с космополитизмом и «иностранщиной». Так, для ускорения поисков «врагов народа» и «шпионов» архивный отдел УМВД по Хабаровскому краю в 1949 г. составил специальный справочник, по которому велся розыск бывших членов «белогвардейских организаций»[1571].

Но другая часть русских эмигрантов, не стремившаяся в СССР, стала искать пути выезда из Китая. Многие подали документы на выездные визы в Австралию, Южную Америку, даже в Танжер. Среди них были и «советские эмигранты». В материалах МИД среди дел о лишении гражданства СССР в анкетах «харбинцы» и «шанхайцы» указывали мотивы выхода из советского гражданства. Как правило, это были «отъезд в другие страны» по вызову родственников; замужество за иностранного подданного или за бесподданного эмигранта («по настоянию супруга выхожу из гражданства СССР»); невозможность устроиться на работу с советским паспортом («иностранные фирмы не принимают на службу»). Иногда в анкетах встречались другие причины: «враждебное отношение к СССР», «не разделяю коммунистической идеологии», «сделал ложный шаг, приняв гражданство СССР»[1572]. В.П. Гурьев, 1922 г.р., уроженец Харбина, работавший в Шанхае шофером, указал в анкете 18 августа 1948 г.: «Принимая гражданство ССР, я намеревался

[1569] *Янковский В*. Долгое возвращение. Ярославль, 1991. С. 21.
[1570] ГА РФ. Ф. 10143. Оп. 79. Кор. 1. Папка 7. Л. 13.
[1571] См. об этом: *Буяков А.М.* Русская эмиграция в Маньчжурии //Россияне в Азии. 1998. № 5. С. 200 – 201.
[1572] ГА РФ.Ф. Р-752. Оп. 68. Д. 630 – 633.

выехать в СССР. В настоящее время, получив письмо от своего товарища, выехавшего в СССР, я решил остаться в Китае. Советский же паспорт не позволяет в Шанхае получить в какой-либо иностранной фирме работу»[1573].

США оставались для российских эмигрантов недосягаемой страной в связи с их иммиграционной политикой. В ноябре 1946 и феврале 1947 гг. русская эмигрантская община в Шанхае направила письма президенту США Г. Трумэну с просьбой о помощи в деле «создания специальных условий для массового въезда русских эмигрантов в Китае в США в виду опасности коммунистической агрессии». В письмах прозвучала просьба установить для «белых» русских статуса «жертв Второй мировой войны» или «жертв коммунизма», а не «Ди Пи» («перемещенные лица») (от DP – displaced persons)[1574].

В 1948 г. государственный департамент США, изучив вопрос о «перемещенных лицах», принял законопроект Фергюссона – Стэйтона, получивший название «Акт о перемещенных лицах» или «Акт 1948 г.», который предусматривал выдачу иммиграционных виз 341 тыс. беженцев. Для получения визы беженцы должны были располагать поручительством (assurance) гражданина или группы граждан США, подтверждавшим предоставление работы и жилья беженцам «без нанесения ущерба кому-либо из американских граждан»[1575]. В г. Сан-Франциско (штат Калифорния, США) в январе 1949 г. состоялось заседание Русского национального собрания под председательством бывшего харбинца Н.В. Борзова, на котором было принято обращение к русским американцам с призывами помочь в оформлении поручительств, необходимых русским беженцам из Китая для получения американских иммиграционных виз.

Организацией эвакуации беженцев занималась ИРО (IRO – International Refugee Organization) – Международная беженская организация. Единственным государством, откликнувшимся на призыв ИРО принять русских эмигрантов из Китая, была Филиппинская республика, которая выделила на временное поселение беженцам из Китая часть острова Тубабао. В январе 1949 г. началась эвакуация беженцев из Шанхая – всего морем было вывезено больше 5 тыс. чел. ИРО взяла на себя организацию и оплату расходов, связанных с эвакуацией из Шанхая, содержанием на о. Тубабао и дальнейшим расселением. На острове, где были неудовлетворительные условия для проживания, тяжелый тропический климат, практическое отсутствие санитарной и медицинской помощи беженцам, скудный продуктовый рацион, многие беженцы провели больше 2 лет, ожидая визы на

[1573] ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 68. Д. 633. Л. 14.
[1574] Collection of M. Golovachev. Box #1. BAR.
[1575] См. об этом: *Поздняков И.А*. Из Китая в Америку: историко-антропологический взгляд на русскую эмиграцию (1920-1950гг.). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2007. С. 70 - 71.

переселение в одну из принимавших стран. С острова российские эмигранты из Китая разъехались в Аргентину, Австралию, Мадагаскар, Парагвай, Доминиканскую республику, Чили, Эквадор, Бразилию, США[1576].

Пример русских беженцев из Шанхая вдохновлял русское население в Маньчжурии. Многие харбинцы с конца 1940-х гг. начали подавать документы в Генеральное консульство США в Гонконге (ближайшее к Китаю американское консульство), а также ходатайства в представительство Верховного комиссара ООН в Гонконге, в отделение Всемирного совета церквей[1577], с просьбами о предоставлении въездных виз в США, Австралию, Латинскую Америку. Помощь в получении въездных виз в США и другие страны для беженцев из Китая оказывала Федерация русских благотворительных организаций в США (ФРБО), созданная в 1950 г. в Сан-Франциско, одним из основателей которой стал Н.В. Борзов, членами федерации были многие бывшие харбинцы[1578].

Часто, даже получив необходимую въездную визу, разрешения на выезд не давали местные власти. Протоиерей О.Н. Пономарев, уехавший из Харбина в мае 1953 г., рассказывал по прибытию в США, что Общество советских граждан отказывалось снимать с учета людей, желавших выехать в Южную Америку, Бразилию, Австралию, а без этого не давали визы на выезд[1579]. По данным Н.Н. Аблажей, правительство КНР, следуя настойчивым просьбам МИД СССР, ввело ограничения на выезд в капиталистические страны (они были сняты только в 1960 г.). Списки на выезд русского населения в Америку и другие страны предварительно согласовывались с советскими консульствами. Более того, СССР требовал привлечения к уголовной ответственности тех представителей русской колонии, которые активно выступали против репатриации в СССР[1580]. Сложилось трудное неопределенное положение для эмигрантов, желавших выехать в Европу или Америку. Некоторые не выдерживали испытания и принимали решение уехать в СССР. Все, кто уезжал в СССР, имели право продать свое имущество, но те, кто уезжал в другие страны, должны были жертвовать все китайскому правительству[1581].

[1576] См. об этом: *Моравский Н.В.* Остров Тубабао. 1948 – 1951. Последнее пристанище российской дальневосточной эмиграции. М.: Русский путь, 2000.

[1577] Всемирный совет церквей (The World Council of Churches) — международная экуменическая организация, основанная в 1948 г. в Амстердаме. Одно из направлений деятельности совета была помощь беженцам и военнопленным. Таким образом, Совет помогал российским эмигрантам с получением въездных виз и расходами на переезд. Представителем Всемирного совета церквей в Гонконге был пастор Штумпф (Stumpf).

[1578] См. об этом: *Поздняков И.А.* Указ. соч. С. 82 – 95.

[1579] Трагедия русских в Харбине //Русская жизнь (Сан-Франциско). 1953. 11-12 декабря. С. 3.

[1580] *Аблажей Н.Н.* Указ. соч. С. 200.

[1581] См. б этом: *Райан Н.* Указ. соч. С. 120.

До 1953 г. выехать в СССР русскому населению Маньчжурии, даже имеющему советское гражданство, официально было практически невозможно, в связи с этим частыми были случаи нелегального пересечения границы. Так, в октябре – декабре 1948 г. из Маньчжурии на участке Забайкальского округа нелегально перешли на территорию СССР и были задержаны пограничными войсками МВД 145 советских граждан, в том числе 60 детей, стремившихся в СССР в «поисках лучшей жизни». В декабре 1946 г. было задержано еще 100 чел. на этом же участке. Границу переходили также в районе ст. Пограничной. Как правило, это были молодые люди, безработные, мотивировавшие свой переход границы дороговизной жизни в Маньчжурии и «отсутствием перспектив в жизни», а также «влиянием советской информации о жизни в Советском Союзе (прессы, радио, книг, кино)»[1582]. Всех пограничники возвращали обратно в Маньчжурию, разъясняя молодым людям, что въезд в СССР разрешается только по визам советских консульств. Летом 1953 г. было решено отправить русских детей – сирот, у кого не было родителей или близких родственников в Маньчжурии, в СССР. Всего было вывезено 151 детей в возрасте 5 – 14 лет через ст. Отпор. 109 человек попали в Читинский детский дом № 1, подростков отправили для учебы в ремесленные училища в Новосибирск или определили в мужские и женские школы в Чите[1583].

В апреле 1954 г. на пасхальной неделе харбинцы узнали о возможности легального выезда в СССР. Согласно постановлению Совета министров СССР № 751 – 329с от 18 апреля 1954 г. в течение июля-августа разрешался въезд на территорию СССР на постоянное жительство 6 тыс. семей советских граждан, изъявивших желание покинуть КНР и планировавших работать на целине в районах Центральной и Южной Сибири, Южного Урала и в северо-западных областях Казахстана[1584]. Финансовые условия репатриации были весьма привлекательными. Государство брало на себя затраты, связанные с приемом, транспортировкой переселенцев и провозом багажа от границы СССР до места назначения, а также обязательство по трудоустройству. В то же время государство отказывалось нести любые затраты в отношении лиц, заявивших о своем нежелании работать на целине. В СССР разрешался ввоз личного имущества и валюты, эквивалентной 800 рублей на человека, а с 1958 года эта сумма была увеличена до 2400 рублей (400 юаней). При въезде в СССР переселенцам выплачивалось денежное пособие в размере 3 тыс. руб. на главу семьи и по 600 руб. на каждого из ее членов. С 1956 г. особо нуждающимся ре-

[1582] Русско-китайские отношения в XX веке. Т. 5. Кн. 2. С. 31.
[1583] Австралиада (Сидней). 2008. № 54 (январь). С. 23 – 26.
[1584] См. об этом: *Аблажей Н.Н.* С востока на восток. С.198.

патриантам выдавалось безвозвратное пособие в размере до 500 руб. на человека. Компенсировалась также стоимость провоза багажа в пределах двух тонн на семью[1585]. Главными мотивами в принятии решения о возвращении в СССР были воссоединение с семьей, будущее детей, получение ими образования, напряженная обстановка в Китае.

Начался массовый отъезд из Китая в СССР поездами на целину – в Казахстан, Алтайский край, Акмолинскую, Чкаловскую, Кемеровскую, Курганскую области. В 1954 – 1955 гг. на целину выехали многие эмигранты, восстановившие советское гражданство только после Второй мировой войны[1586]. Часто при принятии решения о возвращении разрушались семьи. Случались разводы, расставались дети с родителями. Так, в семье Б.А. Абаза[1587] вместе с отцом репатриировались его дети Алексей, Юрий, Нина, Игорь, дочь Валентина выехала в Австралию. Нора Крук, советская гражданка, выехавшая с семьей в Гонконг, писала в своих мемуарах: «Подруга моей мамы, Хана Горенко, жена брата Ахматовой, Андрея[1588], оставляет мужа и едет поднимать целину. Андрей большевиков ненавидит – в свое время он выполз из-под трупов после расстрела, спасся чудом и никакие уверения, что советская власть изменилась, никакие увещания вернуться на родину не могут его соблазнить»[1589]. Особенно тяжело было сделать выбор старшему поколению. «В каждом из нас шла ожесточенная борьба надежд и сомнений. Словно запоздалая стая журавлей с тяжелым сердцем в самую ненастную погоду тронулась в неведомый ей путь», – вспоминал потом В.В. Каменев [1590].

В середине 1950-х гг. харбинский консульский округ по численности русского населения был крупнейшим в Китае: советских граждан здесь было более 30 тысяч человек (в Маньчжурском консульском округе насчитывалось около 25 тыс. чел. советских граждан). На момент начала репатриации в СССР в 1954 г. 18 тыс. человек заявили о своем желании выехать в СССР, 5 тысяч – категорически отказались возвращаться, 7 тыс. чел. подали документы на выезд в другие страны, остальные считались неопределившимися. Спустя год после начала выезда численность советской колонии в харбинском округе сократилась до 17, 5 тыс. человек, из которых только 4 тысячи выразили желание

[1585] Там же. С.202.
[1586] См. прил. 1, 10, 24, 34, 61, 87, 89.
[1587] См. прил. 1.
[1588] Ошибка памяти мемуариста. Андрей – старший брат А.Ахматовой, покончил собой в 1920 г. Речь идет о Викторе Андреевиче Горенко (1896 – 1976), младшем брате поэтессы. В 1948 г. он выехал из Шанхая в США, его жена Х.В. Горенко вернулась в СССР, жила в Риге.
[1589] *Крук Н.* Нам улыбалась Кван Инь. //Россияне в Азии (Торонто). 2000. №7. С. 178.
[1590] *Каменев В.В.* Тихий отъезд. // Русская Атлантида. 2002. №8. С. 63.

выехать в СССР, тогда как 7 тыс. человек отказывались от репатриации, а остальные затягивали с подтверждением своих реэмиграционных намерений[1591].

О разнообразных чувствах отъезжающих говорили также письма из Маньчжурии к родственникам в США в мае 1954 г.: «Не хлопочите о нас, т.к. все равно бесполезно. Нам дали приказ, чтобы мы в четыре дня зарегистрировались к отправке в Советский Союз. Все кончено. Я плачу, как ребенок. Судьба-мачеха посмеялась надо мной. Везут нас в Алтайский колхоз. Я знаю последствия». Или: «Записались <на целину> люди, которые никогда не видели, как работают, не то что сами когда-нибудь работали на земле, а также такие, которые еле взобрались на крыльцо, чтобы записаться»[1592].

Отъезд из Маньчжурии высветил отдельные стороны раскола в среде эмиграции. По данным китайских исследователей Ши Фана, Гао Лина, Лю Шуана, в 1952 – 1955 гг. в заявлениях об отъезде русских (советских) из Маньчжурии значились страны (кроме СССР) Бразилия, Израиль, Австралия, Греция[1593]. Так, почти все бывшие «кавежедеки», восстановившие советское гражданство в 1946 г., устроившиеся на КЧЖД после войны, – Т.В. Бутов, Г.Н. Юраш, Е.П. Шиляев, А.Б. Иконников, Н.В. Зиссерман, П.А. Чистяков и др. – предпочли уехать «за речку» (так в Харбине называли отъезд за границу). Врачи М.И. Моносзон, Н.А. Львов, сохранившие советское гражданство даже во времена японской оккупации, обслуживавшие советское консульство, выехали в Бразилию, семья советского врача М.С. Волобринского (сам он умер в Харбине) – в Израиль. По мнению Е.П. Шиляева, «надежды эмиграции на возрождение прежней России оказались тщетными» [1594]. Знакомство во время совместной работы на КЧЖД с советской системой и коммунистической идеологией оттолкнуло от СССР многих бывших эмигрантов. Среди молодежи, которая в массе своей с энтузиазмом восприняла отъезд на целину, тоже не было единства. Так, О.Г. Починок, 1923 г.р.[1595] выехала вместе с братом Леонидом в США. По-видимому, одной из причин такого решения была судьба брата, вывезенного в 1945 г. в СССР и отбывавшего срок в ИТЛ[1596].

Интересно замечание В.А. Морозова о направлениях репатриации: «Те, кто проявлял лояльность советской власти (пассивную лояльность) – многие очутились “за речкой” – в Австралии, Бразилии, Венесуэле и не решились вернуться. <…>Шкурники остались

[1591] *Аблажей Н.Н.* Указ. соч. С.213.
[1592] Русская жизнь (Сан-Франциско). 1954. 11, 19 мая.
[1593] *Василенко Н.А*. Указ. соч. С. 100.
[1594] *Шиляев Е.П*. Указ. соч.// Россияне в Азии. 2000. № 7. С. 229.
[1595] О.Г. Починок – сестра П.Г.Починка, увезенного в 1945 г. из Харбина, отсидевшего 10 лет в лагерях, отца А.П. Починка, бывшего министра труда РФ (1958 - 2014). Она после Второй мировой войны приняла советское гражданство, окончила ХПИ в 1951 г. (РГИА. Ф. 323. Оп. 13. Д. 1309).
[1596] См. также прил. 8, 15, 21, 35, 47, 49, 55, 64, 70, 77, 80.

шкурниками, а те, кто никогда не был безразличен к судьбам Родины, сумели заставить себя пренебречь собственными настроениями и заблуждениями, остаться с Родиной»[1597]. Н.А. Мартынов в своих воспоминаниях писал об обратном процессе «перековки» в конце 1940-х гг. представителей русской колонии в Китае из совпатриотов в эмигранты, «из Павлов в Савлы»[1598].

Многие члены советской колонии «тянули» с отъездом. Отложить отъезд в СССР стремились не только состоятельные советские граждане, но и лица, имевшие высокооплачиваемую работу в китайских государственных учреждениях и на предприятиях. О давлении на отъезжавших в советских консульствах писали многие мемуаристы. В 1954 г. было проведено массовое анкетирование среди советских граждан Маньчжурии, в числе других были вопросы: «ходатайствовали ли вы о выезде за границу, где и когда?», «сколько времени предполагаете прожить в Китае?». С лицами, желавшими выехать в другие страны, проводили длительные беседы. Принуждение бывало косвенным, многие учреждения и предприятия увольняли русских людей и предлагали им возвращаться в Советский Союз. Уговаривали вернуться, используя разные доводы и стимулы, в том числе материальные – прощение задолженностей, выдача денег на «экипировку», иногда «полуугрозы» – высылка в Советский Союз[1599].

О консульской агитации можно судить по письмам из Харбина в этот период. А. Гинценберг, работавшая в АО «Чурин и К°», состояла в переписке с харбинским поэтом В. Перелешиным, имевшим советский паспорт, который выехал из Шанхая через Гонконг в Бразилию в 1952 г. и проживал в Сан-Пауло. Она рассказывала ему в письмах о собраниях советских граждан весной 1955 г., на которых выступали консульские «агитаторы»: «Заманивают до отвращения». Агитация шла и во время «политучебы» на службе. Гинцберг оставила описание одного из занятий, который вел бывший иеромонах Косьма, который «очаровал всех своей речью»: «Все так складывается, будто и Богу угодно направить нас в противоположную сторону. Подумать только: совершаете бесплатное путешествие по лугам, по цветам, вокруг Байкала. <…> Не только бесплатно, а еще дают немалую сумму денег. Работу искать не надо, она вас ждет. Язык, на котором изъясняемся полвека. Подходящий паспорт. <…> Ехать могут все: хромые, слепые, старые, больные. Как будто бы нехристианская страна, а поступает по-христиански… А я, несознательная, умираю от страха, что там нечем будет жить и дышать.<…> Всем известно, что из Совдепии нет воз-

[1597] РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 5. Д. 18. Л. 56 – 56 об.
[1598] Мартынов Н.А. Воспоминания (Collection of N. Martynov. BAR).
[1599] *Крук Н.* Указ. соч. С. 195.

врата»[1600]. А. Гинценберг приводила также в письмах вырезки и цитаты из харбинской газеты «Русское слово», где не выехавшие в СССР в 1954 – 1955 гг. назывались «отбросами», «подлецами», «изменниками», над ними издевались в фельетонах, а заголовки статей «Родина ждет» становились все крупнее. Тем не менее, она подала ходатайство через Всемирный совет церквей о разрешении на выезд в Бразилию: «Лучше смерть, чем эта безбожная, скованная страхом, оторванная от мира страна». Не дождавшись визы, она выехала в 1959 г. в СССР, где проживала в латвийском совхозе.

Для советских граждан, особенно «старосоветских», получивших гражданство в 1920х – 1930-х гг., возникали проблемы с консульствами США, Австралии, Канады, где такие паспорта рассматривали «с особой подозрительностью». Визы некоторые ждали годами, и даже при получении заветной выездной визы мучения не заканчивались. Нора Крук писала, что когда они с семьей в 1955 г. выехали после долгих мытарств из Шанхая в Гонконг, в Маниле, где остановился пароход, их не выпустили на берег из-за советских паспортов[1601].

После 1955 г. поток советских граждан, желавших выехать в СССР, стал уменьшаться. За 1954–1961 гг. из харбинского консульского округа в СССР выехало 19068 человек, из них: в 1954 г. выехал 8961 чел., в 1955 г. – 8100 чел., в 1958 г. – 401 чел., в 1959 г. – 910 чел., в 1960 г. – 407 чел., в 1961 г – 289 чел.[1602].

Немалую роль в уменьшении потока репатриантов в СССР сыграли письма от уехавших, разочарованных «встречей с Родиной»[1603]. А. Пушкарева, сотрудник Государственного архива общественно-политической документации Курганской области, опубликовала выдержки из писем репатриантов из Маньчжурии (в Курганскую область в 1954 – 1955 гг. прибыло 565 семей в количестве 2076 чел.), которые тщательным образом просматривались, а отдельные «особо интересные» места конспектировались и передавались как спецсообщения начальнику управления КГБ. Из этих писем можно узнать о впечатлениях, произведенных родной страной на новых советских граждан: «Сюда мы поехали потому, что поверили агитации, что хорошая жизнь, а на самом деле здесь ужас, одно горе, собачья жизнь»; «если бы можно было обратно, то я убежала бы в Китай бегом и раздетая, так вот как нас встретила мать – Родина»; «муки у нас ни за какие деньги не купишь… вообще у нас сейчас еда – хлеб да вода, вот все наше питание»; «хлеб вообще не

[1600] Письмо А. Гинценберг В. Перелешину от 25 апреля 1955 г. (Collection of V. Salatko-Petrische. Box #1. BAR).
[1601] *Крук Н.* Указ. соч. С. 196.
[1602] *Аблажей Н.Н.* Указ. соч. С. 213.
[1603] См.: *Кротова М.В.* «Встреча с родиной» в мемуарах реэмигрантов из Китая // Мемуары в культуре русского зарубежья. М., 2010. С. 227–239.

едим, а если и едим и то раз в неделю»; «я страшно похудела и поседела, плачу каждый день и скучаю, просто нет моих сил все это пережить»[1604].

Начиная с 1954 г. возобновилась также переписка между харбинцами и их родственниками, «увезенными» в 1945 г. в СССР и вышедшими после заключения. Один из бывших заключенных писал своей дочке, которую оставил 8-летним ребенком: «Живу в Магадане, где прекрасная суровая природа. Я очень хорошо устроен (получаю 1000 руб. в мес.), но все бы отдал, чтобы не быть здесь»[1605]. Из писем стало ясно, что многие выжившие «лагерники» стали инвалидами: цинга, туберкулез, выпали волосы, отнялись руки. Для многих харбинцев письма стали дополнительным стимулом к возвращению в СССР и воссоединению семей. Но были и другие случаи. Так, жена известного харбинского поэта А. Ачаира (Грызова) певица Г. Ачаир-Добротворская, получив от мужа письмо после его освобождения в 1955 г., не захотела выехать в СССР, а переехала в Австралию.

Путь «за речку» был долгим: необходимо было добраться до Тяньцзиня или Шанхая, чтобы оттуда на пароходах отправиться в Гонконг. Там дожидались въездных виз и разъезжались в другие страны. Так, небольшой листок «Жизнь Дальнего Востока» (“Far Eastern Life”), выпускавшийся в Токио русскими эмигрантами, в 1955 г. сообщал: «Еще одна группа русских прибыла в середине января из Красного Китая (через мировой совет церквей) на пароходах из Тяньцзиня и Шанхая в Гонконг». Отсюда собирались в Бразилию: Докторины, Доценко, Волковы, Ласи, Головина, Масол, Моисеенко, Наделямов, Свищевы, Сойко-Ежикова, Феоктистова, Филинкова, Фроловы, Цыганкова. В Данию – Артемьевы, Федорова, Ванков, Головинский, Ермолаев, Коробейниковы - Гусевы, Максимов, Оральская, Фицжеральд, Хлуднов. В Израиль – Дубсон, Соломонова, Фонарев. В Бельгию – Додумов. В Парагвай – Мухины, Турцию – Абишева, Валеева, Хусаинов. Чили – Альтман, Кационко, Ковалевские, Мраморновы, Подгорбунская, Пономаренко. Во Францию – Фордель[1606].

На 3 августа 1954 г. в Маньчжурии проживало 349 пенсионеров КВЖД. Из их числа к началу 1960-х гг. И.В. Васютинский уехал в Бразилию, Е.С. Хоменко, М.Д. Лобарг, М.Г. Трущелев, И. Баженов, Д.А. Мельник, В. Сидоркин в 1955 – 1956 гг. выехали с семьями в СССР, Н.И. Кривцов – в Бельгию, С.Г. Столяренко, И. Фролов, В.Ф. Свентиц-

---

[1604] *Пушкарева А*. Чужая родина. (http://www.rusarchives.ru/publication/foreing_land.shtml)
[1605] Collection of V. Salatko-Petrische. Box #1. BAR.
[1606] Жизнь Дальнего Востока – Far Eastern Life (Tokyo). 1955. № 5. 15 февраля. (Collection of M.P. Golovachev. Box #3. BAR).

кий, Д.С. Черноус П.Я. Яковец, Н.А. Кислинский, П.В. Якубовский, П.М. Нужин – в Австралию, А.К. Гердт – в Швейцарию[1607].

Несмотря на отток населения в СССР и другие страны в Маньчжурии к началу 1960-х гг. оставалось значительное количество русскоязычных жителей – советских граждан и лиц без гражданства. Из числа оставшихся 60–70% ориентировались на выезд в капиталистические страны, остальные – на натурализацию в Китае. На начало 1960 г. на консульском учете числилось 2460 советских семей (6141 чел.), из которых две трети проживали в Харбине, остальные – в Хулунбуире. По данным китайской статистики, в провинции Хэйлунцзян в 1956 г. проживал 9301 русский, а в 1962 г. – 955. На момент закрытия в октябре 1962 г. Генконсульства СССР в Харбине на учете в нем состояло 2,5 тыс. советских граждан, из которых более 70% высказывали желание выехать в Австралию, Бразилию, Аргентину и другие капиталистические страны; 15–17% местных советских граждан, главным образом, женщины, состоящие в браке с гражданами КНР, и их дети высказывали желание остаться в Китае; остальные 10–12 % намерены были выехать в СССР[1608].

Так, в 1950-е гг. в среде русской колонии произошел раскол по поводу направления выезда из Китая. Часть советских граждан выехала в 1954– 1960 гг. в СССР, часть – в другие страны. Репатриация в СССР часто была вынужденной из-за отсутствия средств или проблем с визами. Раскол показал неоднородность советской колонии, условность принятия советского гражданства, разочарование в советской политике.

4.3.3. Судьбы бывших «харбинцев».

После исчезновения русской колонии в Маньчжурии в начале 1960-х гг. «харбинцы» оказались разбросанными по всему миру. В разных странах были организованы общества и землячества выходцев из Маньчжурии, которые поставили перед собой задачу сохранить и осмыслить социальный и культурный опыт россиян, живших в Китае. Н.П. Автономов, живший в Сан-Франциско и выпускавший сборники, посвященные Харбинским коммерческим училищам, писал В.Ф. Перелешину в Бразилию в письме от 29 октября 1972 г. о выпускниках ХКУ, разбросанных по всему миру: «В Африке – В.А. Швецов, Австралии – Аристов, Голиков, Гинце, Грачев, Желоховская, Качин, Керр, Копалинский, Максимова, Овчаренко, Резгал, Савицкий, Соловьев, Негеревич, Петрова, Его-

[1607] РГИА.Ф. 1679. Оп. 1. Д. 31. Л. 27об.
[1608] *Аблажей Н.Н.* Указ. соч. С. 214.

ров, Махно, Барашков, Савин, прот. Ган; в Бразилии – Скворцов, Кабушко, Салатко-Петрище; в Англии – Рачинская; Канада – Машины, Вормсбехер, Поваторова, Д. Хорват; Западной Германии – Кочетков, Зейберлих, Тайвень, Чистякова; Новая Зеландия – _Зиссерман; Швеция – Белоножкина, Швейцария – Саркисов; СССР – Казакевич, Добровольская, Кравченко, Большакова, Верижская, Гросман, Жилин, Иевлев, Казанин, Усов, Фарафонтова, Чигиринец, Голубцев; в Парагвае – Худыковская»[1609].

Большой процент реэмигрантов из Маньчжурии осел в Австралии. М.Н. Спасовский в письме Ю.В. Крузенштерн-Петерец в Рио-де-Жанейро из Сиднея от 15 декабря 1959 г. сообщал: «Главная волна беженцев из Китая идет в Австралию. Из свыше 20 тысяч прибывших сюда русских около 80% падает на “китайцев”»[1610]. По данным Н. Райан, около 15 тыс. чел. прибыло в Австралию в конце 1950-х и начале 1960-х гг. («четвертая волна русской эмиграции»). Это были в основном потомки беженцев – второе, третье и даже четвертое поколение, родившиеся в Китае. Среди реэмигрантов были известные люди – писатель Н.А. Байков, историк И.И. Гаранович, ориенталист А.Р. Хионин, археолог В.В. Поносов. Г.Н. Вознесенский, окончивший Харбинский политехнический институт, стал священником (в монашестве о. Филарет), позже стал митрополитом Русской православной церкви за рубежом. В Австралии русские из Маньчжурии, по словам Н. Райан, впервые почувствовали себя иммигрантами, причем русские, прибывшие из Маньчжурии, отличались и отличаются от эмигрантов из России, «советских русских» по языку, этикету и мировоззрению[1611]. Русские эмигранты в Австралии старались сохранить свою «русскость»: они построили русские церкви, русские клубы, создали литературные, музыкальные, исторические и театральные общества, церковные школы, организовали выпуск прессы на русском языке[1612].

Много выходцев из Маньчжурии осело в США, особенно в штате Калифорния, где находилась крупная русская колония. В Сан-Франциско был организован в 1948 г. музей-архив русской культуры при Русском Центре с целью систематического сбора и спасения ценных документов об истории России и истории эмиграции. Директорами Музея Русской культуры в Сан-Франциско стали бывшие «харбинцы» – П.Ф. Константинов, А.С. Лукашкин, Н.А. Слободчиков. Из числа известных реэмигрантов из Маньчжурии в США проживали Н.В. Борзов, Т.В. Бутов, Г.К. Гинс, М.П. Головачев, В.Н. Жернаков, Ю.В.

[1609] Collection of V. Salatko-Petrische. Box #1. BAR.
[1610] ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 39. Кат. 1. кадр 596.
[1611] *Райан Н.* Указ. соч. С. 130.
[1612] См. об этом: Австралиада. Русская летопись. История русских в Австралии. Сидней, 2010.

Крузенштерн-Петерец, А.С. Лукашкин, Н.М. Обухов, В.А. Рязановский, О.А. Скопиченко, Н.А. Слободчиков, Г.Г. Тельберг, Е.П. Шиляев и др.[1613].

Часть эмигрантов осталась на резко антисоветских и антикоммунистических позициях. Так, харбинский профессор М.П. Головачев, переехавший с семьей в США из Шанхая через о. Тубабао, в 1950 г. издавал в Сан-Франциско журнал «Наш голос» – фактически рукописный, напечатанный на машинке. В №2 этого журнала за 1952 г. в статье «К 7 ноября» Головачев писал о смысле продолжения борьбы с большевиками: «Пока живы люди, в которых еще тлеет искра активной борьбы с коммунизмом на российских просторах, эта искра может разгореться в жаркое пламя, в котором он погибнет. <…>Ненависть к коммунистам тех, кто с оружием в руках боролся против красных в гражданскую войну в России и пронес эту ненависть за границей до настоящего дня, рано ли поздно должна слиться с ненавистью, которая скрывается повсеместно в СССР. Когда эти две волны встретятся, то в момент своего слияния они окажутся тем мощным народным валом, который смоет с лица нашей Родины советскую власть интернационального коммунизма»[1614].

Размышляя о задачах русской эмиграции в новых исторических условиях, М.П. Головачев в своих статьях признавал, что пореволюционная эмиграция потеряла свое значение фактора свержения коммунистического режима, «который мог пасть только вследствие военного поражения во внешней войне». Отсюда Головачев делал вывод, что главная роль российской эмиграции должна выразиться в сохранении бытовых, исторических и религиозных черт народа, а сущность эмиграции – идейная непрерывность: «Миссия национальной российской эмиграции – быть за пределами СССР отражением подлинной России. <…> Быть Зарубежной Русью в прямом и подлинном значении этого понятия». В условиях холодной войны эмиграция должна была содействовать «усилению свободного мира против коммунизма», доказывая преимущества этого мира своим «экономическим и правовым благополучием», развивая «все отрасли общественной, культурной и политической деятельности, которые не противоречат законам приютивших ее стран». «Зарубежная Русь», по его мнению, должна была стать «местоблюстителем России» как историческая величина, пока существует СССР [1615].

Среди эмигрантов, выехавших «за речку», было немало двойных репатриантов. Так, семья И.С. Арцишевского, родившегося в 1950 г. в г. Дальнем, в 1953 г. переехала в

[1613] См. прил. 8, 22, 49, 73, 74. О процессах адаптации русских в США см.: *Поздняков И.А*. Из Китая в Америку: историко-антропологический взгляд на русскую эмиграцию (1920-е – 1950-е гг.). СПб., 2007.

[1614] Collection of M. Golovachev Box # 3. BAR.

[1615] *Головачев М.П.* Роль российской эмиграции в современных условиях. //Россия (Нью-Йорк). 1956. 14 марта. С.2.

Бразилию в Сан-Пауло, но в 1967 г. они получили советское гражданство и выехали в СССР в Челябинск[1616].

Репатриация в СССР высветила особенности русской колонии в Маньчжурии. Только в СССР многие харбинцы почувствовали свою чужеродность и отличие от советской массы. На целине их воспринимали как иностранцев, «не наших», чужих, резко отличавшихся манерой держаться, внешним видом и особенной речью. Э. Одинцова, направленная в 1954 г. в совхоз под Иркутском, писала, что «на нас смотрели как на марсиан или чудаков из “дурдома”. Особенно после нескольких попыток воровства (местных жителей потрясло количество багажа), когда, вскрывая ящики, они натыкались на книги. Тогда окончательно было решено: они <репатрианты> “сумасшедшие”, “дураки из Маньчжурии”»[1617]. К тому же никто не верил, что они приехали добровольно. Часто местные жители называли их «ссыльными», «вербованными». Начальник паспортного стола в Новосибирске заявил: «Была бы моя воля, я бы вас всех никогда не пустил в Союз»[1618]. Даже интеллигентные люди искренне не понимали, почему они приехали в СССР, когда была возможность уехать в Америку, Австралию или Бразилию, а на ответ: «Хотели домой» – пожимали плечами. Чувство чужеродности и одиночества усиливалось потерей близких людей и друзей, профессии, собственности.

Надо сказать, что в своей массе советские люди плохо представляли себе жизнь за границей. Информации было мало, к тому же она была пропагандистского толка. Уже первые партии репатриантов смущали встречающих уполномоченных экстравагантным внешним видом и количеством багажа, тогда как ждали «узников капитала». Показателен случай, описанный Валерием Янковским, арестованным в Маньчжурии в 1946 г. Находясь в камере пересыльной тюрьмы во Владивостоке, он в разговоре с сокамерниками вспоминал: «Дома осталось двенадцать костюмов – два смокинга, три демисезонных, три летних, спортивные…». Один из надзирателей не выдержал: «Двенадцать костюмов! Ври, да знай меру!» [1619]. Новые советские знакомые, слушая рассказы репатриантов о Китае, многому удивлялись, а некоторым вещам просто не могли поверить.

Приехавшие с трудом узнавали русскую речь, часто не понимали, что говорят окружающие, учили незнакомые слова, осваивали чудовищные аббревиатуры. Жарго-

---

[1616] Иван Сергеевич Арцишевский - начальник Управления государственного протокола Комитета внешних связей Администрации Санкт-Петербурга. Он окончил колледж "Англо-Латино" в Сан-Пауло (Бразилия); Латвийский государственный университет. В 1991 г. вошел в число основателей Конгресса соотечественников. Является представителем в России Объединения членов рода Романовых.
[1617] *Одинцова Э.* Поезд в Неизвестность // Русские в Китае. 1997. №7.
[1618] См.: *Медведева (Добролюбова) Е.* Здесь мой причал // На сопках Маньчжурии. 1994. № 8.
[1619] *Янковский В.* Долгое возвращение. Ярославль, 1991. С. 41.

низмы, пропагандистские штампы, бытовые словечки, неправильные ударения, безграмотные обороты резали слух. В свою очередь чужаков также распознавали по языку. Самым частым был вопрос: «Вы на каком языке говорите?» [1620]. Вере Ефановой, например, отказали при приеме на работу, мотивируя тем, что «с русским языком у вас проблемы.<…>Вы не знаете некоторых слов, неправильно употребляете выражения,<… > в вас чувствуется иностранка»[1621].

С трудоустройством у реэмигрантов были большие проблемы. На целине председатели совхозов жаловались: «нужны простые рабочие руки, а мне прислали балерин, скрипачей, инженеров. Куда их деть? Не помощь, а обуза»[1622]. Практически никто из «русских китайцев» не работал по специальности. Балерина Вера Кондратович-Сидорова на целине косила сено, работала на току, разгружала машины. Уже потом, перебравшись в Омск, устроилась методистом культпросветработы при Омском областном управлении культуры. Актриса Алла Дворжицкая до того, как переехать в Магнитогорск, на целине пасла овец. В составе первых партий репатриантов в 1954–1955 гг. преобладали специалисты с высшим и средним образованием, профессии которых в большинстве своем не были связаны с сельскохозяйственным производством. Неудивительно, что через какое-то время они начали искать возможность переезда на жительство в другие области и города, расселившись по всей территории СССР.

Формально репатрианты из Маньчжурии сохраняли все права граждан СССР, включая избирательное, на них распространялось трудовое законодательство, социальное страхование. Однако в СССР они часто сталкивались с ущемлением своих прав. Причем местные органы власти нередко действовали вопреки указаниям из Москвы. Высшее руководство, в отличие от местного, действовало более корректно, но тоже не питало доверия к репатриантам. Сам факт проживания или рождения за границей был причиной завуалированной дискриминации при устройстве на работу, при поступлении в вузы, приеме в партию или комсомол, при выдвижении на руководящие должности. Дипломы, полученные в Китае, как и стаж работы, как правило, не засчитывались. Люди с высшим образованием, знающие несколько языков, вынуждены были поначалу работать разнорабочими, секретарями-машинистками, библиотекарями, т.к. переводчиков столько не требовалось, а

[1620] Интересный случай, иллюстрирующий языковую чужеродность репатриантов, приводит в своей книге Л.П. Маркизов, арестованный в Харбине в 1945 г. СМЕРШем. В Востурлагере к нему подошли двое литовцев, поинтересовались его национальностью и не поверили, что он русский: «Да, вы говорите по-русски без акцента, грамматически правильно, но в манере держаться и вести себя у вас есть что-то нерусское, да и набор слов у вас цивилизованный, вы не заменяете слова матом». (*Маркизов Л. П.* До и после 1945. Глазами очевидца. Сыктывкар, 2003. С.136).
[1621] *Ефанова В.* Домой с черного хода. М., 1999. С. 257.
[1622] См.: На сопках Маньчжурии. 1994. № 8.

преподавание часто запрещалось. Но и на работе, сталкиваясь с советским производством, репатрианты в своих мемуарах удивлялись частому непрофессионализму коллег, нежеланию что-либо улучшать, неразберихе, подтасовке фактов, бесхозяйственности, бумажной волоките и прочим атрибутам советской бюрократии.

Об отношении советской власти к реэмигрантам размышлял В.А. Морозов в своих воспоминаниях. В августе 1954 г. В.А. Морозов с семьей репатриировался в СССР в г. Ишимбай в Башкирии. Видимо, решение это далось непросто. Сам он называл возвращение в СССР «прыжком в неизвестность». Для него было важно, чтобы внуки – Всеволод и Алексей, которым он фактически заменил отца, – жили в России. Хотя он понимал, что политика СССР в отношении эмиграции не может измениться – «пусть гниет, разлагается, вымирает, ассимилируется с той средой, в которой очутилась. Новой России эти люди не нужны»[1623]. В своих записях В.А. Морозов неоднократно высказывал мысль о том, что эмигранты так и не стали советскими до конца, остались «белыми воронами» в советском государстве. В этом его убеждал сформированный в советской литературе и искусстве образ эмиграции. После прочтения газетной статьи А. Караганова «Драма виноватых»[1624], он отметил: «Виноватые не прощены победителями, остались врагами». Полемизируя на страницах воспоминаний с Карагановым, он не мог понять, почему даже работа за кусок хлеба в «белых» учреждениях считалась позором и предательством России, почему советской лексике был присущ «насмешливый, пренебрежительный тон», «враждебно-ироническое отношение».

Он считал, что «"белобандиты" – прежние обыватели, в которых проснулись гражданские и даже жертвенные чувства и настроения, те люди, которые не захотели безропотно подчиниться обрушившейся на их Родину беде, а с оружием в руках поднялись на ее защиту, будучи глубоко убежденными в правоте своей цели»[1625]. Морозов сравнивал эмигрантов с советским гражданством с «крещеным жидом» (имея в виду поговорку «жид крещеный, что вор прощеный») – то же недоверие, неверие в искренность намерений: «Нужно публичное отречение от эмигрантского прошлого, очернение эмигрантов, как это

[1623] РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 5. Д. 18. Л. 58.
[1624] *Караганов А*. Драма виноватых. //Литературная газета. 1971. 6 янв. № 2. С. 8. В статье была рецензия на фильм А. Алова и В. Наумова «Бег», по поводу которого автор замечал: «Судьба эмиграции драматична. Но это драма виноватых. Историческая виновность перед народом лишает их родины, ломает привычные представления о жизни и своем месте в ней». Здесь же Караганов называл эмигрантов «врагами своего народа», белую идею «преступной и несостоятельной».
[1625] РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 5. Д. 18. Л. 60.

сделали Ильина и Волокитин»[1626]. Сам он не смог до самой смерти отречься от своего прошлого и своих идеалов.

Многие репатрианты в мемуарах неизбежно задавали себе один и тот же вопрос: «Было ли возвращение в Россию ошибкой?» Известный скрипач Г.М. Сидоров уже на склоне лет в своих воспоминаниях несколько патетически отвечал на этот вопрос: «Мы приехали из Китая, где жили буквально припеваючи. И сами условия жизни, и весь быт, и общее благополучие и благосостояние живущих там не вызывали сомнения и не заставляли человека искать лучшей жизни. И все же мы сознательно собрались ехать на Родину, не выясняя, где нам будет лучше. Мы ехали потому, что хотели жить в своей стране, потому, что мы русские и хотим находиться среди своих! <…> Приехав сюда, зачастую испытывали много несправедливости, горечи, материальных и моральных трудностей. Долгое время жили как “чужие среди своих”. Но у нас никогда не было сожаления о том, что вернулись, и не возникало желания уехать из Союза».[1627] Другие мемуаристы были не столь категоричны в ответах. И, пожалуй, только Вера Кузнецова-Кичигина, известная художница, живущая в Ярославле, вспоминая свой долгий жизненный путь, заявляла, что «никому бы не советовала ехать в эту страну»[1628].

Об устройстве и адаптации на новой родине репатрианты из Маньчжурии оставили немало воспоминаний[1629]. Многие из вернувшихся в СССР «харбинцев» благодаря знанию восточных языков стали востоковедами или переводчиками. Так, картотека известного китаеведа и библиографа П.Е. Скачкова под названием «Харбинские китаисты», которую он постоянно пополнял, содержит 101 карточку. На многих карточках надписаны адреса харбинцев в СССР в начале 1960-х гг.: В.М. Афонин проживал в Петродворце; И.Г. Баранов, С.С. Большакова, В.А. Жилин, Я.Г. Матафонов, В.Н. Паздников – в Алма-Ате; Т.П. Верижская – в г. Фрунзе; А.И. Галич – в г. Чимкент; Жуковская – в г. Караганда; Л.Г. Зайцева – в Иркутске; А.М. Кайгородов, М. Сорокина – в Москве; Э.К. Каттай – в Риге; В.М. Кузнецов – в Прокопьевске; Н.И. Литвиненко – в Киеве; Т.В. Мыслина (Панова) – в Новосибирске; А.И. Рычков – в Барнауле; В.Н. Усов – в Рязани и т.д.[1630].

[1626] РГАЛИ. Ф. 1337. ОП. 5. Д. 18. Л. 71. В.А. Морозов имел в виду романы, написанные после возвращение из Китая: Ильина Н.И. Возвращение. Роман. Кн. 1 и 2. М.: Сов. писатель, 1969; Волокитин Г.Н. Бурелом. Повесть. Абакан: Хаккнигиздат, 1958.

[1627] *Сидоров Г.* Воспоминания скрипача. Омск, 1997. Ч.2. С.47.

[1628] См. об этом: *Кузнецова-Кичигина В.* Русские художники в Китае. Ярославль, 2004.

[1629] *Волкова К.* Судьбы. Архангельск, 2000; *Ефанова В.*Указ. соч.; Ильина Н. Тихий океан // Вопросы литературы. 1994. №1; *Караев Б.И.* Восточный ветер. Екатеринбург, 2003; *Кузнецова-Кичигина В.* Указ. соч.; Семейные хроники. Бородины. М., 2000; *Сидоров Г.М.* Указ. соч.; *Слободчиков В.* О судьбе изгнанников печальной. М., 2005; *Цепилов Н.Ф.* Так оно и было. Ревда, 2003.

[1630] ИВР РАН. Архив востоковедов. Ф. 130. Оп. 1. Д. 60.

Следует добавить, что востоковедов из харбинцев было гораздо больше: В.С. Таскин, Г.В. Мелихов, Л.И. Чугуевский, А.Г. Малявкин, С.В. Неверов, Г.Г. Пермяков, О.П. Фролова и многие другие. Репатрианты из Маньчжурии, получившие образование в Китае, стали в СССР инженерами, музыкантами, писателями, врачами, учеными, актерами, режиссерами, художниками, дикторами на радио и телевидении. Так, среди бывших харбинцев насчитывается 16 докторов наук, более 30 кандидатов наук, 9 лауреатов Государственных премий [1631]. Многие из писателей-«харбинцев» продолжили свою литературную деятельность в СССР, как, например, Вс.Н. Иванов, Н.И. Ильина, П.А. Северный и др[1632].

Во вступлении к сборнику «Харбинцы в Москве» В.И. Иванов, бывший харбинец, академик РАМН, писал о значительном культурном потенциале реэмигрантов из Маньчжурии, которые, даже разлетевшись по разным странам, сохранили связи, сформировали вторичные объединения в местах проживания[1633]. В начале 1990-х гг. в разных городах бывшего Советского Союза были созданы ассоциации «харбинцев», начали издаваться периодические издания, публиковаться воспоминания, в которых создавался «коллективный портрет» репатриантов из Маньчжурии и Китая. Одной из задач сообществ было показать примеры жизнестойкости российских эмигрантов, их способность к инициативе и предприимчивости. По мнению Л. Манчестер, самосознание репатриантов из Китая формировалось в оппозиции к русским, прожившим всю жизнь в СССР, однако в силу ряда причин это не вызвало полного отчуждения между ними[1634].

Как ни странно, реэмигранты оказались востребованными, в первую очередь, как носители «неведомой» культуры, «несоветского воспитания», настоящей «русскости», сохранившейся в эмиграции. Даже в тех условиях был спрос на грамотную речь, знание языков, ответственное отношение к любому делу, светскую любезность, прекрасные манеры. Сохранилось множество рассказов о влиянии, которое оказали реэмигранты на окружающую их среду[1635]. Их «старорежимная» интеллигентность, обязательность, про-

---

[1631] См. об том: *Таскина Е. Мухин И.* Русские из Китая. Судьбы репатриантов 40-х – 50-х гг. XX в. //Проблемы дальнего Востока. 2009. №. 2. С. 91 – 99.

[1632] См. об этом: *Ильина Н.* Дороги и судьбы. М, 2012; *Черникова Л.* Мост в прошлое везунчика-барона (штрихи к портрету русского писателя-эмигранта Павла Северного). Уфа, 2011; *Якимова С.И.* Всеволод Никанорович Иванов: писатель, мыслитель, журналист. Хабаровск, 2013.

[1633] Харбинцы в Москве. М., 1997. Вып. 1. С. 5.

[1634] *Манчестер Л.* Носители дореволюционных традиций становятся советскими гражданами: Возвращение русских из Китая (пер. с англ. А.И. Рупасова) // Человек и личность в истории России, конец XIX – XX век : Материалы международного коллоквиума (Санкт-Петербург, 7 – 10 июня 2010 года). СПб. : Нестор-История, 2013. С. 329 – 344.

[1635] Р. Шаталов, вспоминая общение с репатриантами из Шанхая Бородиными, особо отмечал: «Именно за обедами у Бородиных я научился правильно держать вилку и нож, впервые увидел, что столовых приборов бывает много». (*Шаталов Р.* Мой первый университет – дом Бородиных. // Семейные хроники. С. 65.) См.

фессионализм стали образцом для людей, с которыми их столкнула жизнь. Отличительной чертой репатриантов стал отказ от принятых норм советского поведения, неприятие пьянства, сквернословия, бесхозяйственности, неухоженности. На общем фоне советских людей они выделялись особым отношением к семье и женщине, знанием языков, высокой бытовой культурой, страстью к чтению. Таким образом, репатрианты сыграли роль связующего звена между дореволюционной Россией, которую они представляли, и новым, советским, «испорченным», но не потерянным поколением.

По-разному сложились судьбы у русских людей, выехавших из Маньчжурии в разные страны мира. На протяжении трех поколений они сохранили русский язык и традиции и смогли передать это в местах своего расселения. Важно заметить, что к какому лагерю бы они не принадлежали – к советскому или эмигрантскому – они воспринимали себя «харбинцами», особой группой с особой идентичностью, осколками несуществующего уже мира, «Русской Атлантиды».

Окончание Второй мировой войны и советско-японская война кардинально изменили положение в Маньчжурии. Под влиянием побед Красной армии большинство русского населения в Маньчжурии перешло на просоветские позиции и после указа Верховного Совета СССР от 10 ноября 1945 г. восстановило советское гражданство. Фактически эмигрантская колония перестала существовать, начался процесс преодоления многолетнего разделения на враждебные лагеря – советский и эмигрантский. В этот период влияние СССР на русское население было максимальным, военные и специалисты из СССР работали вместе с эмигрантами на КЧЖД и в советских представительствах. При тесном общении, совместной работе обнаруживались не только отличия, но и общность национальной судьбы. Однако советизация русского населения часто была только внешней, как проявление лояльности новой власти. Советские представители также не доверяли «новосоветским» гражданам, так что взаимное недоверие и культурные различия существовали на протяжении всего послевоенного периода.

Начавшаяся гражданская война в Китае, поддержка СССР коммунистической партии Китая и превращение Маньчжурии в базу КПК имели далеко идущие последствия, приведшие к вытеснению русского населения из Маньчжурии. Окончание гражданской войны в Китае и образование 1 октября 1949 г. Китайской народной республики сказались на характере советско-китайских отношений. С приходом к власти коммунистическая партия Китая начала проводить самостоятельную политику, приведшую к разногла-

---

также об этом: «И только память обо всем об этом…» Наталья Ильина в воспоминаниях друзей. М., 2004; *Манчестер Л.* Указ. соч. С.341 – 343.

сиям между СССР и КНР на рубеже 1950-х – 1960-х гг. После передачи в конце 1952 г. КЧЖД Китаю китайское руководство выступило с предложением решения вопроса о пребывании в стране советских граждан. Это вызвало раскол среди русской колонии, часть которой решила выехать в СССР, а другая часть предпочла репатриацию в другие страны. К началу 1960-х гг. русская колония в Маньчжурии перестала существовать. Но даже будучи рассредоточенными по разным городам и странам, бывшие «харбинцы» независимо от гражданства сохранили свою идентичность, образовав сообщества, свои печатные органы, оставив массу воспоминаний о несуществующем «русском Харбине».

Заключение

Российское присутствие в Маньчжурии имело более чем полувековую историю и отразило все сложные внутри- и внешнеполитические процессы, происходившие в России и Китае. История российского присутствия в Маньчжурии была тесно связана с КВЖД. Китайская Восточная железная дорога, построенная на территории Маньчжурии, с самого начала ее эксплуатации (1903 г.) являлась предметом споров, разногласий и столкновений между Россией, Китаем и Японией. История КВЖД являлась барометром, показывавшим то усиление, то ослабление влияния России в Маньчжурии, и эти волны были причинами изменений в жизни российского населения Маньчжурии.

Российская колония в Маньчжурии появилась с началом строительства КВЖД в конце XIX века, и в ее истории можно выделить несколько этапов. Одним из переломных моментов ее существования стала революция и последовавшая за ней гражданская война в России, которые привели к формированию в российском обществе двух лагерей: сторонников новой советской власти и ее противников. Поражение Белой армии в гражданской войне в Сибири и на Дальнем Востоке повлекло за собой появление в Маньчжурии значительного количества беженцев, которые стали затем основой эмигрантской колонии.

Другим важным этапом было заключение советско-китайских соглашений в 1924 г. и совместное советско-китайское управление КВЖД, что привело к разделению русской колонии в Маньчжурии на советскую и эмигрантскую части. С 1932 г. начался новый этап существования русской колонии в условиях японской оккупации Маньчжурии в составе государства Маньчжоу-Го. После Второй мировой войны наступил последний этап существования русской колонии в условиях изменения политического режима в Китае.

Советская политика в Маньчжурии, руководимая сначала НКИД, потом НКПС, была противоречивой, исходила из задач как защиты своих интересов в Маньчжурии, так и расширения влияния коммунистических идей в Китае. Итогом ее стали советско-китайские конфликты и ослабление позиций в Маньчжурии. Советско-китайскими противоречиями воспользовалась Япония, которая в 1931 г. оккупировала Маньчжурию, и в конечном итоге КВЖД на десятилетие оказалась потерянной и для СССР, и для Китая, а советское влияние в Маньчжурии в середине 1930-х гг. резко сократилось. Во время советско-японской войны 1945 г. СССР взял реванш, оккупировав Маньчжурию. Однако необычайно сильные советские позиции в Маньчжурии после Второй мировой войны не привели к закреплению здесь СССР. Поддержка СССР Китайской компартии и содействие ее победе над Гоминьданом в гражданской войне привели к созданию КНР и отказу СССР

от всех своих преференций в Маньчжурии, включая совместное управление КВЖД (КЧЖД). Максимальным советское влияние в Маньчжурии было в 1924 – 1926 гг. и в 1945 – 1946 гг. Помимо прочего, оно выражалось в количестве русского населения Маньчжурии, принявшего советское гражданство.

Политика СССР по отношению к эмиграции в Маньчжурии характеризовалась двумя тенденциями. Скопление большого количества беженцев в Маньчжурии после гражданской войны стало дестабилизирующим фактором для советского Дальнего Востока, постоянным источником раздражения и беспокойства советской стороны. СССР опасался наличия большого количества эмигрантов в Маньчжурии как плацдарма для антисоветской работы и нападения на СССР, а также как притягательного центра для антисоветских элементов Сибири и Дальнего Востока. Поэтому, с одной стороны, СССР был заинтересован в расширении советского влияния на Северо-Восток Китая, массовой советизации русской колонии как одного из средств раскола эмиграции, и стимулировании возвращения русского населения в СССР, с другой стороны.

Исследуя особенности формирования советской и эмигрантской колоний в Маньчжурии, можно сделать вывод, что они появились в условиях сложной политической ситуации в Китае, утратой в 1920 г. русского управления полосой отчуждения КВЖД, усиления «китаизации» КВЖД и Маньчжурии.

Анализ состава советской колонии показал, что основу ее составляли старожилы или эмигранты, взявшие советское гражданство. Мотивы принятия советского гражданства были разными: идейные убеждения, симпатии к советской власти, забота о будущем детей, стремление сохранить связь с родственниками в России. Массовая советизация 1920-х гг. была связана в большей степени с прагматическим подходом: сохранением рабочих мест, коммерческих заведений, защиты от китайских властей. Но у советской администрации не было эффективных рычагов влияния, как на советских граждан, так и на эмигрантов. Суд, полиция, армия, пресса, даже образование в Маньчжурии были под контролем китайской администрации, а затем правительства Маньчжоу-Го.

Советско-китайский конфликт 1929 г. выявил неоднородность советской колонии и условность советского гражданства. Многие из «новосоветских» граждан пошли на разрыв с советской администрацией, поспешили отречься от советского гражданства, подтвердить лояльность китайским властям и перейти в эмигрантский лагерь. Это привело к «чистке» кадров на КВЖД, увольнению старых специалистов и замене их «проверенными» кадрами. Оккупация Маньчжурии Японией привела к продаже КВЖД и репатриации 25 тыс. железнодорожников и их семей в СССР, после чего советская колония сократи-

лась, в том числе вследствие отъезда части советских граждан на юг Китая и в другие страны или перехода в эмигрантское состояние.

Все, кто не принял советского гражданства в середине 1920-х гг., как старожилы, так и беженцы из России, составляли эмигрантскую колонию, которая также была неоднородной по составу. На протяжении всего периода существования российская эмиграция в Маньчжурии страдала от внутренних раздоров, отсутствии общей цели, конкуренции между лидерами. Объединяющими началами эмигрантской колонии были антибольшевизм и монархизм. Наличие двух сил в Маньчжурии — китайских властей и советской администрации на КВЖД, борьба их интересов позволяли русской эмиграции в той или иной степени играть на противоречиях между ними и использовать это положение в свою пользу. Но советско-китайский конфликт на КВЖД 1929 г. и оккупация Маньчжурии Японией изменили соотношение сил и положение внутри эмигрантской колонии.

Во время японской оккупации Маньчжурии большинство эмигрантских организаций были ликвидированы, а оставшиеся перешли под полный контроль японцев. Неудачная колониальная политика японцев, показная лояльность части эмигрантов, служивших в японских учреждениях, вызывали раздражение у большей части эмигрантов. С другой стороны, усиление позиций СССР на Дальнем Востоке, повышение престижа Советского Союза в мире были одной из причин дальнейшего расслоения эмиграции, перехода эмигрантов на сторону СССР, который ускорила Вторая мировая война. Сотрудничество с военной администрацией, общение с офицерами и солдатами Красной армии способствовали преодолению многолетнего разделения на враждебные лагеря, массовому принятию советского гражданства.

Сложная внутриполитическая ситуация в Китае после Второй мировой войны, гражданская война между Гоминьданом и КПК, поддержка СССР коммунистической партии Китая и превращение Маньчжурии в базу КПК имели далеко идущие последствия, приведшие к вытеснению русского населения из Маньчжурии. После передачи в конце 1952 г. КЧЖД Китаю китайское руководство выступило с предложением решения вопроса о пребывании в стране советских граждан. Это вызвало раскол среди русской колонии, часть которой решила выехать в СССР, а другая часть предпочла репатриацию в другие страны. К началу 1960-х гг. русская колония в Маньчжурии перестала существовать. Но даже будучи рассредоточенными по разным городам и странам, бывшие «харбинцы» независимо от гражданства сохранили свою идентичность, образовав сообщества, свои печатные органы, оставив массу воспоминаний о несуществующем «русском Харбине».

Изучив отношения советской и эмигрантской колоний, можно сделать вывод о том, что взаимоотношения строились на основе политического и идеологического противостояния. Разделение на «белых» и «красных» в Маньчжурии, формирование образов «врага» отражали противоречивость и сложность исторического контекста 1920-х–1930-х гг. Разделение имело отчасти искусственный характер и не исчерпывало сложных процессов, происходивших в этот период среди русской колонии в Маньчжурии. Часто идеологический императив вступал в противоречие с экономической целесообразностью и просто здравым смыслом. Поэтому противостояние часто оборачивалось достаточной терпимостью, что выражалось в отсутствии серьезных столкновений и конфликтов. К тому же тесное существование на одной территории, зависимость всего русского населения от местных властей и внешнеполитической ситуации вынуждали сглаживать острые углы этого противостояния, искать компромисса.

Победа в войне, оккупация Маньчжурии советскими войсками привели к массовой советизации эмиграции, однако огромные ресурсы патриотических настроений не были использованы. Обнаружилось, что за годы японской оккупации и отсутствии контактов с СССР увеличилась дистанция между советскими людьми и русскими жителями Маньчжурии, проявились особенности двух разных культур, особенно при репатриации в СССР.

Численность и состав обеих колоний на протяжении всего рассматриваемого периода постоянно изменялись в зависимости от политической обстановки в Маньчжурии, возможности сменить гражданство, уехать в другой район Китая или другие страны. Любые колебания политического маятника (как в СССР, так и в Китае) воспринимались эмиграцией либо с отчаянием, либо с надеждой, отражались на процессах советизации и иммиграционных процессах. Исследование позволило выделить несколько волн смены гражданства русским населением в зависимости от внутри- и внешнеполитической ситуации: в 1924 – 1925 гг. – при появлении новой администрации на КВЖД; в 1929 г. – во время советско-китайского конфликта, когда многие советские граждане пошли на разрыв с советской администрацией, поспешили отречься от советского гражданства, подтвердить лояльность китайским властям и перейти в эмигрантский лагерь; в 1932 г. – после оккупации Японией Маньчжурии; в 1935 г. при продаже КВЖД Маньчжоу-Го; в 1945–1946 г. при освобождении Маньчжурии Красной армией; в 1953 – 1958 гг. – в связи с передачей КЧЖД Китаю и последующей репатриацией русского населения в СССР и реэмиграцией в другие страны.

Изучение биографий представителей российской колонии в Маньчжурии существенно откорректировало представления о причинах и масштабах советизации, помогло понять процессы адаптации и стратегии поведения российского населения в ситуации социальной и политической напряженности в Маньчжурии, возможность соединения в судьбах людей различных сценариев. Рассмотрение социальной и культурной ситуации в Маньчжурии в указанный период через призму персональной истории позволило по-новому взглянуть на особенности и специфику формирования и эволюции российской эмиграции.

За последние десятилетия Россия претерпела большие изменения в том, что касается идеологии, ценностей, представлений о прошлом и будущем страны. Изменились представления и о российской эмиграции и ее роли в формировании новой России, появилось понятие «русского мира» – особенного цивилизационного пространства, охватывающего всех русскоязычных людей, обладающих общей исторической памятью. Но по отдельным вопросам так и нет единства, российское общество стало более неоднородным и сложно устроенным. История русской колонии в Маньчжурии, прошедшей разные стадии конфронтации, испытавшей на себе зигзаги государственного курса, показывает, как важны поиски фундаментальных коллективных норм и ценностей для сохранения единства нации.

Список сокращений

АВП РФ – Архив внешней политики Российской федерации

БРП – Братство русской правды

БРЭМ – Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи

Вел. кн. – великий князь

ВКП(б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)

ВМН – высшая мера наказания

Внешторг – Министерство внешней торговли СССР

ВОКС – Всесоюзное общество культурных связей с заграницей

Врио – временно исполняющий обязанности

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации

ГАХК – Государственный архив Хабаровского края

ГМЗ – Государственный музей-заповедник

ГПУ – Главное полицейское управление

Г.р. – год рождения

Губком – губернский комитет

Дальбанк – Дальневосточный банк

Дальбюро – Дальневосточное бюро

Дальвнешторг – Дальневосточное отделение Наркомата внешней торговли СССР

Дальгосторг – Дальневосточная государственная торговля СССР

Дальевциб – Дальневосточное еврейское центральное информационное бюро

Далькрайком – Дальневосточный краевой комитет

Дальуголь – Дальневосточная государственная угледобывающая кампания

ДВП СССР – Документы внешней политики СССР

ДВР – Дальневосточная республика

ДККК – Дальневосточная краевая контрольная комиссия

Дорком – дорожный комитет профессионального союза работников железнодорожного и водного транспорта КВЖД (Дорпрофсожа)

ДНП – Департамент народного просвещения

Дорпрофсож – профессиональный союз работников железнодорожного и водного транспорта

Желсоб – Железнодорожное собрание

Женотдел – отдел по работе среди женщин

Зам. – заместитель

ИВР РАН – Институт восточных рукописей Российской академии наук

И.д. – исполняющий должность

ИНО – Иностранный отдел

ИТЛ – исправительно-трудовой лагерь

КВЖД – Китайская восточная железная дорога

Кавежедеки – служащие КВЖД

Квитподданный – получивший квитанцию из консульства СССР о подаче ходатайства о восстановлении гражданства СССР

Китподданный – китайский подданный, принявший гражданство Китая.

КНР – Китайская народная республика

КПК – Коммунистическая партия Китая

КР – Китайская республика

КРО – контрразведывательное отделение

КСО – Китайско-советское общество

КЧЖД – Китайско-Чанчуньская железная дорога

Культотдел – отдел по культурной работе

Л.-гв. – лейб-гвардии

Местком – местный комитет

МИД – Министерство иностранных дел

МОСВ – Международное общество спальных вагонов

НКИД – Народный комиссариат иностранных дел

НКПС – Народный комиссариат путей сообщения

НОАК – Народно-освободительная армия Китая

НОРР – национальная организация русских разведчиков

ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление

ОГС – Общество граждан СССР

ОДА – Объединенная демократическая армия

ОДВА – Особая Дальневосточная армия

ОИМК – Общество изучения Маньчжурского края

ОРВП – Особый район восточных провинций

ОР РНБ – отдел рукописей Российской национальной библиотеки

Отмол – отряды молодежи

Политбюро – Политическое бюро

Пом. – помощник

Посредрабис – посредническое бюро по найму и распределению работников искусств

ПП – полномочное представительство

Рабис – Союз работников искусств

Разведупр – разведывательное управление

РВС – Революционный военный совет

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории

РГИА – Российский государственный исторический архив

РККА – Рабоче-крестьянская Красная армия

РКП(б) – Российская коммунистическая партия (большевиков)

РОВС – Российский общевоинский союз

РОСТА – Российское телеграфное агентство

СИБ – Советское информационное бюро

Сибкрайсоюз – Сибирский краевой союз кооперативов СССР

СМЕРШ – «Смерть шпионам» – военная контрразведка СССР

СМЖД – Северо-Маньчжурская железная дорога

СМК – Северо-Маньчжурский комитет

Совзагранвид – советский заграничный вид на жительство

Совинформбюро – Советское информационное бюро

Совподданные – название для советских граждан в ОРВП

Совторгфлот – акционерное общество «Советский торговый флот»

СОУ – секретно-оперативное управление

СПС – Союз профессиональных союзов

ТАСС – Телеграфное агентство Советского Союза

ТВП – Три восточных провинции

Текстильторг – акционерное общество по торговле текстильными изделиями

ТКП – Трудовая крестьянская партия

Товпред – товарищ председателя Правления КВЖД

Торгпредство – торговое представительство

Торгсин – Всесоюзное объединение по торговле с иностранцами

Учком – участковый комитет

ХКПРБ – Харбинский комитет помощи русским беженцам

ХКУ – Харбинские коммерческие училища

ХПИ – Харбинский политехнический институт

ХСМЛ – Христианский союз молодых людей

ЦГАЛИ СПб – Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга

Центросоюз – Центральный союз потребительских обществ СССР

ЦИК – Центральный исполнительный комитет

ЦК – Центральный комитет

ЦКК – Центральная контрольная комиссия

ЯВМ – Японская военная миссия

BAR – Bahmeteff Archive. Rare Book & Manuscript Library, Columbia University in the City of New York.

Список источников и литературы

Архивы:

1. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ).
   Ф. 04. Секретариат Чичерина.
   Ф. 05. Секретариат М.М. Литвинова.
   Ф. 08. Секретариат Л.М. Карахана.
   Ф. 100. Реферантура по Китаю.
   Ф. 0100. Реферантура по Китаю (секретная часть)
   Ф. 100 «б». Реферантура по Маньчжурии.
   Ф. 0100 «б». Реферантура по Маньчжурии (секретная часть)
   Ф. 0146. Реферантура по Японии.
   Ф. 270. Консульство СССР в г. Маньчжурия.
   Ф. 308. Генеральное консульство СССР в Харбине.
   Ф. 865. Секретариат Г.Я. Сокольникова.
2. Архив библиотеки-фонда «Русское зарубежье».
   Ф.1. Всероссийская мемуарная библиотека.
3. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК).
   Ф.830. Бюро по делам российских эмигрантов (БРЭМ).
4. Российский государственный исторический архив (РГИА).
   Ф.323. Правление КВЖД.
   Ф. 1679. Затеплинский А.А.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).
   Ф. Р-4459. Телеграфное агентство Советского Союза (ТАСС).
   Ф. Р-5283. Всесоюзное общество культурных связей с заграницей (ВОКС).
   Ф.Р-5758. Межак П.Г.
   Ф. Р-5826. Русский общевоинский союз (РОВС).
   Ф. Р-5869. Редакция сборников «Вольная Сибирь».
   Ф. Р-5870. Общество сибиряков в Чехословакии.
   Ф. Р-5871. И.А. Якушев.
   Ф.Р-6081. Управление КВЖД.
   Ф.Р-6599. И.С. Ильин.
   Ф. Р-7523. Верховный Совет Союза СССР.

Ф. Р-8409. Е.П. Пешкова. Помощь политическим заключенным.

Ф. Р-8581. Советское информационное бюро (Совинформбюро).

Ф. Р-9578. А.П. Лисиенко.

Ф. 10143. Музей русской истории Сан-Франциско.

6. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).

Ф. 17. Политбюро ЦК ВКП(б).

Ф. 558. Сталин И.В.

Ф.613. ЦКК ВКП(б).

Ф. М-1. ЦК ВЛКСМ.

Ф. М-19. Дальневосточное бюро ЦК РКСМ.

7. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ)

Ф. 484. Скиталец (Петров) С.Г.

Ф. 1337. Собрание воспоминаний и дневников. Оп.5. В.А. Морозов.

Ф. 1885. Алымов С.Я.

Ф. 2266. Штраус Ю.А.

Ф. 2512. Маковский С. К.

Ф. 2871. Собрание архивов деятелей культуры. Оп.3. Материалы Н.В. Устрялова.

Ф. 3147. Ильина Н.И.

8. Российский государственный архив экономики (РГАЭ).

Ф.732. Анерт Э.Э.

Ф. 8002. Правление КЧЖД.

9. Российский государственный военный архив.

Ф. 308к. 2-й отдел Генерального штаба Польши (г. Варшава). Oddzial II Sztabu Generalnego Woiska Polskiego (Warzawa).

10. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ).

Ф. 187. Глазунов А.К.

Ф. 1457. Митрополит Виктор (Святин Леонид Викторович).

11. Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН (ИВР РАН).

Ф. 130. Скачков П.Е.

Ф. 145. Панкратов Б.И.

Ф. 153. Баранов И.Г.

12. Государственный музей-заповедник «Петергоф».

Фонд «Архив музея семьи Бенуа».

13. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб).

Ф. 110. Северо-западное отделение Центрального посреднического бюро по найму и распределению работников искусств (Посредрабис).

14. Bahmeteff Archive. Rare Book & Manuscript Library, Columbia University in the City of New York.

Collections of G.U. Gerts, M.P. Golovachev, V.N. Kasatkin, N.A. Martynov Z.A. Melik-Ogandzhanova,V. Salatko-Petrische, S.K. Sazhin, A.P. Vorobchuk, S.V. Vostrotin, M.A. Yasykova.

Опубликованные документы и материалы:

1. ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. Т.1. 1920 – 1925 гг. – М.:АО «Буклет», 1994. – 792 с. Т. 2. 1926-1927 гг. В 2-х ч. Редколлегия: М.Л. Титаренко, М. Лейтнер и др. М.: АО «Буклет», 1996. – 1011 с.
2. «Во имя блага Родины…». Из истории казачества в эмиграции. 1920-е – середина 1930-х гг. (публ. В.Ф. Мамонова, А.Л. Худобородова) // Исторический архив. – 1995. – № 5–6. – С.165 – 204.
3. Высокопреосвященный Мефодий, архиепископ Харбинский и Маньчжурский. – Харбин, б/д [1930]. – 31 с.
4. Генерал Хорват о положении на Дальнем Востоке: беседа главы Дальневосточной эмиграции со старшиной Русской национальной общины Шанхая Н.Ю. Фоминым 29 октября 1929 г. – Шанхай: изд-во «Время», 1929. – 10 с.
5. Документы внешней политики СССР. – М.: Политиздат. – Т. 7–20.
6. Из истории философско-эстетической мысли 1920–1930-х гг. Вып. 1. Н.А. Сетницкий. – М.: ИМЛИ РАН, 2003. – 624 с.
7. История пребывания японских военнопленных в советском плену в документах (1945-1956 гг): Сб. документов / М-во образования и науки РФ, ИрГТУ ; [сост. С. В. Карасёв ; науч. ред. С. И. Кузнецов]. – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. техн. ун-та, 2011. – 112 с.
8. Краткий обзор работы КВЖД и края. – Харбин: Тип. КВЖД, 1928–1929. – 130 с.

9. Ледовский А.М. СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участника событий: 1937 – 1952. – М. : Памятники исторической мысли, 1999. – 344 с.
10. Лубянка. Сталин и ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936./ Под ред. А.Н. Яковлева; сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. – М.: МФД, 2003. – 912 с.
11. Налоги, пошлины и местные сборы в Особом районе Восточных провинций Китайской республики. – Харбин: тип. КВЖД, 1927. – 166 с.
12. Образование Китайской Народной республики. Документы и материалы. - М.: Госполитиздат, 1950. – 136 с.
13. Отчет учебного отдела КВЖД за 1922/23 – 1923/24 уч. гг. – Харбин: тип. КВЖД, 1924. – 51 с.
14. Отчет Харбинского биржевого комитета за 1934 год. – Харбин: б.и., 1935. – 89 с.
15. Особый район Восточных провинций Китайской республики. Справочные сведения об административном и судебном устройстве района. – Харбин: Тип. тов-во «Печать», 1927. – 323 с.
16. Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом: документы, август 1923 г.–1926 г./ Рос. Акад. Наук, Ин-т Дальнего Востока; сост., отв. ред.-сост., авт. предисл. А.И. Картунова; гл. ред. М.Л. Титаренко. – М.: Наталис, 2008. – 704 с.
17. Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1936 гг. Сб. документов / Составители: Л.Кошелева, В.Лельчук, В.Наумов, О.Наумов, Л.Роговая, О.Хлевнюк. – М.: «Россия молодая», 1995. – 303 с.
18. Письмо К.В. Родзаевского И.В. Сталину /публ. С. Онегиной //Отечественная история. – 1992. – № 3. – С. 92–100.
19. Пограничные войска СССР. 1929 – 1938. Сб. документов и материалов. – М.: изд-во «Наука», 1972. – 775 с.
20. Положение о дальневосточном объединении эмиграции. – Тяньцзин: тип. при маг. «Знание», 1932. – 13с.
21. Процесс 38. Стенограмма процесса 38 советских граждан, арестованных при налете 27 мая 1929 года на советское консульство в Харбине, ОРВП. – Харбин: изд. «Харбин обсервер», 1929. – 258 с.

22. Родзаевский К.В. Отчет о моей 20-летней деятельности /публ. С.В. Онегиной //Кентавр. – 1993. – № 4. – С. 93–114.
23. Российская эмиграция в Маньчжурии: военно-политическая деятельность (1920–1945): сб. док./Сост. Е.Н. Чернолуцкая. – Южно-Сахалинск: Обл. тип., 1994. – 152 с.
24. Русский архив: Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30-е – 1940-е годы. Документы и материалы. В 2-х т. Т. 18 (7 – 1). М.: ТЕРРА, 1997. – 432 с. Т. 18. (7 – 2). – М. : ТЕРРА, 2000. – 440 с.
25. Русский Общественный Комитет. Отчет о деятельности Комитета. – Харбин: Худож. типогр., б.д. [1933]. – 43 с.
26. Русско-китайские отношения в XX веке. Т.III: советско-китайские отношения (сентябрь 1931-сентябрь 1937). Т.IV: советско-китайские отношения в 1937-1945 гг. Кн.1 и 2. – М.: Памятники исторической мысли, 2010. Т. V.: советско-китайские отношения в 1946 – 1950 гг. Кн. 1 и 2. М.: Памятники исторической мысли, 2005.
27. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства СССР. 1924 – 1937.
28. Советско-китайские отношения, 1917–1957 гг.: сб. док. /Отв. ред.: И.Ф. Курдюков, В.Н. Никифоров, А.С. Перевертайло. – М.: Изд-во вост. лит., 1959. – 465 с.
29. Советско-китайский конфликт 1929 г. : сб. док. – М: Литиздат НКИД, 1930. – 89 с.
30. Сталин и Каганович. Переписка 1931–1936 гг. /сост. О.В. Хлевнюк, Р.У. Дэвис, Л.П. Кошелева, Э.А. Рис, Л.А. Роговая. – М.: РОССПЭН, 2001. – 718 с.
31. Статистический ежегодник КВЖД. – Харбин, 1925–1935.
32. Устрялов Н.В. Письма к П.П. Сувчинскому. 1926 –1930 гг. / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. К.Б. Ермишиной. – М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2010. – 80 с.
33. «Фашизм развивается и внедряется в умы русских беженцев». Политическая деятельность белой эмиграции в Маньчжурии в сводках ОГПУ. 1928 г./Публ. А.Ю. Цыбина // Исторический архив. – 2006. – №5. – С.61 – 79.
34. Халхин-Гол. Исследования, документы, комментарии. К 70-летию начала Второй мировой войны /Т.С. Бушуева, А.В. Серегин; отв. редактор А.Н. Сахаров, В.С. Христофоров. – М.: ИКЦ «Академкнига», 2009. – 248 с.

35. Хисамутдинов А. Переписка двух путешественников: к 125-летию со дня рождения В.К. Арсеньева и Н.А. Байкова //Россияне в Азии. – 1998. – №5. – С.236 – 243.
36. Чему свидетелями мы были … Переписка бывших царских дипломатов. 1934-1940. Сборник документов. В 2 кн. /сост., подг. текста, прим. Ю.И. Стрижова; под ред. Е.М. Примакова. – М.: Гея, 1998. – 561 с.; – 622 с.

Справочная литература:

1. Алексеев М.А. Колпакиди А.И. Кочик В.Я. Энциклопедия военной разведки. 1918 – 1945 гг. – М.: Кучково поле, Ассоциация «Военная книга», 2012. – 976 с.
2. Весь Харбин на 1926 год [Текст] : адресная и справочная книга / ред.-изд. С. Т. Тернавский. – Харбин: типография КВЖД, 1926.
3. Волков С.В. Генералы и штаб-офицеры русской армии. Опыт мартиролога. В 2-х т. - М.: изд-во «ФИВ», 2012. – 736 с.; – 728 с.
4. ВЧК. 1917 – 1922. Энциклопедия /Авт.-сост. А.М. Плеханов, А.А. Плеханов. – М.: Вече, 2013. – 512 с.
5. Кудрявцев В.Б. Периодические и непериодические коллективные издания русского зарубежья. 1918-1941. В 2-х ч. Ч.1. – М: Русский путь, 2011. – 936 с.
6. Харбинцы в Москве : биографич. очерки в 2-х вып. /РАН, ин-т рос. истории, ассоциация «Харбин». – М. : Ассоц. «Харбин», 1997. – 72 с.; – 68 с.
7. Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке: Биобиблиографический словарь /А.А. Хисамутдинов. - Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. – 384 с.

Периодика:

1. Австралиада – Русская летопись (Сидней). 1997 – 2013.
2. Бюллетень «Иогуд Иоцей Син» (Ассоциация выходцев из Китая в Израиле) (Тель-Авив). 1997 – 2007.
3. Вестник Маньчжурии (Харбин). 1925 – 1934.
4. Вечерняя Москва (Москва). 1924 – 1929.
5. Вопросы школьной жизни (Харбин). 1925 – 1926.
6. Время (Шанхай). 1928 – 1932.

7. Герольд Харбина (Харбин). 1930 – 1933.
8. Гун-бао (Харбин). 1927 – 1935.
9. Друг полиции (Синьцзин), 1940 – 1944.
10. Известия (Москва). 1923–1962.
11. Известия Юридического факультета в Харбине. 1925–1934.
12. Заря (Харбин). 1924 –1943.
13. Красное знамя (Владивосток). 1927–1939.
14. Луч Азии (Харбин). 1938 –1945.
15. Молва (Харбин). 1927–1928.
16. Мушкетер (Харбин). 1929 – 1930.
17. На границе (ст. Пограничная). 1935–1938.
18. На сопках Маньчжурии (Новосибирск). 1997 – 2012.
19. Наш путь (Харбин). 1933–1938.
20. Новости востока (Харбин). 1932 – 1935
21. Новости жизни (Харбин). 1920–1929.
22. Политехник (Сидней). 1969 – 2008.
23. Правда (Москва). 1923–1962.
24. Рупор (Харбин). 1925 – 1938.
25. Русская Атлантида (Челябинск). 1998 – 2012.
26. Русская жизнь (Харбин). 1922 – 1923.
27. Русская жизнь (Сан-Франциско). 1945 – 1968.
28. Русские в Китае (Екатеринбург). 1994 – 2008.
29. Русский голос (Харбин). 1920 – 1926.
30. Русское слово (Харбин). 1926 – 1934.
31. Русское слово (Харбин). 1945 – 1957.
32. Трибуна (Харбин). 1923–1925.
33. Харбинские коммерческие училища КВЖД (Сан-Франциско). 1956– 1970.
34. Харбинское время (Харбин). 1931–1942.
35. Эхо (Харбин). 1925–1928.

Дневники, воспоминания, автобиографическая проза:

1. Абросимов И.А. Под чужим небом / И.А.Абросимов. – М.: Мол. гвардия, 1990 . – 349 с.

2. Белобородов А.П. Всегда в бою. Прорыв на Харбин / А. П. Белобородов. – М. : Дружба народов, 2003. – 567 с.
3. Берковская Е.Н. Судьбы скрещенья: Воспоминания/Е.Н. Берковская. – М.: Возвращение, 2008. – 720 с.
4. Беседовский Г. На путях к термидору /Г. Беседовский. – М.: Современник, 1997. – 461 с.
5. Волкова К. Иероглифы судьбы: повесть /К.П. Волкова. – Архангельск : Правда Севера, 2006. – 677 с.
6. Вологодский П.В. Во власти и в изгнании: Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925)/ Сост., предисл. и коммент. Д.Г. Вульфа, Н.С. Ларькова, С.М. Ляндерса. – Рязань, 2006. – 619 с.
7. Германович И. Китай, Сибирь, Москва. Воспоминания. – Мельбурн, 1997. – 340 с.
8. Дземешкевич Л. Харбинские были/Л. Дземешкевич. – Омск: изд-во ОмГПУ, 1999. – 284 с.
9. Дьяков И.А. Аматерасу. Правда о пережитом в Трехречье за Веру и Отчизну //Поздняев Д. Православие в Китае. – М., 1998. – С.241 – 248.
10. Енборисов Г.В. От Урала до Харбина. Оренбургское казачье войско/Г.В. Енборисов. – М.: Вече, 2014. – 304 с.
11. Ефанова В. Домой с черного хода/В. Ефанова. – М.: изд-во Н. Бочкаревой, 1999. – 320 с.
12. Жемчужная З. Пути изгнания. Урал, Кубань, Москва, Харбин, Тяньцзин. Воспоминания/ предисл. Е. Якобсон ; обл. В. М. Рыклина. – Tenafly, N. J. : Hermitage Publishers, 1987. – 293 с.
13. Задорнов Н.П. Это было в Маньчжурии //Дальний Восток. – 1976. – №7. – С.144 – 148.
14. Зарудная-Фриман М. Мчались годы за годами: История одной семьи /М. Фриман-Зарудная. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 365 с.
15. Золотарева Т. Маньчжурские были. – Сидней: Харбинское и Маньчжурское историческое общество, 2000. – 267 с.
16. Ильин И.С. На службе у японцев.// Новый журнал (Нью-Йорк). – 1965. – № 80. 1966. – № 82, 84, 85.
17. Ильин И.С. Советская армия в Харбине //Новый журнал. –1969. – № 96. – С. 130 – 152.

18. Ильина Н. Дороги и судьбы / Наталия Ильина; предисл. В. Жобер, А. Латыниной. – М.:АСТ: Астрель, 2012. – 766 с.
19. Кайгородов А.М. Маньчжурия: август 1945 //Проблемы Дальнего Востока. – 1991. – № 6. – С. 93–99.
20. Караев Б.А. Восточный ветер. Воспоминания и размышления/Б.А. Караев. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. – 188 с.
21. Корецкий А.П. Эпопея русского эмигранта (без героики). //Россияне в Азии (Торонто). – 1996. – №3. – С. 111 – 168.
22. Крузенштерн-Петерец Ю.В. «У каждого человека есть своя родина»: Воспоминания // Россияне в Азии (Торонто). –1994. –№1. – С. 17 – 132. 1997 - № 4. – 124 – 209. 1998. - № 5. – С. 25 – 83. 1999. – № 6. – С. 29 – 104. – 2000. – №7. – С. 93 – 149.
23. Крук Н. Нам улыбалась Квань Инь. Лица сквозь время// Россияне в Азии (Торонто). – 2000. – №7. – С. 151–197.
24. Кичигин М. Кузнецова-Кичигина В. Русские художники в Китае /авт-сост. Т.А. Лебедева. – Ярославль: изд-во «Александр Рутман», 2004. – 176 с.
25. Ледовский А.М. СССР, США и китайская революция глазами очевидца, 1946 – 1949. – М.: РАН. Институт Дальнего Востока, 2005 – 192 с.
26. Логинова (Морозова) Г.В. Институт русского языка НОАК в Дальнем // Проблемы Дальнего Востока. – 1996. – № 1. – С. 106 – 110.
27. Маркизов Л. П. До и после 1945. Глазами очевидца. / Л. П. Маркизов ; Коми респ. благотвор. общест. фонд жертв полит. репрессий "Покаяние", Сыктывкар. обществ. орг. "Мемориал", Сыктывкар. лесной ин-т С.-Петерб. лесотехн. акад. им. С.М.Кирова. — Сыктывкар, 2003. — 208 с.
28. Моравский Н.В. Остров Тубабао. 1949 – 1951. Последнее пристанище российской дальневосточной эмиграции. – М.: Русский путь, 2000. – 112 с.
29. Мерецков К.А. На службе народу : Страницы воспоминаний. — 5-е изд. — М.: Политиздат, 1988. — 447 с.
30. Нагишкин Д. Сунгарийские записки // Дальний Восток (Хабаровск). – 1946. – №1-2. – С.132 – 142.
31. Нэш Г. Потерявшие родину. Семейная сага Тарасовых/Г. Нэш. – СПб: Лики России, 2011. – 246 с.
32. Пегов Н.М. Далекое-близкое. Воспоминания. – Владивосток : Дальневост. кн. изд-во, 1987. – 216 с.

33. Пермяков Г.Г. Отряд 731. Документальная повесть //Рубеж (Владивосток). – 2004. – №5. – С.280 – 289.
34. Петров В.П. Город на Сунгари /В.П. Петров. – Вашингтон: «Д.К.», 1984. – 126 с.
35. Победа на Дальнем Востоке: Историко-мемуарные и документально-художественные повествования о разгроме империалистической Японии в августе 1945 г. [Сборник]. – Хабаровск: Кн. изд-во, 1985. – 526 с.
36. Пу И. Первая половина моей жизни //Пу И. Последний император /Пер. Н.А. Спешнева при участии Цзян Шилуня. – СПб : изд-во «ТРИАДА», 1999. – 480 с.
37. Рачинская Е. Калейдоскоп жизни: воспоминания. – Paris: YMCA-Press, 1990. – 429 с.
38. Резникова Н. В русском Харбине //Новый журнал (Нью-Йорк). – 1988. – Кн.172-173. – С. 384.
39. Русский Харбин : [сборник / сост., предисл. и коммент. Е. П. Таскиной]. - 2-е изд., испр. и доп. - М. : Изд-во Моск. ун-та : Наука, 2005. - 349 с.
40. Санников В. Под знаком восходящего солнца в Маньчжурии: воспоминания / В.Г. Санников. – Sydney: Publ. by auth., 1990. – 221 с.
41. Семейные хроники.[История семьи Бородиных. Сборник]. – М.: Б.и., 2000. – 102 с.
42. Сидоров Г.М. Воспоминания скрипача. В 2-х ч. – Омск: Б.и., 1993. – Ч. 1. – 69 с. – Ч. 2. – 218 с.
43. Славуцкая А.М. Все, что было… Записки дочери дипломата/А.М. Славуцкая. – М.: Книга и бизнес, 2002. – 192 с.
44. Славуцкая А.М. Маньчжурский вальс [мемуары] /А.М. Славуцкая. - М.: б.и., 2011. – 120 с.
45. Слободчиков В.А. О судьбе изгнанников печальной… Харбин, Шанхай/ В.А. Слободчиков. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. – 431 с.
46. Таскина Е. Русские в Маньчжурии: страницы жизни: очерки, воспоминания /Е.К. Таскина. – М.: Изд-во МБА, 2012. – 122 с.
47. Троицкая С. Русский Харбин. Воспоминания. – Брисбен, 1995. – 64 с.
48. «У меня на руках было большое русское дело…». Воспоминания из архива генерал-лейтенанта Д.Л. Хорвата (часть1). /публикация А.В. Луговой //Новейшая история России. – 2012. – № 2. – С. 191-223.

49. Через Дальний Восток – на Ближний. Статьи, публикации, мемуары и эссе /Ред.-сост. Р. Пархомовская, И. Резник. – Иерусалим, 2009. – 490 с.
50. Шапиро М.Л. Женский концлагерь. Судьба эмигрантки. //Новый журнал (Нью-Йорк). – 1983. – №150–153. – 1984. – № 156 – 157. – 1985. – № 158 – 160.
51. Шиляев Е.П. Моя служба на КЧжд. //Россияне в Азии (Торонто). – 1999. – №6. – С.168 – 218. – 2000. – №7. – С.199 – 258.
52. Якобсон Е. Пересекая границы: Революционная Россия – Китай – Америка /пер. с англ. Е.Ю. Дорман, Л.С. Флам-Оболенской. – М.: «Русский путь», 2004. - 272 с.
53. Янковский В.Ю. От Гроба Господня до гроба ГУЛАГа. – Владимир: Владимирская обл. науч. Библиотека, 1999. – 180 с.
54. Kaufman T. The Jews of Harbin Live on in My Heart. – Tel-Aviv, 2006. – 191 p.
55. Moustafine M. Secrets and Spies: the Harbin Files. – Sydney, 2002. – 468 p.
56. *Pereleshin V.* Russian Literary and Ecclesiastical Life in Manchuria and China from 1920 to 1952 : unpubl. memoirs Valeriy Pereleshin. - Haque: Leuxenhoff Publishing, 1996. - 139 p.

Публицистика:

1. Аварин В. Харбин революционный //Новый мир. – 1929. – Кн. 11. – С. 165–171.
2. Войтинский Г. КВЖД и политика империалистов в Китае. – М.: изд-во Комакадемии, 1930. – 72 с.
3. Вонсович И.И. Покуривая трубку … Рифмованный блокнот. – Харбин: Типогр. «Гун-бао», 1930. – 215 с.
4. Дальневосточный Е. Китайско-восточная железная дорога. – Баку: изд-во газеты «Вышка», 1929. – 16 с.
5. Доронин М. Захват КВЖД. – Новосибирск: Сибкрайиздат, 1929. – 48 с.
6. Драудин Т. Харбин //Вечерняя Москва. – 1927. – 15 ноября.
7. Иванов Вс. Огни в тумане (Думы о русском опыте). Сб.ст. – Харбин: типография «Заря», 1932. – 368 с.
8. Изгоев Н. Белый омут // Известия. – 1929. – 17 июля.
9. Киржниц А. В полосе отчуждения КВЖД //Сибирские огни. – 1924. – Кн. 3. – С. 138–151.
10. Киржниц А.Д. У порога Китая. – М: изд-во «Красная новь», 1924. – 70 с.

11. Китайская Восточная железная дорога. К событиям 1929 года. – Хабаровск: тип. «Книжное дело», 1929. – 45 с.
12. Лешко О. Русские в Маньчжуго. – Шанхай: б.и., 1937. – 132 с.
13. Насыров В.М. Китайская Восточная железная дорога. К событиям1929 г. – Хабаровск: Книжное дело, 1929. – 84 с.
14. Оккупация Маньчжурии и борьба империалистов. Сб.ст. – М.: парт. изд-во, 1932. – 167 с.
15. Полевой Е. По ту сторону китайской границы. Белый Харбин. – М.-Л.: «Госиздат», 1930. – 87 с.
16. Приморский М.Я. В Китай и обратно. Путевые заметки. – М.: Новая Москва, 1926. – 95 с.
17. Родзаевский К. Завещание русского фашиста /К.В. Родзаевский [Авт. вступ. статей И. Дьяков, К. Гусев]. - М.: ФЭРИ-В, 2001. – 509 с.
18. Святицкий В.И. Достижения советской администрации в деле эксплуатации КВЖД за период 1925 – 1928 гг. //Транспорт и хозяйство. - 1929. - № 9.- С. 140–161.
19. Семенов Б. Китай и СССР //О Китае. Политико-экономический сборник (под ред. А. Лозовского). – М.-Л.: гос. Изд-во, 1928. – С. 141–160.
20. Скалов Г. КВЖД. Империализм и китайская реакция в событиях на КВЖД. - М.-Л.: госиздат, отдел военной лит-ры, 1930. - 63 с.
21. Терентьев Н. Советский Союз, империализм и Китай. Захват КВЖД и разрыв советско-китайских отношений. – М.-Л.:Гос. Изд-во, 1929. – 93 с.
22. Тульский С. Маньчжурия. – М.: Гос. Воен. Изд-во, 1932. – 48 с.
23. Устрялов Н.В. Россия (у окна вагона). – Харбин: Тип. КВЖД, 1926. – 53 с.
24. Ходоров А.Е. Чжан Цзолин и Китайская Восточная железная дорога //Международная жизнь. – 1926. – № 10. – С. 20–36.
25. Шишкин П.П. Большевизм в Китае. Ч.1. Обзор деятельности Северо-Маньчжурского комитета партии. – Шанхай: Тип. изд-ва «Время», 1930. – 151 с.

Исследования:

1. Аблажей Н.Н. С востока на восток. Российская эмиграция в Китае /Н.Н. Аблажей; отв. ред. В.А. Ламин; Рос. Акад. Наук, Сиб. Отд-ние, Ин-т истории. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. – 300 с.

2. Аблажей Н.Н. Харбинская операция НКВД //Гуманитарные науки в Сибири. Сер.: Отечественная история. – Новосибирск, 2008. – № 2. – С. 80 – 85.
3. Аблажей Н.Н. Эмиграция из России (СССР) в Китай и реэмиграция в п.п. XX века: автореф. дисс. …д.и.н.: 07.00.02 /Аблажей Наталья Николаевна. – Новосибирск, 2008. – 46 с.
4. Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае. Международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.) /Н.Е. Аблова. – М: «Русская панорама», 2005. – 431 с.
5. Аварин В.Я. «Независимая» Маньчжурия. – М.: Партиздат, 1932. – 126 с.
6. Алексеев М. Советская военная разведка в Китае и хроника «китайской смуты» (1922-1929) / М. Алексеев. – М.: Кучково поле, 2010. – 608 с.
7. Андреев Г.И. Революционное движение на КВЖД в 1917 – 1922 гг. – Новосибирск: Наука, 1983. – 141 с.
8. Артемьева О.С. КВЖД и Мукденское соглашение: новые материалы //Проблемы Дальнего Востока. – 2012. – №1. – С.124–145.
9. Аурилене Е.Е. Российская диаспора в Китае. 1920-1950-е гг. /Е.Е. Аурилене. – Хабаровск: Изд. дом «Частная коллекция», 2008. – 268 с.
10. Базанов П.Н. Братство Русской правды – самая загадочная организация Русского Зарубежья/ П.Н. Базанов. – М.: Содружество «Посев», 2013. – 424 с.
11. Балакшин П.П. Финал в Китае. Возникновение, развитие и исчезновение белой эмиграции на Дальнем Востоке. Т.1 и 2. – Сан-Франциско-Париж-Нью-Йорк: «Сириус», 1958. – 430 с. – 374 с.
12. Балмасов С.С. Белоэмигранты на военной службе в Китае /С.С. Балмасов. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. – 559 с.
13. Бендик Н.Н. Харбинская россика в ГАХК: история, содержание и использование //Зарубежная Россия. 1917-1939. Кн. 2. – СПб: Лики России, 2003. – С. 89-94.
14. Божьей милостью архиерей русской церкви: Три жизни митрополита Нестора Камчатского /автор-составитель С. Фомин. – М. : Правило веры, 2002. – 560 с.
15. Бочарова З.С. Российское зарубежье 1920- 1930-х гг. как феномен отечественной истории /З.С. Бочарова. – М. : АИРО XXI, 2011. – 304 с.
16. Бочарова З.С. Феномен зарубежной России 1920-х годов. Т. 2 //Русский мир в XXвеке В 6-ти томах. Под ред. Г.А. Бордюгова и А.Ч. Качаева. Предисловие А.М. Рыбакова. – М. : АИРО XXI; СПб.: Алетейя, 2014. – 408 с.

17. Бочарова З.С. Русский мир 1930-х годов: от расцвета к увяданию зарубежной России. Том 3. //Русский мир в XX веке. В 6-ти томах. Под ред. Г.А. Бордюгова и А.Ч. Качаева. Предисловие А.М. Рыбакова. – М. : АИРО XXI; СПб.: Алетейя, 2014. – 346 с.
18. Буяков А.М. Знаки и награды российских эмигрантских организаций в Китае. Материалы к справочнику /А.М. Буяков. – Владивосток: Русский остров, 2005. – 216 с.
19. Буяков А.М. Русская эмиграция в Маньчжурии. Люди и судьбы. //Россияне в Азии. – 1998. – №5. – С.186–204.
20. Буяков А.М., Шинин О.В. Деятельность органов безопасности на Дальнем Востоке в 1922 – 1941 годах /А.М. Буяков. О.В. Шинин – М.: Кучково поле; Беркут, 2013. – 432 с.
21. Ван Чжичэн. История русской эмиграции в Шанхае / Пер. с кит. Пань Чэнлонга, Сяо Хуйчжуна, Лю Юйцинь, Бэй Вэньли, Л.П. Черниковой; предисл. Л.П. Черниковой. – М. : Русский путь: Библиотека-фонд «Русское зарубежье», 2008. – 576 с.
22. Василенко Н.А. История российской эмиграции в освещении современной китайской историографии /Н.А. Василенко. – Владивосток: ДВО РАН, 2003. – 220 с.
23. Великая Маньчжурская империя: К десятилетнему юбилею. – Харбин: Изд-во «Кио-Ва-Кай», 1942. – 416 с.
24. Галенович Ю.М. История взаимоотношений России и Китая. В 4-х кн. /Ю.М. Галенович. - М.: «СПСЛ»; «Русская панорама», 2011. – 4 кн.
25. Гинзбургс Дж. Проблемы гражданства в послевоенных китайско-советских отношениях //Хроника защиты прав в СССР (Нью-Йорк). – 1977. – Вып. 26 (апрель-июнь). – С. 66-72.
26. Глушаков П.И. Маньчжурия. – М: ОГИЗ, 1948. – 264 с.
27. Говердовская Л.Ф. Общественно-политическая и культурная деятельность русской эмиграции в Китае в 1917 – 1931 гг. /Л.Ф. Говердовская. – М., 2000. – 174 с.
28. Голдин В.И. Российская военная эмиграция и советские спецслужбы в 20-е годы XX века /В.И. Голдин. – Архангельск: Солти; СПб.: Полторак, 2010. – 576 с.
29. Горкавенко Н.Л. Гридина Н.П. Российская интеллигенция в изгнании: Маньчжурия 1917 –1946 гг. Очерк истории /Н.Л. Горкавенко, Н.П. Гридина. – Владивосток, 2002. – 148 с.
30. Дубаев М.Л. Харбинская тайна Рериха. Н.К. Рерих и русская эмиграция на Востоке/ М.Л. Дубаев. – М.: Издателство Духовной литературы;Сфера, 2001. – 576 с.

19. Дубинина Н.И. Ципкин Ю.Н. Об особенностях дальневосточной ветви российской эмиграции. (На материалах Харбинского комитета помощи русским беженцам). //Отечественная история. – 1996. –№ 1. – С.70–84.
20. Егоров Н. Дальневосточный отдел диверсионно-террористической организации «Братство Русской Правды» //Проблемы Дальнего Востока. – 2009. – № 4. – С.136–141.
21. Егоров Н.А. Деятельность иностранных спецслужб на Дальнем Востоке по использованию маньчжурской белоэмиграции в 1922–1941 гг. //Военно-исторический журнал. – 2009. – № 11. – С. 48–53.
22. Жилкин В.А. КВЖД. Взаимоотношения СССР и Японии (1931–1935). (К 70-летию продажи КВЖД) // Новейшая история Отечества XX – XXI вв.: Сб. науч. трудов / Сарат. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского; [отв. ред. Е.Н. Морозова]. Вып. 1. – Саратов: Изд-во Саратовского университета (СГУ), 2006. – С. 15–26.
23. Забияко А.А. Эфендиева Г.В. Меж двух миров: русские писатели в Маньчжурии / А. А. Забияко, Г. В. Эфендиева ; Амур. гос. ун-т, Центр гуманитар. программ "Даурия". – Благовещенск : АмГУ, 2009. – 351 с.
24. Захарова Г.Ф. Политика Японии в Маньчжурии. 1932–1945. – М.: Наука, 1990. – 262 с.
25. История через личность: историческая биография сегодня/ под ред. Л.П. Репиной. – М.: Кругъ, 2005. – 720 с.
26. Капица М.С. Советско-китайские отношения /М.С. Капица. – М.: Гос. Изд-во политической литературы, 1958. – 424 с.
27. Капран И.К. Повседневная жизнь русского населения Харбина (конец XIX – 50-е гг. XX в.) : монография /И.К. Капран. – Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2011. – 202 с.
28. Каретина Г.С. Военно-политические группировки Северного Китая: (Эволюция китайского милитаризма в 20-30-е гг. XX в. /Г.С. Каретина. — Владивосток: Даль-наука, 2001. – 172 с.
29. Ким Рехо. Николай Байков. Судьба и книги. //Литературное обозрение. – 1993. – №7/8. – С.45-50.
30. Киреев А.А. Дальневосточные границы России: тенденции формирования и функционирования (с.XIX- начало XXI вв.). – Владивосток: Изд-во Дальневосточного федерального ун-та, 2011. – 474 с.

31. Комин В.В. Белая эмиграция и Вторая мировая война. Учебное пособие. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1979. – 61 с.
32. Конфликт на КВЖД: Из истории Советских Вооруженных сил /Под ред. В.П. Зимонина. – Хабаровск: Книж. Изд-во, 1989. – 176 с.
33. Куланов А.Е. Исидор Незнайко: «…состоял секретным связистом…» //Япония наших дней (Москва). – 2012. – №1 (11). – С. 109 – 117.
34. Куртинец С. Японские разведывательные органы в Северной Маньчжурии в 20-е гг. XX в. //Проблемы Дальнего Востока. –2010. – №4. – С.115–125.
35. Курто О.И. Русский мир в Китае: исторический и культурный опыт взаимодействия русских и китайцев/О.И. Курто; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – М.: Наука – Вост. лит., 2013. – 375 с.
36. Кутаков Л.Н. История советско-японских дипломатических отношений. – М.: Изд-во Института международных отношений, 1962. – 560 с.
37. Лазарева С.И. Сергеев О.И. Общественно-политическая активность российских эмигрантов в 20-е – 40-е гг. XX в. //Ойкумена. – 2011. – №2. – С. 145–156.
38. Лота В.И. За гранью возможного: Военная разведка России на Дальнем Востоке 1918-1945 гг. /В.И. Лота. – М. : Кучково поле, 2008. – 656 с.
39. Макаров В.Г. Русский философ Николай Сетницкий: от КВЖД до НКВД //Вопросы философии. – 2004. – №7. – С.136–157.
40. Манчестер Л. Носители дореволюционных традиций становятся советскими гражданами: Возвращение русских из Китая (пер. с англ. А.И. Рупасова) // Человек и личность в истории России, конец XIX – XX век : Материалы международного коллоквиума (Санкт-Петербург, 7 – 10 июня 2010 года). – СПб. : Нестор-История, 2013. – С. 329 – 344.
41. Маньчжурия. Экономико-географическое описание. Ч.1. – Харбин: типо-литография КВЖД, 1934. – 385 с.
42. Между Россией и Сталиным: Российская эмиграция и Вторая мировая война. – М.: РГГУ, 2004. – 346 с.
43. Мелихов Г.В. Белый Харбин: середина 20-х /Г.В. Мелихов, Ин-т Рос. истории РАН. – М.: «Русский путь», 2003. – 439 с.
44. Мелихов Г.В. Российская эмиграция в Китае (1917 – 1924) /Г.В. Мелихов. – М.: изд. центр ИРИ РАН, 1997. – 245 с.

45. Мелихов Г.В. Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке (1925-1932) /Г.В. Мелихов. – М.: «Русский путь»; «Викмо-М», 2007. – 318 с.
46. Молодяков В.Э. Россия и Япония в поисках согласия. 1905–1945. Геополитика. Дипломатия. Люди и идеи. /В.Э. Молодяков. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 656 с.
47. Молодяков В.Э. Россия и Япония: рельсы гудят. Железнодорожный узел российско-японских отношений (1891-1945): историческое исследование /В.Э. Молодяков. – М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2006. – 447 с.
48. На страже границ Отечества. Пограничные войска России в войнах и вооруженных конфликтах XX в. Т. 3. – М.: Граница, 2000. – 504 с.
49. Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей /И. Нойманн. – М.: Новое издательство, 2004. – 336 с.
50. Орнацкая Т.А. Ципкин Ю.Н. Отношения Дальневосточной республики с Китаем (1920-1922 гг.) //Россия и АТР. – 2007. – № 3. – С. 17–26.
51. Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802-2002: в 3 т. Т.2. 1917-2002 гг. – М.: Олма-пресс, 2002. – 624 с.
52. Очерки истории российской внешней разведки. Т.2. 1917-1933 гг. – М.: Международные отношения, 2006. – 272 с.
53. Пивовар Е.И. Российское зарубежье: Социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии /Е.И. Пивовар. – М.: РГГУ, 2008. – 545 с.
54. Писаревская Я.Л. Две России в Маньчжурии: социальная адаптация и реэмиграция (20-е – начало 30-х гг.) // Новый исторический вестник. – 2000. – №2. – С. 52 – 70.
55. Писаревская Я.Л. Российская эмиграция Северо-Востока Китая: социально-политический состав, быт, реэмиграция (середина 1920-х - середина 1930-х гг.). Автореферат дисс.…к.и.н.:07.00.02./Писаревская Яна Львовна. – М., 2002. – 23 с.
56. Поздняков И.А. Из Китая в Америку: историко-антропологический взгляд на русскую эмиграцию (1920-1950гг.)/ И.А. Поздняков. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2007. – 368 с.
57. Райан Н. Россия –Харбин – Австралия: Сохранение и утрата языка на примере русской диаспоры, прожившей XX век вне России /Н. Райан. – М.: Русский путь, 2005. – 199 с.

58. Романов Б.А. Основные моменты в русской политике на Дальнем Востоке в 1892 – 1925 гг.//Сибирские огни (Новосибирск). – 1926. – № 4. – С. 98–116.
59. Романова В.В. Власть и евреи на Дальнем Востоке России: история взаимоотношений (вторая половина XIX–20-е годы XX в.) /В.В. Романова. – Красноярск: Кларетианум, 2001. – 295 с.
60. Русская эмиграция и фашизм: Статьи и воспоминания. – СПб: СПбГАСУ, 2011. – 264 с.
61. Сабенникова И.В. Российская эмиграция (1917 – 1939): сравнительно-типологическое исследование. /И.В. Сабенникова. – Тверь: Золотая буква, 2002. – 431 с.
62. Сергеев О.И. Лазарева С.И. Российская эмиграция на Дальнем Востоке (1917-1935). // Российская эмиграция на Дальнем Востоке. Сб. ст. – Владивосток: Дальнаука, 2000. – С. 6–27.
63. Сибиряков Н.С. Конец Забайкальского казачьего войска. //Минувшее. Исторический альманах. – Paris, Atheneum, 1986. Вып. 1. – С. 193–254.
64. Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений СССР с Китаем (1917 – 1974). – М. : Изд-во «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1977. – 368 с.
65. Смирнов С.В. Российские эмигранты в Северной Маньчжурии в 1920–1945 гг. (проблема социальной адаптации) /С.В. Смирнов. – Екатеринбург: Урал. гос. ед. ун-т, 2007. – 229 с.
66. Соколов М.В. Соблазн активизма. Русская республиканско-демократическая эмиграция 20-30-х гг. XX века и ОГПУ СССР /М.В. Соколов. – М.: изд. Центр «Азбуковник», 2011. – 550 с.
67. Сон До Чжин. Советско-китайский дипломатический конфликт вокруг КВЖД (1917–1931 гг.). Автореферат дисс.…к.и.н.: 07.00.02 /Сон До Чжин. – М., 1996. – 17 с.
68. Стефан Д. Русские фашисты. Трагедия и фарс в эмиграции. 1925–1945 гг. /Авториз. пер. с англ. Л.Ю. Мотылева; предисл. Л.П. Делюсина. – М.: СП «Слово», 1992. – 448 с.
69. Страницы истории сотрудничества железнодорожников СССР и КНР (Из неопубликованной работы Г.И. Мордвинова о КЧЖД) //Проблемы Дальнего Востока. – 1986. – № 2. - С. 177 – 184.
70. Таскина Е.П. Неизвестный Харбин/ Е.Таскина. – М.: Прометей, 1994. – 192 с.

71. Таскина Е. Мухин И. Русские из Китая. Судьбы репатриантов 40-х – 50-х гг. XX в.//Проблемы дальнего Востока. – 2009. – №. 2. – С. 91 – 99.
72. Ткаченко Г.И. Советские трудящиеся на КВЖД в борьбе за укрепление пролетарской солидарности с китайским народом. – М.: Ин-т ДВ АН СССР, 1988. – 114 с.
73. Усов В.Н. Советская разведка в Китае. 20-е годы XX века /В.Н. Усов. – М.: «Олма-Пресс», 2002. – 383 с.
74. Усов В.Н. Советская разведка в Китае: 30-е годы XX века /В.Н. Усов. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2007. – 454 с.
75. Цветков И.Б. Финансовые органы БРЭМ и их деятельность (декабрь 1934 – август 1945) //Власть. – 2009. – №6. – С.133–136.
76. Ципкин Ю.Н. Маньчжурская эмиграция: раскол и попытки объединения военных кругов // Российская эмиграция на Дальнем Востоке. Сб. ст. – Владивосток: Дальнаука, 2000. – С.28–35.
77. Хисамутдинов А.А. К истории создания Бюро по делам российских эмигрантов и судьба его архива //Россияне в Азии. – 1996. – №3. – С. 293 – 309.
78. Хисамутдинов А.А. По странам рассеяния. Часть 1. Русские в Китае /А.А. Хисамутдинов. – Владивосток: Издво ВГУЭС, 2000. – 360 с.
79. Хисамутдинов А.А. Поэт и ученый Евгений Евгеньевич Яшнов //Россияне в Азии (Торонто). – 1999. – №6. – С.219–233.
80. Хоскинг Д. Правители и жертвы. Русские в Советском Союзе /Джеффри Хоскинг; пер. с агл. В. Артемова. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 544 с.
81. Черепица В.Н. От Волковыска до Харбина: торгово-промышленная династия Скидельских (конец XIX-середина XX в.) в документах и материалах /В.Н. Черепица. – Гродно: изд-во ГрГУ, 2009. – 156 с.
82. Черникова Л.П. История русского присутствия в Китае (1900-1966) /Л.П. Черникова. – Уфа, РИО УГУЭС, 2013. – 240 с.
83. Черникова Л. Мост в прошлое везунчика-барона (штрихи к портрету русского писателя-эмигранта Павла Северного) /Л.П. Черникова. – Уфа: Вагант, 2011. – 118 с.
84. Чистяков К.А. Убить за Россию! Из истории русского эмигрантского «активизма». 1918-1939 гг. /К.А. Чистяков. – М.: изд-во Ипполитова: РГГУ, 2000. – 139 с.
85. Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. – 3-е изд. – М.: Мысль, 1987. – 236 с.
86. Якимова С.И. Всеволод Никанорович Иванов: писатель, мыслитель, журналист./С.И. Якимова. – Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2013. – 216 с.

87. Яхимович С.Ю. Большевистская партийная организация внутри советской колонии в Северной Маньчжурии (1924–1931 гг.) //Ученые записки КнАГТУ. – 2012. – Т.2. – № 11. – С. 21–26.
88. Яхимович С.Ю. Колония советских граждан в Северной Маньчжурии: социально-политический аспект (1924-1935 гг.). Автореферат … к.и.н.: 07.00.02./Яхимович Сергей Юрьевич. – Хабаровск, 2012. – 23 с.
89. Яхимович С.Ю. Советские граждане в Северной Маньчжурии во время вооруженного конфликта на КВЖД (1929 год) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2011. – №1(29). – С.121-128.
90. Bakich O. Russian Education in Harbin: 1898–1962.// Записки русской академической группы в США (Нью-Йорк) – 1994. – T.XXVI. – С.269-294.
91. Bakich O. Harbin Russian imprints: bibliography as history, 1898-1961 : materials for a definitive bibliography / Olga Bakich. – New York; Paris : Ross, 2002. – 584 c.
92. Merritt S. «Матушка Россия, прими своих детей!» - Archival Materials on the Stalinist Repression of the Soviet Kharbintsy // Россияне в Азии. – 1998. – № 5. – С. 205–229.
93. Patrikeeff F. Russian Politics in Exile. The Northeast Asia Balance of Power, 1924-1931. – Oxford, 2002. – 468 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Биографические сведения

1. Абаза Борис Алексеевич (1883–1970) – инженер, родился в дворянской семье. Русский. Окончил Харьковский технологический институт (1913). В Маньчжурию прибыл в 1913 г. Служил на КВЖД с 15 октября 1915 г. помощником начальника 6 участка службы пути (оклад 3 тыс. руб.). Принял гражданство Китая. Жена – Ксения Ивановна Коренева, 1885 г. р., женился в 1924 г. церковным браком, 5 детей (все крещены): Алексей (1916 г.р.), Георгий (1917 г. р.), Игорь (1919 г. р.), Нина (1920 г. р.), Валентина (1923 г. р.). Работал во время советско-китайского конфликта 1929 г. С 1июля 1930 г. уволен со службы по болезни. Кроме заштатного пособия и выплат по сберегательно-вспомогательной кассе получал ежегодное пособие (пенсию) 516 руб. 56 коп. и пенсию на детей – 645 руб. 70 коп. до 29 октября 1939 г. Жил в Харбине. Состоял в Дальневосточном эмигрантском объединении (генерала Д.Л. Хорвата). С 1938 г. был членом литературного кружка им. августейшего поэта К.Р. при Монархическом объединении. Он и его дети увлекались музыкой. В 1942 г. ненадолго (на 3 мес.) был принят в БРЭМ для работ по заполнению анкет. После Второй мировой войны принял советское гражданство. Получил паспорт СССР № 030011/ГХР 30682, выданный Генеральным консульством СССР в Харбине 20 июня 1946 г. 12 ноября 1946 г. был прикомандирован к Харбинской городской жилищно-ремонтной конторе (служба пути КЧЖД) в качестве старшего инженера с окладом 550 юаней. С 20 апреля 1947 г. перешел на службу в ХПИ, затем переехал в Дайрен. В 1954 г. репатриировался в СССР. Дети Алексей, Юрий, Нина, Игорь репатриировались в СССР, Валентина – в Австралию. Жил в г. Кемерово, затем в г. Грозный, на ст. Пролетарская, с 1963 г. в Новокузнецке. Старший сын – Абаза Алексей Борисович (1916 – 1994), известный пианист, в октябре 1973 г. попросил политического убежища в Голландии, куда приехал к сестре.

2. Аблов Пантелеймон Никитич (1888 –1974) — железнодорожник, родился в Рязанской губернии, с. Дубовское. Окончил Новочеркасское 6-классное городское училище, с 1904 по 1913 гг. служил на Екатерининской железной дороге. Жена — Ольга Михайловна (1888 г.р.), женился церковным браком в 1911 г. Дочь Татьяна (1912 г.р.). В Маньчжурию прибыл в 1920 г. На КВЖД с 1921 г. — и.д. диспетчера ст. Харбин (оклад 1200 руб. в год), в 1922 г. счетовод службы эксплуатации КВЖД (1800 руб.), в 1923 г. — и.д. распорядителя движения при конторе Восточного отделения КВЖД (2400 руб.).

Гражданин СССР с 1923 г. В 1925 г. — распорядитель движения службы эксплуатации, в августе 1926 г. оклад был повышен с 2400 до 3 тыс. руб. в год. 24 сентября 1933 г. он был арестован полицией Маньчжоу-го вместе с начальником службы тяги А.Х. Калиной, главным бухгалтером КВЖД Н.Кубли, начальником Главных механических мастерских В.Ф. Лавровым. Был обвинен в угоне паровозов и вагонов КВЖД на территорию СССР. Освобожден после 6-тимесячного заключения по амнистии с условием покинуть пределы государства. Официально уволен по болезни 24 февраля 1934 г. Выслан в СССР 7 марта 1934 г. Ему было начислено пособие по сберегательно-вспомогательной кассе КВЖД 5946 руб. 33 коп. и ежегодная пенсия 522 руб. 93 коп. Жил в Москве, деньги от КВЖД просил переводить через Дальбанк на Торгсин. Арестован в 1938 г., осужден, находился в ИТЛ в Коми ССР (пос. Железнодорожный). Умер в Ленинграде. Дочь с семьей осталась в Харбине, в 1958 г. они выехали в Австралию.

3. Алещенко Надежда Александровна (1908 – 1937) – из семьи железнодорожника. Родилась в Томской губернии. В Маньчжурию переехала с семьей в 1915 г. Отец служил главным кондуктором на КВЖД, принял советское гражданство. Окончила первую железнодорожную гимназию в 1927 г., поступила на экономическое отделение Юридического факультета в Харбине. Была членом Отмола. Гражданка СССР – советский паспорт № 19531, выданный Генеральным консульством СССР в Харбине 5 июля 1926 г. Во время советско-китайского конфликта 1929 г. была арестована железнодорожной полицией, отправлена в концлагерь в Сумбее. Освобождена в январе 1930 г. Отец умер 14 апреля 1930 г., вдове и детям выдали 2044 руб. пособия и назначили ежегодную пенсию на детей 209 руб. Н.А. после смерти отца просила о предоставлении работы на КВЖД. Ее взяли конторщицей Земельного отдела с 1 сентября 1930 г., дали небольшую квартиру. В апреле 1932 г. ей, как сидевшей в Сумбее, предоставили 2-хмесячный отпуск для поездки на курорт СССР, но из отпуска она не вернулась и 5 июля 1932 г. была уволена за неявку из отпуска. Семья переехала к ней в Одессу, КВЖД переводила причитавшиеся ей платежи на одесский Торгсин. В 1937 г. была арестована и приговорена 9 ноября 1937 г. к ВМН.

4. Алымов Сергей Яковлевич (1892 – 1948) – поэт, родился на Украине. В 1911 году за революционную деятельность был приговорен к каторге, замененной ссылкой в Сибирь. Бежал из Сибири в Австралию. В 1917 г. вернулся в Россию, во Владивосток. С 1920 г. в Харбине. Был кумиром харбинской молодежи, входил в студию «Кольцо». Печатался в харбинских изданиях - журнале «Окно», «Вестник Маньчжурии», газетах «Рупор», «Копейка». Выпустил сборники стихов «Киоск нежности» (1920), «Отклик мира» (1921). В 1926 г. вернулся в СССР. Писал для газет и журналов. С 1928 г. сотрудничал с

Краснознаменным ансамблем песни и пляски Красной армии. В конце 1929 г. написал пьесу о КВЖД для открытия театра Красной армии. В начале 1930 г. был арестован, отправлен в исправительно-трудовой лагерь – сначала в Кемь, потом в 1931 г. на строительство Беломорско-Балтийского канала им. Сталина. Работал в культурно-воспитательном отделе, редактировал газету для заключенных «Перековка». Был одним из авторов книги «Беломоро-Балтийский канал имени Сталина» (1934). В 1934 г. освобожден. Вошел в состав Союза советских писателей. Автор известных советских песен «Бейте с неба, самолеты», «По долинам и по взгорьям», «Вася-Василек», «Хороши весной в саду цветочки», «Песня о Сталине» и др. Во время войны работал военным журналистом.

5. Андогский Александр Иванович (1876 –1931) – генерал-майор, дворянин. Участник русско-японской и первой мировой войн. Начальник Николаевской военной академии Генерального штаба (1917). В 1919 г. был генерал - квартирмейстером ставки Главнокомандующего адмирала А.В. Колчака. В 1922 г. был городским головой г. Владивостока. С 1923 г. в Харбине. Директор 1 реального училища в Харбине. В 1928 г. был уличен в растрате – из кассы училища пропало 3 тыс. руб. После этого жил случайными заработками. Читал лекции японским офицерам Генерального штаба. Числился (на 1 января 1929 г.) в нелегальной резидентуре советской военной разведки под № 1715. Умер в 1931 г. По одним данным, от грудной жабы, по другим, покончил жизнь самоубийством. Ходили также слухи, что он был отравлен.

6. Анерт Эдуард Эдуардович (1865 – 1946) – геолог. Родился в крепости Ново-Георгиевская в семье военного инженера. Окончил Александровский военный корпус (1883), Петербургский горный институт (1889). С 1895 г. исследовал геологию Дальнего Востока, Маньчжурии и Северной Кореи. Открыл месторождения угля в Маньчжурии (Чжалайнор), нефти на Сахалине, занимался вопросами золотодобычи. Был членом Центрального геологического комитета в Петрограде. С 1920 по 1924 гг. был директором Дальгеолкома во Владивостоке. В 1924 г. выехал в Харбин. Член ОИМК. В 1927–1928 гг. собирался перебраться в Ленинград, где ему была предоставлена должность в Геологическом комитете. В 1929 г. отказался от советского гражданства: направил в Геологический комитет ВСНХ письмо, в котором официально отказался вернуться в СССР, в связи с репрессиями против интеллигенции. В 1930 г. принял германское подданство, собирался переехать в Германию. Консультировал геологический институт ЮМЖД, занимался научными исследованиями. В декабре 1945 г. подал заявление «о предоставлении вновь утраченного мною гражданства СССР, с властями которого у меня всегда были возможно лучшие отношения». Умер в декабре 1946 г. в Харбине.

7. Арутюнян (Арутюнянц) Нерсес Григорьевич (1891 – после 1938) – железнодорожник, окончил Бакинское городское училище. От воинской повинности был освобожден в 1912 г. Шушинским воинским присутствием. Служил с 1920 г. в Международном обществе спальных вагонов. Был уволен. Жена – Мария Федоровна, православная (1897 г.р.). Дети – Юрий (1927 г.р.) и Ватаман (1930 г.р.). В 1926 г. подал документы на восстановление советского гражданства. Имел об этом квитанцию № 10183 от 3 марта 1926 г., выданную Генеральным консульством СССР в Харбине. 1 июля 1926 г. по протекции Г.Н. Дикого был принят временным агентом коммерческой части КВЖД (оклад 250 руб. в мес.). 7 июля 1927 г. был командирован в СССР «для обсуждения и предварительного согласования … вопросов, касающихся транзитных перевозок пассажиров, багажа и срочных посылок в прямом европейско-азиатском сообщении». С 29 октября 1928 г. по 30 января 1929 г. вместе с Г.Н. Диким был командирован в Прагу на 4-ю Европейско-Азиатскую конференцию. Во время советско-китайского конфликта в конце августа 1929 г. был арестован китайской полицией за «коммунистическую деятельность» на КВЖД. Восстановлен в должности 31 декабря 1929 г. В апреле 1930 г. командирован на 5-ю конференцию Европейско-Азиатского прямого сообщения в Одессу. 12 октября 1930 г. командирован в г. Дайрен на 9-ю конференцию по маньчжурско-японскому прямому пассажирскому и багажному сообщению. С 1 сентября 1931 г. был назначен пом. зав. пассажирскими операциями. 15 марта 1933 г. ему был выделен особняк от КВЖД площадью 95,4 кв. м. 15 апреля 1934 г. – командирован в Москву на 2 мес. В Харбин больше не вернулся – прислал удостоверение поликлиники НКПС о состоянии здоровья и заявление об увольнении. 15 сентября 1934 г. уволен от службы по болезни. Жил в Москве. Работал в НКПС. Арестован в 1937 г., отбывал наказание в ИТЛ. Жена была также обвинена в шпионаже и расстреляна в 1937 г.

8. Байков Николай Аполлонович (1872 –1958) – писатель-натуралист. Родился в Киеве, окончил Киевский кадетский корпус и Тифлисское военное училище. С 1901 по 1914 г. служил в Заамурском округе пограничной стражи. Участник Первой мировой войны. В Гражданскую войну воевал в рядах Добровольческой армии. В 1920 г. покинул Россию. Через Турцию, Египет, Индию в сентябре 1922 г. добрался до Владивостока, потом переехал в Маньчжурию. Поступая на КВЖД, в автобиографии указал: «После демобилизации в 1919 г. служил в Киеве в Губсобезе, где заведовал продовольственными складами. С приходом в Киев деникинской армии выехал в Маньчжурию. <…> Политикой не занимался, в гражданской войне не участвовал и никогда не состоял ни в какой организации или партии». В 1919 г. женился вторым браком в Киеве. Жена – Вера Ивановна

(урожд. Круминг) (1895 г.р.), лютеранского вероисповедания, дочь Наталья (1920 г.р.). До 1923 г. зарабатывал набивкой чучел, охотой и черчением в частных фирмах. С 1 января 1923 г. по 15 июля 1925 г. служил на лесных предприятиях В. Ковальского в должности десятника по охране леса и по лесным заготовкам. Уволен за сокращением штатов. Член ОИМК с 1923 г. Получил китайский паспорт в 1923 г. № 37211. В сентябре 1925 г. написал прошение на имя Управляющего КВЖД и получил место пом. лесного смотрителя Земельного отдела на лесных концессиях «Чол» и «Цайлинхэ» с окладом 1200 руб. в год. Советский паспорт получил в 1927 г. Печатался в советских изданиях. Ходатайствовал об отводе казенной квартиры. Во время советско-китайского конфликта 1929 г. остался работать, ему была отведена квартира. После конфликта уволен от службы 1 июня 1930 г. Работал преподавателем в школе, преподавал естествознание. Уволен 1 сентября 1934 г. «за антикоммунистическую работу в школах и за отказ в лонгации советского паспорта, просроченного с 1932 г.». Перешел в эмигрантское состояние. Стал убежденным монархистом. Писал книги. Поддерживал японцев, во время войны – на позициях пораженчества. В ноябре 1942 г. участвовал в съезде писателей Великой Восточной Азии в Токио в числе 6 делегатов из Маньчжоу-Го. После войны жил продажей вещей и на заработок дочери. В 1956 г. благодаря содействию Всемирного союза церквей, Байков с семьей выехал в Австралию.

9. Баранов Ипполит Гаврилович (1886–1972) – востоковед, из семьи псаломщика. Родился в с. Кривинское Тобольской губернии. Окончил Тобольскую духовную семинарию (1906), Институт восточных языков во Владивостоке по китайско-маньчжурскому отделению (1911). Женат церковным браком. Жена – Варвара Адриановна (1886 г.р.), сын Андрей (1917 г.р.), дочь Ариадна (1922 г.р.) С 1911 г. работал на КВЖД драгоманом китайского языка при бухгалтерии Управления КВЖД. С 1912 по 1925 г. преподавал китайский язык в ХКУ, одновременно там же преподавал русский язык в китайском классе. С 1 сентября 1915 г. преподавал также китайский язык, географию и экономическую географию в Торговой школе. В 1925 г. подал ходатайство на получение китайского подданства. Имел паспорт Пекинского министерства внутренних дел за № 11444 от декабря 1925 г. С 1 октября 1925 по 1931 гг. – младший агент Экономического бюро Управления КВЖД (годовой оклад 1500 руб.) Работал во время советско-китайского конфликта 1929 г., ему был увеличен оклад до 1800 руб. в год. С 1 ноября 1931 г. был уволен со службы по сокращению штата. Имел гражданство Маньчжоу-Го. С 1 октября 1933 г.устроился конторщиком службы общих дел КВЖД. С 15 октября 1934 г. перемещен в службу переводов. Преподавал на Юридическом факультете в Харбине китайский язык (с ноября 1924 г.

до 1937 г.). Печатался в «Вестнике Маньчжурии», «Хлеб небесный», других периодических изданиях Северной Маньчжурии. С 1 июня 1939 по 30 сентября 1945 г. – преподаватель русского языка в Северо-Маньчжурском университете. После 1945 г. получил советское гражданство (совзагранвид № 012794). С 1945 г. – зав. кафедрой китайского языка ХПИ. Состоял членом Общества граждан СССР в Харбине, членом кружка по изучению Конституции и географии СССР, членом профсоюза работников железнодорожного транспорта КЧЖД, с июля 1952 г. переведен в центральный профсоюз просвещения. В ХПИ работал до 1955 г., затем ушел на пенсию. Вернулся в СССР в 1958 г. в Алма-Ату, преподавал китайский язык аспирантам Академии наук Казахской СССР.

10. Барри Владимир Андреевич (1876 – после 1955) – инженер, из французского дворянского рода. Родился в Москве. Отец был преподавателем московских гимназий, мать – Чагина Софья Петровна – из дворян Тверской губернии. Окончил Митавское реальное училище (1896), институт инженеров путей сообщения в Петербурге (1902). После окончания работал начальником дистанции 4 участка постройки железнодорожной линии Вологда – Вятка, с 1905 г. начальником дистанции пути Юго-Восточной железной дороги (ст. Лиски). С 1907 по 1915 г. имел строительную контору (проектирование и производство работ) в Петербурге. Жена – Ольга Николаевна (урожд. Котляревская), дочь Зина (1915 г.р.). Во время Первой мировой войны жил в Перми с 1915 по 1918 г., работал в конторе старшим инженером по проектированию железобетонных конструкций. С прекращением работ к весне 1918 г. переехал во Владивосток. С осени 1918 по август 1920 г. состоял в должности председателя Правления Дальневосточного механического и судостроительного завода. В начале 1921 г. прибыл в Харбин, где Управление КВЖД рекомендовало ему выяснить вопрос о «возможности обеспечения дороги доброкачественным каменным углем». Им были обнаружены залегания углей в районе Мишаньского уезда (недалеко от Мулинских копей). С 1 января 1922 г. работал в Правлении КВЖД инженером технического отдела. Одновременно состоял профессором ХПИ, читал лекции по железобетону. В 1925 г. подал заявление о восстановлении советского гражданства, имел квитанцию от Генерального консульства СССР в Харбине. Работал во время советско-китайского конфликта. Уволен со службы 14 октября 1930 г., когда было отказано в советском гражданстве. С 1935 г. был зарегистрирован в БРЭМ. Жил в Харбине, выполнял работы по проектированию для частных лиц. Жена покончила с собой в январе 1937 г. (приняла веронал), возможно, потому что Барри проиграл все имущество в карты. После Второй мировой войны в октябре 1945 г. Барри был принят на КЧЖД главным инженером проектной конторы службы пути. 24 декабря 1945 г. он был назначен зав. кафедрой

конструкций ХПИ. Получил советское гражданство – имел паспорт СССР, выданный Генеральным консульством СССР в Харбине 17 мая 1946 г. № 030427/ГХР 31097. Дочь Зинаида (в 1950 г. вдова с 2 детьми) тоже стала гражданской СССР, служила на КЧЖД. 16 июня 1951 г. Барри предложили занять должность главного инженера строительного комитета ХПИ, и он был откомандирован в распоряжение директора ХПИ. В 1954 г. выехал в СССР. Работал зав. кафедрой железобетона в Иркутском институте народного хозяйства.

11. Белименко Александр Романович (1888 – 1938) – партийный и общественный деятель, командированный из Москвы на КВЖД. С 1904 г. работал на железнодорожном транспорте. (Сведения об образовании в деле отсутствуют). В 1919 г. – пом. нач. Южного округа путей сообщения. С 1923 г. – на ответственных и руководящих постах по линии ВСНХ, с 1 марта 1926 г. возвратился на работу в НКПС. Член Правления КВЖД с 1 октября 1926 по 1 июня 1928 г. (оклад 10 тыс. руб. в год). Жена – Мария Евстафьевна, 1900 г. р. В Харбине занимал особняк площадью 120, 78 кв. м и флигель 24, 76 кв. м. Представлял КВЖД на общем собрании Международного железнодорожного союза в Париже с 20 апреля по 15 июня 1927 г. Получил 1500 руб. суточных денег и 2 тыс. руб. на дорожные расходы. Кроме того, он просил перевести в Париж на его имя 4 тыс. ам. долларов. С 25 сентября по 26 ноября 1927 г. выезжал по делам в СССР. В 1937 г. работал начальником фармацевтического цеха в Чимкенте, арестован и расстрелян в 1938 г. Жена была арестована вместе с ним, получила 10 лет ИТЛ.

12. Бережецкий Иван Михайлович (1878 –?) — инженер-механик. Православный. Окончил Московское императорское техническое училище (1912), служил пом. директора Дальневосточного механического и судостроительного завода во Владивостоке. Жена — Мария Николаевна (урожд. Папчинская), дочери Нина (1911 г.р.), Валерия (1913 г.р.), православные. С 1921 г. в Харбине. С 1 октября 1921 г. поступил на службу на КВЖД мастером вагонно-пассажирского цеха (оклад 2700 руб. в год), с ноября 1921 г. — пом. начальника главных механических мастерских КВЖД (4400 руб. в год), с апреля 1924 г. — врио нач. Главных механических мастерских, с 1 мая 1926 г.— и.о. начальника (8 тыс. руб. в год). Гражданин СССР, паспорт № 25336 от 13 февраля 1928 г., выданный Генеральным консульством СССР в Харбине. С 9 июня по17 июля 1928 г. был командирован в Москву на съезд инженеров как представитель от КВЖД. Во время советско-китайского конфликта был уволен 11 июля 1929 г. После конфликта был восстановлен в должности, с 1932 г. перемещен начальником паровозной части службы тяги. После продажи дороги

остался в Харбине, перешел в эмигрантское состояние. Умер в Харбине. После Второй мировой войны жена и дочери переехали в США, в Сан-Франциско.

13. Берлин Лидия Михайловна (1891 – ?) – переводчица. Родилась в Харькове. Обучалась в женской гимназии М.С. Генерозовой в Харбине, в 1908 г. подверглась испытаниям и получила свидетельство об окончании 7 классов во Владивостокской женской гимназии. Работала в иностранных и советских учреждениях и газетах. С 12 августа по 24 октября 1921 г. работала в представительстве ДВР в ОРВП в качестве переводчицы с английского и французского языков и машинистки, была переведена в Читу на службу в Информационное бюро при МИД ДВР. С 11 марта по 30 мая 1924 г. работала в дальневосточном отделении Доброфлота во Владивостоке стенографисткой-машинисткой, уволена по сокращению штатов. Переехала в Харбин, работала в консульстве СССР в Харбине. После подачи заявления на имя члена правления КВЖД М.Я. Ракитина от 6 октября 1924 г. с просьбой о предоставлении службы на КВЖД была принята конторщицей канцелярии Правления дороги с 20 октября 1924 г. (оклад 1200 руб. в год). С 1 января 1925 г. оклад был повышен до 1500 руб. С 1 августа 1925 г. было решено выплачивать ей добавочное вознаграждение 480 руб. в год за знание иностранных языков и стенографию. Читала иностранную прессу на английском и французском языках и составляла информационные сводки. С 15 июля 1926 г. Берлин предоставили двухмесячный отпуск для лечения на курорте Садгород в пригороде Владивостока, с выплатой жалованья вперед. С 17 января 1927 г. была назначена драгоманом Канцелярии Правления (оклад 2400 руб. в год). В сентябре 1927 г. ей был предоставлен отпуск на 4 недели. В апреле 1929 г. она подала ходатайство о предоставлении ей двухмесячного отпуска для лечения ног на Одесском лимане. В июне 1929 г. лечилась на курорте Октябрьской революции в Одессе, просила продлить отпуск. Во время советско-китайского конфликта 15 августа 1929 г. была уволена за невозвращение из отпуска. После конфликта восстановлена в должности, но в Харбин не вернулась, жила в Москве.

14. Бутенко Феодосий Эрастович (1867–1934) – экономист и педагог. Украинец. Коллежский советник, православный. Окончил курс учительского института в Феодосии (1889) и Высшие коммерческие курсы в Москве (1902). В 1889–1900 гг. преподавал в Бердянском городском училище. С 1902 по 1908 г. работал в кооперации и служил в Таврическом земстве ревизором-инструктором. С 1908 по 1913 г. – инспектор при Государственном банке в Армавирском и Екатеринодарском отделении Кубанской области. Лектор по кредитной кооперации и банковскому счетоводству в университете им Шанявского в Москве. В 1914–1916 гг. – тов. директора Правления московского народного банка. В

1918–1922 гг. служил в Сибирских отделениях московского народного банка (до ноября 1922). Эмигрировал в Маньчжурию. В 1923 г. преподавал в Харбинском коммерческом училище и торговой школе при нем. Женат вторым браком на Наталье Петровне (1881 г. р.), дочь Елена (1909 г. р.), Сын Евгений (1911 г. р.). Принят на службу КВЖД с 1 апреля 1924 г. преподавателем курсов для подготовки и службе на КВЖД (поурочный расчет 75 руб. годовой час). Подал заявление о восстановлении советского гражданства, получил паспорт № 19528, выданный Генконсульством СССР в Харбине от 24 января 1929 г. На карточке врачебного осмотра 3 ноября 1925 г. подписал «гражданин Украинской советской республики». Преподавал в институте ориентальных и коммерческих наук в Харбине. Работал во время советско-китайского конфликта. 1 сентября 1930 г. был уволен по болезни. После увольнения с КВЖД вошел в Национальную украинскую громаду.

15. Бутов Тарас Васильевич (1887 – 1967) – экономист. Окончил Петроградский политехнический институт по экономическому отделению (1916). Православный. С 1915 г. служил в в Особом совещании по продовольственному делу. С 1917 г. – в министерстве продовольствия. Жена Надежда Федоровна, сын Виктор (1917 г.р.). С 1918 г. – тов. Главноуправляющего делами Омского правительства. С 1920 г. – в Харбине. С 1 мая 1921 г. – временный агент Экономического бюро КВЖД. С 1 февраля 1924 г. – зав. комиссионно-ссудным отделом коммерческой части (оклад 4200 руб.). Был близок к Н.В. Устрялову, разделял его сменовеховские установки. Взял советское гражданство (паспорт № 20564 от 23 июля 1926 г.). С ноября 1927 г. – и.о. зав. коммерческим агентством в г. Инькоу (оклад 4800 руб. в год). Работал во время советско-китайского конфликта.1 августа 1930 г. был уволен от службы на дороге по болезни. В дальнейшем принял литовское гражданство. Работал в торговом доме «Чистяков и Ко», транспортно-экспортной кампании. Сына отправил учиться в Америку. После Второй мировой войны подал заявление о восстановлении советского гражданства, служил начальником Коммерческого отдела КЧЖД. Переехал в США.

16. Вертячих Александр Николаевич (1882 – 1937) – горный инженер. Из крестьян Вятской губернии. Принимал участие в студенческом революционном движении. Окончил Горный институт в Петербурге (1910). В 1917 г. был членом социал - демократической меньшевистской организации в Пермской губернии, где работал в качестве инженера. В эмиграции с 1920 г. Член Союза русских инженеров в Харбине. Устроился на службу КВЖД 15 марта 1921 г. Вдовец (жена Наталья Ивановна умерла в 1920 г.), дочь Марианна (1912 г. р.), сын Александр (1920 г. р.) С 1 января 1925 г. – инструктор по топливу службы тяги (оклад 3600 руб. в год). 5 июня 1925 г. был уволен от службы на дороге,

как не состоявший в подданстве СССР или Китая. Подал ходатайство о восстановлении советского гражданства. 1 февраля 1927 г. определен вновь инженером по котловым установкам (оклад 2700 руб. в год). Паспорт СССР № 20103 был выдан Генеральным консульством СССР в Харбине 13 апреля 1929 г. 1 августа 1929 г. перемещен на должность инженера тепловой части (оклад 3600 руб. в год). С 1 января 1931 г. перемещен на должность инженера по котловым установкам (оклад 3240 руб. в год), с 1 марта 1932 г. – инженер по теплотехнике (2940 руб. в год). Женился на Лидии Николаевне. Вернулся в СССР летом 1937 г. Арестован в декабре 1937 г. Расстрелян. Жену арестовали в январе 1938 г. как ЧСИР, дали 8 лет ИТЛ.

17. Вильдтгрубе Евгений Николаевич (1884 – 1941) – старослужащий КВЖД. Родился в г. Порхов. Окончил Порховское духовное училище. Работал на КВЖД с 22 января 1903 г. в службе телеграфа. Уволился 16 апреля 1920 г по болезни. В 1922 г. – зав. почтово-телеграфной конторой в г. Благовещенске, в 1923г. – начальник почтово-телеграфной конторы в г. Свободном и г. Владивостоке. При повторном устройстве на службу КВЖД в 1925 г. указал: «гражданин СССР, вне религии». Жена – Евдокия Васильевна, сын Евгений (1911 г.р.). Паспорт СССР № 11139, выданный Генеральным консульством СССР в Харбине (б/д). С 1 февраля 1925 г. – зачислен и.о. зав. телеграфной станцией Харбин-центральный (оклад 2700 руб. в год). Во время советско-китайского конфликта 1929 г. был выслан из Маньчжурии за «коммунистическую пропаганду». 1 апреля 1931 г. был уволен с КВЖД вследствие «невозвращения из отпуска». Жил с семьей в Москве. Был арестован в 1937, осужден за контрреволюционную деятельность на 10 лет ИТЛ. Умер в 1941 г. Сын был также арестован в 1937 г. и расстрелян.

18. Воейков Александр Дмитриевич (1879 – 1944) – агроном, ботаник. Родился в с. Самайкино Симбирской губернии. Окончил естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета (1906). В 1903 г. стажировался в Берлинском университете. С 1915 г. работал уполномоченным Департамента земледелия по изучению сбора и культуры лекарственных растений в России. С 1918 г. – на Дальнем Востоке, с 1919 по 1922 гг. работал в Приморском областном земстве, в 1922 г. переехал в Маньчжурию. Занимался изучением флоры. Жена – Надежда Александровна Башмакова, сын Александр (1908 г.р.), дочь Мария. Семья осталась в Петрограде-Ленинграде. 20 апреля 1922 г. был принят на должность врио зав. опытным полем на ст. Эхо КВЖД (оклад 150 руб. в мес.). В 1925 г. подал заявление о восстановлении советского гражданства (квитанция № 2738). С 1 июля 1925 г. оклад увеличен (2100 руб. в год). В мае 1929 г. его уведомили, что ЦИК СССР отказал ему в восстановлении советского гражданства,

после чего он был уволен с работы как бесподданный 14 мая 1929 г. После этого занимался наукой, редактировал журналы «Сельское хозяйство в Маньчжурии», «Китайский экономический вестник», выпустил книгу «Климат Маньчжурии» (1933 г.). В августе 1933 г. был похищен хунхузами, отпущен только после уплаты выкупа. Читал лекции в Северо-Маньчжурском университете. Перешел в эмигрантское состояние. В 1938 г. он организовал опытный сад и питомник на ст. Сяолин. За годы эмиграции им было опубликовано более семидесяти научных работ по садоводству, сельскому хозяйству, климатологии, флоре Дальнего Востока и Маньчжурии. Переписывался с И.В. Мичуриным, академиком С.Н. Вавиловым. С последним он обсуждал вопрос о своем возвращении в СССР. В 1943–1944 гг. А.Д. Воейков работал в институте колонизационных проблем, организовал плодовый сад и живой гербарий на опытной ферме института близ Харбина. Умер в мае 1944 г. в Харбине.

19. Ган Константин Сергеевич (1893 – 1937) – офицер, дворянин. Родился в Петербурге. Окончил Александровский лицей и Юридический факультет Петербургского университета. Участник Первой мировой войны, прапорщик л-гв. Гренадерского полка. В гражданскую войну – поручик информационного отдела штаба адмирала А.В. Колчака. В 1920 г. в Иркутске перешел на сторону большевиков. В анкете при поступлении на службу КВЖД сообщил о себе: «после революции – директор отделения нармилиции МВД ДВР. Командир 1-го отделения бригады войск обороны и охраны ДВР, представитель военного совета при Американской военной миссии». Потом работал преподавателем английского языка школы 2 ступени г. Читы, переводчиком Губернского исполнительного комитета. Жена – Ольга Яковлевна Ган-Лорэ (1901 г. р.). Приехал в Харбин из Читы 27 октября 1925 г. по заграничному паспорту СССР № 104315 от 19 октября 1925 г., выданному в Чите. (В деле стоит приписка от 1929 г. – выдан загранпаспорт СССР за №109580 от 13 января 1926 г. по уполном. НКВД во Владивостоке). Принят на работу с 1 ноября 1925 г. переводчиком иностранных языков канцелярии Управления дороги (оклад 1500 руб. в год). Эмигранты утверждали, что он работал на советскую военную разведку. В ноябре 1925 г. командирован в Мукден в распоряжение генконсула СССР, были еще командировки в Мукден 4 ноября – 12 декабря 1926 г., 26 мая – 24 июня 1927 г. В мае 1929 г. – командировка в Маньчжурию и Чанчунь на 5 дней. С 1 января 1928 г. оклад был повышен до 2400 руб. в год. С началом советско-китайского конфликта был уволен 16 июля 1929 г., уехал в Шанхай. После конфликта в январе 1930 г. он был восстановлен в должности. С 1 июня 1930 г. – старший переводчик службы общих дел с окладом 3600 руб. С 11 по 15 сентября 1930 г. был командирован в г. Дайрен «по вызову тов. Председателя правле-

ния». С 18 марта 1931 г. стал переводчиком при товпреде А.И. Емшанове. В 1931 г. был командирован в Токио. Емшанов был отозван с поста 15 июня 1931 года. Ган попросил в июне 1931 г. двухнедельный отпуск, после него 1 июля 1931 г. был уволен от службы по болезни «вследствие расстроенного здоровья и необходимости длительного лечения на одном из курортов СССР». Уехал в Москву. От второго брака с Татьяной Мулюкиной у него были сын Никита (1932 г.р.) и дочь Елена (1935 г.р.). Ган был арестован, осужден и расстрелян в 1937 г., жена была приговорена к 10 лет ИТЛ, дети попали в детский дом.

20. Гаттенбергер Всеволод Александрович (1887 – после 1950) – юрист, присяжный поверенный. Родился в Нижнем Новгороде. Окончил гимназию в Томске (1906), юридический факультет Московского университета (1910). Работал в Томске пом. присяжного поверенного (адвокатская практика). Женат церковным браком с 1911 г. Жена – Олимпия Игнатьевна (1887 г. р.). В 1911 – 1913 гг. служил на Сибирской железной дороге, с 1913 г. – на Амурской железной дороге (г. Чита) Правителем дел канцелярии дороги, потом юрисконсультом. Осенью 1918 г. переехал в Омск, где служил чиновником для поручений общего отдела канцелярии Совета министров Омского правительства. После его падения в 1920 г. служил в Иркутске делопроизводителем Иргубсовнархоза и юрисконсультом министерства юстиции ДВР в г. Верхнеудинске. В 1921 г. – юрисконсульт экономического совета ДВР в Чите. В Харбин прибыл в конце марта 1921 г. и через несколько месяцев уехал во Владивосток. Служил на Дальневосточном механическом и судостроительном заводе в должности юрисконсульта (с 5 августа 1921 г.), потом Правителя дел, с 6 декабря 1922 г. – секретарь управления завода. Переехал в Маньчжурию, поступил в августе 1923 г. конторщиком в службу пути КВЖД. В 1924 г. окончил частные торговые классы Ильинского в Харбине. С1925 г. имел паспорт СССР, выданный Генконсульством СССР в Харбине. В 1927 г. был переведен счетоводом в контроль Управления КВЖД. Остался работать во время советско-китайского конфликта 1929 г. В марте 1931 г. уволился со службы по болезни. До 1940 г. жил на заштатные, полученные при увольнении с КВЖД и на случайные заработки. В 1937 г. просил визу на въезд в СССР. В январе 1939 г. получил извещение, что лишен гражданства без указания причин. Перешел в эмигрантское состояние. Во время войны существовал на случайные заработки и продажу вещей. О себе сообщал, что «у японцев в каких-либо учреждениях не служил – только около 2-х месяцев (июль и август 1944 г.) в конторе Ямаучи поденным кассиром в киоске по продаже лотерейных билетов. 15 ноября 1945 г. поступил делопроизводителем в центральную базу Общества кооперативов КВЖД и служил до 12 января 1946 г. С 1946 г. по 15 марта 1949 г. – безработный. Постановлением Президиума Верховного Совета СССР № 01 от 16

декабря 1947 г. восстановлен в гражданстве СССР, получил советский паспорт № 45572/ГХР 46212 от 14 октября 1948 г. С 15 марта 1949 г. – счетовод на главном складе материальной службы КЧЖД, с 1949 г. – член профсоюза рабочих и служащих КВЖД (членский билет № 6546). 8 ноября 1950 г. был уволен со службы в виду перехода на пенсию (был признан ВКК инвалидом 1 группы).

21. Горшенин Александр Иванович (1895 -1963) – экономист, статистик. В Гражданскую войну ротмистр, служил в Волжском драгунском генерала Каппеля полку. В Маньчжурию прибыл в 1920г. из Забайкалья. На КВЖД работал в Экономическом бюро. В 1925 г. подал заявление о восстановлении советского гражданства. Издавал «Экономический вестник» КВЖД. Работал во время советско-китайского конфликта, был даже повышен в должности и окладе. После конфликта в мае 1930 г. ему было отказано в советском гражданстве. Управляющий дорогой распорядился уволить его от службы. Зав. Экономическим бюро М.Я. Михайлов в докладной на имя Управляющего КВЖД Ю.В. Рудого написал о «желательности» приема Горшенина на службу. На докладной надпись Рудого: «Согласен». Был принят на должность «разъездного агента» Экономического бюро (оклад 1200 руб. в год). Опять возбудил ходатайство о принятии советского гражданства, получил новую квитанцию Генерального консульства СССР в Харбине. Работал до продажи КВЖД 24 марта 1935 г. Получил в 1935 г. 2 919, 42 руб. (4653, 24 гоби) заштатных денег. Гражданская жена – Коростелева Валентина Алексеевна. После продажи дороги остался в Харбине, подал заявление в БРЭМ о переходе в эмигрантское состояние. Утверждал, что политическим убеждениям являлся монархистом. Эмигранты подозревали его в работе на советскую разведку. В 1938 г. перебрался в Тяньцзин. После войны уехал в США.

22. Горшенин Иван Семенович (1899 –?) – шофер-механик, из оренбургских казаков. Родился в Оренбургской губернии, пос. Красногорский. Окончил сельскую школу в 1913 г. Служил рядовым в Оренбургской армии, 4-й казачий полк. Православный. Участвовал в Гражданской войне в составе Оренбургской отдельной армии рядовым. В Маньчжурию прибыл с армией в 1920 г. из Семиречья. В 1920–1925 гг. – рабочий на разных работах в Китае. В 1925 – 1945 гг. – шофер на автобирже в Харбине. Первая жена – А. Пашечникова умерла в 1928 г. в пос. Красногорском. Женился в 1929 г., жена Мария Гавриловна (1907 г. р.), 2 дочери (1931 и 1938 г.р.). До 1930 г. оставался бесподданным (эмигрантом), с 1930 г. – китподданный. В 1939 г. перешел в эмигрантское состояние, зарегистрировался в БРЭМ. После войны устроился на КЧЖД зав. гаражом с 16 сентября 1945 г. Получил паспорт СССР № 017078/ГХР 510 от 12 февраля 1946 г., выданный Ген-

консульством СССР в Харбине. В 1947 – 1948 гг. – зав. конюшней КЧЖД. В 1948 – 1950 г. – зав. зданием Управления КЧЖД в Харбине. В анкете от 28 апреля 1949 г. в п. 24 «Что еще желаете сообщить о себе или родственниках» написал: «Желаю разыскать своих родных и вернуться на родину». В 1952 г. был уволен с должности коменданта здания административно - хозяйственного отделения дороги «за недобросовестное отношение к работе».

23. Гребинский Михаил Иванович (1898 – 1941) – дворянин. Родился в Кременчуге Полтавской губернии, православный, русский. Окончил Омское сельскохозяйственное училище, агроном. В Маньчжурию прибыл из Омска в 1916 г. С 28 марта 1918 г. – адъютант отряда Орлова, с 4 апреля по 10 августа 1918 г. – адъютант начальника военных формирований в полосе отчуждения КВЖД вице-адмирала А.В. Колчака. Участвовал в боях с большевиками на р. Сунгари и р. Амур. В декабре 1918 г. был командирован во Владивосток, с марта 1919 г. – адъютант отдельного батальона морских стрелков. В 1921 г. прибыл в Харбин. С 1922 по 1925 г. – помощник и командир пароходов Сунгарийского флота. С декабря 1925 по январь1930 г. – служил на КВЖД в коммерческой службе (временный помощник десятника по обезличению бобов (оклад 50 руб. в мес.). До 1925 г. – китподданный. В 1925 г. принял советское гражданство, состоял членом профсоюза. Во время конфликта в 1929 г. официально, через германского консула отказался от советского гражданства. В 1930 г. был уволен со службы на КВЖД. После увольнения уехал в Шанхай в поисках работы, но затем вернулся в Харбин. Состоял с 1931 г. в морском кружке Харбина, работал зав. пристанью Водного спорта, в 1934 г. – зав. катком. Холост. С 1 мая 1935 г. работал в отделе БРЭМа зав. пристанью Водного спорта (оклад 50 гоби в мес.) Умер в 1941 г., похоронен на Новом кладбище Харбина.

24. Гросман Борис Евгеньевич (1903 – после 1956) – инженер, родился в Никольск-Уссурийске, русский. В 1908 г. переехал с семьей в Маньчжурию на ст. Цицикар, в 1912 г. – в Харбин. Отец был командиром 1-го Заамурского железнодорожного батальона, в 1917 г. - командиром 2-го Заамурского железнодорожного полка, умер в 1921 г. С лета 1918 г. – доброволец в команде связи при штабе генерала М.М. Плешкова. В 1922 г. – доброволец в Особом Маньчжурском эскадроне Пограничной стражи, старший унтер-офицер. Окончил в 1921 г. ХКУ, в 1925 г.– ХПИ, инженер электрик-механик. Жена Наталья Емельяновна (1905 г. р.), брак заключен в 1930 г., сын Георгий (1938 г. р.). В 1925–1928 г. – шофер в Харбине. В 1928 г. – инженер-практикант в мастерских МОСВ. 1928–1941 г.– зав. механическим отделением Мулинских копей. Состоял в РОВС с 1 ноября 1933 г. Монархист. В 1941–1943 г. – главный механик завода и железнодорожной ветки

лесного предприятия С. Кондо (ст. Яблоня). Советник отделения БРЭМ на ст. Яблоня. В 1943 – 1945 г. – инженер–подрядчик в Харбине. С 30 августа 1945 г. работал на КЧЖД, сначала главным механиком депо, в сентябре 1945 г. – нач. технического отделения паровозного депо. Принял советское гражданство – советский паспорт № 033780/ГХР-34450 от 2 июля 1946 г., выданный Генеральным консульством в Харбине. С мая 1946 по 1950 г. – нач. локомотивного отделения Управления КЧЖД. В 1950 г. – ст. инженер в Управлении КЧЖД. Неоднократно был премирован, как особо отличившийся в трудовом соревновании. 3 сентября 1951 г. просил уволить его со службы ввиду предложенной работы в лесном департаменте правительства Северо-Восточного Китая. Репатриировался в СССР. Жил и работал в Новосибирске.

25. Данилевский Сергей Иванович (1871 – ?) – инженер-технолог. Родился в Одессе, дворянин. Православный. Окончил Петроградский технологический институт. Работал на Юго-Западной железной дороге, на Екатерининской железной дороге, начальником тяги Омской железной дороги. В августе 1917 г. вместе с тов. министра путей сообщения Л.А. Уструговым был включен в комиссию по инспекции Сибирской железной дороги. В начале 1918 г. комиссия была расформирована в Харбине, в июне 1918 г. С.И. Данилевский был назначен начальником Технического отдела Правления КВЖД. В 1921 г. ему был выдан китайский паспорт. С 12 ноября 1921 г. он занимал должность товарища Председателя Правления Общества КВЖД. Принял советское гражданство. С 3 октября 1924 г. назначен Правительством СССР членом Правления КВЖД «со всеми правами и полномочиями». Занимал дом-особняк № 1072 по Большому пр. площадью 387,73 кв. м с зимним садом площадью 79 кв.м. Несколько раз «по делам службы» бывал в Москве – в апреле–мае 1927 г., в июне-августе 1928 г., сентябре 1931 г. Во время советско-китайского конфликта был отозван Советским правительством с территории Китая, переехал в Дайрен. Восстановлен в должности 31 декабря 1929 г. 15 сентября 1932 г. был освобожден от исполнения обязанностей члена правления КВЖД «по болезни». Получал пенсию от КВЖД 1200 руб. ежегодно с 16 сентября 1932 г. Переехал в Шанхай, был председателем Советского клуба.

26. Дикий Григорий Никифорович (1889–1962) — уроженец Бессарабской губернии, выходец из мещанского сословия, сын сапожника. Систематического образования он не получил. До 1901 г. учился в высшем начальном училище в посаде Турлаки, потом подрабатывал в различных учреждениях счетоводом. За революционную деятельность неоднократно арестовывался, был сослан в Кривой Рог, где он служил счетоводом в конторе. В начале 1914 г. он перебрался с семьей в Москву, где открыл

свою контору для поставки технического оборудования. В конце 1916 г. Дикий переехал в Екатеринбург, был Управляющим уральским отделением «Союза сибирских кредитных союзов» в Екатеринбурге. В 1918 г. выехал с семьей на восток. В Омске в 1919 г. он был ответственным руководителем фирмы «Русская техническая компания», был близок к И.А. Михайлову – министру финансов в правительстве адмирала Колчака. Осенью 1919 г. выехал во Владивосток, в начале 1920 г. – в Японию. Летом 1921 г. прибыл в Харбин, занимался коммерческой деятельностью, потом стал заведующим харбинским агентством Уссурийской железной дороги. С 1923 г. он консультировал будущего Управляющего КВЖД коммуниста А.Н. Иванова, был потом ближайшим его советником по экономическим вопросам и по тактике управления дорогой в качестве зав. Экономическим бюро КВЖД в 1924–1929 гг. Несколько раз в 1920-х гг. выезжал в СССР и Европу по делам службы. В 1929 г. на обратном пути из командировки в Европу в Москве должен был получить визу на въезд в Маньчжурию, но визу ему не дали. Тогда он через Благовещенск, с помощью китайского перевозчика переправился через Амур, потом по Сунгари 15 июля 1929 г. добрался до Харбина. Перешел в эмигрантское состояние. Уехал в Южную Маньчжурию, в Дайрен. Семью отправил в Западную Европу через Шанхай в Марсель, сам какое-то время жил в Шанхае, приобрел типографию. Потом продал дело, 23 августа 1930 г. уехал в Европу (Париж, Брюссель, Байонна). Организовал собственное дело. Во время Второй мировой войны жил в окрестностях Лиона, в имении Шампинель. После войны переехал в Париж, работал представителем фирмы Дэбри.

27. Емшанов Александр Иванович (1891 – 1937) – советский партийный и хозяйственный деятель. Родился на ст. Европейская Пермской губернии в семье рабочего-путейца. Закончил 2-хкл. железнодорожное училище, с 14 лет работал на железной дороге – от рабочего службы пути до начальника разъезда. Экстерном сдал экзамены за 8 классов гимназии, поступил на физико-математическое отделение Пермского университета, окончил 1 курс. Член РКП(б) с 1917 г., в марте 1917 г. – председатель главного Дорожного комитета профсоюзов Пермской дороги, в 1918 – 1920 гг. – начальник Пермской железной дороги. С декабря 1920 по апрель 1921 г. – нарком путей сообщения, потом заместитель наркома, член коллегии НКПС. С 1922 г. – председатель правления Пермской железной дороги. С 1 марта 1923 г. – представитель коллегии НКПС в российской миссии за границей для изучения новых достижений железнодорожного строительства. С 1924 г. – начальник Пермской железной дороги. В 1926 – 1930 гг. – Управляющий КВЖД (оклад 25 тыс. руб. + представительские расходы 8 тыс. руб. в год). С началом советско-китайского конфликта был уволен от службы, выслан в СССР. В 1930–1931 г. – тов. председателя

Правления КВЖД. Занимал в Харбине особняк площадью 452, 54 кв. м, флигель 152, 42 кв. м и гараж при доме 59, 90 кв. м. Жена Антонина Михайловна (1893 г. р.) (в браке с 1915 г.), сыновья Александр (1918 г. р.) и Лев (1924 г. р.). Отозван с поста тов. председателя Правления КВЖД 15 июня 1931 г. Ему были выплачены обратные подъемные деньги, а также вознаграждение, равное 14-мес. окладу. Перед отъездом в Москву купил в Харбине автомобиль из гаража КВЖД «Мерседенс-бенц» за 16 тыс. зол. руб. и распорядился, чтобы его доставили в Москву в адрес Госплана. В 1931 г. – член президиума Госплана СССР, начальник строительства дороги Москва-Донбасс, затем начальник Московско-Донбасской железной дороги. 7 сентября 1936 г. его сняли с должности начальника дороги, как не справившегося с работой. Находился в резерве НКПС СССР. Арестован 14 января 1937 г. Обвинялся в участии в антисоветской право-троцкистской организации и шпионаже в пользу Японии и немцев. Расстрелян 26 ноября 1937 г. Жена как ЧСИР осуждена на 8 лет ИТЛ.

28. Ершов Матвей Николаевич (1886 – ?) – философ, историк философии. Родился в Пензенской губернии, окончил Казанскую духовную академию (1911), получил ученую степень магистра, работал профессором Казанской духовной академии и приват-доцентом Казанского университета по кафедре философии. С 1 сентября 1918 г. – профессор, декан факультета и проректор Государственного Дальневосточного университета во Владивостоке. В 1922-1923 гг. читал лекции в Пекинском государственном университете. С 1925 г. временный агент Коммерческой части КВЖД. Гражданин СССР. Паспорт № 20050 выдан генеральным консульством СССР в Харбине 12 апреля 1929 г. С 1926 г. читал лекции на Юридическом факультете в Харбине, давал уроки в техникуме КВЖД. Жена Ольга Андреевна (1893 г. р.), в браке с 1914 г. В конфликт остался работать на дороге, из временных агентов Коммерческой части был переведен в штат. С 1 сентября 1931 г.– преподаватель курсов китайского языка КВЖД по вольному найму (864 руб. за 12 годовых часов). С 18 марта 1932 г. – переводчик европейских языков службы переводов Управления КВЖД (оклад 260 руб. в мес.). С 1 июля 1933 г. – драгоман европейских языков экономико-технической части (оклад 1260 руб. в год, с 1934 г.. – 1680 руб.). Работал до продажи КВЖД в 1935 г. Получил 1773, 43 руб. (без пенсии). Вернулся в СССР в 1935 г., жил в Ташкенте. Репрессирован.

29. Жернаков Александр Васильевич (1895 – ?) – экономист. Родился в Тюмени. Православный. Окончил курс реального училища в Тюмени, прослушал курс лекций экономического отделения политехнического института в Санкт-Петербурге. 2 года управлял в Омске частным торгово - промышленным предприятием. С 15 апреля 1925 г.

служил в ОИМК в Харбине в качестве секретаря торгово-промышленной секции. Получил паспорт СССР № 1609 от 22 мая 1926 г., выданный генконсульством СССР в Харбине. Холост, на иждивении были отец, мать, 2 сестры. С 20 июня 1925 г. – врем. агент Экономического бюро КВЖД (оклад 100 руб. в мес.). С 1 мая 1926 г. – и.о. зав. отд. коммерческого агентства на ст. Аньда (150 руб. в мес.), с 1 января 1927 – зав. Коммерческим агентством ст. Аньда (оклад 2100 руб. в год). С 11 октября 1930 г. уволен по «соображениям службы». Перешел в эмигрантское состояние. Арестован в Харбине 26 февраля 1947 г., получил 10 лет ИТЛ.

30. Затеплинский Александр Александрович (1871 – после 1961) – потомственный дворянин Псковской губернии, титулярный советник, инженер-электрик. Окончил электротехнический институт в Петербурге в 1894 г. С 1905 г. – на КВЖД, пом. начальника телеграфа, с 1 января 1907 г. – начальник телеграфа (оклад 7200 руб. в год). С 1920 по 1930 гг. – начальник службы телеграфа. В 1925 г. подал прошение в Генконсульство СССР в Харбине о получении советского гражданства, получил квитанцию № 3456 от 13 мая 1925 г. Был арестован в 1929 г. китайскими властями, обвинялся в коммунистической пропаганде и в нарушении правил радиоприема (в его квартире был установлен коротковолновой радиоприемник якобы «для получения красной информации из Хабаровска»). После суда приговорен к 4 годам тюремного заключения, освобожден в январе 1930 г. 5 марта 1930 г. уволен от службы по болезни. Ему полагалось заштатное пособие в 14 700 руб.,которое ему не выплатили, после чего он судился с КВЖД. Перешел в эмигрантское состояние. Состоял в харбинском обществе домовладельцев, в обществе старожилов Харбина и Северной Маньчжурии. В 1946 г. получил советское гражданство, занимал пост начальника службы связи на КЧЖД до 1952 г. В 1960 г. ходатайствовал о выезде в СССР со всем имуществом, включая обширную библиотеку.

31. Зефиров Николай Степанович (1887–1953) – статистик, экономист, журналист. Родился в г. Алатырь в семье священника. Окончил Политехнический институт в Санкт-Петербурге (1912), кандидат экономических наук. Работал статистиком в Сибири. Во время Первой мировой войны – правительственный уполномоченный по продовольствию на Дальнем Востоке. Член партии народных социалистов (1917). Работал в антисоветских правительствах. Был министром продовольствия Омского правительства адмирала А.В. Колчака. С 1921 г. в Харбине, с 1923 г. работал в Экономическом бюро КВЖД. Был близок к «сменовеховским» кругам. Жена – Лидия Сергеевна, дочь Елена (1923 г. р.). С 1924 г. – коммерческий агент в Дайрене, с 1925 г. – зав. коммерческим агентством в Шанхае (оклад 6 тыс. руб. в год). Получил советский паспорт, выданный консульством

СССР в Шанхае в 1926 г. Работал во время советско-китайского конфликта. 31 октября 1930 г. уволен по болезни. Остался в Шанхае. Распространял советские товары, работал в различных газетах. Управляющий Московским народным банком в Шанхае. Был одним из организаторов и председателем правления Клуба советских граждан в Шанхае. В 1939 г. женился второй раз. В 1947 г. репатриировался с женой в СССР. Жил в г. Кировоград Свердловской области. Работал начальником коммерческого отдела медеплавильного завода. Арестован в 1949 г., приговорен к 25 годам ИТЛ, умер в лагере.

32. Иванов Алексей Николаевич (1892–1937) – советский партийный и хозяйственный деятель. Родился в д. Мышкино под Санкт-Петербургом. По-видимому, имел начальное образование (написал в анкете «умею читать и писать»). Член ВКП(б) с 1913 г. Вёл революционную работу в Харькове, в гражданскую войну – член РВС Сумской группы войск, комиссар 41-й дивизии. С января по апрель 1920 г. – председатель Харьковского губисполкома, гласный городской думы от РСДРП(б), организатор красной гвардии в Харькове, член ЦК(б)У. Затем был начальником Туркестанского округа путей сообщения. В 1921 г. работал на Северо-Западной и Октябрьской железных дорогах. Командирован в Китай (декабрь 1922 – май 1923 г. и август 1923 г.). В эмигрантской среде о нем ходило много слухов: говорили, что он был телеграфистом на Пермской железной дороге, портовым грузчиком во Владивостоке, сотрудником Отдела водного транспорта при ОГПУ, что настоящая фамилия его фон Мекк, Мицикуй и пр. Был назначен Управляющим КВЖД с 3 октября 1924 г. (оклад 25 тыс. руб. в год и представительские расходы 5 тыс. руб.). 17 апреля 1926 г. освобожден от должности Управляющего дорогой «ввиду переутомления». Жена – Гнесса Монделовна Янковская (1895 г. р.), в браке с 1920 г. Дети Юрий (1923 г. р.) и Елена (1925 г. р.). Работал заместителем начальника Центрального управления железнодорожного строительства НКПС. Арестован 11 июля 1937, расстрелян 1 ноября 1937 г.

33. Иванов Всеволод Никанорович (1888 –1971) – журналист, публицист, общественный деятель, писатель. Родился в г. Волковыск Гродненской губернии. Окончил гимназию в Костроме, историко-филологический факультет Петербургского университета (1912). Участник Первой мировой войны. Первый брак с Анной Владимировной Нагоровой (1914), Второй – с В.А. Ивашкевич (1917). В 1918 гг. работал в Пермском университете, в 1919 г. – в Русском бюро печати при Омском правительстве адмирала А.А. Колчака. С 1920 г. сотрудничал с газетами Владивостока и Харбина. С 1922 г. в Харбине. Редактор газет «Вечер» (1927), «Гун-бао» (1928 – 1930). С 1931 г. постоянный сотрудник газеты «Заря». Женился в третий раз на З.И. Казаковой. В 1935 г. выехал из Харбина.

Перешел на просоветские позиции. Жил в Тяньцзине, редактировал ежемесячник «Вестник Китая». С 1936 г. жил в Шанхае, работал в разных просоветских изданиях. Организовал в Шанхае Союз возвращенцев. В СССР вернулся в феврале 1945 г. Жил в Хабаровске, занимался литературным трудом. Последняя жена – М.И. Букреева.

34. Ивашкевич Вера Анатольевна (1890 – после 1960) – библиотекарь, преподаватель, общественный деятель. Православная. Родилась в Ашхабаде, в семье военного. Отец А.В. Ивашкевич служил на КВЖД с 1897 г. начальником штаба железнодорожной бригады в Харбине. Мать Анна Кирилловна – журналист, писатель. В.А. Ивашкевич окончила Бестужевские высшие женские курсы в Петрограде в 1913 г. Во время Первой мировой войны была сестрой милосердия Российского общества Красного креста, имела награды. В конце 1916 г. вернулась после ранения в Петроград. Работала в министерстве торговли и промышленности. В 1917 г. вышла замуж за Вс.Н. Иванова. В мае 1917 г. выехала в Пермь, где в 1918 г. родился сын Георгий. С мужем летом 1919 г. переехала в Омск. В июне 1920 г. перебралась к родителям в Москву, работала статистиком на областном эвакуационном пункте. В 1921 г. выехала во Владивосток к мужу, где работала учительницей. В 1923 г. поступила счетоводом в общество «Дальлес». В 1925 г. выехала в Харбин, работала на КВЖД с 1925 г. в Земельном отделе и Коммерческой службе. Имела советский паспорт № 20224 от 19 июля 1926 г., выданный генконсульством СССР в Харбине. Во время советско-китайского конфликта продолжала работать. В январе 1931 г. была уволена. После увольнения с января 1931 г. по апрель 1932 г. работала в лечебнице доктора Миндлина. Потом опять была принята на КВЖД по рекомендации японского генерала Хасебе конторщицей в Центральную библиотеку КВЖД. В феврале 1935 г. была уволена. 14 марта 1935 г. возбудила ходатайство о переходе в эмигрантское состояние (квитанция БРЭМ № 240). В июне 1935 г. была принята на работу в библиотеку Государственных железных дорог (бывшую Центральную библиотеку КВЖД). Знала французский, немецкий, английский, японский языки. Преподавала японский язык, делала переводы японской литературы. Сын в 1936 г. выехал в СССР. После войны в 1945 г. ходатайствовала о восстановлении советского гражданства. Работала в библиотеке Желсоба (дом Красной армии). В 1946 г. устроилась старшим экономистом коммерческой службы КЧЖД. С 10 октября 1947 г. была назначена начальником Центральной библиотеки КЧЖД. В августе 1950 г. была уволена с КВЖД и стала преподавать русский язык китайцам в Харбинской сельскохозяйственной академии. Репатриировалась в СССР в середине 1950-х.

35. Ильин Иосиф Сергеевич (1885 – 1981)– полковник, журналист. Окончил Морской кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище. До 1914 г. служил в 23-й и 27-й артиллерийских бригадах . Женился в 1912 г. на Е.Д. Воейковой. Дочери Наталья (1914 г. р.), Ольга (1919 г. р.). Участник Первой мировой и Гражданской войн. С 1917 г. начал сотрудничать с различными газетами. В Гражданскую войну был штаб-офицером для поручений при военном министре Комитета членов учредительного собрания (Комуча) в Самаре, затем при ставке Главнокомандующего Уфимской директории. В Омске в 1919 г. служил нач. формирований дружин Св.Креста. В Харбине с февраля 1920 г., сотрудник газет «Русский голос» (с 1926 г. «Русское слово»), «Гун-бао», «Рупор», посылал корреспонденции в Белград и Париж. Работал на КВЖД конторщиком в службе сборов с 1 мая 1923 г. С 1 января 1925 г. уволен со службы. В 1925 – 1928 г. преподавал в русско-японском институте. С ноября 1928 г. – чиновник особых поручений при Квантунском генерал-губернаторе в Чанчуне. Был членом Морского кружка, Симбирского землячества в Харбине. Давал частные уроки. В 1935 г. зарегистрировался в БРЭМ. С сентября 1936 г. преподавал историю и географию в лицее Св. Николая, работал во 2 отд. ЯВМ. С 1940 г. работал в японской школе для младшего командного состава Квантунской армии, преподавал русский язык. В 1956 г. со второй женой Е. Киструсской уехал в Швейцарию. Автор мемуаров и дневников, которые передал в Пражский архив. Его дочь Н.И. Ильина в 1947 г. репатриировалась из Шанхая в СССР, жила в Москве, стала известной писательницей. Другая дочь – О.И. Ильина (Лаиль) – живет во Франции.

36. Калина Андрей Хрисанфович (1873–1938) – инженер. Окончил Технологический институт в Санкт-Петербурге (1901).Служил на российских железных дорогах. С 1918 г. – на КВЖД, инженер Технического отдела Правления Общества КВЖД, с 1921г. – начальник службы тяги (оклад 12 тыс. руб. в год). В 1925 г. получил советский паспорт. Первая жена Мария Васильевна, в бракес 1902 г., 3 детей. Развелся в 1926 г., вступил в брак с Анной Михайловной 15 марта 1927 г. через отдел ЗАКС Генерального консульства СССР в Харбине. Занимал особняк площадью 243, 82 кв. м. Во время советско-китайского конфликта был уволен с 11 июля 1929 г., уехал в Дайрен, откуда прислал заявление о болезни. В 1931 г. часто замещал Управляющего КВЖД Рудого (врио), подписывая за него документы. 24 сентября 1933 г. был арестован полицией Маньчжоу-го вместе с Н. Кубли, В.Ф. Лавровым, П.Н. Абловым. Был обвинен в угоне паровозов и вагонов КВЖД на территорию СССР. Освобожден после 6-тимесячного заключения на основе амнистии с условием покинуть пределы государства. 24 февраля 1934 г. был уволен по болезни. Получил

заштатные – 7625 зол. руб. Выехал в Москву. Получал пенсию отКВЖД через Торгсин – 1200 руб. в год. Арестован в 1937 г. Расстрелян в феврале 1938 г.

37. Каплун-Владимирский Владимир Михайлович (1894 – 1979) – дирижер. Родился в Перми. Учился в консерватории в Санкт-Петербурге. С 1920 г. был дирижером-симфонического оркестра в Желсобе Харбина. Имел паспорт СССР, выданный полномочным представительством СССР в Японии в г. Токио от 26 июня 1925 г. за №1. С 1 февраля 1930 г. работал в 4-й железнодорожной гимназии временным преподавателем пения с поурочным расчетом, вел уроки пения в ХКУ. Был уволен от службы по болезни 15 ноября 1934 г. Выехал в СССР. Работал в Большом театре. Арестован в 1936 г., осужден на 5 лет ИТЛ. В заключении находился в Ухтпечлаге-Ухтижемлаге. Дирижер оркестра Центрального дома культуры Ухтижемлага, музыкальный и художественный руководитель лагерного театра. Освобожден в 1944 г. с прикреплением к Ухтижемлагу (по вольному найму) до окончания войны. По постановлению ОС МГБ СССР за «принадлежность к агентуре японской разведки» в сентябре 1951 г. сослан на поселение в Ухту. С 1957 г. жил в Сыктывкаре, работал в Республиканском музыкальном театре.

38. Карселадзе Владимир Михайлович (1886 – после 1937) – старожил Харбина, крестный отец Л.Н. Вертинской (урожд. Циргвава). Родился в г. Батум. Окончил Батумскую классическую гимназию, Тифлисские бухгалтерские классы. В Харбине с 1905 г. Служил в должности конторщика в Управлении гражданской частью с 1911 по 1914 гг. Жена – Евлампия Константиновна, венчались в Иверской церкви Харбина в 1914 г. Дети – Леонид (1911 г.р.), Тамара (1912 г.р.), Варвара (1914 г.р.). С 1916 г. служил в Харбинском городском совете в должности секретаря. Был уволен 20 августа 1926 г. вследствие «перехода делопроизводства Харбинского общественного управления на китайский язык и упразднения должности русского секретаря». Получил паспорт СССР от 17 февраля 1927 г., выданный Генеральным консульством СССР в Харбине. Жена и дети также получили советское гражданство. В 1927 г. был зачислен на должность временного агента Коммерческой части с окладом 100 руб. в мес., включая все виды довольствия. С 1 июля 1927 г. принят в штат делопроизводителем канцелярии Контроля КВЖД (оклад 1800 руб. в год), с 1 января 1928 г. оклад был повышен до 2400 руб. Сын Леонид в 1934 г. вместе с женой уехал в СССР, расстрелян в 1937 г. В.М. Карселадзе выехал в СССР в 1935 г., жил в с. Трехсвятское (Воронеж). Арестован в 1937 г. вместе с дочерью Варварой. Репрессирован.

39. Касаткин Василий Николаевич (1885 – 1963) – генерал-майор. Родился в Каменец-Подольске в семье генерала. Окончил первый кадетский корпус в Петербурге, Ни-

колаевское инженерное училище, академию Генерального штаба (1911). Участвовал в Первой мировой войне. В 1917 – 1918 гг. преподавал в Военной академии, в 1918–1920 гг. состоял в штабе адмирала Колчака. С 1920 г. в Харбине. В 1921 г. поступил на службу на КВЖД, работал в Экономическом бюро, с 16 января 1924 г. – пом. зав. тарифно - распорядительным отделением коммерческой части по международным сообщениям (оклад 3 тыс. руб. в год). В 1925 г. подал ходатайство о восстановлении советского гражданства. Был уволен 20 ноября 1927 г. за «внеподданство», т.к. его ходатайство было отклонено. После увольнения с КВЖД Касаткин служил в японской транспортной фирме «Кокусай Унью». В конце 1930-х гг. служил в ЯВМ. В 1945 – 1952 гг. преподавал русский язык. В 1959 г. с помощью Всемирного совета церквей эвакуировался из Китая через Гонконг во Францию. Автор мемуаров.

40. Керр Леонид Карлович (1878 – 1930) – востоковед, старожил Маньчжурии. Родился в Ревеле. Личный почетный гражданин, кандидат коммерции. Православный. Окончил Императорское коммерческое училище в Санкт-Петербурге (1896) и Восточный институт во Владивостоке (1907) по китайско-маньчжурскому отделению. С 1908 по 1921 г. – управляющий отделением Русско-Азиатского банка в Цицикаре, доверенный Харбинского и Хайларского отделений. Женился в 1908 г. на Анне Борисовне, лютеранке (1884 г.р.). Дети Александр (1911 г.р.), Валентина (1909 г.р.), православные. С 15 февраля 1923 г. устроился на КВЖД пом. контролера Ревизионного комитета (оклад 2400 руб. в год). Принял советское гражданство в 1925 г. 3 апреля 1925 г. занял квартиру площадью 20, 7 кв. саж. (94, 2 кв. м) после уволенного контролера Лаврентьева. Имел служебный телефон, автомобиль, право носить оружие. Отдыхал с семьей на даче в Имяньпо, курорте Чжалантунь, в Дайрене. С 1 января 1926 г. секретарь-драгоман Ревизионного комитета (оклад 3 тыс. руб. в год), с 1 января 1927 г. оклад повышен до 3300 руб., с 1 января 1928 г. – 3600 руб. в год. Во время советско-китайского конфликта 27 июля 1929 г. назначен и.о. контролера Ревизионного комитета. Умер 29 августа 1930 г. Сын после окончания ХКУ уехал учиться в США.

41. Кибель Григорий Борисович (1893 – 1938) – инженер. Родился в Тюмени в еврейской семье. Окончил Томский технологический институт (1918). Зимой 1918/1919 гг. работал на Иркутской городской электрической станции. Весной-летом 1919 г. - пом. машиниста депо Харбин (КВЖД), потом мобилизован на военную службу. Весной 1920 – осенью 1921 гг. работал преподавателем физики, математики и черчения в 1-й Харбинской мужской гимназии. Работал с 16 января 1923 г. монтером в Главных механических мастерских КВЖД в Харбине. В 1924 г. получил советское гражданство - паспорт № 2128

от 26 марта 1924 г., выданный уполномоченным НКИД СССР в Харбине. С 1 августа 1925 г. стал пом. зав. механическим цехом (оклад 2400 руб. в год). С 1 декабря 1926 г. – инженер Главных механических мастерских (оклад 3 тыс. руб. в год). Во время конфликта 13 июля 1929 г. был уволен от службы по несоответствию занимаемой должности. Восстановлен в должности 31 декабря 1929 г. С 17 июля 1930 г. – зав. товарно-вагонным цехом Главных мастерских (оклад 3600 руб. в год). С 1 июля 1932 г. – мастер механического цеха. 11 сентября 1934 г. уволен от службы на дороге согласно прошению по болезни. В 1934 г. после увольнения уехал в Свердловск (там жила его мать). В Свердловске преподавал в школе ФЗУ. Арестован 2 октября 1937 г., расстрелян 3 января 1938 г.

42. Колпакчи Роман Ефимович (1894 – 1937) – журналист. Родился в г. Хотин Бессарабской губернии, еврей. Образование незаконченное высшее. Работал в харбинских газетах («Вечерняя газета», «Рупор»). Оставил работу в 1930 г. Был пристрастен к карточной игре, в 1931 г. пытался отравиться, его спасли. С 1931 г. выпускал просоветскую газету «Новости Востока». Был арестован японскими властями в октябре 1935 г., депортирован в СССР. Жил в Вышнем Волочке, работал в газете «Вышневолоцкий пролетарий». Арестован 24 мая 1936 г. по обвинению «сбор секретных сведений о КВЖД в пользу японской разведки и подготовке терактов против руководителей ВКП(б) и советского правительства». Расстрелян в марте 1937 г.

43. Король Дмитрий Мартынович (1889 – 1937) – профсоюзный деятель. Родился в Киевской губернии, украинец. Окончил приходскую школу. Работал на КВЖД с 1918 г. кузнецом в депо ст. Пограничная (1,50 руб. в день). Жена Матрена Ивановна, сын Николай (1913 г.), брак зарегистрирован 8 октября 1925 г. в консульстве СССР на ст. Пограничная. С 20 мая 1924 г. был откомандирован «в распоряжение профсоюза» для работ в Учком транспорта (оклад 2 руб. в день, с 1 октября 1926 г. – 2,08 руб. в день). В документах числился как кузнец. Подал ходатайство о принятии советского гражданства, паспорт № 2384 был выдан консульством СССР ст. Пограничная от 17 августа 1928 г. Член ВКП(б). С 16 марта 1929 г. перемещен в депо Харбин в той же должности (откомандирован в распоряжение профсоюза). Член Доркома. Во время советско-китайского конфликта 1929 г. был уволен, потом восстановлен в должности. С 20 января 1930 г. – временный агент Управления дороги (3 тыс. руб. в год и квартирное довольствие). 1 апреля 1931 г. уволился по болезни, получив пособие 3107 руб. и пенсию 363, 33 руб. в год. Выехал в Уссурийск. Пенсию просил перечислять на контору Торгсина во Владивостоке в американских долларах. Работал нач. материального отдела на ремзаводе. Арестован в мае 1937 г., расстрелян в июне 1937 г.

44. Крачун Михаил Дмитриевич (1890 – 1937) – профсоюзный деятель. Родился в Кишиневе. Окончил ремесленное училище. Член ВКП(б) до 1917 г. Служил на КВЖД рабочим. Участник борьбы за советскую власть в полосе отчуждения КВЖД. Принимал активное участие в работе по профсоюзной линии. С сентября 1924 г. – член Ревизионного комитета кооператива рабочих и служащих КВЖД, потом Правления кооператива. Был освобожденным работником – «откомандирован для работы в профсоюзной организации из службы тяги». Официально числился рабочим – модельщиком Главных механических мастерских. Во время советско-китайского конфликта был арестован 31 августа 1929 г. китайской полицией, отправлен в концлагерь в Сумбее. После конфликта стал председателем Правления кооператива (оклад 254 доллара в мес.). С 11 февраля 1934 г. уволен вследствие отъезда в СССР. Назначена пенсия 319, 99 руб. в год. Жил в Московской обл., Москве, ст. Вешняки. Арестован в 1937, расстрелян.

45. Кукель-Краевский Владислав Брониславович (1869 –после 1956) – из виленских дворян. Поляк, католик. Окончил высшее училище правоведения в Санкт-Петербурге (1892). Состоял членом Правления Московско-Белозерско-Балтийской железной дороги. Действительный статский советник. В 1901–1903 гг. состоял в Правлении Общества КВЖД и в качестве агента Правления был командирован в Харбин для участия в организации Коммерческой части. Жена Мария Евгеньевна (урожд. Усаковская, дочь генерала от инфантерии Е.Е. Усаковского). Прибыл в Харбин в 1925 г. с советским паспортом. С 1 марта 1925 г. был устроен на КВЖД и.о. старшего счетовода (оклад 3 тыс. руб. в год). С 1 октября 1925 г. стал пом. главного бухгалтера. Во время советско-китайского конфликта 1929 г. остался работать, был назначен и.о. главного бухгалтера. 31 декабря 1929 г. был уволен со службы, но в конце февраля 1930 г. опять принят на КВЖД временным агентом Экономического бюро. Работал до продажи дороги в 1935 г. Получил значительные выплаты – 11 782,53 руб. Остался жить в Харбине, получал пенсию от КВЖД.

46. Кульбаченко Виктор Васильевич (1908 – 1938) – родился в Маньчжурии на ст. Ханьдаохецзы. Окончил 2 класса высшего начального училища, автомобильные курсы в Харбине (1925). Работал шофером в гараже Башкирова, также на частной бирже на автомобилях «Форд», «Интернационал», «Бьюик». Женат церковным браком на Елизавете Николаевне (1911 г. р.), дочь Людмила (1929 г. р.). Состоял членом монархической организации «Черное кольцо». Принял советское гражданство, стал членом Отмола. Во время советско-китайского конфликта участвовал в покушении на русского полицейского П.П. Шишкина. После конфликта 6 марта 1930 г. был принят на КВЖД временным шофером центрального гаража (оклад 75 руб. в мес.), но уже 10 июня 1930 г. был уволен от службы

на дороге по собственному желанию «в виду перемены своей основной профессии». Выехал в СССР. Жил во Владивостоке. Работал шофером транспортной конторы в Нефтепроводскладстрое. Арестован в 1937. Обвинен в шпионской деятельности (участник немецко-фашистского движения). Расстрелян 14 октября 1938 г.

47. Кулябко-Корецкий Виктор Аркадьевич (1874 – 1970) – инженер-электрик. Родился в Полтавской губернии, украинец. Дворянин. Окончил Петроградский электротехнический институт, служил по ведомству почт и телеграфов в технических должностях с 1902 г. Жена – Любовь Федоровна (1894 г. р.), сын Аркадий (1922 г. р.). В Харбин прибыл из Владивостока в феврале 1920 г. Поступил на службу на КВЖД электротехником службы телеграфа с 1 апреля 1920 г. (оклад 3600 руб. в год). В мае 1925 г. подал ходатайство о восстановлении гражданства СССР в Генеральное консульство СССР в Харбине (квитанция № 4363 от 28 мая 1925 г.). С 1 января 1926 г. стал зав. технической частью службы телеграфа (оклад 4200 руб. в год). Лектор Русско-китайского политехнического института в Харбине. Во время советско-китайского конфликта 1929 г. остался работать. В 1930 г. был уволен по болезни. Оставался в Харбине до середины 1950-х гг. Был председателем Украинской национальной колонии в Харбине. Профессор Харбинского политехнического института, декан политехнического факультета Северо-Маньчжурского университета. После Второй мировой войны выехал в Австралию, скончался в Сиднее.

48. Лабуза Борис Сергеевич (1892–1933) –лейтенант. Окончил полный курс реального училища и полный курс Морского инженерного училища в Кронштадте (1913). В Гражданскую войну воевал на Восточном фронте. Прибыл в Харбин в 1919 г. Служил с 1920 г. в китайской таможне. Принял советское гражданство, паспорт СССР № 11784, выданный 19 февраля 1926 г. консульством СССР в г. Маньчжурия. Жена Вера Николаевна (1897 г.р.), брак был зарегистрирован консульством СССР в г. Маньчжурия в 1926 г. Принят временным агентом коммерческой службы КВЖД с 21 марта 1927 г. (оклад 150 руб. в мес.). С 1 июля 1928 г. временный коммерческий агент (200 руб. в мес. и квартирное довольствие). Во время советско-китайского конфликта уволился со службы, после был восстановлен. С 1 января 1931 г. перемещен на должность зав. Бюро путешествий. Умер в Харбине 5 декабря 1933 г.

49. Лавров Василий Иванович (1882 – 1960) – чиновник. Православный. Окончил Демидовский юридический лицей. Работал в 1906–1912 гг. по судебному ведомству, в 1912 – 1917 г. по министерству внутренних дел. Пом. управляющего Приморской областью. С 15 декабря 1919 до 1 апреля 1920 г. – агент для поручений при представительстве КВЖД (оклад 8900 руб. в год). С 1 февраля 1923 г. – и.д. делопроизводителя канцелярии

управления дорогой (оклад 1800 руб. в год). В 1925 г. подал ходатайство о восстановлении гражданства СССР (квитанция генерального консульства СССР в Харбине за № 741 от 28 января 1925 г.). С 1 января 1925 г. оклад был повышен до 2400 руб. Заведовал личным столом. По ходатайству Правителя дел И.О. Яцунского с 17 июня 1926 г. оклад повышен до 2700 руб. в год. С 1 января 1927 г. секретарь канцелярии Управления (оклад 3 тыс. руб. в год). Первый брак с Марией Александровной Ломакиной (1908, сын Вячеслав и дочь Евгения). Второй брак церковный 16 декабря 1927 г. с Верой Евгеньевной Аксаковой (1891 г.р.), падчерица Вера Аксакова (1915 г.р.). Во время советско-китайского конфликта 11 июля 1929 г. был уволен, 31 декабря 1929 г. восстановлен в должности. С 16 мая 1930 г. уволен по болезни. Генеральный консул США в Харбине Г.К. Хэнсон написал письмо Управляющему дорогой Ю.В. Рудому от 7 декабря 1933 г. с просьбой предоставить Лаврову какую-либо должность на дороге («находится в бедственном положении»). Его взяли конторщиком службы общих дел КВЖД 8 января 1934 г. (оклад 660 руб. в год), 1 февраля 1935 г. переместили в службу сборов. Считался в списках гражданином СССР, хотя имел только квитанцию. Работал до марта 1935 г. Остался в Харбине. После Второй мировой войны переехал в США. Умер в Калифорнии.

50. Ламанский Владимир Владимирович (1874 –1944) – профессор, магистр геологии, палеонтолог. Отец – В.И. Ламанский – известный историк-славист. Окончил естественный факультет Санкт-Петербургского университета (1896), оставлен при кафедре геологии. Преподавал в Политехническом институте в Санкт-Петербурге. В 1899 – 1902 гг. – и.о. архивариуса и библиотекаря Императорского Российского географического общества. С 1902 г. – доцент экономического отделения Санкт-Петербургского политехнического института. В 1906 г. защитил магистерскую диссертацию. В 1906 – 1909 гг . служил коммерческим агентом КВЖД, участвовал в большой военной экспедиции по Хингану и Монголии, Уссурийскому краю. В апреле 1909 г. стал вр. заместителем финансового агента при Императорской Российской миссии в Китае, жил в Шанхае. Весной 1910 г. вернулся в Петербург. В июле 1910 г. – начальник экономических изысканий по вопросу о шлюзовании р. Туры и Тобола. Июнь 1911 г. – делопроизводитель и иностранный корреспондент съезда представителей русских железных дорог по делам международных сообщений. В 1912 – 1916 гг. – пом. Управителя дел в Особом совещании по продовольствию. Приват-доцент Санкт-Петербургского университета. Статский советник. В августе 1917 г. переехал в Пермь, ординарный профессор университета. В 1919 г. переехал в Омск, секретарь Русско-Азиатского банка. С 1920 г. в Харбине. С 1 января 1920 г. определен на должность коммерческого агента Коммерческого отдела Правления КВЖД

(оклад 4200 руб. в год). Был разведен. 26 октября 1927 г. вступил во второй брак с Марией Карловной Оттенсон. Остался работать во время советско-китайского конфликта 1929 г. 2 апреля 1930 г. подал прошение об увольнении по болезни. Был уволен со службы на КВЖД 16 июня 1930 г., но единовременного пособия – 2 625 руб. ему не выплатили. В1931 г. уехал в Шанхай, переписывался с Н.В. Устряловым.

51. Лопухин Николай Сергеевич (1879 –1952) – князь. Родился в Туле. Окончил юридический факультет Московского университета (1901), уехал на Дальний Восток. Во время русско-японской войны был уполномоченным общества Красного креста. Вернувшись в Россию, состоял членом тульской земской губернской управы. В 1908 г. мировой судья в Москве, в 1911 г. – член московского городского управления. Во время Первой мировой войны – член главного комитета Всероссийского земского союза, затем главного комитета Земгора по снабжению армии. С 1917 г. – в Сибири. Жена С.М. Осоргина. В 1918 г. был арестован вместе с семьей в Тюмени. В 1920 г. эмигрировал в Харбин, член городского совета Харбина, в 1925 г. – зав. торгово-налоговым отделом Харбинского общественного управления. Н.В. Устрялов называл его своим «большим другом», «умным человеком». С 4 июня 1926 г. работал на КВЖД сначала и.о., а с 5 ноября 1926 г. – зав. отделом претензий Коммерческой части (оклад 3600 руб. в год). В ноябре 1927 г. был уволен со службы КВЖД как бесподданный. Подал заявление в советское консульство о восстановлении советского гражданства, после чего был принят вновь на ту же должность. В мае 1928 г. ему повысили оклад с 3600 до 3900 руб. в год. Остался работать во время советско-китайского конфликта. В 1929 г. переехал во Францию, жил и умер в Кламаре под Парижем.

52. Лукашевкер Леонид Давыдович (1882 –1937) – советский чиновник, командированный из Москвы после советско-китайского конфликта в 1930 г. Родился в Одессе, еврей. Окончил коммерческое училище в Одессе (1901). Учился в Политехникуме в Цюрихе (Швейцария), выбыл с 3-го курса. В 1905–1906 г. был соредактором в издательстве «Донская речь». В 1907–1908 г. работал зав. отделом переводов в международном коммерческом банке в Одессе. В 1908 – 1914 г. – работал в правлении международного коммерческого банка в Санкт-Петербурге. В 1914 – 1916 г. – работал на постройке Бухарской железной дороги. В 1916 –1917 г. – на Урале на постройке железной дороги. В 1917 – 1919 г. – в Петрограде, член Правления Общегородского союза кооператоров «Домотоп». В 1919 –1920 г. – организатор лесозаготовок. В 1924 – 1927 г. – старший маклер отдела товарной биржи в Ленинграде. В 1927 – 1928 г. – старший экономист областной конторы Промбанка в Ленинграде. С октября 1928 г. директор конторы Госторга в Харбине. Был в

разводе, имел 2 сыновей – 1908 и 1923 г.р. На его иждивении в Харбине были отец Давид Борисович (75 лет) и племянница Вера Гольдфенд. Во время советско-китайского конфликта 1929 г. эвакуировался в Москву. Хлопотал об устройстве на службу КВЖД. Загранпаспорт СССР был выдан ему в Москве 26 декабря 1929 г. за № 192051/35073. С 1 января 1930 г. был оформлен как врио агента для поручений при Управляющем КВЖД (оклад 6 тыс. руб. в год). С 1 мая 1930 г. стал врио начальника земельного отдела КВЖД (оклад 4800 руб. в год и 200 руб. ежемесячной доплаты). С 27 июля 1931 г. ушел в двухмесячный отпуск по болезни для лечения на Кавказе, потом просил о продлении отпуска до 15 октября. Не вернулся из отпуска, остался в Москве. 15 октября 1931 г. был уволен по собственному желанию. При расчете оказалось, что он всем задолжал в Харбине – за мебель, поездки на автомобиле, гостинице «Гранд-отель», Яхт-клубу, Желсобу, портному. Долги – 466, 55 руб. вычли из заштатного пособия. Просил в письме 23 января 1932 г. предоставить бесплатный провоз мебели до Москвы. В Москве работал зам. управляющего «Союзтекстильмаш». В 1934 г. арестован, получил 5 лет ИТЛ, отправлен в Соловецкий лагерь. Расстрелян в 1937 г. в Ленинграде.

53. Любимов Леонид Иванович (1883 – ?) – юрист, экономист-статистик, педагог. Родился в Оренбургской губернии, Петровский завод. Православный. Окончил Оренбургскую духовную семинарию (1904), юридический факультет Казанского университета (1910). До 1919 г. работал присяжным поверенным в Уфе. В мае 1919 г. эмигрировал в Маньчжурию. С 1919 по 1923 г. – преподавал в гимназии на ст. Маньчжурия, с 1920 г.– директор общественной гимназии. Состоял в комитет помощи русским беженцам на ст. Маньчжурия, был председателем Русской национального общества ст. Маньчжурия в 1922 – 1923 г. В 1924 –1925 г. преподавал в учебных заведениях Харбина. С июня 1924 г. работал в Экономическом бюро КВЖД. Подал ходатайство о восстановлении советского гражданства, имел квитанцию. Жена Елена Александровна, сын Алексей и дочь Ольга. В 1927 г. оклад был поднят с 120 до 135 руб. в мес., в 1928 г. – до 150 руб. В феврале 1929 г. был уволен со службы на КВЖД за бесподданство. С 1 апреля 1929 г. преподавал статистику на курсах русского языка КВЖД. Во время конфликта опять был принят на работу в Экономическое бюро, с 15 августа 1929 г. стал редактором журнала «Вестник Маньчжурии». После конфликта вновь был уволен. В 1930 г. подал вторичное ходатайство о приеме в советское гражданство. С 1 мая 1931 г. «по настоянию китайской стороны администрации КВЖД» опять принят на КВЖД, работал в службе переводов, с 1932 г. – по вольному найму. 25 мая 1934 г. был уволен от службы «за минованием надобности». В 1935 г. зарегистрировался в БРЭМ, просил любую работу ему и сыну «хотя бы на неболь-

шой оклад – вплоть до должности ночных сторожей. Нам нечего есть». Работал в 6 отделе БРЭМ по регистрации безработных русских эмигрантов. В заявлении от 24 августа 1939 г. в генконсульство СССР в Харбине указал: «подданным СССР себя не считал и не считаю, о чем прошу поставить в известность соответствующие советские инстанции». Называл себя монархистом. Дочь окончила ХСМЛ, вышла замуж, жила в Тяньцзине. Сын закончил ХПИ. С 1940 г. служил в Японской военной миссии.

54. Маракулин Василий Дмитриевич (1883 – 1944) – юрист, ориенталист. Родился в крестьянской семье. Окончил юридический факультет, работал присяжным поверенным в Томске. В Харбине с 1919 г., был командирован от Омского правительства А.В. Колчака для коммерческих дел. Входил в «Союз беспартийных» КВЖД на правах секретаря и юрисконсульта. Один из организаторов и первый директор Института ориентальных и коммерческих наук в Харбине. Подал заявление о восстановлении советского гражданства, имел квитанцию от консульства СССР в Харбине, получил паспорт СССР. С 20 декабря 1924 г. – пом. делопроизводителя отделения дополнительных предприятий коммерческой части КВЖД (оклад 1500 руб. в год). Работал во время советско-китайского конфликта 1929 г. Был уволен в 1931 г. Преподавал в институте, занимался частной практикой. После продажи дороги участвовал в процессах бывших служащих КВЖД, подавших иски к дороге, как адвокат. В 1938 г. зарегистрировался в БРЭМ, перешел в эмигрантское состояние. В графе анкеты БРЭМа о причине выхода из советского подданства указал: «не разделял и не разделяю советскую идеологию. Политические убеждения: монархист». Вступил в фашистскую партию. Во время войны перешел на позиции оборончества. Умер в 1944 г. (в припадке белой горячки вонзил нож себе в сердце).

55. Мартынов Николай Андреевич (1895– ок.1966) – подполковник, активный антибольшевик. Родился в Самаре, в семье крестьянина. Поступил добровольцем в армию в 1914 г., потом служил в Добровольческой армии. Подполковник 1-й Самарской дивизии, с конца 1920 г. - 1-го Волжского стрелкового им. ген Каппеля полка. Член Земского собора в Приморье. Из Приморья эвакуировался в конце 1922 г. в Китай. С 1923 г. — в Харбине, где прожил 22 года, из которых провел в заключении (по делу С. Каспе — похищению и убийству в 1933 г. сына харбинского коммерсанта) 3 года 4 месяца. Участвовал в белом партизанском движении, организовывал партизанские отряды. Вступил в Дальневосточный корпус русских добровольцев (ДВКРД), организованный генералом Н.П. Сахаровым. Работал полицейским надзирателем. После освобождения в 1937 г. стал начальником особого отдела РФП, но отказался вступить в партию. Работал в Японской военной миссии в Харбине. В 1945 г. переехал в Тяньцзин. В 1949 г. был эвакуирован на о. Туба-

бао (Филлипины), откуда в 1952 г. переехал в Бельгию, где в 1955-1957 гг. написал воспоминания по просьбе П.П. Балакшина, которые частично вошли в его книгу «Финал в Китае».

56. Матковский Михаил Алексеевич (1903 – 1996) – инженер, один из основателей фашистского движения в Харбине. Родился в Санкт-Петербурге, в семье генерала. Учился в Александровском кадетском корпусе в Петрограде. В 1918 г. выехал с семьей в Екатеринбург, затем во Владивосток. Окончил 1-й Сибирский кадетский корпус во Владивостоке (1921), электромеханический факультет ХПИ (1928). Учился на экономическом отделении Юридического факультета в Харбине. В Харбин приехал из Владивостока (1921). С 1928 г. был сотрудником газеты «Гун-бао». Член РФП до 1935 г. Активный деятель БРЭМ, с 1936 г. начальник 3-го отдела, который называли «государство в государстве». По утверждению бывшего сотрудника Генконсульства СССР Харбине Г.Г. Пермякова, Матковский с 1935 г. являлся советским агентом под агентурной кличкой «Заря». В августе 1945 г. Матковский передал сохранившуюся часть обширного архива БРЭМ советским властям. 21 августа 1945 г. был арестован СМЕРШ, вывезен в СССР, приговорен к 25 годам ИТЛ. Участвовал как свидетель на процессе над японскими военными преступниками в Токио. За сотрудничество с КГБ (составление обзоров и справок о дальневосточной эмиграции) срок был сокращен до 12 лет. После освобождения жил в Хабаровске.

57. Меранвиль Сергей Николаевич (1866 – 1938, Меранвиль де-сент Клер) – из дворян, православный, статский советник. Окончил гимназию, учился в Технологическом институте, не окончил. Служил по Государственному контролю 3 года, по таможенному ведомству 14 лет, по ведомству путей сообщения 19 лет. В 1918 г. выехал вместе с НКПС в Москву. Работал начальником общеадминистративного отдела Управления железнодорожного транспорта. С 20 августа 1921 г. был перемещен на Октябрьскую железную дорогу. В виду «семейных обстоятельств» выехал в Харбин в апреле 1922 г. Женат, жена – Мария Ивановна, 5 детей. Был взят на КВЖД временным конторщиком главной бухгалтерии 15 марта 1924 г. с окладом 600 руб. в год. Переведен в службу общих дел с 1 апреля 1925 г. делопроизводителем билетного стола канцелярии Управления дороги (оклад 150 руб. в мес.). Получил паспорт СССР за № 20939 от 29 июля 1926 г., выданный Генконсульством СССР в Харбине. С 1 августа 1925 г. – пом. начальника билетной части (оклад 1800 руб. в год), с 1 января 1927 г. – делопроизводитель билетного отдела Канцелярии Управления (оклад 2400 руб. в год). Во время советско-китайского конфликта 11 июля 1929 г. был уволен от службы вследствие высылки местными властями за границу. В

Москве был освидетельствован 7 августа 1929 г. Московским бюро врачебной экспертизы, признавшего его «инвалидом 2 группы». 31 декабря 1929 г. восстановлен на службе, но на дорогу не вернулся, просил уволить его по болезни с 1 января 1930 г. Потом переехал в Ташкент, где в январе 1931 г. повторил медицинское освидетельствование. Поселился в Анновке – селе недалеко от г. Боброва Воронежской области. Был арестован в 1937 г. и расстрелян как «японский шпион».

58. Мещерский Андрей Степанович (1875 — 1932)— ветеринарный врач, дворянин, старожил Харбина. Православный, окончил Санкт-Петербургскую духовную семинарию и Юрьевский ветеринарный институт. С 1904 по 1906 г. — ветеринарный врач в Херсонском губернском земстве. С 1908 г. — врач на Читинской противочумной станции и в Благовещенске. Жена — Мария Васильевна, православная. Дети — Луиза (1902 г. р.), Лев (1904 г. р.). С 1909 г.— зав. противочумной станции в Харбине, в 1913 г уволен со службы по болезни. В 1915 – 1920 гг. — уполномоченный министерства земледелия и продовольствия по заготовке мяса для армии. В Харбине с 1921 г. С 1 мая 1921 г. был принят в коммерческую часть КВЖД агентом по изучению животноводства (оклад 3700 руб. в год). С 15 сентября 1922 г.— зав. ветеринарно-санитарным отделом КВЖД (оклад 5 тыс. руб. в год). Входил в ОИМК (товарищ председателя). В 1925 г. получил паспорт СССР № 9286 от 28 ноября 1925 г., выданный Генеральным консульством СССР в Харбине. Остался работать во время советско-китайского конфликта 1929 г. С 1 января 1931 г. был уволен за сокращением штата. Умер в 1932 г.

59. Минский Григорий Наумович (1884 – 1937) – юрист, присяжный поверенный. Родился в Томске. Окончил юридический факультет Томского университета (1909). Присяжный поверенный округа Иркутской судебной палаты до 1914 г. Эмигрировал в Китай. Жил в Харбине. Работал в юридическом отделе КВЖД. Принял советское гражданство (паспорт СССР выдан генконсульством в Харбине за №18734 от 1926 г.) Жена – Вера Самуиловна (1883 г. р.), сын Владимир (1913 г. р.). С 1 февраля 1930 г. – пом. главного Юрисконсульта управления КВЖД (3 тыс. руб. в год), с 1932 г. – врио пом. нач. Юридического отдела. После продажи дорогив 1935 г. стал доверенным лицом бывших служащих КВЖД, вел дела пенсионеров КВЖД. Член правления Общества граждан СССР, организованного в 1935 г. Был арестован в сентябре 1935 г. маньчжурскими властями. В 1936 г. вернулся в СССР, был членом московской коллегии защитников. Арестован в октябре 1937, расстрелян 10 декабря 1937 г.

60. Митаревский Андрей Андреевич (1877 – после 1944) — агроном, экономист. Родился в Санкт-Петербурге. Окончил гимназию в Ташкенте (1897), сельскохозяйствен-

ное отделение Киевского политехнического института императора Александра II (1903). В 1903 – 1908 гг. чиновник департамента земледелия, специалист по животноводству в Екатеринославской губернии. Во время русско-японской войны был откомандирован на заготовку мяса для армии в Оренбурге. В 1908 -1911 гг. - старший агент переселенческой организации в Акмолинской области. В 1911 – 1917 гг. – областной агроном в Акмолинске. Во время Первой мировой войны – уполномоченный по заготовкам мяса и рыбных продуктов в Западной Сибири. В 1917 г. переехал во Владивосток, где заведовал университетской типографией. В 1922 – 1923 гг. преподавал в женской гимназии в Никольск-Уссурийске. В 1923 – 1924 гг. – статистик при Губернском союзе кооперативов в Приморской губернии. В 1924 г переехал в Харбин к сестре, работал в Харбинском общественном управлении. Его брат Н. А. Митаревский был активным антибольшевиком, представителем Д.Л. Хорвата в Маньчжурии. С 1 января 1925 г. делопроизводитель по операциям обезличения бобов коммерческой части КВЖД (оклад 2400 руб. в год). В 1925 г. подал заявление на восстановление гражданства СССР, имел советский паспорт № 10990, выданный Генеральным консульством СССР в Харбине 30 января 1926 г. С 1 января 1928 г. оклад ему был повышен до 2700 руб. в год. В апреле 1928 г. был командирован в Хабаровск с А.Д. Воейковым на 1-ое краевое совещание по рисосеянию в Дальневосточном крае. В январе 1929 г. был командирован на 4, 5 мес. в СССР в распоряжение Наркома земледелия по вопросу распространения культуры соевых бобов. Во время советско-китайского конфликта 1929 г. уволился со службы виду «нервного состояния и невозможности производительно работать». Восстановлен на службе 31 декабря 1929 г. Получил казенную квартиру в марте 1931 г. площадью 88, 84 кв. м с центральным отоплением. 21 января 1934 г. уволен со службы за сокращением штата. Жена – Евгения Семеновна, православная (1890 г. р.). Сын Владимир (1909 г. р.), дочь Ирина (1912 г. р.). 22 января 1936 г. возбудил ходатайство о переходе в эмигрантское состояние. Сын и дочь переехали в Шанхай.

61. Морозов Всеволод Александрович (1891 – 1979) – юрист, журналист, общественный деятель. Родился в Омске, в семье юриста и общественного деятеля А.П. Морозова. Окончил гимназию, юридический факультет Санкт - Петербургского университета (1914). Имел звание кандидата на должность по судебному ведомству при Санкт-Петербургской судебной палате. После февральской революции примкнул к кадетам. Участвовал в Гражданской войне, был «каппелевцем» (штабс-капитан), участником Сибирского Ледяного похода. В Харбине с декабря 1920 г. Участвовал в «остроумовском» процессе в качестве помощника присяжного поверенного С.И. Егорова. Монархист, член

Монархического объединения, издатель. В Харбине работал секретарем товарищеского суда, секретарем комиссии по гражданским спорам, секретарем-казначеем Общества охотников и рыболовов, секретарем-казначеем Общества скотовладельцев, секретарем Общества по изучению Монголии. Руководил литературным кружком им. августейшего поэта К.Р. с 1938 г. С декабря 1935 г. работал в 6, потом 7 (юридическом) отделе БРЭМ. Постоянный сотрудник газеты «Голос эмигранта». С 1 мая 1940 г. преподавал русский язык в японской военной школе, подчиненной ЯВМ. В апреле 1945 г. с семьей переехал в Барим. После войны в 1945 г. подал заявление в консульство г. Маньчжурия о принятии советского гражданства. Работал на КЧЖД. Был избран председателем правления Общества советских граждан в Бариме. В 1948 г. переехал с семьей в Хайлар, в 1951 г. в г. Дальний (бывший Дайрен), где преподавал русский язык китайцам в Дальненском институт русского языка. В 1954 г. репатриировался в СССР. Жил в г. Ишимбай, с 1970 г. в г. Киселевск. Автор «Записок об эмиграции» (1963 – 1976).

62. Незнайко Исидор Яковлевич (1893 – 1968) – переводчик с японского языка. Родился в кубанской станице Ахтырской в казачьей семье. В 1899 г. с семьей прибыл в Маньчжурию. Отец - вахмистр Я. Ф. Незнайко служил в охранной страже. В 1906 г. Штабом Заамурского округа пограничной стражи был командирован в Японию (Токио) как стипендиат штаба округа для изучения японского языка, определен в Духовную семинарию при Российской духовной миссии в Токио. После окончания семинарии служил в штабе округа в качестве переводчика. Преподавал японский язык. Жена Мария Яковлевна (1896 г. р.), дети Виктор (1916 г. р.), Борис (1919 г. р.). В 1920 – 1935 г. служил переводчиком с японского языка в Управлении КВЖД. С 1 января 1925 г. переводчик канцелярии Коммерческой части КВЖД (оклад 2400 руб. в год). Получил паспорт СССР № 13187 от 19 марта 1926 г. С 1 января 1927 г. стал старшим переводчиком японского языка отдела переводов (оклад 3600 руб. в год). Во время службы на КВЖД сопровождал Управляющего и членов Правления при поездках на юг Маньчжурии и в Японии. Принимал участие в переговорах М.М. Славуцкого с японскими военными и гражданскими представителями. После продажи дороги остался в Харбине, заняв должность переводчика японского языка Городского управления. Перешел в эмигрантское состояние. В 1940 г. сыновей отправил в Шанхай, чтобы не попали под мобилизацию, проводимую японцами. В марте 1941 г. переехал в Циндао, затем в Шанхай. Издал в Шанхае 1942 г. учебник японского языка. В октябре 1942 г. вернулся в Харбин. Был принят на работу в Комитет по переселению русских эмигрантов в Тоогэнский район Манчжурии в марте 1944 г., но уже в августе был уволен «за грубое отношение к японцам», после чего снова вернулся к

частной переводческой практике. Работал секретарем по русскому сектору правления Союза водочных и винодельческих предприятий. В декабре 1945 г. был зачислен переводчиком Правления КЧЖД (оклад 750 руб. в мес.). Восстановлен в советском гражданстве в 1946 г. Репатриировался в СССР на целину в 1954 г., в 1956 г. переехал в Караганду.

63. Неопиханов Александр Александрович (1884 – ?) – экономист, «невозвращенец». Родился в старообрядческой семье в Рыбинске. Православный. Окончил гимназию в Рыбинске и Политехнический институт в Санкт-Петербурге. До 1917 г. служил в министерстве торговли и промышленности по учебному отделу в Ростове-на Дону, на Пермской и Омской железных дорогах. После 1917 г. работал в НКПС. С 1923 г. входил в президиум Госплана. Преподавал в Ленинградском политехническом институте. В Харбин прибыл в 1927 г. по приглашению Управляющего дорогой А.И. Емшанова. Был назначен и.д. начальника коммерческой части КВЖД с 10 мая 1927 г. (оклад 10 тыс. руб. в год). С 1 января 1928 г. оклад был повышен до 12 тыс. руб. в год. Преподавал на Юридическом факультете в Харбине. Жена Татьяна Васильевна, православная. Дети – Георгий и Владимир. Во время советско-китайского конфликта был уволен 11 июля 1929 г. «в порядке проведения паритета». Во время конфликта выехал в Корею. После конфликта был перемещен с 11 января 1930 г. на должность начальника коммерческого отдела Правления КВЖД. В апреле 1931 г. отказался от поездки в Москву, подал прошение об отпуске по болезни, затем об увольнении со службы. Выехал в Дайрен для работы в одном из коммерческих предприятий. По слухам, собирался переехать в Бразилию.

64. Нилус Евгений Хрисанфович (1880 – после 1945)– военный юрист, полковник. Родился в г. Старица Тверской губернии. Окончил Михайловское артиллерийское училище (1901), Александровскую военно-юридическую академию (1910). С 1914 г. – военный следователь Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи в Харбине. С 1918 г. – штаб-офицер для поручений при Верховном Уполномоченном Омского правительства на Дальнем Востоке генерале Д.Л. Хорвате. С 1921 по 1930 гг. работал на КВЖД (старший секретарь Правления). В 1923 г. – секретарь по изданию экономического обзора КВЖД к 25-летию. Был близок к сменовеховству, входил в устряловский кружок. В 1925 г. подал заявление о восстановлении советского гражданства. Преподавал на курсах китайского языка и на Юридическом факультете. Во время советско-китайского конфликта остался работать и в 1930 г. был уволен со службы «за минованием надобности». Занимался частной юридической практикой (консультант по юридическим и железнодо-

рожным вопросам). В 1930-е гг. входил в Русское Демократическое объединение. С 1936 г. в Тяньцзине, затем в Шанхае. Последние годы провел в Бразилии.

65. Нюхтилин Павел Тимофеевич (1895 – после 1937) – из крестьян. Родился в д. Чуевка Амурской области, в семье сектантов. Получил домашнее образование. Служил в Заамурской железнодорожной бригаде, после расформирования которой поступил в распоряжение коменданта г. Харбина. С 1 сентября 1917 г. – конторщик военного отдела Правления КВЖД (оклад 72 руб. в мес.), с 1 сентября 1919 г. оклад 1800 руб. в год. С 1 апреля 1920 г. – конторщик 2 отдела Канцелярии правления,. Жена – Мария Николаевна, дети – Лидия (1920 г .р.), Ольга (1921 г. р.), Татьяна (1927 г. р.), Николай (1929 г. р.). В августе 1923 г. просил оформить загранпаспорта для отъезда в Америку для себя с женой и детьми, а также для отца с женой и детьми и двух братьев с семьями. На его иждивении числилось 10 человек: жена, 4 детей, отец, мать и сестры. В 1925 г. принял советское гражданство. С 1 января 1926 г.– делопроизводитель канцелярии Правления (оклад 2400 руб. в год). В конфликт был уволен 22 июля 1929 г. по болезни, потом восстановлен с уплатой содержания по 31 декабря 1929 г. С 1 января 1930 г. секретарь канцелярии Правления (оклад 3 тыс. руб. в год). С 20 ноября 1930 г. – старший делопроизводитель (3600 руб. в год). С 1 августа 1931 г. уволен от службы по болезни согласно прошению. Выехал в СССР. Жил в Барнауле, получал пенсию 659 руб. в год. В 1936 г. был арестован, осужден на 3 года лишения свободы. Жена была арестована в 1938 г. (10 лет ИТЛ).

66. Островский Петр Леонардович (1884 –1943)– подполковник. Родился во Владикавказе. Дворянин. Окончил Тифлисское Михайловское военное училище (1910), курсы академии генштаба (1917 – 1918). Участник Первой мировой войны. В Гражданскую войну воевал на Восточном фронте, был начальником штаба Азиатской дивизии барона Унгерна. С 1921 г. в Маньчжурии (прибыл из Семиречья). Устроился на службу на КВЖД в 1921 г. вначале конторщиком, затем временным весовщиком ст. Маньчжурия (1922), билетным и багажным кассиром ст. Аньда (1923). В 1925 г. подал ходатайство на восстановление советского гражданства. Получил паспорт СССР №26600, выданный генеральным консульством СССР в Харбине 30 июля 1928 г. С 1 ноября 1925 г. – начальник ст. Чанчунь (оклад 1500 руб. в год). С 1 ноября 1928 г. – начальник ст. Куаньченцзы (оклад 3 тыс. руб.). Уволен во время конфликта 18 июля 1929 г. по распоряжению управляющего дорогой. После конфликта восстановлен в должности, затем с 1 декабря 1930 г. назначен и.о. начальника 6 участка ст. Пограничной (оклад 3600 руб. в год). Уволен от службы 6 марта 1933 г. по болезни. Пенсия ему не была назначена. Позже он утверждал, что администрация дороги «заставила его уволиться до того, как исполнилось 10 лет его

штатной службы». Был женат гражданским браком на Ирине Мартыновне Коносевич (акт от 25 октября 1925 г.), имел дочь Татьяну. После увольнения купил автомашину, на доходы от которой (50 гоби в мес.) жил. В 1936 г. возбудил ходатайство о выходе из советского гражданства и переходе в эмигрантское состояние. В прошении на имя начальника БРЭМ от 18 октября 1936 г. указал: «В 1925 г. был вынужден взять советское подданство, чтобы удержаться на КВЖД. … Не возбудил ходатайство о выходе из советского подданства раньше, т.к. боялся потерять денежные выплаты на дороге». Умер 22 ноября 1943 г. в Харбине.

67. Ошанин Александр Михайлович (1886 – 1931) – офицер. Родился в Ярославской губернии. Дворянин, православный. Окончил Ярославский кадетский корпус (1904), Николаевское кавалерийское училище (1906). Офицер с 1906 по 1912 гг. С 1912 по 1914 гг. занимал должности делопроизводителя в редакторском отделе и должность помощника пристава Государственной Думы. Прослушал вольнослушателем курс наук Юридического факультета Петроградского университета. Участник Первой мировой войны. В Гражданскую войну воевал на Восточном фронте. Женился 8 января 1917 г., жена Ольга Николаевна. С 1921 г. в Харбине. В 1921 – 1922 гг. секретарь директора института японо-русского общества. В мае 1923 г. был принят на КВЖД в Юридический отдел помощником делопроизводителя (оклад 1500 руб. в год). В 1925 г. подал ходатайство о восстановлении советского гражданства. Получил паспорт СССР № 15846 от 17 мая 1926 г., выданный генеральным консульством СССР в Харбине. 10 января 1927 г. по распоряжению Управляющего КВЖД был командирован в распоряжение Правителя дел «для занятий в личном отделении Канцелярии». С 1 апреля 1927 г. назначен начальником личного отделения канцелярии Управления дороги (оклад 2700 руб. в год), с 23 июня 1927 г. – зав. личным столом. С началом советско-китайского конфликта 11 июля 1929 г. был уволен от службы вследствие «высылки местными властями заграницу». 1 января 1930 г. уволен от службы на дороге по болезни. Жил в Москве, переехал в Хабаровск. Работал управляющим конного завода близ г. Никольск-Уссурийска. В декабре 1930 г. в сопровождении контрабандистов вместе с супругой перешел границу у ст. Пограничной. Жил на ст. Шитоухэцзы, потом в г. Чанчуне, там заболел воспалением легких. Принял латвийское гражданство. Сделал заявление для прессы в 1931 г.: «Я жестоко расплачиваюсь за свои ошибки…. Никогда коммунистом не был, а как был, так и остался монархистом. Я пошел к коммунистам с определенной целью, чтобы более радикальным путем действовать против них». Умер 1 мая 1931 г.

68. Парилов Александр Николаевич (1894 – 1938) – родился в Иркутске. В 1914 – 1918 гг. на военной службе. Служил на Забайкальской железной дороге пом. машиниста. С 1922 г. – во Владивостоке, работал в Дальлесторге. Член ВКП(б). Окончил промышленно-техническое училище в Иркутске (1925). В апреле прибыл в Маньчжурию из Владивостока по удостоверению Приморского губисполкома от 7 апреля 1925 г. № 352. Был принят на КВЖД в июле 1925 г. временным конторщиком Главных мастерских в Харбине (оклад 60 руб. в мес.). С сентября 1925 г. был перемещен в канцелярию Управления дороги временным конторщиком. С 1 января по 31 декабря 1926 г. был командирован на вокзал ст. Харбин «для наблюдения и проверки за правильностью доставки и отправки служебной почты КВЖД». С 1 сентября 1926 г. являлся агентом Управления КВЖД, уполномоченным по выборке виз и паспортов в Генеральное консульство СССР в Харбине для служащих Управления дороги. С 1 января 1927 г. – временный старший агент-инспектор по паспортным обязанностям (оклад 150 руб. в мес.). 27 мая 1929 г. был арестован при обыске китайской полицией в советском консульстве. Эмигрантские газеты утверждали, что Парилов был одним из руководителей Приморского ОГПУ. Провел в тюрьме более 7 мес., освобожден в январе 1930 г. Ему был предоставлен отпуск на лечение (заболел туберкулезом). После 4-х месячного отпуска не вернулся. Жена умерла в 1928 г. от туберкулеза, остались дети Борис и Ольга. Работал в Москве руководителем группы снабжения «Мособход». Арестован в 1938 г., обвинен в шпионаже в пользу Японии. Расстрелян 14 апреля 1938 г.

69. Першин Филипп Яковлевич – (1883 – 1958) - партийный и общественный деятель. Из рабочей семьи. Член ВКП(б) с 1905 г. В 1920-х гг. был председателем горисполкома Уфы. Член ВЦИК. Направлен для работы в НКПС. Назначен Правительством СССР членом Ревизионного комитета КВЖД с 1 февраля 1930 г. (оклад 10 тыс. руб. в год). Занимал особняк площадью 220, 58 кв. м с отапливаемым гаражом площадью 40, 88 кв. м. Ему был выделен открытый автомобиль «Паккард», которым управлял шофер С.Г. Хмелев, живший с семьей во флигеле при доме Першина. Был секретарем парткома Управления КВЖД. Жена – Пелагея Тимофеевна, сын Борис (1911 г.р.), дочь Вера. Отозван с поста члена Ревизионного комитета 1 октября 1933 г. Ему было выдано пособие по случаю оставления службы в размере 1166 руб. (2 оклада). Просил выписать наряд на бесплатный провоз 50 пудов багажа (820 кг) и 310 кг домашних вещей от Харбина до Маньчжурии. По сведениям А.М. Славуцкой, вывез из Маньчжурии стройматериалы, на которые построил дачу под Москвой. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

70. Погребецкий Александр Ильич (1891 – 1952) – экономист. Родился в Томске в еврейской семье, затем переехал в Иркутск. Систематического образования не получил. Был связан с кооперативным движением. После революции служил управляющим финансовым ведомством временного правительства Дальнего Востока – Приморской земской управы, работал в Чите в правлении банка. В 1921 г. переехал в Харбин. Работал в Дальбанке. Известный коллекционер, автор ряда работ по денежному обращению и по экономике Японии и Китая. Принял советское гражданство. Работал с 1930 г. зав. счетно-финансовым отделом Правления КВЖД. С 1932 г. начальник Коммерческого отдела Правления КВЖД (оклад 560 руб. в мес.). После продажи КВЖД получил значительные денежные выплаты (7829,10 зол. руб.). Решил не возвращаться в СССР. Переехал в Тяньцзинь, работал в банке, участвовал в издании газеты «День». Принял португальское гражданство. В 1942 г. переехал с семьей в Шанхай. В 1948 г. выехал через Францию в Израиль. Умер в Тель-Авиве от рака печени.

71. Пумпянский Николай Петрович (1881 – 1932) – общественный деятель, сын народника П.С. Полыванова. Родился в ссылке в Вологодской губернии. Окончил гимназию и Санкт-Петербургский университет. Православный. Работал в кооперации, служил в банке Лидер забайкальских эсеров. Член Учредительного собрания. С 1920 г. уполномоченный Временного правительства Приморской областной земской управы в Харбине. Управляющий местного отделения Центросоюза. Принял советское гражданство. С 1 декабря1927 г. и.д. пом. нач. канцелярии Правления общества КВЖД (оклад 7500 руб. в год). 16 августа 1928 г. выделен особняк площадью 142, 17 кв. м. С 1929 г. - и.д. нач. канцелярии Правления. Жена – Елена Николаевна Мерхалева (второй брак), дочь Анастасия (1917 г.р.). С началом советско-китайского конфликта 11 июля 1929 г. ему было временно поручено и.о. начальника канцелярии, но 14 августа 1929 г. был уволен от службы по собственному желанию («в виду семейных обстоятельств, личных мотивов и расстроенного здоровья»). 31 декабря 1929 г. был восстановлен в должности. С 1 сентября 1930 г. перемещен на должность пом. зав. Ляонинского отделения Правления КВЖД. Был болен туберкулезом позвоночника, отправлен на лечение в Пекин, где и скончался 12 июля 1932 г.

72. Рамбах Исай Нахимович (1886 – после 1926) – партийный и общественный деятель. Родился в г. Ковно, еврей. Анархист (1905), представитель торговых фирм в Петрограде (1914) и Харбине (1915-1917), член харбинской организации большевиков с февраля 1920 г., зав. агитотделом и ответственный секретарь харбинского губкома РКП(б), сотрудник и редактор (с января 1923 г.) газеты «Трибуна», корреспондент

агентства РОСТА в Харбине (1923 – 1925). Жена – Лея Иосифовна, преподаватель иностранных языков. Сын – Наум (1921 г.р.), потом стал поэтом (псевдоним Гребнев). Агент для поручений при Управляющем КВЖД в 1924 – 1926 гг. Был обвинителем на судебном процессе над арестованными бывшими высшими агентами КВЖД Б.В. Остроумовым, Н.М. Гондатти, И.А. Михайловым, М.И. Степуниным, обвиненными в злоупотреблениях по службе. Умер от диабета.

73. Решетов Борис Александрович (1899 – 1989) – шофер. Окончил Тверскую гимназию и 2 курса Владивостокского университета. Гардемарин Отдельных гардемаринских классов (1918). В белых войсках Восточного фронта. Отчислен из Морского училища во Владивостоке в 1919 г., прикомандирован к Морской роте Сибирской флотилии. В Харбине с 1921 г. В марте 1922 г. был принят на должность слесаря гаража Управления КВЖД. Женился в 1925 г., жена Зинаида Александровна Диаковская (1896 г.р.). В 1925 г. стал шофером гаража правления КВЖД. Подал ходатайство о принятии китайского гражданства. Состоял в профессиональном союзе китайских служащих, мастеровых и рабочих КВЖД. 11 февраля 1926 г. был уволен от службы на дороге по приказу № 37: «Во время конфликта на дороге в январе обнаружил крайнюю недисциплинированность, … призывал других агентов не считаться с распоряжениями Управления». Через полгода после увольнения 19 августа 1926 г. попытался вновь устроиться на КВЖД. Подал еще одно прошение от 11 января 1927 г. Был принят шофером гаража с 25 января 1927 г. (оклад 1200 руб. в год). Получил китайское гражданство (свидетельство № 12095, выданное министерством внутренних дел в октябре 1927 г.). Во время советско-китайского конфликта 5 сентября 1929 г. просил о повышении оклада, оклад повысили до 1500 руб. в год с 1 сентября 1929 г. С 1 января 1930 г.– оклад сократили до 1200 руб. в год. Уволен со службы 1 июня 1931 г. за сокращением штата. Жил в Харбине. После Второй мировой войны переехал в США, жил в Калифорнии.

74. Рябовский Петр Кузьмич (Рябых-Рябовский ,1886 – после 1955) – артист оперетты, баритон. Родился в Воронежской губернии. Работал в Саратовском театре оперетты. Летом 1927 г. прибыл в Харбин по загранпаспорту, выданному во Владивостоке в 1927 г. По сообщению генерального консульства СССР в Харбине в 1931 г. паспорт СССР был утерян. В 1932 г. подал заявление в полицейское управление Харбина на переход в эмигрантское состояние. Стал эмигрантом. Работал в Харбине в частных театрах. В 1933 – 1935 г. работал в Желсобе. Участвовал 7 ноября 1934 г. в праздничном концерте, посвященном 17-й годовщине революции, после чего его вызвали в Департамент полиции Маньчжоу-Го и отобрали эмигрантский паспорт. Возбудил ходатайство о восстановле-

нии советского гражданства. В 1935 г. выехал в СССР, был арестован, осужден к 3 годам ИТЛ. В 1935 г. прибыл этапом на Котласский пересыльный пункт, затем направлен в Ухтпечлаг. Солист лагерного театра (на 1937 год). После освобождения жил в Грозном. Арестован в 1940 г., осужден к 20 годам ИТЛ и 5 годам поражения в правах. Солист лагерного театра Озерлага (ст. Тайшет). После освобождения уехал в Волгоград, работал в театре оперетты.

75. Рязановский Валентин Александрович (1884 – 1968) – профессор, юрист. Окончил Юридический факультет Московского университета. В 1918 г. преподавал в Томском университете, в 1920 г. в Иркутском и Дальневосточном университетах. С 1921 г. жил в Харбине. Директор 1-й железнодорожной гимназии. Жена – А.Ф. Рязановская (Подгорина) – работала учителем в 1 гимназии им. Хорвата (до 1925 г.). С 1923 г. работал на КВЖД и.д. начальника канцелярии Правления КВЖД. После 1924 г. получил советский паспорт. Преподавал на Юридическом факультете, декан Юридического факультета (1925-1929). С 1 декабря 1927 г. назначен и.д. начальника юридического отдела Правления КВЖД (оклад 8400 руб. в год). Во время советско-китайского конфликта остался работать. Работал до продажи дороги в марте 1935 г. Получил значительные денежные выплаты – 28114,54 руб. (46388,99 гоби). В 1935 г. переехал в Тяньцзинь, в 1938 г. – в США. Профессор ряда университетов. Сыновья – Николай и Александр – стали историками.

76. Савицкий Артемий Васильевич (псевд. Артемий Лишин, 1885–1946) – литератор и журналист. Родился в г. Кременец в семье инженера. Окончил Николаевскую гимназию в Царском селе (1903), Юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Участник Первой мировой и Гражданской войн. В Харбине с 1920 г. На КВЖД с 1 августа 1921 г., работал в пенсионном отделе КВЖД начальником части по вознаграждению пострадавшим (оклад 3 тыс. руб. в год). В 1925 г. взял советское гражданство. Во время советско-китайского конфликта 1929 г. остался работать в качестве начальника пенсионного отдела (вместо уволенного А.А. Соколова). В 1930 г. был уволен с КВЖД, занимался литературной деятельностью. Заведовал редакцией газеты «Гун-бао», печатался в харбинских изданиях. Перешел в эмигрантское состояние. Писал исторические романы и очерки. После 1945 г. стал научным сотрудником библиотеки КВЖД, затем был назначен главным редактором газеты «Русское слово». Подал заявление о восстановлении советского гражданства. Умер 9 января 1946 г. от сердечного приступа.

77. Сапелкин Вениамин Васильевич (1890 – 1957) - журналист, издатель, общественный деятель. Из семьи нижегородского купца. В Маньчжурии с 1905 г. В 1919 -1926

гг. городской голова г. Маньчжурия. Издатель газеты «Живое слово» (Маньчжурия). В 1926 г. принял советское гражданство. Принят на КВЖД временным агентом в коммерческое агентство в Харбине 17 февраля 1927 г. (оклад 200 руб. в мес.). Во время советско-китайского конфликта 15 августа 1929 г. был взят в коммерческую часть в штат. Уволившись, занимался общественной и коммерческой деятельностью, печатал в собственной типографии просоветскую газету «Новости Востока» (1930 – 1935), издавал журнал «Финансы, торговля и промышленность» на субсидию от Торгпредства (1932 – 1935). 3 ноября 1935 г. арестован японскими властями в Харбине и депортирован из Маньчжоу-Го. Жил в Тяньцзине. Издатель просоветской газеты «День». Перешел в эмигрантское состояние. Начальник Бюро эмигрантов Тяньцзиня. В 1953 г. эмигрировал в Бразилию. Умер в Сан-Пауло. Его дочь Галина (1918 г. р.) стала женой Бориса Яковлевича Скидельского, а ее сын, внук В.В. Сапелкина – Роберт Джейкоб Александр Скидельски (род. в Харбине в 1939 г.) стал известным британским экономистом, профессором, членом палаты лордов.

78. Серый-Сирык Петр Юльянович (1887 – ?) – офицер, японовед, журналист. Родился в с. Сутиско Подольской губернии. Православный. Окончил Немировскую гимназию (1908), Петроградское военное училище. Служил в 7 сибирской артиллерийской бригаде, во время Первой мировой войны командовал 12-й Кавказской позиционной батареей. Окончил японо-китайское отделение Восточного института во Владивостоке (1919). Работал на Уссурийской железной дороге (нештатным служащим), был сотрудником газет «Эхо», «Дальневосточное обозрение», «Вечерняя газета», редактором русского отдела журнала «Голос Японии» с 1918 по 1921гг. Переехал в Маньчжурию в 1922 г. Переводчик на ЮМЖД в Харбине в 1922 г., зав. прямыми перевозками ЮМЖД в Дайрене в 1922-1923 гг. Агент, затем зав. Шанхайским агентством Уссурийской железной дороги в 1923-1924 гг. В 1923 г. подал заявление на восстановление советского гражданства, получил советский паспорт. Начальник экономико-статистического отделения Харбинского коммерческого агентства Уссурийской железной дороги с 28 августа по 31 октября 1924 г. Жена – Наталья Александровна (1895 г. р., православная), дочь Юлия (1916 г. р.), сын Иннокентий (1919 г. р.). С 1 ноября 1924 г. – временный агент Коммерческой части КВЖД с командировкой в г. Кобэ (250 руб. в мес. и суточное довольствие). С 1 декабря 1924 г. оклад повышен до 300 руб. в мес. 21 октября 1925 г. перемещен на должность штатного пом. коммерческого агента в Мукдене с командированием в Тяньцзин и.о. должности коммерческого агента (оклад 3 тыс. руб. в год). С 1 декабря 1926 г. командирован в Кобе для организации транспортных операций (оклад 4200 руб. в год). 25 сентября 1927 г. назначен и.д. зав. коммерческим агентством на ст. Фуляэрди (2400 руб. в год). С 1

мая 1928 г. - переводчик английского языка отдела дополнительных предприятий КВЖД с тем же окладом. Во время советско-китайского конфликта уволен 13 июля 1929 г., потом восстановлен 31 декабря 1929 г. С 1 апреля 1930 г. – корреспондент коммерческого агентства в Шанхае (2700 руб. в год). С 1 октября 1930 г. переводчик английского языка части дополнительных предприятий (2400 руб. в год). 28 октября 1931 г. уволен со службы по болезни

79. Сидорин Петр Михайлович (1896–1937) – офицер. Родился в Казани, сын купца 1 гильдии. Православный. Окончил Казанскую гимназию, Константиновское артиллерийское училище (1915). Участник Первой мировой войны, демобилизовался в 1918 г. С 1922 г. – в Харбине. С мая по октябрь 1923 г. работал в оценочно-налоговом бюро Харбинского общественного управления. С октября 1923 по январь1924 г. – временный агент Экономического бюро КВЖД (оклад 900 руб. в год). В январе 1924 г. переведен в коммерческую часть. Женился в 1925 г. на Марии Силовне (казачке) церковным браком, сын Михаил (1928 г.р.). В 1925 г. подал заявление о восстановлении советского гражданства, получил паспорт СССР № 24991 от 28 декабря 1927 г., выданный Генконсульством СССР в Харбине. С 1 мая 1925 г. – штатный счетовод Таможенного агентства ст. Куаньченцзы (оклад 2400 руб. в год). С 1 января 1927 г. оклад повышен до 3 тыс. руб. С 15 декабря 1927 г. – и.о. зав. коммерческим агентством в Дайрене (оклад 5400 руб. в год). Во время советско-китайского конфликта 4 ноября 1929 г. был уволен за неисполнение служебных обязанностей, 31 декабря 1929 г. восстановлен в прежней должности. С 1 марта 1933 г. – и.д. зав. коммерческим агентством в Харбине (2940 руб. в год). С 1 сентября 1934 г. – зав. коммерческим агентством в Шанхае (оклад 3360 в год). Уволен 23 марта 1935 г. Должен был получить от дороги 16 813, 19 руб (27 559, 76 гоби). Выехал в СССР. Жил в Москве. С 15 ноября 1936 г. находился в резерве РККА. Арестован 15 сентября 1937 г. по обвинению в передаче японцам секретных сведений, приговорен к расстрелу 15 ноября 1937 г.

80. Скворцов Борис Васильевич (1896 – 1980) – ботаник. Родился в Варшаве в семье юриста. Дворянин. Православный. В Маньчжурию приехал с семьей в 1907 г. из Саратова. Окончил гимназию Андерса в Харбине (1914), физико-математическое отделение Санкт-Петербургского университета (1917). С 1919 г. преподавал естественные науки в Харбинском коммерческом училище (оклад 2700 руб. в год). Изучал маньчжурскую флору, сотрудничал с ОИМК (секретарь секции естествознания). В 1926 г. подал заявление о приеме в сов подданство, паспорт получил в ноябре 1928 г. Входил в профсоюз учителей до 1930 г. Жена – Зинаида Петоровна (1898), дочери Татьяна, Ольга, сын Алек-

сандр. Во время советско-китайского конфликта остался работать. Купил в 1930 г. дом в Корпусном городке в Харбине. После конфликта был уволен из училища, до 1935 г. преподавал во 2-й железнодорожной школе. После продажи дороги получил в 1935 г. денежные выплаты 12 623 руб. (20 613 гоби). В октябре 1935 г. подал заявление в БРЭМ о перечислении из совподданства в эмигрантское состояние № 4638. В числе причин выхода из советского гражданства указал: «1) оставил службу на КВЖД, 2) решил остаться в Харбине, 3) не сочувствую сов власти». Был перечислен в эмигрантское состояние 4 апреля 1937 г. Остался в Харбине, преподавал в русских школах. С 1950 г. научный сотрудник Института лесного хозяйства Академии наук Китая, в 1958 г. получил звание ординарного профессора Лесной академии в Харбине. Опубликовал 372 работы с 1917по 1970 гг. В 1962 г. переехал с женой в Бразилию к дочерям через Гонконг. Работал в Бразилии в Ботаническом институте в Сан-Пауло. Сын Александр (1932 г.р.) в 1950 г. был арестован и вывезен в СССР. Осужден на 5 лет ИТЛ как социально-опасный элемент. Жил потом в Хабаровске.

81. Скерст Арнольд Германович (Арнольд Оскар Германн Грегори фон Скерст , 1888 – 1948) –дворянин Лифляндской губернии, лютеранин. Окончил императорский Александровский лицей (1912). В 1912-1917 гг. работал в министерстве финансов, затем пом. финансового агента в США. Работал чиновником кредитной канцелярии министерства финансов в Омском правительстве адмирала Колчака. В 1920-1922 г. работал в английском дальневосточном страховом обществе. В 1917 г. женился на Анне Ивановне (урожд. Кайзер), православной. С 1921 г. в Харбине. Работал на КВЖД с 20 марта 1922 г. врио тарифоведа, с 1 января 1924 г. – коммерческий агент Коммерческой части (оклад 3600 руб. в год). Был переводчиком первого советского управляющего КВЖД А.Н. Иванова. Подал заявление о восстановлении советского гражданства, получил паспорт №24711 от 25 ноября 1927 г., выданный Генеральным консульством СССР в Харбине. С 1 января 1927 г. – ст. переводчик европейских языков службы переводов. После смерти первой жены в1928 г. женился вторым браком на Ольге Петровне Горловой. Брак был зарегистрирован отделом ЗАГС консульства СССР в Харбине №42 от 10 марта 1928 г. С 29 апреля 1928 г. командирован в Европу по делам службы (советско-китайская миссия) через Москву. Получил загранпаспорт № 134050 от 5 июля 1928 г., выданный НКВД в Москве. Остался работать во время советско-китайского конфликта 1929 г. Занимал квартиру 72, 9 кв. м. Жена умерла в 1930 г. После смерти жены 1 июня 1930 г. уволился от службы по болезни. Летом 1930 г. уехал в Германию, принял католичество. В 1931 г. переехал в Австралию, в 1933 г. стал нацистом (членом австралийской нацистской партии).

Выпускал журнал на немецком языке, был корреспондентом в Австралии немецких газет. В 1933 г. он женился в третий раз на Флоренс Хейнс, православной. С 1937 г. стал секретарем германско - австралийской торговой палаты. С началом Второй мировой войны был интернирован, содержался в лагере Татура в Виктории. После нападения Германии на СССР отказался от немецкого гражданства, сотрудничал с военной разведкой и в 1945 г. подал прошение в советское консульство в Канберре о восстановлении его советского паспорта. В марте 1946 г. его освободили. Ему было отказано в натурализации. В 1947 г. он работал мойщиком посуды в одном из отелей. Покончил жизнь самоубийством в 1948 г. (отравился газом).

82. Соколов Петр Леонтьевич (1876 – после 1935) – юрист, присяжный поверенный. Родился в Рязанской губернии. Окончил Юридический факультет Томского университета. Состоял юрисконсультом Управления Омской железной дороги (1913 – 1919). Женился церковным браком в 1904 г. Жена – Евфалия Антоновна (урожденная Тризно), сын Владимир (1905 г.р.). Прибыл в Харбин в 1919 г. без семьи. В документах его личного дела есть акт от 21 августа 1922 г. о том, что в состав семьи П.Л. Соколова «входит его гражданская жена Александра Георгиевна Брагина, урожденная Кутырева». С официальной женой Е.А. Соколовой он развелся в июле 1926 г. через отдел ЗАГС при Генконсульстве СССР в Харбине, причем в выписке о разводе указано, что место жительства Е.А. Соколовой неизвестно. Работал на КВЖД с 1 сентября 1919 г. помощником юрисконсульта Правления (оклад 3600 руб. в год), с 16 октября 1923 г. – юрисконсульт правления (оклад 6 тыс. руб.). С 1 января 1926 г. – юрисконсульт по штату агентов при тов. председателя правления КВЖД (оклад 7200 руб.). 31 октября 1924 г. он просил о выделении ему казенной квартиры из «освобождающихся в ближайшее время квартирах служащих, уволенных с КВЖД с приходом советской администрации». Ему был выделен особняк площадью 33, 97 кв. саж. (147 кв. м), освобожденный членом Ревизионного комитета П.И. Кузнецовым. 9 апреля 1929 г. написал прошение с просьбой уволить его от службы по болезни. 1 мая 1929 г. был уволен. Получил большие заштатные деньги от КВЖД, на которые купил себе дачу в Дайрене. Работал юрисконсультом. В дальнейшем, по сведениям В.А. Морозова, «спустил деньги на женщин, продал дачу, опустился, в конце концов, принял яд на кладбище».

83. Стрижевский Константин Лукич (1876 – после 1935) – железнодорожник. Родился в г. Чигирин Киевской губернии, поляк. Католик. Получил домашнее образование. Служил на Владикавказской и Уссурийской железной дороге по службе движения. Был начальником ст. Первая речка Уссурийской железной дороги, в1922 г. обвинялся в

участии в монархической организации. В 1923 г. был освобожден под подписку о невыезде. В Харбин прибыл в 1924 г., устроился на КВЖД поденным сторожем. С 16 декабря 1924 г. – штатным конторщиком на ст. Сунгари. Подал ходатайство о принятии советского гражданства. Получил паспорт СССР № 18834, выданный 24 июня 1926 г. Генеральным консульством СССР в Харбине. С 1 января 1927 г. – весовщик коммерческого агентства ст. Бодунэ, с 1 апреля 1928 г – весовщик на ст. Сунгари (оклад 900 руб. в год). Во время советско-китайского конфликта 9 августа 1929 г. был уволен со службы. 13 августа его выслали в административном порядке со ст. Сунгари в Харбин. 14 августа была выселена из казенной квартиры его семья – жена и сын 14 лет. Старший сын Аркадий (22 года), который работал конторщиком в коммерческом агентстве ст. Саньчахэ КВЖД, был арестован и выслан за пределы Трех Восточных провинций, проживал в Чите, на дорогу не вернулся. После конфликта К.Л. Стрижевский был восстановлен в должности, квартиру ему вернули. Работал счетоводом коммерческого агентства Фудзядяня с 1 декабря 1930 г. (оклад 1500 руб. в год). В 1935 г. ему насчитали денежных выплат на 6 359, 74 руб. (10 193 гоби). Выехал с семьей в СССР. Жил в Саратове. 4 июля 1935 г. просил Дальбанк в Харбине переводить деньги по обязательству на Торгсин в г. Саратов.

84. Сукин Александр Тимофеевич (1887–1938) – генерал-майор. Родился в ст. Буранной Оренбургского казачьего войска, в семье офицера. Дворянин. Окончил 2-й Оренбургский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1906). В Первую мировую войну в 17-м Оренбургском казачьем полку. Во время Гражданской войны – на Восточном фронте. В 1918 – 1920 гг. командир11-го Оренбургского казачьего полка. Участник Сибирского ледяного похода. В эмиграции в Маньчжурии. Жена Лидия Павловна, сын Вадим (1913 г. р.). В 1925 г. подал заявление о восстановлении советского гражданства. Получил паспорт СССР № 3802 от 10 июня 1925 г., выданный генконсульством СССР в Харбине. 8 октября 1925 года был принят временным агентом по перевозкам службы эксплуатации (оклад 2400 руб. в год). С 1 января 1926 г. стал зав. делопроизводством по перевозкам с увеличением оклада до 2700 руб. в год. Работал на советскую военную разведку (под именами «Искандер», «А.И.», №1701). По сведениям М. Алексеева, к работе на советскую разведку он был привлечен своим братом генералом-лейтенантом Н.Т. Сукиным, в 1925 г. уехавшим из Харбина в Москву и работавшим в РККА. Остался работать во время советско-китайского конфликта 1929 г. Уволен по болезни 18 мая 1933 г. Затем жил в Ташкенте. Военный руководитель Среднеазиатской Высшей командной школы. Арестован в 1937 г. по обвинению в шпионаже. Расстрелян в 1938 г.

85. Сунгуров Александр Иванович (1883 – после 1935) – врач. Родился в Самарской губернии. Окончил медицинский факультет Юрьевского университета (1911). С 1915 г. в Маньчжурии, работал в госпитале Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи. С 1920 г. – школьный санитарный врач. С1921 г. - на КВЖД. С 1922 г. врач 4 участка ст. Бухэду. В 1922 г. женился на Лидии Мартыновне, сыновья Анатолий и Владимир. В 1925 г. подал заявление о восстановлении советского гражданства. Имел паспорт СССР № 20141, выданный 13 апреля 1929 г. генконсульством СССР в Харбине. С 29 ноября 1928 г. – врач ст. Аньда (7 участок). Остался работать в конфликт. 4 октября 1929 г. оформил развод с женой. В свидетельстве № 2615, выданном Харбинским епархиальным советом было указано: «Первый брак с Л.М. Сунгуровой, урожденной Ганзер, по первому браку Эглау, … расторгнут в виду нарушения Л.М. Сунгуровой святости брака прелюбодеянием, с предоставлением А.И. Сунгурову права вступить во второй брак. Протоиерей М. Филологов». С 10 ноября 1929 г. – в гражданском браке с Надеждой Александровной Кадушкиной, т.к. консульство СССР отказалось регистрировать брак с эмигранткой. От второго брака были дети Владимир (1920 г. р.) и Наталья (1924 г. р.). С 1 января 1932 г. был назначен зав. санаторием ст. Фуляэрди. Уволен за штат 24 марта 1935 г. Должен был получить денежные выплаты в размере 11 963,34 руб. (19 599, 22 гоби). Остался в Харбине.

86. Сычев Павел Иванович (1879 – после 1935) – офицер, подполковник 1-го Заамурского пограничного пехотного полка с 1904 по 1907 гг. Окончил Казанское пехотное юнкерское училище 1-го разряда. Участник Первой мировой войны. В 1916 г. попал в плен в Австро-Венгрии, с 1918 г. вернулся в Россию. Выехал в Маньчжурию. Был принят на КВЖД с 16 января 1921 г. конторщиком 23 участка внутренней охраны (оклад 900 руб. в год). С 1 июня 1921г. стал счетоводом главного железнодорожного полицейского управления. Ввиду реорганизации охраны был уволен от службы 28 февраля 1925 г. по сокращению штатов. Подал ходатайство о восстановлении советского гражданства, получил квитанцию Генерального консульства СССР в Харбине № 19114 от 29 июля 1925 г. С 1 августа 1925 г. был принят временным конторщиком Главных механических мастерских в Харбине (оклад 720 руб. в год). С 6 июня 1926 г. – временный конторщик отдела статистики (60 руб. в мес.). С 1 ноября 1926 г. – временный служащий службы Контроля (оклад 1200 руб. в год), с 1 января 1928 г. – счетовод (оклад 1500 руб.). Остался работать во время советско-китайского конфликта 1929 г. В мае 1931 г. ему была предоставлена казенная квартира площадью 70, 78 кв. м. Разведен, от 1-го брака было 4 детей. Женился

в 1932 г. на Марии Ивановне Гераскиной. Работал на КВЖД до 1935 г. Остался в Харбине. Перешел в эмигрантское состояние.

87. Таскин Всеволод Сергеевич (1917 – 1995) – китаевед. Родился в пос. Пуры Забайкальской обл. Его отец, Сергей Афанасьевич Таскин, был известным политическим деятелем, дважды избирался в Государственную думу, был членом забайкальского правительства атамана Г.М. Семенова. В Маньчжурию прибыл с семьей в 1919 г. Окончил гимназию в Харбине (1933), восточно-экономическое отделение Юридического факультета в Харбине (1937). С 1937 по 1941 гг. служил чиновником контрольного отдела Пошлинного бюро в Харбине. В 1941 – 1945гг. – служащий фанерного завода в Харбине. С приходом Красной армии в Харбин в августе 1945 г. работал как переводчик. С 4 октября 1945 – переводчик правления КЧЖД (отдел переводов) в г. Чанчуне (оклад 3 тыс. гоби). В ноябре 1945 г. подал заявление в Генеральное консульство в Харбине на восстановление в правах гражданства СССР. С 25 декабря 1946 г. был прикомандирован к службе эксплуатации КЧЖД старшим переводчиком (оклад 855 юаней). Был уволен по собственному желанию с 1 октября 1947 г. со службы на КЧЖД. Работал в Торгпредстве Харбина . В 1954г. репатриировался в Казахстан. В 1957 – 1961 гг. работал научным сотрудником Института китаеведения, с 1961 г. – в Институте востоковедения РАН СССР. Автор многих научных работ.

88. Толмачев Владимир Яковлевич (1876 – 1942) – археолог, экономист. Уроженец Пермской губернии. Дворянин. Окончил гимназию в Екатеринбурге, физико-математическое отделение Санкт-Петербургского университета и Археологический институт в Санкт-Петербурге. Участник русско-японской и Первой мировой войн. С 1907 г. работал в Крестьянском поземельном банке, изучал древности в Пермской губернии. С октября 1917 г. – в Екатеринбурге. С сентября 1919 г. – в Чите. В 1923 г. перебрался в Харбин. Читал лекции на педагогических курсах. С 1 июля 1924 г. был зав. торгово-промышленным отделом музея ОИМК, занимался археологическими раскопками. Жена – Екатерина Петровна, дочь Елена (1918 г. р.), сын Алексей (1920 г. р.). В 1925 г. подал заявление на восстановление советского гражданства. Получил паспорт СССР № 4702 от 31 июля 1925 г., выданный генконсульством СССР в Харбине. С 1 января 1926 г. устроился на КВЖД временным хранителем тарифно-показательного музея при коммерческой части (оклад 150 руб. в мес.). В 1926 г. числился сотрудником Академии истории материальной культуры в Ленинграде (быв. государственная императорская археологическая комиссия). В 1927 г. был командирован в Дайрен на съезд научных работников Дальнего Востока. Остался работать во время советско-китайского конфликта. В 1932 г. от скарлатины умер

сын Алексей. Ему было выдано свидетельство о смерти отделом ЗАГС генконсульства СССР в Харбине и выплачено 8 руб. от КВЖД на погребение. Преподавал в техникуме КВЖД для детей граждан СССР. В коммерческой части работал до марта 1935 г., получил денежные выплаты в размере 2 806,10 руб. (4 550 гоби). Остался в Харбине. В 1936 г. переехал в Шанхай. Преподавал, занимался живописью.

89. Тыкоцкий Борис Николаевич (1895 – 1962) – офицер. Родился в Уфе, в семье чиновника. Окончил Самарское реальное училище (1915), Виленское военное училище (1916), офицерскую инженерную школу в Томске (1919). Участник Первой мировой войны. В 1918 – 1922 гг. служил в белой армии, «каппелевец», штабс-капитан. В Маньчжурию прибыл из Владивостока 26 апреля 1923 г. Жена Юлия Ивановна (1899 г. р.), сын Георгий (1924 г. р.). В 1923–1925 г. служил разносчиком газеты «Копейка», давал частные уроки. В 1926 г. работал швейцаром в гостинице, занимался конторским трудом в частных предприятиях, стал изучать граверное дело. В 1927 по 1945 г. работал гравером. 22 февраля 1945 г. поступил на службу в продуктовый магазин отдела снабжения БРЭМ заведующим лавкой. В 1945 г. с приходом Красной армии в Харбин возобновил ремесло гравера. В 1946 г. получил советский загранвид № 024102/ГХР 11464 от 20 марта 1946 г., выданный Генконсульством СССР в Харбине. В 1948 г. был принят на КВЖД старшим рабочим в Харбинскую городскую жилищно-ремонтную контору службы пути КЧЖД., в 1950 г. стал десятником. Вернулся в СССР в 1955 г. с семьей, жил в Екатеринбурге.

90. Устрялов Николай Васильевич (1890–1937) — общественный и политический деятель, профессор права, публицист и идеолог сменовеховского движения. Окончил гимназию в Калуге и юридический факультет Московского университета (1913). Приват-доцент Московского университета, с 1918 г. – Пермского университета. В 1919 г. – юрисконсульт Совета министров, потом директор пресс-бюро в Омском правительстве А.В. Колчака. Женат с 1918 г. церковным браком. Жена – Наталья Сергеев на (1896 г. р.), дети Евгений (1923 г. р.) и Сергей (1924 г. р.). С 1920 г. — в Харбине. Преподавал на Юридическом факультете, в Японо-русском институте. С 27 февраля 1925 г. — и.о. начальника Учебного отдела КВЖД (оклад 6 тыс. руб. в год) и одновременно и.о. директора Харбинских коммерческих училищ. С 1 января 1928 г. директор Центральной библиотеки КВЖД (оклад 4200 руб. в год). Получил советский паспорт № 3390, выданный Генеральным консульством СССР в Харбине 2 мая 1925 г. Ему был выделен особняк площадью 189, 6 кв. м. Летом 1925 г. выезжал в командировку в Москву, Ленинград, Ярославль и Калугу с «целью практического ознакомления с постановкой педагогического дела в школах и культ-просвет учреждениях». Сотрудничал с просоветскими издания-

ми: «Новости жизни», «Герольд Харбина», «Вестник Маньчжурии». Во время советско-китайского конфликта 15 июля 1929 г. был уволен со службы, затем 1 января 1930 г. восстановлен в должности. Во время конфликта освободил особняк. После конфликта в мае 1930 г. ему был выделен особняк меньшей площади 106, 75 кв.м., который он освободил 15 июня 1931 г., так как построил в Харбине двухэтажный дом. После продажи КВЖД в 1935 г. ему были выписано заштатное пособие – 15551,56 руб. (25434 гоби). В мае 1935 г. он вместе с женой и детьми выехал из Маньчжурии в СССР. Ему было предложено прочитать курс экономической географии в МИИТе весной 1936 г., но позже отказали в этом, как «чуждому элементу». Писал статьи для советских газет. 6 июля 1937 г. был арестован, 14 сентября 1937 г. расстрелян.

91. Федосеев Николай Константинович (1887 – после 1935) – экономист, статистик. Окончил реальное училище в Барнауле и юридический факультет Санкт-Петербургского университета (1912). В 1907 – 1911 г. – статистик и зав. статистическим отрядом Министерства земледелия в Санкт-Петербурге и Акмолинской и Семиреченской областях. В 1912 г. - статистик-экономист по разработке коммерческой стороны проекта Южносибирской железной дороги. В 1913 – 1914 г. – зав. статистическим отделом министерства земледелия. В 1915 – 1916 г. – нач. отдела перевозок Управления главноуправляющего министерства земледелия по продовольственной армии в Петрограде и член распорядительного комитета по перевозкам. В 1917 г. – ст. инспектор министерства продовольствия в Западной Сибири. Помощник управляющего делами Совета министров, заведующий общей канцелярией (ноябрь-декабрь 1918 г.) и директор отдела колонизации министерства земледелия (с 13 декабря 1918 г.) правительства адмирала А.В. Колчака. С 1920 г. в Харбине. В 1921 – 1922 гг. ст. агент Экономического бюро КВЖД. В 1923 – 1924 гг. – контролер доходного отдела контроля КВЖД. С 18 октября 1924 г. откомандирован в распоряжение Управляющего дорогой, назначен и.о. ст. коммерческого агента и вр.и.д. пом. начальника коммерческой части (оклад 5 400 руб. в год). Подал заявление о восстановлении советского гражданства. 20 октября 1927 г. был отстранен от должности «за несостояние в гражданстве СССР или Китая», т.к. Правительством СССР его ходатайство было отклонено. Жил случайными заработками. В 1935 г. зарегистрировался в БРЭМ.

92. Христолюбов Георгий Дмитриевич (1892 –1937) – железнодорожник, машинист. Уроженец Вятской губернии. Получил домашнее образование. С 1915 по 1920 г. служил на КВЖД в службе тяги пом. машиниста, потом на частной службе. Жена – Адель Каетановна Лепешинская (1908 г. р., полька), дочь Галина (1929 г. р.). В 1925 г. подал за-

явление на восстановление советского гражданства. Получил паспорт СССР № 0122 от 16 декабря 1925, выданный консульством СССР в г. Цицикар. Устроился на КВЖД с 12 декабря 1927 г. пом. делопроизводителя тарифно-распорядительной части коммерческой службы (оклад 1500 руб. в год). Во время конфликта 12 июля 1929 г. уволен от службы, восстановлен 31 декабря 1929 г. С 1 февраля 1930 г. стал делопроизводителем (оклад 2400 руб. в год). 1 мая 1931 г. уволен со службы по болезни, но оставлен в коммерческой службе на поденной работе на месяц (оклад 6 руб. в день). 26 мая 1931 г. уволен за миновании надобности. Выехал в Хабаровск. Работал инженером паровозной службы управления железных дорог. Получал пенсию от КВЖД: первоначально было насчитано 539, 87 руб. в год, потом пенсия через суд была пересмотрена – 337, 39 руб. в год. В доверенности на получение пенсии и прочих выплат от КВЖД на имя Генконсула СССР М.М. Славуцкого от 27 июня 1935 г. называл себя и.д. машиниста службы тяги. Пенсию ему переводили в ам. долларах на Торгсин в Хабаровске. Был арестован и расстрелян в Хабаровске 20 июля 1937 г. Жена осуждена как ЧСИР, освободилась в 1945 г.

93. Чиркин Василий Гаврилович (1882 – 1954) – партийный и профсоюзный деятель. Родился в крестьянской семье. Окончил народный университет им. Шанявского в Москве. С 17 лет работал на металлообрабатывающих заводах на юге России. С 1905 г. – член 1-го петербургского совета рабочих депутатов. Состоял в правлении союза металлистов с 1906 г. Член РСДРП. В 1918 г. участвовал в работе съезда ВЦСПС, где избран тов. председателя, потом председателем Совета. В 1918 г. командирован на Украину председателем Украинского Центросоюза, с 1922 г. – в НКПС, председатель правления Северных железных дорог. Для изучения заграничного транспорта был командирован за границу как представитель НКПС по размещению и исполнению заказов для железных дорог. Работал в Берлине. 1 октября 1928 г. был назначен товарищем председателя правления КВЖД вместо умершего М.М. Лашевича (оклад 21 тыс. руб. в год). Прибыл в Харбин 28 октября 1928 г. Занимал особняк площадью 487, 96 кв. м. Отозван из состава правления КВЖД 23 июля 1929 г. Ему были выданы обратные подъемные деньги 2625 руб.

94. Чупин Александр Константинович (1903 – после 1938) – железнодорожник. Родился в Харбине, в семье служащего КВЖД, русский. В анкете указал: «Вне религии». Окончил гимназию в Харбине и 2 курса Дальневосточного университета во Владивостоке, был призван в Красную армию. В 1926 г. вернулся в Харбин. Получил паспорт СССР № 20772, выданный Генконсульством СССР в Харбине от 26 июня 1926 г. Был устроен на КВЖД в 1926 г. врио перронного контролера, с 1 февраля 1927 г. – временный конторщик (оклад 50 руб. в мес. и квартирные деньги). С 1 января 1928 г. оклад повышен до 100 руб.

в мес. С 16 февраля 1929 г. стал штатным таксировщиком тарифно-распорядительной части коммерческой службы КВЖД (оклад 1500 руб. в год). Во время советско-китайского конфликта 13 июля 1929 г. был уволен, 31 декабря восстановлен в должности. В апреле 1930 г. был отправлен в служебную командировку в Одессу в составе делегации от КВЖД на конференцию по прямому европейско-азиатскому сообщению. После чего отправился в Москву на совещание по прямому германо-литовско-латвийско-эстонско-китайско-японскому грузовому сообщению транзитом через СССР. Имел заграничный паспорт СССР № 195801-25501 от 31 мая 1930 г., выданный в Москве. Вернулся из командировки в июле 1930 г. Женился на Антонине Васильевне Колесниковой 25 октября 1930 г. (свидетельство о браке № 312 отдела ЗАГС генконсульства СССР в Харбине). В апреле 1931 г. получил квартиру от КВЖД площадью 71, 51 кв. м после уволенного коммерческого агента Б. Попова. В июне-июле 1931 г. был командирован в составе делегации от КВЖД в Токио. Служил до 1935 г. Выехал в СССР. Жил в Самаре, служил на железной дороге. Арестован в 1937 г. В1938 г. приговорен к 5 годам ссылки в Казахстан.

95. Чухманенко Иван Осипович (1886 – 1929) – партийный и общественный деятель. Украинец. До 1919 г. меньшевик, потом вступил в РКП(б). Председатель Доркома Юго-западной железной дороги. В 1917 г. член Викжеля. В 1919 г. один из первых председателей Киевского дорпрофсожа. В 1924 г. переведен на Дальний Восток, был председателем Дальбюро союза железнодорожников. В 1927 г. – председатель Дальбюро ЦК ВЦСПС. Назначен Правительством СССР членом правления КВЖД с 1 октября 1928 г. (оклад 10 тыс. руб. в год). С 23 апреля по 4 мая 1929 г. выезжал по делам службы в СССР. 30 апреля 1929 г. занял особняк № 819 по Большому пр. Харбина площадью 290, 93 кв. м, с утепленной верандой площадью 30, 91 кв. м, 2 флигеля 54, 26 кв. м и 88, 86 кв. м, включая гараж площадью 33, 86 кв. м после быв зам. товарища председателя Правления КВЖД А.И. Геккера (общая площадь особняка и служб 464, 96 кв. м). 4 июля 1929 г. он покончил жизнь самоубийством (выстрелил в себя из револьвера). Тело в срочном порядке вывезли 6 июля 1929 г. через ст. Пограничная. Советские газеты писали, что он «страдал сердечными припадками». Местная китайская пресса утверждала, что самоубийство Чухманенко находилось в связи с «некоторыми открытиями, сделанными китайцами» во время обыска в советском консульстве 27 мая 1929 г. Японская газета «Харбин Ници ници Симбун» от 6 июля 1929 г. утверждала, что Чухманенко должен был выехать в Москву, но его отъезду воспротивилась жена: «ссора и нервное состояние привели к самоубийству».

96. Шкуркин Павел Васильевич (1868 – 1943) – востоковед, литератор. Дворянин. Окончил Александровское военное училище (1888),служил на Дальнем Востоке. Окончил Восточный институт (1903). Участник русско-японской войны, штабс-капитан. В Харбине с 1913 г., служил на КВЖД. Преподаватель курсов китайского языка. Член Дальневосточного отдела Русского географического общества, Общества русских ориенталистов, ОИМК. С 1920 по 1926 гг. преподавал в 1-м Харбинском реальном училище, до 1928 г. – в Харбинском коммерческом училище. От первого брака имел сына Владимира (1900 г. р.). Развелся с первой женой в 1922 г. 10 сентября 1922 г. вступил в брак с Еленой Васильевной Ширяевой в Св. Иверской церкви в Харбине. Подал заявление о восстановлении советского гражданства. Зарегистрировал брак с Е.В. Шкуркиной в отделе ЗАГСа при Особоуполномоченном НКИД СССР в Харбине 4 января 1924 г. В марте 1924 г. получил паспорт СССР. 1 сентября 1928 г. уволился с КВЖД. Уехал к сыну в США. Жил в Сиэтле. Получал пенсию от КВЖД.

97. Штенгель Константин Антонович (1875 – после 1938) –инженер. Родился в Орловской губернии, православный, русский. Окончил Орловское реальное училище, императорское Московское техническое училище. В 1902 – 1903 гг. работал на Брянском заводе конструктором, затем на железных дорогах. В 1914 – 1917 гг. – на Омской железной дороге. В Харбин прибыл из Петрограда в 1917 г. для сборки паровозов серии Е («декапод»), заказанных в США и прибывших в Харбин в Главные механические мастерские для сборки. На КВЖД служил с 1920 г. инженером технического отдела Правления КВЖД. Жена Ольга Ивановна, дочери Ирина и Татьяна. В 1925 г. подал заявление о восстановлении советского гражданства. Получил советский паспорт № 26119 от 4 мая1928 г., выданный Генконсульством СССР в Харбине. Служил в правлении КВЖД до продажи дороги в 1935 г. Получил огромную сумму денежных выплат – 34 468,80 зол. руб. (56 122,77 гоби). После продажи дороги 14 июня 1935 г. уехал из Харбина в Дайрен. Подал заявление на переход в эмигрантское состояние. Жена Ольга Ивановна, дочери Ирина и Татьяна.

98. Штраус (фон Штраус) Юрий Адольфович (Петр Васильевич Машуков, 1892 – 1963) – журналист. Родился в Москве, в семье профессора Московской консерватории. С 1907 г. работал в московских и петербургских газетах «Голос Москвы», «Утро России», «Русское слово», «Новое время». Участник Первой мировой войны. Первая жена – Зинаида Сергеевна, дочь Елена (1918). Весной 1918 г. выехал в г. Бирск с чужим паспортом (на имя гражданского инженера Петра Васильевича Машукова). С первой беженской волной через Уфу, Оренбург, Челябинск попал в Омск, где был мобилизован правительством ад-

мирала А.В. Колчака и, как журналист, прикомандирован для работы в газете «Русская армия». В июле 1919 г. был командирован во Владивосток для закупки шрифтов и бумаги, причислен к штабу Приамурского военного округа, работал в газете «Новый путь». В феврале 1921 г. получил приглашение выехать в Харбин. Получил в 1922 г. паспорт ДВР, затем РСФСР, СССР на имя П.В. Машукова. Имел китайский паспорт на имя Ю.А. Штрауса. Работал в просоветской газете «Новости жизни» в качестве зав. редакцией, секретаря, сотрудника, корреспондента – до закрытия газеты в июне 1929 г., также был редактором газеты «Молва». Член профсоюза «Полиграф». Во время советско-китайского конфликта в июле 1929 г. был арестован на ст. Лашагоу и освободился лишь «путем взятки местным полицейским властям». После конфликта до весны 1931 г. работал в просоветской газете «Герольд Харбина». Затем, устраиваясь в газету «Заря», заявил о переходе в эмигрантское состояние. Советский паспорт, профсоюзную книжку и прочие документы уничтожил в 1929 г. В апреле 1937 г. был переведен издательством «Заря» в г. Тяньцзин, свыше года занимал должность секретаря редакции в газете «Наша заря». Ввиду прежней работы в просоветских периодических изданиях, Антикоммунистический комитет Тяньцзиня отказался пролонгировать ему эмигрантский паспорт. В 1938 г. переехал в Шанхай. До июня 1940 г. работал в газете «Шанхайская заря», потом в газете «Дальневосточное время». В мае 1941 г. основал еженедельный журнал «Сегодня», выходивший с небольшими перерывами до весны 1946 г. 20 мая 1943 г. возбудил ходатайство о восстановлении советского гражданства. С 1943 г. работал в издательстве «Эпоха» (до 1953 г.), редактор газеты «Новости дня», потом «Новая жизнь». Паспорт СССР № 144/ГКШ-146 получил после войны в генконсульстве СССР в Шанхае 17 апреля 1947 г. С мая 1946 г. женат на Ирине Николаевне Оводовой. 15 апреля 1955 г. уехал из Шанхая в СССР. Жил в Ташкенте.

99. Якшин Александр Алексеевич (1892 –1938) – юрист. Родился в Москве. Окончил юридический факультет Московского университета (1916). Судебный следователь окружного суда во Владивостоке. С 1922 г. в Харбине. Был монархистом – легитимистом. Женат на Ксении Николаевне. В 1926 г. брак был расторгнут решением Харбинского епархиального совета от 3 августа 1926 г. Вторая жена – Александра Харитоновна (1906 г.р.), дочь Алла (1927 г.р.). С 1 ноября 1922 г. был принят на КВЖД агентом Экономического бюро. С 25 августа 1923 г. – делопроизводитель службы эксплуатации (оклад 2400 руб. в год). С 1 января 1926 г. – зав. личным составом службы эксплуатации (оклад 2700 руб. в год). 2 августа 1927 г. был уволен от службы вследствие «бесподданства» (приказ по личному составу № 84). Подал ходатайство о восстановлении советского гражданства (квитанция № 3663 от 12 сентября 1927 г., выданная генеральным консуль-

ством СССР в Харбине). 21 сентября 1927 г. был издан другой приказ № 116, отменяющий приказ № 84. С 14 сентября 1927 г. он вновь принят на КВЖД и.о. коммерческого агента коммерческой части (оклад 2700 руб. в год). С 1 февраля 1929 г. – зав. таможенными операциями (оклад 3 тыс. руб. в год) Во время советско-китайского конфликта 1929 г. остался работать. В 1930, 1931, 1933 г. выезжал в командировки на ст. Пограничная, Маньчжурия по таможенному делу. В 1934 г. получил квартиру от дороги площадью 91 кв. м на ул. Почтовой. После продажи КВЖД выехал в СССР. Жил в Воронеже, переехал в Чимкент. Работал юристом-консультантом. Арестован в 1937 г., расстрелян в 1938 г. Жена получила 10 лет ИТЛ.

100. Яшнов Евгений Евгеньевич (1881 – 1943) – экономист-статистик, поэт. Родился в Нижегородской губернии в крестьянской семье. Православный. Окончил Ярославское городское училище (1897). Увлекся политикой, вступил в партию эсеров. Был неоднократно арестован. С 1902 по 1904 гг. находился в ссылке в Вологде. В 1905 г. переехал в Санкт-Петербург. Занимался литературным трудом, печатался в газетах «Новости жизни», «Товарищ», «Голос», «Волна» и др. С 1908 г. – статистик Переселенческого ведомства в Ташкенте и в Самарском губземстве. В 1915 – 1917 гг. – статистик в Министерстве продовольствия в Петрограде. В 1918 г. – уполномоченный Председателя Совета министров Временного Сибирского правительства (Омск). Зав. статистического комитета по внешней торговле. В 1919 – 1920 гг. – консультант ведомства финансов при правительстве Антонова во Владивостоке. С 1921 г. в Харбине, служил на КВЖД старшим агентом Экономического бюро (оклад 3 тыс. руб. в год), был близок к сменовеховству, входил в устряловский кружок. В 1925 г. подал ходатайство о принятии советского гражданства (имел квитанцию № 4342). Паспорт СССР № 25449 был выдан в 1928 г. генеральным консульством СССР в Харбине. За работу «Китайское крестьянское хозяйство в Северной Маньчжурии» был удостоен в 1928 г. малой серебряной медали Русского географического общества. Женился церковным браком в 1928 г. на Любови Георгиевне (1885 г.р.). Во время советско-китайского конфликта остался работать. 16 октября 1934 г. уволился со службы по болезни. С 1934 г. «порвал с советскими кругами». Осенью 1935 г. переехал в Тяньцзин, потом в Пекин и в 1938 г. в Шанхай.